
1853
ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ
ПАНТЕОНЪ
№ 9.
СЕНТЯБРЬ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
PATKE. ep.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КТО КОГО ПРОУЧИЛЪ? Комедія съ куплетами въ одномъ дѣйствіи, графини *Е. П. Ростопчиной*.

ЗАПРЕТЪ НА ИМЯ. Быль, очень похожая на сказку. *М. И. Воскресенскаго*.

II. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ВИЛЬЯМЪ ГОГАРТЪ И ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. *Статья вторая и послѣдняя.*

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Французскіе спектакли съ 1 іюня по 15 сентября. — Каменноостровскій театръ и лѣтніе спектакли.—Природа и искусство.—Г. Невиль и его дебюты.—*Сѣдой волосъ* и драматическія пословицы Октава Фелье.— *Понедѣльники*. — Прощаніе гг. Руже и Готи съ петербургскою публикою.—Бѣгство г. Бертона.—Дебюты г. Тестара.—Водевили.—*Деревня*. — Мысль и исполненіе этой пьесы.—Еще драматическія пословицы и водевили.—Г. Леонъ. — *Филиберта*. — Значеніе этой комедіи. — Возможенъ ли характеръ Филиберты? — Стихи Эмиля Ожье.—*Канадаръ отецъ и сынъ*.—Дебюты г-жи Поль Эрнестъ. — Пьеса, основанная на табакѣ.—*Незабвенныя воспоминанія*.—*Чего хочетъ женщина*. — *Извощикъ Жанъ* и бульварныя драмы.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Вмѣсто предисловія. — *Харьковскій театръ*: Кто правъ, кто виноватъ? — Ни слова о спектакляхъ, но довольно о Г. Н. — Новости Харьковскаго театра. — Отливъ и приливъ дѣятелей. — *Одесскій театръ*.—Два слова о столичныхъ гостяхъ.—Театръ въ *Кіевѣ* и *Екатеринославлѣ*.

IV. СМѢСЬ.

1. **Александръ Кастренъ и его путешествія.** Статья первая. *В. И. Перекрестова*.
2. **Южный полюсъ.** Изъ записокъ бывшаго морскаго офицера. *П. М. Новосильскаго*.
3. **Записки араба Фаталлы Сегира.** Изданныя *А. Ламартиномъ*.
5. **Какъ иногда расходятся свадьбы.** Разсказъ *М—а*.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА.—Оливеръ Гольдсмитъ.—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.**—Испанская народная драма.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.**—Солнце-живописецъ *(исторія дагерротипа и фотографіи)*.—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.**—Финики и фіялки *(разсказъ Леона Гозлана)*. — Двѣ знаменитыя собаки Безерильо и Леонсильо. — Три портрета Абдель-Кадера. — Еще анекдотъ о движеніи неодушевленныхъ предметовъ.—Сенъ-Адрессъ.—Шмидтъ-живописецъ ножницами.—Пароходы на Миссисипи.— Асторъ.— Орландъ де-Лассю.— Мечта госпожи де-Севинье.—Тайна нотаріуса.—Необыкновенное завѣщаніе.— Ловля тюленей въ нынѣшнемъ году.—Овощи въ Лондонѣ. — Быстрота парусныхъ судовъ.—Эоиръ вмѣсто паровъ.— Свадьба черезъ книгу.—Восточный оселъ.—Законы туалета.—Самое старое дерево въ свѣтѣ.—Путешествіе Александра Дюма въ Англію *(отрывокъ)*.—Открытіе привидѣнія *(разсказъ)*.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ:

«Князь Василій Сицкій». Романъ изъ временъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Изданіе *П. Г. Кузнецовой*. Три части.

«Капитанъ Симонъ». Романъ *Поля Феваля*. Переводъ съ французскаго.

«Руководство къ распознаванію, леченію и предохраненію себя отъ болѣзней, происходящихъ отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни, составленное для образованнаго класса людей». Соч. *Х. Ипоевса*.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Переѣздъ съ дачъ и загородье осенью. — Эпилогъ лѣтняго сезона. — Темнота въ садахъ и балы съ иллюминаціей. — Новое изданіе одной изъ арабскихъ сказокъ, въ картинѣ безъ текста. — Поздній и неудачный пріѣздъ графа Монте-Кристо. — Кометы, старая и новая — Сентябрская гроза и буря. — Поэтъ и критикъ. — Невскій-проспектъ и Пассажъ. — Магазины вообще и книжные въ особенности. — Опера, балетъ и драматическіе театры.— Рашель, Лагранжъ, Кальцолари и Роза Гиро.

V. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 9.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ. Комедія-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ. Соч. *Г-жа Тальцевой*.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — ОТСУТСТВУЮТ

1. Портретъ знаменитаго пѣвца *Лаблаша*.
2. Музыка: **«ДВА ПРОЩАНЬЯ»**, романсъ, слова Кольцова, музыка *А. Дюбюка*.

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

Инв 40447
1853.
7065

ТОМЪ XI.

СЕНТЯБРЬ — КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 30-го 1853.

Цензора: *Н. Пейкеръ*.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КТО КОГО ПРОУЧИЛЪ?...

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Графини Е. Ростопчиной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА ЧЕРНИЦКАЯ, молодая вдова.
ТЕТУШКА ЮЛІЯ РОМАНОВНА, старая дѣва.
ГРАФЪ ЗВОНСКІЙ.
ТЕНОРСКІЙ, художникъ.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, на Черной рѣчкѣ.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА М. С. ПОКРОВСКАГО

Утро. Дача на Черной рѣчкѣ; садикъ, въ которомъ разставлены чугунные диваны и кресла, много цвѣтовъ, столъ; съ одной стороны балконъ дачи, занимаемой Черницкою, съ другой калитка, ведущая въ садикъ графа; въ глубинѣ рѣка и дверь съ набережной. Елена Петровна сидитъ на диванѣ съ одной стороны сцены, графъ развалился въ креслахъ съ другой; при поднятіи завѣсы, оба громко и продолжительно зѣваютъ.

—

I.

ГРАФЪ. А... ахъ! что это сегодня такъ жарко!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Жарко, вы сказали?.. Напротивъ, по мнѣ такъ что-то холодно... Вѣтеръ съ моря... Можетъ-быть даже и ледъ не совсѣмъ еще прошелъ съ Ладожскаго озера и теперь наноситъ намъ эту тяжелую погоду.

ГРАФЪ. Помилуйте!.. У насъ сегодня 27-е іюня, а ледъ проходитъ всегда въ половинѣ мая, или много, много къ его концу (*молчаніе*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*опять зѣвая*). 27 іюня?.. Уже?.. Я и не воображала, что такъ поздно... Стало быть, скоро 1-е іюля, день гулянья въ Петергофѣ... А будетъ ли тамъ въ нынѣшнемъ году праздникъ?

ГРАФЪ. Еще не объявлено... да и въ городѣ никто о томъ не знаетъ... кто говоритъ да, кто говоритъ нѣтъ—не разберешь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. А вы какъ полагаете?

ГРАФЪ (*опять зѣвая разсѣянно*). Я?.. я ничего не полагаю... а впрочемъ, скорѣе готовъ думать, что нѣтъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Нѣтъ?... не будетъ? Почему?

ГРАФЪ. Да такъ, мнѣ кажется... вотъ и все..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Ахъ, какъ жаль!

ГРАФЪ. Жаль?.. Вамъ-то что... неужели вы такъ любите гулянья?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Не всѣ, но этотъ праздникъ имѣетъ какую-то особенную прелесть и грандіозность... По-крайней-мѣрѣ, тамъ забываешь скуку, чувствуешь, что живешь.

ГРАФЪ. А усталость?.. а пыль, а давка—развѣ вы ихъ считаете за ничто?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*пожимая плечами*). Вы забыли прибавить — день безъ обѣда, или съ обѣдомъ налегкѣ, не въ пору, безъ обыкновенныхъ гастрономическихъ утонченностей?.. вѣдь это для васъ чувствительнѣе всего?..

ГРАФЪ. Правда!.. Я человѣкъ положительный, составленный изъ привычекъ и связанный ими; я дорожу своимъ комфортомъ .. я люблю свой уголокъ... Всѣ шумныя веселости, блестящія удовольствія хороши только на одинъ разъ, пока новы; посмотришь, полюбуешься, и любопытство утолено.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Развѣ все хорошее и пріятное въ жизни хорошо и пріятно только на одинъ разъ? Развѣ умъ и сердце человѣческіе такъ тѣсны и бѣдны, что ихъ недостанетъ на отрадное впечатлѣніе, когда оно повторено?..

ГРАФЪ. Развѣ умъ и сердце участвуютъ въ удовольствіи, доставленномъ намъ какимъ бы то ни было гуляньемъ? Развѣ серьозный человѣкъ дастъ свѣтскимъ удовольствіямъ и вообще свѣту самому что-нибудь больше, чѣмъ свое любопытство и свой досугъ?.. Развѣ не должно приберегать умъ и сердце для своей внутренней жизни, для домашняго счастія, для отношеній, обязанностей и чувствъ, которыми наполняется и осмысливается наше существованіе?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*иронически*). Иные такъ удачно приберегаютъ свое сердце, что оно никогда въ нихъ и не выскажется и не покажется, а на свой умъ они скупы, вѣроятно потому, что никого дойстойнаго около себя не находятъ, съ кѣмъ бы имъ подѣлиться!..

ГРАФЪ. Иронія?.. должно быть на мой счетъ...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Почему же иронія?.. Общее замѣчаніе, афоризмъ!..

ГРАФЪ. Общія замѣчанія у женщинъ всегда относятся исключительно къ чьей нибудь личности. Афоризмы у нихъ выраженіе какой-нибудь мысли, которую онѣ не хотятъ объяснить вполнѣ, но желаютъ передать косвенно, намекомъ... Намекъ былъ направленъ на меня. Я принимаю его по адресу!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Можете... я не оправдываюсь!

ГРАФЪ. Признаться, было бы мудрено! (*снова молчаніе; Елена Петровна принимается курить папироску*).

ГРАФЪ (*вставая и подходя къ ней*). Позвольте вашего огня?.. (*закуриваетъ свою сигару у ея папироски*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Моего огня?.. Это что?.. То же иронія?..

ГРАФЪ. Боже мой! слова нельзя сказать, чтобъ вы къ нему не придрались!.. На васъ сегодня не угодишь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Не всегда ли вы упрекаете меня въ излишней пылкости, въ моей восторженности и пламенности? Что жъ мудренаго, что слова (*вашъ огонь*) показались мнѣ новою нападкою? (*вздыхая*) Я къ нимъ привыкла.

ГРАФЪ. Какое смиреніе! А между-тѣмъ, разсердившись за этотъ несчастный и неумѣстный огонь, о которомъ я упомянулъ, право, совершенно безнамѣренно, вы еще разъ доказали... (*останавливается*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Доказала?.. ну, что же?.. договаривайте, ради Бога, что я доказала?..

ГРАФЪ. Сколько огня въ васъ самихъ, потому-что онъ вспыхиваетъ отъ одной искры...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*сердито*). Ахъ, опять!.. Увольте, пожалуйста, отъ всѣхъ этихъ насмѣшекъ!.. ужъ и безъ того мнѣ ужасъ какъ скучно!.

ГРАФЪ. Вамъ всегда скучно! Я это слышу отъ васъ сто разъ на день... Ужели вамъ и вправду такъ скучно?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ досадою*). Скучно!.. скучно! скучно!.. День ото дня скучнѣе и тошнѣе!..

ГРАФЪ (*флегматически*). Отчего?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*вскакивая съ волненіемъ*). Не отчего?.. спросите лучше отъ кого?..

ГРАФЪ (*спокойно*). И спрашивать не стану!. Очевидно, что тоже отъ меня, потому-что вы каждый день *меня* видите, и никого такъ часто не видите, какъ меня.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Слава Богу, догадались!.. Ну, да!.. мнѣ скучно, потому-что я только и вижу предъ глазами вашу скучную и скучающую физіономію... только и слышу, что ваши рѣчи, насквозь пропитанныя скукою, и ваши разсужденія, въ которыхъ опять дышитъ эта вѣчная, убійственная скука! Никакая веселость, никакое хорошее расположеніе не устоитъ противъ васъ!.. Отъ васъ такъ и вѣетъ холодомъ: вы меня живую заморозили.

ГРАФЪ (*очень хладнокровно*). Долгъ платежемъ красенъ!.. Я нахожу въ васъ слишкомъ много огня; вы упрекаете меня за мою холодность... Знаете, однако, что вѣдь это все-таки симпатія между-нами. Да, самая глубокая симпатія, я не шучу!.. И какъ ни парадоксально кажется вамъ сначала мое предложеніе, вы увидите, какъ оно справедливо, когда я вамъ его разовью. Да, у одного изъ насъ двухъ преобладаетъ то, чего именно недостаетъ у другаго. Въ васъ огонь,

чтобъ разогрѣть мою холодность, во мнѣ ледъ, чтобъ погасить въ васъ излишнюю пылкость... Мы съ вами двѣ силы, одна отрицательная, другая положительная; соединенныя вмѣстѣ онѣ даютъ нѣчто цѣлое, полное единства и гармоніи. Вдвоемъ мы пополняемъ одинъ другаго!.. (*Елена Петровна дѣлаетъ знакъ отрицанія*) Вы не находите?.. напрасно!.. По моему, честное слово, — мы созданы другъ для друга, — вы для меня, я для васъ!.. (*Елена Петровна отворачивается съ досадою*) А, вы отъ меня отвернулись... за что же?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Отвяжитесь... вы надоѣли мнѣ!!.

ГРАФЪ (*низко кланяясь*). Покорно благодарю!.. Но вѣдь это тоже не новость! Ровно въ десятый разъ сегодня слышу я отъ васъ эту любезность, и вы мнѣ ее столько же разъ, если не больше, скажете до вечера. Такъ бываетъ всякій день! Это ужъ въ домѣ вашемъ принятый обычай!.. А такъ-какъ я три года постоянный посѣтитель вашего дома, то не угодно ли вамъ самимъ сосчитать, сколько разъ въ жизнь мою я слышалъ отъ васъ эти слова: вы мнѣ надоѣли!.. мнѣ съ вами скучно!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. И считать не стану, не-зачѣмъ, — не довольно занимательно!.. Видно, однако, слишкомъ мало еще твердила и повторяла я эти истины, потому-что...

ГРАФЪ. Потому-что я все здѣсь и до-сихъ-поръ продолжаю надоѣдать вамъ?.. То ли вы хотѣли сказать, Елена Петровна?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*молчитъ, глядя на него пристально*).

ГРАФЪ. Молчаніе значитъ согласіе!.. Вы согласны въ томъ, что мнѣ давно слѣдовало бы понять вашу волю и избавить васъ отъ моей особы и моего присутствія?.. Повинуюсь!.. (*беретъ свою шляпу, идетъ къ дверямъ сада и снова возвращается*) Я ухожу, Елена Петровна... Прощайте!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Прощайте!

ГРАФЪ. Стало-быть, вы меня гоните?.. Но вѣдь это только лишній трудъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Что это значитъ?

ГРАФЪ. Завтра, не позже какъ завтра, вы же за мною пришлете, я это заранѣе предвижу.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Каково самолюбіе!!.

ГРАФЪ. Развѣ этого не случалось нѣсколько разъ?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Положимъ, что я бы и прислала за вами, что это доказываетъ?.. что вы мнѣ нужны, чтобъ достать ложу, или перемѣнить книги...

ГРАФЪ. Зачѣмъ бы то ни было, а все-таки я бы вамъ пригодился,

Я вашъ фактотумъ и разсыльный; вамъ безъ меня не обойтись, никакъ не обойтись! Такъ не лучше ли мнѣ не уходить, чтобъ не причинять себѣ и вамъ двойныхъ хлопотъ: мнѣ отправляться, разсердившись, а вамъ посылать за мною, чтобъ помириться?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Несносный, сто разъ несноснѣйшій человѣкъ!.. Сердитъ меня, бѣситъ, какъ ребенка, а самъ притомъ остается спокоенъ и невозмутимъ, какъ сфинксъ египетскій предъ порывами самума!..

ГРАФЪ. Несносенъ, скученъ, неуклюжъ и тяжелъ, все, что вамъ угодно, но я безъ васъ, и вы безъ меня жить не можемъ!.. Намъ ужъ такъ предопредѣлено!.. Мы во вѣкъ не разстанемся. Мое мѣсто здѣсь, при васъ. Моя цѣль въ мірѣ—служить и угождать вамъ во всю жизнь мою. (*опять садится*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*подходя къ нему*). Во вѣкъ не разстанемся?. Вотъ это я люблю! Точно будто не въ моей волѣ разстаться съ вами?..

ГРАФЪ (*отрицательно, но спокойно качая головою*). Не думаю, Елена Петровна!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вотъ забавно!.. А развѣ я не могу уѣхать?..

ГРАФЪ. Куда? желалъ бы знать?.. Куда бы вы ни поѣхали, я вездѣ васъ отыщу, вездѣ имѣю право васъ найти, исключая вашей Тамбовской деревни, а туда вы ни за что на свѣтѣ не рѣшитесь заглянуть, хоть бы васъ преслѣдовали всѣ докучливые и всѣ несносные люди цѣлаго свѣта!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я могу уѣхать дальше... за границу!..

ГРАФЪ. Вы очень увѣрены, что я сяду на одинъ и тотъ же пароходъ, если вы отправитесь моремъ, или покачу за вами въ тотже часъ, если вы изберете сухопутный трактъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я могу умереть, — тогда вы поневолѣ останетесь жить, и должны будете обойтись безъ меня!

ГРАФЪ. Нисколько! Для кого и для чего мнѣ жить тогда? Я непремѣнно умру вслѣдъ за вами.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*топая ногою*). Наконецъ... я могу... да!.. я могу выйти замужъ!..

ГРАФЪ (*съ веселымъ видомъ*). Тогда, тогда-то я буду совершенно счастливъ и доволенъ!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ величайшимъ удивленіемъ*). Какъ-такъ?..

ГРАФЪ. Если вы рѣшитесь, наконецъ, выйти замужъ, то за кого же, какъ не за меня?.. Я и сомнѣваться въ томъ не могу!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. За васъ?!. Вотъ это я люблю!.. Это ужъ верхъ самоувѣренности и дерзости!.. Вы думаете, что я непремѣнно должна

выйти за васъ, какъ-будто весь родъ человѣческій вымеръ на землѣ, какъ будто мнѣ не остается другаго выбора? Развѣ вы альфа и омега моей судьбы, и кромѣ васъ никто не захочетъ быть моимъ мужемъ?..

ГРАФЪ. Я не то хотѣлъ сказать; я слишкомъ хорошо знаю, что около васъ много искателей и вздыхателей; но вы сами не предпочтете мнѣ никого изъ нихъ, и выберете все-таки меня, самаго вѣрнаго и надежнаго, также какъ самого преданнаго вамъ между ними.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Слушаю и не вѣрю ушамъ своимъ! Такія понятія превышаютъ всякую мѣру позволеннаго самолюбія... я желала знать, на чемъ основывается такое мнѣніе?

ГРАФЪ (*вставая лѣниво*). Елена Петровна, я слишкомъ давно васъ знаю, слишкомъ внимательно слѣдилъ за вами, чтобъ питать къ вамъ полное уваженіе, и на этомъ уваженіи основана моя увѣренность.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Дальше...

ГРАФЪ. Вы самая разсудительная женщина, (что нисколько не мѣшаетъ вамъ быть притомъ самой капризной. А такъ-какъ разсудительная женщина выбираетъ себѣ въ мужья того, кто болѣе другихъ ея достоинъ, кто лучше другихъ способенъ составить ея счастіе, то могу ли я опасаться кого-нибудь изъ моихъ соперниковъ? Выслушайте меня, вы тотчасъ же со мною согласитесь. Сборовъ, мой двоюродный дядя и вашъ усердный поклонникъ, уничтоженъ вами и любовью; онъ богатъ, знатенъ, достоинъ всякаго уваженія, но слишкомъ старъ для васъ!.. Вы за него не пойдете!.. Каммеръ-юнкеръ, этотъ блестящій мотылекъ нашихъ гостиныхъ, милъ, любезенъ, очарователенъ, но слишкомъ молодъ! Вы не захотите ввѣрить свою участь его легко-кружимой головѣ!. Князь славный малый, благородный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ... какъ бы это выразить безобиднѣе... онъ не довольно... не довольно развитъ, какъ теперь говорится... (хотя въ немъ безъ малаго тринадцать вершковъ) не довольно развитъ!.. Да, князь вамъ не подъ-пару въ уственномъ отношеніи; вы не захотите быть *главою* вашего мужа, это обидно и неловко для умной женщины!.. Вотъ три изъ четырехъ; остается одинъ!.. И такъ, у насъ теперь на виду одинъ полковникъ, и этотъ — должно сказать правду — молодецъ въ полномъ смыслѣ слова! — Но онъ вамъ тоже не женихъ, потому-что разстроилъ все свое состояніе, и вы не рѣшитесь подвергнуть свою будущность всему, что можно ожидать отъ такого человѣка...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*которая слушала поперемѣнно съ досадою и смѣхомъ*). Полковникъ любитъ игру, какъ всякій мужчина пылкій и страстный; полковникъ готовъ поставить все имѣніе свое на карту: ну,

что́ жъ?.. это можетъ-быть безразсудно, глупо, неосторожно, но все-таки доказываетъ въ немъ жизнь, отвагу, смѣлость; мы, женщины, прощаемъ многое такимъ людямъ: они сильнѣе и лучше многихъ другихъ способны насъ любить. Для меня есть игроки гораздо несноснѣе и ненавистнѣе: это игроки по привычкѣ, труженики клуба и преферанса, важные люди, способные просидѣть за картами по десяти часовъ сряду, соображая удачи и трудности своей коммерческой игры... Въ нихъ-то надо предполагать недостатокъ умственныхъ способностей, жизни, всего, что волнуетъ или возбуждаетъ человѣческую душу... Какъ надобно быть обиженнымъ Богомъ и природою, чтобъ не найти себѣ лучшаго средства проводить свое время!..

ГРАФЪ. И это опять на мой счетъ. Вы сердитесь за истины, которыя я высказалъ о вашихъ поклонникахъ, и мстите мнѣ за нихъ этою прекрасною сатирою противъ моимъ скромныхъ привычекъ... Но я, напротивъ, горжусь ими! Не всякій умѣетъ быть солиднымъ человѣкомъ. Я ужъ не танцую, разговаривать въ обществѣ часто не о чемъ и не съ кѣмъ, что́ же дѣлать, какъ не садиться отъ скуки за зеленый столъ?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. За которымъ вы обыкновенно просиживаете отъ девяти часовъ вечера до трехъ или четырехъ утра...

ГРАФЪ. Развѣ это мѣшаетъ мнѣ васъ любить?.. Развѣ я не жертвую вамъ этими бѣдными картами, на которыя вы, за что́-то, напали; развѣ я не бросаю ихъ для васъ всякій разъ, какъ вамъ нужно или пріятно меня видѣть?.. И шутки въ сторону, развѣ я не лучшій другъ вашъ на свѣтѣ, не послушнѣйшій рабъ и угодникъ вашъ во всемъ? Развѣ я не отдалъ вамъ всей моей жизни? Развѣ вы не главная, не единственная, не исключительная забота моя, предметъ всѣхъ мыслей и желаній моихъ?.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да, между завтракомъ и обѣдомъ... послѣ обѣда до преферанса!.. Покорно благодарю за такой раздѣлъ вашего досуга!.. Вы отдаете мнѣ тѣ несчастные часы, которые не знаете куда дѣвать, и не умѣете употребить съ пользою!.. Я тоже для васъ привычка, какъ всѣ прочія занятія вашей жизни... Какъ это лестно и какая спокойная и невозмутимая любовь!..

ГРАФЪ. Привычка едва ли не самая сильная, хотя невидимая цѣпь для человѣка!.. Привычка! Да это полжизни, сударыня!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*очень горько*). Можетъ-быть! Но какъ я не раздѣляю вашего мнѣнія на этотъ счетъ, то позвольте мнѣ оставаться при своемъ и не ограничивать своего честолюбія скромнымъ желаніемъ занять мѣсто въ привязанностяхъ и привычкахъ моего мужа, между его

поваромъ и партнерами, наряду съ туфлями и халатомъ... Я не чувствую въ себѣ никакого призванія къ такой роли!.. (*присѣдаетъ насмѣшливо и уходитъ съ гнѣвомъ въ свой домъ*).

—

II.

ГРАФЪ одинъ.

Вотъ тебѣ разъ!.... Опять ссора!.... Она, кажется, не на шутку разсердилась!.... Ахъ женщины, женщины!.... Кто васъ пойметъ?.... Ни съ того, ни съ сего, такъ себѣ, разсуждая дружески, изволила колоть и шпиговать меня изъ всѣхъ силъ, да слово за слово, вышла настоящая досада, формальная ссора.... Но я не скажу, чтобъ это мнѣ было непріятно, напротивъ, я ужъ привыкъ къ ссорамъ: онѣ иногда очень мило разнообразятъ наши свиданія..... Безъ нихъ о чемъ бы намъ было говорить?.... Другъ друга знаемъ мы давно; занятія, выѣзды, знакомства наши почти однѣ и тѣже, гдѣ взять предметъ для поддержанія вседневной бесѣды, особенно на дачѣ?.... А Елена Петровна очень умно сердится и очень нѣжно мирится! Когда мы съ нею не повздоримъ немножко, мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ.

Сегодня я доволенъ; она меня разсмѣшила своею вспышкою ни зачто, ни про-что..... Я въ противоположность покойному Титу могу сказать: «Я не потерялъ нынче своего дня»!..... (*садится въ самомъ покойномъ положеніи и крѣпко задумывается*).

—

III.

ГРАФЪ, ТЕТУШКА ЮЛІЯ РОМАНОВНА.

ТЕТУШКА (*въ напудренномъ шиньонѣ и кругломъ чепцѣ, въ шелковомъ платьѣ прошлаго вѣка, съ тростью и табакеркою, чопорная, свѣженькая и миловидная старушка*). Леночка, дружокъ мой, ты здѣсь?.. Посмотри, какъ много счастья я принесла тебѣ!.. все сама нарвала въ саду, на бѣлой сирени; есть семи, девяти и даже пятнадцатилистные.... (*оглядывается во всѣ стороны*). Леночка, да чтожъ ты молчишь?... Развѣ нѣтъ ее здѣсь?....

ГРАФЪ (*замѣтя наконецъ тетушку, вскакиваетъ съ кресель и подходитъ къ ней*). Ахъ, Юлія Романовна!.... Добраго утра! Извините великодушно мою непростительную разсѣянность, я только что замечтался и не видалъ, какъ вы вошли.....

ТЕТУШКА. Ничего, ничего, батюшка, не безпокойся Но гдѣ же Леночка? Уѣхала что-ли куда?....

ГРАФЪ. Не уѣхала, Юлія Романовна, а ушла къ себѣ..... Сію минуту она была здѣсь и только что предъ вашимъ приходомъ меня оставила.

ТЕТУШКА. Одѣвается?

ГРАФЪ. Нѣтъ, сколько могу знать.

ТЕТУШКА. У нея гости?

ГРАФЪ. Не думаю!

ТЕТУШКА (*пристально на него поглядѣвши*). Вы опять въ ссорѣ?.... Не такъ ли?....

ГРАФЪ. Точно такъ, Юлія Романовна, вы угадали!....

ТЕТУШКА. Странное для меня дѣло, и чудные же вы люди!... Дня не пройдетъ у васъ безъ ссоры..... Конечно, пословица поворитъ: «милые ссорятся—только тѣшатся,» и это сущая правда; и въ мое времячко такъ бывало на свѣтѣ, да и послѣ насъ съ тобою, вѣроятно, такъ будетъ. Даже и въ романахъ любящіеся нерѣдко обижаются, бранятся, разойдутся, — потомъ опять сходятся и милуются.... Но все же это вездѣ случается не такъ себѣ, а за что-нибудь.... за измѣну, за холодность, изъ ревности, изъ косаго взгляда, мало-ли изъ чего, но не безъ причины. А у васъ съ Леночкой, прости Господи, и причинъ нѣтъ никакихъ.... васъ обоихъ просто не разберешь!

ГРАФЪ. Это сущая правда, Юлія Романовна, но.... (*въ сторону*). Какая скука! Отвѣчай еще этой тараторкѣ, когда и безъ нея довольно своихъ заботъ.

ТЕТУШКА (*перебивая*). Постой, постой, батюшка, я не все договорила..... изволь-ка прежде меня выслушать.—Про что бишь я начала?.... Да! про мое недоумѣнье. Вотъ три мѣсяца, какъ я сюда пріѣхала, гощу у племянницы, смотрю на васъ обоихъ и до сихъ поръ не пойму, что у васъ такое—друзья вы съ нею, или враги? Но отчего у васъ такъ часто съ нею контры и всякія пики?.... Кажись, оба вы люди прекрасные..... Умные, разсудительные.... тебѣ, мой батюшка, 35, ей 27.... свободны, независимы, богаты, давно знакомы, другъ другу пара не стара—марьяжъ дорогой,—а вы то и дѣло спорите да ссоритесь, и любите вы другъ друга, какъ иные ненавидятъ!

ГРАФЪ (*нетерпѣливо*). Божусь вамъ, что съ моей стороны.....

ТЕТУШКА (*перебивая*). Постой, постой, не мѣшай мнѣ. Надо, чтобъ ты зналъ все, что у меня на умѣ и на сердцѣ... Дѣло, я говорю, у васъ почти слажено, слово чуть-ли не дано, а вы все ни съ мѣста, и сидите себѣ такъ, ни при чемъ, словно у моря ждете погодки!.... Конечно, встарину, какъ книги говорятъ, свадьба также отлагалась, но тогда поклонникъ долженъ былъ заслуживать благоволѣніе своей любезной..... сражался за нее, или исполнялъ подвиги по обѣту. А у васъ, мой голубчикъ, какая надобность томить себя такими отсрочками и что вы этимъ выиграете? Больше любви? Да, вы и теперь ужъ встрѣтиться не можете, чтобъ не поспорить!... Глядя на васъ, подумаешь, что вы десять лѣтъ женаты.... (*Обмахивается сильно веромъ*).

ГРАФЪ (*принужденно*). Увѣряю васъ честью, Юлія Романовна, что я самъ совершенно съ вами согласенъ и давно чувствую, какъ странно, какъ смѣшно наше взаимное положеніе!... Но что жъ мнѣ дѣлать?... Я не виноватъ! (*Въ сторону*). Будетъ-ли конецъ ея распросамъ?

ТЕТУШКА Какъ не виноватъ, мой батюшка? Мужчины всегда виноваты.

Мужчины насъ любятъ?
Ну, что жъ, въ добрый часъ!....
Мужчины разлюбятъ?
Бѣда имъ отъ насъ!.....
Ревнуютъ за вздоры?
Ихъ ревность смѣшна!....
Случатся-ли ссоры?
Все ихъ же вина!....
Ихъ страсть намъ мѣшаетъ?—
Ихъ страсть не впопадъ!....
Невѣста скучаетъ?
Женихъ виноватъ!

Да, мой свѣтъ, какъ ни увертывайся ваша братья, а все таки виноваты вы-же, и вѣчно вы.... и только вы! во всякомъ случаѣ, и все таки вы!... Вотъ, хоть теперь, напримѣръ, ты, батюшка, кругомъ виноватъ..... Зачѣмъ ты не умѣлъ поставить себя на другую ногу?.... Или заставь Леночку полюбить себя нѣжнѣе, или разойдитесь.. .. Виданое-ли это дѣло,—до свадьбы ссориться каждый Божій день!!... Что же послѣ-то будетъ?....

ГРАФЪ (*безпечно въ сторону*). А что, вѣдь она, можетъ быть, и не

совсѣмъ пустое говоритъ. .. (*Вслухъ*). Ахъ, Юлія Романовна, вы такъ благоразумны и такъ добры притомъ, такъ хорошо понимаете дѣло, что-бы вамъ уговорить Елену Петровну?

ТЕТУШКА. Къ чему, свѣтикъ мой? Къ замужству, къ свадьбѣ!... Да прежде мнѣ не худо бы знать, на какихъ вы съ нею, что́ называется, кондиціяхъ?.. . Просто-ли ты здѣсь другъ дома — человѣкъ безъ консеканса, вздыхатель-ли, или женихъ? если женихъ, Богомъ данный, родителями благословенный, такъ почему такъ долго женихъ, а не давно уже мужъ?.... Вѣдь я честью увѣряю тебя, что я васъ еще не разобрала

ГРАФЪ. Вотъ видите, Юлія Романовна, я не то, что просто другъ, и не могу сказать, что я нарѣченный женихъ. Я люблю Елену Петровну; люблю искренно и отъ души, она меня тоже любитъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ всегда такъ казалось. Всѣ условія счастливаго супружества соединяются около насъ: положеніе въ свѣтѣ, состояніе, воспитаніе, взаимныя требованія, все въ одномъ изъ насъ двухъ отвѣчаетъ вполнѣ другому, какъ сами вы давича замѣтили. Но мы какъ-то попали въ запутанное отношеніе и не выйдемъ изъ него.... Помогите намъ, выручите насъ. Я увѣренъ, что съ вашимъ сердцемъ и умомъ вамъ легко будетъ отстранить всѣ наши недоразумѣнія, и что, благодаря вамъ, я могу быть скоро счастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ Петербургѣ, мужемъ вашей очаровательной племянницы.

ТЕТУШКА. Изволь, изволь, мой батюшка, всегда рада помогать всякому доброму дѣлу, особенно марьяжу по любви!.... (*вздыхая глубоко*). Ахъ! это должно быть единственнымъ и несравненнымъ благополучіемъ на землѣ!....

ГРАФЪ (*цѣлуя ея руку*). Добрая тетушка!.. . Вы позволите мнѣ заранѣе называть васъ этимъ именемъ не такъ ли? Добрая, милая тетушка! какъ вы понимаете это счастіе, хотя сами его не испытали!

ТЕТУШКА (*разчувствовавшись*). Нѣтъ, другъ мой, не испытала, но сердце мое для него создано, и только судьбѣ неугодно было, чтобы я...

ГРАФЪ. Вѣрю, вѣрю, Юлія Романовна... Но возвратимся къ моему недоконченному разсказу...

ТЕТУШКА. Да, батюшка, да, разскажи. (*садится*).

ГРАФЪ. Когда я познакомился съ Еленой Петровной, я тотчасъ увидѣлъ, что она именно та женщина, которую я могу полюбить на всю жизнь, та жена, которая какъ-бы создана нарочно для меня. Но она тогда еще была въ траурѣ по первомъ мужѣ и я не смѣлъ ду-

мать о предложеніи. (Вы знаете, она очень любила покойника и долго плакала по немъ безутѣшно. Не мудрено: она только два года была за нимъ; онъ служилъ въ Царскомъ Селѣ, она жила въ Петербургѣ, у отца... они видались раза два въ недѣлю и не успѣли надоѣсть другъ другу; а когда онъ умеръ отъ ушиба, упавши съ лошади, она, говорятъ, едва не умерла вмѣстѣ съ нимъ.. Такой мужъ остается вѣчнымъ соперникомъ для будущаго жениха, и тѣмъ опаснѣйшимъ, что онъ уже не можетъ ни провиниться, ни уронить себя во мнѣніи и воображеніи вѣрной вдовушки...) Больше года старался я сблизиться постепенно съ Еленою Петровной, пріучить ее къ себѣ, угождалъ ей, исполнялъ малѣйшія ея желанія, кажется, успѣлъ понравиться, и просилъ наконецъ ея руки. Она приняла благосклонно эту просьбу, обнадежила меня,—я сдѣлался короткимъ въ ея домѣ... Мы выжидали весны, чтобъ обвѣнчаться и тотчасъ уѣхать за границу; но тутъ скончался отецъ Елены Петровны, вашъ зять... (*тетутка прикладываетъ платокъ къ глазамъ своимъ*). Она опять надѣла только что снятый трауръ, опять плакала, горевала,.. (*Тетушка всхлипываетъ*). Разумѣется, свадьба отложена... а тамъ пошли раздѣлы съ сестрами, семейныя дѣла... потомъ только-что становилось возможнымъ возобновить наши свадебные сборы, какъ вдругъ, точно какъ будто мнѣ на зло, принялись умирать одинъ за другимъ два-три дяди, да нѣсколько тетокъ... У Елены Петровны такое несмѣтное количество старыхъ скучныхъ родственниковъ,

ТЕТУШКА. Вотъ тебѣ разъ!.. Покорнѣйше благодарю за любезность. Очень мило!.. Продолжайте, не церемоньтесь!..

ГРАФЪ (*цѣлуя нѣсколько разъ ея руку*). Помилуйте, да развѣ вы причисляете себя къ нимъ, или я самъ могъ имѣть такую неизвинительную мысль?.. Вѣдь родня, про которую я говорю, все съ отцовской стороны, а вы—какая разница!.. Вы сестра матери Елены Петровны... Вотъ такъ прошелъ и третій годъ нашего знакомства, а мы все еще не женились, и день отъ дня я замѣчаю, что становлюсь неудачнѣе при Еленѣ Петровнѣ... Она чаще на меня сердится, чаще скучаетъ... Не знаю, чему приписать ея странности. Когда весна пришла, и она наняла эту дачу, я просилъ позволенія присосѣдиться къ ней, и тоже взялъ домъ рядомъ съ нею; я надѣялся, что это сближеніе, что ежеминутныя встрѣчи ускорятъ ея рѣшеніе, пріучатъ ее къ моему безотлучному присутствію... но на повѣрку выходитъ совсѣмъ противное: она чуть ли не холоднѣе со мною, чѣмъ въ городѣ...

ТЕТУШКА (*раздумывая и соображая*). О... охъ, охъ, охъ!..

все это больно мудрено!.. Кажется, истинная любовь не должна бы угасать отъ препятствій, напротивъ, особенно когда любимый человѣкъ всегда тутъ, на глазахъ... Въ разлукѣ, знаете, можетъ иногда приключиться что-нибудь такое... вѣдь отсутствующіе тѣмъ ужъ виноваты, что отсутствуютъ!.. Да не нравится ли кто-нибудь другой моей племянницѣ?

ГРАФЪ (*самоувѣренно*). Некому ей понравиться. Между знакомыми нѣтъ никого, кто бы могъ.... Поклонниковъ и жениховъ у нея не мало, но этихъ я всѣхъ знаю, какъ свои пять пальцевъ: ни одинъ не опасенъ; положимъ, она иногда и любезничаетъ съ ними, но никогда не кокетничаетъ... Ей просто скучно!

ТЕТУШКА. Кто жъ ей велитъ скучать? Вѣдь если она не ѣздитъ въ свѣтъ, не ищетъ разсѣянія, то на это у нея своя добрая воля!.. Повѣрь мнѣ, Леночка, какъ всѣ другія, хандритъ, потому-что ты съ нею не довольно любезенъ, не умѣешь ее развеселить!..

ГРАФЪ. Боже мой! Я ли не стараюсь всѣми силами...

ТЕТУШКА. Э, мой батюшка, не въ стараніи дѣло! ты совсѣмъ не понимаешь женщинъ, не умѣешь съ ними ладить, вотъ и все... У васъ съ Леночкою характеры совершенно разные: она жива, бойка, пылка; ты, что грѣха таить — лѣнивъ и молчаливъ, любишь свое спокойствіе и не охотно имъ жертвуешь; она тебя забавляетъ, не ты ее, вотъ что!.. Лучше бы вамъ порядкомъ разъ поссориться, да потомъ ужъ свесть на мировую, и на радостяхъ серьозно заговорить о свадьбѣ... тогда и я вступлюсь въ ваше дѣло, и оно кончится благополучно...

ГРАФЪ (*флегматически*). Вы правы; да за что же намъ серьозно поссориться?

ТЕТУШКА. Придерись къ ней за что нибудь, приревнуй къ кому бы то ни было.

ГРАФЪ (*нерѣшительно*). Охотно, охотно!.. Да къ кому же?.. Я никого не вижу около насъ... не знаю...

ТЕТУШКА. Ахъ! что́ за человѣкъ? Сущій неповоротень,.. флегматикъ!.. Кажется, я не невѣста твоя, а готова сама изъ себя выйти!.. Что́ за диковинка найти или выдумать случай ссоры!... Возьми примѣръ хоть изъ старой комедіи: «Досада отъ любви». Заставь Леночку ревновать, самъ приволокнись за другою...

ГРАФЪ (*съ испугомъ*). Кто?.. я?.. Ахъ, Боже мой! я десять лѣтъ не говорю съ женщинами, не ѣзжу ни къ кому изъ молоденькихъ, кромѣ вашей племянницы, я никого, рѣшительно никого не знаю, не

придумаю, за кѣмъ бы... И потомъ, какая скука!.. Какъ утомительно волочиться!..

ТЕТУШКА. И, мой батюшка! какой же въ тебѣ прокъ, когда ты постояненъ отъ лѣни и вѣренъ поневолѣ?.. Прошу покорно! И вотъ такіе мужчины удивляются, что съ ними скучно!.. Нѣтъ, мой свѣтъ, я не берусь тебѣ служить, когда ты не хочешь слѣдовать моимъ совѣтамъ... Выпутывайся, какъ самъ знаешь!

ГРАФЪ. Ахъ, тетушка, добрая, милая тетушка, ужели вы отъ меня отказываетесь?.. Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! Придумаемъ еще что-нибудь!..

—

IV.

ТЕТУШКА, ГРАФЪ, ТЕНОРСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ (*съ бородою, усами, эспаньолкою, въ пестромъ галстухѣ и сѣрой шляпѣ, впрочемъ совершенный джентльменъ, входитъ, оглядываясь, и что-то напѣвая*). Мнѣ сказали, что я здѣсь его найду?.. гдѣ же онъ? (*подходитъ къ графу*). Милостивый государь, позвольте у васъ спросить, гдѣ здѣсь живетъ графъ Звонскій?

ГРАФЪ. Это я,.. позвольте узнать, что вамъ угодно?.. (*Тетушка надѣла очки, вынула изъ кармана книгу и принялась читать*).

ТЕНОРСКІЙ. Ты... извините! Вы, графъ Звонскій?.. Извините!.. я хотѣлъ сказать, вы ли графъ Дмитрій Кириловичъ Звонскій?

ГРАФЪ. Я самъ... Но въ свою очередь я спрошу, съ кѣмъ имѣю честь говорить?..

ТЕНОРСКІЙ (*расхохотавшись громко, бросается обнимать графа*). Хороши же мы оба, нечего сказать! Смотримъ цѣлый часъ другъ на друга и не узнаемъ!.. Ужели мы оба такъ перемѣнились?..

ГРАФЪ. Я все-таки не знаю..

ТЕТУШКА (*издали смотритъ на Тенорскаго*). Ахъ, мой создатель! что это за птица!.. настоящій сорванецъ косматый! Долженъ быть парикъ!..

ТЕНОРСКІЙ. Нѣтъ, ужъ извините, сіятельный! Извольте сами угадать, а я себя не назову.

ГРАФЪ (*всматривается въ него, съ недоумѣніемъ*). Этотъ голосъ не только мнѣ знакомъ, но въ немъ звучитъ что-то мнѣ родное, душевное... помнится, я его слышалъ давно... но гдѣ?

ТЕНОРСКІЙ. Давно и есть!.. и какъ еще давно–то!.. но все не скажу, гдѣ...

ГРАФЪ. И глаза мнѣ напоминаютъ кого-то близкаго... Но меня совершенно сбиваетъ съ толку...

ТЕНОРСКІЙ. Моя прическа?.. это подражаніе послѣднимъ львамъ, которыхъ я видѣлъ... не просто заморскимъ, двуногимъ, а настоящимъ степнымъ, африканскимъ четвероногимъ львамъ, за которыми я охотился еще за три недѣли, и въ доказательство привезъ тебѣ великолѣпнѣйшую львиную шкуру, которую ваше сіятельство получите не прежде, когда меня узнаете!

ГРАФЪ (*стукнувъ себя по лбу*). Голосъ друга и взоръ его!.. все остальное мнѣ чуждо... Боже мой! кто бы мнѣ это предсказалъ? Маскарадъ безъ масокъ, и на дачѣ, средь бѣлаго дня... (*комически*). Таинственный незнакомецъ! Умоляю, заклинаю тебя, откройся мнѣ, вымолви хоть слово, дай хоть знакъ, по которому я могъ бы тебя узнать!

ТЕТУШКА (*вслушиваясь*). Что такое? таинственный незнакомецъ!.. ужъ не приключеніе ли какое нибудь?..

ТЕНОРСКІЙ (*также комически*). Ты хочешь слова, магическаго слова?.. Изволь, я назову тебя твоимъ прежнимъ именемъ — черепаха!..

ГРАФЪ (*живо*). Чере... Ты лицейскій товарищъ; никто другой не могъ знать этого прозвища, а такъ–какъ изъ всѣхъ моихъ товарищей лицеистовъ я потерялъ изъ виду только одного, самаго мнѣ милаго и дорогаго, ты непремѣнно долженъ быть Базиль Тенорскій!..

ТЕНОРСКІЙ. Слава Богу! насилу догадался, и то я же помогъ!.. Ну, да, Базиль Тенорскій, и кажется, не слишкомъ еще постарѣлъ, чтобъ ты меня не узналъ...

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Старый пріятель!.. Не хочу мѣшать имъ. (*уходитъ въ глубину сада*).

ГРАФЪ. Но ты тоже не узналъ меня?

ТЕНОРСКІЙ. Вольно же твоему сіятельству смотрѣть такимъ важнымъ и степеннымъ человѣкомъ: вѣдь мы ровесники, а по осанкѣ, ты, право, себѣ и мнѣ въ дяди годишься!

ГРАФЪ. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ не видались, не шутка, братъ, успѣешь перемѣниться и принять важный видъ!.. Вѣдь жилось, думалось, чувствовалось... все это не молодитъ!.. А служба, а дѣла?.. Но дай поглядѣть на тебя! Ты, вотъ, настоящій молодецъ! Загорѣлъ, статенъ, ловокъ... ни дать, ни взять, типъ для картины!.. Обними меня еще разъ, давича мы какъ-то холодно расцѣловались, я тебя не узналъ...

ТЕНОРСКІЙ. Изволь, отъ души!.. (*нѣсколько разъ обнимаются*).

ГРАФЪ. Откуда, гдѣ былъ?

ТЕНОРСКІЙ. Отвсюду, и былъ вездѣ... то есть, гдѣ тепло!.. Я не могу жить тамъ, гдѣ холодно: обожаю солнце, дышу солнцемъ, словомъ, я настоящій Перуанецъ въ этомъ отношеніи. Сперва я поѣхалъ въ Римъ учиться живописи, потомъ былъ въ Испаніи, въ Алжирѣ, въ Египтѣ...

ГРАФЪ (*перебивая его*). Постой, я все хочу знать по порядку. Во-первыхъ, куда ты исчезъ, когда мы вмѣстѣ кончили курсъ и обе такъ блистательно выдержали наши экзамены...

ТЕНОРСКІЙ. Я поѣхалъ въ Одессу, гдѣ жило мое семейство; тамъ, какъ водится, меня сначала избаловали, потомъ хотѣли принять въ руки, какъ говорится, да мальчикъ-то я оказался на это неудобный, такъ пришлось роднымъ посбавить строгости и спросить меня: куда я гожусь и на что способенъ?.. А я тогда, на бѣду мою, ровно никуда не годился, и ни къ чему не имѣлъ способностей. Наконецъ я вспомнилъ свои таланты въ музыкѣ, и заключилъ, что меня природа обрѣкла быть великимъ музыкантомъ, и просилъ, чтобъ меня отпустили въ Италію учиться музыкѣ. Что-же ты думаешь? вѣдь на повѣрку у меня и впрямь оказался очень не дурной голосокъ!..

ГРАФЪ. И ты поѣхалъ въ Италію учиться пѣть?. ...

ТЕНОРСКІЙ. То-есть,... какъ тебѣ сказать,—поѣхать-то я поѣхалъ,—но за чѣмъ,—это еще было не совсѣмъ ясно въ моей головѣ!... Но при первомъ моемъ вступленіи въ Римъ,—судьба указала мнѣ мое настоящее поприще, мое прямое призваніе. Я взглянулъ на безсмертныя творенія Рафаеля, Микель Анджело и другихъ великихъ художниковъ, — и этотъ взглядъ породилъ во мнѣ вдохновеніе. «Anch io son pittore!« закричалъ я, какъ нѣкогда восторженный Корреджіо,—купилъ парусинную блузу, бракованную палитру, истертыя кисти, и пошелъ учиться въ мастерскую, гдѣ работали уже и другіе питомцы русскаго искусства..... Что за жизнь, братъ, открывалась предо мною! какая чудная, полная, обаятельная жизнь!.... Подумай-только, 20 лѣтъ, вѣрный насущный хлѣбъ, около тебя міріады красавицъ, надъ головою днемъ бирюзовыя тѣни, ночью расплавленный сафиръ, а солнце, солнце-то какое!.. . а черные глаза трастеверинокъ.... У!.... У! морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспомнишъ эту жизнь!

Край полуденный, чудесный,
Вѣкъ не знаетъ зимныхъ дней,—

Вѣкъ горитъ тамъ сводъ небесный
Блескомъ солнечныхъ лучей!
Розы, мирты, померанцы
Съ января ужъ тамъ цвѣтутъ,—
Тамъ и въ будни пѣсни, танцы,
Вѣчный праздникъ создаютъ!

Тамъ искусствомъ вдохновеннымъ
Путь широкій намъ открытъ,—
На пути вождемъ священнымъ
Тѣнь Рафаэля стоитъ.....
Тамъ рѣзцомъ иль кистью смѣлой
Руки просятся владѣть,
Тамъ кипитъ отважно дѣло,
Чтобъ за славою поспѣть.

ГРАФЪ. Я тоже былъ въ Италіи, но я не артистъ, и на меня тамошнія прелести дѣйствовали не такъ сильно и упоительно, какъ на тебя, а недостатки и неудобства полу-одичалой страны чувствительно оскорбляли мою сѣверную натуру.

ТЕНОРСКІЙ. Потому что ты путешествовалъ большимъ бариномъ, въ своей тяжелой каретѣ съ графскими гербами, да съ мошенникомъ курьеромъ, который былъ въ заговорѣ противъ тебя со всѣми трактирщиками, купцами и лавочниками, выбиралъ для тебя все, что похуже, а на счетахъ ставилъ за самое лучшее и дорогое.... Извѣстно! извѣстно! Это участь многихъ богатыхъ людей... То-ли дѣло итти себѣ пѣшкомъ, на своей собственной парѣ, съ котомкою за плечами, останавливаться тамъ, гдѣ глазамъ понравится чудная мѣстность, доставать рукою вездѣ вьющіяся лозы и снимать спѣлые грозды янтарнаго винограда; пить молоко, поднесенное въ античной кружкѣ миловидною поселянкой съ искрометными глазами; отдыхать въ кущѣ цвѣтущихъ померанцевъ, загоститься тамъ, гдѣ весело, однимъ словомъ, быть полнымъ господиномъ своихъ наслажденій, прихотей и удивленій—это привиллегія артиста! Изъ одного этого стоитъ посвятить себя искусству.

ГРАФЪ. Но какъ же ты попалъ въ Испанію, въ Египетъ, въ Алжиръ?

ТЕНОРСКІЙ. А вотъ какъ: живопись одна не могла занять долго моей дѣятельности, а главное, любопытство—эта пружина туризма, любопытство видѣть что-нибудь новое, желаніе испытать незнакомое, всѣ стремленія, всѣ порывы молодости влекли меня дальше, и я каждую весну

отлучался изъ Рима, чтобъ объѣхать и осмотрѣть какую нибудь другую страну. Въ Испаніи надобно было надивиться на картины Мурильо, насмотрѣться на Севильянокъ и Гаетанокъ, пляшущихъ болеро или настоящую качучу, при звукѣ кастаньетъ, — и я отправился.... О! тутъ-то я чуть съ ума не сошелъ! Какія ножки! какія таліи! что за взоры!....

Кто разскажетъ, кто опишетъ
Красоту испанскихъ дѣвъ?
Сердце бьется, лишь услышитъ
Ихъ волнующій припѣвъ:
Ай лелильо, ай лелильо,
Ай лелильо, дѣвица—душа!
А лелильо, какъ ты хороша.

Зазвучали кастаньеты,
Засверкалъ чудесный взоръ,
На колѣна, о поэты!
Передъ нимъ всѣ пѣсни вздоръ!....
Ай лелильо, ай лелильо,
Ай лелильо, дѣвица—душа,
Ай лелильо, какъ ты хороша!

ГРАФЪ. Я тебѣ завидую, у тебя богатая и счастливая натура, все тебя кажется радуетъ, все тебя восхищаетъ, тебѣ вездѣ хорошо!

ТЕНОРСКІЙ. Вездѣ! потому-что вездѣ я ищу жизни, то-есть, пищи уму или сердцу, или воображенію, а гдѣ на землѣ такое мѣсто, гдѣ бы человѣку не удалось задуматься или улыбнуться?.. Но ты самъ, развѣ не вполнѣ доволенъ своею участью?.. Съ твоимъ именемъ, богатствомъ, съ личными твоими преимуществами и достоинствами, ты могъ себѣ выбрать родъ жизни по вкусу, и если я тебя нахожу здѣсь, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ, вѣрно тебѣ и здѣсь хорошо?..

ГРАФЪ. Да, я не жалуюсь на свою судьбу; но если я долженъ почитать себя счастливѣе многихъ на свѣтѣ, это не мѣшаетъ однако, что по временамъ дни и часы кажутся мнѣ ужасно длинны, невыразимо однообразны...

ТЕНОРСКІЙ. Гмъ!.. это значитъ, что тебѣ, по просту безъ затѣй, скучно?

ГРАФЪ (*съ изнеможеніемъ*). Да, мнѣ скучно!..

ТЕНОРСКІЙ. Вотъ они, баловни фортуны, вотъ какъ они дорого выкупаютъ ея золотые дары!.. «*Скучно!!!*» Человѣкъ въ тридцать пять лѣтъ, на вершинѣ блестящаго поприща, полный силы, здоровья, способностей, *ему скучно!...* Знаешь ли что, братъ? Тебя легко вылечить отъ твоей блажи, (я не могу дать другаго имени твоей скукѣ, противной достоинству мужчины). Подари бѣднымъ или роднымъ твое имѣніе и капиталы, ступай доставать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, или благородною службой, работай руками или головою часовъ по девяти въ сутки, и я ручаюсь тебѣ, что твоя скука пройдетъ, что ты вылечишься отъ своей хандры!.. Одно простое блюдо покажется тебѣ всегда вкуснѣе всего твоего теперешняго лакомаго обѣда!.. Часочикъ сна, вечерняя прогулка освѣжатъ тебя и оживятъ пуще всѣхъ утонченныхъ удовольствій, изъ которыхъ привычка сдѣлала для тебя не усладу, а тяжкую обязанность представительности. Ахъ, праздность, праздность! Отрава жизни, разлагательная сила!.. Нѣтъ, не промѣняю на тебя мою трудовую дорогу, мою поэтическую бѣдность! (*указывая на голову и сердце*). Блаженъ, сто разъ блаженъ тотъ, у кого не совсѣмъ пусто тутъ и тутъ!.. (*приподнимая къ верху обѣ руки*). Тотъ, у кого бодры эти орудія, данныя Богомъ человѣку, счастливѣе и богаче тебя самовольнаго плѣнника своего золота!.. Ему не пріѣдаются простыя наслажденія жизни, для него не изсякаютъ и не увядаютъ вѣчные дары Бога и природы: желаніе, вдохновеніе, мысль, творчество! Онъ наслѣдникъ и обладатель живыхъ силъ жизни!.. А ты.

ГРАФЪ. Вотъ видишь, ты самъ сознаешься, что ты, артистъ, гораздо счастливѣе меня, что ужъ самая обстановка жизни даетъ тебѣ болѣе средствъ ее пополнить... У меня свои обязанности, свой занятія, но они истощаютъ мои умственныя способности, убиваютъ во мнѣ отвагу молодости... Что жъ мнѣ дѣлать, когда я рано становлюсь старикомъ, когда я гасну прежде времени?

ТЕНОРСКІЙ. А разсудокъ твой? а энергія?.. а сила воли?.. на что они, если не могутъ спасти тебя отъ умственной ржавчины, отъ душевнаго застоя?.. Но я хочу, чтобъ мой пріѣздъ на родину пригодился лучшему моему другу, я берусь тебя вылечить. Знаешь ли что? Я пріѣхалъ домой не надолго—устроить кой-какія семейныя дѣла, повидаться съ друзьями и перемѣнить паспортъ; мнѣ необходимо вернуться на Югъ, кончить заказанную картину... Сдѣлай хорошее дѣло, поѣдемъ со мною!

ГРАФЪ. Съ тобою?

ТЕНОРСКІЙ. Да, я повезу тебя отогрѣваться и тѣломъ и душой,

растрясу твою хандру! Ты оброс мохомъ и покрылся плесенью отъ засидѣлости; тебѣ нужно внутреннее и внѣшнее упражненіе; тебя надо лечить свѣжимъ воздухомъ.

ГРАФЪ (*лѣниво*). Да вѣдь я вездѣ перебывалъ... все видѣлъ... мнѣ путешествія и такъ ужъ надоѣли!

ТЕНОРСКІЙ. Тебя, можетъ быть, держатъ семейныя связи?.. Я и забылъ спросить, ты вѣрно обзавелся семействомъ... женатъ, отецъ?..

ГРАФЪ. Нѣтъ еще, по несчастію; но собираюсь жениться... у меня даже есть невѣста...

ТЕНОРСКІЙ. Прежде, чѣмъ ее увижу, спѣшу сказать тебѣ, что для твоего блаженства, я бы желалъ, чтобъ она была капризна, кокетлива, немножко зла, очень ревнива...

ГРАФЪ. Спасибо за дружеское желаніе. Нельзя ли объяснить, почему ты такъ щедръ въ отрицательныхъ качествахъ моей будущей жены?..

ТЕНОРСКІЙ (*смѣясь*). Изъ чистой дружбы къ тебѣ! Я лучше тебя знаю, что тебѣ нужно!

Если въ отвѣтъ намъ на всѣ наши рѣчи
Вѣчное *да* повторяетъ жена,
Станемъ бѣжать мы отъ приторной встрѣчи,
Эхомъ докучнымъ намъ будетъ она...
Лучше повздорить,
Поплакать, поспорить
А тамъ помириться—и виватъ жена!

ГРАФЪ. Твои желанія опоздали... Моя невѣста женщина чудо, идеалъ всѣхъ совершенствъ! Представь себѣ: умна какъ книга, добра какъ солнце, хороша какъ Психея, разсудительна какъ Минерва... И что еще?

ТЕНОРСКІЙ (*перебивая*). Кажется, ужъ и такъ довольно!

ГРАФЪ. Нѣтъ, кромѣ всѣхъ этихъ личныхъ качествъ, она тоже съ положительной стороны самая выгодная, самая блистательная для меня партія и...

ТЕНОРСКІЙ. Ты ее любишь?

ГРАФЪ. Если бъ я хотѣлъ солгать, или пофанфаронить, я сказалъ бы подкатя глаза подъ лобъ: «болѣе жизни, болѣе самого себя!»

Но я человѣкъ солидный, и пренебрегаю такими пошлостями. Жизнь если я и люблю, то право безъ своего вѣдома, невзначай, а самого себя кто же не любитъ? И такъ, я буду простъ и откровененъ, скажу тебѣ, что я люблю невѣсту свою чуть ли не наравнѣ съ самимъ собою!

ТЕНОРСКІЙ. А она тоже тебя любитъ?

ГРАФЪ. Очень!.. Мы давно знакомы, успѣли оцѣнить другъ-друга, привязаться... Мы созданы одинъ для другаго!

ТЕНОРСКІЙ. Женихъ! Влюбленъ! И тебѣ не совѣстно грѣшить на жизнь, признаваться, что ты скучаешь?..

ГРАФЪ (*безсознательно*). Что жъ дѣлать, не я одинъ! Моя невѣста тоже скучаетъ иногда, и въ этомъ у насъ съ нею симпатія!

ТЕНОРСКІЙ (*въ сторону*). То есть, онъ ей надоѣдаетъ; это случается!.. (*громко*). А скоро ли твоя свадьба?.. Я кстати подоспѣлъ, если мнѣ удастся на ней попировать.

ГРАФЪ (*неловко*). Какъ тебѣ сказать .. я и самъ еще не знаю навѣрное... это зависитъ отъ обстоятельствъ...

ТЕНОРСКІЙ. Дѣла. . секреты?.. объ нихъ я и не спрашиваю!

ГРАФЪ. О, совсѣмъ нѣтъ!.. Но... но ты попалъ въ такую минуту, что...

ТЕТУШКА (*возвращаясь дѣлаетъ издали знаки графу*). Леночка, Леночка сюда идетъ!

ГРАФЪ. Какъ нельзя лучше! (*Тенорскому*). Это моя невѣста!

ТЕНОРСКІЙ (*съ изумленіемъ смотря на тетушку*). Какъ... эта почтенная дама?..

ГРАФЪ. То-есть, не та, что пришла, а та, которая пріѣдетъ. Это ея тетка; я васъ познакомлю. Твой пріѣздъ развеселитъ мою невѣсту, онъ ужъ и меня какъ-то оживилъ... (*тетушкѣ, представляя ей Тенорскаго*) Юлія Романовна, позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ моего друга и школьнаго товарища Тенорскаго... (*Тенорскому*). Юлія Романовна Турухтанова

ТЕТУШКА (*чинно приседая по старинному*). Прошу любить и жаловать... Я уже слышала начало вашего разговора и очень имъ заинтересовалась... но узнавши, что вы давно не видались съ графомъ, я побоялась быть между вами лишнею и нарочно ушла, чтобъ вамъ не помѣшать.

ТЕНОРСКІЙ (*раскланиваясь*). Помилуйте, развѣ вы могли намъ мѣшать, напротивъ, я за честь почитаю . Извините, что давича я не

замѣтилъ, я былъ какъ сумасшедшій, такъ радовало меня свиданіе съ моимъ дорогимъ графомъ.

ТЕТУШКА. Понимаю, впрочемъ и я сама была занята... я читаю мою любимую книгу «Новую Элоизу»... и попала именно на самое интересное письмо...

ТЕНОРСКІЙ. «Новую Элоизу! Боже мой! въ наше время! Да это анахронизмъ!.. Развѣ вы прежде не знали этой книги, надѣлавшей нѣкогда столько шуму, Богъ знаетъ впрочемъ, почему?..

ТЕТУШКА. Кто, я, читали ли прежде «Новую Элоизу?» да это сударь, моя настольная книга, вотъ пятьдесятъ лѣтъ, что я съ нею не разстаюсь и перечитываю ее непремѣнно каждую весну и каждую осень... Моя покойная матушка была восхищена этимъ романомъ, и я съ нею выучилась плакать надъ злополучіемъ чувствительныхъ сердецъ, которыя обречены страданію и горю!.. (*утираетъ глаза*).

ГРАФЪ. Если вы такъ чувствительны къ страданіямъ вымышленныхъ влюбленныхъ, то вы будете благосклонны къ любви живаго человѣка, который имѣетъ честь быть при васъ на лицо: вспомните ваше обѣщаніе (*тихо ей на ухо*). Помирите меня съ вашею племянницей.

ТЕТУШКА. Постараюсь.

ГРАФЪ. Могу ли я представить ей Тенорскаго?.. это мой лучшій другъ, я бы хотѣлъ, чтобъ она приняла его ласково.

ТЕТУШКА. И хотите его представить въ день ссоры? Хороши вы! да она и слова предъ нимъ не скажетъ... иначе она не была бы женщиной... и я не признала бы ее за свою племянницу!..

ГРАФЪ. Какъ же мнѣ быть? Я желалъ бы, чтобъ онъ провелъ день со мною, и не хочу лишать себя присутствія Елены Петровны... Представьте вы моего друга!

ТЕТУШКА (*пожимая плечами*). Какой же вы плохой политикъ, вовсе не умѣете понимать женщинъ! Развѣ можно безъ хитрости заставить насъ поступать по чьему нибудь вліянію, особенно когда мы сердимся или не въ духѣ?... Если вы хотите, чтобъ Леночка была въ восхищеніи отъ вашего друга, то притворитесь, напротивъ, что вы не хотите его до нее допустить.

ГРАФЪ. Въ самомъ дѣлѣ?! Благодарю за совѣтъ!.. Кстати, вотъ и Елена Петровна.

—

V.

ТѢЖЕ И ЕЛЕНА ПЕТРОВНА.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*входитъ медленно и будто нехотя*). Тетушка, вы здѣсь? (*подходитъ къ тетушкѣ*).

ТЕНОРСКІЙ (*графу*). Она?.. ну, братъ, поздравляю!.. Ты въ самомъ дѣлѣ счастливецъ!.. И хотя женихъ, однако, право, ничего не преувеличилъ!.. Представь же меня поскорѣе, горю отъ нетерпѣнія слышать голосъ такихъ чудныхъ глазъ!..

ГРАФЪ (*тихо Тенорскому*). Сейчасъ, подожди... (*старается отвести его подальше*).

ТЕНОРСКІЙ. Что съ тобою? вмѣсто того, чтобъ меня подвесть къ твоей невѣстѣ, ты меня уводишь?

ГРАФЪ. Тсъ!.. молчи!.. я тебѣ послѣ объясню...

ТЕТУШКА (*Еленѣ Петровнѣ*). Постой, Леночка, мы не однѣ!.. Дай уйти вонъ этому дикобразу.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Кому? про кого вы говорите? (*увидѣвъ Тенорскаго*). Чужой? гость?.. Кто это?

ТЕТУШКА. Никто!.. право, никто!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*со смѣхомъ*). Какъ никто? предо мною человѣкъ, а вы хотите меня увѣрить, что его нѣтъ.

ТЕТУШКА. Совсѣмъ не то, я говорю *никто*, потому что такіе люди не входятъ въ счетъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Однако, вы знаете, кто онъ, если такъ объ немъ выражаетесь?

ТЕТУШКА. Какой-то артистъ... путешественникъ... прикатилъ изъ Италіи... по всему видно, что изъ-за морей, какъ ёжъ, весь оброс щетиной... Не смотри на него, Леночка, не стоитъ труда. (*Тенорскій въ это время хочетъ подойти, графъ его удерживаетъ и отводитъ все дальше*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*глядя на Тенорскаго*). Я съ вами не согласна, онъ очень не дуренъ... Мнѣ нравится эта оригинальная небрежность... По-крайней-мѣрѣ, онъ не похожъ на все, что мы видимъ ежедневно... Путешественникъ и артистъ, долженъ быть занимателенъ?.. (*она тоже дѣлаетъ шагъ въ ту сторону, тетушка ее удерживаетъ*).

ТЕТУШКА. Лена, это неприлично!.. Тебѣ этотъ шершавый господинъ не компанія... Даже графу самому не хотѣлось тебѣ его представлять.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. А, въ самомъ дѣлѣ?.. Если такъ... (*подходитъ къ кусту, чтобъ сорвать цвѣтокъ и роняетъ свой пла-*

токъ, Тенорскій бросается его поднять и подаетъ ей почтительно).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Очень вамъ благодарна!.. Извините, что моя неловкость васъ обезпокоила!

ТЕНОРСКІЙ. Помилуйте, я слишкомъ счастливъ!..

ГРАФЪ (*подходя*). Извините, Елена Петровна, что застали здѣсь насъ безъ вашего позволенія... Мы уходили... (*Тенорскій дергаетъ его за руку*). Мои люди такъ глупы, что не позвали меня домой принять моего гостя, и я долженъ былъ принять его на нашихъ границахъ... Но мы не станемъ васъ болѣе безпокоить... (*притворяется будто хочетъ уйти*).

ТЕНОРСКІЙ. Помилуй... что это значитъ?

ГРАФЪ (*ему на ухо*). Я знаю, что дѣлаю, не мѣшай мнѣ!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Куда же вы, графъ?.. Вы меня нисколько не безпокоите... прошу васъ остаться, и гостя вашего тоже...

ТЕТУШКА (*тихо ей*) Лена... что тебѣ за фантазія?.. Артистъ!..

ГРАФЪ (*будто противъ воли*). Въ такомъ случаѣ... позвольте васъ благодарить и представить вамъ моего друга, Тенорскаго; онъ только что возвратился въ Россію послѣ долгаго отсутствія... онъ одинъ изъ нашихъ будущихъ замѣчательныхъ живописцевъ... (*раскланиваются*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. У артиста не надо спрашивать откуда онъ, ужъ безъ сомнѣнія изъ Рима?

ТЕНОРСКІЙ. Точно такъ, но забѣгалъ по дорогѣ въ Александрію и Каиръ!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. По дорогѣ? (*смѣется*). Но зачѣмъ васъ Богъ туда понесъ, снимать потреты съ сфинксовъ или съ мумій?..

ТЕНОРСКІЙ. Смотрѣть на пирамиды и вспоминать, что одна изъ нихъ была сложена по волѣ и приказанію женщины, которая тѣмъ хотѣла показать міру, что власть одной красавицы могла равняться съ властью нѣсколькихъ поколѣній Фараоновъ...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Прибавьте—тому назадъ три тысячи лѣтъ!.. Теперь ужъ женщины не имѣютъ такого вліянія!

ТЕНОРСКІЙ. Вотъ слово, которое я принимаю за обиду всему роду человѣческому! Оно показываетъ вмѣстѣ и сомнѣніе, и пренебреженіе; оно доказываетъ, что вамъ еще не угодно было велѣть намъ выстроить въ честь вашу пирамиду.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Ужъ не въ Египтѣ ли вы научились льстить такъ немилосердо?..

ТЕНОРСКІЙ. Если я сказалъ что-нибудь неумѣстное, то прошу всего

вашего снисхожденія, вы говорите съ дикаремъ!.. Я теперь прямо изъ песковъ Сахары, провелъ тамъ три мѣсяца съ бедуинами и выучился у нихъ говорить просто все, что думаю и чувствую, не соображая, о чемъ слѣдовало-бы умолчать!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Востокъ извѣстенъ своею страстью къ преувеличенію, вотъ что мнѣ объясняетъ вашу рѣчь... Однако, что же мы стоимъ?.. сядемте, пожалуйста... Графъ, а вы?.. (*всѣ садятся. Тетушка опять принимается за книгу, но иногда посматриваетъ на Елену Петровну; Графъ въ сторонѣ непринимаетъ никакого участія въ разговорѣ*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Но я все не могу понять, какъ вы бросили вдохновительную Италію и очутились въ Африкѣ: что васъ туда влекло, такъ далеко отъ вашихъ трудовъ?

ТЕНОРСКІЙ. Я началъ картину, въ которой солнце заходило въ румяномъ блескѣ, похожемъ на зарево... вдругъ наступила зима, и я даже въ Италіи не могъ дождаться такого заката, какой былъ мнѣ нуженъ... Солнце капризный и упорный натурщикъ, его не заманишь въ мастерскую, я и разсудилъ, что ждать мнѣ его слишкомъ долго, и самъ отправился къ нему въ Алжиръ...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. И попали въ Сахарскія пустыни?..

ТЕНОРСКІЙ. Захотѣлось поохотиться за львами и попробовать кочевой жизни подъ шатрами бедуиновъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Конечно, вы тамъ нашли много прелестныхъ лицъ для вашего альбома? Кто лучше: мавританки или бедуинки?..

ТЕНОРСКІЙ. Рѣшите сами: когда смотришь на гордую и строгую бедуинку, полную энергіи и мужественной отваги, то чувствуешь неодолимое желаніе вызвать ее на дуэль, раздразнить, разсердить ее, какъ тигрицу, и сражаться съ нею до послѣдней капли крови, чтобъ только любоваться ея гнѣвомъ, ея сверкающими очами... Но когда видишь томную и страстную мавританку, изнемогающую подъ упоительною лѣнью, то хочется броситься къ ея ногамъ, чтобъ только улечься мягкой подушкой у этихъ крошечныхъ ногъ, выточенныхъ изъ янтаря... Что до меня, я не берусь отдать первенства ни той, ни другой...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Какъ послѣ такихъ женщинъ должны вамъ казаться безцвѣтны и незначущи всѣ блѣдныя женщины сѣвера!.. Мы вѣрно теряемъ въ вашихъ глазахъ столько же, сколько наше холодное солнце предъ знойнымъ солнцемъ, которое вы отыскивали въ тѣхъ пламенныхъ краяхъ?..

ТЕНОРСКІЙ (*вставая*). Противоположности еще больше выставляютъ разнородныя качества и приманки двухъ крайностей...

У шумящихъ фонтановъ,
При закатѣ дня,
На привалъ каравановъ
Любовался я.
Какъ степныя газели
Бедуинки летѣли,
И ихъ очи блестѣли
Молньей на меня.

Дышутъ нѣгою знойной
Смуглыхъ дѣвъ черты,
Взоръ сулитъ безпокойный
Страстныя мечты...
Не поклонникъ Пророка
Я отдамъ дѣвъ Востока
За лазурное око
Русской красоты.

Пусть плѣняетъ артиста
Африканскій день,
Неба блескъ золотистый,
Стройной пальмы тѣнь, —
Край приманкой богатый
Я отдамъ безъ возврата
За дымокъ русской хаты,
За родную сѣнь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Полно такъ ли?

ТЕНОРСКІЙ (*живо, приложивъ руку къ сердцу*). Могу вамъ побожиться, что это сказано отъ души!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*взглянувъ на него краснѣетъ и отворачивается*). Вамъ, артистамъ, всегда надо вѣрить вполовину; живость вашихъ впечатлѣній увлекаетъ васъ самихъ, и вы способны очень искренно противорѣчить сами себѣ по нѣсколько разъ въ день, находясь всегда подъ вліяніемъ настоящей минуты...

ТЕНОРСКІЙ. Когда эти минуты не врѣзались вѣчнымъ воспоминаніемъ въ наше сердце!.. Но согласитесь, что такія воспоминанія были бы намъ нездоровы: мы такъ живо чувствуемъ, сами вы сказали, чтожъ бы съ нами было, если бъ мы долго чувствовали?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да, ужъ это общее условіе! Все что очаровательно на мигъ, скоро насъ покидаетъ: весна, молодость, восторгъ, страсть... остается съ нами лишь то, что́ скучно...

ГРАФЪ (*вслушавшись*). Напримѣръ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*равнодушно*). Напримѣръ... (*живо и съ неудовольствіемъ*). Ахъ, графъ, избавьте, ради Бога, отъ примѣровъ.

ГРАФЪ. Я съ намѣреніемъ предложилъ мой вопросъ: вы не замѣтили сами, какъ необязательна была ваша фраза для тѣхъ людей, которые постоянно при васъ находятся... Вы будто помѣщали ихъ въ категорію всего скучнаго... а вы такъ любезны, что вѣроятно не имѣли намѣренія, и только не нарочно...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ пренебреженіемъ*). Почему же вы полагаете, что не нарочно?..

ГРАФЪ. Потому что слишкомъ почитаю васъ, чтобъ осмѣлиться думать, что вы такъ дешево цѣните все солидное въ жизни...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Ахъ, Боже мой! опять замысловатые споры.. опять придирки къ каждому слову!.. Графъ, предупреждаю васъ, что у меня и такъ отъ давишняго разговора голова разболѣлась, и что мнѣ нужно развлеченіе... Пожалуйста, не мучьте меня!

ГРАФЪ (*съ досадою*). Вы называете му́кою самое скромное замѣчаніе!

ТЕНОРСКІЙ (*въ сторону*). Это называютъ влюбленными людьми! Хороша любовь!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*сложивши руки*). Умоляю васъ, оставьте меня въ покоѣ... хоть на одинъ день! или это вамъ такъ мудрено?

ГРАФЪ. Отъ васъ зависитъ приказать... я сейчасъ уйду... но мнѣ странно, что я лишній между вами и лучшимъ моимъ другомъ...

ТЕНОРСКІЙ. Помилуй, графъ, что́ съ тобою?

ГРАФЪ (*горько*). О, ты слишкомъ добръ, что замѣчаешь!.. Я думалъ, что ты ужъ такъ занятъ соимъ разговоромъ, что тебѣ не до меня!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*въ сторону*). Ахъ, какое съ нимъ надобно имѣть терпѣніе! Онъ всегда таковъ, когда видитъ, что не имъ однимъ занимаются исключительно. (*громко*). Графъ, послушайте прекрасное предложеніе: вашъ другъ давно не былъ въ Петербургѣ, ему пріятно будетъ видѣть, какъ похорошѣли наши дачи, острова. Пойдемте гулять...

ТЕНОРСКІЙ. Прекрасная мысль! Я очень радъ .

ГРАФЪ. Помилуйте, въ этотъ жаръ итти пѣшкомъ! Я не бедуинъ, мнѣ не въ мочь!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я велю заложить мой лондонскій шарабанъ, мы всѣ можемъ въ него помѣститься... Тетушка, вѣрно, не откажется: она такъ добра!.. Тетушка, угодно вамъ прокатиться?

ТЕТУШКА. Я вездѣ готова за тобою, прикажи закладывать... свѣжій воздухъ и прогулка меня разсѣятъ .. Десятое письмо отъ Юліи къ Кларѣ меня разстроило, оно такъ нѣжно и такъ грустно!..

ГРАФЪ. Елена Петровна! Юлія Романовна, смилуйтесь! Вы совсѣмъ замучили новую четверню вашу и вечеромъ вамъ нельзя будетъ на ней поѣхать въ Парголово...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. И то правда!.. Какъ досадно! Но мы можемъ ѣхать теперь верхомъ...

ГРАФЪ. Кавалькада утромъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ?.. чтобъ насъ приняли, за дикарей?.. Кто изъ дому показывается утромъ на лошади?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы опять правы! Это не принято!.. Но я не вижу почему бы намъ не прокатиться въ лодкѣ около всѣхъ острововъ? Это не оскорбитъ устава моды, я надѣюсь?..

ГРАФЪ. Чтобъ насъ всѣхъ закачало до головокруженія? А у васъ же безъ того голова болитъ... Нѣтъ, я покорный слуга, совершенно отказываюсь отъ такой идиллической забавы!..

ТЕНОРСКІЙ. Какой же ты несговорчивый сталъ!.. и противъ дамы... Право, сами бедуины гораздо любезнѣе...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ досадою*). О, у вашего пріятеля ужъ такой нравъ! Онъ не любитъ для другихъ жертвовать минутою своего спокойствія; ему вѣчно нѣкогда, или нельзя... Когда случится приглашать его куда нибудь, для него то слишкомъ холодно, то слишкомъ жарко... За то онъ солидный человѣкъ!..

ТЕНОРСКІЙ (*тихо графу*). Помилуй, женихомъ ты таковъ, что же будетъ, когда женишься?..

ТЕТУШКА (*которая внимательно смотрѣла на все происходящее*). Графъ, пожалуйте мнѣ вашу руку и проводите меня; я засидѣлась, мнѣ нужно прогуляться.

ГРАФЪ (*неохотно подходитъ къ ней*). Къ вашимъ услугамъ...

ТЕТУШКА (*тихо, уходя съ нимъ*). Вы сами портите свои дѣла... Можно ли быть такимъ несноснымъ?..

—

VI.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА И ТЕНОРСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ. Онъ всегда у васъ такъ милъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*пожимая плечами*). Это его нормальное положеніе.

ТЕНОРСКІЙ. И безъ всякихъ причинъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Онъ встаетъ скучный, является ко мнѣ скучающій, зѣваетъ каждыя пять минутъ, безпрестанно глядитъ на часы, кушаетъ очень исправно, говоритъ мало, и дуется, когда при немъ другіе не скучаютъ. Вотъ вамъ монографія вашего друга. Впрочемъ, справедливость требуетъ, чтобъ я прибавила, что онъ очень добрый, очень вѣрный, очень преданный мнѣ другъ, и самый благородный человѣкъ, какого можно найти только въ цѣломъ мірѣ!

ТЕНОРСКІЙ. И... вы...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Спрашивайте, спрашивайте, я чувствую себя въ припадкѣ откровенности... Къ тому же, вы пріѣхали такъ недавно и уѣзжаете такъ скоро, что съ вами надо поторопиться быть откровеннѣе, иначе, пожалуй, и не успѣешь!

ТЕНОРСКІЙ. Къ тому же откровенность съ проѣзжимъ неопасна, не успѣешь въ ней раскаиться. Не то ли вы хотѣли сказать?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*улыбаясь*). Кто васъ проситъ отгадывать то, чего и въ помышленіи у меня не бывало?.. Но вы ошиблись, я вамъ скажу просто и искренно, что есть люди, съ которыми сходишься въ полчаса, въ замѣнъ тѣхъ многихъ, съ которыми двадцать лѣтъ знакомишься и никогда не сойдешься. Вы, сами, не знаю почему, внушаете мнѣ довѣріе, вы другъ вашего друга, и такъ какъ дѣло идетъ о немъ, я вправѣ почитать себя въ званіи третьяго друга между вами обоими. Въ этомъ званіи, вы для меня старый знакомый!

ТЕНОРСКІЙ. Душевно радъ!.. Мнѣ самому кажется, что я давно васъ знаю, давно пріѣхалъ, такъ мнѣ у васъ какъ-то пріятно и легко!.. Даже не знаю навѣрное, помню ли я еще, что мнѣ должно ѣхать опять, и когда?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Полноте думать объ отъѣздѣ, погостите лучше здѣсь. Вы оживите хоть немного нашу умственную пустыню. Вы ужъ довольно видѣли, чтобъ понять, какъ однообразно мы проводимъ время! Вы застали всѣхъ насъ въ расплохъ, среди нашей вседневной жизни, и вотъ ужъ вникли въ нее, какъ будто давно въ ней участвуете, стало быть, предъ вами я могу говорить свободно... Но вы хотѣли сдѣлать мнѣ какой-то вопросъ?

ТЕНОРСКІЙ. Я думалъ у васъ спросить, давно ли вы невѣста графа Дмитрія Звонскаго?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Какъ, развѣ я его невѣста?

ТЕНОРСКІЙ. Ради Бога, простите меня, если мой вопросъ не скроменъ. Мнѣ Дмитрій самъ сказалъ о вашихъ отношеніяхъ, и я не думалъ, я не предполагалъ, что это еще покуда тайна!.. Надѣюсь, что вы не разсердитесь?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я и не думаю сердиться, я просто разсуждала сама съ собою; вы навели меня нечаянно на этотъ осмотръ совѣсти: я спрашиваю себя, точно ли я невѣста графа Звонскаго?..

ТЕНОРСКІЙ. Но вѣдь вы выходите за него замужъ, это ужъ было такъ рѣшено?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Помнится, точно, когда-то было, но съ тѣхъ поръ...

ТЕНОРСКІЙ. Въ свою очередь, умоляю васъ продолжать...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Съ тѣхъ поръ обстоятельства сблизили насъ и въ тоже время удалили другъ отъ друга... Мы видимся такъ часто, такъ хорошо знаемъ одинъ другаго, что я не понимаю возможности и надобности соединиться еще тѣснѣе... Привычка ладить съ характеромъ графа и... и страдать иногда отъ него, эта привычка такъ освоила меня съ нашимъ теперешнимъ положеніемъ, что мнѣ самой кажется иногда, что мы когда-то, очень давно, гдѣ-то... очень далеко... были ужъ обвѣнчаны, потомъ умерли, воскресли, и сошлись здѣсь покойниками, вдовцами одинъ другаго...

ТЕНОРСКІЙ (*очень серьозно и съ участіемъ*). Прикажете ли смѣяться, или велите мнѣ скорбѣть за васъ обоихъ въ слѣдствіе такого признанія?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*горько улыбаясь*). Какъ хотите, какъ сами знаете!.. Вы со стороны лучше меня можете видѣть и заключить, чего стоитъ такое странное положеніе двухъ человѣкъ, почти обреченныхъ провести вмѣстѣ свою жизнь!

ТЕНОРСКІЙ (*живо съ участіемъ*). О! я тутъ ничего, но вы... вы! Можетъ ли быть, чтобъ вамъ на долю выпалъ такой удѣлъ?.. Какъ онъ долженъ васъ тяготить!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. (*грустно*). Я вамъ призналась, что я какъ тѣнь въ Елисейскихъ поляхъ: тѣни ничего не чувствуютъ, онѣ только помнятъ... И я помню, что я когда-то тоже могла чувствовать, могла радоваться, надѣяться, любить, желать... теперь все это для меня давно прошедшее... я отжила!..

ТЕНОРСКІЙ. Еще одинъ вопросъ, и не бойтесь высказать правду честному человѣку, который васъ пойметъ, который васъ спрашиваетъ не изъ любопытства, а изъ чистѣйшаго участія.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Спрашивайте.

ТЕНОРСКІЙ. Вы любите графа?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*нерѣшительно и запинаясь*). Д..д... Н...н... рѣшительно сама не знаю!..

ТЕНОРСКІЙ (*послѣ молчанія*). Я вамъ вѣрю. Вы или не хотите, или не смѣете читать въ самой себѣ!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*смѣло и съ увлеченіемъ*). Что я знаю, и въ чемъ я крѣпко увѣрена, это то, что я графа уважаю отъ всей души... желаю ему всякаго добра, готова отдать ему или за него многое, но только не жизнь мою, только не себя!.. Я солгу, если захочу сказать больше...

ТЕНОРСКІЙ. По крайней мѣрѣ, нравится ли онъ вамъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Онъ такъ безукоризненно хорошъ собою, такъ непринужденно ловокъ, статенъ, приличенъ, что, кажется, нѣтъ женщины, которая не отдала бы ему справедливости... Но эта самая безукоризненность меня бѣситъ... Видѣвши его разъ, знаешь его наизустъ и на вѣки вѣковъ... Иногда мнѣ хотѣлось бы видѣть въ немъ хоть какое нибудь отступленіе отъ его форменности и привычекъ, я бы дорого дала, чтобъ его галстухъ былъ дурно повязанъ, чтобъ его волосы не гладко лежали... А теперь онъ пугаетъ меня своею недвижностью и неизмѣнностью: это каменный гость Донъ-Жуана, это не живой человѣкъ!..

ТЕНОРСКІЙ (*поспѣшно взявъ ее за руку*). Вы его не любите! нѣтъ, вы его не любите!.. вы не можете его любить!.. Вы и онъ—двѣ разнородныя стихіи, вамъ сойтись, значитъ уничтожить одну чрезъ другую.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ увлеченіемъ*). Молчите, молчите, ради Бога, прошу васъ; не говорите мнѣ этого!.. я боюсь вашихъ словъ, боюсь собственныхъ размышленій, боюсь снять повязку съ моихъ глазъ... тогда я слишкомъ ясно прочитаю въ моемъ сердцѣ, и что я сдѣлаю съ горькою истиною, которую въ немъ найду!..

ТЕНОРСКІЙ (*съ горячностью*). Но эта истина спасетъ васъ!.. но отвѣтъ сердца будетъ выкупомъ цѣлой вашей жизни. Я совѣтую вамъ, если смѣю совѣтовать... я прошу, умоляю васъ, будьте откровенны съ самою собой, не обманывайте себя и Дмитрія, для вѣчнаго, неисцѣлимаго несчастія обоихъ!.. Теперь еще время: имѣйте силу разорвать незакрѣпленную цѣпь, позднѣе—она васъ закуетъ такими оковами, какихъ

люди не будутъ въ состояніи разбить, да и самъ Богъ иначе не рушитъ, какъ чрезъ смерть...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Что жъ мнѣ дѣлать? я давно вижу, что мы не созданы другъ для друга... Я предчувствую, какъ трудна будетъ намъ обоимъ, и особенно мнѣ, жизнь вдвоемъ, подобная жизнь! Вотъ почему я всегда отлагала рѣшеніе нашей участи... Но какъ мнѣ выйти изъ затруднительнаго положенія? какъ разстаться съ графомъ?..

ТЕНОРСКІЙ. Имѣйте духъ сдѣлать ему откровенное и полное признаніе; какъ благородный человѣкъ, онъ васъ пойметъ, онъ *долженъ* васъ понять, оцѣнить вашъ поступокъ и даже быть вамъ благодарнымъ за доказательство вашего добровольнаго уваженія, вмѣсто любви, которой вы не вольны въ себѣ возбудить.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*нерѣшительно*). Сказать человѣку, что его не любишь... послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ съ нимъ на ногѣ полу-признаній, полу-привязанности!.. Нѣтъ! это слишкомъ не ловко для меня, слишкомъ обидно для него!

ТЕНОРСКІЙ. Но лучше ли, честнѣе ли оставлять его въ заблужденіи? но лучше ли вамъ обоимъ оставаться въ этомъ неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ вы теперь—не друзья, не враги, не въ ссорѣ, не женихъ, вѣчно вмѣстѣ, и вѣчно за тысячу міровъ одинъ отъ другаго?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Знаете ли что, вѣдь онъ навѣрное воображаетъ, что я его люблю.

ТЕНОРСКІЙ. Тѣмъ хуже!.. Тогда долгъ велитъ вамъ вывести его изъ обмана. Съ какого права дѣлаете вы его смѣшнымъ предъ вами и передъ нимъ самимъ? Онъ думаетъ найти въ васъ любящую жену, вы введете въ домъ его сперва скучающую, потомъ скоро враждебную подругу!.. Нѣтъ! это положеніе недостойно ни васъ, ни его! Ваше признаніе можетъ его огорчить, ваше молчаніе его унижаетъ!..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы правы!.. Вы пріѣхали сюда, чтобъ открыть глаза намъ обоимъ, чтобъ остановить насъ отъ неблагоразумія... Но одно меня еще удерживаетъ отъ искренняго объясненія съ графомъ: что скажетъ свѣтъ, что подумаютъ въ обществѣ? Вѣдь всѣ давно знаютъ, что графъ у меня бываетъ ежедневно, что вся наша родня, и моя и его, давно желаетъ нашей свадьбы... что я почти дала слово: мы сдѣлаемся баснею города на все лѣто!

ТЕНОРСКІЙ. Петербургское лѣто такъ коротко! Развѣ вамъ не останется средствъ занять чѣмъ нибудь другимъ праздное любопытство тѣхъ трехъ, четырехъ домовъ, откуда выходитъ то, что вы называете свѣтскими толками и общимъ мнѣніемъ? Подарите какую нибудь неслыхан-

ную шляпку лучшей вашей пріятельницѣ и уговорите ее прокатиться въ ней по дачамъ, изъ преданности къ вамъ, и тотчасъ разговоры и вниманіе устремятся на нее, оставя васъ въ покоѣ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы опять правы! Все, что вы говорите, давно бродило въ умѣ моемъ и тревожило мое сердце... Но мы, женщины, часто боимся быть искренними даже съ собою... Я не смѣла дать хода моимъ мыслямъ, не вѣрила ихъ безпристрастной справедливости... теперь вы ихъ раздѣляете, и съ меня довольно уже одного свидѣтеля, чтобъ оправдать меня въ моихъ глазахъ...

ТЕНОРСКІЙ. Вотъ ваша тетушка и графъ, они возвращаются въ громкомъ спорѣ...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Уйдемте, я не въ состояніи теперь встрѣтиться съ ними. Мы отправимся будто смотрѣть картины въ моемъ кабинетѣ!.. (*Уходятъ къ балкону Елены Петровны.*)

—

VII.

ТЕТУШКА И ГРАФЪ входятъ съ противоположной стороны, занятые жаркимъ споромъ.

ГРАФЪ (*стараясь урваться отъ тетушки*). Нѣтъ, Юлія Романовна, не смотря на все мое уваженіе къ вашей особѣ, я не могу раздѣлять вашего мнѣнія. Я вовсе не признаю себя виною перемѣны вашей племянницы ко мнѣ... это капризы съ ея стороны, просто капризы... Я...

ТЕТУШКА. Вы... вы... то есть упрямы, самонадѣянны, самолюбивы... какъ настоящій человѣкъ вашего поколѣнія. Нѣтъ, прежде мужчины не такіе бывали и не такъ себя вели! Изъ чего вы сердитесь теперь? что такое случилось?

ГРАФЪ. Какъ, развѣ вы не замѣтили?.. Они уходятъ, когда мы пришли. Вѣдь это нарочно!

ТЕТУШКА. Я и сама такъ полагаю. Да что жъ тутъ обиднаго для васъ? Развѣ мы съ вами не уходили?

ГРАФЪ. О, это совсѣмъ другое дѣло! Мы съ вами... мы съ вами почти родня... Мы оставили ихъ, чтобъ посмотрѣть, какъ она... какъ онъ... какъ они...

ТЕТУШКА. Какъ они знакомились и бесѣдовали, по вашему желанію; чтожъ тутъ страннаго?..

ГРАФЪ. Ничего! но развѣ вы не замѣчаете, какъ Елена Петров-

на развеселилась и разлюбезничалась вдругъ, и съ кѣмъ же? съ человѣкомъ, котораго видитъ въ первый разъ?..

ТЕТУШКА. Съ вашимъ давнишнимъ другомъ, котораго она принимаетъ какъ гостя, учтиво и мило. Неужто вы ревнуете?

ГРАФЪ. Кто, я? Избави Боже... мнѣ ревновать и къ тому же Тенорскаго... артиста, проѣзжаго. Нѣтъ, это слишкомъ не похоже на меня; но я нахожу, что женщинѣ, какъ Елена Петровна, что моей будущей женѣ не прилично такъ вести себя... не прилично знакомиться и сближаться съ кѣмъ бы то ни было... Я ожидалъ отъ нея больше достоинства, больше недоступности. Однако куда же они ушли?.. (*оглядывается*).

ТЕТУШКА, Вѣрно Леночка показываетъ ему свою дачу...

ГРАФЪ. Нѣтъ, они вышли изъ гостиной, они на балконѣ... (*опять идетъ смотрѣть за кулисы*).

ТЕТУШКА. Ну, такъ она показываетъ ему садъ.

ГРАФЪ. Но вѣдь это неприлично, не кстати!.. Они одни!..

ТЕТУШКА (*со смѣхомъ*). А здѣсь насъ сколько же, позвольте узнать?..

ГРАФЪ (*возвращается*). Но вы... но я... но мы...

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Изъ себя выходитъ!.. Тѣмъ лучше. Продолжай, мой батюшка, это тебѣ здорово. Въ мой вѣкъ вашу братью нарочно заставляли ревновать, чтобъ вы не скучали...

ГРАФЪ (*въ сильномъ волненіи ходитъ взадъ и впередъ*). Не итти ли мнѣ къ нимъ?

ТЕТУШКА (*съ ироніей*). Что ты, что ты, мой свѣтъ? Вы съ Леночной разстались въ ссорѣ и ты первый пойдешь ее отыскивать?.. Да это значило бы забывать свое достоинство!.. Подумай, прилично ли тебѣ дѣлать первый шагъ къ примиренію?

ГРАФЪ (*все ходитъ и суетится*). Вы правы, негодится... да и не зачѣмъ, вѣдь я совершенно спокоенъ на счетъ Елены Петровны... Она хоть и сердита на меня, но это ничего не значитъ... мы сегодня-же помиримся. Но что-жъ они такъ долго?..

ТЕТУШКА. Полно тебѣ все высматривать; право, подумаешь, что ты не шутя ревнуешь! Какое торжество для Леночки, если бъ она знала...

ГРАФЪ (*поспѣшно возвращается*). И не думаю ревновать, это было бы смѣшно и глупо до крайности!.. Я только желаю знать, о чемъ они толкуютъ такъ долго, и по видимому, такъ откровенно?

ТЕТУШКА (*съ притворнымъ простодушіемъ*). Можетъ быть о насъ съ тобой; вѣдь мы говорили же о нихъ все время.

ГРАФЪ (*дѣлаетъ знакъ нетерпѣнія*). Помилуйте! что жъ объ насъ имъ говорить?

ТЕТУШКА. Да ты и на меня сердишься?.. О, такъ Богъ съ тобою, мой батюшка! Оставайся себѣ въ дурномъ духѣ, я тебѣ мѣшать не стану! (*садится, надѣваетъ очки и беретъ свою книгу; графъ ходитъ, какъ угорѣлый, и по временамъ наблюдаетъ у кулисы*).

ГРАФЪ (*въ величайшемъ волненіи*). Очень нужно было пріѣзжать этому Тенорскому!

ТЕТУШКА (*читая громко*). «Письмо XXVI, отъ Сен-Пре къ Юліи. Какъ мое положеніе измѣнилось въ нѣсколько дней!.. Сколько горечи примѣшивается къ сладости моего приближенія! О Юлія!.. Тотъ, кто награжденъ чувствительною душою, долженъ приготовиться найти много горя и страданія на землѣ!»

ГРАФЪ. Охота была мнѣ такъ ему обрадоваться и представить его!.. Вотъ и награда: для него забываютъ мое присутствіе, мое существованіе!

ТЕТУШКА (*читаетъ*). «Таково жестокое положеніе, въ которое повергаетъ меня враждебный рокъ: видѣть тебя и не владѣть тобою, быть любимымъ и не быть счастливымъ, жить близъ тебя, но не вмѣстѣ съ тобою!.. О Юлія, отъ которой я не могу отказаться, о судьба, которой я не могу превозмочь!»

ГРАФЪ. Это просто смѣшно; она забыла всякое уваженіе ко мнѣ. Я долженъ, я хочу знать наконецъ, въ какомъ отношеніи мы другъ къ другу и чѣмъ все это кончится?

ТЕТУШКА (*читаетъ*). «Между скалами сего берега, я нашелъ въ уединенномъ убѣжищѣ небольшое возвышеніе, съ котораго взоръ мой открываетъ блаженный городъ, въ которомъ она обитаетъ».

ГРАФЪ (*опять смотря за кулисы*). Они у берега и собираются, кажется, кататься въ лодкѣ!

ТЕТУШКА (*читаетъ*) «Только одно слово прибавлю я, о восхити-«тельная Юлія! Ты знаешь древній обычай скалы Левкадской, сего по-«слѣдняго прибѣжища несчастныхъ любовниковъ?.. Сіе мѣсто похоже «на окрестности Левкады: здѣсь тоже крутая скала... здѣсь тоже глу-«бокія воды,—а я въ отчаяніи!»

ГРАФЪ (*беретъ шляпу*). Такъ и я поѣду съ ними!.. (*останавливается*). Но въ этотъ жаръ, на солнцѣ!.. и что подумаютъ, если меня встрѣтятъ?..

ТЕТУШКА (*утираетъ глаза*). Какой слогъ! какія чувства! Вотъ истинная любовь!.. Но я не этого письма искала... Мнѣ хочется перечитать еще разъ несравненный разсказъ о приключеніи въ боске-

тѣ... онъ освѣжитъ мои мысли отрадною картиною истиннаго счастія, награждающаго вѣчную любовь... А, вотъ письмо о боскетѣ...

ГРАФЪ. Они ушли отъ лодки... они повернули въ аллею... она опирается на его руку... Чортъ бы его унесъ!..

ТЕТУШКА (*читая*). Вотъ и письмо о приключеніи, нашла, нашла! «Подходя къ боскету я замѣтилъ, не безъ тайнаго волненія, ваши условные знаки, ваши взаимныя улыбки...»

ГРАФЪ. Что я вижу? онъ шепчетъ ей что-то на ухо... она улыбается... нѣтъ! это ужъ слишкомъ! Я сейчасъ...

ТЕТУШКА (*читаетъ почти со слезами*). «Но что сталось со «мною, когда вдругъ.. я почувствовалъ сладостную дрожь... и горячія «уста твои, слившись съ моими, напечатлѣли имъ огненный поцѣлуй!»

ГРАФЪ (*оборачивается съ крикомъ изступленія*). Какъ, что? Что вы сказали, поцѣлуй?!! Онъ смѣлъ... онъ смѣлъ... (*подбѣгаетъ къ тетушкѣ, схватываетъ ее за руку и сильно трясетъ ее*). Какъ вы сказали? онъ поцѣловалъ ее? она позволила?..

ТЕТУШКА (*встаетъ съ крикомъ испуга*). Ахъ, мой батюшка!.. не съ ума ли ты сошелъ?.. Что съ тобою сдѣлалось? Съ чего ты меня такъ испугалъ?..

ГРАФЪ (*съ яростію*). Повторите, повторите! Онъ ее поцѣловалъ?..

ТЕТУШКА. Ну, да! поцѣловалъ! что-же такое? Развѣ это не всегда такъ случается?

ГРАФЪ. Что-жъ такое вы говорите? Такъ по вашему — ничего? Прекрасныя правила! Я послѣ этого не удивляюсь, что ваша племянница себѣ позволяетъ такое поведеніе... Но въ ваши годы прилично ли дозволять, должно ли оправдывать такія непростительныя вольности?..

ТЕТУШКА. Да я-то чѣмъ виновата?.. Вотъ взбѣленился!.. Оставь меня, батюшка; точно бѣшеный какой. Глаза такъ и горятъ. Просто глядѣть на тебя не могу. (*закрываетъ себѣ глаза рукою*). Фи, страсти какія!.. Ну, что-жъ, поцѣловалъ, такъ поцѣловалъ, да и дѣло съ концемъ. Великая бѣда!.. Да тебѣ-то что?

ГРАФЪ. Какъ мнѣ-то что? И вы хотите, чтобъ я допустилъ мою невѣсту...

ТЕТУШКА (*всплеснувъ руками*). Твою невѣсту! Ужъ ты теперь собрался жениться на Новой Элоизѣ?..

ГРАФЪ (*въ сторону*). Съ ума сошла! Романы ее сбили съ толку... (*громко*). Кто вамъ говоритъ о Новой Элоизѣ? Бросьте ее!.. Вы сами видѣли, какъ они поцѣловались?..

ТЕТУШКА. Сама, батюшка... то есть, не видѣла, а вотъ тутъ прочитала... (*показываетъ ему на книгу*).

ГРАФЪ. Прочитали? Гдѣ? что?.. Про кого вы говорите?..

ТЕТУШКА. Про Юлію и Сенъ-Прё... вѣдь они встрѣтились въ боскетѣ...

ГРАФЪ. Какъ, не про Елену Петровну?.. Не она позволила Тенорскому...

ТЕТУШКА (*съ гнѣвомъ*). Да что ты, батюшка, что съ тобой?.. Не стыдно ли тебѣ такіе ужасы разсказывать про мою бѣдную Леночку?.. Вѣдь это просто грѣхъ!

ГРАФЪ. Какъ я разсказываю?.. Да не вы ли же сами закричали, что они поцѣловались!..

ТЕТУШКА. Онъ, то есть Сенъ-Прё, поцѣловалъ ее, то есть Новую Элоизу, Юлію д'Этанжъ!..

ГРАФЪ (*совершенно успокоившись и съ обычною флегмой*). Только-то!.. Боже мой! Стоило же меня такъ пугать?..

ТЕТУШКА. Нѣтъ, это ты меня испугалъ, когда бросился, какъ сумасшедшій.

ГРАФЪ. Ахъ, Юлія Романовна, простите меня великодушно... Право, я не знаю, что дѣлаю... еще меньше знаю, что мнѣ дѣлать...

ТЕТУШКА. Это и видно, мой батюшка!.. Я ужъ цѣлый часъ уговаривала тебя успокоиться, но ты ни какихъ резоновъ не принимаешь...

ГРАФЪ. Вамъ легко говорить!.. Вообразите себя на моемъ мѣстѣ!..

ТЕТУШКА (*качая головой*). Славное было бы мѣсто, когда бъ ты самъ его не портилъ своими странностями!.. А все гордость ваша проклятая! Чтобы признаться, по просту безъ затѣй, что ты ревнивъ, и послать меня на выручку, а то нѣтъ, все отпираешься, самолюбіе не позволяетъ... не прилично быть ревнивымъ!.. Самъ изъ себя выходитъ, да меня же тутъ измучилъ и все изъ пустяковъ. По моему, Леночка очень умно поступаетъ.

ГРАФЪ. Очень умно! Покорно благодарю. Что-жъ тутъ умнаго, что она кокетничаетъ съ другимъ, когда знаетъ, что я тутъ и жду ее?

ТЕТУШКА. Ты съ утра, Богъ знаетъ, въ какомъ расположеніи—блажилъ, капризничалъ, мудрилъ, словомъ, вывелъ бѣдную женщину изъ терпѣнія; она мститъ тебѣ, это очень натурально. А что, если она хочетъ тебя испытать?..

ГРАФЪ (*безпечно*). Испытать меня? съ какой стати?..

ТЕТУШКА. Ужъ это нашъ женскій секретъ. Но мнѣ жаль тебя!

поди, пошли мнѣ мою племянницу, а самъ займись твоимъ гостемъ, да не показывай, что ты сердитъ; будь съ нимъ какъ можно ласковѣе и развязнѣе; а о твоихъ дѣлахъ ужъ я постараюсь, такъ и быть!

ГРАФЪ. Что вы хотите дѣлать?

ТЕТУШКА. Это мой секретъ. Положись только на меня, я ничего не испорчу! Ступай, дѣлай по моему, все будетъ хорошо.

ГРАФЪ. Повинуюсь вамъ; пойду любезничать во что бы то ни стало. А вы не забывайте моихъ выгодъ, помирите меня съ Еленой Петровной. (*въ сторону*). Изъ ея заступничества ничего не выйдетъ, но надо ее задобрить, чтобъ она мнѣ, по крайней мѣрѣ, не мѣшала!.. А я объяснюсь потомъ съ Еленой Петровной и заставлю ее понять всю несообразность ея поведенія... Она привыкла слѣпо вѣрить моему мнѣнію.

—

VIII.

ТЕТУШКА одна.

Чудакъ!.. а впрочемъ славный человѣкъ и мнѣ очень жаль будетъ, если Леночка не съумѣетъ удержать его... Не онъ виноватъ, а мода, его воспитаніе! Въ наше время мужчины были нѣжнѣе и любезнѣе, это правда; за то и мы... мы сами были умнѣе и хитрѣе: умѣли заставлять ихъ плясать по своей дудочкѣ!..

Бывало, насъ любили.
Десять лѣтъ наши цѣпи носили,
Богинями мы были,
Безъ горя, безъ заботъ,
Но нынче вѣкъ не тотъ!

Мужчины отдыхаютъ,
Поютъ, ѣдятъ, спятъ, играютъ, зѣваютъ,
А женщины, вздыхаютъ,
И скука ихъ гнететъ!..
Нѣтъ! нынче вѣкъ не тотъ!

Поклонникъ для свиданья
Двадцать верстъ пролеталъ безъ роптанья,

Авось предметъ желанья
Въ окно ему кивнетъ!
Но нынче вѣкъ не тотъ!

Теперь любить не мода!
Бѣдныхъ женщинъ не цѣнятъ уроды,
Имъ клубъ, да картъ колода,—
Любовь пусть подождетъ!..
Фи!.. нынче вѣкъ не тотъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не тотъ!

Теперь ни учтивости прежней, ни ухаживаній, ни деликатности!.. Поглядишь, дамы и кавалеры вмѣстѣ курятъ, вмѣстѣ болтаютъ всякій вздоръ, словно школьные товарищи, другъ съ другомъ безъ фасона... Что-жъ мудренаго, что нѣтъ никакого уваженія къ прекрасному полу?.. Прежде бывало, въ мое время:

Мужчина средь салона
Лишь замѣтитъ явленье робъ-рона,
Отвѣситъ три поклона, (*кланяется какъ мужчина*).
И къ ручкѣ подойдетъ....
Жаль, нынче вѣкъ не тотъ!

А дама присѣдаетъ, (*чинно и манерно приседаетъ*).
Томный взоръ лишь чуть-чуть поднимаетъ,
И вѣеромъ играетъ,
И губки нѣжно жметъ....
Ахъ! нынче вѣкъ не тотъ!

Косматый левъ надменно
Дернетъ руку у дамы почтенной,
А та глядитъ смиренно,
Невѣждѣ лапу жметъ!....
Фи! нынче вѣкъ не тотъ!
Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не тотъ!

Чего же послѣ этого ожидать добраго отъ молодыхъ мужчинъ?.... Жмутъ у женщинъ руку! да это просто свѣтъ вверхъ дномъ пошелъ!.... Графъ ужъ тѣмъ хоть отличается отъ другихъ, что смотритъ не

сорванцемъ!... Къ тому же онъ лѣнивъ, безпеченъ, любитъ, чтобъ за него думали, за него хлопотали..... Эти качества неоцѣнены въ мужѣ. Леночка еще не понимаетъ, какъ они впередъ ей пригодятся въ супружеской жизни!.... Мое дѣло понять за нее и дѣйствовать въ ея пользу. Вѣдь наконецъ я ей добра больше желаю, чѣмъ ея жениху; ея счастіе мнѣ дороже; устроить бы только его, а о счастіи ея будущаго мужа не мое дѣло заботиться. на то есть свое счастье!.. Пусть Богъ дастъ ему всего хорошаго!.... Конечно, я и ему зла не желаю, но мужчины на то и мужчины, чтобъ за самихъ себя стоять!..... Главное въ томъ, чтобъ уладить поскорѣе эту сватьбу!....

—

IX.

ТЕТУШКА, ЕЛЕНА ПЕТРОВНА.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы меня спрашивали, милая тетушка?

ТЕТУШКА. Да, я хочу поговорить съ тобою.... пожурить тебя немножко!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Пожурить? за что?

ТЕТУШКА. За твою чрезмѣрную жестокость къ бѣдному графу. Вѣдь онъ изъ себя выходитъ! Какъ тебѣ его не жаль?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*смѣясь*). Какъ вамъ не стыдно объ немъ жалѣть? Если онъ не въ духѣ, то это для меня не новость,—и для васъ тоже, надѣюсь; но изъ себя выходить, воля ваша, онъ неспособенъ, это не въ его средствахъ; онъ слишкомъ хладнокровенъ, слишкомъ любитъ свой дорогой комфортъ! Теперь, скажите же, въ чемъ состоитъ моя жестокость?

ТЕТУШКА. Послушай, ты его хотѣла проучить, это не бѣда, напротивъ, я тебя хвалю за это. Но согласись, что ты ужъ его довольно и прочуила и помучила.... Пора перемѣнить гнѣвъ на милость.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Тетушка, я васъ рѣшительно не понимаю! Божусь вамъ, что я совсѣмъ не помышляла ни учить, ни мучить графа..... Откуда вы это взяли?....

ТЕТУШКА. Полно, Леночка, что тебѣ за охота хитрить со мною?.... Ты меня не проведешь, и я еще довольно женщина, чтобъ понять твои уловки.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ недоумѣніемъ*) Въ фанты что-ли мы съ вами

играемъ, милая тетушка? Ваши слова для меня настоящая загадка: о какихъ хитростя хъ, о какихъ уловкахъ говорите вы?

ТЕТУШКА (*грозя ей пальцемъ*). Плутовка! такъ я и повѣрю, что ты все съ проста и говоришь и поступаешь?... Какъ бы не такъ!.... (*въ сторону*). Она притворяется, проказница! Надо ее вывести на свѣжую воду! (*громко*). Я тебѣ говорю, что ты довольно отмстила графу и что пора его простить!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Отмстила, я, ему? Но какъ и чѣмъ?

ТЕТУШКА. Если это не мщеніе, такъ испытаніе; и въ такомъ случаѣ я тебя еще больше одобряю; но есть мѣра всему, пора перестать!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Тетушка, вы меня съ ума сведете вашими намеками... Ради моего спокойствія, не мучьте меня, говорите просто: въ чемъ дѣло?

ТЕТУШКА. Какое притворство!.... И все даромъ! Меня-ли ты вздумаешь увѣрять, что ты не для того кокетничала съ Тенорскимъ, чтобъ наказать графа за его капризы?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*смѣясь отъ души*). Вотъ прекрасная исторія!!.... Вотъ чудная выдумка!.... Тетушка, милая тетушка, вы составили себѣ цѣлую комедію на нашъ счетъ, но только я не берусь ее разыгрывать; во-первыхъ я и не думала кокетничать съ Тенорскимъ, а во-вторыхъ, зачѣмъ же мнѣ наказывать этого бѣднаго графа? Онъ и такъ ужъ довольно наказанъ самъ собою!

ТЕТУШКА. Что это значитъ?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. То, что мнѣ было просто очень весело съ Тенорскимъ, который много видѣлъ, все помнитъ, хорошо разсказываетъ; онъ то смѣшилъ меня до слезъ, то заставлялъ задумываться, и то и другое стало мнѣ теперь въ диковинку; а графъ между тѣмъ сидѣлъ себѣ съ своей хандрой.... О! я ему не завидую; ему никогда не бываетъ такъ скучно, какъ когда онъ наединѣ съ самимъ собою!.....

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Я вижу, что и ей нужно маленькое испытаніе; и ее не худо проучить, хотя бы за ея упрямство и недовѣрчивость!.... (*громко*). Если ты не съ намѣреніемъ ушла отъ насъ, чтобъ наказать графа, то объясни мнѣ, какъ ты можешь быть такъ беззаботна и весела, когда въ ссорѣ съ тѣмъ, кого любишь?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ замѣшательствомъ*). Въ томъ-то и дѣло, что я его не люблю!

ТЕТУШКА. Не любишь? Вотъ новость!.... Давно-ли?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Очень давно, потому что я никогда его не любила, но сама узнала про это только сегодня.

ТЕТУШКА (*насмѣшливо*). Съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ странствующимъ живописцемъ и краснобаемъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА Съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилась разобрать внимательно неясныя прежде чувства, быть откровенной съ собою... Тетушка, вы вѣрно слыхали о старомъ сравненіи про переполненную чашу, въ которую нельзя прибавить лишней капли, безъ того, чтобъ жидкость не пролилась? Вотъ вамъ истолкованіе моего сердца. Давно ужъ графъ надоѣдаетъ мнѣ своими причудами, своею скукою, своимъ вѣчнымъ нерасположеніемъ; давно ужъ я нетерпѣливо переносила наше взаимное положеніе.... но я молчала, я сдерживала свое неудовольствіе.... Я не хотѣла начинать непріятныхъ объясненій... Сегодня чаша переполнилась: неприличное поведеніе графа вывело меня изъ границъ терпѣнія, я должна была внутренно сознаться, что онъ мнѣ наконецъ сталъ невыносимъ!

ТЕТУШКА (*съ притворнымъ равнодушіемъ*). Какая удивительная и трогательная симпатія между вами! Представъ себѣ, что за минуту графъ мнѣ точно тоже говорилъ, слово въ слово. Онъ давно недоволенъ тобою, онъ видитъ, что ты его не любишь, онъ самъ уже не чувствуетъ къ тебѣ прежней привязанности....

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ радостію*). Возможно ли! Ахъ, добрая, милая, любезная тетушка! Я васъ расцѣлую за такую пріятную новость! (*обнимаетъ нѣсколько разъ тетушку*).

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Экая плутовка! Хитритъ мастерски!.... У самой, чай, душа не на мѣстѣ, а притворяется восхищенною! но она меня не проведетъ Посмотримъ, голубушка, я тебя проучу.... (*громко*). Я должна прибавить еще, что онъ, что твой женихъ .. что графъ.... (*останавливается будто въ нерѣшимости*).

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*живо*). Говорите, говорите, ради Бога!

ТЕТУШКА. Онъ боится за вашу общую будущность: ваши характеры такъ не сошлись....

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я догадываюсь, онъ желалъ бы разрыва?....

ТЕТУШКА (*всматриваясь въ нее*). А еслибъ и въ правду такъ?....

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*съ радостью*). Ахъ! Какое счастье! Какое избавленіе!..... (*снимаетъ съ руки кольцо*). Вотъ, возьмите поскорѣе его кольцо, отдайте ему, сейчасъ-же. Я возвращаю ему его слово..... съ благодарностью Я, кажется, люблю его за то,

что онъ меня не любитъ, за то, что онъ спасаетъ меня отъ себя... Скажите ему, что онъ благородный человѣкъ, что это умно и честно съ его стороны.

ТЕТУШКА. Можешь сама сказать, — вотъ онъ сюда идетъ (*въ сторону*) Настоящая комедія! Онъ мастерски играетъ роль равнодушія, — но посмотримъ, посмотримъ!....

—

X.

ПРЕЖНІЕ и ГРАФЪ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*робко, но весело подходитъ къ графу*). Дмитрій Кириловичъ, вашу руку!.... Я всегда васъ уважала, но теперь чувствую, что мое уваженіе увеличилось.....

ГРАФЪ (*съ недоумѣніемъ*). Елена Петровна! Мнѣ пріятно видѣть въ васъ эти чувства.... Я съ своей стороны, готовъ забыть.... (*къ тетушкѣ*). Я знаю—это ваше дѣло, Юлія Романовна! вы сдержали ваше слово! какъ я вамъ благодаренъ!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Да, да, это она, наша безцѣнная, наша добрая тетушка! Она наше благоразуміе, она спасаетъ насъ отъ глупости... (*тетушкѣ*) Отдайте же ему кольцо.

ТЕТУШКА (*въ недоумѣніи*). Сейчасъ!.. (*въ сторону*) Я не ожидала отъ нея такой ловкости въ притворствѣ; это доказываетъ, какъ она его любитъ, потому-что одна любовь можетъ дать женщинѣ столько ума въ подобномъ случаѣ.

ГРАФЪ. Юлія Романовна! Елена Петровна! довершите ваше доброе дѣло: назначьте день моего счастія, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для всѣхъ насъ.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Я васъ не понимаю!.. Тетушка, о чемъ онъ говоритъ?

ТЕТУШКА (*въ большомъ волненіи*). Ахъ, Боже мой! онъ все испортитъ неумѣстнымъ вопросомъ! (*тихо графу*) Молчите и не противорѣчьте ей, я вамъ послѣ все объясню!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*тихо тетушкѣ*). Кольцо, кольцо! Что же вы не отдаете?..

ГРАФЪ (*въ сторону*). Рѣшительно ничего не понимаю.

ТЕТУШКА (*тихо Еленѣ Петровнѣ*). Довольно, довольно, Леночка... Ты ужъ его славно наказала! Смотри, какой онъ разстроенный! Теперь, прости его, я за него ходатай.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*тоже тихо*). Что съ вами, тетушка?.. Развѣ вы забыли нашъ разговоръ?

ТЕТУШКА (*въ страшномъ замѣшательствѣ*). Да вѣдь ты шутила? Ты хотѣла только продлить испытаніе?.. не такъ ли?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Помилуйте! Какія шутки! какое испытаніе!.. Я очень серьозно, очень рѣшительно хочу развязки!..

ТЕТУШКА (*въ сторону*). Неужели она говоритъ правду?.. Нѣтъ, быть не можетъ! Я ничего тутъ не разберу. Попалась между ними и не выплетусь. (*Еленѣ Петровнѣ*) Дурочка, вѣдь ты его любишь, и онъ тебя также отъ души любитъ, вы повздорили, ну, и полно. Теперь помиритесь...

ГРАФЪ. О чемъ онѣ такъ хлопочутъ? Что за тайны?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Тетушка... вы поклялись меня съ ума свести... Надо же кончить. (*вырываетъ у нея кольцо и подходитъ къ графу*) Графъ, тетушка мнѣ передала вашъ разговоръ съ нею; я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе; я совершенно съ вами согласна. Мы не созданы другъ для друга... Мы не понимаемъ, мы не любимъ одинъ другаго, какъ нужно любить и понимать, чтобъ быть счастливыми въ супружествѣ. Въ такомъ случаѣ, разойтись мирно сто разъ благоразумнѣе и честнѣе, чѣмъ портить жизнь другъ другу. Вотъ вамъ ваше кольцо; я возвращаю вамъ съ нимъ ваше слово, но въ замѣнъ предлагаю вамъ мою дружбу, все мое уваженіе!..

ГРАФЪ (*въ недоумѣніи, отказываясь отъ кольца*). Елена Петровна, что это значитъ? Я не заслужилъ отъ васъ такой обиды, я не могу понять, за что вы меня хотите отвергнуть.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*показывая на тетушку*). Да не вы ли сами просили тетушку объяснить мнѣ ваше желаніе?.. (*тетушкѣ*) Тетушка, скажите, не вы ли говорили мнѣ отъ имени графа, что онъ мною недоволенъ, что онъ хотѣлъ бы разрыва?

ГРАФЪ. Возможно ли? Я никогда... Юлія Романовна? Да я вѣдь просилъ васъ, напротивъ, помирить меня съ Еленою Петровной? (*оба держатъ ее съ двухъ сторонъ*).

ТЕТУШКА. Боже мой! смертный часъ мой пришелъ!.. Я не виновата! Я хотѣла все устроить къ лучшему... я думала васъ сблизить...

Вмѣстѣ { **ГРАФЪ**. Зачѣмъ же вы такъ жестоко переиначили мои слова?
{ **ЕЛЕНА ПЕТРОВНА**. Зачѣмъ же вы не повѣрили моимъ словамъ?

ТЕТУШКА. Да объясняйтесь вы, Бога ради, безъ меня; какъ знаете, такъ и дѣлайте. Я васъ совсѣмъ не понимаю, я ли въ затмѣніи, вы ли чрезъ чуръ мудрены, ужъ этого я не берусь рѣшить... Мнѣ кажется, оба вы не знаете, чего хотите, вы даже не знаете,

любите ли другъ друга?.. Я думала, что Леночка испытываетъ графа, и хотѣла тоже ее помучить, чтобъ она скорѣе согласилась на примиреніе, вотъ и все. Гдѣ же тутъ бѣда?

ГРАФЪ. Вы слышите, Елена Петровна, это была шутка вашей тетушки, не наказывайте меня за чужую вину; возьмите назадъ ваше жестокое рѣшенье и надѣньте опять мое кольцо.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Никогда! Сама судьба взялась развязать узелъ, котораго я не умѣла ни разсѣчь, ни распутать. Сегоднишній день только ускорилъ развязку, которая давно становилась необходима, и мы разойдемся, потому-что, по настоящему, никогда не сходились!.. Графъ Дмитрій Кириловичъ! Я знаю васъ довольно хорошо, чтобъ быть увѣренной въ вашей пріязни, въ вашемъ уваженіи. Я никогда не забуду нашей искренней и долголѣтней дружбы. Забудьте вы другія предположенія, которыя могли бы только сдѣлать и васъ и меня равно несчастными на вѣки!.. Разстанемтесь друзьями; это единственное заключеніе, достойное насъ обоихъ!

—

XII.

ТѢЖЕ, и ТЕНОРСКІЙ.

ТЕНОРСКІЙ (*входитъ разсѣянно, распѣвая, и останавливается, увидя предстоящихъ*). Елена Петровна! графъ! Я пришелъ съ вами проститься: я возвращаюсь въ городъ; нѣтъ ли порученій?

ГРАФЪ. Нѣтъ... благодарю!.. Ну, куда ты спѣшишь? подожди, поѣдемъ вмѣстѣ.

ТЕТУШКА (*сердито*). Лучше бы вы никогда не пріѣзжали, мой батюшка! Настоящая косматая комета; только что несчастіе намъ принесли.

ТЕНОРСКІЙ. Что это значитъ? Какое несчастіе?

ТЕТУШКА. По вашей милости...

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*перебивая*). У меня есть до васъ просьба и порученіе: заверните, пожалуйста, въ мой домъ, въ Милліонной, велите, чтобъ его приготовили—я завтра утромъ переѣду въ городъ.

ТЕТУШКА. Помилуй, у насъ 27 іюня, лѣто еще не начиналось!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Мнѣ тамъ будетъ удобнѣе для хлопотъ, для приготовленій... Надо будетъ просить паспорта, публиковаться въ газетахъ...

ГРАФЪ. Въ газетахъ? паспортъ?..

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА (*Тенорскому*). Ваши разсказы меня соблазнили: хочу видѣть Неаполь, Римъ... можетъ быть и Севилью!.. Я рѣшилась ѣхать на зиму за границу... Черезъ мѣсяцъ, зову васъ пить чай за русскимъ самоваромъ на лагунахъ Венеціи...

ГРАФЪ И ТЕТУШКА (*вмѣстѣ*). Такъ это не шутка?

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Мы ей посмѣемся, когда я вернусь! Тетушка, я вамъ привезу вѣтку съ вишневаго дерева вашей Новой Элоизы, изъ Мейльери. Я непремѣнно побываю тоже на берегахъ Лемана...

ТЕТУШКА. Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. Я во всемъ виновата... Прости меня, прости его, (*показывая на графа*). Останься, помирись!

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА. Вы отперли клѣтку, ласточка улетѣла!.. другія ласточки ждутъ меня въ путь... Ловите ихъ, тетушка! Меня вамъ теперь не поймать!

ТЕТУШКА. Что́ за вѣкъ, что́ за люди?.. Я думала ихъ испытать, проучить...

ТЕНОРСКІЙ (*тихо ей на ухо*). Кто кого проучилъ?..

ГРАФЪ (*въ сторону со вздохомъ*). Да, кто кого проучилъ?..

ЗАПРЕТЪ НА ИМЯ.

БЫЛЬ, ОЧЕНЬ ПОХОЖАЯ НА СКАЗКУ.

М. И. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

Въ нашъ вѣкъ никто не вѣритъ волшебству, или, виноватъ! я не такъ выразился: въ нашъ вѣкъ никого не удивишь никакимъ чудомъ, и это такъ вѣрно, что даже самъ я — человѣкъ, не то, чтобъ ужъ съ самыми высшими взглядами—еслибъ услышалъ, или прочелъ въ газетахъ объясненіе, что открыта желѣзная дорога... положимъ, хоть на луну—очень спокойно и хладнокровно только спросилъ бы: почемъ вторыя мѣста? Я никогда не ѣзжу ни въ первыхъ, ни въ третьихъ мѣстахъ.

Но за то нашъ вѣкъ, если упрямо вѣритъ волшебству, по-крайней-мѣрѣ, допускаетъ странности, что, между нами сказать, въ нѣкоторомъ смыслѣ одно и то же, потому-что перемѣна названія не перемѣняетъ вещи.

Одна изъ такихъ странностей случилась въ жизни съ моимъ пріятелемъ, Петромъ Петровичемъ Петровымъ, и ее-то я хочу разсказать, какъ умѣю. Понравится — хорошо, не понравится — такъ и быть! Да вѣдь никто же и не обязанъ любить странности. Къ тому же «я не учу, я только разсказываю» какъ говоритъ Монтань, слѣдовательно мое дѣло пожалуй что и сторона.

Это было въ 1845 году.

Зима 1844 года, если кто помнитъ, предполагая москвича, была самая снисходительная для тѣхъ, которые ограничиваются ватною шинелью въ декабрѣ, за неимѣніемъ шубы, и довольствуются топкою черезъ день печи въ тѣсномъ уголкѣ своемъ. Снѣгъ въ эту зиму выпалъ такъ поздно и былъ такъ неглубокъ, что московскіе извощики на одной недѣлѣ обязаны были выѣзжать то на саняхъ, то на дрожкахъ. Вещь, очень вѣроятно, непріятная для лошадей, которыхъ черезъ день перековываютъ съ лѣтнихъ подковъ на зимнія—слишкомъ скучная и для сѣдоковъ, которые обыкновенно въ такомъ случаѣ платятъ въ три-дорога, и развѣ выгодная только для извощиковъ, которые безсовѣстно требуютъ полтинникъ вмѣсто гривенника.

Въ одну изъ такихъ скучныхъ и непріятныхъ оттепелей, чуть ли не на святкахъ, когда дорога въ Москвѣ была что̀ называется ни санная, ни колесная, по узкой Никольской улицѣ ѣхалъ въ саняхъ, въ одну лошадь, молодой человѣкъ, недурной наружности, одѣтый хоть не богато, но съ претензіями, потому-что у его ватной и нѣсколько полинялой шинели былъ бобровый воротникъ, да и ѣхалъ онъ не на наемной лошади, а въ своемъ, повидимому, экипажѣ.

Есть въ Москвѣ домы, съ перваго взгляда поражающіе васъ своею, такъ-сказать, пышною физіономіею, потому-что они и каменные, и велики и высоки, и ограда у нихъ чугунная или желѣзная, и львы съ разинутою пастью на воротахъ, подъѣздъ со стеклянными дверьми и фонарями; но если вы повнимательнѣе вглядитесь въ подробности этихъ домовъ, то найдете, что они много хуже и бѣднѣе обыкновенныхъ, даже деревянныхъ домовъ въ одинъ этажъ и въ семь оконъ. Стѣны вышеописанныхъ домовъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ дали трещины, чугунная ограда давнымъ-давно расшаталась и выполняетъ свое предназначеніе хуже обыкновеннаго деревяннаго забора; ворота чуть висятъ на перержавѣлыхъ петляхъ; львы или безъ головъ, или безъ хвостовъ; стеклянныя двери съ разбитыми стеклами, и въ фонаряхъ птицы вьютъ гнѣзда.

Всю эту рѣчь повелъ я къ тому, чтобъ доказать приличнымъ сравненіемъ—а сравненія я люблю до страсти и каюсь въ этомъ предъ читателемъ!—что у насъ на Москвѣ бѣлокаменной есть въ родѣ такихъ же домовъ и экипажи, или, вѣрнѣе сказать, есть люди, имѣющіе своихъ лошадей, которымъ бы безъ малѣйшаго ущерба ихъ величія, можно подъ рукою посовѣтовать лучше ѣздить «на извощикахъ», употребляя коренное московское выраженіе. Но дѣло въ томъ, что, изволите видѣть, есть фраза, принятая всѣми за извѣстную мѣрку благосостоянія человѣческаго, и фраза эта именно: *у него своя лошадь!*

а ужъ какая это лошадь, во что́ она запряжена, и до какой степени выполняетъ свое предназначеніе — этого никому нѣтъ дѣла. Оно съ перваго раза силлогизмъ-то какъ-будто и правиленъ, а на повѣрку часто выходитъ, что онъ ровно никуда не годится, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ именно молодой человѣкъ, котораго мы вывели на сцену, или, правильнѣе сказать, который самъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ на Никольскую улицу, и къ которому мы сейчасъ же обратимся для полнѣйшаго поясненія всего вышеписаннаго и для выраженія новой аксіомы, съ перваго взгляда кажущейся, пожалуй, парадоксомъ, и именно вотъ какой: многіе ѣздятъ на своей лошади, потому-что имъ не на что́ нанять извощика!!!

— Какъ-такъ?

— Да очень просто. Содержаніе одной лошаденочки съ незатѣйливымъ экипажемъ обходится много дешевле, нежели годовой наемъ порядочнаго извощика для человѣка, который или не можетъ, или не хочетъ, по извѣстнымъ ему причинамъ, ходить пѣшкомъ.

Къ такой же, если еще не къ худшей категоріи, принадлежалъ, по всѣмъ видимостямъ, и господинъ въ полинялой шинели съ бобровымъ воротникомъ, ѣхавшій по Никольской улицѣ, потому-что и лошадь, и упряжь, и сани его были въ самомъ незавидномъ и почти жалкомъ положеніи.

Судя по тому, что хозяинъ экипажа нагибался впередъ, а кучеръ безпрестанно дѣлалъ полуоборотъ головою къ нему, безошибочно можно было заключить даже издали, что между-ними завязался разговоръ. Подслушаемъ его для перваго знакомства съ героемъ разсказа. Читатель вѣрно догадался давно, что этотъ господинъ былъ не кто другой, какъ мой старинный пріятель, Петръ Петровичъ Петровъ, котораго странныя приключенія собрался я разсказать. Для бо́льшаго удобства, вскочимъ на запятки его нѣкогда лаковыхъ орѣховыхъ саней, запятки, которыя, впрочемъ, чуть держатся, а все-таки придаютъ извѣстную важность экипажу, несмотря на то, что она весьма близкая родня безголовымъ или безхвостымъ львамъ на разваливающихся воротахъ недавно упомянутыхъ нами домовъ, грустно достаивающихъ одинокій вѣкъ свой.

— Лаврентій! а Лаврентій!

— Чего изволите, сударь?

— Вѣдь вѣрно ты не кормишь лошадей, а? признайся, ну, пожалуйста признайся!

— Какъ не кормить, помилуйте!

— Такъ, просто не кормишь, да и все тутъ.

— Петръ Петровичъ! Вѣдь я еще вамъ на прошлой недѣлѣ въ

пятницу докладывалъ, что-молъ овесъ весь вышелъ; вы изволили отложить до воскресенья, говоря, что тутъ торгъ больше будетъ, и овса купить можно подешевле.

— Ну, да, я это помню.

— Слѣдственно, батюшка, помните и то, что сегодня вторникъ, а овса мы все еще не купили...

— Положимъ такъ. Въ воскресенье я былъ занятъ; мнѣ было не до овса. Ну, да вѣдь сѣно еще есть у насъ? Такъ ли я говорю, сѣно еще есть?

— Сѣно есть.

— А даешь ли ты хоть его-то лошади?

— Давать-то даю...

— Да что же еще?

— Какой же это кормъ, одно сѣно, да еще и сѣно-то какое!

— А какое?

— Да просто дрянь: половина осоки. Говорилъ я и тогда, какъ сваливалъ, не гонитесь-молъ за дешевизною. Дорого да мило, дешево да гнило, по русской пословицѣ. Анъ вотъ такъ и вышло!

— Да что же вышло-то?

— А вышло то, что вотъ овса-то не хватило, а сѣно никуда негодное, вотъ лошадка-то и того...

— Да, она насилу ноги передвигаетъ. Стыдъ сидѣть; всякій пѣшій обгонитъ насъ.

— Что же дѣлать, на одномъ-то гниломъ сѣнѣ далеко не раскатишься. Да и дорожка-то вишь какая, просто напасть, да и только. Да еще и то молвить: шибко-то поѣдешь, такъ саники, пожалуй, и не вынесутъ. Вишь одинъ-то бокъ чуть держится, только полостью кой-какъ и прикрылъ я давеча, да гвоздикомъ подколотилъ. Расшатались такъ, что, того и гляди, какъ сбруя же наша... все починки проситъ.

— Да, дорога скверная! началъ послѣ минутнаго молчанія баринъ смягченнымъ на этотъ разъ голосомъ, вѣроятно принявъ въ уваженіе резоны, представленные кучеромъ.

— Ужъ такая-то скверная, что и на, поди!

— Коли завтра будетъ такая же оттепель, не поѣхать ли въ пролеткѣ?

— Въ какой пролеткѣ?

— Въ какой? Извѣстно въ какой! Развѣ у насъ ихъ двѣ?

— Кабы двѣ! А-то и одной-то нѣтъ.

— Какъ такъ? Забылъ какіе экипажи у барина! Что за наказаніе съ этимъ старикомъ!

— Вы, батюшка, Петръ Петровичъ, видно забыли, что мы и на саняхъ-то поѣхали раньше другихъ, притоманно потому, что у пролетки-то обѣ заднія рессоры разомъ лопнули...

— Ну, ну! разболтался! Поѣзжай скорѣй... Скорѣй, говорю я тебѣ — слышишь!

Старикъ Лаврентій не безъ сожалѣнія пріударилъ лошадь кнутомъ. Та понасилилась напомнить себѣ, какъ ѣздятъ рысцой добрыя лошади... Въ эту минуту баринъ ея быстро принялъ на себя граціозное улыбающееся лицо и картинно раскланялся съ двумя дамами, ѣхавшими навстрѣчу ему въ весьма приличной каретѣ.

Честь была спасена, конечно. Петръ Петровичъ пронесся рысцою мимо знакомыхъ дамъ, зато это послѣднее усиліе вѣроятно слишкомъ недешево обошлось бѣдной лошадкѣ: она вдругъ остановилась и начала дышать тяжело.

— Лаврентій! Чего же ты сталъ посерединѣ дороги? снова запальчиво крикнулъ баринъ.

— Вишь какъ надсадилась, сердечная! проговорилъ старикъ, кучеръ, какъ-будто не вслушавшись въ господскій окрикъ, и выгнувъ голову впередъ. Вздохни маненько, голубушка! Экая дорожка!

Петръ Петровичъ съ сердцовъ плюнулъ и выскочилъ изъ саней, причемъ едва не упалъ, запутавшись ногою въ полости.

— Поѣзжай домой! закричалъ онъ кучеру. Я ворочусь пѣшкомъ. Я сегодня поѣду въ театръ, а оттуда въ маскарадъ купеческаго собранія.

— Слушаю-съ.

Баринъ ушелъ въ сторону. Старикъ Лаврентій всталъ также съ своего мѣста, обошелъ кругомъ лошадь, погладилъ ея загривокъ, потомъ покачалъ головою, какъ-будто выговаривая: эхъ, дѣло плохо! и черезъ нѣсколько минутъ, когда лошадка передохнула, поѣхалъ шажкомъ въ обратный путь, ворча себѣ подъ-носъ: вишь ты, театръ, маскарадъ! а лошаденкѣ овса купить не на што!

Чтобъ познакомиться еще короче съ моимъ пріятелемъ Петромъ Петровичемъ Петровымъ, пойдемте вслѣдъ за нимъ для дальнѣйшихъ наблюденій. Мое личное мнѣніе о немъ я скажу вамъ послѣ, а пока пусть онъ рекомендуется самъ, собственною своею особою. Это, можетъ-быть, даже вѣрнѣе всякихъ авторскихъ описаній, которыя нерѣдко противорѣчатъ характеру и поступкамъ избраннаго для повѣствованія

героя. Въ образѣ дѣйствій своихъ человѣкъ виднѣе, нежели въ литературномъ портретѣ.

Петръ Петровичъ, разставшись съ старымъ ворчуномъ, Лаврентіемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ былъ въ самомъ незавидномъ расположеніи духа. Лицо его, не дурное отъ природы, на этотъ разъ скорчило гримасу человѣка, ошибкою, вмѣсто куска апельсина, положившаго въ ротъ кусокъ лимона, а это должно быть въ-самомъ-дѣлѣ очень непріятно, и поневолѣ исказитъ любую физіономію. Петръ Петровичъ даже шепталъ себѣ что-то подъ носъ; но какъ шепотъ мудрено подслушать, особливо на большой, шумной улицѣ, то для насъ и остается неразъясненною загадкою, что́ именно занимало въ эту минуту мысли нашего героя.

Дойдя до Мясницкой улицы, Петръ Петровичъ поворотилъ въ одинъ изъ ея переулковъ, и чрезъ нѣсколько минутъ стучался уже у неслишкомъ затѣйливыхъ дверей одного сѣренькаго деревяннаго флигеля, въ три окна на улицу.

Не успѣли ему отпереть изнутри двери, какъ онъ спросилъ отрывистымъ голосомъ:

— Митя и Саша дома?

— Митя, разумѣется, дома, если самъ отпираетъ тебѣ двери; а Саша, съ полчаса, отправился, и едва-ли не къ тебѣ.

Отвѣтъ этотъ былъ произнесенъ молодымъ человѣкомъ, довольно опрятной наружности, но одѣтымъ слишкомъ по домашнему и даже не по сезону, потому-что на немъ были лѣтніе тоненькіе брюки и такое же пальто. Вмѣсто сапоговъ у него были сафьянныя зеленыя туфли, съ видимыми слѣдами нѣкогда серебрянаго шитья.

— Развѣ ты *не на своей*? спросилъ тотъ, кто откликнулся на имя Мити, затворяя дверь за гостемъ, и видя, что у крыльца нѣтъ лошади.

— Нѣтъ, я пѣшкомъ... захотѣлось пройтись немножко, съ небольшимъ замѣшательствомъ отвѣчалъ гость, снимая съ себя шинель въ передней.

— Хороша прогулка съ Плющихи на Мясницкую, и въ такую слякоть! Другое дѣло нашъ братъ, у котораго нѣтъ своей лошади.

Петра Петровича опять какъ-то покоробило, вѣроятно, отъ воспоминанія послѣдняго разговора съ Лаврентьемъ на счетъ недостачи овса; онъ даже невольно вздрогнулъ.

— Какъ у васъ холодно, Митя, сказалъ онъ; вы вѣрно мало топите?

— Не то, что мало...

— А что́ же?

— Совсѣмъ не топимъ вотъ третій день.

— Отчего такъ?

— По весьма простой причинѣ: дровъ нѣтъ и купить не на что. Саша именно на счетъ этого предмета и отправился къ тебѣ.

— Напрасно же онъ безпокоился.

— А что?

— Да то, что мы всѣ трое въ одной и той же категоріи. У меня во всемъ домѣ не наберешь десяти цѣлковыхъ.

— Все же-таки десяти, другъ, Петя, а эта категорія вовсе неодинакая съ нашей: у насъ просто не на что папироски купить. Къ тому же ты вѣрно шутишь. У кого же и быть деньгамъ, какъ не у тебя?

— Вовсе не шучу.

— У тебя свой домъ...

— Хорошъ домъ! Того и гляжу, что повалится. Хоть на дрова продавай, такъ въ пору.

— Своя лошадь...

— Которую кормить нечѣмъ!

— Славный гардеробъ...

— Былъ да сплылъ! Что есть порядочнаго — все почти на мнѣ!

— Ну, да, толкуй себѣ, другъ, Петя, возразилъ пріятель его, безъ церемоніи вытаскивая у него изъ кармана сигарочницу, а изъ нея папироску, которую тутъ же закурилъ, подѣлившись огнемъ и съ гостемъ, усѣвшимся у окна, на единственное четвероногое кресло; прочіе почти всѣ были треножники.—Толкуй себѣ о своей бѣдности, продолжалъ онъ, затягиваясь, а все-таки такая бѣдность, какъ твоя, едвали не равняется нашему богатству. Вотъ я, напримѣръ, весь день нынче обязанъ сидѣть дома и щеголять въ туфляхъ и легонькомъ платьѣ оттого, что, въ-слѣдствіе установленной очереди, нынче день Сашинъ, слѣдовательно онъ пользуется и фракомъ, и сапогами, и шинелью. Еще счастье что мы одного роста и одинакой толщины. Слѣдовательно то ли это, что у тебя? Ты жуируешь полный годъ, а нашъ братъ ровно половину, а вторая проходитъ въ страшной скукѣ!

— Поди ты! Да мнѣ подъ-часъ тошнѣе вашего, отвѣчалъ Петръ Петровичъ, поглядывая искоса на самоваръ съ неубранными еще чашми въ углу, на столѣ, прикрытомъ дыравою вощанкой. А что, ты никакъ пилъ чай, Митя, какъ я пришелъ къ тебѣ? спросилъ онъ вдругъ отрывисто, пустя вверхъ облако дыма.

— Пилъ, да только не чай.

— А что же такое?

— Шалфей съ молокомъ.

— Да что же ты, боленъ, что ли? Докторъ предписалъ видно?

— Нѣтъ, я здоровъ, и предписалъ мнѣ это не докторъ, а карманъ. Чай у насъ съ Сашей весь вышелъ третьягодня. Лавочникъ не даетъ въ долгъ... ну, а хочется, знаешь, по привычкѣ, чего-нибудь горяченькаго, особенно утромъ...

— Вы и придумали шалфей съ молокомъ!

— Ну, да. И довольно вкусно. Хочешь отвѣдать? самоваръ еще не простылъ.

— Нѣтъ, кабы чайку... Я немножко продрогъ на дворѣ.

— А я и въ комнатѣ, да тоже продрогъ. Послать что ли? Можно все спроворить мигомъ: Акулина подъ рукою, трактиръ и лавочка близехонько—все къ твоимъ услугамъ!

И въ-слѣдствіе этого предложенія, Петръ Петровичъ вынулъ полтинникъ изъ своего портмоне, передалъ его Митѣ, тотъ Акулинѣ, и черезъ десять минутъ двое друзей сидѣли ужь за чайнымъ столомъ, куда явилась даже тарелка съ сухарями, и продолжали, затягиваясь неизбѣжными папиросками, дружескую, откровенную бесѣду.

— Вотъ ты жалуешься, Митя, на свою бѣдность съ Сашею, говорилъ Петръ Петровичъ, прихлебывая съ разстановкою чай изъ своего стакана, и оба вы, какъ кажется, завидуете мнѣ...

— Разумѣется!

— То-то и есть, что вовсе не разумѣется! Да знаете ли вы, что мое положеніе въ свѣтѣ гораздо хуже вашего? Положимъ, что вы теперь нуждаетесь — съ кѣмъ этого не случается! за то подвернись тебѣ вдругъ два-три фортепьянные урока, Сашѣ двѣ-три заказныя картины — вотъ вы и съ деньгами, вамъ и ничего! А я что? Жалованья нѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ вышелъ въ отставку...

— Зачѣмъ выходилъ? прервалъ Петра Петровича Митя, набивая ротъ сухарями.

— Зачѣмъ выходилъ? повторилъ съ разстановкою Петръ Петровичъ. Вы, артисты, какъ васъ называютъ, не понимаете, что такое служба. Вы не знаете всѣхъ ея трудностей... Зачѣмъ выходилъ? Выйдешь по-неволѣ, какъ не уживешься.

— Зачѣмъ не ужился? съ прежнимъ хладнокровіемъ замѣтилъ Митя, снова овладѣвъ сигарочницею своего гостя.

Петръ Петровичъ махнулъ рукой.

— Разговаривай съ вами! Много вы понимаете! Впрочемъ, я и самъ виноватъ немножко въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, послѣ небольшаго молчанія: некстати погорячился, да и лѣнивъ отъ природы. Служба мнѣ какъ-то не съ-руки. Думалъ заняться чѣмъ-нибудь

постороннимъ... надѣялся на богатаго дядю-старика, холостяка, а на повѣрку, послѣ его смерти, оказалось, что у него въ Тамбовской губерніи жена и четверо дѣтей — вотъ и поди тутъ!

— Да, такіе сюрпризы неочень веселы! скромно замѣтилъ Митя, подливая въ чайникъ горячей воды.

— Разумѣется, по-неволѣ сядешь на мель. Да и послѣ этого мнѣ все пошло какъ-то, что называется, не съ-руки. Домишко ни съ того ни съ сего началъ разваливаться. Сужиковъ умеръ, не заплатя мнѣ трехъ тысячъ долгу; дальше, меня обокрали немножко въ одну прекрасную... то-есть прескверную ночь. Хотѣлъ жениться на богатой купчихѣ — не отдаютъ, говорятъ: чинъ малъ. Однимъ словомъ, все какъ-то не спорится, даже въ бездѣлицахъ. Ну, напримѣръ, въ прошломъ году, чуть не на послѣднія деньги купилъ себѣ безпроигрышную серію въ варшавской лотереѣ, надѣясь, не выиграю ли порядочнаго куша.

— А большіе есть выигрыши?

— Главный слишкомъ въ милліонъ... Что же ты думаешь? Вѣдь надобно же такъ случиться — потерялъ и ее!

— Потерялъ? Да какимъ это образомъ? Вѣдь ты не носилъ же ее, вѣроятно, всегда съ собою въ карманѣ, какъ носовой платокъ?

— Въ томъ-то и бѣда, что носилъ. Она у меня всегда лежала въ бумажникѣ съ деньгами и кой-какими нужными записками... Баста! Въ одно прекрасное утро оказывается, что карманъ у сюртука прорвался, и бумажникъ, слѣдовательно и серія польская, на которую я столько надѣялся—какъ не бывали! На бѣду мою, я и нумера-то даже не помню. Согласись же, Митя, что вѣдь ужъ это истинное несчастье!

— Да, оно несовсѣмъ пріятно. Хочешь еще стаканъ чаю, Петя?

— Налей. Право, у васъ въ квартирѣ чуть-ли не холоднѣе, чѣмъ на дворѣ!

— Ужъ такой гадкій домъ! Да и чего же ты хочешь, Петя? наемный никогда не можетъ имѣть тѣхъ удобствъ, какъ собственный, напримѣръ, у тебя...

— Но и въ собственномъ, коли не топить печей, такъ замерзнешь зимою.

— Ну, еще до этого ты пока не дошелъ: у тебя всегда тепло, какъ въ оранжереѣ на солнцѣ...

— Ну, да, потому-что мой домъ отапливаетъ пока самъ себя...

— То-есть...

— То есть боковой флигель повалился осенью отъ ветхости, и слѣдовательно у меня по-крайней-мѣрѣ на годъ доморощеныя дрова...

— Не *доморощеныя*, а правильнѣе выразить: *домогнившія* дрова, другъ, Петя!

— Пожалуй, хоть и такъ. Но что это мнѣ послышалось, какъ-будто у сѣней кто-то стучится, Митя.

— Именно стучится, сказалъ, прислушавшись, Митя. Акулина наша глуха, какъ тетеревъ. Пойду отпереть двери. Мнѣ кажется, Саша воротился домой.

— Не выходи въ сѣни такъ легко одѣтымъ, замѣтилъ съ дружескимъ участіемъ Петръ Петровичъ: ты вспотѣлъ отъ чая; накинь въ передней хоть мою шинель.

— Привычка, братецъ, ничего! Нашему брату неприлично и простуживаться, сказалъ Митя и отправился въ сѣни.

Онъ угадалъ. Стучавшій въ двери былъ дѣйствительно товарищъ и другъ его, извѣстный уже читателю подъ именемъ Саши.

— Здравствуй! Откуда ты? спросилъ вошедшаго Петръ Петровичъ.

— Да оттуда же, откуда и ты, то-есть отъ тебя, отвѣчалъ пришедшій, снимая ватное пальто.

Это былъ молодой человѣкъ съ довольно-красивою, но беззаботною физіономіей, съ большими голубыми глазами и широкими, бережно приглаженными бакенбардами. На немъ былъ пестрый галстухъ съ отложнымъ воротничкомъ, и бархатная поношеная жилетка, чуть-ли не со всѣми радужными отливами; бѣлокурые волосы на головѣ были длиннѣе, нежели слѣдуетъ, и закинуты небрежно назадъ; однимъ-словомъ, молодой человѣкъ корчилъ артиста, предполагая почему-то, что артисту непремѣнно нужно отличаться какими-нибудь странностями, или особенностями, какъ въ костюмѣ, такъ и вообще въ своей позѣ, забывая, что загибать голову на сторону—не значитъ еще быть Александромъ Македонскимъ, или, прихрамывая, быть похожимъ на Байрона.

Митя предложилъ новопришедшему сравнить вкусъ чая съ утреннимъ шалфеемъ, на что послѣдній охотно согласился, вѣроятно, изъ любознательности, и наши трое друзей повели между собою снова откровенную и слишкомъ нецеремонную бесѣду, тѣмъ болѣе, что чай какъ-то располагаетъ русскаго человѣка къ откровенной болтовнѣ. Не оттого ли бо́льшая часть изъ насъ такіе записные охотники до чая?

Мы не станемъ вполнѣ передавать читателю этого, можетъ-быть, слишкомъ откровеннаго разговора трехъ друзей нашихъ за чайнымъ столомъ, а подслушаемъ только то, что́ касается именно нашего разсказа.

— Послушай... другъ, Петръ Петровичъ, сказалъ, возвышая голосъ и какъ-будто вспомнивъ что-то очень значительное, одинъ изъ хозяевъ холодной квартирки, и именно тотъ, кого звали Сашей и который сейчасъ воротился въ родимое гнѣздышко.

— Что такое? спросилъ разсѣянно Петръ Петровичъ.

— Вѣдь ты не вполнѣ откровененъ съ нами.

— Это почему?

— Вотъ ты съ полчаса поешь намъ о своихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, и даже говоришь, что тебѣ не на что сегодня съѣздить въ театръ и маскарадъ, а между тѣмъ...

— А между-тѣмъ, что?

— А между-тѣмъ, у тебя на столѣ лежитъ объявленіе, или, правильнѣе сказать, повѣстка изъ Почтамта на полученіе пяти сотъ цѣлковыхъ.

Петръ Петровичъ не усидѣлъ на мѣстѣ и быстро всталъ со стула.

— Ты шутишь, Саша, сказалъ онъ. Ты подсмѣиваешься надо мною!

— И не думалъ.

— Ко мнѣ прислана повѣстка на полученіе пяти-сотъ цѣлковыхъ?

— Именно такъ.

— Откуда?

— Изъ Петербурга.

— Не можетъ-быть!

— Вѣрно можетъ, когда ее принесли при мнѣ, и я читалъ собственною своею особою: «Его Благородію Петру Петровичу Петрову, письмо со вложеніемъ пяти-сотъ рублей серебромъ». Кажется это довольно ясно и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

— Если такъ, друзья мои, сказалъ, послѣ небольшаго молчанія Петръ Петровичъ, я сейчасъ же отправляюсь домой... Эхъ, досадно что я лошадь отпустилъ! Времени терять нечего; еще успѣю сегодня же въ Почтамтъ. Эхъ, Саша! Ну, что бы тебѣ догадаться захватить объявленіе-то сюда: Почтамтъ отъ васъ два шага.

— Мнѣ и въ голову не пришло. Да къ-тому же развѣ я зналъ навѣрное, что застану тебя здѣсь?

— Да и повѣстку-то вѣдь надобно, чтобъ засвидѣтельствовали въ части, а безъ того не выдадутъ, замѣтилъ Митя.

— У меня тамъ есть знакомые.

— Да ужъ, братецъ, такая форма.

— Нечего пустое толковать. Прощайте друзья. Я спѣшу... Но право, мнѣ все еще не вѣрится... Какъ бы то ни было, если это

правда, то и вамъ святки не будутъ скучны, Митя и Саша. Сегодня же мы всѣ трое будемъ и въ театрѣ, и въ маскарадѣ...

— Развѣ только двое, замѣтилъ Митя со вздохомъ.

— Это почему?

— Ты забылъ, что у насъ одинъ фракъ и два сапога на двоихъ. Сегодня не моя очередь, а Сашина.

— Пріищемъ костюмъ и тебѣ. Съ пятью стами цѣлковыхъ нечего много затрудняться въ такихъ бездѣлкахъ. Прощайте!

И Петръ Петровичъ быстро отправился на свою Плющиху.

Легко себѣ представить, что на этотъ разъ нетерпѣніе моего пріятеля, Петра Петровича, было такъ велико, что онъ, не торгуясь, сѣлъ на первыя попавшіяся ему сани, чтобъ только поскорѣе убѣдиться въ истинѣ. Къ-тому же, что̀ значилъ расходъ какого-нибудь лишняго двугривенника для человѣка, у котораго, чрезъ какой-нибудь часъ, или два, будетъ въ рукахъ пятьсотъ рублей серебромъ. Мѣрка богатства вещь чрезвычайно относительная, и, при настоящихъ обстоятельствахъ, для Петра Петровича такая сумма равнялась едва-ли не милліону.

Но такъ-какъ натура человѣческая слишкомъ труслива и недовѣрчива къ счастью, особливо если оно приходитъ къ намъ совершенно нечаянно, въ слѣдствіе этого и нашъ Петръ Петровичъ, ѣдучи домой, былъ не то, чтобъ очень спокоенъ. Ему то казалось, что пріятель его, Саша, вздумалъ подшутить надъ нимъ насчетъ вожделѣнной повѣстки въ пятьсотъ цѣлковыхъ, то думалось, нѣтъ ли тутъ даже какой-нибудь ошибки въ адресѣ письма, или не прислана ли ему эта сумма только для передачи кому-нибудь, или не коммиссія ли это какого-нибудь забытаго петербургскаго пріятеля на какую-нибудь покупку... однимъ-словомъ, Петръ Петровичъ до-тѣхъ-поръ не былъ спокоенъ вполнѣ, пока на той же самой наемной лошади не съѣздилъ въ Почтамтъ и не получилъ вожделѣннаго пакета за пятью красными печатьми.

По этому же странному чувству боязни, сомнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ удовольствія, онъ не сталъ читать приложеннаго къ деньгамъ письма незнакомаго ему почерка, а быстро воротился домой, заперся въ своемъ кабинетѣ, закурилъ сигару и приступилъ къ окончательному изслѣдованію загадочной присылки денегъ.

Но и по прочтеніи письма, мудреная загадка не только не разгадалась, но сдѣлалась еще страннѣе и непонятнѣе.

Письмо было слѣдующаго содержанія и написано прекраснымъ почеркомъ, съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ орѳографіи.

«Вы вѣроятно удивитесь, милостивый государь Петръ Петровичъ, получа письмо совершенно незнакомаго вамъ почерка и безъ подписи фамиліи того, кто пишетъ къ вамъ и посылаетъ присемъ приложенные пятьсотъ рублей серебромъ. Но такъ-какъ въ природѣ есть много вещей, которыя очень трудно объяснить, то и васъ просятъ довольствоваться тѣмъ только, что̀ вы прочтете, и не искать разрѣшенія загадки, которую разгадать вамъ нѣтъ никакого способа. Дѣло вотъ въ чемъ: знаютъ, что обстоятельства ваши весьма не въ завидномъ положеніи, и что вы нуждаетесь очень во многомъ, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ оставили службу и ничего не дѣлаете. Вамъ посылаютъ пятьсотъ рублей серебромъ и обѣщаются присылать таковую же сумму ежемѣсячно на ваше содержаніе, чего, кажется, достаточно, особенно для человѣка, неимѣющаго въ настоящее время ничего, кромѣ разваливающагося дома. Въ вѣрной ежемѣсячной высылкѣ этихъ денегъ вамъ ручаются честнымъ и благороднымъ словомъ въ-продолженіе всей вашей жизни. Къ этому приняты всѣ надлежащія мѣры, и вамъ нечего безпокоиться за свою будущность, если бъ вамъ пришлось прожить и за сотню лѣтъ. Но за все это съ васъ требуютъ выполненія одного условія, которое, можетъ-быть, покажется вамъ нѣсколько страннымъ, но тѣмъ не менѣе необходимо, и если вы не согласитесь на него и не обяжетесь честнымъ словомъ благороднаго человѣка исполнить его въ точности, то пожизненная ежемѣсячная высылка означенной суммы тотчасъ же прекратится, равно какъ и всѣ сношенія ваши съ пишущею особою. Во всякомъ случаѣ, знайте, что за вами будутъ наблюдать строго, хотя и невидимо.

«Условіе это состоитъ вотъ въ чемъ: *Вы никогда не должны жениться на дѣвушкѣ, которую зовутъ Лизаветою.*

«Всякое другое распоряженіе на счетъ вашей жизни и будущности предоставляется въ полную вашу волю. На это письмо, или, лучше сказать, на это предложеніе ждутъ отъ васъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта. Отвѣтъ долженъ быть вами написанъ въ первый же день по полученіи письма, запечатанъ бережно въ пакетъ безъ всякаго адреса, и положенъ въ небольшой ларчикъ, который найдете вы въ полуразвалившейся печи вашего упавшаго боковаго флигеля. При чемъ просятъ васъ, какъ благороднаго человѣка, содержать все это дѣло въ тайнѣ и не принимать никакихъ мѣръ, чтобъ увидѣть того, кто явится нынѣшнею же ночью на вашъ пустырь за отвѣтомъ.

«Въ случаѣ вашего несогласія на вышеизложенное предложеніе, васъ просятъ не класть отвѣта въ помянутое мѣсто. Это будетъ при-

нято за полный отказъ. Полученныя деньги можете также не возвращать и сдѣлать изъ нихъ какое угодно употребленіе.»

За этимъ годъ, число и никакой подписи.

Первымъ движеніемъ Петра Петровича, по прочтеніи этого страннаго письма, было ущипнуть себя порядкомъ, чтобъ убѣдиться, не спитъ ли онъ и не во снѣ ли ему грезятся такія чудеса; но такъ-какъ щипокъ оказался довольно-чувствительнымъ, то Петръ Петровичъ рѣшился снова перечитать повнимательнѣе мудреное письмо.

Онъ прочелъ его и во второй разъ. Все то же и такъ же; ни одна строчка не измѣнилась.

Можете себѣ представить состояніе души Петра Петровича Петрова! Да нѣтъ, думаю, не можете. Лучше я повѣрнѣе опишу вамъ эту затаенную отъ всѣхъ, кромѣ меня, сцену, и тогда вы будете имѣть меньше хлопотъ по этому щекотливому дѣлу.

Прочитавъ во второй разъ загадочное письмо, и убѣдясь, что это былъ не сонъ, не мечта, Петръ Петровичъ вздохнулъ всею грудью, но замѣтно было, что это не вздохъ горя, а скорѣе освобожденіе груди отъ какого-то тяжелаго гнёта, который постоянно и довольно-долго давилъ ее. Такіе вздохи легки въ жизни. Дай Богъ ихъ почаще. Онъ закурилъ было погасшую на половинѣ сигарку, но черезъ нѣсколько минутъ съ какимъ-то гордымъ пренебреженіемъ бросилъ ее и зажегъ новую, какъ-будто ужъ говоря себѣ: «Въ моемъ настоящемъ положеніи я могу немножко и пороскошничать!» Потомъ онъ началъ быстрыми и неровными шагами ходить по своему небольшому кабинету, изрѣдка останавливаясь, неизвѣстно для чего, посрединѣ и упирая значительно языкомъ въ лѣвую щеку, отчего физіономія его принимала довольно-нескладное выраженіе, но что́ принято было издавна моимъ пріятелемъ за выраженіе полное довольства самимъ собою.

Наконецъ, постоявъ около минуты времени по срединѣ кабинета въ такомъ несовсѣмъ картинномъ положеніи, герой мой снова подошелъ къ столу, на которомъ лежалъ вожделѣнный пакетъ, съ пятью красными печатьми, и вынулъ изъ него бережно, довольно пріятную на взглядъ пачку ассигнацій. Не безъ видимаго удовольствія разложилъ онъ ихъ, какъ картинки, для лучшаго созерцанія, по столу... Да и въ-самомъ-дѣлѣ, видъ былъ очень недурной: четыре сторублевыхъ, одна пятидесятная и потомъ на пятьдесятъ рублей мелочи... И все это на серебро! И всѣ эти ассигнаціи новенькія, какъ съ иголочки. Петръ Петровичъ долго любовался на нихъ, и языкъ его такъ выперъ лѣвую щеку, что со стороны можно было подумать, что онъ схватилъ отъ простуды ужасный флюсъ съ весьма сильною опухолью. Но вѣдь

ужъ читатель знаетъ, что это означало полное удовольствіе, и ничего больше!

По представьте, какъ-будто для того, чтобъ избавить насъ отъ довольно трудной задачи угадывать мысли человѣка по его жестамъ и пантомимѣ, Петръ Петровичъ, забывъ, что онъ одинехонекъ въ своемъ кабинетѣ, начинаетъ разговаривать, вѣроятно отъ избытка чувствъ, съ самимъ собою:

«Странно! (говоритъ онъ), непонятно, просто непостижимо! Ну, право, такія вещи случаются развѣ только въ сказкахъ... а между-тѣмъ, вѣдь вотъ это письмо... я перечиталъ его два раза. Вотъ и деньги... Пятьсотъ цѣлковыхъ... и какіе все новенькіе, хорошенькіе, такъ и просятся въ бумажникъ... Жаль почти и тратить ихъ. Вотъ ужъ и жаль! А давно ли я искалъ случая и возможности занять хоть пятидесятную ассигнацію? Къ тому же Лаврентій тамъ съ овсомъ, съ гнилымъ сѣномъ... Да и домишко валится. А тамъ театръ, маскарадъ въ Купеческомъ Собраніи... и вдругъ столько денегъ! Да мало этого: черезъ мѣсяцъ опять столько же, еще черезъ мѣсяцъ опять столько же, и такъ дальше, дальше и навсегда! Да вѣдь это я богачъ вдругъ сталъ! Вѣдь это шесть тысячъ годоваго дохода! Конечно, тутъ есть условіе...»

Тутъ Петръ Петровичъ замолчалъ минуты на двѣ и опять заходилъ мелкимъ шажкомъ по кабинету.

— На какое же это условіе? снова началъ онъ разсуждать вслухъ, останавливаясь передъ столомъ, гдѣ были разложены волшебныя бумажки: какое же это условіе? Самое простое, пустячное: никогда не жениться на дѣвушкѣ, которую зовутъ Лизаветой! Да я и безъ этого, можетъ-быть, никогдабъ на это не рѣшился. Да еще и женился ли бы я когда-нибудь, особливо теперь — къ-чему мнѣ? Я богатъ; мнѣ нѣтъ нужды искать выгоднаго приданаго. И развѣ мало женщинъ, кромѣ Лизаветъ, на бѣломъ свѣтѣ? Да и что за имя: Лизавета! Я даже не люблю этого имени, Лизавета! Это такъ простонародно... Изъ десяти женщинъ, три ужъ вѣрно Лизаветы! То-ли-дѣло Наденька, Олинька, Линочка, и тамъ еще мало ли какихъ прекрасныхъ женскихъ именъ... Еще добро бы я былъ влюбленъ въ какую-нибудь Лизавету, а то у меня и знакомыхъ-то почти такихъ нѣтъ, а если и есть, такъ ни одна мнѣ не нравится! Ну, а если...»

Тутъ послѣдовала опять небольшая пауза и путешествіе по кабинету, послѣ которыхъ Петръ Петровичъ опять продолжалъ:

«Да что же такое? Вотъ вздоръ! нельзя жениться, а влюбиться все-таки можно, хоть бы какая ни была Лизавета. Условіе говоритъ

именно только объ одной женитьбѣ... Да нѣтъ, къ-чему? И это опасно: еще пожалуй завлечешься. Вѣдь эти женщины... Оно, по правдѣ сказать, пунктъ-то выходитъ довольно щекотливый... Да другая рѣчь, что же такое! Развѣ я не могу положить себѣ за непремѣнное правило, столкнувшись гдѣ-нибудь съ хорошенькою женщиной, прежде всего спросить какъ ее зовутъ? Вотъ тебѣ и вся не долга. Лизавета,—такъ и баста, подальше отъ нея, нечего и завлекаться. Не потерять же изъза нея слишкомъ двадцать тысячъ ассигнаціями ежегоднаго пожизненнаго дохода. Это ясно и просто, какъ дважды-два — четыре. Но неужели же въ-самомъ-дѣлѣ все это чистая правда? Ужъ не шутка ли это, не мистификація ли какая для святокъ? Но кому и зачѣмъ? Къ-тому же, вѣдь не одно письмо, а вотъ и деньги, да еще какія деньги—пятьсотъ цѣлковыхъ! Такими вещами не шутятъ въ наше время. Но какъ бы то ни было, въ ожиданіи для полнаго удостовѣренія будущаго мѣсяца и новой присылки денегъ, припрячемъ эти въ карманъ и попируемъ на святкахъ... хватитъ и дольше. А междутѣмъ исполнимъ желаніе безъименнаго таинственнаго благодѣтеля и отвѣтимъ ему, что я согласенъ вполнѣ на его условіе, и положимъ отвѣтъ нынѣче же, теперь же, куда назначено, благо не далеко ходить!»

И, въ-слѣдствіе такого размышленія, нашъ Петръ Петровичъ, прибралъ деньги въ свой бумажникъ, снова аккуратно пересчитавъ ихъ, и сѣлъ отвѣчать на странное письмо.

Черезъ часъ письмо было написано съ изъявленіемъ полнаго согласія и честнаго слова выполнить предложенное условіе, и тихонько положено, куда назначено.

Къ чести моего пріятеля скажу, что онъ дѣйствительно даже и не подумалъ ни разу о томъ, чтобы подстеречь или подглядѣть тихонько, кто, какъ и когда явится за отвѣтомъ. Не ручаюсь, впрочемъ, и за то, что это обстоятельство произошло именно отъ честности и благородства характера, а не отъ опасенія потерять посланный ему судьбою, ни за что, ни прочто, кладъ. Чужая душа—потемки, говоритъ пословица; къ-тому же Петръ Петровичъ Петровъ, мнѣ только что пріятель, а не другъ; а въ наше время и за друзей, буде таковые оказываются, ручаться не такъ, чтобъ совсѣмъ безопасно...

Одно обстоятельство было несовсѣмъ пріятно Петру Петровичу во всемъ этомъ дѣлѣ: онъ долженъ былъ хранить въ-тайнѣ все случившееся съ нимъ и не имѣлъ права ни съ кѣмъ посовѣтоваться, ни даже подѣлиться съ друзьями своею радостью; а натура человѣческая вообще, и Петра Петровича въ особенности, именно такова, что ей необходимо было и горемъ и радостью дѣлиться съ кѣмъ-нибудь, иначе первое

бы его задавило, а второе не имѣло бы въ глазахъ его своей настоящей цѣны. Но какъ бы то ни было, онъ, устроивъ все дѣло, замкнулся въ самомъ себѣ и началъ съ того, что пропировалъ очень весело и шумно первый вечеръ своего богатства: былъ въ театрѣ и маскарадѣ съ своими друзьями, Сашею и Митею, не забывъ впрочемъ, и ворчуна Лаврентія, которому выдалъ пятьдесятъ цѣлковыхъ на покупку овса для лошади и на постройку новаго платья для выѣздовъ. Онъ порядился даже на дняхъ перемѣнить на новые и лошадь, и экипажъ, говоря съ пренебреженіемъ, что эти ужъ стали больно плохи. Лаврентій выпучилъ глаза и невольно началъ обращаться съ особеннымъ почтеніемъ съ бариномъ и ворчать менѣе обыкновеннаго.

«Первый мѣсяцъ, по полученіи загадочнаго письма и денегъ, былъ для меня веселъ, но не совсѣмъ — такъ послѣ признавался мнѣ мой пріятель Петръ Петровичъ. «Конечно, обстоятельства мои улучшились и многое поправилось; но я все еще безпокоился въ душѣ, думая, что все это не болѣе, какъ шутка, которая тѣмъ и кончится; слѣдовательно, будущность моя ничѣмъ не улучшится, и всѣ золотыя мечты разсыпятся какъ искра мгновенно блеснувшаго фейерверка.» Петръ Петровичъ любилъ подъ-часъ выражаться метафорически.

— Ну, а справился ли ты о твоемъ отвѣтѣ? спросилъ я: былъ ли онъ вынутъ изъ указаннаго мѣста твоимъ невидимымъ благодѣтелемъ?

— Какъ же, братецъ, справлялся, отвѣчалъ онъ: отвѣтъ былъ вынутъ, неизвѣстно кѣмъ, въ ту же самую ночь. Но этого было для меня мало, и я ждалъ съ нетерпѣніемъ и почти съ болѣзненнымъ біеніемъ сердца слѣдующаго мѣсяца, или, правильнѣе сказать, слѣдующей обѣщанной присылки денегъ.

— И что же?

— Да то, что изо-дня въ день, ровно черезъ мѣсяцъ, на письменномъ столѣ моемъ лежала точно такая же повѣстка на полученіе пятисотъ рублей серебромъ?

И опять изъ Петербурга?

— Опять изъ Петербурга. При деньгахъ находилась маленькая записочка, писанная тѣмъ же почеркомъ, какъ и первое письмо. Въ ней извѣщали меня о полученіи моего отвѣта съ согласіемъ на предложеніе, и снова увѣряли, что дѣло это между нами совершенно кончено, и что я могу быть покоенъ и увѣренъ, если не нарушу условія, что пожизненная моя пенсія будетъ мнѣ аккуратно высылаться каждый мѣсяцъ. Въ концѣ записки упомянуто было снова, что между-тѣмъ за

мной всегда будетъ слѣдить невидимый, но зоркій глазъ, а чей — этого я не узнаю никогда.

Содержаніе записки оправдалось вновь тѣмъ, что дѣйствительно, въ продолженіе слѣдовавшихъ за тѣмъ шести мѣсяцевъ, пріятель мой, Петръ Петровичъ, аккуратно получалъ опредѣленную ему сумму, пятьсотъ рублей серебромъ, въ извѣстный день мѣсяца; писемъ при деньгахъ болѣе не было.

Теперь, слѣдовательно, читатель знаетъ, что прошло полгода отъ начала нашего разсказа; но онъ не знаетъ одного: сколько эти полгода измѣнили главнаго героя нашего повѣствованія, Петра Петровича Петрова. Да мало того, что Петра Петровича, даже стараго ворчуна-Лаврентія, который ужъ теперь не ворчитъ за недостатокъ овса бѣдной лошадёнкѣ, потому-что онъ ужъ не кучеръ, а чуть-чуть не управляющій въ домѣ своего барина. Да и самый домъ-то читатель теперь бы ужъ не узналъ, потому-что онъ и отдѣланъ за-ново, и оклеенъ французскими обоями, и убранъ новою мебелью. Однимъ словомъ, въ продолженіе этого полугода случилось столько значительныхъ перемѣнъ въ обстановкѣ описываемаго нами быта, что если бъ читатель сегодня остановился чтеніемъ на этихъ строкахъ, а завтра началъ продолжать его, то ему показалось бы, что онъ читаетъ совсѣмъ другую вещь и про кого-то другаго, а не про пріятеля моего, Петра Петровича, съ бѣдственною жизнью котораго я до-сихъ-поръ старался его познакомить.

Вотъ что значитъ полгода въ жизни человѣка, или вѣрнѣе, что значатъ три тысячи серебромъ полугодоваго дохода для человѣка, которому не на что было починить саней и расплатиться съ кузнецомъ за ковку лошади!

И такъ перешагнемъ эти полгода и станемъ продолжать разсказъ.

Бывали ли вы въ Саксонской Швейцаріи, читатель? Были? Очень радъ. Не правда ли, чудесная сторона? Не бывали? Очень жаль! Постарайтесь побывать при первомъ удобномъ случаѣ: это въ жизни хорошо, особенно для нашего брата, сѣвернаго жителя. Въ 1846 году мнѣ, по счастью, пришлось насладиться этимъ удовольствіемъ: я былъ въ Саксонской Швейцаріи. Описывать ее я не стану, тѣ, которые были тамъ, знаютъ ее сами; которые не были, можетъ-быть, будутъ когда-нибудь—зачѣмъ же уменьшать ихъ удовольствіе описаніемъ? Чѣмъ новѣе и неожиданнѣе впечатлѣніе, тѣмъ сильнѣе и лучше дѣйствуетъ оно на душу человѣка. И такъ ограничимся на этотъ разъ только тѣмъ, что перенесемъ мѣсто дѣйствія нашего разсказа въ обворожительную Саксонскую Швейцарію.

Въ маленькомъ мѣстечкѣ Шандау, гдѣ я остановился ночевать, утомленный путешествіемъ по живописнымъ горамъ и скаламъ Саксонской Швейцаріи, куда удалось мнѣ пріѣхать во время моего вояжа по Европѣ, случай свелъ меня совершенно неожиданно съ моимъ пріятелемъ Петромъ Петровичемъ Петровымъ; а какъ онъ самъ попалъ туда, это мы увидимъ сейчасъ же.

Вечеромъ того самаго дня, когда мнѣ пришлось быть въ Шандау, послѣ чаю—который я, по русскому обычаю, гдѣ бы ни былъ, непремѣнно пилъ утромъ и вечеромъ—закуривъ мою сигару, я сѣлъ на балконѣ, съ котораго открывалась прелестная панорама волшебныхъ окрестностей, и началъ перелистывать большую книгу, въ которой каждый и каждая изъ путешествующихъ по Саксонской Швейцаріи за долгъ считаютъ написать что-нибудь или прозой, или стихами. Разумѣется, тутъ были расписки чуть-ли не на всѣхъ возможныхъ европейскихъ языкахъ, а это довольно любопытно и весело, особливо, когда видишь, что и тебѣ, счастливцу, судьба сберегла бѣлую страничку, на которой ты можешь излить свободно впечатлѣнія настоящей минуты, а эта минута въ Саксонской Швейцаріи почти всегда бываетъ поэтична.

Полюбовавшись нѣкоторыми и посмѣявшись надъ иными надписями, я ужъ хотѣлъ самъ приняться за перо, чтобъ, въ свою очередь, написать что-нибудь подходящее подъ одну изъ выше-означенныхъ мною категорій, какъ вдругъ на послѣдней страницѣ бросились мнѣ въ глаза два русскіе стиха, написанные какъ-будто чьимъ-то довольно знакомымъ почеркомъ. По всѣмъ видимостямъ, стихи эти были написаны очень недавно, потому-что чернила не успѣли еще совершенно почернѣть. Вотъ эти два стиха:

«Чудесный видъ въ горахъ! Одно весьма обидно:
«Забрался высоко, а все Москвы не видно!

Удивленіе мое еще болѣе увеличилось, когда, подъ этими стихами, прочелъ я надпись: *П. Петровъ изъ Москвы.*

Какъ! это писалъ мой пріятель, Петръ Петровичъ Петровъ? Какимъ образомъ онъ попалъ въ Саксонскую Швейцарію? По какому случаю онъ путешествуетъ? Сколько я зналъ, онъ былъ всегда довольно прозаическій человѣкъ, и даже плохо зналъ иностранные языки? Ужъ не на воды ли онъ ѣдетъ? Не боленъ-ли? Но я оставилъ его за четыре мѣсяца въ Москвѣ веселымъ и полнымъ, и даже почти чѣмъ-то въ родѣ моднаго льва, по случаю страннаго увеличенія его доходовъ, въ-

слѣдствіе таинственнаго условія, котораго, впрочемъ, кромѣ меня, тогда не зналъ никто въ природѣ. Я позвалъ трактирнаго прислужника.

— Скажи, любезный, здѣсь есть, кромѣ меня, постояльцы на эту ночь? спросилъ я.

— Есть, сударь.

— Много?

— Много—немного, а нумера четыре занято.

— Ты знаешь, кто такіе?

— Два англичанина съ огромною собакой заняли первый нумеръ; во второмъ остановился старикъ, французскій пасторъ; въ третьемъ какое-то большое семейство путешественниковъ, должно-быть, русскіе, такое мудреное нарѣчіе.

— А въ четвертомъ?

— Въ четвертомъ господинъ съ большими бакенбардами, тоже иностранецъ, но какой націи—не знаю; по-нѣмецки совсѣмъ не говоритъ, да и по-французски плохо.

Этой послѣдней характеристической черты было довольно для меня, чтобъ узнать моего пріетеля, Петра Петровича, котораго я зналъ всегда какъ небольшаго лингвиста; и когда трактирный служитель прибавилъ, что вотъ онъ что-то написалъ на неизвѣстномъ языкѣ въ ихъ книгѣ, для меня не было уже никакого сомнѣнія.

Я велѣлъ проводить себя въ четвертый нумеръ.

Нужно ли описывать изумленіе и вмѣстѣ радость моего пріятеля, Петра Петровича, при свиданіи со мною на чужой сторонѣ? Кто бывалъ въ чужихъ краяхъ, тотъ хорошо знаетъ, какъ дорого для насъ даже услышать родной звукъ, а тѣмъ болѣе встрѣтиться съ задушевнымъ пріятелемъ. Правду сказать, я и самъ немало обрадовался этой совершенно нежданной встрѣчѣ. Петръ Петровичъ никогда не былъ моимъ другомъ въ полномъ значеніи этого слова, но я всегда любилъ его, какъ хорошаго и веселаго пріятеля, между-тѣмъ, какъ онъ самъ отличалъ меня почему-то предъ всѣми, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что онъ, изъ всѣхъ друзей своихъ, рѣшился мнѣ одному довѣрить мудреное происшествіе, которое я теперь разсказываю.

Надобно сказать, что Петръ Петровичъ очень много измѣнился въ послѣднее время, когда я не видалъ его, и измѣнился въ свою пользу. Онъ пополнѣлъ, побѣлѣлъ, отпустилъ себѣ очень красивые бакенбарды и началъ одѣваться почти со вкусомъ, чего прежде за нимъ не водилось. Только какая-то мрачная, но тихая грусть, или, лучше сказать, какая-то видимая забота, или постоянно преслѣдующая его безотвязная мысль положила на лицѣ его особенный, не безъ интересный, впрочемъ,

отпечатокъ. Вообще всѣ манеры его стали какъ-то благороднѣе, мягче, если можно такъ выразиться; онъ даже отсталъ отъ постоянно смѣшной привычки своей напирать на лѣвую щеку языкомъ въ случаяхъ довольства самимъ собою, между-тѣмъ какъ эти случаи, въ настоящемъ его положеніи, должны были встрѣчаться гораздо чаще прежняго. Богатство дѣлаетъ всегда человѣка довольнымъ самимъ собою, а Петръ Петровичъ, какъ мы знаемъ, былъ слишкомъ не бѣднякъ при своей ежемѣсячной пенсіи пяти-сотъ цѣлковыхъ!

— Ну, кто бы могъ подумать, кто бы могъ повѣрить, говорилъ Петръ Петровичъ, крѣпко пожимая мнѣ руки и усаживая на диванъ къ небольшому столику, на которомъ готовили ему ужинъ: кто-бы могъ повѣрить, что мы съ тобою, черезъ какіе-нибудь четыре мѣсяца, послѣ послѣдняго нашего свиданія и разговора, увидимся, и гдѣ же—въ Саксонской Швейцаріи! Въ горахъ, въ этой уединенной гостиницѣ!

— Вспомнимъ на чужбинѣ родную пословицу, Петръ Петровичъ, отвѣчалъ я: гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ столкнется.

— Ну, здѣсь, въ Саксонской Швейцаріи, эта родная пословица не совсѣмъ годится и не идетъ къ дѣлу, весело замѣтилъ мой пріятель. Въ этой чудесной сторонѣ, горы не только сходятся между собою, но такъ одна на другую и лезутъ... Чудная, живописная сторона! Я вотъ третій день брожу, или, лучше сказать, карабкаюсь по здѣшнимъ горамъ и скаламъ, а все не знаю устали, и радъ еще прожить здѣсь недѣлю.

— Въ этомъ случаѣ я съ тобою совершенно одного мнѣнія.

Въ эту минуту трактирный служитель явился съ бутылкою вина и двумя тарелками.

— Ты здѣсь одинъ, любезный другъ? спросилъ меня Петръ Петровичъ.

— Совершенно одинъ.

— А гдѣ твой нумеръ?

— На той сторонѣ.

— Много съ тобою поклажи?

— Ровно ничего.

— Въ такомъ случаѣ, ты не воротишься въ свой нумеръ и ночуешь вмѣстѣ со мною.

— Пожалуй, отвѣчалъ я.

— А кстати: ты еще не ужиналъ?

— Нѣтъ; я только пилъ чай.

— И прекрасно! Мы поужинаемъ вмѣстѣ, разопьемъ бутылочку

хорошенькаго винца и побесѣдуемъ... о! побесѣдуемъ весьма о многомъ! Тебя, любезнѣйшій другъ, какъ-будто добрый геній послалъ нынѣшній день навстрѣчу ко мнѣ, потому-что я именно нуждаюсь въ совѣтахъ умнаго человѣка.

И Петръ Петровичъ распорядился ужиномъ и виномъ на двѣ персоны, или, правильнѣе сказать, распорядился этимъ я, потому-что, какъ спрашивающій не зналъ нѣмецкаго, а спрашиваемый французскаго языка, то имъ бы не кончить до полуночи своихъ объясненій, въ которыхъ не разъ нужно было прибѣгать къ пантомимѣ, что хорошо только въ театрѣ, но отнюдь не въ ресторацiяхъ.

— Но кстати: какимъ образомъ узналъ ты, что я здѣсь? спросилъ меня Петръ Петровичъ въ ожиданiи ужина.

— Благодаря поэзiи, отвѣчалъ я.

— То-есть... какъ поэзiи? я тебя не понимаю.

— Ты написалъ стихи въ здѣшней трактирной книгѣ, я прочелъ ихъ, узналъ, что ты здѣсь и явился—вотъ тебѣ и вся разгадка!

— Чудесно! Два плохiе стиха доставили мнѣ удовольствiе, какого я и не воображалъ. Вѣдь вотъ поди-же, говорятъ, что у человѣка во всякомъ дѣлѣ есть предчувствiе... Чистый вздоръ! Мнѣ даже не хотѣлось взять пера въ руки, когда мнѣ подали эту книгу. Написалъ такъ себѣ, нехотя, просто, чтобъ написать что-нибудь, а вышло, что я какъ-будто послалъ къ тебѣ мою визитную карточку...

— На которую я тотчасъ же явился лично! съ улыбкою отвѣчалъ я. Сейчасъ видно нашего брата москвича: онъ гдѣ бы ни былъ, а исправность и точность въ визитахъ будетъ всегда его первымъ достоинствомъ!

Ужинъ и вино въ эту минуту были поданы, и мы, засѣвъ за столъ, продолжали нашу дружескую бесѣду.

— Прежде, нежели скажу я тебѣ о настоящемъ положенiи моихъ дѣлъ, началъ пріятель мой, Петръ Петровичъ, я долженъ разсказать тебѣ многое, чего ты еще не знаешь.

— Ожидаю съ нетерпѣнiемъ, отвѣчалъ я.

— Окончимъ прежде нашъ маiонезъ и этихъ жареныхъ цыплятъ, которые смотрятъ такъ аппетитно, продолжалъ мой пріятель, работая ножемъ и вилкой: потомъ откупоримъ бутылку, закуримъ сигары и приступимъ къ самому дѣлу. Мнѣ не мало прiйдется говорить, а я усталъ и проголодался порядочно.

И вотъ мы, поужинавъ порядочно и похваливъ нѣмецкую кухню, когда она сбивается на французскую, закурили дѣйствительно сигары и налили себѣ по стакану шампанскаго, которое въ Германiи пьютъ едва-

ли только не одни путешественники, въ особенности русскіе. Нѣмцы разсчетливы на свои удовольствія, къ-тому же они охотники до пива, которое въ ихъ сторонѣ и дешево и сердито, по русской поговоркѣ.

За вторымъ стаканомъ Петръ Петровичъ началъ:

— Основу моего мудренаго происшествія ты уже знаешь, любезнѣйшій другъ. Подъ печатью глубочайшей тайны, изъ всѣхъ друзей моихъ я открылъ ее только одному тебѣ—значитъ, я сколько люблю тебя, столько же и уважаю.

Я слегка поклонился, давая чувствовать моему пріятелю, что и я вполнѣ цѣню его дружескую довѣренность предпочтительно предъ другими.

Петръ Петровичъ поднялъ стаканъ, чокнулся съ моимъ стаканомъ, выпилъ половину и продолжалъ свою откровеную повѣсть, между нами сказать, интересовавшую до-нельзя и меня самого.

— Убѣдившись въ-продолженіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, что мудреное происшествіе, случившееся со мною, было не сонъ, а настоящая дѣйствительность, о чемъ безошибочно могъ свидѣтельствовать мой бумажникъ, постоянно толстѣвшій каждый мѣсяцъ отъ поступленія въ него новой пачки кредитныхъ билетовъ, я естественнымъ образомъ сдѣлался и веселѣе и спокойнѣе. Надобно тебѣ замѣтить кстати, что присылка таинственнаго письма и назначеніе мнѣ ежемѣсячнаго дохода въ пять сотъ рублей серебромъ пришли ко мнѣ ровно въ то критическое время, когда я не зналъ, что мнѣ съ собою дѣлать. Обстоятельства моей жизни были очень плохи и незавидны ни въ какомъ отношеніи. Что было прежде, все ушло. Службу я оставилъ; постороннихъ доходовъ не было ни откуда, домишко валился на бокъ такъ, что я начиналъ побаиваться, не проснуться бы мнѣ въ одно прекрасное утро сплющеннымъ, какъ листъ почтовой бумаги, отъ обвалившагося потолка съ крышей. Даже гардеробъ мой пришелъ въ самое скудное положеніе, такъ-что я долженъ былъ отказываться отъ многихъ приглашеній, именно потому только, что не хотѣлъ нѣсколько вечеровъ сряду пародировать въ одномъ и томъ же фракѣ, не говорю о томъ, что, вмѣсто обыкновенной пары лошадей, на которой ѣзжалъ я столько лѣтъ, мнѣ пришлось держать одну лошадь съ такимъ экипажемъ, что и на Толкучемъ забракуютъ. Согласись, что всѣ эти обстоятельства были слишкомъ невеселы для меня.

— Вполнѣ согласенъ, отвѣчалъ я съ невольною улыбкой. Изъ сапогъ въ лапти обуваться трудно, по русской поговоркѣ!

— Именно такъ; а я какъ-разъ подходилъ подъ эту пословицу. Ну, вотъ, братецъ ты мой, натуральнымъ образомъ я пооперился маленько,

сдѣлавшись вдругъ человѣкомъ, получающимъ слишкомъ двадцать тысячъ годоваго дохода на ассигнаціи, разумѣется! Другой бы, на моемъ мѣстѣ можетъ-быть, надѣлалъ кучу глупостей, но я повелъ дѣла умненько, тихо, и безъ хвастовства скажу, такъ, что хоть бы и не мнѣ, такъ въ ту же пору... Чему же ты улыбаешься, любезный? Не вѣришь, что ли?

— Нѣтъ, вѣрю совершенно, отвѣчалъ я, стараясь сдержать невольную улыбку. Продолжай, пожалуйста.

— Да, да, любезнѣйшій другъ, продолжалъ Петръ Петровичъ, снова хлебнувъ вина изъ стакана: я не хвастаюсь, когда говорю, что повелъ на этотъ разъ умненько дѣла свои, сколько ты тамъ не подсмѣивайся надо мною! У другаго бы, изъ такой крайности, въ какой былъ я тогда, при полученіи вдругъ такого нежданнаго и значительнаго богатства, голова закружилась, а можетъ и разсудокъ повихнулся, а я ничего, я вышелъ себѣ чистъ изъ этого дѣла. Началъ я съ того, что продалъ мой разваливающійся домъ, и продалъ, правду сказать, почти за безцѣнокъ; но что же ты хочешь? Онъ никуда не годился, развѣ на дрова, да и дрова-то будутъ плохіе: гнилое дерево мало даетъ тепла. Продавши домъ и, слѣдовательно, еще значительнѣе умноживъ капиталъ мой, я переѣхалъ на прехорошенькую квартирку, въ семь комнатъ съ приличною мебелью и крыльцомъ на улицу; тутъ исподоволь возобновилъ мой гардеробъ, обзавелся снова парою лошадокъ вятской породы и приличнымъ экипажемъ для выѣздовъ; однимъ словомъ, зажилъ паномъ, какъ говорятъ; на душѣ у меня просвѣтлѣло какъ-то, повесѣлѣло; въ два, три мѣсяца я такъ растолстѣлъ, что нужно было передѣлать нѣкоторыя платья... Ну, вѣдь кажется чего-бы больше желать человѣку въ моемъ положеніи? не правда ли, мой другъ? отвѣчай по чистой совѣсти.

— По правдѣ сказать, отвѣчалъ я, послѣ небольшаго размышленія: состояніе твое и положеніе въ свѣтѣ, на этотъ разъ, по моему крайнему разумѣнію, было такъ хорошо, что ему можно почти позавидовать.

— Совершенно такъ; и я самъ себѣ на единѣ тысячу разъ говорилъ то же самое, а вышло совсѣмъ наоборотъ.

— Какъ же такъ? Я несовсѣмъ тебя понимаю. Развѣ случилась вдругъ какая-нибудь перемѣна въ обстановкѣ твоего быта?

— Ничуть не бывало. Все шло, какъ нельзя лучше. Ежемѣсячный пенсіонъ мой доставлялся мнѣ съ неимовѣрною аккуратностью; за всѣми моими расходами, и даже подъ-часъ излишнимъ мотовствомъ, у меня скопились деньги на черный день; однимъ словомъ, я былъ и обезпеченъ и счастливъ совершенно. Только на долго ли стало этого счастья Увы! другъ мой, слишкомъ ненадолго!

И, какъ-будто желая доказать, что въ жизни всего становится слишкомъ ненадолго, Петръ Петровичъ вылилъ въ стаканы остальное шампанское изъ бутылки, и какъ-то такъ грустно посмотрѣлъ на нее, опорожненную, что я побоялся, не спросилъ бы онъ другую на мѣсто этой.

— Ни съ того, ни съ сего напала мнѣ на душу какая-то непонятная тоска, продолжалъ мой пріятель, послѣ небольшой паузы. Всѣ удовольствія и развлеченія жизни какъ-будто вдругъ потеряли въ моихъ глазахъ свою цѣну—отчего? Я не могъ себѣ дать отвѣта. Самое положеніе мое въ свѣтѣ мнѣ начало казаться какъ-будто смѣшнымъ, двусмысленнымъ, почти неблагороднымъ. До-тѣхъ-поръ, я думалъ, что одно только богатство можетъ сдѣлать человѣка вполнѣ счастливымъ въ жизни; но вотъ теперь я былъ богатъ, а между-тѣмъ счастіе какъ-будто убѣжало отъ меня за тысячу верстъ. Сказать ли? Я иногда даже не безъ удовольствія припоминалъ мою прежнюю жизнь, со всѣми ея лишеніями и недостатками. Все это, можетъ-быть, покажется тебѣ страннымъ, невѣроятнымъ, смѣшнымъ, а между-тѣмъ это было именно такъ, какъ я говорю. Не съумѣешь ли ты, господинъ философъ, объяснить мнѣ такое состояніе души? ты бы очень одолжилъ меня.

— Пожалуй; это очень просто, отвѣчалъ я.

— Сдѣлай одолженіе.

— Богатство только тогда имѣетъ настоящую цѣну, когда мы пріобрѣтаемъ его сами, своимъ трудомъ или какою-нибудь заслугою; въ противномъ случаѣ оно похоже на находку, которую совѣсть все какъ-то велитъ безотвязно возвратить настоящему хозяину. Что ты скажешь на это, Петръ Петровичъ?

— Скажу, что, можетъ-быть, ты говоришь дѣло, и дивлюсь только, какъ мнѣ самому давно не пришло этого въ голову.

— Къ тому же, продолжалъ я: невидимый и таинственный твой благодѣтель, какъ ты его называешь, давъ тебѣ богатство—вещь безспорно хорошую—въ замѣнъ этого взялъ у тебя, или, вѣрнѣе выразиться, отнялъ у тебя вещь гораздо драгоцѣннѣйшую и значительнѣйшую...

— То-есть... Что ты хочешь этимъ сказать?

— Онъ отнялъ у тебя свободу.

— Какую же свободу, любезнѣйшій другъ?

— Да развѣ онъ не предложилъ тебѣ условія никогда не жениться на дѣвушкѣ, которую будутъ звать извѣстнымъ именемъ?

— Да; но вѣдь это условіе слишкомъ нетяжелое, согласись самъ?

— Ну, я несовсѣмъ согласенъ съ этимъ.

— А что ты думаешь, вѣдь и это правда! вскричалъ мой пріятель, ударя себя ладонью по лбу. Умный ты человѣкъ, любезный другъ, и въ честь твоего ума...

Что я предвидѣлъ то и случилось. Петръ Петровичъ позвонилъ и приказалъ вошедшему служителю подать вторую бутылку шампанскаго. Я замѣтилъ ему, что этого слишкомъ много, особенно на ночь, но онъ не далъ выговорить мнѣ слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій другъ, прервалъ онъ меня какимъ-то восторженнымъ голосомъ: мы должны непремѣнно выпить вторую бутылку на радость нашего свиданія и въ честь того, что ты сказалъ мнѣ такія двѣ истины, которыя я съ моимъ маленькимъ умишкомъ и самъ подозрѣвалъ, но не смѣлъ себѣ формально признаться въ этомъ. Къ тому же я не дамъ тебѣ долго спать: мнѣ еще такъ много остается разсказывать.

Вторая бутылка была раскупорена, стаканы налиты. Нѣмецъ прислужникъ съ видимымъ уваженіемъ, по случаю требованія сряду двухъ бутылокъ такого дорогаго, аристократическаго напитка, вышелъ на цыпочкахъ изъ нумера, и мой пріятель, Петръ Петровичъ, принялся опять за свою декламацію.

— Мы не даромъ пьемъ шампанское въ честь твоего ума и твоей проницательности, любезный другъ, началъ онъ снова, чокаясь со мною стаканомъ. Ты угадалъ настоящую истину. Моя тоска, при незаслуженно-полученномъ богатствѣ, именно происходила оттого, что я за него продалъ мою свободу. Надобно тебѣ сказать, что я до-тѣхъ-поръ очень хладнокровно смотрѣлъ на всѣхъ женщинъ, и если влюблялся въ какую-нибудь, такъ это было, такъ-сказать, набѣгомъ, и не надолго; такихъ *любвей* я могъ насчитать порядочное количество, несмотря на то, что еще молодъ. Я на этотъ счетъ распорядился своимъ сердцемъ точно также, какъ бывшимъ домомъ. Я не отдавалъ его внаймы по контракту одному жильцу, а настроивъ нѣсколько отдѣльныхъ квартирокъ, отдавалъ ихъ помѣсячно: не понравилась мнѣ жилица — отказъ отъ квартиры — и вся исторія кончена! Квартира какъ разъ займется другимъ постояльцемъ. Ты, можетъ-быть, назовешь это непостоянствомъ, вѣтряностью, но что же ты хочешь? Juvenius-venius, есть латинская поговорка, которую, какъ кажется, я одну только и вынесъ со школьной скамьи... Эхъ славное было это время!

Тутъ мой пріятель вздохнулъ какъ-то хорошо и разомъ осушилъ стаканъ свой.

— Но съ того времени, какъ проклятое условіе отняло у меня

свободу, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ: съ того времени, какъ мнѣ запретили окончательно любовь къ нѣкоторымъ изъ женщинъ, сердце мое совершенно измѣнилось, коморки въ немъ развалились и мнѣ захотѣлось пустить жилицу постоянную... Сказать прямѣе: мнѣ начала представляться въ самыхъ розовыхъ краскахъ вѣчная любовь со всѣми ея прелестями, супружеская жизнь со всѣми ея патріархальными подробностями. Мнѣ захотѣлось жениться по любви на какой-нибудь достойной женщинѣ, и въ то же самое время меня начала преслѣдовать убійственная мысль: ну, что, если эта дѣвушка, въ которую случайно влюблюсь я, которую найду вполнѣ достойною быть моею вѣчною подругою, на бѣду мою, будетъ называться Лизаветою, тѣмъ болѣе, что это такое общее и употребительное у насъ имя. Что тогда? Я пропалъ совершенно! Все мое богатство лопнетъ какъ мыльный пузырь, ежемѣсячная присылка пятисотъ рублей серебромъ, на которой основано все благосостояніе моей жизни, прекратится, потому-что невидимый благодѣтель вѣрно же строго надзираетъ за точнымъ исполненіемъ нашего общаго условія—и тогда что я? Опять такой же бѣднякъ, какъ и прежде, даже еще жалче прежняго, потому-что тогда у меня былъ хоть плохой, да свой уголъ, а теперь и того нѣтъ... Правду ли я говорю, другъ мой?

— Совершенную, неоспоримую правду, отвѣчалъ я съ невольною улыбкой, представляя себѣ въ-самомъ-дѣлѣ довольно-смѣшное положеніе моего пріятеля, Петра Петровича, по случаю этого фантастическаго, но съ другой стороны и возможнаго страха.

— А! вотъ-то-то же и есть! продолжалъ Петръ Петровичъ: согласенъ, что мнѣ было отчего задуматься не на шутку?

— Конечно такъ; но, съ другой стороны, страхъ твой былъ и несовсѣмъ основателенъ, замѣтилъ я.

— Это почему?

— Потому-что точно также, какъ въ Лизавету, ты могъ влюбиться и въ Анну, Марью и даже, пожалуй, Матрёну; а вѣдь это тебѣ не было запрещено по условію, сколько я знаю.

— Хорошо тебѣ говорить: въ Анну, Марью; ну, а какъ на грѣхъ именно въ Лизавету — тутъ что прикажешь дѣлать? Петля да и только! продолжалъ все болѣе разгорячаясь мой пріятель, туша свою горячку виномъ и забывая, что огонь масломъ никогда не потушишь.

— Да, это было бы конечно очень непріятно, сказалъ я на этотъ разъ.

— Вотъ то-то и есть! продолжалъ Петръ Петровичъ съ новою за-

пальчивостью. Надобно тебѣ сказать и то, что, на бѣду мою, съ-тѣхъ-поръ мнѣ какъ-то все и начали попадаться однѣ Лизаветы, такъ-что какъ-будто всѣ мало-мальски порядочныя дѣвушки сговорились называться этимъ роковымъ именемъ. Куда ни сунься — все Лизавета! такъ-что стало досадно и почти страшно не на шутку! Лизавета!.. это имя сдѣлалось моимъ постояннымъ кошмаромъ; оно преслѣдовало меня во снѣ и на яву. Мнѣ казалось, что всякій, кто случайно произносилъ предо мною это имя, знаетъ мою тайну и смѣется надъ моимъ несчастнымъ положеніемъ. Бывало, въ театрѣ чуть увидишь гдѣ-нибудь хорошенькое личико въ ложѣ, разузнаешь кто такая—выйдетъ на повѣрку, что это какая-нибудь Лизавета Петровна или Павловна! Такъ тебя морозъ по кожѣ и подеретъ! Въ маскарадѣ гдѣ-нибудь чуть только успѣешь сойдтись съ хорошенькою маской и заинтересоваться ею— глядишь, вдругъ ее кто-нибудь кличетъ изъ толпы: Лиза! Ну, разумѣется и побѣжишь отъ нея, какъ отъ чумы; сосѣдка ли понравится изъ окна, на бульварѣ ли встрѣтишь хорошенькую брюнеточку — ужъ будь увѣренъ, обѣ непремѣнно Лизаветы! Послѣ этого, братецъ ты мой, по-неволѣ войдетъ тебѣ въ голову, что надъ тобою подшучиваетъ какой-нибудь злой духъ, который, заплативъ тебѣ извѣстную договорную сумму, изволитъ потѣшаться надъ твоею особою, представляя тебѣ безпрестанно подъ глаза хорошенькихъ московскихъ Лизаветъ, которыя красуются и цвѣтутъ для всего Божьяго свѣта, а для тебя просто запрещенный плодъ! Даже что, любезный другъ, я такъ свыкся съ мыслію, что только однѣ Лизаветы заслуживаютъ вниманіе и любовь порядочнаго человѣка, что, бывало, увижу какую-нибудь барышню — положимъ и очень недурную собою, да узнаю, что ее зовутъ тамъ Наденькой, или Любочкой, ужъ мнѣ на нее и смотрѣть не хочется!

Я не утерпѣлъ и громко захохоталъ при послѣдней фразѣ Петра Петровича. Онъ началъ мнѣ казаться почти помѣшаннымъ; но ему, какъ видно, было совсѣмъ не до смѣха.

— Да! хорошо тебѣ смѣяться, продолжалъ Петръ Петровичъ, ни мало не обижаясь моимъ, можетъ-быть, несовсѣмъ умѣстнымъ смѣхомъ: а вотъ посмотрю я, будешь ли ты смѣяться теперь, когда я разскажу тебѣ послѣднее обстоятельство моей странной жизни, въ-слѣдствіе котораго мнѣ, лѣнивому москвичу, пришлось прокатиться до Саксонской Швейцаріи... Впрочемъ, на эту поѣздку я не ропщу: она доставила мнѣ случай увидѣться съ тобою и попросить твоего умнаго совѣта въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ вся моя будущность.

Я пересталъ смѣяться и обратился весь во вниманіе.

— Надобно тебѣ сказать, что я, продавши домъ мой, переселился на Арбатъ, гдѣ отыскалъ себѣ прекрасную квартирку. Напротивъ оконъ моихъ, черезъ улицу, выходили окна одного очень богатаго и по наружности чисто аристократическаго дома, занимаемаго по найму однимъ пріѣзжимъ изъ Саратова, помѣщикомъ съ большимъ семействомъ. Въ-послѣдствіи я узналъ и его фамилію: онъ прозывался Квасинъ. Какъ ближайшіе сосѣди, мы познакомились съ нимъ, а именно, вотъ по какому случаю. Мнѣ захотѣлось, меблируя свою новую квартиру, купить фортепьяно, на которомъ бы могли играть у меня хоть гости, потому-что самъ я плохой музыкантъ, какъ ты знаешь. Новый камердинеръ мой, Григорій, котораго я недавно тогда нанялъ, сказалъ мнѣ, узнавъ о моемъ намѣреніи, что вотъ именно у сосѣда, что́ противъ нашихъ оконъ, продается, по случаю его отъѣзда въ чужіе краи, вся мебель и, между-прочимъ, прекрасное фортепьяно.

— А ты почему знаешь, что оно прекрасное? спросилъ я Григорья.

— Да когда васъ нѣтъ дома, сударь, и я открываю окна на улицу, такъ я слышу какъ тамъ на нихъ играетъ барышня, отвѣчалъ Григорій.

— Какая барышня?

— Не могу доложить, сударь, можетъ-быть, дочь Квасина. У него большое семейство.

— А почему ты знаешь, что они ѣдутъ въ чужіе краи и что фортепьяно продается?

— Мнѣ сказывалъ, между разговоровъ, какъ-то ихъ дворовый Ѳедотъ... Да вотъ, кстати, сударь, и та барышня, которая всегда играетъ на фортепьяно и поетъ... не угодно ли взглянуть: она подошла къ открытому окну... Видите, какая красавица!

Я взглянулъ и остолбенѣлъ. Григорій сказалъ совершенную правду. Сосѣдка моя была дѣйствительно красавица, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, много двадцати, черноволосая, но съ голубыми глазами. Одѣта она была просто, но съ большимъ вкусомъ. Описывать тебѣ въ подробности ея красоту у меня недостанетъ ни умѣнья, ни словъ; короче, скажу вотъ что́: вѣдь ты вѣрно пріѣхалъ сюда изъ Дрездена?

— Да.

— Разумѣется, былъ въ тамошней картинной галереѣ?

— Конечно, и не одинъ разъ.

— Видѣлъ тамъ знаменитый портретъ?

— Нечего и спрашивать.

— Ну, такъ я тебѣ скажу только вотъ что: сосѣдка моя была на сто процентовъ лучше ее — этого кажется довольно?

— Даже много.

— Ну, послѣ этого ты можешь себѣ вообразить, мой другъ, что я почувствовалъ при взглядѣ на такое чудесное созданіе! Само-собою разумѣется, что я на другой же день утромъ отправился къ Квасинымъ смотрѣть фортепьяно. Но вотъ бѣда, думалъ я самъ съ собою: я могу и не увидѣть этой прелестной дѣвушки! Всего вѣроятнѣе, что меня приметъ или самъ хозяинъ, или жена его, а можетъ, и просто какой-нибудь управляющій или камердинеръ. Но какъ бы то ни было я отправился, твердо рѣшась, во-первыхъ, купить фортепьяно, каково бы оно ни было и чтобы за него ни запросили; во-вторыхъ, употребить все, что отъ меня зависитъ, чтобъ познакомиться и сблизиться съ семействомъ Квасиныхъ для того, чтобъ сойдтись съ моею прелестною сосѣдкою. Сказано — сдѣлано: я отправился черезъ улицу въ завѣтный домъ. Григорій мой вѣроятно уже успѣлъ предварить людей Квасина, и меня прямо ввели въ довольно богато-убранную залу, гдѣ стояло фортепьяно, дѣйствительно очень хорошей работы, не помню какого-то петербургскаго мастера, и съ прекраснымъ тономъ, потому-что я, разумѣется, хоть не какъ артистъ, но по-крайней-мѣрѣ, какъ покупщикъ, не излишнимъ счелъ попробовать нѣсколько аккордовъ, потомъ поднялъ верхнюю доску, чтобъ посмотрѣть внутренній механизмъ инструмента.

— Что вы не сядете, вамъ будетъ ловчѣе, вдругъ произнесъ позади меня чей-то мужской, довольно-грубый голосъ.

Я оглянулся: предо мною стоялъ самъ Квасинъ, котораго я зналъ въ лицо, потому-что видѣлъ прежде.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я нѣсколько смѣшавшись и стараясь раскланяться самымъ учтивымъ образомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, продолжалъ Квасинъ тѣмъ же самымъ тономъ, какъ и прежде. Да право сядьте: вамъ будетъ гораздо ловчѣе...

— То-есть, какъ ловчѣе?.. спросилъ я съ нѣкоторымъ изумленіемъ: что вы хотите этимъ сказать, милостивый государь?

— Милостивый государь хочетъ сказать, что онъ первый разъ въ жизни видитъ настройщика, который работаетъ стоя и даже держа шляпу въ рукѣ...

— Но, милостивый, государь, я совсѣмъ не...

Не успѣлъ я докончить моей фразы, какъ дверь изъ гостиной быстро

отворилась и въ залу влетѣло вчерашнее милое существо, которымъ любовался я изъ окошка моей квартиры.

— Степанъ Иванычъ, вы ошиблись, быстро проговорила дѣвушка, слегка и ласково кивнувъ мнѣ обворожительной головкой: это не на стройщикъ, а покупщикъ.

— Какъ? съ изумленіемъ спросилъ Квасинъ.

— Это сосѣдъ нашъ, Петръ Петровичъ Петровъ, продолжала дѣвушка съ очаровательною улыбкой; потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавила: васъ, можетъ-быть, удивляемъ то, что я знаю ваше имя и фамилію?

— Признаюсь, сударыня... для меня очень лестно... пробормоталъ я, конфузясь все болѣе и болѣе.

— Между-тѣмъ, это очень просто и естественно, продолжала она: если вы только возьмете въ разсчетъ, что сосѣдки всегда любопытнѣе нежели сосѣди...

Между-тѣмъ, Степанъ Иванычъ Квасинъ, посмѣявшись довольно-шумно надъ своею ошибкой, дружески взялъ меня за руку, попросилъ слегка извиненія и потащилъ въ гостиную, говоря, что вѣрно я, какъ добрый сосѣдъ, не откажусь съ нимъ выпить безъ церемоніи чашку кофе и позавтракать. А мнѣ всего болѣе этого-то и хотѣлось.

— А гдѣ же наши? спросилъ онъ, между-тѣмъ, у обворожительной дѣвушки.

— Вы забыли вчерашній разговоръ за ужиномъ, отвѣчала она: уѣхали всѣ въ Кремль къ обѣднѣ.

— Да, да, теперь вспомнилъ! Прикажите подавать намъ кофе и завтракъ, да ужъ потрудитесь и похозяйничать вмѣсто жены, любезная Лизавета Михайловна!

Я какъ шелъ, такъ и остановился посреди гостиной. Ноги у меня какъ-будто вдругъ обратились въ пудовики и приросли къ полу. Что же это такое? И эту зовутъ Лизаветою!! Да вѣдь ужъ это просто колдовство какое-то! Первымъ моимъ движеніемъ, при этомъ роковомъ имени, было бѣжать, какъ я обыкновенно и дѣлывалъ доселѣ; но вотъ штука: на этотъ разъ у меня какъ-то недостало силъ и я рѣшился остаться. Что жъ такое? Вѣдь мнѣ запрещено только жениться на Лизаветѣ, но не было уговора, что я не могу даже и полюбезничать съ дѣвушкой съ этимъ именемъ. Я взялъ, да и остался.

— Молодецъ Петръ Петровичъ! невольно проговорилъ я моему пріятелю.

— Молодецъ-то молодецъ, коли ты хочешь, а вышло плохо, продолжалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ. На повѣрку вышло, что лучше бы послѣдовать первому движенію и бѣжать отъ опасной сосѣдки, потому-что, сказать тебѣ просто, любезнѣйшій другъ, съ этого самаго утра я такъ отуманился этой дѣвушкой, что прожить дня не могу почти, не видавъ ее — вотъ оно что!

— Но кто же она такая? ты не сказалъ мнѣ, Петръ Петровичъ, спросилъ я.

— Гувернантка, братецъ, Квасиныхъ, Лизавета Михайловна, Ковская по фамиліи, отвѣчалъ мой пріятель. Живетъ у нихъ уже пятый годъ, получаетъ полторы тысячи ассигнаціями жалованья и любима всѣми, просто, какъ родная. Квасины даже уговорили ее ѣхать съ ними въ чужіе краи на воды, потому-что сама Квасина нездорова, и доктора гонятъ ее вонъ изъ Россіи.

— Но ты-то самъ какимъ же образомъ попалъ сюда? спросилъ я.

— Очень простымъ: Лизавета Михайловна поѣхала съ Квасиными въ чужіе краи, ну, и я отправился за ними слѣдомъ. Вѣдь ужъ я тебѣ, кажется, русскимъ языкомъ сказалъ, что я не могу прожить безъ нея одного дня!

— Значитъ, ты хорошо познакомился съ семействомъ этихъ Квасиныхъ?

— Какъ нельзя лучше; мы вмѣстѣ путешествуемъ.

— И ты влюбленъ, несчастный, въ эту запрещенную Лизавету?

— Да еще какъ! И не разскажешь!

— А она?

— Что она?

— Она любитъ ли тебя?

— Кажется, любитъ... по-крайней-мѣрѣ, не сердится, когда я говорю ей о моей страсти.

— Надѣюсь, по-крайней мѣрѣ, сказалъ я моему пріятелю: что ты ей не предлагалъ еще своей руки и сердца, какъ обыкновенно выражаются.

— Нѣтъ еще.

— Нѣтъ еще? А все-таки значитъ собираешься?

— Можетъ-быть, съ новымъ вздохомъ отвѣчалъ мой пріятель: и вотъ объ этомъ-то именно я и хочу серьозно посовѣтоваться съ тобою, любезнѣйшій другъ. Какъ ты скажешь? Что присудишь? Что Лизавета Михайловна пойдетъ за меня,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; объ этомъ—я

знаю стороною—ужъ у нее и былъ разговоръ съ Квасиными, которые принимаютъ родное участіе во всѣхъ дѣлахъ ея. Но какъ поступить мнѣ самому: рѣшиться ли жениться на этой обворожительной дѣвушкѣ и обречь себя на бѣдность, потому–что ни у нея, ни у меня ничего нѣтъ, то–есть предполагая, что съ этою женитьбой прекратится мое ежемѣсячное полученіе пятисотъ цѣлковыхъ.

— Но можетъ–быть оно и не прекратится, сказалъ я. Женись здѣсь и содержи повозможности втайнѣ бракъ твой.

— Объ этомъ нечего и думать. За мною строго надсматриваютъ; меня слѣдитъ какой-то тайный духъ, почти шопотомъ проговорилъ мой пріятель и оглянулся робко кругомъ, какъ-бы ища глазами этого духа. Я забылъ тебѣ сказать,—продолжалъ онъ послѣ небольшаго молчанія,—что еще въ Москвѣ, при самомъ началѣ моего знакомства съ Лизаветою Михайловною, я, при полученіи моей ежемѣсячной пенсіи, получилъ вмѣстѣ и записку, писанную знакомымъ мнѣ таинственнымъ почеркомъ, въ которой предостерегаютъ меня и извѣщаютъ, что мое настоящее сближеніе съ дѣвушкой, которую зовутъ Лизаветой, имъ уже извѣстно, и вмѣстѣ напоминаютъ, чтобы я не забывалъ нашего условія...

— Странная, непонятная вещь! невольно проговорилъ я, не умѣя въ–самомъ–дѣлѣ объяснить себѣ этой мудреной загадки.

— А всего-то страшнѣе вотъ что, продолжалъ Петръ Петровичъ, вынимая изъ кармана бумажникъ, а изъ бумажника записку и подавая ее мнѣ. Вотъ, возьми, прочитай: эту штучку получилъ я не далѣе какъ вчера вечеромъ, и какимъ образомъ получилъ — не умѣю и объяснить себѣ. Надобно тебѣ сказать, что мы бываемъ весь день вмѣстѣ съ Квасиными и, слѣдовательно, съ Лизаветой Михайловной; я только беру себѣ особенный нумеръ на ночь... Что же ты думаешь? Вчера вечеромъ прощаюсь я съ ними, прихожу въ свой нумеръ—у меня на столѣ записка, кто и какимъ образомъ ее тутъ положилъ—неизвѣстно.. Прочти вслухъ, если хочешь знать, что ко мнѣ пишутъ.

Я прочелъ слѣдующее:

«Если Петръ Петровичъ думаетъ, что уѣхавъ изъ Россіи, онъ «не подлежитъ болѣе надзору тѣхъ, кому далъ *извѣстное* обѣщаніе- «то онъ очень ошибается. Каждый шагъ его извѣстенъ, и потому пуст, «онъ считаетъ себя въ послѣдній разъ предостереженнымъ въ извѣсть «номъ дѣлѣ».

Подписи никакой не было.

— Ну, что ты скажешь на это? спросилъ меня ПетръП етровичъ когда я прочелъ таинственную записку.

— Скажу, отвѣчалъ я, что и для меня всѣ эти вещи столько же непонятны, какъ для тебя.

— Но что же ты мнѣ посовѣтуешь?

— Ровно ничего.

— Почему такъ?

— Потому–что всякій человѣкъ, просящій у другаго совѣта, вѣрно ужъ въ душѣ своей рѣшился на что-нибудь положительное, и хочетъ только довести этого друга до того, чтобъ и онъ подтвердилъ это рѣшеніе... По-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю обо всѣхъ совѣтахъ вообще.

Петръ Петровичъ замолчалъ на нѣсколько времени, какъ-бы обдумывая истину словъ моихъ, наконецъ спросилъ меня отрывисто:

— Ты завтра куда?

— Назадъ, въ Дрезденъ. А ты?

— Я... или лучше сказать, *мы*, завтра отправляемся въ Карлсбадъ, гдѣ жена Квасина будетъ пить воды...

— И ты намѣренъ также оставаться съ ними?

— Кажется, такъ...

— Въ такомъ случаѣ, мы простимся сегодня же.

— Жалко, а дѣлать нечего! Ты долго намѣреваешься вояжировать?

— Не болѣе полугода.

— Слѣдовательно, во все это время къ тебѣ и писать мудрено... Гдѣ ты будешь больше?

— И самъ не знаю.

Въ этотъ же вечеръ, или, правильнѣе сказать, въ эту же ночь, потому-что уже было очень поздно, когда я простился съ моимъ пріятелемъ, Петромъ Петровичемъ, и разгадка мудреныхъ происшествій, случившихся съ нимъ, отложилась для моего любопытства на весьма неопредѣленное время, сколько она меня ни интересовала.

Мнѣ суждено было ровно черезъ годъ узнать эту разгадку, свидясь съ Петромъ Петровичемъ; и это было вотъ какимъ образомъ.

Мнѣ понадобилось, по дѣламъ моимъ, быть въ Петербургѣ. Это было лѣтомъ.

Гуляя передъ обѣдомъ по Невскому-проспекту и любуясь какъ на самый городъ, такъ и на эту кипучую, шумную, веселую жизнь, которой въ Москвѣ нѣтъ и въ поминѣ, я случайнымъ образомъ подслушалъ разговоръ двухъ господъ, шедшихъ впереди меня и лорнировавшихъ богатые экипажи, которые то-и-дѣло въ разныхъ направленіяхъ мчались по проспекту.

— Ну, знаешь, чья эта щегольская карета лиловаго цвѣта, Поль? спрашивалъ одинъ.

— Еще бы! это Заврудинской. Вонъ видишь она и съ своею неразлучною собачкой...

— А эта прелестная колясочка съ такою богатою упряжью?

— Которая?

— Ну, вонъ, еще въ ней сидитъ какой-то толстый господинъ въ мундирномъ фракѣ съ прехорошенькою дамочкой.

— А! это молодые!

— Кто же?

— Петровы. Четвертагодня только была сватьба. Они живутъ въ Большой-Милліонной; оба, кажется, москвичи и богачи. Недавно купили себѣ большой угловой домъ...

Читатель легко можетъ себѣ представить, что послѣднія слова одного изъ разговаривавшихъ привлекли полное мое вниманіе. Я устремилъ глаза на средину Невскаго-проспекта, по которому въ эту минуту мчалось много экипажей, и дѣйствительно увидѣлъ въ одномъ изъ нихъ моего пріятеля, Петра Петровича Петрова... но въ какомъ видѣ? Его просто нельзя было узнать: и пополнѣлъ, и похорошѣлъ, и помолодѣлъ — настоящій баринъ! да еще какой баринъ! первой руки! Подлѣ него прехорошенькая дама, по словамъ разсказывавшаго, жена его... Онъ даже въ мундирномъ фракѣ — значитъ, онъ служитъ. И какой экипажъ! Неужели все это на пятьсотъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, если еще онъ ихъ получаетъ? Да еще и получаетъ ли? Ужъ на бѣду не Лизаветой ли зовутъ жену его?

Само собою разумѣется, что я въ этотъ же день узналъ адресъ моего пріятеля и вечеромъ былъ у него, познакомился съ его милой женой; и когда она уѣхала съ одной изъ своихъ пріятельницъ во-французскій театръ, я засѣлъ съ моимъ пріятелемъ въ его богатый и со вкусомъ убранный кабинетъ, и тамъ узналъ вполнѣ разгадку его мудреной исторіи, которую передаю его же словами:

— Въ прошломъ году мы, помнится, разстались съ тобой въ Саксонской Швейцаріи, началъ мой пріятель.

— Точно такъ, я воротился въ Дрезденъ...

— А мы поѣхали въ Карлсбадъ. Ну, надобно тебѣ сказать, любезнѣйшій другъ, что любовь моя къ Лизаветѣ Михайловнѣ, съ которою ты тогда былъ знакомъ изъ моего разсказа, росла болѣе и болѣе, и наконецъ дошла до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что я не

могъ совладѣть съ собою. Тутъ только, братецъ ты мой, я узналъ въ первый разъ въ жизни, что значитъ истинная любовь. Несмотря ни на что, я рѣшился открыться ей въ моей страсти и, выбравъ удобный случай, когда мы остались одни, завелъ съ нею разговоръ объ этомъ предметѣ. Лизавета Михайловна выслушала меня благосклонно и ласково, черезъ три дня обѣщала дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ и наконецъ отвѣчала вотъ что:

— Послушайте, Петръ Петровичъ, я внимательно разсуждала о вашемъ лестномъ для меня предложеніи, спрашивала свое сердце, и оно отвѣтило въ пользу вашу; но разсудокъ мой, всегда довольно-холодный и, если хотите, слишкомъ строгій и разборчивый, представилъ мнѣ отъ себя нѣкоторые резоны, которые за долгъ считаю сообщить вамъ прежде, нежели изъявлю полное согласіе быть вашею женою.

— Жду съ нетерпѣніемъ! вскричалъ я; говорите скорѣе все, что у васъ есть и на умѣ и на сердцѣ, обожаемая женщина!

— Обожаемая женщина, во-первыхъ, замѣтитъ вамъ, Петръ Петровичъ, съ легкою улыбкою продолжала Лизавета Михайловна, что она круглая сирота; и хотя благороднаго происхожденія, но не имѣетъ ровно ничего, кромѣ того жалованья, которое получаетъ теперь, какъ гувернантка въ домѣ Квасиныхъ.

— Что же изъ этого?

— А то, что если вы, Петръ Петровичъ, не имѣете обезпеченнаго состоянія, то намъ съ вами нечѣмъ будетъ жить. Кажется, это очень просто.

Я задумался на минуту.

— Скажите мнѣ, продолжала Лизавета Михайловна: у васъ есть состояніе?

— Никакого, отвѣчалъ я съ невольнымъ вздохомъ.

— Но, судя по образу вашей жизни, можно думать, что вы получаете большіе доходы и совершенно обезпечены,..

— У меня нѣтъ никакихъ доходовъ, отвѣчалъ я мрачно, то-есть у меня были до-сихъ-поръ доходы, но они прекратились уже.

— Это что-то странно; почему же это такъ? Я надѣюсь, что въ настоящихъ нашихъ отношеніяхъ вы не будете секретничать со мною и разскажете мнѣ все, тѣмъ болѣе, что наши интересы дѣлаются общими.

— Вы все узнаете, когда будете моею женою, милая Лизавета Михайловна.

— Но какъ же я буду вашею женою, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, если и у васъ, какъ у меня, ровно ничего нѣтъ! Я говорю съ

вами чистосердечно: я люблю васъ и готова отдать вамъ мою руку; но подумайте, что ждетъ насъ въ будущемъ?

— Я буду трудиться, работать...

— Это легче сказать, чѣмъ исполнить. Скажите мнѣ: вы нигдѣ не служите?

— Не служу.

— Почему?

— Такъ... я былъ въ службѣ, но оставилъ ее давно.

— А вы еще такъ молоды! Это несовсѣмъ хорошо рекомендуетъ васъ.

— Что же дѣлать!

— Вы вѣрно имѣли неудовольствія по службѣ?

— Имѣлъ.

— А скажите, по правдѣ, не были ли вы сами немножко виноваты въ нихъ?

— Не немножко, а даже много, отвѣчалъ я на этотъ разъ съ полною откровенностью.

— Слушайте же, что я вамъ скажу, любезный Петръ Петровичъ, начала послѣ небольшаго молчанія Лизавета Михайловна: я согласна отдать вамъ мою руку, потому-что люблю васъ, какъ сказала уже и прежде; но, вы съ своей стороны, дайте мнѣ слово, что перестанете вести бездѣйственную жизнь. Вспомните, чѣмъ вы обязаны, какъ гражданинъ и благородный человѣкъ, своему отечеству, и вступите снова въ службу. Мы поѣдемъ отсюда въ Петербургъ: вы похлопочете тамъ о мѣстѣ, и такимъ образомъ... я ваша!

Въ-слѣдствіе этого разговора въ первый разъ я поцѣловалъ Лизавету Михайловну, какъ мою невѣсту, и далъ себѣ рѣшительное слово отказаться отъ загадочнаго, но непрочнаго и незаслуженнаго ничѣмъ богатства, лишь бы владѣть такимъ сокровищемъ, какъ она. Черезъ три мѣсяца мы воротились въ Петербургъ, я опредѣлился снова въ службу, принялся горячо за дѣло, и у меня все пошло какъ нельзя лучше. Устроивъ эти дѣла, я наконецъ женился на прошлой недѣлѣ, и теперь сдѣлался самымъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ природѣ.

— Все это умно и прекрасно! любезный Петръ Петровичъ, сказалъ я; отъ души поздравляю тебя и радуюсь твоему благополучію; но мнѣ бы хотѣлось еще знать...

— Что такое? спросилъ мой пріятель, улыбаясь довольно-хитро для его простой физіономіи.

— Я тебя видѣлъ сегодня утромъ съ женою на Невскомъ-прос-

пектѣ... У васъ такой богатый экипажъ.. Говорятъ даже, что этотъ домъ ты купилъ...

— Совершенно справедливо.

— Значитъ, таинственная присылка тебѣ ежемѣсячняго пансіона не прекратилась еще!

— Напротивъ, давно прекратилась.

— Послѣ этого, значитъ, ты нашелъ кладъ?

— Именно! И этотъ кладъ нашелъ я въ моей Лизѣ, съ чувствомъ восторга сказалъ мой пріятель.

— Я несовсѣмъ понимаю...

— И не поймешь, если я не разскажу тебѣ всего въ подробности.

— Не томи же моего любопытства, я какъ на иголкахъ... Все это такъ мудрено ..

— Оно и мудрено и просто, коли ты хочешь. Какъ ты думаешь, любезный другъ, по какому странному случаю и отъ кого получалъ я до самой моей женитьбы эту загадочную пенсію ежемѣсячно?

— Нечего и спрашивать, когда знаешь, этого не съумѣю отвѣтить.

— Ахай же отъ удивленія и бей себя по лбу, братецъ: эту ежемѣсячную пенсію и всѣ таинственныя письма и условія получалъ я отъ... кого ты думаешь? Отъ моей Лизы!

— Что за вздоръ! невольно выговорилъ я.

— Съ перваго раза и мнѣ показалось также, а на повѣрку вышло все очень естественно. Вотъ въ чемъ дѣло. Семейство Квасиныхъ жило напротивъ моего стараго домишка, когда я еще, разумѣется, жилъ въ немъ. Лизавета Михайловна видѣла меня часто и я понравился ей. Но это еще ничего; дѣло бы, можетъ-быть, тѣмъ и кончилось, если бы тутъ не подвернулось слѣдующее обстоятельство: у Лизаветы Михайловны была куплена польская облигація на денежную лотерею, безпроигрышную, какъ ее называютъ. Въ послѣдній годъ тиража она справилась въ конторѣ о вышедшихъ нумерахъ, и съ грустію увидѣла, что ея билетъ ничего не выигралъ, кромѣ возврата заплаченной суммы. Взявъ свои деньги и изъ любопытства печатную табличку выигрышныхъ нумеровъ, Лизавета Михайловна пошла домой. Подходя къ своей квартирѣ, какъ послѣ разсказала мнѣ, она увидѣла, что я выѣзжаю на моемъ тощемъ буцефалѣ изъ воротъ, и что изъ-подъ полости моихъ саней выпало что-то на снѣгъ; когда я проѣхалъ, она нагнулась и увидѣла, что это былъ бумажникъ, который обронилъ я. Разумѣется, она его подняла для того, чтобъ отослать послѣ ко мнѣ. Но какъ бумажникъ былъ безъ замка, и какъ у женщинъ любопытство идетъ впереди всего, особенно на счетъ мужчинъ, которые имъ нравятся, Лиза-

вета Михайловна, оставшись одна въ своей комнатѣ, рѣшилась полюбопытствовать, что́ такое было у меня въ бумажникѣ? Вещь очень простительная для молодой дѣвушки. Вотъ она открываетъ его—денегъ не такъ чтобы очень много, но вмѣстѣ съ ними лежитъ какая-то печатная, бережно сложенная бумажка, развертываетъ и видитъ, что это точно такая же польская облигація на безпроигрышную лотерею, какъ была и у нея, и которую она сейчасъ только промѣняла на деньги. Такъ какъ у нее была табличка выигравшихъ нумеровъ послѣдняго тиража, Лизавета Михайловна естественымъ образомъ захотѣла справиться и о моемъ нумерѣ, справилась, и — представь себѣ ея удивленіе и вмѣстѣ радость, когда увидѣла, что я выигралъ самый главный кушъ, то-есть милліонъ двѣсти тысячъ злотыхъ. Ну, братецъ ты мой, вѣдь извѣстное дѣло, что золото, особливо въ большомъ количествѣ, вещь самая соблазнительная и зарождающая иногда въ головѣ нашей странныя идеи... Одна изъ такихъ идей зародилась и въ головѣ Лизаветы Михайловны, чему, впрочемъ, много способствовало и мое черновое письмо къ одному пріятелю въ Петербургъ, гдѣ я описывалъ ему мои неудачи въ жизни и по службѣ и высказывалъ явное желаніе жениться на какой-нибудь умной и доброй дѣвушкѣ, которая бы смогла и съумѣла своею любовью отучить меня отъ моей привычной лѣности и разсѣяннаго, совершенно безцѣльнаго существованія. Не столько можетъ быть въ-слѣдствіе богатаго выигрыша, сколько въ-слѣдствіе этого письма, Лизавета Михайловна, которой я еще и прежде нравился, какъ уже тебѣ замѣтилъ, рѣшилась разыграть со мною роль добраго генія, и въ-послѣдствіи времени сдѣлаться для меня именно этимъ существомъ, любящимъ и преданнымъ, которое необходимо нужно было мнѣ въ жизни. Но такъ-какъ для этого нужно было, чтобы и я самъ полюбилъ горячо и сильно такое существо, то она и рѣшилась испытать меня, окружа себя таинственностью и предложа мнѣ извѣстную сумму ежемѣсячнаго дохода съ условіемъ, никогда не жениться на женщинѣ, которую будутъ звать Лизаветой.

— Я сойдусь съ нимъ—это такъ легко сдѣлать въ Москвѣ— познакомлюсь покороче, и если онъ полюбитъ меня до такой степени, что рѣшится лишиться состоянія, достающагося ему даромъ, и женится на мнѣ, обрекши себя на труды, тогда цѣль моя достигнута вполнѣ! Мы оба будемъ счастливы и случай, въ-слѣдствіе котораго все это произойдетъ, я сочту за неисповѣдимый путь Провидѣнія! Сказано— сдѣлано. Остальныя подробности нечего тебѣ разсказывать: ты самъ ихъ легко угадаешь. Прибавлю тебѣ въ заключеніе одно: я счастливъ теперь совершенно и вмѣстѣ съ Лизанькой думаю, что все это происшествіе

было не простой случай, а именно указаніе самого Провидѣнія, чтобъ вывести меня на прямой и истинный путь жизни.

— Если ты хочешь, и я согласенъ съ тобою, сказалъ я, послѣ небольшаго молчанія; но согласись же, что все это такъ странно и мудрено...

— Вполнѣ согласенъ.

— Изъ этого просто выйдетъ презанимательный разсказъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Пиши себѣ.

— Немножко невѣроятно...

— Что же за бѣда? Такія ли невѣроятности пишутъ современные авторы, особенно французы. За то ты и можешь назвать разсказъ свой *былью, очень похожею на сказку*...

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ВИЛЬЯМЪ ГОГГАРТЪ

и

ЛОНДОНЪ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

(*Статья вторая и послѣдняя*).

—

V.

Лондонъ, списанный съ натуры Гоггартомъ. Тюрьма Флитъ.

Картина the Harlots progre'ts, помирившая Гоггарта съ тестемъ, доставила ему также народную извѣстность и богатство. Въ третьей картинѣ этой шести-актной драмы изображенъ былъ судья сиръ Джонъ Гонсонъ, пользовавшійся всеобщею любовію за свою честность и безпристрастіе. Одинъ изъ лордовъ казначейства, отправляясь однажды въ засѣданіе, увидѣлъ эту картину, вывѣшенную въ магазинѣ, и купилъ ее, чтобъ показать прочимъ членамъ. Тѣ, по выходѣ изъ засѣданія, тоже купили себѣ по экземпляру гравюры. На другой день картину показывали другъ-другу въ парламентѣ, а къ вечеру все изданіе было уже

раскуплено, и въ-теченіе двадцати-четырехъ часовъ имя Гоггарта прославилось во всемъ Лондонѣ.

Въ то же время нарисовалъ онъ на потолкѣ у своего тестя, въ группѣ, представлявшей *Флору и Зефира*, одного сатира и нѣсколькихъ силеновъ съ такою силою и комизмомъ, что весь городъ сбѣгался смотрѣть на нихъ.

Но вскорѣ онъ предпринялъ работу, имѣвшую самыя важныя послѣдствія для тюремной системы. При входѣ въ Сити была тогда тюрьма *Флитъ*, всегда наполненная арестантами, съ которыми обходились самымъ жестокимъ образомъ. Противъ этого обращенія подавались часто жалобы, по которымъ произведены были судебныя слѣдствія, но они всегда кончались безнаказанностью виновныхъ. Смотрители и тюремщики продолжали свои пытки надъ арестантами, чтобъ выжимать у нихъ деньги.

Тогда были въ тюрьмахъ ужаснѣйшія злоупотребленія. Въ Ньюгетѣ платилось отъ пяти сотъ до двухъ тысячъ гиней за особую комнату и прислугу; мало-по-малу цѣна эта дошла до пяти тысячъ. Кто не въ состояніи былъ заплатить ихъ, того бросали въ подземелья, съ величайшими злодѣями, и обходились съ ними самымъ варварскимъ образомъ. Во всѣхъ тюрьмахъ смотрители держали шинки и продавали вино и водку по баснословнымъ цѣнамъ. Сверхъ-того, до конца царствованія Георга III, то-есть до 1815 — 1820 существовали въ тюрьмахъ комнаты пытки.

По возникшимъ снова жалобамъ была опять, въ это время, назначена отъ парламента слѣдственная комиссія, но всѣ заранѣе смѣялись надъ будущимъ результатомъ ея и ожидали, что при докладѣ о ней въ парламентѣ рѣшено будетъ *перейти къ очереднымъ занятіямъ*. Вдругъ картины Гоггарта измѣнили весь ходъ дѣла.

Онъ написалъ одно засѣданіе лондонской тюремной коммиссіи со всѣми подробностями и съ ужасающею истиною.

Съ этой минуты усердіе Гоггарта не прерывалось. Кисть служила ему вмѣсто пера. Онъ картинами разсказывалъ всѣ пороки и злоупотребленія общества. Навыкъ его въ искусствѣ сдѣлался таковъ, что онъ безъ всякаго рисунка прямо на мѣди вырѣзывалъ свои картины. И всегда рисунокъ его былъ чистъ, правиленъ, глубоко обдуманъ и художнически исполненъ. Успѣхъ его картины the Harlot's progress былъ таковъ, что даже изъ Китая привозили фарфоръ, на которомъ были изображены сцены этой драмы.

Однажды Гоггарту вздумалось нарисовать звуки. Эта мысль пришла ему въ голову при первомъ и единственномъ представленіи ораторіи Феша—Юдифь. Паденіе ея произошло отъ излишняго усердія антрепре-

нера угодить кровожадному вкусу лондонской черни. Когда совершается отсѣченіе головы Олоферна, то посредствомъ искуснаго фокуса голова дѣйствительно отдѣлилась отъ туловища и катилась до рампы. При этомъ видѣ зрители пришли въ негодованіе и принудили опустить завѣсу. Напрасно директоръ извинялся, напрасно привелъ съ собою Олоферна, чтобъ показать публикѣ, что голова его въ цѣлости—ораторія упала, и безвозвратно.

Эту-то ораторію представилъ Гоггартъ, — и по лицамъ поющихъ видно, какихъ усилій стóитъ имъ каждая нота. Теноръ, баритонъ, сопрано, бассъ узнаются по выраженію лицъ. Ноты, видимыя на пюпитрахъ, вполнѣ оправдываютъ усилія пѣвцовъ.

Со времени своей женитьбы, Гоггартъ чрезвычайно рѣдко навѣщалъ прежнихъ друзей своихъ въ тавернѣ мистрисъ Тоттенгемъ, и только для того, чтобъ бранить ихъ за пьянство. Онъ говорилъ, что дѣйствіе крѣпкихъ напитковъ превращаетъ англійское общество въ дикарей, и однажды принесъ въ таверну знаменитую свою картину: *Полночная бесѣда.*

Двѣнадцать человѣкъ, упившихся уже до состоянія полузвѣрей, сидятъ за пуншевою чашею. Лица этихъ людей выражаютъ безсмысленность и развратъ. Дѣйствія ихъ обнаруживаютъ безуміе. Портреты гостей взяты были изъ дѣйствительной лондонской жизни,—и въ первый разъ въ Лондонѣ Гоггартъ заставилъ пьянство стыдиться.

Друзья таверны, разумѣется, возстали на него.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ, пьянство надобно истреблять, какъ чуму, какъ величайшее бѣдствіе для человѣчества, какъ унизительнѣйшій порокъ. Повѣрьте мнѣ, что англійское общество погибнетъ когда-нибудь отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Люди грубѣютъ и глупѣютъ отъ нихъ. Пьяница похожъ на привидѣніе. Онъ безъ силъ, безъ ощущеній, безъ смысла. Говорятъ, будто бѣдные должны утѣшать себя виномъ и искать забвенія нищеты въ пьянствѣ. Это не только заблужденіе—это богохульство. Человѣкъ созданъ для работы и труда, а пьянство—значитъ бездѣйственность, лѣность, нищета и грязь. Если васъ мучитъ жажда, пейте воду, чай, даже пиво,—они не превратятъ васъ въ звѣря, какъ вино, водка, джинъ. Что можетъ быть ужаснѣе Сенъ Джильской таверны. На вывѣскѣ написано: *джинъ*; подъ вывѣскою объявленіе: «*Здѣсь за пенсъ напиваются до пьяна, за два пенса, наповалъ; послѣдніе получаютъ солому даромъ*... Здѣсь рабочій пропиваетъ все: мебель, матрасъ, платье, пищу жены, дѣтей. Отсюда выходятъ только на злодѣйство, на казнь, на самоубійство. Самъ народъ прозвалъ эти мѣста strip-me-naked (раздѣнь меня до-нага)...

— Перестань, пожалуйста, сказалъ ему Севеджъ. Я чувствую,

что цѣлые три дня не буду пить отъ твоихъ словъ. Послушайте, я вамъ лучше разскажу, что́ сегодня было въ театрѣ. Знаменитые пѣвцы Кафарелли и Фаринелли пѣли вмѣстѣ. Вы знаете, весь Лондонъ раздѣлился на двѣ партіи. Одни держутъ сторону Кафарелли, другіе соперника его. Сегодня обѣ партіи готовились къ рѣшительной борьбѣ въ театрѣ. Покуда они порознь пѣли, каждая партія съ изступленіемъ аплодировала своему пѣвцу. Но когда дошло до сцены, гдѣ они оба явились, когда Кафарелли, въ роли сиракузскаго тирана, спѣлъ сперва свою превосходную арію съ самымъ неподражаемымъ искусствомъ, — Фаринеллисты принуждены были ему аплодировать. Но когда послѣ него началъ пѣть Фаринелли, потрясая цѣпями (онъ былъ въ плѣну), когда чистымъ, нѣжнымъ и трогательнымъ голосомъ пропѣлъ онъ адажіо, вдругъ тиранъ, который пришелъ оскорблять его и казнить, до того растрогался, что бросился его обнимать, — вся зала пришла въ невыразимый восторгъ и разразилась громкими ура! — въ честь обоихъ пѣвцовъ. Обѣ партіи смѣшались и обнимались. Это была сцена, достойная кисти Гоггарта.

— Безподобно! вскричалъ Гаррикъ. Какъ я завидую этому Кафарелли.

— Видишь ли, Гаррикъ, сказалъ Гольди, что участь актера не такъ несчастна...

— Да, въ минуту торжества. Но одинъ день слабости — и все забыто. Что́ остается отъ звука послѣ отголоска? Ничего. А сколько страданій, трудовъ и неуспѣховъ надо перенести, чтобъ пріобрѣсть эти аплодиссементы? Нѣтъ! повѣрь, что быть звѣремъ напоказъ — очень жалкое существованіе: все-равно, левъ ли это, тигръ, павлинъ, или соловей...

— Послушайте, — сказалъ Джибберъ, — я вамъ тоже скажу новость. Знаете ли, что́ случилось съ нашимъ сосѣдомъ, повѣсою Томомъ?

— Котораго я прозвалъ rakewell (плутъ — добрякъ), замѣтилъ Гоггартъ.

— Съ тѣмъ самымъ. У него умеръ отецъ, котораго завтра хоронятъ.

— Завтра же утромъ пойду къ нему, сказалъ Гоггартъ.

— Зачѣмъ?

— Это будетъ первая картина, или прологъ драмы, которую я придумалъ.

— Да отложи хоть на нѣсколько дней.

— Какъ можно! Это изученіе нравовъ надобно производить съ самаго начала.

— Ну, такъ и я съ тобою пойду.

Друзья оставили таверну.

VI.

Пробужденіе богатаго наслѣдника. — Трагическіе опыты Гаррика. — Посѣщеніе Бедлама. The Rake's progress, нравоучительный романъ въ осьми картинахъ.

— Я удачно прозвалъ его *Раквелемъ*, говорилъ Гоггартъ Гаррику, отправляясь къ наслѣднику. Онъ хвастаетъ своими пороками, и въ душѣ его скрываются зародыши всѣхъ преступленій. Онъ глупъ; у него нѣтъ ни сердца, ни ума. Онъ захочетъ теперь пуститься въ разгулъ, — и поведетъ свои дѣла скоро. Его жизнь обѣщаетъ мнѣ нѣсколько хорошихъ поучительныхъ картинъ, взятыхъ съ натуры, съ нашихъ лондонскихъ молодыхъ празднолюбцевъ.

Когда Гоггартъ и Гаррикъ были введены къ Тому, тотъ давалъ снимать съ себя мѣрку портному, для новаго траурнаго платья, а стряпчіе составляли опись имуществу покойника. Всѣ ящики, коммоды, сундуки, бюро были открыты; на всѣхъ столахъ навалены мѣшки, кипы акцій, контрактовъ, закладныхъ; въ углу сложены были золотые и серебряные слитки.

Во-время этихъ домашнихъ сценъ вошли двѣ женщины: одна молодая, другая старая. Это были мать съ дочерью. Когда еще Томъ былъ въ Оксфордѣ, то влюбился въ молоденькую, познакомился съ нею, обручился и обѣщалъ жениться, но уѣхавши изъ Оксфорда, забылъ, кажется, объ этомъ обѣщаніи.

— Какъ! — вскричалъ Томъ, увидя теперь эту дѣвушку. Вы пріѣхали изъ Оксфорда, и въ такой день... Какая неосторожность!

— Но вы уѣхали, не сказавъ ни слова, — робко отвѣчала дѣвушка, — и наша свадьба...

— Кто жъ теперь объ этомъ думаетъ! Вотъ видите, я въ траурѣ, и цѣлый годъ долженъ забыть о васъ. А тамъ увидимъ... Мать вспыхнула, осыпала его упреками... Томъ хотѣлъ успокоить ее, подавъ ей кошелекъ съ золотомъ. Но кошелекъ полетѣлъ на полъ, и брань матери усилилась. Томъ велѣлъ имъ выйти, — и дѣвушка, залившись слезами, увела разгнѣванную мать.

— Рѣшено! — сказалъ Гоггартъ Гаррику: это будетъ величайшій негодяй. И возвратясь къ себѣ, онъ написалъ первую картину: a Rakes progress (жизнь негодяя). Эта жизнь составлена изъ осьми картинъ, хранящихся теперь въ музеѣ. Всѣ гравированы самимъ Гоггартомъ.

Сперва Томъ изрѣдка являлся въ таверну къ старымъ пріятелямъ, потомъ они его года два невидали. Только изрѣдка встрѣчали они его въ каретѣ и на скачкахъ.

Въ это самое время произошелъ эпизодъ съ Гаррикомъ, рѣшившій его поприще. Гольди составилъ пародію на трагедію Шекспира «Юлій Цесарь». Во-время представленія, Гаррику вдругъ вздумалось, вмѣсто своей роли, прочесть настоящій монологъ Шекспира; онъ сдѣлалъ это съ такимъ жаромъ, увлеченіемъ, съ такою силою, что зрители, хохотавшіе до-тѣхъ-поръ, вдругъ замолчали, — и уже никакіе фарсы не могли потомъ возобновить всеобщей веселости. Съ этой минуты Гаррикъ сдѣлался задумчивъ, и твердилъ, что не хочетъ быть больше виннымъ торговцемъ въ Чипсейдѣ.

Но возвратимся къ Тому. Послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія его, Гоггартъ позвалъ однажды друзей своихъ сдѣлать съ нимъ прогулку въ Бедламъ (домъ сумасшедшихъ).

Теперь въ Лондонѣ тридцать-восемь подобныхъ заведеній, въ которыхъ пользуются болѣе ста тысячъ умалишенныхъ. Бедламъ — главное изъ нихъ. Теперь уже не остается слѣдовъ прежняго Бедлама, построеннаго въ 1695 году, Вильгельмомъ Оранскимъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка Бедламъ былъ ужаснымъ мѣстомъ. Мученія, которыя претерпѣвали тамъ бѣдные больные, нельзя описать. Въ этотъ-то домъ привелъ Гоггартъ своихъ пріятелей, въ ту самую минуту, какъ смотрители занимались связываніемъ рукъ и ногъ одного бѣшенаго, ревѣвшаго во все горло.

— Ну, что? спросилъ Гоггартъ. Узнаете ли вы его?

— Кого?

— Нашего прежняго знакомца, Тома Ракевеля.

— Боже мой! Неужели! Въ этомъ ужасномъ положеніи!

Вскорѣ пріѣхала женщина, бросилась къ нему, стала его успокоивать, взяла за руки, и мало-по-малу привела въ чувство.

— Что это за женщина? спросилъ Гаррикъ.

— А помнишь ли,—въ первое наше посѣщеніе Тома была у него оставленная имъ невѣста. Теперь она въ числѣ сестеръ милосердія и ходитъ за тѣмъ человѣкомъ, который отвергъ ее и погубилъ.

Гоггартъ вступилъ съ нею въ разговоръ и узналъ всю жизнь Тома, какъ онъ постепенно разорялся, сдѣлался игрокомъ, проигралъ все, началъ плутовать, пить — и дошелъ до Бедлама.

Изъ этихъ-то поучительныхъ сценъ жизни его Гоггартъ составилъ лучшее свое произведеніе The Rake's Progress, принесшее ему славу и богатство. Каждый домъ въ Англіи хотѣлъ имѣть эти картины. Уже

подъ старость, чрезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ перваго изданія, въ 1763 году напечаталъ онъ новое изданіе, — и съ весьма замѣчательнымъ прибавленіемъ къ картинѣ, изображающей Бедламъ.

VII.

Гогартъ возстаетъ противъ дурнаго обращенія съ животными. — Апологія труда. — Легенда о Ричардѣ Виттингтонѣ.

Въ Англіи есть общества трезвости и общества для защиты животныхъ. Самое учрежденіе ихъ уже доказываетъ грубость и жестокость черни. Первыя имѣютъ до-сихъ-поръ мало успѣха, потому-что имъ надобно бороться съ инстинктомъ необразованности и страстей. И однакоже Гогартъ много сдѣлалъ, чтобъ образумить англійское общество и указать ему на нравственный и физіологическій вредъ пьянства.

Вліяніе его на смягченіе жестокаго обращенія съ животными было рѣшительнѣе. Онъ первый возсталъ противъ этого варварства, — и всѣ поддержали его. Попе сказалъ: малѣйшая улитка, раздавленная ногами, претерпѣваетъ такое же мученіе, какъ и великанъ.

Англо-саксонское племя издревле отличалось жестокостью. Междоусобія среднихъ-вѣковъ поддерживали этотъ духъ. Когда сила законовъ и порядка восторжествовала, чернь стала забавляться травлею и боемъ пѣтуховъ. Кромѣ-того, кулачные бои и боксеры на каждомъ шагу представляли разнообразныя картины звѣрства и дикости.

Когда Гогартъ напалъ на пьянство и на дурное обращеніе съ животными, нападки его обращались уже прямо къ самымъ необразованнымъ людямъ. Онъ написалъ нѣсколько картинъ, изображающихъ разныя сцены и мученія животныхъ. Это тоже родъ драмы, въ которой есть свой герой, какъ Раквель, проходящій всѣ постепенности жестокостей, пока дойдетъ самъ до преступленія и казни. Послѣдняя картина очень любопытна. Герой, попалъ послѣ смерти, въ анатомическій кабинетъ, — и профессора клиники хладнокровно разрѣзываютъ его по частямъ. Только они забыли бездѣлицу, а именно, забыли удостовѣриться, точно ли герой умеръ. По несчастію, онъ на секунду оживаетъ подъ скальпелемъ, но эта мгновенная вспышка не мѣшаетъ ученымъ заниматься своимъ дѣломъ.

Чтобъ удовлетворить всеобщимъ требованіямъ на четыре картины этой драмы, Гогартъ принужденъ былъ вырѣзать ихъ на деревѣ, — и успѣхъ ихъ былъ не вѣроятный.

Вслѣдъ затѣмъ Гогартъ хотѣлъ показать рабочему сословію послѣд-

ствія лѣности и благодѣтельное дѣйствіе трудолюбія. Онъ изобразилъ типы двухъ работниковъ: одного лѣниваго (Томасъ *Эйдль*), а другаго трудолюбиваго (Гудчайльдъ). Въ первой картинѣ оба они служатъ работниками у ткача; въ слѣдующихъ картинахъ лѣнивый болѣе и болѣе впадаетъ въ развратъ и нищету, а второй возвышается и богатѣетъ, такъ что дѣлается мастеромъ, шерифомъ и лордъ-меромъ. Эти картины и теперь украшаютъ всякую мастерскую въ Англіи.

Идея этихъ картинъ родилась у Гоггарта отъ старинной легенды о Виттингтонѣ. Вотъ эта легенда.

«Былъ нѣкогда бѣдный осьмилѣтній ребенокъ Ричардъ, который вмѣстѣ съ отцемъ своимъ пасъ стадо въ Соммерсетѣ. У нихъ не было своей хижины, спали они лѣтомъ въ сараѣ, а зимою въ конюшнѣ. Отецъ очень грустилъ, что такъ бѣденъ, а сынъ очень былъ радъ, что могъ бѣгать по полямъ, рвать цвѣты и играть съ баранами ни о чемъ не заботясь. Но счастье его было непродолжительно. Отецъ умеръ, не бывши и больнымъ.

Трудно скоро забыть объ отцѣ, и Ричардъ долго плакалъ. А какъ онъ былъ слишкомъ малъ, чтобъ могли ввѣрить ему стадо, то его и прогнали съ фермы, при которой отецъ его служилъ пастухомъ.

Печально побрелъ Ричардъ въ Лондонъ искать себѣ мѣста, а какъ онъ былъ ласковъ, честенъ и послушенъ, то по дорогѣ къ столицѣ всѣ охотно подавали ему милостыню и пукъ соломы на ночь.

Чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ свѣтъ казался ему обширнѣе, и тѣмъ обувь его становилась крѣпче, потому-что онъ шелъ босикомъ и подошвы его дѣлались тверже отъ ходьбы.

Часто спрашивалъ онъ по дорогѣ: далеко-ли Лондонъ? Но всѣ смѣялись и махали ему рукою, чтобъ онъ шелъ дальше. Однажды вошелъ онъ въ какой-то городъ грязнѣе другихъ, и въ цѣлый день едва достигъ выхода въ поле. Тутъ онъ опять спросилъ солдата: гдѣ Лондонъ? «Да ты изъ него вышелъ!» отвѣчалъ ему солдатъ съ бранью, и Ричардъ воротился, удивляясь только, что красивѣйшій въ свѣтѣ городъ былъ такъ грязенъ и черенъ. Такъ какъ передъ нимъ было слишкомъ много домовъ, чтобъ отыскать, въ которомъ ночевать, то Ричардъ и улегся на ночь на одинъ широкій камень, и проспалъ очень крѣпко.

Вставши, онъ почувствовалъ прекрасный аппетитъ, но никакъ не могъ придумать, чѣмъ бы удовлетворить его. «Надобно работать, думалъ онъ: надобно сыскать себѣ хозяина»—и пошелъ къ Темзѣ. Тутъ увидѣлъ онъ, что къ берегу пристала большая лодка, и множество работниковъ, подъ начальствомъ хозяина, брали себѣ по ношѣ и станови-

лись на берегу въ рядъ, чтобъ подождать послѣднихъ. Послѣдній былъ самъ хозяинъ, на долю котораго досталась двойная ноша.

Видя, что ему очень трудно съ нею сладить, Ричардъ подошелъ къ нему, и учтиво поклонясь хозяину, взялъ лишнюю ношу, сталъ впереди его и пошелъ за другими.

Всѣ они пришли въ красивый домъ Сити, и здѣсь прежде всего хозяинъ помолился, поблагодарилъ носильщиковъ и поднесъ имъ по кружкѣ пива. Ричардъ никогда еще не пивалъ его, но осушилъ кружку. Потомъ хозяинъ подалъ ему полкроны, но Ричардъ, заложа руки за спину, сказалъ:

— Въ нашемъ селѣ пасторъ твердилъ намъ, что мы должны помогать другъ-другу. Я это всегда исполнялъ съ удовольствіемъ, и мнѣ никто за это не давалъ денегъ. Пасторъ говорилъ, что за это заплатитъ Богъ.

— Но зачѣмъ же ты тутъ былъ, когда мы выгружались?

— Я искалъ хозяина.

— А кто онъ?

— Кажется добрый, ласковый и богатый человѣкъ.

— Ну, такъ ты правъ, что искалъ его. Ступай же къ нему.

— Я и пришелъ къ вамъ, если только вы меня возьмете.

Хозяинъ очень доволенъ былъ словами Ричарда, и принялъ его въ свой домъ. А какъ онъ былъ еще молодъ для ручной работы, то его помѣстили на кухню. Только тутъ кухарка не полюбила его. Она его помѣстила въ чуланъ, гдѣ сотни крысъ прогуливались по немъ по ночамъ. Онъ пожаловался, и его же поколотили.

На другой день увидѣлъ онъ на рѣкѣ, что нѣсколько мальчишекъ шалуновъ хотятъ утопить кошку, и сталъ просить ихъ, чтобъ они пощадили бѣдное животное, но тѣ не слушались. Онъ предложилъ имъ все свое имѣніе — шесть пенсовъ, и они согласились. Вмѣстѣ съ веревкою принесъ онъ свою спасенную кошку въ чуланъ, гдѣ ночевалъ—и та въ благодарность, въ два-три дня очистила все его жилище отъ ночныхъ гостей.

Вдругъ весь домъ взволновался. Хозяинъ отправлялся за море, на кораблѣ съ товаромъ. Онъ объявилъ и работникамъ своимъ, что всякій имѣетъ право давать ему на коммиссію деньги или товаръ, и какой барышъ получится отъ этого вклада, такой тотъ въ точности и получитъ.

Въ день прощанья всѣ явились, — и хозяинъ все записывалъ, что получилъ отъ каждаго.

— А ты, Ричардъ, спросилъ онъ наконецъ у мальчика. Ты мнѣ что принесъ? Сколько ты сберегъ денегъ?

Ричардъ ему разсказалъ, что у него было шесть пенсовъ, что онъ на нихъ спасъ на дняхъ кошку, и готовъ ее отдать хозяину.

Хозяинъ засмѣялся и не зналъ, что ему дѣлать съ такимъ товаромъ; но старый боцманъ сказалъ, что кошка чрезвычайно нужна на кораблѣ, и кошка взята была при всеобщемъ смѣхѣ.

Хозяинъ велѣлъ, чтобъ въ отсутствіе его учили Ричарда читать и писать, и простясь со всѣми, отправился.

Послѣ отъѣзда его стали Ричарда учить грамотѣ, и онъ охотно перенималъ все. Учители очень были довольны имъ, но злая кухарка все еще его мучила. Дурное обращеніе ея заставило его задуматься. Онъ вспомнилъ, что его прогнали на родинѣ за то, что онъ былъ малъ и не въ состояніи пасти стадо. Теперь онъ выросъ и окрѣпъ, такъ, можетъ-быть, его возьмутъ опять въ пастухи. Семь дней раздумывалъ онъ надъ этимъ, наконецъ рѣшился бѣжать. Почт бѣгомъ достигъ онъ до Мурфильдса, боясь погони, но тутъ пошелъ тише, вспомнивъ, что онъ выходитъ изъ Лондона такъ же бѣденъ, какъ и вошелъ въ него.

Тутъ сталъ онъ вслушиваться въ звонъ колоколовъ Bon-Church in the City of London. Замечтался ли онъ, или дѣйствительно колокола сдѣлались такъ говорливы, только онъ наконецъ убѣдился, что они говорятъ ему на разныхъ тонахъ слѣдующіе стихи:

Turn again, Whittington,
Trice Lord-Mayor of London

(возвратись Виттингтонъ, трижды избранный лондонскимъ лордъ-меромъ).

Какъ ни удивительна казалась для него такая пѣсня, но какъ колокола все ее твердили, то онъ и пустился бѣжать назадъ, чтобъ исполнить ихъ приказаніе.

Въ домѣ и не замѣтили его отлучки. Кухарка попрежнему продолжала мучить его, а онъ утѣшался, пришѣвая тихонько пѣсенку колоколовъ.

Черезъ два года воротился и хозяинъ, съ богатѣйшимъ грузомъ. Ричардъ спросилъ о своей кошкѣ, но ее уже не было на кораблѣ. Хозяинъ созвалъ всѣхъ служителей и роздалъ имъ по книгѣ всѣ барыши, такъ что всѣ получили почти вдесятеро противъ того, что дали. Одинъ Ричардъ ничего не получилъ, да и не спрашивалъ. За то хозяинъ сдѣлалъ большой обѣдъ для лондонскихъ своихъ знакомыхъ. Всѣ работники радостно услуживали гостямъ; одинъ Ричардъ хлопоталъ на кухнѣ и не являлся. Хозяинъ вспомнилъ о немъ, спросилъ, каково

онъ учился, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, велѣлъ позвать мальчика.

— Ну, что́ жъ, Ричардъ, сказалъ онъ ему: ты одинъ не требовалъ еще отчета у меня въ своемъ товарѣ и барышахъ.

Съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него Ричардъ и продолжалъ молчать.

— Великъ ли, малъ ли барышъ, все-равно, продолжалъ хозяинъ. Если ты не падокъ на деньги, такъ, по-крайней-мѣрѣ, послушай, что́ я разскажу о твоей кошкѣ. Во-первыхъ, ты долженъ знать, что спасая ее, ты спасъ шесть существъ. Она на кораблѣ окотилась, и ты, самъ не зная, вмѣсто одной далъ мнѣ семь кошекъ.

— Это прекрасно! вскричалъ Ричардъ, хлопая въ ладоши, гдѣ же эти котята?

— Очень далеко отсюда. Вотъ видишь ли, мы плыли вдоль африканскихъ береговъ, какъ вдругъ буря загнала насъ въ одну бухту, гдѣ жило племя негровъ, котораго мы до-тѣхъ-поръ не знали. Владѣтель этой области тоже никогда не видалъ европейцевъ. Онъ былъ не кровожаденъ и не грабилъ путешественниковъ. Напротивъ, осмотрѣвъ корабль нашъ и принявъ наши подарки, онъ позвалъ насъ къ себѣ обѣдать. Дворецъ его былъ немножко просторнѣе и красивѣе лачужки европейскаго угольщика, но не такъ проченъ, какъ она. Съ нами обѣдала супруга его, цвѣтомъ лица похожая на портеръ. Тяжелая серьга виѣла у нея въ носу, браслеты украшали ея ноги, а вся она одѣта была въ коралловое ожерелье.

Едва мы сѣли за столъ, то-есть на полъ, хотѣлъ я сказать, какъ на насъ напала цѣлая армія мышей и крысъ. Онѣ бросились на кушанье и отнимали его у насъ почти изо рта. Владѣтель и супруга его оборонялись, но по всему видно было, что у нихъ это дѣло обыкновенное. Видя это, я подозвалъ матроса, шепнулъ ему слова два на ухо, и тотъ чрезъ нѣсколько минутъ воротился и принесъ съ корабля двухъ кошекъ. Ихъ пустили въ залу; онѣ бросились на мышей, и едва успѣли задавить нѣсколькихъ, какъ остальныя со страхомъ исчезли.

Радость владѣтельной четы была невыразима. Записали это событіе въ государственныя лѣтописи, потому-что это было первый день, въ который можно было спокойно обѣдать. Потомъ добрый владѣтель просилъ меня уступить ему драгоцѣнныхъ животныхъ, желая развести ихъ во всей области,—и я отдалъ ихъ ему всѣхъ семерыхъ. Хорошо ли, Ричардъ, я сдѣлалъ?

— Прекрасно, хозяинъ! Здѣсь у насъ много кошекъ, и злые мальчики топятъ ихъ въ рѣкѣ, а бѣдному африканскому владѣтелю онѣ нужны.

— Но какъ я не имѣлъ права располагать твоимъ имуществомъ, не получивъ за него всего, что̀ слѣдовало, то и обязанъ тебѣ выдать мою выручку за нихъ. Я самъ не назначалъ платы и предоставилъ это великодушію самаго владѣтеля, — и ты сейчасъ увидишь, что̀ онъ мнѣ далъ.

Тутъ по знаку хозяина принесли нѣсколько ящиковъ, наполненныхъ золотымъ пескомъ, и одинъ небольшой ящикъ съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ.

— Вотъ, любезный Ричардъ, твой пай. Вотъ награжденіе за то, что ты спасъ бѣдное животное и терпѣлъ у меня притѣсненія отъ кухарки. Теперь ты ровно впятеро богаче меня.

Когда хозяинъ кончилъ, всѣ бросились обнимать и поздравлять Ричарда. Послѣ первой минуты изумленія, Ричардъ сказалъ хозяину:

— Это будетъ несправедливо, если я буду богаче васъ. Возьмите себѣ столько, чтобъ у насъ обоихъ было по-ровну. Потомъ дайте хорошую пенсію моему учителю, за то, что онъ научилъ меня читать и писать. Дайте также и кухаркѣ Бриджитъ пенсію, которая избавила бы ее отъ этой должности. Если она мучила меня, то только потому, что ей самой ненравилась эта должность, и теперь если меня не будетъ, она станетъ мучить другаго поваренка.

Хозяинъ отказался отъ дѣлежа богатства, но взялъ Ричарда себѣ въ товарищи по торговлѣ. Отъ этого они вскорѣ сдѣлались первыми богачами въ Англіи. А когда хозяинъ умеръ, то оставилъ все свое имущество Ричарду.

Ричардъ женился на бѣдной, доброй и честной дѣвушкѣ.

Однажды сдѣлался въ Англіи неурожай, и всѣ спекуляторы бросились для закупки хлѣба заранѣе. Но какъ Ричардъ былъ всѣхъ богаче, то тысячи кораблей закупилъ во всей Европѣ и привезъ въ Англію, и когда наступилъ голодъ, когда другіе купцы хотѣли было поднять цѣну, Ричардъ обнародовалъ, что до будущей жатвы можно у него получать хлѣбъ по прежней цѣнѣ.

Вся Англія прославила безкорыстіе его, и король осыпалъ его почестями. Лондонское Сити избрало его лордъ-меромъ, и этой чести удостоился онъ три раза сряду.

Колокола сказали правду.

VIII.

Бой пѣтуховъ.—Жизнь Джонсона.—Дебюты Гаррика.—Забавная сцена на Дрюриленскомъ театрѣ.

Жизнь Гоггарта, борьба его съ вѣкомъ и попытки къ исправ-

ленію своихъ современниковъ, обнаруживаютъ въ какомъ обществѣ онъ жилъ. Описаніе первыхъ произведеній этого великаго художника объясняетъ уже физіономію Англіи въ половинѣ XVIII вѣка.

Эти очерки Гоггарта лучше многихъ исторій. Въ его картинахъ видна вся тогдашняя Англія. Это волшебный фонарь, съ которымъ можно видѣть Англію за сто лѣтъ назадъ. Гоггартъ первый понялъ, что кромѣ поэзіи и исторіи, художество тоже имѣетъ философическую цѣль и право приносить пользу человѣчеству. Современные англійскіе писатели Аддисонъ, Свифтъ, Джонсонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Юмъ— всѣ содѣйствовали Гоггарту въ достиженіи этой цѣли.

Благодаря плодовитости своего таланта, Гоггартъ успѣлъ скоро пріобрѣсть завидное положеніе въ свѣтѣ. Плуты и глупцы боялись его; народъ, который онъ училъ, любилъ его; знатные искали его знакомства. Онъ поселился въ Лейчестеръ-Фильдсѣ, въ красивомъ домѣ, гдѣ принималъ многочисленныхъ своихъ посѣтителей съ достоинствомъ, смѣшаннымъ съ рѣзкостью въ рѣчахъ, часто замѣтною у геніяльныхъ людей, которые сами себѣ обязаны успѣхами и богатствомъ.

Онъ часто давалъ обѣды. Это лучшій способъ видѣть у себя многочисленное общество, не дѣлая визитовъ. Урывками былъ онъ веселъ, иногда сердился, но безъ злости, а чаще всего былъ до такой степени разсѣянъ, что въ концѣ обѣда вставалъ со стула, обходилъ его кругомъ, и опять садился машинально, требуя снова всѣхъ блюдъ. Хорошо еще, что желудокъ его переносилъ подобную разсѣянность!

И въ новомъ своемъ положеніи Гоггартъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, то-есть человѣкомъ наивно-покорнымъ всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ. Когда онъ былъ бѣденъ и неизвѣстенъ, то рисовалъ жизнь лондонскихъ паріевъ. Сдѣлавшись богатымъ, онъ началъ рисовать богатыхъ.

Въ 1740 году Томасъ Ширлей писалъ къ одному парижанину: «Пріѣзжайте въ Англію посмотрѣть на наши *выборы* и на *бой пѣтуховъ*. Вы увидите тутъ столько странностей и безпорядковъ, о которыхъ въ остальной Европѣ не имѣютъ и понятія.»

Эти-то сцены современной Англіи изобразилъ Гоггартъ. Вотъ картина *бой пѣтуховъ:*

На небольшомъ пространствѣ собралось множество любопытныхъ и людей, держащихъ пари. На обоихъ концахъ цирка стоятъ хозяева пѣтуховъ. Зрители первыхъ рядовъ держатъ на плечахъ своихъ второй и третій рядъ. Каждый схватывается за шляпу, за парикъ, чтобъ удержаться. Всѣ съ жаромъ бьются объ закладъ, такъ что нельзя уже различить собственнаго своего кармана съ чужимъ; всякій отдаетъ коше-

лекъ, часы, шпагу; глаза горятъ; вездѣ раздаются крики, вездѣ бѣснуются. Къ потолку привѣшены корзины, въ которыхъ посадили закладчиковъ, которые очень шумѣли и держали пари, не бывши въ состояніи уплатить проигрыша. Хотя они и удалены отъ мѣста боя, но еще участвуютъ въ немъ, бросая оттуда свою одежду и предлагая еще пари на нее.

Смѣсь лицъ въ собраніи удивительная. Мясникъ столкнулся съ квакеромъ, котораго круглый парикъ попадаетъ на пѣтуха. Французскій маркизъ въ жару пренія высыпаетъ табакерку свою въ глаза одному цирюльнику, а собака очень спокойно уперлась передними лапами въ барьеръ и съ нѣжнымъ вниманіемъ смотритъ на спектакль, высунувъ языкъ.

Эта собака, выставленная на картинѣ, много содѣйствовала успѣху новаго произведенія Гоггарта,— и вотъ по какому случаю.

За полгода предъ тѣмъ Самуилъ Джонсонъ, котораго мнѣнія ультраторическія нѣсколько отдалили отъ Гоггарта, вошелъ однажды къ нему въ сильномъ волненіи.

Наружность его нѣсколько измѣнилась съ-тѣхъ-поръ и безобразіе сдѣлалось сноснымъ. Но онъ попрежнему былъ немногорѣчивъ, какъ всѣ люди, живущіе въ уединеніи, холоденъ, какъ всѣ, которые много страдали, скроменъ, какъ всѣ, привыкшіе дожидаться, спокоенъ — какъ твердая воля. Онъ не былъ богатъ и до конца жизни не имѣлъ лишняго. Вигъ по своимъ нравамъ, онъ по убѣжденію былъ упорный защитникъ торіевъ. Нѣсколько политическихъ брошюръ, подкрѣпленныхъ строгою, религіозною философіею, сдѣлали его извѣстнымъ. The RemBler (праздношатающійся), періодическое изданіе, обратило на него всеобщее вниманіе. Какъ онъ самъ нѣкогда предсказывалъ, сдѣлался онъ живымъ кодексомъ партіи тори. Успѣхъ его былъ труденъ, но проченъ, потому-что основанъ на разсудкѣ, а не на страстяхъ.

Но главную извѣстность доставилъ ему *Лексиконъ англійскаго языка,* за который одинъ книгопродавецъ далъ 1575 фунтовъ стер. (9450 руб.). Впрочемъ, рѣзкость опредѣленій и тутъ надѣлала ему много непріятелей. Но презирая вражду, онъ жилъ въ уединеніи, и прежніе друзья его рѣдко видѣлись съ нимъ.

Вдругъ однажды пришелъ онъ къ Гоггарту. Наканунѣ слышалъ онъ, что прежній его воспитанникъ и другъ, Давидъ Гаррикъ, намѣренъ дебютировать на Дрюриленскомъ театрѣ, и потому прибѣжалъ къ Гоггарту, чтобъ тотъ убѣдилъ Гаррика отказаться отъ этого *ужаснаго намѣренія.*

— Да откуда ты явился? — вскричалъ Вильямъ. Въ какомъ ква-

керскомъ гнѣздѣ скрывался, что не слыхалъ ничего о Гаррикѣ? Онъ уже цѣлый годъ играетъ. Однажды онъ исчезъ,—и мы потомъ узнали, что онъ ангажировался въ кочующую труппу, съ которою и игралъ съ большимъ успѣхомъ въ Ипсвилѣ. Съ-тѣхъ-поръ объѣхалъ онъ нѣсколько провинцій, и пріѣхалъ въ Лондонъ, составивъ уже себѣ извѣстность. Завтра рѣшится судьба его,—и ты пойдешь аплодировать ему.

Джонсонъ упорно отказывался, и высказалъ противъ ремесла актера тѣже самые аргументы, которыми нѣкогда Гаррикъ останавливалъ склонность Джона Гольди.

— Гаррикъ былъ правъ, приводя свои доказательства Гольди, — отвѣчалъ Гоггартъ. Но что́ бываетъ справедливо къ отношеніи къ одному, то неосновательно къ другому. Я радуюсь, любезный Джонсонъ, что нашъ Гаррикъ дошелъ до пристани. Его способностямъ и генію нужна была цѣль, — и онъ нашелъ ее.

Но Джонсонъ никакъ не соглашался, выставляя нравственные доводы противъ званія комедіянта.

— Если такъ,—сказалъ Гаррикъ, — то надобно осудить на всеобщее презрѣніе Шекспира, Дрейдена и другихъ, которые писали свои піесы для того, чтобъ ихъ играли. Даже ты самъ, Джонсонъ, болѣе другихъ виновенъ, нарушая свои убѣжденія и правила. Ты помнишь, что написалъ *Ирену*.

Джонсонъ, пойманный въ сѣти, не сдался, началъ дѣлать различія, приводить тонкости, и кончилъ тѣмъ, что поклялся никогда болѣе не видѣться съ Гаррикомъ.

Чрезъ два дня Гаррикъ дебютировалъ — и возбудилъ безпримѣрный восторгъ. Друзья его торжествовали. Болѣе всѣхъ восхищался Гоггартъ, и старался при немъ же повторять его тирады.

Гаррикъ отвелъ его въ сторону и тихо спросилъ:

— А Джонсонъ?..

— Если увидитъ тебя, то успокоится. Орфей трогалъ звѣрей и деревья... Впрочемъ, лишь бы ты былъ счастливъ...

— Да! отвѣчалъ Гаррикъ: я столько же теперь счастливъ, какъ въ тотъ день, когда лордъ Гранвиль впервые назвалъ въ парламентѣ Джонсона, — или когда король Георгъ, окруженный дворомъ, привѣтствовалъ Гоггарта за картину The rake's progress. Только теперь чувствую я, что достоинъ быть вашимъ другомъ, потому-что у меня есть цѣль.

Дѣйствительно, у Гаррика были большіе планы. Со времени царствованія Карла II, Шекспиръ былъ забытъ. Дрейденъ имѣлъ на сце-

нѣ эфемерный успѣхъ. Съ-тѣхъ-поръ писали только незначущія пьесы, полныя двусмысленностей.

— Успѣхи на театрѣ зависятъ отъ актера, — сказалъ Гаррикъ. Я хочу преобразовать сцену, создать новую труппу, поднять опять образцовыя произведенія народнаго генія; я хочу, наконецъ, облагородить сословіе артистовъ и искусство ихъ, уничтоживъ предразсудокъ, возстающій противъ насъ.

И планы эти были выполнены. Гаррикъ разбогатѣлъ (онъ оставилъ три милліона съ половиною), женился на прекраснѣйшей актрисѣ своего времени, синьорѣ Віонетти, и домъ его сдѣлался сборнымъ мѣстомъ лучшаго общества. Сорокъ лѣтъ сряду игралъ онъ первыя роли съ возрастающимъ успѣхомъ. Дрейденъ, Шекспиръ вошли опять въ славу, и обязаны ею Гаррику.

Гаррикъ успѣлъ даже примириться съ Джонсономъ. Въ архивахъ Дрюриленскаго театра отыскалъ онъ его трагедію *Ирену*, игранную десять лѣтъ тому назадъ. Прочтя ее, увидѣлъ онъ, что пьесу эту можно еще сыграть съ нѣкоторымъ успѣхомъ, и рѣшился возобновить ее. Джонсонъ не устоялъ. Ему хотѣлось посмотрѣть на свою пьесу, а Гоггартъ повторилъ Гаррику: «Если онъ тебя увидитъ, онъ бросится въ твои объятія.»

Такъ и случилось. Пьеса была слаба, но актеръ превосходенъ, и успѣхъ былъ неоспоримъ. Восхищенный, изумленный Джонсонъ со слезами на глазахъ сказалъ Гаррику:

— Это было величайшее твое торжество, потому-что ты одушевилъ самую холодную пьесу въ свѣтѣ.

Послѣ этого онъ объявилъ Гоггарту, начавшему опять съ нимъ споръ о званіи актера, что можно допустить это ремесло, но съ тѣмъ, чтобъ быть Гаррикомъ. Разумѣется, Гоггартъ отвѣчалъ, что это софизмъ, неимѣющій здраваго смысла.

Разсказавъ все это, надобно обратиться къ тому, почему собака, изображенная на картинѣ Гоггарта Cock-pitt (бой пѣтуховъ), содѣйствовала къ успѣху ея. Вотъ въ чемъ дѣло.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ первыхъ своихъ дебютовъ, Гаррикъ игралъ короля Лира. Зрители, глубоко тронутые скорбію отца, рыдавшаго надъ дочерью своею Корделіею, караулили каждое слово, каждый звукъ Гаррика. Наступила самая патетическая минута. Все въ залѣ хранило глубочайшее молчаніе, изрѣдка прерываемое глухими всхлипываніями...

— Корделія! Корделія! воскликнулъ Лиръ, стоя на колѣняхъ предъ

безжизненнымъ трупомъ дочери, и обратясь потомъ къ партеру, прибавилъ: я видѣлъ день когда... видѣлъ...

Вдругъ голосъ его прервался, глаза неподвижно обратились на партеръ; лицо его измѣнилось, трагикъ не могъ скрыть судорожнаго смѣха. Но изступленное отчаяніе часто производитъ подобный смѣхъ. Всѣ были въ восторгѣ, тѣмъ болѣе, что король Лиръ скрылъ свое лицо, упавшее на плечо Корделіи.

На минуту поднялся онъ опять и хотѣлъ продолжать:

— Я видѣлъ... я видѣлъ...

Но вдругъ, взглянувъ опять на партеръ, не могъ уже побѣдить своего смѣха. Подлѣ него стояли Кентъ, герцогъ Альбани и нѣсколько придворныхъ; они обратились туда-же, куда смотрѣлъ Гаррикъ, и тоже покатились со смѣху. Въ первомъ ряду партера сидѣлъ извѣстный всѣмъ мясникъ. Онъ привелъ съ собою большую свою собаку, которая, привыкнувъ всегда сидѣть подлѣ хозяина, расположилась на скамьѣ, а потомъ положила переднія лапы на барьеръ оркестра, и вытянувъ голову, смотрѣла съ видомъ знатока на актеровъ. А какъ было жарко, то мясникъ скинулъ свой парикъ и надѣлъ его на голову собаки. Въ эту-то минуту взглянулъ туда Гаррикъ и не могъ удержаться отъ смѣха. Прочіе актеры выглянули и тоже расхохотались.

Оставалась Корделія. Она была уже мертва; но изъ любопытства, тихонько раскрыла глаза, и въ четырехъ шагахъ отъ себя увидѣла рыло бульдога въ парикѣ, зѣвающаго очень аппетитно. При этомъ видѣ мертвая вскочила, захохотала и ушла со сцены.

Долго публика не могла понять происшедшаго, но Гаррикъ и Кентъ разсказали все со сцены, и завѣсу принуждены были опустить.

Долго послѣ того нельзя было играть короля Лира.

Этотъ небольшой случай указываетъ на многіе тогдашніе обычаи въ Лондонѣ. Мы видимъ, что въ партерѣ зрители уже сидѣли, тогда какъ во Франціи они все еще стояли. Видимъ, что тогда можно было приводить съ собою собакъ, сажать ихъ подлѣ себя на скамьѣ, и надѣвать на нихъ парикъ. Теперь же, въ прошломъ году, напримѣръ, не пустили въ театръ одного француза за то, что у него былъ синій галстухъ. Онъ долженъ былъ снять его и повязать свой бѣлый холстинный носовой платокъ. И тутъ же сняли у входа съ одной дамы шляпку, въ которыхъ тоже не впускаютъ въ залу. Синій фракъ, цвѣтное нижнее платье запрещены, какъ и цвѣтныя перчатки, но съ голыми руками можно войти въ театръ.

IX.

Новыя карикатуры. — Ссора Гоггарта съ Вильксомъ и Чорчилемъ. — Выборы 1750 года.

Въ половинѣ XVIII вѣка лондонскіе тори и виги дѣлали другъ на друга карикатуры, смѣялись, сердились, мирились — и забывали... Но когда обѣ партіи узнали, что Гоггартъ намѣренъ тоже выпустить на нихъ нѣсколько карикатуръ, то обѣ взволновались. Каждая чувствовала, что удары его будутъ гибельны для той, на которую онъ возстанетъ. А какъ знали притомъ, что онъ не принадлежитъ ни къ одной, то и старались заранѣе вывѣдать его мысли.

Гоггартъ откровенно разсказалъ, что намѣренъ выставить Темпля, Питта и нѣкоторыхъ другихъ, и что Вильксъ, худощавый какъ пила, будетъ поставленъ подлѣ Чорчиля, толстаго, какъ бочка. Кое-какъ уговорили его не выставлять двухъ послѣднихъ, но Чорчиль поклялся однако отмстить за всѣхъ.

Вильксъ выпустилъ въ это время въ свѣтъ одну карикатуру. Гоггартъ написалъ карикатуру на Вилькса, въ которой выставилъ его осужденіе. Чорчиль сдѣлалъ за это карикатуру на Гоггарта, который отвѣчалъ карикатурою на обоихъ, представя себя въ костюмѣ шарлатана, съ арканомъ въ одной рукѣ и съ плетью въ другой. Чорчиль нарисованъ медвѣдемъ въ шлянѣ съ галунами, а Вильксъ обезьяною, верхомъ на метлѣ. Лордъ Темпль подъигрываетъ имъ на скрипкѣ, а шарлатанъ учитъ ихъ плясать.

Типъ былъ вкусъвъ Лондонѣ въ 1750 году. Но все это были шутки Гоггарта. Надобно теперь описать двѣ капитальныя его картины, довершившія его славу и изображеніе тогдашнихъ англійскихъ нравовъ. Въ одной показалъ онъ дѣйствіе подкуповъ на выборахъ, всѣ происки и постыдные торги. Въ другой представилъ *браки по разсчету*, эти семейныя язвы людей, старающихся поддержать свою роскошь и позолоченную нищету вѣчнымъ несчастіемъ дѣтей своихъ. Первая картина названа имъ: *четыре сцены при выборахъ*, а вторая: *модная свадьба*.

Для объясненія первой картины нужно сперва знать весь процессъ англійскихъ выборовъ.

Какъ скоро объявлены выборы, курсъ падаетъ, потому-что выборъ кандидата такъ дорого стоитъ, что помѣщики продаютъ все возможное, чтобъ достать себѣ больше наличныхъ денегъ. Въ провинціяхъ

выборъ гораздо дороже. Тамъ нэдобно издалека собирать избирателей, вознаграждать ихъ, перевозить съ мѣста жительства, содержать ихъ, кормить и поить. Два кандидата обыкновенно стоятъ отъ 1,600,000— до 1,800,000, франковъ. Герцогъ Бокингамъ, бывшій еще въ палатѣ перовъ подъ именемъ маркиза Чандоса, при всякомъ выборѣ издерживалъ милліонъ. Если какая-либо партія хочетъ, чтобъ вліятельное лицо было выбрано, то беретъ на себя издержки по подпискѣ.

Право избирательства принадлежитъ землевладѣльцамъ, гражданамъ городовъ, мастерамъ ремеслъ, купцамъ, фельдшерамъ въ 1250 фр. дохода, наконецъ каждому англичанину, платящему за наемъ квартиры не не менѣе десяти фунттовъ стерлинговъ (60 руб.). Если у кого десять домовъ въ разныхъ мѣстечкахъ, или десять квартиръ, онъ можетъ подавать голосъ во всѣхъ десяти избирательныхъ коллегіяхъ. Если открытъ будетъ подкупъ, то коллегія лишается права выбора на одинъ разъ, на два, на три.

Наканунѣ выбора, каждый кандидатъ занимаетъ таверну, гдѣ подчуетъ всѣхъ приходящихъ. Вино, ромъ, джинъ льются рѣкою. Часто лучшій погребъ увлекаетъ избирателей. Собираютъ голоса на открытомъ воздухѣ, подъ предсѣдательствомъ шерифа, съ нѣсколькими комитетскими членами каждаго кандидата. Билетовъ и списковъ нѣтъ. Подаютъ голосъ на словахъ, громко, а шерифъ вписываетъ. Если кто не можетъ прійти, то его приносятъ, спрашиваютъ его имя, подтверждаютъ, что онъ имѣетъ право подать голосъ, заставляютъ его присягнуть, что онъ не подкупленъ, и тогда уже онъ громко произноситъ имя своего кандидата. Тутъ раздаются съ одной стороны аплодисменты, съ другой свистки и брань. Въ это время сами соперничествующіе кандидаты, взобравшись на бочки, или на подмостки, говорятъ народу рѣчи, осыпая другъ-друга ужаснѣйшими ругательствами.

Выборъ продолжается двадцать-четыре часа. Во все это время всѣ кричатъ, волнуются, дерутся; летятъ луковицы, яблоки, камни, и каждый часъ публичные глашатаи объявляютъ о числѣ голосовъ, пріобрѣтенныхъ каждымъ кандидатомъ. Когда все кончено, кандидаты благодарятъ своихъ избирателей; побѣдителя несутъ въ тріумфѣ, и все оканчивается всеобщею попойкою, часто превращающеюся въ битву.

И все это дѣлается уже послѣ Reform-Bill 1832 года. Въ прежнія времена было гораздо болѣе шума, безпорядковъ и злоупотребленій. Это-то время и описалъ Гогартъ. Въ первой картинѣ, the polling, изображенъ главный кандидатъ нѣкто Робъ Доддингтонъ, надъ головою котораго летитъ гусь, и по странному дѣйствію живописи — и гусь, и кандидатъ совершенно похожи одинъ на другаго, хотя оба не карикатурны.

Вообще отдѣлка этихъ картинъ доказываетъ всю зрѣлость великаго таланта Гоггарта. Въ нихъ соединилъ онъ Ювенала и Аристофана.

Около этого времени началась роковая ссора Гоггарта съ другимъ извѣстнымъ англійскимъ живописцемъ Рейнольдсомъ. И поприще и слава этого художника заслуживаютъ особеннаго вниманія. Онъ пристрастился къ живописи, прочтя въ Ричардсонѣ описаніе нѣсколькихъ картинъ Рафаэля, и бросился учиться живописи у Гудсона, но послѣ шестилѣтнихъ трудовъ не могъ ничего написать порядочнаго. Въ 1794 году взялъ его адмиралъ Россель въ Италію. Тутъ онъ сталъ бросаться отъ одной школы къ другой. То списывалъ Кореджіо, то подражалъ Микель Анджело, то обращался къ венеціанской школѣ. О натурѣ и самобытности онъ и не помышлялъ. Читая его записки, можно уже составить идею о талантѣ его: «Я видѣлъ Рафаэля, и внутренно не чувствовалъ «достоинства его картинъ, но глядя на нихъ безпрестанно, списывая «ихъ всякій день, стараясь восхищаться ими гораздо болѣе внутренняго «своего убѣжденія, я почувствовалъ, что во мнѣ развивается новый «вкусъ, и пр.»

Критики и біографы хвалили въ немъ это самоотверженіе. Но можно ли было восхищаться художникомъ, который всю жизнь хотѣлъ быть школьникомъ и старался только списывать и подражать! Едва онъ воротился изъ Италіи, какъ принялся за Рембрандта. Всѣ восхваляли Рейнольдса. Одинъ Гоггартъ объявилъ, что «передражнивать — не значитъ быть художникомъ.»

Вскорѣ послѣ того накупилъ себѣ Рейнольдсъ картинъ Ванъ-Дейка, Тиціана, Рубенса, — чтобъ усовершенствоваться по этимъ образцамъ.

Джонсонъ и Гаррикъ восхищались его произведеніями. Это огорчило Гоггарта. Борке, Стернъ, Гольдсмитъ — расхваливали Рейнольдса — и помогли ему основать академію живописи. Получивъ хорошее образованіе, Рейнольдсъ очень умно писалъ о своемъ искусствѣ, — и написалъ множество картинъ. Пройдитесь по лондонской галереѣ — и вы вскрикнете издали: «Какой странный Рембрандтъ! Какой любопытный Тиціанъ! Что за особенность въ этомъ Рубенсѣ!» — Но подойдя, вы прочтете надпись: *Рейнольдсъ.* Онъ подражалъ всѣмъ—и отлично; отъ этого-то и распространилась вездѣ его слава.

Гоггартъ удивлялся, досадовалъ, огорчался этимъ всеобщимъ восторгомъ, — и мало-по-малу удалился отъ всѣхъ друзей. Одинъ Гаррикъ остался ему вѣренъ. Нарочно для него Гоггартъ написалъ портретъ его въ роли Ричарда III, со всею театральною пышностью.

— Ты видишь, — сказалъ онъ ему, узнавъ о всеобщихъ похвалахъ

Рейнольдсу: нѣтъ ничего легче, какъ дѣлать эфекты, выйдя изъ границъ, назначенныхъ природою.

Въ это же время умеръ Фильдингъ—и Гаррикъ сожалѣлъ, что не осталось портрета такого славнаго писателя. Гоггартъ принялся тотчасъ же за работу и написалъ его на память. Гаррикъ сидѣлъ для срисованья платья, — и это обстоятельство подало поводъ къ смѣшной сказкѣ, что будто бы Гаррикъ такъ хорошо умѣлъ поддѣлать свое лицо, что Гоггартъ *съ него* списалъ портретъ Фильдинга.

— Будьте увѣрены, — сказалъ Гоггартъ друзьямъ своимъ, собравшимся въ чисвикскомъ его загородномъ домѣ, — что истинное внушеніе почерпается изъ природы, и что истинная страсть къ какому-нибудь искусству пріобрѣтается не изъ книгъ и не изъ картинъ Нашъ другъ Джонъ Гольди имѣлъ рѣшительную страсть къ театру, — и не добился до успѣха, — а Гаррикъ, самъ не зная какъ, сдѣлался великимъ актеромъ. Докторъ Гольди, сочинитель многихъ ученыхъ медицинскихъ книгъ, безъ приготовленія написалъ одну изъ лучшихъ комедій: «Подозрительный мужъ». Вилькесъ, сынъ водочнаго мастера, назначался продавать всю жизнь издѣлія отца, а теперь гремитъ на каѳедрѣ. Торнгилль воспитывался для военной службы, какъ дворянинъ, — а сдѣлался живописцемъ, не читавши Ричардсона. Попе долженъ былъ сдѣлаться католическимъ священникомъ,—а превратился въ поэта, гуляя по Виндсорскому лѣсу. Я самъ, что я былъ? Сынъ типографскаго наборщика,—и долженъ былъ всю жизнь вырѣзывать фестоны и вензеля...

— Но, — сказалъ Джонсонъ, — еслибъ ты ничему не учился, еслибъ никогда не видалъ картинъ, вздумалъ ли бы ты сдѣлаться живописцемъ ?

— Въ молодости моей я едва умѣлъ читать. Потомъ книги мѣшали мнѣ часто работать, — и я въ нихъ почерпнулъ бо́льшую часть моихъ ошибокъ. Знаете ли, гдѣ я нашелъ свей талантъ? У входа въ таверну, въ Гейгетѣ, гдѣ я гулялъ въ воскресенье лѣтомъ, съ однимъ изъ товарищей. Двое пьяныхъ поссорились. Одинъ пивною своею кружкою разбилъ другому голову, — и гримасы этого бѣдняка такъ меня поразили, что я тутъ же принялся срисовывать его, а вмѣстѣ съ нимъ противника его и всѣхъ окружающихъ. Толпа изумилась, увидя всѣ свои портреты. Кромѣ опытности, — весь мой талантъ въ этомъ. Черезъ полгода потомъ старая хозяйка требовала съ меня денегъ за квартиру, — и я вмѣсто платы нарисовалъ перомъ портретъ ея въ такомъ отвратительномъ видѣ и притомъ до того похожій, что она убѣжала, увидя его. Это было моимъ величайшимъ торжествомъ. Я продолжалъ пробовать; выгравировалъ сцену изъ оперы «Бѣднякъ», потомъ «Гуди-

браса», потомъ множество сценъ и фигуръ, съ которыхъ стали снимать модели для галерей восковыхъ фигуръ. Я даже выпросилъ у короля артистамъ и граверамъ привилегію правъ собственности на всю ихъ жизнь и на двадцать лѣтъ послѣ смерти... И что жъ, друзья мои! мнѣ никогда въ голову не приходило подражать древнимъ живописцамъ. Я не зналъ Рафаэля; я существовалъ самъ-собою. Не будь школъ голландской, фландрской, итальянской, я бы все рисовалъ. Отнимите у Рейнольдса, Рафаэля, Тиціана, Рембрандта, Веласкеса и другихъ, — Рейнольдсъ не будетъ уже живописцемъ. Еслибъ онъ не прочелъ Ричардсона, онъ не былъ бы художникомъ. Гоггартъ умретъ съ чистыми руками и чистою совѣстью: онъ ни у кого ничего не укралъ. Его картины въ двухъ стахъ пятидесяти гравюрахъ составляютъ исторію Англіи въ-теченіе полувѣка. А ваши итальянскіе художники и подражатели ихъ — чему они васъ научили, все было и до нихъ у поэтовъ и историковъ. Мои картины *съ натуры* и взяты изъ общества. Поэты воспѣвали ихъ, The Rake's progress взятъ на сцену; моя картина: *Паденіе женщины* послужила сюжетомъ для моралистовъ. Изъ моей *Модной свадьбы* написалъ Шпбберъ романъ, а одинъ драматургъ комедію «Тайный бракъ».

— Это славная пьеса! — вскричалъ Джонсонъ, — и Фильдингъ часто повторялъ мнѣ это. Онъ завидовалъ тебѣ въ идеѣ этой книги,— но уже послѣ тебя не смѣлъ писать о ней.

— И онъ былъ правъ, — сказалъ Гоггартъ. Эта картина обнаружила большую язву нашего вѣка. Ее одной достаточно, чтобъ составить мою славу.

Гоггартъ, какъ видно, былъ не очень скроменъ, но онъ вѣрно судилъ о самомъ-себѣ. Геніяльные люди часто бываютъ таковы. Въ эпоху картины «*Модный бракъ*» талантъ его дѣйствительно былъ въ апогеѣ. Доски обозначены 1745 годомъ. Имя его сдѣлалось такъ популярно, что одинъ носильщикъ, увидя однажды, что извощикъ не милосердо бьетъ свою лошадь, подошелъ къ нему и вскричалъ:

— Несчастный! развѣ ты не видалъ картинъ Гоггарта?

Изученіе физіономій такъ глубоко въ картинахъ его, что знаменитый Лафатеръ составилъ изъ нихъ теорію характеровъ.

Какъ сатира — *Модный бракъ* сильно поразилъ современное общество. Всѣ узнавали другъ-друга, — и указывали одинъ на другаго. Кто не знаетъ этой картины?

Разоренный подагрикъ, Скандеръ-Фильдсъ (расточитель земель) намѣренъ поправить разстроенное свое состояніе придумалъ для единственнаго сына своего бракъ по разсчету. Первая картина показываетъ это

семейство въ ту минуту, какъ подписываютъ контрактъ. Сидя передъ парадною кроватью, съ гордымъ лицомъ и ласковымъ взглядомъ, старикъ, покрытый золотомъ и кружевами, протянулъ ногу свою, распухшую отъ подагры, на табуретѣ съ гербами. Пальцемъ указываетъ онъ на генеалогическое свое дерево, поднимающееся отъ Вильгельма-Завоевателя, который ударомъ меча срубаетъ вѣтвь этого дерева, гдѣ хотѣлъ привиться одинъ союзъ съ простолюдиномъ.

Передъ Скандеръ-Фильдсомъ сидитъ купецъ изъ Сити, даже шерифъ, потому-что на шеѣ его золотая цѣпь. Съ простодушіемъ и чванствомъ торгуется онъ о союзѣ съ знатнымъ; онъ покупаетъ предковъ для дочери своей. Въ лицѣ его видна смѣсь удовлетворенной гордости и привычнаго униженія, тогда какъ подагрикъ съ важностью принимаетъ документъ о снятіи запрещенія съ его имѣнія.

Благодаря грудамъ золота на столѣ, можно будетъ начать опять постройки и поправки Скандерфильдскаго замка, который видѣнъ въ открытое окно и который уже вполовину развалился.

Позади шерифа и адвокатовъ сидятъ на правой сторонѣ картины, почти повернувшись спиною другъ къ другу, съ совершенно равнодушными лицами, женихъ и невѣста. Женихъ съ самодовольною улыбкою занимается самъ–собою. Сколько надобно было ума Гоггарту, чтобъ придумать такое совершенно ничтожное лицо съ головы до ногъ. Съ какою упорностью этотъ юноша, бѣдный умомъ и кошелькомъ, беретъ щепотку табаку въ своей табакеркѣ.

Дочь шерифа обратила между тѣмъ вниманіе на одного молодаго совѣтника и тихо разговариваетъ съ нимъ. При этомъ продѣла она платокъ въ обручальное свое кольцо, который держитъ за оба конца и играетъ имъ самымъ небрежнымъ образомъ. Эта дѣвушка цвѣтетъ здоровьемъ и юностію, — и разговоръ ея съ совѣтникомъ Сильвертонгомъ (серебрянымъ языкомъ) составляетъ зародышъ будущей семейной драмы.

Первымъ послѣдствіемъ этихъ союзовъ гордости и корыстолюбія — разумѣется, взаимное равнодушіе новобрачныхъ. Любовь не проложила въ нихъ пути дружбѣ. Поэтому-то нѣтъ сочувствія, нѣтъ взаимнаго уваженія, нѣтъ исполненія обоюдныхъ обязанностей: каждый живетъ для себя. Вотъ во второй картинѣ новобрачные въ богатыхъ своихъ комнатахъ. У нихъ былъ праздникъ, гости разъѣхались; пять часовъ утра; свѣчи догорѣли и гаснутъ, остался одинъ слуга, который потягивается и зѣваетъ. Молодая графиня сидитъ еще за карточнымъ столомъ; около нея груда картъ. Супругъ ея въ совершенномъ утомленіи. Онъ самъ небылъ на этомъ праздникѣ, данномъ женою своимъ друзьямъ. Онъ по другимъ домамъ ищетъ увеселеній,—и только что воротился. Перелом-

ленная шпага его лежитъ на коврѣ, шляпа свалилась; онъ протянулъ параллельно свои утомленныя ноги; губы его отвисли, глаза потухли, и ничего уже не видятъ. Онъ печально выворачиваетъ пустые свои карманы,—а маленькая собаченка теребитъ въ это время чей-то женскій чепчикъ, высынувшійся у него изъ кармана. Къ нему и къ женѣ его подходитъ управитель со счетною книгою; но они прогоняютъ его,—и онъ пожимая плечами и поднявъ глаза къ небу, удаляется. Для довершенія картины, Гогартъ представилъ пышное, но безвкусное убранство комнаты. Мебель тяжелая и уродливая, картины смѣшныя, на каминѣ самыя глупыя произведенія азіятскаго художества: статуэтки, чашки, античный бюстъ съ новопридѣланнымъ носомъ. Позади видѣнъ амуръ со сломаннымъ лукомъ, съ пустымъ колчаномъ, съ волынкою и дудкою въ рукахъ. Часы стоятъ посреди золотаго куста, по вѣтвямъ котораго плаваютъ рыбки. Надъ часами фарфоровая кошка, обязанная мяучить часы.

Легко предвидѣть участь четы. Третья картина представляетъ уже милорда больнымъ. Онъ лежитъ у доктора *Шилюля*, который производитъ ему разныя операціи.

На четвертой картинѣ—молодая леди занимается утреннимъ своимъ туалетомъ передъ баломъ. Около нея толпа обожателей—и главный изъ нихъ *Сильвертонгъ*. Передъ нею корзина съ антиками, для нея сдѣланными. Въ углу залы забавляетъ ее пѣвецъ Карентини, поющій романсы съ акомпаниментомъ флейты. Всѣ гости заняты болтовнею и, разумѣется, не слушаютъ музыки. У креселъ молодой супруги висятъ дѣтскіе игрушки: она мать, — а у ногъ ея лежитъ романъ *Софа*. Вдали сидитъ исхудалый мужъ, въ папильоткахъ къ балу, и пьетъ декоктъ. Кое-гдѣ составлены забавныя группы; на полу валяется множество пригласительныхъ писемъ, съ любопытными эмблемами.

Въ пятой картинѣ представленъ балъ въ *Баньо*, (мѣсто публичныхъ баловъ въ Лондонѣ) гдѣ Леди Скандерфильдсъ обѣщала свидѣться съ Сильвертонгомъ; но туда же является и мужъ,—и въ порывѣ ревности обнажаетъ шпагу противъ соперника. Тотъ защищается, ранитъ его смертельно и убѣгаетъ. Являются констабли.

Въ шестой картинѣ, графиня уже вдова и живетъ у отца. Тутъ она получаетъ извѣстіе, что Сильвертонгъ казненъ,—и она вышиваетъ лауданумъ. Кормилица приноситъ къ умирающей ребенка ея,—а отецъ графини, продавшій ее нѣкогда для удовлетворенія плебейской своей гордости, сидитъ подлѣ нее — и взялъ ея за руку, но не по чувству любви, а чтобы снять съ руки ея перстни.

Вотъ вкратцѣ описаніе ужасной семейной драмы. До-тѣхъ-поръ упрекали Гоггарта, что онъ изображалъ только смѣшныя карикатуры.

Тутъ коснулся онъ до высокой язвы лондонскаго общества. За то никто не хотѣлъ купить оригинальныхъ картинъ. Гоггартъ сдѣлалъ аукціонъ, и получилъ сто двадцать гиней, а однѣ рамы стоили ему восемьдесятъ. Въ 1792 году были картины перепроданы за девятьсотъ десять фунтовъ стерлинговъ, а пять лѣтъ спустя, за тысячу гиней банкиромъ Ангерштейномъ, у котораго парламентъ пріобрѣлъ ихъ въ 1824 году, для національнаго музея.

X.

Меланхолія и упадокъ силъ Гоггарта.— Послѣднее свиданіе съ Джонсономъ.—Предчувствія, Tail-piece или конецъ. — Смерть Гоггарта.

Первая печаль, постигшая Гоггарта, была смерть тещи его, Юдиѳи Торнгиль, скончавшейся въ 1757 году. Онъ былъ вовсю жизнь привязанъ къ ней самымъ искреннимъ образомъ, и потеря ея сильно потрясла его здоровье. Вскорѣ потомъ началъ онъ чувствовать спазмы и странную боль въ груди. Сперва онъ жаловался на нее, но съ 1762 года пересталъ говорить о ней. Нѣжность его къ жёнѣ усилилась, а нравъ сдѣлался мрачнымъ и печальнымъ.

Съ заботливостью и страхомъ слѣдила жена Гоггарта за его болѣзнію. Вообще жизнь этихъ супруговъ была примѣрная. Послѣ любви воцарилась между ними самая искренняя и нѣжная дружба. Дѣтей у нихъ не было, и теперь, для развлеченія Гоггарта, жена собирала вокругъ него всѣхъ знакомыхъ, которые могли успокоить его и разсѣять.

Въ 1764 году Гоггарту было уже шестьдесятъ семь, а женѣ его пятьдесятъ пять лѣтъ. Она была еще молода, весела, любезна и одушевляла все общество, которое для нее больше и собиралось.

Въ это время ссоры Гоггарта съ партіею Питта, и въ-особенности съ поэтомъ Чорчилемъ, приносили Гоггарту большія неудовольствія. Жена скрывала много ругательныхъ статей, печатаемыхъ въ North-Briton противъ него, но вѣдь всегда есть услужливые друзья, которые являлись къ нему съ этими извѣстіями. Если у Гоггарта пропадалъ аппетитъ и сонъ, если онъ дѣлался угрюмъ и мраченъ, она уже знала, что какой-нибудь *добрый другъ* сообщилъ ему пасквиль, написанный противъ него. Она совѣтовалась съ докторами, но тѣ говорили, что надобно только устранять отъ него всякое волненіе и неудовольствіе.

Въ началѣ осени положеніе Гоггарта видимо сдѣлалось хуже. Жена его обратилась къ Джонсону.

— Посовѣтуйте мнѣ, сэръ Самуилъ, сказала она. Вы человѣкъ

твердой души. Вы умѣете убѣждать. Я помню, что вы не разъ ободряли упадшія надежды Вильяма. Сперва слава Рейнольдса огорчала его, и по моему напрасно, потому-что онъ не былъ соперникомъ мужа. Потомъ эти гнусные пасквили Чорчиля... Онѣ убьютъ Вильяма.

Джонсонъ задумался.

— Да, я увижусь, я поговорю съ Гоггартомъ, отвѣчалъ онъ. Надобно дѣйствовать сильно.

— Такъ соберитесь... придумайте день и часъ...

— Нѣтъ! Зачѣмъ откладывать, — сейчасъ же!

И оставя трепещущую жену, Джонсонъ пошелъ въ кабинетъ къ мужу.

Увидя вошедшаго друга, Гоггартъ быстро повернулъ къ стѣнѣ картину, которую писалъ и протянулъ Джонсону руку.

— Что новаго? спросилъ Гоггартъ съ нѣкоторою боязнію.

— Дурныя вѣсти! отвѣчалъ Джонсонъ, усаживаясь. Чорчиль отправился вчера во Францію, чтобъ навѣстить сосланнаго Вилькса. Что мы будемъ дѣлать? Кто насъ будетъ ругать въ стихахъ и прозѣ? Кто будетъ волновать кровь нашу, которая безъ того сгустилась бы отъ застоя. Гаррикъ тоже жалѣетъ объ этомъ, и намъ прійдется вмѣстѣ утѣшаться.

— Тебѣ хорошо говорить объ этомъ! сказалъ Гоггартъ. Тебя всякій день не осмѣиваютъ, не ругаютъ, не осыпаютъ клеветами...

— Пусть ихъ! Мы въ свою очередь развѣ не смѣялись надо всѣми? Всѣмъ досталось! Развѣ ты не читалъ четвертой пѣсни поэмы Чорчиля: *Привидѣніе?* Какъ меня тамъ отдѣлали подъ именемъ *Помпозо*. Пасквиль на Гаррика въ *Росціадѣ*—шутка противъ выходокъ *Привидѣнія*.

— Бѣдный другъ! сказалъ со вздохомъ Гоггартъ и пожалъ ему руку.

— Ты шутишь, Вильямъ, продолжалъ Джонсонъ. У меня на дняхъ спрашивали: буду ли я отвѣчать. Я пожалъ плечами. Обо мнѣ стали сожалѣть, я расхохотался, и съ важностію, въ которой упрекаетъ меня Чорчиль, произнесъ: «Кто отвѣчаетъ на глупости, тотъ самъ глупецъ.»

— Но это ужасно, это нестерпимо! вскричалъ Гоггартъ: когда подобный глупецъ осыпаетъ тебя ежедневно самою площадною бранью, выдумываетъ клеветы, маретъ твое имя, славу,—негодяй, который былъ погребщикомъ, и объявя себя банкрутомъ, бѣжалъ! школьный учитель, который за новыя плутни опять принужденъ былъ скрыться, а теперь орчитъ вельможу, и его поддерживаютъ.

— Да вѣдь, любезный другъ, для такихъ ремеслъ и надобны люди, которымъ нечего терять...

— И которые приносятъ безчестіе той партіи, которой служатъ.

Джонсонъ не отвѣчалъ на эти выходки, выжидая, пока первая буря пройдетъ.

— Да! безчестіе! продолжалъ Гоггартъ,—когда развратъ считается за геній, корыстолюбіе за талантъ, и когда порядочные люди подвергаются насмѣшкамъ и оскорбленіямъ отъ такихъ негодяевъ, какъ Чорчиль.

— А развѣ ты бы хотѣлъ, чтобъ это былъ умный, честный и всѣми уважаемый человѣкъ? Теперь кто вѣритъ цыгану безъ совѣсти и правилъ? Развѣ ты самъ такъ слабъ и незначущъ, чтобъ бояться Вилькса и Чорчиля?

— Конечно... но и нельзя же...

— Принимая къ сердцу ихъ дерзость и злость, мы сами же доставляемъ имъ побѣду. Ты бы всякому самъ сказалъ, что надобно быть безъ философіи, безъ правилъ и даже безъ добродѣтели, если при всякомъ оскорбленіи самолюбія приходить въ отчаяніе и умирать. Развѣ мы не для того живемъ, чтобы бороться. Развѣ тебѣ нужны льстецы и поклонники? Развѣ ты хочешь властвовать надъ общественнымъ мнѣніемъ?

— Увы, любезный другъ, отвѣчалъ съ унынiемъ Гоггартъ, положа руку на сердце. Мнѣ уже не двадцать лѣтъ отъ роду. Силы мои упадаютъ.

— Природа во всякомъ возрастѣ имѣетъ особыя средства. Въ двадцать лѣтъ она живетъ борьбою; въ шестьдесятъ она покорствуетъ судьбѣ, хладнокровно обсуживая цѣну всѣхъ вещей на свѣтѣ и суету людской злости. Помнишь ли, за тридцать лѣтъ, какъ мы, одушевленные благороднѣйшими желаніями, съ жаромъ составляли планы будущей нашей жизни? Что жъ? Мы все исполнили, ни на минуту не совращаясь съ предположеннаго пути. Наша слава теперь неприкосновенна. Сознаніе собственнаго нашего достоинства возвышается передъ нами несокрушимою стѣною. Весь этотъ длинный путь жизни совершилъ ты со славою и всеобщею похвалою, какъ бы носимый на цвѣточномъ ложѣ. Я прошелъ его подъ огнемъ критики, криковъ, насмѣшекъ, посреди терній. Но вотъ мы оба почти у цѣли: я срываю розы посреди тысячи шиповъ, а ты встрѣчаешь нѣсколько шиповъ посреди тысячи розъ. Будемъ же продолжать путь съ прежнимъ постоян-

ствомъ. Утвердимъ прежнее наше мужество настоящею веселостію. Будемъ улыбаться, слыша вокругъ себя жужжаніе Чорчилей. Признаюсь, любезный Гоггартъ, мнѣ тебя вовсе не жаль; я тебя слишкомъ уважаю, чтобъ вѣрить твоему огорченію. Трудиться — значитъ побѣждать. Собери вокругъ себя всѣхъ друзей; живи съ ними весело; смѣйся, шути, пробуди свой спящій духъ, и возврати миръ и счастіе своей доброй женѣ, которая изнываетъ, видя твое уныніе.

— Ты правъ! сказалъ Гоггартъ, пожимая ему руку съ самою задушевною улыбкою. Ты правъ! Ты убѣдилъ меня.

Едва Джонсонъ удалился, какъ Гоггартъ опрокинулся въ кресла, стиснулъ обѣ руки на груди и лицо его покрылось смертною блѣдностью.

Ввечеру вошла къ нему жена и ласково спросила:

— Ну, что, другъ мой! видѣлся ты съ Джонсономъ?

— Видѣлся.

— Доволенъ ты былъ этимъ свиданіемъ?

— Очень доволенъ, но онъ меня убилъ.

Онъ былъ правъ. Его меланхолія, огорченія проистекали не отъ разсудка, а отъ раздражительности нервъ. Преодолѣть ее было свыше его силъ. Теперь же онъ понялъ, что и друзья упрекаютъ его за слабость и почитаютъ его незаслуживающимъ своей славы. Съ этой минуты онъ уже скрывался отъ всѣхъ и даже отъ жены, погрузясь въ самыя мрачныя размышленія.

Друзья съѣзжались къ нему, онъ принималъ ихъ и шутилъ даже иногда съ ними. Веселость возвращала ему аппетитъ, но жена его съ безпокойствомъ видѣла, что онъ даже нечувствителенъ къ противорѣчію. Однажды, выходя изъ-за стола, онъ сказалъ Гаррику:

— Первая картина, которую я напишу теперь, будетъ: *Конецъ всего!*

— Но конечно, не конецъ трудовъ вашихъ, сказалъ ему одинъ изъ гостей. Ваше искусство переживетъ всякій конецъ. Впрочемъ, вамъ дѣйствительно нуженъ отдыхъ...

— Да! и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Дѣйствительно, онъ принялся за работу и проводилъ за нею цѣлые дни, никому не говоря о ней ни слова и никому не показывая. Однажды жена нечаянно зашла къ нему. Его не было. На мольбертѣ натянутъ былъ холстъ, и на холстѣ почти уже написана картина.

Долго она смотрѣла на эту картину, заливаясь слезами. Въ исторіи живописи извѣстна она подъ названіемъ Tail-piece или *конецъ всего*.

Посреди картины—*Время* спитъ у подножія разбитой колонны. Выпустивъ послѣдній дымъ изъ своей трубки, оно разбило ее о свою косу вмѣстѣ съ песочными часами. Изъ первой руки Времени выпадаетъ его духовная. Документъ контрасигнованъ Парками. Около него лежатъ пустой кошелекъ, истертая щетка, разорванный вѣнокъ, прикладъ ружья, спущенный лукъ, разбитый колоколъ, разбитая бутылка.

Жена Гоггарта поняла мысль мужа, вспомнивъ съ какою лихорадочною дѣятельностію онъ работалъ за этою картиною. Вездѣ были разбросаны хижины, падающія отъ старости, засохшія деревья, развалившіяся зданія, колокольни съ часами безъ циферблата, корабли, утопающіе въ морѣ.

Въ эту минуту вошелъ Гоггартъ. Увидя жену, онъ вскрикнулъ, схватился за сердце, поблѣднѣлъ и зашатался.

— Что съ тобою, другъ мой? — сказала жена, поддерживая его.

— Ничего! — прошепталъ Гоггартъ... Но зачѣмъ ты разсматриваешь эти глупости?.. Это заказанная картина... одинъ Лордъ, страдающій сплиномъ...

— Вилльямъ,—сказала она. Ты знаешь, что я люблю тебя столько же, какъ и въ первый день моей любви. Моя вся жизнь, мои всѣ мысли въ одномъ тебѣ, — а я уже не раздѣляю твоихъ мыслей. Развѣ ты можешь имѣть печали и опасенія, которыми не дѣлился бы со мною? Развѣ ты думаешь отдѣлиться отъ меня? Говори! объясни мнѣ все; я не могу больше жить такимъ-образомъ.

— Полно, другъ мой! о чемъ печалиться? я усталъ, утомился — вотъ и все. Картина эта будетъ послѣднею моею работою. Подойдя къ мольберту, схватилъ онъ кисть и написалъ подъ картиною: Finis, (конецъ).

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней потомъ болѣзнь его до того усилилась, что надобно было перевезти его въ Лондонъ. Это было 15 октября. На другой день онъ получилъ письмо отъ Франклина, котораго за семь лѣтъ предъ тѣмъ зналъ въ Лондонѣ. Письмо это обрадовало его. Онъ хотѣлъ отвѣчать, — но ему сдѣлалось дурно. Онъ легъ въ постель и зазвонилъ такъ сильно, что шнурокъ порвался.

Жена прибѣжала... Гоггартъ былъ мертвъ.

Оказалось, что онъ умеръ отъ аневризма.

Тѣло его перенесено было въ Чисвикъ, гдѣ онъ погребенъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Гаррикъ написалъ ему надгробные стихи. Джонъ Гольди прочелъ надъ нимъ надгробную рѣчь.

Возвратясь съ церемоніи, Джонсонъ сказалъ Гаррику:

— Какъ слабъ и суетенъ человѣкъ! Какъ глупъ, предаваясь ничтожнымъ страстямъ! Другъ нашъ погибъ отъ нападковъ ничтожнаго Чорчиля, — а тотъ проживетъ вѣрно до ста лѣтъ, хвалясь своею побѣдою...

Джонсонъ ошибался. Гоггартъ былъ еще живъ, — а Чорчиль уже умеръ въ Булони. Только извѣстіе объ этомъ пришло позже въ Англію.

(*Revue Contemporaine.*)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Французскіе спектакли съ 1 іюня по 15 сентября. — Каменноостровскій театръ и лѣтніе спектакли.—Природа и искусство.—Г. Невиль и его дебюты.—*Сѣдой волосъ* и драматическія пословицы. Октава Фелье — *Понедѣльники*. — Прощаніе гг. Руже и Готи съ петербургскою публикою.—Бѣгство г. Бертона.—Дебюты г. Тестара.—Водевили.—*Деревня*. — Мысль и исполненіе этой пьесы.—Еще драматическія пословицы и водевили.—Г. Леонъ. — *Филибѣрта*. — Значеніе этой комедіи. — Возможенъ ли характеръ Филиберты? — Стихи Эмиля Ожье.—*Канадаръ отецъ и сынъ*.—Дебюты г-жи Поль Эрнестъ. — Пьеса основанная на табакѣ.—*Незабвенныя воспоминанія*.—*Чего хочетъ женщина*. — *Извощикъ Жанъ* и бульварныя драмы.

Мы остановились въ разсказѣ о нашихъ французскихъ спектакляхъ на томъ времени, когда они были перенесены на каменноостровскій театръ. Теперь, въ холодную, дождливую осень, пріятно вспомнить о тѣхъ дняхъ, когда мы еще за-свѣтло выходили изъ маленькаго, но очень удобно устроеннаго театра на Каменномъ-острову и долго еще гуляли подъ тѣнистыми деревьями этого острова, при свѣтѣ одной изъ тѣхъ сѣверныхъ ночей, которыми мы такъ дорожимъ и которыя южные жители называютъ болѣзненными... Фельетонистъ могъ бы найти богатый сюжетъ для своего фельетона въ этомъ контрастѣ свѣтлыхъ ночей съ театральнымъ освѣщеніемъ, размалеваннаго полотна съ живою декораціею природы, душнаго воздуха въ театрѣ, и свѣжаго запаха молодыхъ деревьевъ вокругъ театра, искусства и природы. Но мы пишемъ не фельетонъ, а театральную хронику, и потому обращается прямо къ пьесамъ, играннымъ на Каменноостровскомъ театрѣ въ теченіе лѣтняго сезона. Припомнимъ читателямъ, что мы будемъ говорить только о

пьесахъ неявлявшихся въ прошлый сезонъ, о которомъ отдали уже подробный отчетъ. Разберемъ всѣ новыя пьесы по порядку ихъ появленія на нашей сценѣ:

1) «Мужъ, которому нечего дѣлать». (Un mari qui n'a rien à faire) водевиль въ одномъ дѣйствіи, довольно пустой, съ содержаніемъ весьма обыкновеннымъ. Кто не знаетъ, что дѣлаютъ мужья, которымъ нечего дѣлать?.. Пьеса не имѣла успѣха, не смотря на игру Мондидье.

Вскорѣ же по открытіи спектаклей на Каменномъ островѣ, явился въ нихъ новый артистъ, ангажированный вмѣсто *Готи*, оставившаго навсегда Петербургъ. Г. *Невиль* дебютировалъ въ водевилѣ. 2) «Жена и Зонтикъ» (Ma femme et mon parapluie) очень хорошо знакомомъ посѣтителямъ Александринскаго театра въ прекрасномъ переводѣ П. А. Каратыгина. Дебютантъ былъ очень хорошъ въ роли разстроеннаго настройщика. Тоже можно сказать и о другой роли въ старомъ водевилѣ «Supplice de Tantale». Г. Невиль актеръ опытный, развязный; игра его непринужденна, произношеніе ясное, физика его вполнѣ соотвѣтствуетъ занимаемымъ имъ ролямъ. Можно сказать смѣло, что онъ вполнѣ замѣнилъ Готи и даже выше его.

Въ этотъ же спектакль шелъ новый, очень миленькій водевиль: 3) «Кавалерійская аттака» (Une charge de cavalerie). Это простая исторія одного кавалериста, который на постоѣ очень сильно аттакуетъ сначала свою хозяйку, потомъ ея сестру; но не смотря на небогатое содержаніе, пьеса ведена очень ловко, полна веселости, живости и весьма правдоподобна. Особенно хорошъ въ ней г. Дешанъ.

Для возвращенія г–жи Плесси дана была новая поговорка Октава Фелье: 4) «Сѣдой волосъ» (Un cheveu blanc) напечатанная въ хорошемъ переводѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ плохомъ — въ «Библіотекѣ для Чтенія». Фелье давно уже составилъ себѣ не только извѣстность, но и славу въ этомъ родѣ пьесъ. Дѣйствительно, въ нихъ всегда столько ума, глубокой мысли, остроумія, что ихъ стало бы на пятиактный фарсъ писателей въ родѣ Моро, Лабиша, Дюпети, Сирандена, Лорансена и другихъ поставщиковъ парижскихъ водевилей. Не знаемъ, кому пришла мысль съиграть эту новую пьеску Фелье, не назначавшуюся для сцены и напечатанную въ одной изъ недавнихъ книжекъ журнала Revue des deux mondes; во всякомъ случаѣ мысль эта доказываетъ эстетическій вкусъ того, кому она пришла въ голову, и мы увѣрены, что каждый образованный человѣкъ съ удовольствіемъ увидитъ эту пьесу или прочтетъ ее. Содержаніе ея очень просто. Мужъ и жена, долгое время бывшіе въ разладѣ, въ слѣдствіе нѣкотораго несходства въ характерѣ, неуступчивости въ нравахъ,—послѣ одного разго-

вора мирятся, когда начинаютъ понимать, что семейное счастіе основано на взаимномъ снисхожденіи къ недостаткамъ, потому-что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не имѣлъ недостатковъ и только одни тартюфы, далеко не безгрѣшные въ своихъ поступкахъ, и смотрящіе на замужнюю женщину вовсе не такъ, какъ твердятъ объ этомъ во всеуслышаніе, не допускаютъ возможности малѣйшей размолвки между супругами. Подобнымъ тартюфамъ самая пьеса Фелье можетъ, конечно, не нравиться въ печати, (на сценѣ, конечно, они не пойдутъ смотрѣть ее), но публика наша всегда умная и понимающая всѣ оттѣнки чувства, была въ восторгѣ отъ этой пьесы, и конечно, перечитаетъ ее даже послѣ того, какъ видѣла на сценѣ.

Въ этотъ же вечеръ, для продолженія дебютовъ г. *Невиля* данъ былъ водевиль: «Импровизованное семейство» (La famille improvisée) въ которомъ дебютантъ игралъ пять ролей, переодѣваясь въ разнохарактерные костюмы. Въ подобныхъ роляхъ и пьесахъ мы видимъ одинъ фокусъ, tour-de-force, отъ котораго ничего не выигрываетъ ни литература, ни искусство. Поэтому мы и не распространяемся о пьесѣ.

О водевилѣ 6) «Пятница» (Un Vendredi), данномъ вслѣдъ за этою пьесою, въ которомъ также игралъ г. Невиль, мы тоже не скажемъ ничего, кромѣ того, что не слѣдовало бы для дебюта выбирать такія пустыя пьесы.

7) «Понедѣльники» (Les Lundis de Madame), комедія г. Аллара, напротивъ, рѣзко отличаются отъ этой неудачной «Пятницы». Комедія малоизвѣстнаго писателя имѣетъ неоспоримыя достоинства: она написана съ цѣлью выставить всю смѣшную сторону, всѣ неудобства такъ называемыхъ назначенныхъ дней, въ которые хозяева обязаны принимать гостей, обыкновенно все однихъ и тѣхъ же, и поэтому невыносимо скучныхъ. Гости эти въ особенности очень хорошо обрисованы; кажется, видѣлъ гдѣ-то подобные типы и имѣлъ несчастіе бесѣдовать съ ними, зная напередъ, что они будутъ говорить и что отвѣчать. Пьеса разъиграна съ рѣдкимъ ансамблемъ.

Четвертаго іюля Руже и Готи простились окончательно съ петербургскою публикою, первый въ старомъ водевилѣ «Le petit Pierre», гдѣ онъ дѣйствительно чрезвычайно хорошъ. Выборъ этой пьесы для послѣдняго дебюта былъ также очень удаченъ, потому-что кромѣ комизма, Руже выказалъ въ роли крестьянина много чувства, а это послѣднее свойство было отличительною чертою Руже, и въ этомъ отношеніи онъ едвали будетъ замѣнимъ. Соединеніе комизма съ патетизмомъ—явленіе очень рѣдкое. Готи, напротивъ, выбралъ для своего прощальнаго спектакля довольно пустой водевиль: 8) «Пойманъ на дѣлѣ» (Le fla-

grand délit) въ которомъ онъ игралъ роль англичанина. У Готи была претензія на роли англичанъ, которыхъ онъ однакоже исполнялъ плохо, скорѣе уродуя, нежели вѣрно изображая этотъ типъ. Публика пришла не въ большомъ количествѣ проститься съ уѣзжающими комиками. Виною тому была впрочемъ удивительная погода, бывшая въ тотъ вечеръ. Повторяемъ еще разъ, что французская сцена сдѣлала большую потерю только въ Руже, котораго точно очень жаль.

Кстати о потеряхъ. Journal de S–t Petersbourg, и потомъ Сѣверная Пчела сообщили, что мы потеряли еще одного артиста, пользовавшагося большимъ расположеніемъ публики, а именно г. Бертона, развившаго здѣсь свой талантъ, воспитаннаго нашею публикою. Бертонъ былъ плохой актеръ когда поступилъ на нашу сцену; теперь въ немъ весьма замѣчательное дарованіе, и Парижъ приметъ его, вѣроятно, съ распростертыми объятіями, какъ принялъ нѣкогда другаго бѣглеца Брессана, по крайней мѣрѣ покинувшаго насъ не обманомъ, какъ это сдѣлалъ г. Бертонъ. Какая бы причина, болѣе или менѣе привлекательная, не заставила его бѣжать изъ Петербурга, мы не думаемъ, чтобъ кто нибудь нашелъ его поступокъ извинительнымъ и благороднымъ. Публика вѣроятно, не пожалѣетъ о немъ послѣ этого, особенно, вспомнивъ, какъ мало онъ занимался своимъ искусствомъ въ послѣднее время и какъ плохо училъ роли. У насъ есть на роли его молодой, старательный артистъ, развивающійся съ каждымъ годомъ, и мы совершенно убѣждены, что въ скоромъ времени г. Дешанъ вполнѣ замѣнитъ намъ Бертона, если не превзойдетъ его.

На смѣну Руже явился тотчасъ же послѣ его отъѣзда г. *Тестаръ* въ водевилѣ 9) «Счастіе и несчастіе» (Heur et malheur). Это довольно старая пьеса, основанная на томъ, что одному бѣдняку во всемъ и всегда перебиваетъ дорогу другое лицо. Дебютантъ былъ очень хорошъ въ роли этого бѣдняка, преслѣдуемаго судьбою. Онъ еще молодъ, но въ игрѣ его видно много опытности и знанія сцены. Во всякомъ случаѣ наша сцена сдѣлала въ немъ очень пріятное пріобрѣтеніе.

Во второй разъ г. Тестаръ игралъ въ водевилѣ 10) «Женщина которая пьетъ» (Une femme qui se grise). Это довольно пустой фарсъ, основанный на томъ, что влюбленный въ молоденькую дѣвушку подозрѣваетъ ее въ томъ, что она похищаетъ у него ромъ, чтобъ удовлетворить несчастной страсти къ горячимъ напиткамъ. Разумѣется, потомъ оказывается, что вмѣсто дѣвушки ромъ крадетъ привратникъ. Все это не очень остроумно и занимательно. Тоже самое можно сказать и о водевилѣ 11) «Меровей, или блондинка и брюнетка» (Mérovée ou brune et blonde) старомъ фарсѣ, въ которомъ женихъ одѣвается лакеемъ, и

въ которомъ также какъ и въ предъидущемъ, дебютантъ былъ очень хорошъ.

Хорошо разыграны и относительно недурны были еще два водевиля: 12) «Воспоминанія о путешествіи» (Souvenirs de voyage) и 13) «Дубъ и Трость» (Le chêne et le roseau); въ первомъ превосходенъ Мондидье въ роли маркиза стараго времени, во второмъ играли г-жа Вольнисъ, Плесси, гг. Мондидье и Тестаръ—этого довольно, чтобы смотрѣть съ удовольствіемъ самую слабую пьесу.

14) *Деревня* (Le village) провинціяльныя сцены *Октава Фелье*. Вотъ еще новое произведеніе этого превосходнаго писателя, знакомое уже читателямъ «Пантеона», и имѣвшее такой же успѣхъ, какъ *Сѣдой Волосъ* на французской сценѣ. Между тѣмъ, что̀ можетъ быть проще содержанія этой пьесы? Ѣхать или не ѣхать путешествовать. Кто дѣйствующія лица этихъ провинціяльныхъ сценъ? два старика и одна старуруха. И какая страшная драма, не смотря на ея простоту, разъигрывается между этими лицами! Какъ тяжело этой старухѣ отпустить своего мужа, проститься съ мыслью, что онъ двадцать лѣтъ былъ счастливъ въ глуши своей деревни. Какъ натураленъ въ старикѣ этотъ порывъ къ скитательческой жизни, жажда новыхъ впечатлѣній и ощущеній,

. . . . . Безпокойство,
Влеченье къ перемѣнѣ мѣстъ,

по словамъ нашего поэта. И какъ хорошъ этотъ вѣчный туристъ Рувьеръ, этотъ гражданинъ всего міра, The citizen of che wotld,—какъ называлъ себя другой поэтъ, испытавшій при жизни столько гоненій отъ своихъ сплиническихъ соотечественниковъ. Въ этомъ страствующемъ эгоистѣ не совсѣмъ погасли однакоже высокія и благородныя чувства, и когда онъ видитъ, что былъ причиною семейнаго несчастія, какъ благородно отказывается онъ отъ своего намѣренія — увлечь за собою въ вояжъ стараго пріятеля; какое простое средство придумываетъ, чтобъ разочаровать его, вылечить отъ страсти къ путешествіямъ, показать ихъ въ настоящемъ, непривлекательномъ видѣ. Въ особенности въ этой послѣдней сценѣ виденъ талантливый писатель. Обыкновенный драматургъ, охотникъ до эфектовъ, придумалъ бы непремѣнно какую нибудь ужасную картину: Рувьера при смерти, окруженнаго злодѣями, которые хотятъ обобрать его, чтобъ поскорѣе отправить на тотъ свѣтъ. Фелье, напротивъ, заставляетъ Рувьера разсказывать, что въ минуту опасной болѣзни, онъ встрѣтилъ въ окружающихъ его лицахъ одно убійственное, холодное равнодушіе—и больше ничего. Но это равнодушіе было самымъ

страшнымъ наказаніемъ для эгоиста. И съ какимъ глубокимъ чувствомъ онъ говоритъ въ эту минуту: J'ai su á quelle prix Dieu vend l'égoisme à l'homme, какое страшное, потрясающее впечатлѣніе производитъ на зрителей эта сцена, chef d'oeuvre искусства и знанія человѣческаго сердца. И между тѣмъ эта пьеса также не назначалась для сцены, и также поставлена на театрѣ въ первый разъ нашими французскими артистами. Искренняя благодарность ихъ образованному вкусу за постановку подобной пьесы. Жаль только, что при сокращеніи ея для быстроты дѣйствія, опущены многія подробности, еще лучше обрисовывавшія характеръ Рувьера. Такъ, въ началѣ пьесы, забавная черта, что онъ всѣмъ недоволенъ и находитъ весь обѣдъ плохимъ, твердя въ тоже время, что онъ не прихотливъ — вовсе опущена на сценѣ. Въ нашемъ переводѣ она сохранена вполнѣ, также какъ и нѣкоторыя другія, мелкія подробности.

15) *Когда хотятъ убить свою собаку* (Quand on veut tuer son chien) тоже драматическая пословица. Въ названіи пьесы сохранена только половина этой пословицы; а именно говорятъ: quand on veux tuer son chien on le dit enragé! Это довольно забавная исторія одной жены, которая непремѣнно хочетъ найти какіе бы то ни было недостатки въ своемъ мужѣ. Кромѣ того есть на сценѣ и собака для полноты поговорки, прекрасно разъигранной г–жею Плесси и г. Тестаръ.

16) *Въ Бастиліи* (A la Bastile) также не совсѣмъ дурной водевиль, въ которомъ нѣтъ женщинъ. Опекунъ, въ питомицу котораго влюбленъ одинъ молодой человѣкъ и на которой онъ самъ собирается жениться, проситъ у своего знакомаго предписанія (lettre cachet) по которому онъ могъ бы посадить своего соперника въ Бастилію. Тотъ, въ свою очередь, выпрашиваетъ у того же лица точно такое же предписаніе, чтобъ засадить въ Бастилію опекуна. Желаніе ихъ исполняется, и такимъ–образомъ они сажаютъ другъ друга подъ замокъ. Изъ этого положенія выходитъ много забавныхъ сценъ. Напрасно только авторы водевиля придумали очень странное окончаніе. Оказывается, что оба соперника сидѣли не въ Бастиліи, а въ замкѣ своего знакомаго. Подобная развязка была совершенно ненужна, не говоря уже о томъ, что совершенно неправдоподобна.

17) *Когда ждутъ свой кошелекъ* (Quand on attend sa bourse) и 18) *Миръ во чтобы то ни стало!* (La paix à tout prix). Въ этихъ двухъ пьесахъ дебютировалъ г. *Леонъ*, новый артистъ на роли первыхъ любовниковъ. Нельзя сказать, чтобъ дебюты его были очень удачны и чтобъ онъ очень понравился публикѣ. Пусть однако же онъ не унываетъ, вспомнивъ первые дебюты Брессана и Бертона. Г. *Леонъ* актеръ

старательный; въ игрѣ его проглядываетъ даже чувство, но въ первомъ водевилѣ роль его была довольно незначительна, и вся исторія молодаго челолѣка, забывшаго свой кошелекъ на станціи желѣзной дороги и отъискавшаго его потомъ въ зонтикѣ не очень интересна; вторая комедія, не смотря на то что въ стихахъ, также весьма слаба, и въ ней негдѣ артисту выказать свое дарованіе.

19) *Моя Исменія!* (Mon Isménie). Этотъ водевиль знакомъ уже читателямъ «Пантеона». На русской сценѣ онъ шелъ въ передѣлкѣ г. Тарновскаго, подъ названіемъ «Мотя». Въ этомъ водевилѣ есть мысль, но мы не скажемъ, чтобъ она была хорошо развита. Г. Лемениль превосходенъ въ роли отца, не имѣющаго намѣренія выдать замужъ свою дочь.

20) *Филиберта* (Philiberte) трехъ-актная комедія въ стихахъ Эмиля Ожье. Этотъ молодой писатель въ настоящее время рѣшительно лучшій драматическій авторъ во Франціи. Въ прошломъ сезонѣ мы восхищались его драмою «Діана»; нынче онъ подарилъ намъ новую комедію. Содержаніе ея очень просто. Богатая наслѣдница думаетъ, что она дурна собою, не можетъ ни въ комъ возбудить любви, и что если за нее будутъ свататься, то потому только, что она богата. Эта послѣдняя мысль заставляетъ ее отвергнуть предложеніе одного бѣднаго дворянина, который любитъ ее искренно, и приходитъ въ отчаяніе отъ ея отказа. Между-тѣмъ за нею ухаживаютъ одинъ старый герцогъ и его племянникъ, и любовь ихъ открываетъ ей глаза. Пьеса имѣла большой успѣхъ, ведена и разыграна прекрасно, но сознаемся, что намъ она нравится меньше всѣхъ прежнихъ произведеній Ожье, именно потому, что основаніе ея ложное. Авторъ вывелъ дѣвушку очень недурную собой, которая воображаетъ, что она не хороша лицомъ. Встрѣчаются ли въ жизни, подобныя лица? Наоборотъ очень часто попадаются не красивыя дѣвушки, воображающія что онѣ очень хороши собою, но характеръ такой, какъ Филиберта, кажется намъ довольно неестественъ. Съ первой же сцены она обрисовываетъ себя и свои мнѣнія въ слѣдующихъ стихахъ.

Il en est de nos gouts comme de nos habits,
Ils se font sur mesure, et je trouve fort sage
D'ajuster son roman à l'air de son visage...
. . . . . Un captif doit fermer sa fenêtre
Et tacher d'oublier, par folie ou raison,
Que l'univers existe autour de sa prison.
. . . . . Je suis une sauvage.
Je voudrais un bonheur fait comme un esclavage,

Et je l'emporterais, pour le rendre plur sûr,
Ainsi que la lionne, au fond d'un antre obscur.

Сестра ея увѣряетъ ее напротивъ, что она хороша собой,

Il semble à travers toi que ton âme transpire,
Ton accent est plus doux que ta voix; ton sourire
Plus joli que ta bouche et ton regard plus beau
Que tes yeux; la lumière efface le flambeau.

Все это очень мило сказано, но возможно ли, справедливо ли все это? можетъ ли непріятный голосъ быть выразительнымъ, улыбка быть пріятною на дурныхъ губахъ, можетъ ли взглядъ быть лучше глазъ?.. Свѣтъ, конечно, можетъ всегда затмить свѣтильникъ, но здѣсь это сравненіе неумѣстно. Если у прекрасныхъ глазъ, у правильнаго рта можетъ быть невыразительный взглядъ, непріятная улыбка, то наоборотъ этого не можетъ быть, и Филиберта, какъ умная дѣвушка, вѣроятно понимая, что сестра только утѣшаетъ ее, не заботясь о томъ, логично ли это утѣшеніе, продолжаетъ придавать себѣ эпитеты laide и laideron. Она доходитъ даже до того, что говоритъ:

Aimer, sans la beauté c'est chercher à souffrir.

Съ этимъ также нельзя согласиться. Не говоря уже о томъ, что понятіе красоты очень относительно, даже самая безобразная дѣвушка можетъ полюбить, чтобъ сдѣлать жизнь свою полнѣе, привлекательнѣе. Если даже ей не будутъ отвѣчать — одна мысль, что въ мірѣ есть существо, для котораго она живетъ и дышетъ, освѣтитъ, украситъ ея существованіе. Не скажемъ, чтобъ каждый былъ способенъ на такую безкорыстную, высокую привязанность, но въ женскомъ сердцѣ таится неисчерпаемый источникъ самоотверженія, и слабая природа ея способна на великія жертвы. Неужели однѣхъ красавицъ любятъ на свѣтѣ? Да и много ли ихъ наконецъ? Ненадобно только смѣшивать некрасивость съ уродливостью и безобразіемъ; — необходимое условіе этихъ понятій какой-нибудь физическій недостатокъ, возбуждающій въ насъ отвращеніе даже противъ нашей воли, но неправильность чертъ лица не должно называть безобразіемъ, она можетъ выкупаться другими достоинствами: выразительностью, граціозностью, умомъ. Ремонъ, дворянинъ, влюбленный въ Филиберту, прекрасно опредѣляетъ значеніе красоты и некрасивости, говоря:

..... Que préféreriez — vous,
D'une statue en marbre, ouvrage d'un manoeuvre

Ou bien une autre en bois, qui serait un chef-d'oeuvre?
He bien, beauté, laideur c'est comme marbre ou bois,
Rien de plus; quand sur l'une ou sur l'autre á son choix,
Le divin ouvrier met sa marque céleste, —
La grâce, tout est dit; que m'importe le reste!

Намъ рѣдко случалось встрѣчать такое вѣрное и поэтическое опредѣленіе красоты и безобразія. Это сравненіе со статуею, все достоинство которой не въ матеріялѣ, изъ какаго она сдѣлана, но въ граціи, которую ей придалъ художникъ, совершенно справедливо.

Изъ всего этого мы не узнаемъ однако же хороша или дурна собою Филиберта, и почему она считаетъ себя дурною. Мы видѣли уже, что сестра находитъ ее очень хорошенькой; ея мать говоритъ прямо, что она дурна собою, герцогъ Шамараль, сватающійся за нее, потому-что ему необходимо жениться, чтобъ вернуться въ Парижъ ко двору Людовика XVI, говоритъ, что она не хороша собою и не ловка. Ремонъ отвѣчаетъ на это:

.... Ah, monsieur! quelle grace réside
Dans cette contenance attristeé et timide!
Ces élans d'un coeur fier, à se contenir prompt,
Qui viennent expirer en rougeur sur le front,
Cette âme qui s'avance et soudain se replie
Par un pudique effroi d'être mal accueillie,
Le mouvement pensif de ce col effilé
Ce régard plein d'éclairs quand il n'est pas voilé,
Que sais-je! Ce silence et celte rêverie —
Voilà ce que le monde appelle gaucherie!

Конечно, это говоритъ влюбленный, который смотритъ обыкновенно на любимый предметъ сквозь призму воображенія. Въ Филиберту влюбляется еще, правда, племянникъ герцога, но его любовь можетъ происходить отъ самолюбія, оскорбленнаго тѣмъ, что некрасивая собою дѣвушка отвѣчала насмѣшками на его волокитство. Послѣ перваго свиданія съ нею онъ находитъ только, что она очень странна; послѣ втораго онъ восторгается уже гораздо болѣе и описываетъ ее довольно поэтическими красками:

Cet esprit à la fois feminin et viril,
Cette grace d'enfant pleine de brusquerie,
Cette naiveté dans la coquetterie,
Ces retours de bon sens, ces éclairs de fierté

Qui de son abandon traversent la gaité,
Ce goût de sauvageon qu'ont toutes sés idées,
Cette sève pareille à des eaux débordées...

Все это однакоже не относится нисколько къ лицу и наружности Филиберты. Сама Филиберта ужъ очень скоро убѣждается въ томъ, что она хороша собою, послѣ перваго признанія въ любви шевалье Тальме, (племянника герцога) хотя сама очень хорошо понимаетъ, что это не истинная любовь. Это тѣмъ страннѣе, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ, послѣ разговора съ герцогомъ, она была въ совершенномъ отчаяніи и говорила :

... Je n'ai d'autre avenir
Que de voir mes beaux ans s'éffeuiller et jaunir,
Comme un arbre frappé par le froid, qui ne donne
Ni ses fleurs au printems ni ses fruits à l'automne!
.... Et je sens là pourtant une force de vie
Que tous les devoûments n'eussent pas assouvie

и далѣе :

Le visage est donc tout? — Ah pauvre laideront,
Que ne peut tu porter ton âme sur ton front!

Изъ всего сказаннаго нами выше, изъ приведенныхъ цитатъ читатель увидитъ, что авторъ, какъ кажется, самъ не хорошо разъяснилъ себѣ характеръ и положеніе Филиберты. Отъ неопредѣленности главнаго лица теряется вся пьеса, превосходная по частямъ и подробностямъ. Всѣ остальныя лица обрисованы въ ней рельефно, характеры естественны и интересны. Стихи пьесы превосходны. Съ-тѣхъ-поръ какъ замолкъ Гюго, лучшихъ стиховъ какъ у Ожье мы не читали во французскихъ пьесахъ. Въ приведенныхъ нами цитатахъ много превосходныхъ мыслей и выраженій. Приведемъ еще нѣсколько :

... Plus un coeur est haut, plus descendre lui coute.
Plus haut que ma valeur je ne m'estime pas,
Pour que nul n'ait le droit de m'estimer plus bas.

Qui s'expose à certains outrages les mérite.
J'avais eu jusqu'ici pour règle de conduite
Qu'a plus d'orgueil qu'un autre un pauvre est condamné,

S'il ne veut de bassesse être en tout soupçonné,
Et je vois qu'il n'est âme envers qui sur la terre
On se puisse écarter de ce précepte austère.

Je n'ai pas sur muni même ou assez grand empire
Pour avancer la main quand le coeur se retire.

Oh, ne calomnions jamais le tems perdu,
Le plus doux de la vie et le mieux entendu!
Les gens actifs me font l'effet de ces avares
Qui se plaignent toujours que lesécus sont rares,
Et qui prêtent les leurs, au lieu de s'en servir

Jusqu'à ce que la mort les leur vienne ravir.
La vie est courte? Eh bien! n'en prêtons pas une heure
A tout ce qui n'est pas la joie intérieure.

Oui, c'est à la pudeur que la femme commence,
Et la pudeur au fond n'est que le sentiment
Qu'un homme peut nous voir avec des yeux d'amant.

Les pauvres prisonniers que l'on met hors des geoles
Font ils attention si c'est pas les épaules?

On dit que l'écrit reste et que le mot s'envole:
C'est faux. Il est des mots, qui, semblables au fer,
Se brise dans le coeur comme lui dans la chair.

La blessure sur eux avec le tems se ferme,
Mais on en sent toujours le froid sous l'épiderme
Et la seule façon de les bien oublier, —
C'est sur l'endroit blessé de ne pas s'appuyer.

Намъ пришлось бы выписать почти всю пьесу, еслибъ мы стали приводить изъ нее всѣ замѣчательныя мѣста, а мы и такъ много говорили о Филибертѣ. О такихъ пьесахъ намъ приходится говорить не часто, и потому мы распространились объ ней съ удовольствіемъ. Г. *Леонъ* въ роли Ремона былъ очень не дуренъ, но г-жа Плесси была не на своемъ мѣстѣ. Слышать поминутно слова: je suis laide отъ такой женщины, какъ г-жа Плесси, право, значитъ совершенно нарушить сценическую иллюзію.

21) *Канадаръ отецъ и сынъ* (Canadars père et fils) водевиль, въ которомъ дѣйствіе происходитъ на дворѣ одного дома, гдѣ Канадаръ

отецъ служитъ дворникомъ и живетъ Канадаръ сынъ, служащій въ аптекѣ провизоромъ. Сынъ влюбленъ въ дочь аптекаря, и думая только о предметѣ своей страсти, перемѣшиваетъ рецепты, присылаемые въ аптеку, отчего выходятъ очень непріятныя послѣдствія для больныхъ, и нѣсколько смѣшныхъ сценъ между здоровыми. Отличительная черта этого водевиля состоитъ въ томъ, что отца и сына играетъ одно и тоже лицо, и г. Невиль очень хорошъ въ этихъ двухъ роляхъ.

22) *Разсудительный сумасшедшій* (Le fou raisonnable) не весьма разсудителенъ. Это англичанинъ, страждущій сплиномъ и собирающійся убить себя. Его останавливаетъ отъ смерти случай сдѣлать доброе дѣло, и онъ остается жить, потому что въ благодѣяніи находитъ цѣль и удовольствіе жизни. Но въ тоже время онъ оказывается не очень разсудительнымъ, воображая, что въ него влюблена дочь трактирщика, у котораго онъ остановился. Дѣвушка говоритъ ему о своей любви къ другому, а англичанинъ думаетъ, что она признается ему въ любви. Все это неестественно и неловко придумано въ сценическомъ отношеніи. Г. Тестаръ очень хорошъ въ роли англичанина. Это настоящій сплинический британецъ а не карикатура, какую мы привыкли видѣть, когда Готи исполнялъ подобныя роли.

23) «Нѣтъ дыма безъ огня» (Pas de fumée sans feu) старый водевиль Баяра, игранный нѣсколько разъ на александринской сценѣ. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что мужъ, возвращаясь домой, слышитъ всякій разъ, что у него въ комнатахъ накурено, а такъ какъ онъ самъ не куритъ и терпѣть не можетъ табаку, то и подозрѣваетъ, что въ его отсутствіе къ его женѣ ходятъ гости, занимающіеся этимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Жена сама поддерживаетъ его заблужденіе, признаваясь, что у нея есть тайная страсть. Это страсть — къ куренію сигаръ. Отъ недоразумѣнія мужа происходитъ нѣсколько двусмысленныхъ разговоровъ и сценъ весьма неостроумныхъ и неинтересныхъ. Водевиль оканчивается тѣмъ, что мужъ не только позволяетъ женѣ курить, но и самъ обѣщаетъ выучиться курить вмѣстѣ съ нею. Подобная пьеса съ подобною любезностью и уступчивостью со стороны мужа можетъ очень нравиться дамамъ, въ особенности тѣмъ, которыя воображаютъ, что онѣ очень милы, когда возьмутъ въ зубы сигару; но мы не думаемъ, чтобъ не на сценѣ нашелся человѣкъ, который бы сталъ курить только изъ угожденія дамѣ, когда самъ не можетъ выносить табачнаго запаха. Конечно, эта неароматическая привычка теперь во всеобщемъ употребленіи, и хотя нѣкоторые доктора увѣряютъ, что отъ нея тупѣютъ способности и человѣкъ, неумѣренно курящій, дѣлается мало по малу идіотомъ но всѣ возраженія и изысканія будутъ безсильны про-

тивъ всевластной моды. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ однакоже согласиться, чтобы пьеса съ такимъ сюжетомъ была занимательна и правдоподобна. Въ ней любятъ играть молоденькія актрисы, думающія, что партеръ прійдетъ въ восторгъ, когда онѣ закурятъ сигару. Поэтому мы удивились, что г–жа Поль Эрнестъ, актриса умная и опытная, выбрала для своего дебюта такую ничтожную пьесу, къ которой нѣтъ ничего кромѣ экивоковъ и дыму.

24) «Незабвенныя воспоминанія» (Une rage de souvenirs) вторая пьеса, въ которой играла г–жа Поль–Эрнестъ, очень миленькій водевиль. Молодые пріѣзжаютъ изъ церкви прямо къ себѣ въ деревню, очень недовольные другъ другомъ. Жена услышала нечаянно, какъ мужъ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей, что онъ женился не по любви, а потому что это была выгодная партія, и рѣшаясь отмстить ему, увѣряетъ, что у нее есть незабвенныя воспоминанія объ одномъ кузенѣ, котораго она любила, но который не могъ жениться на ней по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Можно представить себѣ, какъ пріятно слышать мужу такое признаніе, въ особенности, когда является къ нему въ домъ одинъ фатъ, по увѣренію жены очень похожій на ея кузена. Множество веселыхъ и забавныхъ сценъ проистекаютъ изъ этого положенія. Водевиль оканчивается, разумѣется, примиреніемъ супруговъ, и дебютантка была въ немъ очень мила, также какъ г. Дешанъ въ роли мужа и г. Пешена въ роли фата. Послѣдній артистъ также видимо совершенствуется на нашей сценѣ и исполняетъ всѣ свои роли очень тщательно и съ замѣтнымъ стараніемъ.

Третій дебютъ г–жи Поль–Эрнестъ былъ въ двухъ-актномъ водевилѣ 25) «Чего хочетъ женщина...» (Ce que femme veut...) также уже не новомъ, и нельзя сказать, чтобъ очень интересномъ. Одинъ молодой профессоръ подвергается преслѣдованіямъ вдовы, которая хочетъ, во чтобы то ни стало, чтобъ онъ женился на ней. Онъ когда–то спасъ ее отъ отчаяннаго положенія, самъ того не зная, и она хочетъ всѣми силами доказать ему свою благодарность. Молодой человѣкъ принимаетъ однакоже всѣ эти преслѣдованія за ненависть къ нему и начинаетъ ненавидѣть вдову, которая, по заведенному порядку успѣетъ обратить его ненависть въ любовь и выходитъ за него замужъ въ концѣ пьесы. Г. Верне превосходенъ въ роли профессора, въ особенности въ разсказѣ о несчастіи, случившемся съ нимъ на желѣзной дорогѣ. Онъ съ такимъ комическимъ отчаяніемъ произноситъ знаменитую фразу: hélas! il n'était plus tems! что весь театръ разражается самымъ громкимъ смѣхомъ. Г–жа Поль–Эрнестъ была очень хороша въ этой пьесѣ, и не произ-

веди она на насъ такого непріятнаго впечатлѣнія выборомъ своего перваго дебюта и своею сигарою, мы причислили бы ее къ весьма замѣчательнымъ и полезнымъ артисткамъ.

Наконецъ 15-го сентября была дана давно возвѣщаемая и ожидаемая драма г. *Бушарди* 26) «Извощикъ-Жанъ» (Jean le cocher) въ семи-дѣйствіяхъ, считая два дѣйствія пролога. Въ нынѣшнемъ сезонѣ это всего вторая драма, послѣ Маріи-Симонъ; этого немного; но мы не стали бы жалѣть, еслибъ не было и той и другой. Публика наша кажется того же мнѣнія, потому что не очень благосклонно приняла и ту и другую драму. И въ самомъ дѣлѣ, что пріобрѣтаетъ искусство отъ подобныхъ пьесъ? Запутанность интриги, сложность сценъ не выкупаетъ несообразностей цѣлаго, утомляетъ вниманіе. Есть, конечно, въ этихъ пьесахъ много эфектовъ, видно знаніе сцены, попадаются занимательныя положенія, но все вмѣстѣ сшито на живую нитку, и выходитъ неправдоподобно, скучно. Такъ и въ этой драмѣ на совершенно ложномъ основаніи построено нѣсколько эфектныхъ сценъ. Въ Савойскихъ альпахъ одинъ бѣднякъ спасаетъ отъ смерти маленькую дѣвочку изъ-подъ лавины, воспитываетъ ее у себя въ хижинѣ и потомъ женится на ней. Вдругъ у спасенной дѣвушки оказываются богатые родственники въ Италіи, которые предлагаютъ ей богатство съ тѣмъ, чтобы она оставила своего мужа. Женевьева (имя жены) разумѣется, отказывается отъ этого, хотя они бѣдны и у нея есть дочь, но мужа ея берутъ въ плѣнъ австрійцы, сражающіеся въ это время съ французами въ Савоіи и разстрѣливаютъ его. Тогда Женевьева рѣшается принять титулъ маркизы Лоредань и ѣхать въ Венецію къ своимъ роднымъ. Вдругъ является Жанъ, чуднымъ образомъ спасшійся отъ смерти (безъ этихъ чудныхъ спасеній не обходится ни одна драма) узнаётъ о томъ, что въ его отсутствіе случилось съ Женевьевой, и рѣшается бѣжать отъ нея, продолжая выдавать себя за умершаго, для того, чтобъ она могла воспользоваться богатствомъ. На этомъ, ничѣмъ не оправдываемомъ поступкѣ, основана вся драма. Женевьева выросла въ бѣдности, любитъ страстно своего мужа, и ей вовсе не нужно богатство, тѣмъ болѣе, что оно не приноситъ счастія, а она была счаслива всю жизнь съ своимъ мужемъ. Въ пяти актахъ драмы (все разсказанное нами происходило въ прологѣ) заключаются дальнѣйшія похожденія Жана и Женевьевы. Онъ служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и сдѣлался извощикомъ въ Парижѣ, взявъ себѣ фіакръ. Женевьева вышла замужъ за одного бездѣльника, который воспользовался ея неопытностью въ дѣлахъ по наслѣдству, и тоже живетъ

въ Парижѣ; дочь ея выросла, и вотчимъ, который, по условію, долженъ наслѣдовать ей, если она умретъ раньше, старается сбыть ее съ рукъ, и съ однимъ злодѣемъ бросаетъ ее однажды ночью въ Сену. Ее спасаетъ, разумѣется, отецъ (второе спасеніе); потомъ мужъ Женевьевы узнаетъ Жана и хочетъ внести въ судъ дѣло о двоеженствѣ Женевьевы, говоря, что оно было умышленное. Его останавливаетъ Жанъ, узнавъ въ немъ человѣка, предавшаго въ руки австрійцевъ въ Савоіи его и генерала Роже, за смерть котораго, разстрѣляннаго австрійцами, обѣщалъ отмстить Массена, сдѣлавшійся теперь уже маршаломъ и герцогомъ Экмюльскимъ. Потомъ Жанъ вызываетъ на дуэль бездѣльника, но его убиваетъ другой герой, полковникъ Роже, сынъ разстрѣляннаго генерала и женихъ дочери Жана, мстящій также за смерть своего отца и за покушеніе на жизнь своей невѣсты. Потомъ всѣ садятся въ фіакръ Жана и уѣзжаютъ.

Мы разсказали только главныя черты драмы, въ которой кромѣ нѣсколькихъ убійствъ и спасеній есть на сценѣ и фіакръ извощика, и лошадь его Маренго, и множество другихъ аксесуаровъ; нѣтъ только правдоподобія и смысла, хотя нельзя сказать, чтобъ не было занимательности. И между тѣмъ зритель выноситъ изъ этой пьесы смутное, тяжелое впечатлѣніе, рядъ несвязныхъ сценъ, ничѣмъ неоправданныхъ, хотя и эфектныхъ происшествій. Подобныя драмы перестаютъ уже нравиться и въ Парижѣ. У насъ они обыкновенно обставляются превосходно, и намъ тѣмъ болѣе жаль нашихъ умныхъ и старательныхъ артистовъ, обязанныхъ выучить огромнѣйшія роли для того, чтобъ сыграть ихъ три, четыре раза. Самая тяжкая обязанность въ этой пьесѣ пала на г. Мондидье и г–жу Вольнисъ, почти несходящихъ со сцены. Г-жа Плесси занимаетъ, по счастію, самую незначительную роль въ этой пьесѣ. Г. Люге, играющій злодѣя, былъ очень недуренъ мѣстами, но мы посовѣтовали бы ему не очень кричать въ патетическихъ сценахъ. Очень хорошъ былъ г. Тестаръ въ роли добраго простака крестьянина. Молодаго жениха игралъ г. *Мошера*, уже прежде дебютировавшій въ пьесѣ «Le bougeoir» безъ особаго успѣха. Онъ впрочемъ актеръ не дурной, держитъ себя хорошо, читаетъ роль внятно и съ чувствомъ, къ сожалѣнію органъ его непріятенъ и не выработанъ. Изъ этого все таки не слѣдуетъ смѣяться надъ нимъ вслухъ, во время представленія, какъ это позволилъ себѣ какой–то господинъ, вѣроятно немного понимающій въ дѣлѣ сценическаго искусства.

Изъ нашего обзора читатели могутъ видѣть, какой неутомимой дѣятельностью отличается наша французская труппа. Въ три мѣсяца

(если исключить двѣ недѣли поста въ августѣ) сыграно двадцать семь новыхъ пьесъ въ тридцать два спектакля. Всѣхъ пьесъ сыграно въ эти спектакли сто одиннадцать; не было ни одного бенефиса, и сверхъ того было четыре дебютанта и одна дебютантка.

В. З.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Вмѣсто предисловія. — *Харьковскій театръ*: Кто правъ, кто виноватъ. — Ни слова о спектакляхъ, но довольно о Г. Н. — Новости Харьковскаго театра. — Отливъ и приливъ дѣятелей. — Одесскій театръ. — Два слова о столичныхъ гостяхъ. — Театръ въ Кіевѣ и Екатеринославѣ.

—

Много разъ повторяли мы, что провинціальный актеръ птица пролетная: онъ вѣчно въ дорогѣ, вѣчно на бивакахъ. . Иногда истинно изумляешься его Суворовскимъ переходамъ, соображая въ тоже время всѣ невзгоды и непогоды, какія встрѣчаютъ его на этихъ маршахъ. Нерѣдко какой нибудь жидъ въ долгъ перевозитъ его съ мѣста на другое, въ то время, какъ у бѣдняка нѣтъ гроша, на который бы онъ могъ купить хотя харьковскій будинъ; а у антрепренера попросить въ счетъ будущихъ или заслуженныхъ уплатъ—въ это время и не думай!.. Тысячу предлоговъ найдетъ иной для того, чтобъ отложить выдачу жалованья до ожидаемой ярмарки, между-тѣмъ, какъ самъ, часто и бо́льшею-частью семейный, продовольствуется весьма прилично своему сану... О, антрепренеръ играетъ весьма видную роль въ семьѣ своихъ помощниковъ, и вотъ какъ рисуетъ антрепренера одинъ отставной актеръ:

«Въ лицѣ полномочнаго вождя странствующей труппы, нерѣдко можно встрѣтить такого человѣка, который испробовалъ всѣ роды промышленности, и нигдѣ не попалъ на торную дорогу. Въ отчаяніи, бросаясь по всѣмъ путямъ жизни, пытая всѣ возможныя спекуляціи, онъ наконецъ дѣлается содержателемъ театра. Другой родъ антрепренеровъ встрѣчается въ лицѣ промотавшагося купчика, который по страсти къ хересу и трагедіи, промоталъ съ трагическими героями все отцовское наслѣдіе и, почувствовавъ наконецъ пустоту въ карманѣ, въ груди зародышъ чахотки, а въ сердцѣ призваніе къ сценѣ — на послѣдніе рубли обзаводится труппою актеровъ, разыгрываетъ съ ними Шекспира и Шиллера, разумѣется, выбирая себѣ главныя роли... У меня есть такой знакомецъ, который содержитъ труппу въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Россіи. Бѣднякъ задолжалъ, смотался, сталъ, кажется, пить, и даже женился съ горя, но все еще продолжаетъ играть Карла Моора. Онъ мнѣ часто говаривалъ: «Еслибъ ко мнѣ вздумалъ пріѣхать, *безъ всякой платы*, великій Мочаловъ, я отдалъ бы ему всѣ мои роли, весь репертуаръ, но ужъ съ ролью Гамлета я ни за что не разстанусь... Мочаловъ великій артистъ, но въ этой роли... шалишь! долеко до меня тянуться!»

Самый лучшій и видный родъ антрепренера получается изъ провинціальнаго артиста, который, отказывая себѣ во всемъ, съ величайшими трудами успѣваетъ, какъ говорится, *сколотить* тысячъ пять, много шесть. Обладая такимъ богатствомъ, будущій владѣлецъ амбара или погреба ѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ, вербовать въ свою команду молодыхъ артистовъ, которые, вѣря своей будущей славѣ и громадному жалованью, отправляются съ нимъ, куда глаза глядятъ... Объ этомъ можно-бы сказать многое, но оставимъ это до другаго случая, а теперь обратимся къ новостямъ.

—

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ началѣ настоящаго театральнаго года, Харьковъ былъ особенно бѣденъ сценическими новостями... Здѣсь мы встрѣтили пять, шесть новыхъ персонажей *, изъ которыхъ иные, кажется, очень замѣчательны; но

* Г-жи Кутузова, Стрѣльская, Шванъ; г. Шванъ, Стрѣльскій...

такъ-какъ спектакли до сихъ поръ были довольно рѣдки, и притомъ, то Аполинарій Контскій, то Жанъ Мартини увлекали вниманіе Харьковскихъ жителей, вѣрящихъ еще въ газетные панегирики; разумѣется, новички сцены остались въ тѣни, и стало быть произнести о нихъ рѣшительный приговоръ нѣтъ возможности. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ артистахъ, составлявшихъ доселе харьковскую труппу, на что особенно вызываютъ меня, говоритъ нашъ корреспондентъ, двѣ, три статьи о Харьковской сценѣ, напечатанныя въ «Пантеонѣ».

Даемъ господину корреспонденту полный, совершенный просторъ говорить противъ этихъ статей, ибо въ этомъ дѣлѣ—хата наша съ краю!

«Какъ безпристрастный и благородномыслящій журналистъ *, говоритъ Г. Р. вы, конечно, захотите помѣстить въ «Пантеонѣ» мои замѣтки, потому уже, что онѣ опровергаютъ кое-что, напечатанное въ вашемъ изданіи. Столкновеніе различныхъ, даже противоположныхъ мнѣній болѣе уясняетъ дѣло, а вѣрная оцѣнка такого театра, каковъ Харьковскій, который, какъ вамъ извѣстно, играетъ первую роль между всѣми провинціальными театрами въ Россіи, дѣло, мнѣ кажется, не совсѣмъ маловажное.»

Останавливаясь на послѣдней фразѣ, не должны и не смѣемъ отказать себѣ въ возраженіи. Театръ только тогда займетъ между провинціальными театрами первую роль, когда жрецы сцены отчетливо и совершенно будутъ, въ свой чередъ, исполнять свои роли, а кому неизвѣстно, что харьковская труппа, въ настоящее время, далеко ниже труппъ Кіевскихъ, Одесской временной и даже труппы г. Зелинскаго, составъ и количество которой, (что очень важно въ провинціи), всегда и далеко превосходили труппу Харьковскаго театра. Не говоримъ уже о балетѣ Зелинскаго, чего до пришествія г. Федецкаго въ градъ Кіевъ, ни имѣлъ ни одинъ провинціальный антрепренеръ. Вспомните, перечтите всѣ лучшіе таланты провинціи: Рыбакова, Лебедева, Минульскаго, Алексѣева (комика) и другихъ, всѣ эти господа или начали, или постоянно были у Зелинскаго, или у него кончили!»

«Небуду разбирать тѣхъ статей о нашемъ театрѣ, продолжаетъ почтенный корреспондентъ, помѣщенныхъ въ вашемъ журналѣ за настоящій годъ, въ которыхъ говорится, что г. Прохоровъ былъ таковъ-то и таковъ, играя роль *Шведи* въ комедіи «Записки Демона»; что г. Зубовичъ (прекрасный, замѣчу въ скобкахъ, комическій талантъ, но нисколько не балетный) танцовалъ въ какомъ-то серьозномъ балетѣ съ г-жею Неваховичъ-Смирновою, и проч. и проч. При этихъ прома-

* Благодаримъ за честь!

хахъ, очевидно, вы, милостивый государь, сами *печатали* вопросительные знаки. Вполнѣ понимаю ваше положеніе въ такомъ случаѣ: интересоваться вѣстями о такомъ театрѣ, каковъ нашъ, и, печатать подобныя вещи за неимѣніемъ другихъ!.. Но это промахи *неумышленные*...

Остановлюсь на статьѣ г. Н**. «О Харьковскомъ театрѣ», напечатанной въ третьей книжкѣ Пантеона за 1853 годъ. Вполнѣ цѣня остроуміе автора этой статьи, я, однакожъ, рѣшаюсь сдѣлать кой-какія замѣчанія на счетъ его отзывовъ о нашихъ актрисахъ и актерахъ. Остроумный авторъ начинаетъ свою статью сужденіями о г-жѣ Ѳедоровой, и сужденіями *двусмысленными*. Для чего двусмысленность, когда дѣло идетъ объ искусствѣ? Неправится, говори прямо. Эта двусмысленность становится еще болѣе *странною*, если тутъ примѣшивается неправда, хоть бы даже неумышленная.

«Откуда явилась къ намъ г-жа Ѳедорова?» задаетъ себѣ вопросъ остроумный рецензентъ, и тутъ же отвѣчаетъ: «этого мы положительно не знаемъ.» Въ этомъ случаѣ я могу помочь г. Н**, который, сказать мимоходомъ, старается выдать себя за человѣка, вполнѣ знающаго лицевую сторону и изнанку Харьковскаго театра: я знаю положительно, что г-жа Ѳедорова воспитанница С.-Петербургской театральной школы, и оттуда пріѣхала къ намъ *. Далѣе: «ей на роду написано быть *непризнаннымъ геніемъ*, но, кажется, наконецъ въ Харьковѣ нашла она то, чего искала.» Остается мнѣ только привести слова поэта:

«Намеки темные на то,
Чего невѣдаетъ никто!»

Г-жа Ѳедорова актриса умная, талантливая; Харьковцы всегда встрѣчали и встрѣчаютъ ее на сценѣ съ удовольствіемъ, и г-жа Ѳедорова умѣетъ цѣнить вниманіе къ ней публики; вотъ причина, почему эта артистка, въ то время, какъ другіе служители Мельпомены мечутся съ юга на сѣверъ и наоборотъ, постоянно играетъ у насъ. Прочтемъ далѣе. Рѣчь идетъ о *воспоминаніяхъ дѣтства* г-жи Ѳедоровой. Зачѣмъ говоритъ объ этомъ проницательный рецензентъ? Вѣдь онъ разсказываетъ объ актрисѣ, а не о женщинѣ просто! Зачѣмъ? pour le bon mot, не болѣе! Далѣе... но вы сами, милостивый государь, напечатали въ разбираемой мною статьѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь остановился: и проч. и проч. *все въ такомъ родѣ.*» Значитъ и

* Г. Н. въ своемъ письмѣ къ намъ сказалъ совершенно тоже, что желаетъ привести ему на память Г. Р.

вамъ наскучили подобныя остроты, когда вы читали ихъ въ рукописи, и ваше перо прогулялось по нимъ! Безжалостный критикъ заключаетъ свой отзывъ о г-жѣ Ѳедоровой слѣдующими словами: «*да не обидится* г-жа Ѳедорова моими замѣчаніями: (не безпокойтесь, г-жа Ѳедорова слишкомъ умна для этого) виноватъ ли я, что у нея такъ мало таланта (однако жъ есть *), что дикція ея монотонна и однообразна (къ чему повтореніе одного и того же), никогда ни повышается, ни понижается (опять), что голосъ ея дребезжитъ и что, читая страстный монологъ, она похожа на школьника, говорящаго дурно и *заикаясь* вытверженную роль.» Пощадите! Г. рецензентъ?! «Если со временемъ у насъ будутъ, продолжаетъ критикъ, писаться роли для *рослыхъ* артистовъ, то и г-жа Ѳедорова займетъ первое амплуа.» Во-первыхъ, главное амплуа занимается не по росту, а по дарованію. Доказательствомъ тому покойный П. С. Мочаловъ; во-вторыхъ, неужели г. Н**, такъ коротко знакомому со всѣми тайнами здѣшняго театральнаго міра, неизвѣстно, что у насъ много ролей не только трагическихъ, даже комическихъ, въ благородной комедіи, гдѣ высокій ростъ и вообще видная наружность бываютъ очень кстати. Этому не зачѣмъ приводить и примѣровъ. Но довольно!

Говоря о г-жѣ Ѳедоровой, какъ объ актрисѣ, съ людьми, понимающими искусство и *безпристрастными*, я всегда слышалъ о ней отзывы подобные тому, который самъ высказываю.

Игра г-жи Ѳедоровой всегда отличается умомъ и совершеннымъ знаніемъ сцены. Манера этой артистки благородна, голосъ звученъ, дикція правильная, наружность стройная и *величественная*. Г-жа Ѳедорова даже нѣсколько напоминаетъ собою на сценѣ г-жу Каратыгину, особливо манерою своего выговора, и съ успѣхомъ занимала здѣсь ея роли, Нѣтъ роли, въ которой бы уронила себя наша артистка. Есть одинъ недостатокъ: въ ея игрѣ не всегда бываетъ замѣтно *сердечное* увлеченіе ролью, *но это выкупается умомъ и глубокою опытностью въ сценическомъ искусствѣ*. Ея амплуа значительно стѣсняется ея наружностью: роли молоденькихъ, легонькихъ дѣвушекъ нейдутъ къ ней **; но если она иногда является въ такихъ роляхъ, то можно ли винить ее въ этомъ? Здѣсь вина—ограниченность средствъ нашего театра.

На счетъ г-жи Микульской, г. Н** отзывается довольно справедливо, хотя опять таки съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, но уже *въ пользу* ея.

* Ни сколько незащищая Г. Н., намъ кажется страннымъ сдѣланный ему вопросъ: вѣдь онъ не сказалъ, что г-жа Ѳедорова безъ таланта, онъ говоритъ, что его *мало*, а что *есть* - оказываетъ самое «*мало*».

** А на этотъ грѣхъ и указывалъ именно Г. Н.

Умная, свободная, даже бойкая игра этой артистки имѣетъ одинъ недостатокъ: выговоръ г-жи Микульской умышленно натянутъ.

О г-жѣ Ладиной г. Н** отозвался слишкомъ сухо, хотя и похвалилъ ее. Это рѣдкая артистка, особенно въ роляхъ комическихъ старухъ.

На счетъ самоувѣренности г-жи Червинской, поддерживаемой *любезными* кавалерами, авторъ статьи о Харьковскомъ театрѣ совершенно правъ. Эта молодая актриса съ талантомъ замѣчательнымъ, но немножко самоувѣренная и избалованная.

Г-жа Пронская и г. Львовъ* оцѣнены по достоинству. Послѣдній у насъ во всеобщемъ уваженіи.

Раздѣляя мнѣніе г. Н** объ Алексѣевѣ и признавая въ этомъ артистѣ рѣдкій комическій талантъ, я, однако жъ, замѣчу, что г. Алексѣевъ любитъ пофарсить. Штуки, очень любимыя имъ, правда, смѣшны, но иногда вредятъ естественности игры... Г. Р.

—

Новый сезонъ.—Измѣненія въ составѣ труппы.—Троицкая ярмарка.

«Все измѣняется подъ луною», сказалъ какой-то древній мудрецъ, и, конечно, на основаніи этой истины, измѣнился въ нынѣшнемъ году и составъ нашей труппы. Измѣнился въ томъ смыслѣ, что увеличился; потому-что, къ чести нашей дирекціи, нужно замѣтить, что провинціальные актеры, напоминающіе, по окончаніи каждой масляницы, эпоху великаго переселенія народовъ, пріѣзжаютъ въ Харьковъ, прошеные и непрошеные. Много было въ этомъ году пришлецовъ, но нѣкоторые изъ нихъ *оказались къ дѣлу неспособными*, и, нагрузивъ свои повозки дѣтьми, тюфяками, и пр. и пр. и пр., потянулись къ другимъ, болѣе сговорчивымъ антрепренерамъ. Счастливой имъ дороги! Окончательно утвердились въ Харьковѣ: г. Шванъ—комикъ, г-жа Шванъ—актриса разнохарактерная (объясненіе этого см. ниже) и г-жа Кутузова—ingénue. О нихъ-то и скажемъ нѣсколько словъ:

* Наши читатели постоянно встрѣчали, на страницахъ Пантеона его имя. Надѣемся будетъ весьма не лишнимъ, если въ слѣдующій разъ мы поставимъ себѣ въ обязанность вполнѣ ихъ познакомить съ г. Львовымъ, артистомъ умнымъ, образованнымъ и съ любовью преданнымъ своему искусству.

Г. Шванъ дебютировалъ въ водевилѣ: «Сто тысячъ», въ роли Чепыжникова. Съ первой сцены публика могла уже замѣтить, что это актеръ опытный, хорошо знающій сцену, развязный. Но удивительно было, что ни одинъ изъ зрителей ни разу не отвѣтилъ на его игру добродушнымъ смѣхомъ, весьма впрочемъ естественнымъ при взглядѣ на комическое положеніе Чепыжникова. Въ игрѣ г. Швана было много натуры, но за то очень мало комизма. Такое заключеніе сдѣлалъ я объ игрѣ нашего новаго комика; но мнѣ хотѣлось дождаться еще нѣсколькихъ дебютовъ, чтобъ окончательно утвердиться въ моемъ мнѣніи. Этого дождался я не скоро, потому-что на другой день послѣ 1-го дебюта, вся труппа уѣхала на мѣсяцъ въ Полтаву. Говорятъ, г. Шванъ тамъ очень нравился; не спорно: *de gustibus non est*, и проч. или: *что городъ, то норовъ*. Наконецъ труппа возвратилась подъ родимый кровъ, и, насмотрѣвшись вдоволь на игру г. Швана въ роляхъ Галюбе (Женатые повѣсы), Егеря (Ѣхалъ да не доѣхалъ), купчика (Я вамъ сыграю Гамлета), Базиля Леду (Зятюшка), Мякишева (Цыганка) и въ нѣсколькихъ другихъ, я торжественно и во всеуслышаніе объявляю, что г. Шванъ хорошій актеръ, но нехорошій комикъ; онъ не можетъ заставить смѣяться, а комизмъ безъ смѣха не комизмъ. Притомъ г. Шванъ позволяетъ себѣ нѣкоторые фарсы, (пусть припомнитъ онъ штуку съ куклой въ водевилѣ «Сто тысячъ» и поклонъ въ той же пьесѣ), которыхъ не можетъ допустить наша публика, видѣвшая предъ собою столько изящнаго.

Г-жа Шванъ... но, право, бѣда говорить о прекрасномъ полѣ, когда приходится говорить не въ похвалу ему. Я сказалъ, что она актриса разнохарактерная; но должно прибавить, вмѣстѣ съ тѣмъ безхарактерная Разнохарактерная въ томъ смыслѣ, что она готова играть всякія роли, начиная съ мызницы Катерины, до Матрены Марковны; безхарактерная потому, что ни одной роли не умѣетъ она придать какого-нибудь характера. Говоритъ она скоро, сбивчиво, руками дѣйствуетъ какъ электрическій телеграфъ; красотою не можетъ привлечь никого; судите же сами, можетъ ли такая актриса понравиться въ роляхъ Катерины (Любовное зелье), Гритли (Дезертиръ) и т. п. А между-тѣмъ, она непремѣнно хотѣла дебютировать въ этихъ пьесахъ, и не позаботься попечительная дирекція о ея спокойствіи, не позволивъ ей *сѣсть въ свои сани*, — горько бы пришлось и новой актрисѣ отъ публики, и публикѣ отъ новой актрисы. Теперь она играетъ вторыя роли молодыхъ дамъ, иногда старухъ, и если бъ она отучилась хоть отъ привычки говорить скоро и съ прихлебываніемъ, то была бы полезна дирекціи.

Г–жа Кутузова, молодая, только что начинающая актриса, обладающая счастливою наружностью, и нравящаяся многимъ. Строго разбирать игру ея считаю лишнимъ, потому–что она играетъ самыя маленькія роли, и мы посовѣтуемъ ей только заниматься сценическимъ искусствомъ не говорить слишкомъ скоро, не стоять постоянно на одномъ мѣстѣ, и, главное, не увлекаясь похвалами обращаться за совѣтами къ артистамъ болѣе опытнымъ.

Вотъ наша прибыль; къ этому надо прибавить еще двухъ отличныхъ декораторовъ—гг. Шумилина и Акенфьева; новаго дирижера оркестра г. Скрипицына, пріѣхавшаго на подмогу даровитому А. А. Павловичу: первый занимается антрактами, второй — увертюрами. Убыль заключается въ томъ, что г-жа Червинская уѣхала въ Ставрополь. Очень жаль, потому-что даровaніе ея въ Харьковѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, могло развиться. Объ остальныхъ выбывшихъ лицахъ я не говорю: труппа отъ этого ничуть не потерпѣла, на основаніи того правила, что если изъ пяти вычесть нуль, то все–таки останется пять.

Изъ прежнихъ актеровъ нашихъ пользуются постоянною, особенною любовью публики г-жи Микульская, Ладина и г. Алексѣевъ; съ каждымъ днемъ становится лучше и лучше г. Пронскій; развивается талантъ г. Малевскаго, мало-по-малу освобождающагося отъ своего рѣзкаго выговора и занимающагося своимъ дѣломъ съ изумительнымъ прилежаніемъ. Г. Львовъ хорошъ, какъ всегда.

Теперь нѣсколко словъ о Троицкой ярмаркѣ, времени дѣятельномъ, шумномъ, какъ въ общежительномъ, такъ и въ театральномъ отношеніи. Въ самомъ началѣ ярмарки пріѣхалъ искусный фокусникъ г. Мартини, и вмѣстѣ съ нашею труппою началъ свои представленія. Въ обыкновенные спектакли новыхъ пьесъ поставлено не было, за то бенефисы представили много новаго. Г. Львовъ далъ намъ «Лекаря», драму покойнаго Вонлярлярскаго, «Три поцѣлуя и двѣ пощечины» водевиль, переведенный съ французскаго П. Вейнбергомъ, и «Прежде скончались, потомъ повѣнчались», водевиль Максимова. Драма въ одномъ дѣйствіи, прошла не совсѣмъ живо: г. Львовъ (лекарь, былъ хорошъ, но не такъ какъ онъ бываетъ въ своихъ любимыхъ, задушевныхъ роляхъ. Г. Малевскому должно отдать полную справедливость за исполненіе роли фельдшера. О водевилѣ «Три поцѣлуя», я не могу ничего говорить, потому-что помню поговорку: *la modestie est la parure*... чуть-чуть не сказалъ: *de la beauté*. Скажу только, что водевиль былъ разыгранъ съ рѣдкимъ ансамблемъ гг. Алексѣевымъ и Пронскимъ и г-жами Микульскою и Кутузовою. Правда, г-жа Кутузова была вовсе не похожа на маркизу, но за то г. Алексѣевъ былъ уморителенъ до крайности; г-жа

Микульская была, безспорно, обворожительна: этого мнѣнія была и публика, вызвавшая двухъ любимыхъ артистовъ своихъ шесть разъ сряду.

Въ бенефисъ г–жи Микульской шли пьесы: «Геройство 17–ти–лѣтняго моряка», «Колыбельная пѣсня» и «А ларчикъ просто открывался». Въ драмѣ неподражаема была г-жа Микульская, какъ и всегда; особенно хороша она въ мужскомъ амплуа, этомъ cheval de bataille ея таланта. Съ каждымъ днемъ дарованіе этой артистки становится выше и выше, заключая въ себѣ необыкновенную отчетливость выраженія, теплоту души и энергическую, живую игру.

Въ бенефисъ г. Пронскаго, кромѣ двухъ старыхъ пьесъ: «Чудо нашего столѣтія» и «Утка и стаканъ воды», шли двѣ новыя: «Дипломатія жены» и «Амишка». Бенефиціантъ участвовалъ въ двухъ, и въ обѣихъ ясно доказалъ, что дарованіе его быстро подвигается впередъ. Г. Алексѣевъ былъ истиннымъ артистомъ въ водевилѣ: «Чудо нашего столѣтія». Г-жа Микульская очень понравилась въ комедіи «Дипломатія жены». Г-жа Ладина, какъ и всегда, не заслужила ни одного упрека и опять дала случай убѣдиться въ разнообразности и обширности ея таланта.

Драма: «Незабвенный годъ славы и бѣдствія Россіи» и водевили: «Закатъ солнца» и «Жилецъ и жилица въ одной квартирѣ» были даны въ бенефисъ г-жи Ладиной. Говоря объ этомъ бенефисѣ, не могу умолчать объ одной странности нашей публики: она любитъ г-жу Ладину, отдаетъ должную справедливость ея таланту, встрѣчаетъ и провожаетъ ее рукоплесканіями, а между-тѣмъ, въ бенефисы ея театръ почти всегда пустъ. Отчего это? Право, жаль!

Къ концу ярмарки пріѣхала г–жа Никулина–Косицкая, и исполнивъ нѣсколько ролей, очень благосклонно была принята публикою, къ сожалѣнію, малочисленною. Причина тому очень понятная: почти всѣ жители разъѣхались уже въ то время. Г–жа Косицкая особенно понравилась въ «Парашѣ сибирячкѣ» и въ «Цыганкѣ»; «Материнскаго благословенія» я не могъ видѣть, но слышалъ, что театръ былъ почти полонъ, и московская гостья была принята отлично.

20–го іюня одна часть труппы выѣхала въ Екатеринославъ, откуда въ первыхъ числахъ іюля отправится въ Полтаву для соединенія съ другою половиною; въ Харьковъ вернется въ августѣ.

ПЕТРЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

—

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Два года уже не былъ я въ Одесскомъ театрѣ; я оставилъ его въ то время, когда публика съ восхищеніемъ смотрѣла на прекрасные спектакли, украшенные неподражаемымъ талантомъ Орловой, высокимъ комизмомъ Шумскаго, тогда еще начинавшаго свое театральное поприще, умною игрою г-жи Шубертъ, Воробьева и другихъ. Подъ вліяніемъ самыхъ благопріятныхъ впечатлѣній оставилъ я здѣшній театръ, и вотъ черезъ два года, снова возвратился въ Одессу, богатую всякаго рода товарами и пылью. «Что̀ русскій театръ?» спросилъ я, и получилъ въ отвѣтъ «Воробьевъ умеръ, г-жа Шубертъ уѣхала, остальные актеры *такъ-себѣ*». Отвѣтъ, какъ изволите видѣть, несовсѣмъ удовлетворительный; но, нечего дѣлать, надо было посмотрѣть и это *такъ-себѣ*, тѣмъ болѣе, что *добрѣйшій* Василій Игнатьевичъ пріѣхалъ оживить нашу сцену, и я пошелъ. Давали: «Матросъ», «Приключеніе на водахъ» и А. Ф.

Признаюсь, странно, какъ-то непріятно стало мнѣ, привыкшему къ чистенькому, уютному Харьковскому театру, войти въ театръ Одесскій, темный, маленькій, съ ложами устроенными на подобіе клѣтокъ. Непонятно, какъ дирекція, получающая отъ города столько денегъ, имѣющая такіе доходы, какъ наконецъ самъ городъ, заключающій въ себѣ столько любителей театра, и особенно итальянскаго, непозаботится о постройкѣ театра, если небогатаго, то, по-крайней-мѣрѣ, приличнаго... Но это покамѣстъ въ сторону, а теперь посмотримъ, какова здѣшняя русская труппа. Объ итальянской не говорю, потому-что признаться, толковать о музыкѣ серьезно не умѣю, а отдѣлываться общими мѣстами не хочу. Пожалуй, я сказалъ бы, что у г-жи Кортези хорошее *crescendo*, а у г-на Віяни отличное *morendo*, а г-жа Гвардучи очень мило беретъ горловое *la*... да что изъ этого? Но возвратимся къ русскому театру и русскимъ актерамъ.

«Матроса», что называется, *откололи* г. Ленскій и г-жа Протасова. Игра г. Ленскаго была настоящею профанаціей высокой, истинно художнической игры Щепкина. Когда-то въ дни оны, г. Ленскій былъ очень и очень порядочнымъ водевильнымъ актеромъ, но теперь онъ крѣпко растолстѣлъ, началъ сильно смотрѣть изъ подлобья, и, на основаніи этого, подумалъ, можетъ быть, что онъ долженъ быть удивительно хорошъ въ драмѣ. Вышло иначе: въ игрѣ его не было ни одного естественнаго мѣста, въ дикціи ни одного живаго слова; слышались только всхлипыванья, вскрикиванья, рѣзко бросались въ глаза

каждому сжатые кулаки, наморщенныя брови, и бѣдная публика точно перепугалась: прижалась себѣ въ уголокъ—и ни гу-гу. А г. Ленскому это понравилось и онъ хмурился и сердился пуще прежняго.

Г-жа Протасова (Жанета)? какъ бы поделикатнѣе о ней выразиться ... Видѣлъ я на своемъ вѣку актрисъ дурныхъ, видѣлъ неопытныхъ, видѣлъ жеманныхъ, видѣлъ совершенно бездарныхъ, но въ г-жѣ Протасовой всѣ эти прекрасныя качества соединились въ одно: это не актриса, а только пародія и пародія очень неудачная на актрису. Представьте себѣ женщину некрасивую и пожилую. Объ игрѣ ея мы даже считаемъ лишнимъ сказать что либо.

Остальныя лица въ «Матросѣ» занимали роли второстепенныя, и потому, не разбирая игры ихъ въ этой пьесѣ, скажу о нихъ вотъ что:

Г. Богдановъ, здѣшній режиссеръ, и ему надо отдать полную справедливость за то, что пьесы идутъ очень твердо, и каждый актеръ запинается очень рѣдко, а это вещь важная. Очень непріятно слышать, когда играетъ суфлеръ одинъ за всѣхъ. Какъ актеръ, г. Богдановъ не заслуживаетъ ни бо́льшей похвалы, ни осужденія; онъ, что называется, актеръ очень сносный; только не мѣшало бы ему отучиться отъ привычки постоянно присѣдать.

Г. Шубертъ былъ когда-то порядочнымъ актеромъ; по крайней-мѣрѣ смѣшилъ иногда въ роляхъ простаковъ, крестьянъ, глупыхъ башмачниковъ, теперь и этого нѣтъ: убійственное однообразіе; замѣчательное незнаніе ролей, безжизненность—вотъ отличительныя черты игры г. Шуберта.

Г-жа Николаева, здѣшняя старуха, (разумѣется въ сценическомъ отношеніи), единственное достоинство ея — знаніе ролей; объ остальномъ не спрашивайте. Впрочемъ, прищуривать глаза она умѣетъ, а для чего она это дѣлаетъ, не знаю.

Г-жа Макарова, играющая роли молодыхъ дѣвушекъ, молодыхъ вдовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, о диво! кухарокъ, старухъ и тому подобное, давно уже на одесской сценѣ. Она была еще воспитанницей князя Гагарина, имѣвшаго здѣсь когда-то свой театръ, но, какъ видно, воспитаніе не пошло въ прокъ г-жѣ Макаровой! Особенныхъ замѣчаній ей сдѣлать нельзя, потому-что игра ея плоха.

Въ пьесѣ «Приключеніе на водахъ», оживленной умною игрою г. Живокини, встрѣтилъ я новое лице, г-жу Боченкову, молоденькую актрису, изъ которой вышло бы что-нибудь очень порядочное, еслибъ не вскружили ей голову восторженные клики молодыхъ франтовъ въ при-

ческѣ à l'anglaise, въ пиджакахъ удивительнаго покроя, съ усиками и безъ усиковъ, съ лысинками и безъ лысинокъ, съ понятіями и безъ понятій. Г–жа Боченкова часто наивна и натуральна въ своихъ роляхъ, но она говоритъ слишкомъ нараспѣвъ, улыбается часто тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, что впрочемъ доставляетъ ея поклонникамъ случай видѣть ея *жемчуги въ коралловой оправѣ*, не знаетъ сцены и тому подобное. Много вредитъ ей то, что она ни съ того, ни съ сего, записалась въ танцовщицы, и часто отплясываетъ вальсы *la folie*, любимые *à la folie* нѣкоторыми господами, мазурки, польки и такъ далѣе. Положимъ, г-жа Боченкова танцуетъ мило, довольно граціозно, но спрашивается: актриса она или танцовщица? Если актриса, то ей слѣдуетъ заботиться о развитіи своего таланта, а это развитіе никакъ не можетъ итти рядомъ съ изученіемъ антраша, батмановъ и пируэтовъ; если она танцовщица, то надо ей все–таки заняться этимъ исключительно, заняться серьозно, потому-что протанцовать какой–нибудь вальсъ всякій сумѣетъ, и этимъ въ наше время удивишь только двухъ, трехъ юношей, жадно присматривающихся въ свои огромные бинокли. Мало этого: г–жа Боченкова прыгнула и въ оперу: съ итальянцами играетъ она Фенеллу. Положимъ, спѣть партію Фенеллы сумѣю и я, потому-что тамъ нѣть нечего; но спрашивается опять, для чего, съ какою цѣлью дѣлаетъ это г-жа Боченкова. Для изученія мимики? У насъ есть много пьесъ, въ которыхъ одна мимика безъ словъ занимаетъ первое мѣсто; *для показанія себя*? Но этого не слѣдуетъ дѣлать молодой, только-что начинающей актрисѣ. Я нарочно распространился о г-жѣ Боченковой, потому-что жаль видѣть, какъ пропадаетъ дарованіе, которое могло бы развиться, если не высоко, то по–крайней–мѣрѣ, до извѣстной степени.

Роль Варвары Алексѣевны играла г-жа Млотковская. Я не видалъ ее въ дни ея славы, когда гремѣли о ней провинціи, когда Ленскій говорилъ:

«Она повыше и Млотковской,
«Да, съ позволенія сказать!»

я увидѣлъ ее теперь, во время ея упадка сценическаго и физическаго, но все-таки не могъ не удивиться отличному знанію сцены, опытности и умѣнію оттѣнять каждое слово. Отчего бы г-жѣ Боченковой не взять у нея нѣсколькихъ уроковъ?

Въ этой же пьесѣ встрѣтилъ я стараго знакомаго, Я. П. Толченова. Онъ все также *гордъ* и *надмененъ*, какъ на харьковской сце-

нѣ, смотритъ такимъ же Байрономъ, также ловко играетъ своею золотою цѣпочкою, — но здѣсь, увы! дни славы его прошли, публика не рукоплещетъ своему герою, и лавры не падаютъ къ его лакированнымъ сапожкамъ.

Въ бенефисъ г. Живокини давали: «Завтракъ у предводителя», «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» и «Цыганку». Въ послѣднемъ водевилѣ играла г-жа Никулина-Косицкая, только-что пріѣхавшая въ Одессу и съ большимъ успѣхомъ дебютировавшая «въ Материнскомъ благословеніи». Я видѣлъ эту артистку еще въ Харьковѣ, и здѣсь снова смотрѣлъ съ наслажденіемъ на игру ея въ «Цыганкѣ». Публика, въ большомъ числѣ собравшаяся въ театръ, достойно приняла московскую гостью, и громкими единодушными рукоплесканіями отблагодарила за доставленное удовольствіе. Но жаль было смотрѣть на нее, обязанную играть съ г. Сабуровымъ (Пострѣлинъ) и Протасовымъ (Мякишевъ). Первый представлялъ какого-то розоваго мальчика въ сѣдомъ парикѣ, второй ломался, какъ *искусный профессоръ эквилибристики*.

«Завтракъ у Предводителя» прошелъ вяло, потому-что въ немъ была только очень хороша г-жа Млотковская, и хорошъ, по-своему, г. Живокини. Г. Ленскій (Предводитель) вышелъ какимъ-то Гамлетомъ Полтавской губерніи; г. Протасовъ (Безпандинъ) кричалъ, топалъ ногами, махалъ нагайкой, и съ тѣмъ ушелъ за кулисы; г. Толченовъ (судья) ѣлъ, правда, отлично, но игралъ не хорошо; г. Шубертъ (Мирволинъ) вошелъ настоящимъ филаткой, и такъ далѣе.

«Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», — милый, живой водевиль совершенно погибъ бы, если бъ не вынесъ его г. Никулинъ (Антоніо Регенти) и не поддержалъ немного г. Живокини, (Разумникъ-Муромскій) не знавшій, впрочемъ, почти ни слова роли, и импровизировавшій какъ попало. Г. Никулинъ былъ очень хорошъ Г-жа Протасова (Джулія) уморила не только Разумника-Муромскаго, но и всѣхъ бывшихъ въ театрѣ. Правда, она одѣлась отлично и кстати: можете представить: изъ почтоваго экипажа вышла въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ!

28 іюля, въ бенефисъ г-жи Никулиной-Косицкой, шла знаменитая комедія: «Не въ свои сани не садись». *По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ* и къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ видѣть этой пьесы; но отзывъ знатоковъ дѣла свидѣтельствуетъ, что ни одна пьеса не была здѣсь разыграна съ такимъ согласіемъ и искусствомъ, какъ новая комедія г. Островскаго. Театръ былъ полонъ. Особенно понравились г. и г-жа Никулины.

И такъ вотъ Одесская русская трупа! Ни одного даровитаго акте-

ра, ни одной замѣчательной актрисы! (Г-жа Млотковская играетъ мало). И это театръ, на которомъ были: Орлова, Шумскій, Мочаловъ (комикъ) Воробьевъ, Максимовъ, г-жа Шубертъ, Мочалова! Что же будетъ съ здѣшнею труппою, когда уѣдутъ московскіе гости? Жалѣю о публикѣ, и радуюсь за себя, потому-что скоро ѣду и не буду видѣть, какъ искажается благородное драматическое искусство.

ПЕТРЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

Одесса, 1-го августа 1853 года.

—

Прибавимъ къ этому неутѣшительному заключенію объ Одесскомъ театрѣ, нѣсколько словъ въ утѣшеніе его посѣтителей. На дняхъ уѣхала туда наша первая танцовщица, талантливая Е. И. Андреянова съ хорошо составленною балетною труппой Г-жа Андреянова талантъ первокласный, европейскій; она имѣла огромный успѣхъ въ Парижѣ, Лондонѣ и въ Миланѣ, трехъ главныхъ мѣстахъ, гдѣ хореграфическія дарованія получаютъ патентъ на славу. Какъ мимистка, г-жа Андреянова не имѣетъ себѣ подобной въ цѣлой Россіи. Гдѣ нужна жизнь, энергія, грація въ танцѣ, тамъ г-жа Андреянова неподражаема; оттого всѣ національные, характерные танцы, ею исполняемые, имѣютъ такую прелесть и производятъ постоянно поразительный эфектъ. Мы поздравляемъ Одесскій театръ съ такою знаменитою гостьей и съ пріобрѣтеніемъ роскошнаго и очаровательнаго спектакля, еще совершенно новаго въ томъ краю и доступнаго однимъ первокласнымъ столичнымъ сценамъ.

—

КІЕВСКІЙ ТЕАТРЪ

(съ 30-го апрѣля по 1-е августа 1853 г.).

Давно ли мы говорили, что въ Кіевѣ два театра, и соболѣзновали, что одинъ изъ нихъ, рано или поздно, долженъ подвергнуться участи той, которую испытывали многіе изъ гг. антрепренеровъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ публика не цѣнитъ и не любитъ драматическаго искусства... Къ числу такихъ городовъ, съ прискорбіемъ должно признаться, принадлежитъ и Кіевъ, жители котораго рѣшительно не любятъ театра,

и съ хладнокровіемъ смотрятъ на афишку, какъ-бы она заманчива и разнообразна ни была... Одно время Контрактовъ или Крещенской ярмарки, театръ наполняется посѣтителями, но эти посѣтители не туземцы, а заѣзжіе помѣщики, негоціанты и купцы. Лѣто въ Кіевѣ для театра представляетъ самую жалкую перспективу. Высшій кругъ публики и частію средній, переѣзжаютъ на дачи графа Кушелева-Безбородко, Добринскаго, Шенерта и другія, предпочитая загородный воздухъ, блеяніе овецъ и свирель пастуха городскимъ удовольствіямъ... И тогда уже ни драмы, ни трагедіи, ни водевили, ни самый балетъ ни что не призоветъ посѣтителей въ театръ, развѣ мимоходомъ пѣшій или проѣзжій увидя театральныя афиши на фонарныхъ столбахъ, завернетъ въ фойе и спроситъ, послѣ долгаго раздумья—рюмку хересу, а тамъ еще послѣ новаго раздумья и билетъ... А подобные посѣтители не могутъ даже дать и такого сбора, который бы покрылъ вечеровой расходъ; вотъ главная причина, что театръ г. Федецкаго въ Липкахъ закрыли, а самъ содержатель не только съ барышами, но вѣрнѣе съ убыткомъ уѣхалъ въ г. Каменецъ-Подольскъ рижессеромъ тамошняго театра.

И такъ въ Кіевѣ снова, какъ и прежде, только одинъ театръ на Подолѣ, подъ дирекціею г-на Мориса Піона, въ которомъ было столько разнообразія и новостей со дня открытія спектаклей, что, право, не знаешь, къ чему приступить прежде всего. Всѣхъ спектаклей было объявлено 32, изъ нихъ не состоялось восемь, по причинамъ весьма уважительнымъ: сборъ простирался не свыше 15-ти руб. сереб., а вечеровой расходъ до 60-ти р. с.; съ такими средствами далеко не уѣдешь!.. Въ 12-ти спектакляхъ участвовалъ артистъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ Василій Игнатьевичъ Живокини, и выступилъ въ пьесахъ тѣхъ, которыя давно знакомы публикѣ и разыграны на нашей сценѣ. Не буду распространяться о дебютахъ дорогаго гостя, что уже извѣстно изъ статьи Г. Н. Л...ва, въ № 6-мъ «Пантеона» этого года, скажу только, что почтенный корреспондентъ слишкомъ былъ снисходителенъ къ игрѣ г. Живокини, который, вѣроятно, разсчитывая на свою извѣстность, впрочемъ уже проходящую, сильно неглижировалъ въ исполненіи ролей, впадая въ самые наивные и невыносимые фарсы... Послѣднія слова наши оправдываются только однимъ тѣмъ, что его дебюты происходили въ пустомъ театрѣ. Правда, мы, жители провинціи, лишены наслажденія видѣть предъ собою постоянно первые таланты и высокое, артистическое выполненіе роли, но тѣмъ не менѣе, ничто и ни какъ не могло лишить насъ эстетическаго вкуса. Ролью Весельева «Въ тихомъ омутѣ черти водятся». Г. Живокини рѣшительно убилъ пре-

красную пьесу г. Ѳ. Кони. Говоримъ безъ всякаго желанія вставить прилагательное «прекрасную» въ письмѣ, которое назначается автору пьесы. Пристрастія здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ. Столичные гости намъ дороги, и вы, вѣроятно, помните, что мы ни сколько и никакъ не возражали противъ игры г–жи Орловой и гг. Мартынова, Григорьева, Щепкина, Марковецкаго и покойнаго П. С. Мочалова, а это потому, что они доставили намъ истинное наслажденіе, и мы даже теперь съ восторгомъ вспоминаемъ тѣ часы и минуты удовольствія, которыя они намъ доставили.

Кромѣ г. Зубовича, который до сихъ поръ бѣдствовалъ въ труппѣ Федецкаго, къ Морису–Піону поступили новые актеры: гг. Леоновъ, Лавровъ, Померанцевъ, г–жи Кравченкова, Пряженковская и д-ца Клинова. Какое обширное поле для рецензента разобрать игру новыхъ актеровъ! но изъ этихъ шести, мы можемъ обратить вниманіе только на гг. Леонова, Лаврова и г-жу Кравченкову; прочіе же трое, испивъ горькую чашу неудачъ въ своихъ дебютахъ, уѣхали пожинать лавры тамъ, гдѣ они въ изобиліи и не дорожатъ ими, а мы, не имѣя доморощеныхъ лавровъ, весьма дорожимъ ими и смотримъ на драму, простите, съ весьма серьозной точки, а не такъ какъ на какую-нибудь *кукольную комедію и фиглярство*.

Первенство изъ вновь поступившихъ, безошибочно принадлежитъ г-жѣ *Кравченковой*, артисткѣ съ большимъ талантомъ и знаніемъ сцены. Ея амплуа опредѣлить трудно: мы видѣли ее и въ драмѣ, и въ водевилѣ, и въ комедіи; она была грустною барыней, и чувствительной Агнесой, и сварливою г–жею Пикаръ, и рѣзвою Вѣрочкой, и страдалицею Амаліей, и всѣ эти роли были выдержаны ею одна другой лучше. Нѣтъ особенной неправильности, въ которой можно было бы упрекнуть г-жу Кравченкову и сказать, что это не такъ, а должно быть вотъ этакъ. Въ драмѣ у нее столько чувства, что мы не рѣдко видѣли какъ слезы лились изъ ея глазъ... Признаюсь, такой Агнесы и Амаліи я давно не видалъ... публика ее полюбила и приняла съ восторгомъ... Больно было, что первые дебюты ея происходили въ пустомъ театрѣ; этому много способствовала злодѣйка холера, которая водворившись въ Кіевѣ съ Троицына Дня, продолжалась шесть недѣль. Благодаря Бога, опустошенія ея не были такъ ощутительны и страшны, какъ въ 1848 году. Въ настоящее время холера почти совершенно прекратилась, и развѣ два, много три человѣка заболѣваютъ въ день. Во всякомъ случаѣ особенно эпидемія ощущается въ театральной кассѣ. Г. *Леоновъ* (какъ сказано въ афишѣ) артистъ Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ. Изъ его дебютовъ Симона (Матросъ) (Жоржа)

(30 лѣтъ) Доверстона (Отецъ и дочь) легко понимаешь, что его амплуа драматическое. Въ его игрѣ замѣтенъ небольшой талантъ, который требуетъ много практики и усовершенствованія... Много вредитъ этому актеру его самонадѣянность: Конечно, въ игрѣ г. Леонова есть много недурныхъ сторонъ: у него есть чувство и энергія... сцены, исполненныя съ патетическимъ жаромъ, ироніею и эстетическимъ чувствомъ выдерживаются довольно хорошо. Вотъ главные недостатки въ игрѣ г. Леонова, которые совѣтуемъ искоренить: первый — обратить болѣе вниманія на свою позу, и не держать ноги согнутыми, на подобіе двухъ дугъ, а второе — монологи читать болѣе отрывисто, приспособляя къ разговорному языку, а не растягивать и съ напѣвомъ на подобіе колыбельной пѣсни, какъ это мы слышали въ монологѣ :

«Тѣ духи адскіе въ когтяхъ его сдавили...» и проч.

Онъ недурно выдержалъ роли: «Жоржа» (2 и 3 дѣйствіе 30 лѣтъ) «Бертама» (Материнское благословеніе) «Доверстона» (Отецъ и дочь).

Теперь мнѣ остается сказать о г. Лавровѣ, съ которымъ мы разстались въ 1851 году, послѣ сломки театра. Во время своего отсутствія, онъ посѣтилъ города: Херсонъ, Кишиневъ, Николаевъ и Одессу; путешествіе это послужило ему въ пользу; въ его игрѣ, какъ въ драмѣ, такъ и въ водевилѣ, мы видѣли много перемѣнъ, а при знаніи малороссійскаго языка, онъ почти необходимый членъ въ нашей труппѣ.

Въ труппу польскую не поступило, и изъ нее не убыло ни одного изъ членовъ; она осталась въ томъ же прекрасномъ составѣ, какъ и прежде. Даваемые ею водевили, комедіи и небольшія драмы всегда исполняются превосходно. Говоря о труппѣ польской, непростительно было бы съ моей стороны умолчать о разительной перемѣнѣ въ игрѣ г. Стоппеля, поступившаго въ труппу Мориса Піона. Онъ переродился, и мы не видимъ въ немъ того робкаго юношу, какимъ онъ былъ въ труппѣ г. Федецкаго. Многія изъ его ролей были выдержаны артистически: напр. «Игрока» (Могильщикъ и шулеръ), «Славомыслъ» (Ворожея) «Иванъ» (Это я!) и друг. Что же причиною этому? Догадаться не трудно: здѣсь онъ въ прекрасно-сформированной труппѣ, а тамъ былъ въ труппѣ сшитой на живую нитку, а извѣстно, что актеръ тамъ въ состояніи выказать свой талантъ, гдѣ его окружаютъ ему подобные и есть цѣнители его таланта. Театръ же г. Федецкаго постоянно былъ пустъ. Считаю долгомъ извиниться предъ г. Стоппелемъ, что въ предъидущей статьѣ своей я смотрѣлъ на игру его съ неправильной точки зрѣнія.

Балетъ г. Мориса Піона совершенствуется не по днямъ, а по часамъ; не буду говорить о балетѣ и его исполнителяхъ, уже знакомыхъ читающей публикѣ, скажу только, что на нашей сценѣ былъ поставленъ новый балетъ подъ названіемъ: «Отъѣздъ Венеры на Олимпъ» (anacreontique), въ которомъ выступили въ первый разъ шестнадцать новыхъ ученицъ школы г. Піона и поразили насъ своею легкостью, граціей и прекраснымъ исполненіемъ танцевъ. Мы долго не вѣрили, что это все были новобранцы съ марта мѣсяца. О послѣднемъ спектаклѣ 31 іюля, предъ закрытіемъ театра, мы намѣрены поговорить подробнѣе, такъ-какъ въ немъ участвовала въ первый разъ по возвращеніи изъ Вѣны, первая танцовщица придворнаго Вѣнскаго театра дача Тереза Риза, наша старая знакомка. Вотъ афиша спектакля:

«Хочу быть актрисой, или двое за шестерыхъ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. П. С. Ѳедорова».

«Это я!» комедія на польскомъ языкѣ въ одномъ дѣйствіи и

«Мимили, или Стирійцы». Большой балетъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Мориса Піона, музыка Стефани, съ принадлежащими къ нему: постановкой новыхъ декорацій, національныхъ костюмовъ, стирійскихъ танцевъ и группъ въ разныхъ видахъ. Роль Мимили занимала Тереза Риза.

Программа танцевъ:

1) Pas de deux Wilhelm-Thel, исполнили Риза и А. Піонъ.

2) Pas de trois, д-цы Климковская, Гейбовичъ и Царева.

3) La Tirolienne, д-цы Климковская, Гейбовичъ и г. Морисъ.

4) Стирійскій вальсъ, д-ца Риза и А. Морисъ.

5) Большой финалъ г. В. Піонъ и всѣ лица въ балетѣ.

Русскій водевиль, въ которомъ шесть характеровъ, прекрасно былъ розыгранъ г. Зубовичемъ и г-жею Кравченковой. Оба были вызваны три раза и осыпаны, какъ всегда, громкими аплодисментами.

Польская комедія: «Это я!..» уже по своему прекрасному и игривому содержанію могла имѣть блистательный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что въ ней участвовали лучшіе артисты польской труппы. Пьеса эта такъ хороша, въ ней столько прекрасныхъ и занимательныхъ сценъ, что право, стоило-бы ее если не перевести, то передѣлать на русскій ладъ.

За тѣмъ послѣдовалъ балетъ. Вотъ его содержаніе: «Ричардъ» (г. Макелковскій) богатый мызникъ, назначилъ дочь свою Мимили (дѣвица Риза) сыну стараго друга Фридабурга (г. М. Піонъ) молодому юношѣ Іоклу (Г. А. Піонъ). Молодые люди питали другъ къ другу взаимность, которую скрывали отъ своихъ родителей, полагая, что они

не будутъ согласны на этотъ бракъ. Наконецъ Іоклу рѣшился просить у старика отца руки дочери. Ричардъ, который давно понималъ ихъ взаимную любовь, въ наказаніе, что ее скрывали отъ отца, не соглашается на этотъ бракъ. Страстно любящій Іоклу, будучи не въ состояніи перенести разлуки съ своею любимицей, съ отчаянія поступаетъ въ военную службу. Ричардъ, замѣтя грусть и скорбь Мимили, созываетъ деревенскихъ крестьянъ и нотаріуса, чтобы заключить свадебный контрактъ; ожидаютъ только жениха, но каково отчаяніе бѣдной невѣсты и родителей, когда приходитъ другъ Іоклу, молодой Гансъ (Г. В. Піонъ) и объявляетъ, что Іоклу поступилъ въ ряды солдатъ. Отецъ теряетъ чувства; Мимили, пораженная этимъ извѣстіемъ, не узнаетъ окружающихъ ее, падаетъ въ объятія Ганса, потомъ лишается чувствъ... наконецъ мало-по-малу приходитъ въ себя, съ восторгомъ беретъ свадебный контрактъ и убѣгаетъ... никто не въ состояніи удержать ее!..

Всѣ стараются утѣшить и успокоить бѣднаго отца; Іоклу, одѣтый въ военный мундиръ, приходитъ проститься съ родными и знакомыми, предъ тѣмъ, какъ выступитъ въ походъ. Въ это время за сценой слышенъ барабанный бой, предвѣстникъ похода; Іоклу не слышитъ... онъ въ отчаяніи, падаетъ въ объятія отца и прижимаетъ его къ своей груди; солдаты входятъ и ищутъ дезертира; они вырываютъ его изъ объятій отца и хотятъ взять съ собою, но въ это время является на мосту между высокихъ скалъ, Мимили, которая показываетъ бумагу. Изнеможенная, блѣдная, она подходитъ къ солдатамъ, падаетъ на колѣни и отдаетъ имъ бумагу, которая содержала въ себѣ свободу ея любезнаго и ея счастіе. Балетъ окончился нѣсколькими прекрасными группами и большимъ финаломъ... Нельзя не сознаться, что въ балетѣ есть много прекрасныхъ и эфектныхъ сценъ. Музыка г. Стефани вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Декораціи г. Фохта прекрасныя, костюмы щегольскіе и опрятные. Дѣвица Риза, при первомъ появленіи на сцену, была осыпана продолжительными рукоплесканіями, за шумомъ которыхъ не слышно было музыки. По окончаніи балета вызваны были: дѣвица Риза, гг. Морисъ, Адольфъ и Владиславъ Піоны.

Смотря на рачительность, стараніе и значительныя издержки г. Мориса-Піона, чтобъ доставить удовольствіе публикѣ, сожалѣешь въ душѣ, что труды его такъ мало цѣнятъ и нѣтъ ни какой поддержки для русскаго театра въ Кіевѣ; наша аристократія рѣшительно отказалась въ настоящее время отъ театра, и проводитъ вечера на пикникахъ, въ клубахъ, на загородныхъ гуляньяхъ и прогулкахъ въ городскомъ саду, гдѣ два раза въ недѣлю играетъ полковая музыка и поютъ два хора воен-

ныхъ пѣсенниковъ. Больно и очень больно было бы если бъ г. Морисъ, при своемъ стараніи, теряя все что имѣетъ, поступилъ по примѣру своихъ предшественниковъ и отказался быть содержателемъ театра. А другаго антрепренера, такого какъ г. Морисъ, у котораго двѣ труппы драматическія и одна балетная, мы никогда не дождемся. Дайте г. Морису хоть не большія средства, и увидите какой мы будемъ имѣть театръ! 1,600 рублей серебромъ—мѣсячный расходъ, трудно удовлетворить изъ такихъ сборовъ, которые покрываютъ расходъ спектакля. Я хотѣлъ кончить мое письмо, но вспомнилъ, что забылъ сказать о томъ, что нашъ старый и старательный антрепренеръ г. *Рекановскій*, набираетъ труппу, и спектакли свои намѣренъ открыть съ 22 августа въ г. Черниговѣ — случай нерѣдко приводитъ меня въ этотъ городъ; если буду, то не замедлю сообщить въ «Пантеонъ» нѣкоторыя замѣтки о труппѣ г. Рекановского, которому отъ души желаю всѣхъ успѣховъ, а главное сборовъ, которыми онъ могъ бы вознаградить неудачи, когда-то испытанныя имъ въ Кіевѣ.

А. ФОНЪ-ЮНКЪ.

—

ТЕАТРЪ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ.

Въ Екатеринославѣ есть постоянный театръ, но нѣтъ въ немъ постоянной труппы... Часто случается, что въ продолженіе долгихъ одиннадцати мѣсяцевъ небываетъ представленій, и все это время онъ пустъ и мраченъ. Съ наступленіемъ только Петропавловской ярмарки замѣчаются въ немъ нѣкоторыя перемѣны, и наглухо забитыя, до того времени, окна — открываются, а къ каменному фасаду его пристраивается животрепещущая деревянная галерея — вѣрный признакъ, что нашей публикѣ, всегда въ ярмарку увеличивающей цифру народонаселенія города, готовятся сценическія удовольствія. Такъ и въ нынѣшнюю Петропавловскую ярмарку, нашъ скромный и небогатый общественными удовольствіями городъ, посѣтили актеры Харьковской дирекціи. Всѣхъ представленій дано пятнадцать. Не станемъ распространяться о томъ, какое удовольствіе доставила нашей публикѣ игра этихъ актеровъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ изъ нихъ, которые игрою своею обратили на себя общее вниманіе.

Первое слово, разумѣется, о г. Алексѣевѣ. Онъ лучшій изъ провинціальныхъ комиковъ, во всемъ и вездѣ замѣчательно хорошъ,

особенно понравился онъ намъ въ пьесахъ: «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» (Антоніо Регенти), «Френологъ и физіономистъ или шутки актрисы» (Ладогинъ), «Дочь русскаго актера» (Лисичкинъ), «Взаимное обученіе» (Шапъ) «№ 470 или три тысячи рублей серебромъ» (Коринкинъ) и «Харьковскій силачъ или Раппо въ провинціи» (Гриневъ). Роли Антоніо Регенти въ водевилѣ «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» и Ладогина «въ Френологѣ и физіономистѣ» переданы г. Алексѣевымъ артистически; въ этихъ роляхъ онъ выше всякихъ похвалъ. Г. Пронскій, молодой человѣкъ прекрасной наружности, занимаетъ амплуа jeune premier; но для этихъ ролей ему недостаетъ развязности и живости. Г. Михайловъ, актеръ не безъ дарованія; онъ могъ бы съ большимъ успѣхомъ выполнять роли простаковъ и комическихъ стариковъ — слугъ, если бъ больше вникалъ въ нихъ и со вниманіемъ выполнялъ. Г. Малевскій намъ очень понравился въ водевиляхъ: «Полеска или медовый мѣсяцъ» (Куликовъ), «Представленіе Эсмеральды въ провинціи» (Аряскинъ) и «Было или небыло? во снѣ или на яву?» (Моленваль).

Изъ женскихъ сюжетовъ, первое мѣсто принадлежитъ г–жѣ Микульской. Она обладаетъ замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ; притомъ въ ея игрѣ видно отличное и точное знаніе сцены, чему, впрочемъ, помогаютъ молодость, прекрасная наружность, стройный станъ, развязность, легкость, граціозность движеній и благородство манеръ — вотъ богатыя средства, которыми она владѣетъ; игра г-жи Микульской разнообразна: она одинаково хороша, какъ въ роляхъ мужскихъ, такъ и въ роляхъ молоденькихъ наивныхъ дѣвушекъ, вѣтряныхъ и беззаботныхъ субретокъ и женщинъ-резонерокъ; такъ въ пьесахъ: «Взаимное обученіе» и «Дочь русскаго актера», данныхъ въ одно представленіе, мы видѣли сначала очаровательную Флорету, рѣзвую и беззаботную танцовщицу, а потомъ наивно-лукаваго форейтора, старающагося изъ ввѣренной ему тайны извлечь для себя пользу,—обѣ эти роли выполнены ею превосходно; замѣтимъ притомъ, что г–жа Микульская твердо заучиваетъ свои роли и выполняетъ ихъ съ особенною любовію и стараніемъ, а это не маловажно и, по мнѣнію нашему, много способствуетъ успѣхамъ. Вообще прекрасная игра г. Алексѣева и г-жи Микульской доставили весьма много удовольствія нашей публикѣ, которая, достойно цѣня дарованія, съ своей стороны награждала артистовъ этихъ аплодисментами, вызовами и букетами. Г–жа Пронская молодая, недурная собою актриса, выполняетъ роли наивныхъ дѣвушекъ недурно, Г-жа Ладина въ роляхъ сварливыхъ старухъ очень хороша; роль Марѳы Ивановны въ водевилѣ «Марѳа Ивановна и Захаръ Захарычъ Собачкины, или поставлю на своемъ», она передала удивительно вѣрно

и живо. Заѣзжіе гости доставили намъ высокое удовольствіе, и, къ чести ихъ надо сказать, обстановка имъ очень помогала. Театръ нашъ, дурно расположенный, весьма бѣденъ внѣшними средствами — нѣтъ порядочныхъ декорацій и другихъ театральныхъ принадлежностей; сцена чрезвычайно мала, и самое устройство ея очень невыгодно въ отношеніи резонанса.

Считаемъ нелишнимъ сказать, что послѣдній спектакль данъ былъ харьковскими актерами въ пользу здѣшняго дѣтскаго пріюта... Не говоримъ о немъ ни слова, потому-что доброе дѣло говоритъ само за себя.

ЧЕРНЯКЪ.

Екатеринославъ, 18 іюля 1853 года.

СМѢСЬ.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Статья первая.

Желая познакомить нашихъ читателей съ недавно-вышедшимъ сочиненіемъ: M. A. Castrén's Reseminnen från åren 1838—44, переведеннымъ уже на нѣмецкій языкъ и изданнымъ по распоряженію Императорской Академіи Наукъ подъ названіемъ: «M. Alexander Castrén's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—44, S. Petersburg, 1853 г., мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя подробности о жизни Кастрена.

Матѳѣй-Александръ Кастрénъ родился $\frac{\text{20 ноября}}{\text{2 декабря}}$ 1813 года, въ Остботніи, гдѣ отецъ его былъ сначала капелланомъ въ Тервола, а потомъ пасторомъ въ Рованіеми. Въ 1825 году умеръ отецъ Кастрéна, и въ молодомъ сиротѣ принялъ участіе дядя его, Матѳѣй Кастрénъ, пасторъ въ Кеми, возбудившій въ своемъ племянникѣ любовь къ наукамъ. Отъ роду 12-ти лѣтъ, Кастрénъ вступилъ въ улеаборгскую школу, гдѣ поддерживалъ свое существованіе уроками, которые давалъ своимъ младшимъ товарищамъ. Въ гельсингфорскій университетъ Кастрénъ вступилъ 16-ти лѣтъ,

и сначала имѣлъ намѣреніе посвятить себя духовному званію, почему въ теченіе трехъ лѣтъ, вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ, изучалъ съ особенною любовію языки восточные. Но мало-по-малу любовь къ родинѣ побѣдила въ Кастрéнѣ всѣ другія стремленія и привела его къ изученію финскаго языка въ особенности. Работы знаменитаго датчанина Раска, кажется, показали Кастрéну всю важность подобнаго рода занятій. Съ цѣлію изучить языкъ изъ устъ самого народа, онъ, въ 1838, посѣтилъ въ первый разъ Лапландію, а въ 1839 году, русскую Карелію. Въ 1839 же году онъ былъ назначенъ доцентомъ финскаго и древнесѣвернаго языковъ въ гельсингфорскомъ университетѣ, и написалъ сочиненіе: De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. Въ 1841 году онъ издалъ превосходный шведскій переводъ финскаго національнаго эпоса «Kalewala», и въ томъ же году, вмѣстѣ съ Эліасомъ Леннортомъ, знаменитымъ собирателемъ и издателемъ финскихъ эпическихъ пѣсень, предпринялъ новое путешествіе въ Лапландію, которое продолжено имъ было черезъ Колу до Архангельска. Леннортъ возвратился оттуда, а Кастрéнъ, получивъ денежное пособіе изъ государственной кассы Финляндіи, имѣлъ возможность распространить свои изслѣдованія на страну Самоѣдовъ, языкъ которыхъ онъ изучалъ вовремя чрезвычайно труднаго путешествія своего чрезъ Уральскій хребетъ въ Обдорскъ, куда прибылъ 9 ноября 1843 года. Разстроенное здоровье заставило его, въ 1844 году, черезъ Березовъ и Тобольскъ, возвратиться на родину, гдѣ онъ напечаталъ свои Elementa grammatices Syrjaenae и Elementa grammatices Tscheremisae. Въ томъ же году, Кастрéнъ представилъ Академіи статью свою: «О вліяніи аксента въ лапландскомъ языкѣ», которая была напечатана въ Mémoires des Savants étrangers, T. VI.

Весною 1845 года здоровье Кастрéна позволило ему начать, по порученію академіи, большое ученое путешествіе. Въ концѣ мая онъ былъ уже въ Тобольскѣ, и только въ январѣ 1849 года возвратился изъ Нерчинска въ Петербургъ, гдѣ въ слѣдующую осень Академія издала его: «Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre», какъ первый плодъ путешествія его по Сибири. Несмотря на разстроенное здоровье, Кастрéнъ, во все время путешествія своего по Сибири, неутомимо занимался изученіемъ различныхъ племенъ остяковъ, самоѣдовъ, татаръ, тунгусовъ и бурятъ, въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Значительное число донесеній и писемъ Кастрéна изъ этого періода времени было помѣщено въ Историческо-филологическихъ Запискахъ Академіи и финляндскихъ періодическихъ изданіяхъ за 1845—1848 годъ. Въ № 10 VI тома названныхъ выше Записокъ былъ напечатанъ общій отчетъ о всѣхъ

путешествіяхъ, совершенныхъ Кастрéномъ по порученію Императорской Академіи Наукъ. Въ февралѣ 1850 года Кастрéнъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Петербургъ, гдѣ отъ прибывшихъ туда самоѣдовъ старался пріобрѣсть нѣкоторые матеріялы для пополненія своей грамматики самоѣдскаго языка. Осенью того же года Кастрéнъ издалъ: «De affixis personalibus linguarum Altaicarum», сочиненіе, написанное имъ для полученія званія профессора финскаго языка и литературы. Въ первыхъ числахъ марта 1851 года, Кастрéнъ имѣлъ высокое счастіе получить изъ рукъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича дипломъ на званіе канцлера университета. Несмотря на обширныя занятія по службѣ, Кастрéнъ неутомимо трудился надъ грамматикою самоѣдскаго языка, которую, за исключеніемъ отдѣла о звукахъ, привелъ къ окончанію за нѣсколько недѣль до своей смерти. На эту грамматику онъ смотрѣлъ какъ на главный трудъ свой; еще при жизни своей, онъ завѣщалъ эту работу Академіи. Кастренъ умеръ 25 апрѣля (7 мая) прошлаго года, и оставилъ послѣ себя различныя работы, состоящія изъ болѣе или менѣе приведенныхъ къ окончанію грамматикъ и словарей енисейско-остяцкаго, татарскаго, тунгузскаго, бурятскаго языковъ и ихъ различныхъ нарѣчій, а равно касающіяся финской миѳологіи и этнографіи племенъ обширнаго алтайскаго племени. Въ IX томѣ Историко-филологическихъ Записокъ Академіи былъ напечатанъ одинъ отдѣлъ изъ лекцій Кастрена о значеніи именъ Юмáла и Икко въ финской миѳологіи. Лекціи эти будутъ скоро изданы на шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

—

I.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАПЛАНДІЮ.

«Изучить языки, религіи, нравы и образъ жизни финскаго и ему родственныхъ племенъ—вотъ что́ я поставилъ задачею моей жизни»—говоритъ Кастрéнъ. «Еще посѣщая лекціи университета, я изучалъ финскій языкъ теоретически и практически и предварительно познакомился съ родственными ему языками лапландскимъ и эстонскимъ. Вскорѣ однако жъ, я увидѣлъ, что въ свѣтъ издано очень мало матеріяловъ по предмету моихъ занятій, и что для достиженія предположенной мною цѣли,

*

необходимо сдѣлать нѣсколько путешествій въ различныя страны Европы и Азіи.»

Изъ этого ясно видна цѣль, въ видахъ которой Кастрéнъ совершалъ свои путешествія. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, онъ въ 1838 году отправился изъ Гельсингфорса въ Торнео, откуда и началъ свое путешествіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ, по Лапландіи.

Первый замѣчательный пунктъ на пути Кастрéна былъ гора Aowa saksa, лежащая въ нѣсколькихъ миляхъ выше города Торнео, при сліяніи рѣкъ Торнео и Тангеліоки. Около Иванова-дня на этой горѣ собирается много народа съ востока и запада, для того, чтобъ любоваться незаходящимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Недалеко отъ этой горы лежитъ гора Suppio, представляющая совершенное подобіе замка среднихъ вѣковъ; тутъ видны отвѣсныя стѣны лѣстницы, своды—все это изъ огромныхъ, болѣе или менѣе правильныхъ массъ камня. Кастрéнъ ничего не могъ узнать о преданіяхъ, соединенныхъ съ этимъ мѣстомъ; только на вопросъ его: onko tässä haltioia? (есть ли тутъ какой-нибудь духъ?), проводникъ съ испугомъ отвѣчалъ шепотомъ: Kyllähän se läällä, on haltio! (да, здѣсь обитаетъ духъ).

Около церкви Alkkula, лежащей на финской сторонѣ, путешественники сѣли въ лодки и продолжали свое путешествіе водою, и 25 іюня переступили за полярный кругъ. Кастрéнъ говоритъ при этомъ, что они замѣтили большую перемѣну въ природѣ, ихъ окружавшей: горы и холмы исчезли, показались болота и мохъ, и растенія, исключительно принадлежащія флорѣ Лапландіи; лѣсу здѣсь много, особенно сосноваго; но деревья имѣютъ пасмурный, печальный видъ; они тутъ какъ бы для того, чтобъ означить границу, за которою нѣтъ болѣе жизни. Здѣсь начинается граница Лапландіи.

Въ этой пустынѣ мрака и холода путешественники съ радостію встрѣтили домъ директора Е. въ Туртола, въ двѣнадцати миляхъ отъ Торнео, и заводъ Кенгисъ, лежащій немного выше соединенія рѣки Торнео съ Муоніо. Заводъ этотъ существуетъ слишкомъ 200 лѣтъ и имѣетъ привилегіи свои еще отъ Королевы Христины, съ 1637 года; желѣзныя руды свои онъ добываетъ изъ сосѣдней съ нимъ горы, гдѣ прежде добывались и мѣдныя руды. Паденіе воды здѣсь на 100 локтей 12 футовъ.

Отъ Торнео до Муоніониска живутъ Финны, происходящіе частію отъ Лапландцевъ, прежнихъ обитателей страны, частію же отъ колонистовъ различныхъ частей Финляндіи и береговъ Бѣлаго-моря. Изъ разсказовъ туземцевъ можно положительно заключить, что первые колонисты привлечены были въ эту пустыню изобиліемъ дичи и богатствомъ рыб-

наго промысла. Но мало-по-малу оба эти промысла сдѣлались бѣдны, и мѣсто ихъ заступили земледѣліе и скотоводство. Прирѣчные обитатели рѣки Торнео образомъ жизни похожи на другихъ обитателей страны, что можно видѣть даже изъ ихъ построекъ. Квадратный дворъ застроенъ съ четырехъ сторонъ и заключаетъ въ себѣ: домъ, состоящій изъ большой свѣтлой комнаты, гдѣ собираются вовремя дня и работаютъ, и изъ одной или двухъ мѣньшихъ комнатъ, назначенныхъ для спалень лѣтомъ; немного мѣньшее строеніе, гдѣ находятся комнаты лѣтнія и для пріѣзжихъ, и различныя службы. Кругомъ оконъ и дверей дѣлаютъ различныя вырѣзанныя изъ дерева украшенія, которыя пестро размалевываютъ; на крышѣ иногда можно замѣтить вѣнокъ изъ цвѣтовъ (обыкновенно изъ Trollius europaeus) или цвѣты бываютъ разбросаны по полу въ комнатахъ. Всѣ эти украшенія, незначительныя сами по себѣ, однако же ясно говорятъ, что не однѣ тяжелыя заботы о насущномъ хлѣбѣ занимаютъ жителей. Хотя всѣ принадлежности хозяйства здѣсь очень скудны, но вещи, находящіяся не въ каждодневномъ употребленіи, содержатся чисто и опратно. Въ особенности пріятно смотрѣть на молочни опытныхъ хозяекъ.

На каждой станціи путешественники встрѣчали удивительную чистоту, что, безъ сомнѣнія, надобно было приписать тому, что жителямъ заранѣе было объявлено о прибытіи французской полярной экспедиціи, для принятія и препровожденія которой велѣно было имъ имѣть все въ готовности. Впрочемъ этихъ рѣдкихъ гостей ожидали здѣсь хотя и съ любопытствомъ, но безъ особеннаго удовольствія. Еще и въ прежнее время нѣкоторые французы посѣщали эту страну, и не понравились жителямъ по своей неспособности переносить трудности пути, и въ особенности потому, что не хотѣли, подобно другимъ путешественикамъ, выходить изъ лодокъ на берегъ и итти пѣшкомъ, въ то время, когда лодки, въ самыхъ быстрыхъ мѣстахъ, пробирались вверхъ по теченію. Англичане, путешествовавшіе здѣсь, хотя тоже очень заботились объ удобствахъ, но хорошо платили, и часто, остановясь ловить рыбу, дарили уловъ лодочникамъ.

Путешествіе по Лапландіи не представляетъ почти никакихъ удобствъ и соединено съ большими трудностями. Днемъ несносный, удушающій жаръ мучилъ нашихъ путниковъ, а ночью комары и другія насѣкомыя недавали имъ покоя; часто они принуждены были терпѣть голодъ, довольствуясь хлѣбомъ, испеченнымъ изъ ржаной муки, перемѣшанной съ соломой, и другими еще менѣе вкусными яствами; если дождь заставалъ ихъ между станціями, они дѣлали привалъ, разводили на берегу

огонь, и сушили свое платье; часто принуждены они были помогать лодочникамъ тащить лодку, или переносить вещи.

Несмотря на все это, Кастрéнъ и его спутники прибыли, 30 іюня, въ Муоніониска. Здѣсь Кастрéнъ нашелъ одного катехизатора изъ лапландцевъ, пріѣхавшаго сюда нарочно изъ Норвегіи, съ цѣлію изучить финскій языкъ; взаимные интересы сблизили ихъ между собою, и Кастрéнъ пробылъ здѣсь нѣсколько времени, изучая лапландскій языкъ.

Желая вó-время возвратиться изъ Лапландіи, путешественники оставили Муоніониска 16 іюля, и безъ предварительно составленнаго плана направили путь свой къ хребту, раздѣляющему воды, текущія въ Ледовитое-море отъ водъ, изливающихся въ Ботническій заливъ. Чтобъ сократить дорогу, путники перешли чрезъ извѣстную Pallas-Felsen, которую можно сравнить съ «колоссальнымъ замкомъ исполиновъ, со многими куполами», и оттуда пѣшкомъ дошли до Киреби, въ приходѣ Соданкиле; далѣе вверхъ по теченію Оунасіоки, впадающей въ Кеми, плыли въ лодкѣ до деревни Пельдовуома, въ округѣ Энонтекисъ.

Несмотря на совѣты опытныхъ жителей Пельдовуома, обстоятельства заставили Кастрéна и его спутниковъ избрать дорогу черезъ Энаре. Въ сопровожденіи двухъ проводниковъ Іессіо и Эрика изъ Пельдовуома, и запасшись разными необходимыми принадлежностями путешествія, какъ-то: хлѣбомъ, мясомъ, табакомъ, водкою, и проч., путники наши отправились въ маленькой лодкѣ вверхъ по теченію небольшой рѣки, называемой Пельдойоки. Пасмурная погода не очень располагала путниковъ къ веселости, но потомъ небо прояснилось, и окружающая ихъ природа приняла другой оттѣнокъ.

Пѣсни Эрика, сидѣвшаго у руля, обратили на себя вниманіе Кастрéна, и онъ, на вопросъ свой о происхожденіи жителей Пельдовуома, получилъ въ отвѣтъ, что это имя происходитъ изъ богатой пѣснями Карелiи. Эрикъ назвалъ своего предка, который первый переселился въ Лапландію, Aisarі, и увѣрялъ, что сынъ этого Aisarі, по имени Päiwiö или Päiwiä, съ своими тремя сыновьями, пріобрѣлъ большую славу во всей Финской Лапландіи. Эрикъ просилъ позволенія на первомъ привалѣ сообщить разсказы о знаменитыхъ дѣлахъ рода Päiwiä; но прежде передачи ихъ, Кастрéнъ дѣлаетъ слѣдующее извлеченіе изъ описанія лапландскихъ округовъ Торнео и Кеми, вышедшаго въ свѣтъ въ 1672 году.

«Въ деревнѣ Päldo-Järf жилъ лапландецъ, Päder Päiwiä, честный, богатый и богобоязненный лапландецъ. За два года, предъ тѣмъ онъ былъ убитъ; у него было много сыновей, и онъ прежде долго, со всѣми своими домашними, вѣрно служилъ своему Siela и почиталъ его. Однажды случилось, что нѣсколько оленей унего предъ тѣмъ издохло, почему онъ обратился съ

мольбою къ Sieta и усердно просилъ его; но это не помогло, и олени не переставали издыхать. Наконецъ, со всѣми своими сыновьями идетъ онъ къ идолу, беретъ съ собою много сухаго лѣса, украшаетъ идола свѣжими сосновыми вѣтвями вокругъ, приноситъ ему въ жертву кожи, вмѣстѣ съ головою и рогами, снятыя съ мертвыхъ оленей; всѣ падаютъ на колѣни. Они приносили жертвы своему идолу цѣлый день, но никакого знака не видѣли отъ него; тогда встали и бросили весь сухой лѣсъ, который привезли съ собою на идола, зажгли его, и такимъ образомъ уничтожили предметъ богопочитанія цѣлой деревни. И когда язычники хотѣли его, Päder Päiwiä, умертвить за это, то онъ, подобно Гедеону (Книга судей 5) отвѣчалъ имъ: «Пусть идолъ самъ отмститъ за себя». Этотъ лапландецъ Päiwiä былъ такъ твердъ въ вѣрѣ, что когда злодѣи, увѣрявшіе, что околдуютъ его, сражались противъ него, онъ началъ пѣть религіозные гимны. Онъ жегъ потомъ всѣхъ seitą, гдѣ находилъ ихъ, и послалъ своего старшаго сына, по имени Wuolabba, на жительство въ знаменитую лапландскую деревню Eenar, которая платила дань тремъ королямъ, для того чтобъ онъ могъ сжечь тамъ всѣхъ идоловъ и seita, которыхъ много было въ деревнѣ. Wuolabba исполнилъ это и долженъ былъ бѣжать въ другое королевство Норвегіи, гдѣ будто бы живетъ еще и теперь.

Изъ этого ясно видно, что родъ Päiwiö лапландскаго происхожденія, что̀ торжественно подтверждаютъ сами лапландцы, и что этотъ родъ прославилъ свое имя подвигами на побѣду христіанства. Преданія утверждаютъ тоже самое, и сверхъ-того прибавляютъ, что Päiwiö съ своими тремя сыновьями совершали и другіе геройскіе подвиги, и въ особенности прославили себя въ войнѣ съ русскими карелами, которые въ лапландскихъ преданіяхъ называются обыкновенно русскими. Карелы, съ своей стороны, имѣютъ также преданія о воинскихъ подвигахъ рода Päiwiö, и даже въ Kalewala названы Päiwilä и Päiwän poika непріятелями народа Kalewa. Правда, преданія лапландцевъ и кареловъ объ этомъ предметѣ имѣютъ миѳическій характеръ, но нельзя отрицать совершенно, чтобъ они не имѣли никакого историческаго основанія, тѣмъ болѣе, что набѣги кареловъ на Лапландію — фактъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказъ Эрика.

О Päiwiö, отцѣ, зналъ онъ только, что тотъ отличался въ схваткахъ съ карелами, «которые во множествѣ приходили въ Лапландію для грабежа и убійства, мучили людей всѣми возможными средствами, дотѣхъ-поръ, пока не узнавали, гдѣ зарыты ихъ сокровища, и возвращались только наполнивши свои лодки серебромъ и другими драгоцѣнностями.» Päiwiö, очень богатый человѣкъ, чаще всего подвергался на-

паденію кареловъ. Богатство его преимущественно составляли стада оленей, которыхъ у него было такъ много, что онъ для присмотра за ними долженъ былъ нанять тридцать работниковъ и тридцать работницъ. Сверхъ того у него было много серебра, которое онъ, однако же, закопалъ въ землю незадолго до своей смерти, такъ что теперь никто не знаетъ мѣста, гдѣ лежитъ это сокровище.

Изъ сыновей Päiwiö самый знаменитый былъ Олофъ, по-лапландски Wuollabba, высокій ростомъ, сильный и храбрый; онъ, подобно отцу своему, отличался въ бояхъ противъ кареловъ. Эрикъ такъ описалъ одинъ изъ подвиговъ этого героя: «Однажды Олофъ вознамѣрился отлучиться изъ дому, и опасаясь, что во-время его отсутствія непріятели посѣтятъ его родину, принесъ огромное дерево на скалу, и положилъ его предъ входомъ въ свое жилище, приказавъ женѣ сказать непріятелю: «Нашъ сынъ принесъ сюда это дерево.» Вскорѣ послѣ отъѣзда Олофа явилась толпа карелъ и тотчасъ замѣтила дерево. Карелы не могли понять, какъ это дерево попало на скалу, и потребовали отъ молодой жены Олофа объясненія. Жена отвѣчала такъ, какъ ей приказалъ мужъ. При извѣстіи, что такая молодая женщина имѣетъ у себя такого сильнаго сына, карелы были удивлены въ высшей степени, и не стали грабить. Между-тѣмъ они рѣшились дождаться возвращенія Олофа и убить его. Но когда Олофъ возвратился, никто не осмѣлился напасть на него. И однако жъ карелы увѣряли, что въ ихъ землѣ есть воинъ, который побѣдитъ Олофа, и предложили сыну Päiwiö отправиться въ Карелію и помѣряться силами съ карельскимъ богатыремъ. Олофъ принялъ предложеніе и отправился. Когда оба воина встрѣтились тамъ, то подали они другъ-другу руку, причемъ карелъ ужасно сжалъ руку Олофа. Потомъ Олофъ схватилъ своего противника поперегъ и бросилъ на землю. Карелъ поднялся и бросился на Олофа, который снова бросилъ его на землю. Олофъ совѣтовалъ ему не пробовать болѣе счастія въ борьбѣ съ нимъ, но тотъ бросился на него съ злобою, и Олофъ въ третій разъ повергъ своего противника на землю, и тотъ не всталъ уже болѣе.»

О силѣ Олофа Эрикъ говорилъ много, и между-прочимъ слѣдующее: «Однажды Олофъ возвращался съ рыбной ловли, и на озерѣ Энаре былъ застигнутъ непогодою. Вмѣсто того чтобъ бороться съ волнами, угрожавшими потопить его лодку, наполненную сѣтями и рыбою, онъ присталъ къ острову, взялъ тяжелую лодку на плеча и перенесъ ее по землѣ.» Другой разсказъ: «Шедши однажды по лѣсу, Олофъ замѣтилъ, что Стало старается поднять камень; но камень былъ такъ великъ, что Стало не могъ поднять его и началъ весьма медленно

катить. Олофъ незамѣтно наблюдалъ за дѣйствіемъ Стало, потомъ вышелъ къ нему, посмѣялся надъ его слабостью и отнесъ камень на мѣсто его назначенія. Испугавшись такого сильнаго противника, Стало обратился въ бѣгство. Сначала Олофъ позволилъ ему отбѣжать на нѣкоторое разстояніе, но потомъ разсердился и началъ его преслѣдовать. На пути ихъ лежала рѣка: Стало перескочилъ чрезъ нее и думалъ, что отдѣлался отъ преслѣдованія, но Олофъ сдѣлалъ такой же прыжокъ, догналъ Стало и убилъ его». Кастрѣнъ замѣчаетъ, что Stalok (множественное число отъ Stalo) лапландцевъ соотвѣтствуетъ шведскому jättar (исполинъ) и финскому jättiläiset и hiidet (въ единственномъ — hiisi). Лапландцы описываютъ Stalok, какъ жестокихъ существъ, пожирающихъ людей. Говорятъ, что во-время язычества, этихъ существъ было много въ Лапландіи, но послѣ введенія тамъ христіанства, они переселились на морскіе острова.

По словамъ Эрика, Олофъ отличался быстротою своего бѣга: въ одинъ прыжокъ догнать волка, схватить его за хвостъ и ударить о скалу, или догнать самку оленя съ дѣтенышемъ, убить ее и поймать молодаго оленя живаго — ровно ничего не значило для Олофа.

Подобное тому, что Торнеусъ разсказываетъ о обращеніи въ христіанство Päiwiö отца, Эрикъ говорилъ Кастрѣну объ Олофѣ. Этотъ былъ долгое время ревностнымъ идолопоклонникомъ; но когда слава о новомъ ученіи дошла до него, тогда онъ рѣшился испытать своихъ идоловъ. Онъ ударилъ въ волшебный бубенъ, для того чтобъ узнать изъ звука бубенчиковъ, будетъ ли его охота на оленей счастлива, или нѣтъ. Бубенъ далъ хорошее предзнаменованіе, но охота все-таки не удалась. Въ другой разъ онъ началъ добывать огонь въ дождливую погоду, и призвалъ на помощь seita, и когда желаніе его не исполнилось, онъ обратился съ молитвою къ истинному Богу, и тотчасъ трутъ загорѣлся. Послѣ того Олофъ сжегъ волшебный бубенъ или барабанъ, сбросилъ seita на землю, и уничтожилъ всѣ языческіе памятники, которые ему встрѣтились.

Исаакъ былъ второй сынъ Päiwiö, по словамъ Эрика, и отличался искусствомъ стрѣлять изъ лука; онъ совершилъ также много подвиговъ въ битвахъ противъ кареловъ. Вотъ одинъ изъ разсказовъ о немъ Эрика. «Въ главѣ кареловъ находился начальникъ, покрытый бронею съ ногъ до головы; броня эта мѣшала ему двигаться, такъ что онъ не могъ самъ поднести вилки къ своему рту, и слуга кормилъ его. Исаакъ долго подстерегалъ этого предводителя, и наконецъ увидѣлъ его въ то время, когда тотъ готовился обѣдать. Исаакъ натянулъ лукъ и спустилъ стрѣлу

именно тогда, когда слуга подносилъ вилку ко рту предводителя; стрѣла попала въ вилку, которую и вогнала въ ротъ начальника».

Іоганнъ былъ третій сынъ Päiwiö, и Эрикъ называетъ его самымъ могущественнымъ волшебникомъ, какихъ потомъ и не было болѣе на свѣтѣ. Нерѣдко онъ употреблялъ свои чары для уничтоженія кареловъ, приходившихъ на грабежъ въ Лапландію. Одинъ разъ они заставили его вести ихъ къ мѣсту, гдѣ ожидали найти хорошую добычу. Іоганнъ привелъ ихъ къ краю пропасти на Pallas-Felsen, и съ помощію своихъ чаръ произвелъ внизу, въ пропасти, огонь, звонъ колоколовъ и громъ. «Дорога идетъ туда, сказалъ онъ кареламъ, а чтобъ никто не потерялъ дороги въ такую темную ночь, я пойду съ факеломъ впередъ.» Потомъ онъ бросилъ факелъ въ пропасть, а самъ остался на скалѣ невидимымъ для непріятеля. Карелы поспѣшили слѣдовать за факеломъ и погибли въ пропасти.

Разсказъ этотъ въ большомъ ходу между лапландцами и финнами, но не всегда въ немъ дѣйствуетъ сынъ Päiwiö; иногда тоже самое приписываютъ другому герою, который по-фински называется Laurikainen, а по-лапландски Laurikadsch.

Объ этомъ героѣ Эрикъ говорилъ Кастрéну.

«Когда ты прійдешъ въ настоящую Лапландію, то испытаешъ, какіе хорошіе проводники лапландцы. Привыкши бѣгать съ дѣтства и рыскать повсюду, подобно собакамъ, они на разстояніи нѣсколькихъ миль знаютъ каждый камень, каждое дерево, каждый источникъ. Но еще не было никогда такого человѣка, который бы зналъ такъ хорошо Лапландію, какъ Лаурукайненъ. По этой причинѣ карелы всегда старались имѣть его проводникомъ при своихъ набѣгахъ. Съ своей стороны онъ былъ всегда готовъ указывать имъ дорогу, потому-что былъ хитрый человѣкъ и умѣлъ всегда устроить такъ, что погибель кареловъ была неизбѣжна, если они попадались ему въ руки. Одинъ разъ онъ служилъ проводникомъ толпѣ этихъ разбойниковъ при переѣздѣ чрезъ озеро Уносіарви. Карелы проголодались и просили Лаурукайнена пристать къ небольшому острову. Утоливши голодъ, они легли спать, но къ лодкамъ, которыхъ было семь (а по другимъ разсказамъ три), приставили часовыхъ. Лодки были наполнены съѣстными припасами и награбленными сокровищами. Вскорѣ часовые заснули, и тогда Лаурукайненъ перенесъ въ лодки все, что карелы взяли съ собою при выходѣ на берегъ, какъ-то: топоры, мечи, съѣстные припасы и проч. Потомъ онъ отчалилъ отъ берега, и едва только успѣлъ вскочить въ одну изъ лодокъ, какъ часовой проснулся и схватился за мечъ,— но его уже не было. Видя себя обезоруженнымъ, часовой соскочилъ

въ воду и схватился за первый ближній ботъ, на которомъ находился Лаурукайненъ. Этотъ послѣдній поднялъ мечъ и отрубилъ часовому пять пальцевъ, которые, вмѣстѣ съ золотымъ кольцомъ, упали въ лодку. Часовой поднялъ тревогу, но Лаурукайненъ былъ уже далеко отъ берега, когда карелы поспѣшно прибѣжали туда. Въ горѣ своемъ они обратились къ Лаурукайнену съ просьбою о спасеніи и говорили ему: «Прійди сюда, добрый братъ, здѣсь будешь ты ѣсть кашу съ шведскимъ масломъ твоею собственною ложкою (по другимъ: ложкою твоего господина).» Лаурукайненъ отвѣчалъ имъ: «Каша и мука у меня здѣсь.» Когда карелы увидѣли, что просьбы ихъ напрасны, одинъ изъ нихъ вскричалъ: «Прійди сюда, и горячимъ оловомъ мы зальемъ тебѣ глотку.» Послѣ того Лаурукайненъ ѣздилъ въ лодкѣ около острова девять дней и ночей и стерегъ, чтобъ карелы не ушли. Когда на десятый день Лаурукайненъ сошелъ на берегъ острова, всѣ карелы были мертвы, исключая одного, который едва могъ повернуть голову. Островъ, гдѣ это происходило, до-сихъ-поръ называется Карельскимъ (Karjalan saari).»

Много продѣлокъ этого героя съ карелами живетъ въ преданіи, и вездѣ карелы играютъ самую незавидную роль. Они возненавидѣли его и старались убить, что̀ удалось имъ послѣ многихъ трудовъ, и стоило жизни многимъ изъ нихъ.

Едва только Эрикъ окончилъ свой разсказъ, какъ путники приблизились къ небольшому озеру, которое, по словамъ Эрика, называлось Сейдаярви. Кастрѐнъ замѣтилъ ему, что озеро скорѣе должно называться Saiwojärwi, потому-что вода была очень чиста. И въ-самомъ-дѣлѣ, по разсказамъ лапландцевъ, такія озера часто носятъ это названіе въ слѣдствіе мнѣнія, бывшаго прежде въ ходу между лапландцами, что въ такихъ озерахъ обитаютъ божества, называемыя Saiwo, которыя, какъ говорятъ, не позволяли въ своихъ водяныхъ областяхъ ловить рыбу, а потому тотъ, кто хотѣлъ попытать счастія, долженъ былъ стараться обмануть этихъ божковъ тихимъ плескомъ веселъ. Но Эрикъ не обратилъ на это замѣчаніе никакого вниманія, и утверждалъ, что настоящее названіе озера есть Seidajärwi, утверждая притомъ, что на мысѣ, который выдавался прямо противъ нихъ, стоялъ прежде лапландскій Seida. Этотъ Seida принадлежалъ одному знаменитому чародѣю, по имени Сомпсоло, который имѣлъ всегда хорошій уловъ рыбы. На противоположномъ берегу ловилъ рыбу другой чародѣй, дѣла котораго шли не такъ хорошо, какъ перваго, потому–что у него не было Seida. Съ намѣреніемъ поправить свои дѣла, во-время сна Сомпсоло, чародѣй свергъ его Seida, и дѣйствительно, ловъ его сдѣлался счастливѣе, а

Самисоло не могъ поймать ни одной рыбы. Но дѣло не остановилось на томъ. Самисоло пріобрѣлъ новаго Seida, и рыбы опять обратились въ его неводъ. Другой чародѣй снова свергъ его Seida, и чтобъ прекратить споры, они согласились сойтись на близь-лежащей горѣ и вступить въ поединокъ, при которомъ какъ оружіе, должны они употреблять заклинанія и чары. Самисоло отправился на мѣсто поединка, принявъ видъ оленя, и надѣялся, что противникъ его не узнаетъ. Но лишь только тотъ увидѣлъ оленя, какъ уже издали закричалъ ему: «Ты Самисоло». Не испытывая болѣе своего счастія, Самисоло призналъ себя побѣжденнымъ и убѣжалъ, потому-что ясно видѣлъ, что безъ помощи своего Seida онъ не могъ спорить съ своимъ противникомъ.

По совѣту Эрика, Кастрѐнъ и его спутники оставили систему водъ Пельдоіоки, по мелководью, и достигли хребта горъ черезъ рядъ небольшихъ озеръ, неимѣющихъ никакой связи между собою. Разстоянія между озерами различны, и на этихъ разстояніяхъ путники принуждены были сами помогать проводникамъ при переноскѣ лодки и поклажи. Озеро Віеттаярви привело ихъ къ самому хребту, и тутъ начались самыя большія затрудненія для путешественниковъ. Начиная отъ берега озера, идетъ довольно крутая скала, и чтобъ перейти ее, надобно было сдѣлать $^3/_4$ мили. Нѣкоторые изъ общества предлагали отложить переходъ чрезъ скалу до другаго дня; но Эрикъ увѣрялъ настоятельно, что чрезъ нѣсколько часовъ, посвященныхъ покою и сну, мы будемъ чувствовать еще большую усталость, и въ-слѣдствіе того въ девять часовъ вечера начали путники взбираться на гору. Вещи оставлены были на берегу, и сначала потащили пустую лодку. Съ величайшими усиліями лодку доставили на гору; но тутъ силы путниковъ начали ослабѣвать. Къ довершенію горя, Эрикъ объявилъ, что онъ несовершенно знаетъ дорогу, и ведетъ путниковъ руководствуясь только разсказами о дорогѣ. Въ этомъ безотрадномъ положеніи путники сѣли на скалу, закурили трубки, и начали совѣтоваться о томъ, что имъ дѣлать. Совѣтъ положилъ, что одинъ изъ путниковъ отправится къ озеру и принесетъ бутылку рому, а другіе, по указанію Эрика, потащатъ лодку. Жребій итти къ озеру палъ на Кастрѐна, и онъ исполнилъ порученіе, къ удовольствію своихъ товарищей. Между-тѣмъ путники достигли маленькаго горнаго ручья, который показывалъ, по примѣтамъ Эрика, что путники не потеряли дороги. Эрикъ увѣрялъ, что этотъ потокъ впадаетъ въ Корсаярви, куда и хотѣли итти путники. Огромные камни, встрѣченные на потокѣ, не позволили путникамъ продолжать путь по этому направленію, и они пошли по прежнему. Цѣлую ночь провели они въ дорогѣ, но не дошли до озера и принуждены были послать проводника

отыскивать его. Черезъ нѣсколько времени проводникъ возвратился съ радостнымъ извѣстіемъ, что направленіе пути вѣрно, и что озеро недалеко. Утромъ они были уже у озера, и отправивъ проводниковъ за вещами, расположились отдыхать на берегу его.

Здѣсь Эрикъ оставилъ нашихъ путниковъ, и путешествіе ихъ стало не такъ пріятно, тѣмъ болѣе, что они чувствовали ужасную усталость— слѣдствіе перенесенныхъ трудовъ. Озеро Корсаярви соединяется посредствомъ небольшаго ручья съ довольно значительною рѣкою Ивалоіоки, впадающею въ озеро Энаре. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды по Ивалоіоки, путникъ приближается къ такъ-называемому Ломполо, то-есть къ мѣсту, гдѣ рѣка дѣлается широкою, на подобіе озера. Здѣсь Кастрéнъ и его спутники охотились за дикими гусями, и потомъ продолжали свой путь по той же рѣкѣ.

Еще нѣсколько часовъ ѣзды въ низъ по рѣкѣ, и слова: «дымъ! люди!» вылетѣли изъ устъ нашихъ путниковъ. На берегу встрѣтилъ ихъ рыбакъ, лежавшій у разведеннаго огня, слѣдующими словами: «Кто вы, плывущіе по Ивалоіоки, и куда держите вашъ путь? Впрочемъ, зачѣмъ спрашиваю я васъ о томъ, что̀ уже знаю. Я видѣлъ васъ во снѣ, и тебя Іессіо (имя проводника) въ образѣ твоего покойнаго отца.»

Узнавъ птицу по полету, Кастрéнъ тотчасъ, какъ выразился онъ, «привелъ въ движеніе свою артиллерію», то-есть, далъ рыбаку водки и табаку, купилъ у него нѣсколько бездѣлицъ безъ торга, и подарилъ сыну его нѣсколько книгъ. Другая порція водки сдѣлала рыбака самымъ откровеннымъ чародѣемъ на свѣтѣ. Онъ разсказывалъ о многихъ удивительныхъ вещахъ, но его разсказы были безъ всякой связи, что̀, вѣроятно, надобно было приписать дѣйствію водки. Слѣдующій разсказъ объ Іоаннѣ Пейвіо и о другомъ знаменитомъ чародѣѣ, по имени Торагасъ, былъ одинъ изъ менѣе несвязныхъ.

Вѣдьма-чародѣйка изъ Лапландіи, по имени Кирста-Ноугтна, отправилась однажды въ Киттиле съ намѣреніемъ перегнать оттуда на свою родину всѣхъ дикихъ оленей. Пейвіо, знавшій ея намѣреніе, послалъ Торагаса къ Ивалоіоки, для того, чтобъ недопустить оленей переплыть рѣку и поймать вѣдьму. Когда Торагасъ увидѣлъ идущихъ оленей, то началъ ихъ внимательно разсматривать, боясь, что вѣдьма приняла видъ оленя. Впрочемъ, во всемъ стадѣ онъ не могъ открыть ни одного подозрительнаго оленя, и всего менѣе могъ предполагать, чтобъ вѣдьма была въ видѣ тощаго, хромаго, изуродованнаго оленя, тащившагося съ трудомъ за стадомъ. Только тогда онъ догадался, что вѣдьма приняла видъ дряннаго оленя, когда увидѣлъ, что этотъ олень, вмѣсто того чтобъ плыть, подобно другимъ оленямъ, весь выходилъ изъ воды.

Но стадо было уже на другомъ берегу, и Торагасъ не имѣлъ силы уничтожить плановъ чародѣйки. Онъ возвратился къ Пейвіо и разсказалъ ему все. Пейвіо рѣшился послать Торагаса въ русскую Лапландію, и приказалъ ему подробно узнать объ имени и свойствахъ чародѣйки. Торагасъ исполнилъ порученіе хорошо, и Пейвіо рѣшился воротить оленей посредствомъ могущественныхъ своихъ чаръ. Онъ въ тоже время выслалъ Торагаса посмотрѣть не бѣгутъ ли олени. И въ-самомъ-дѣлѣ, они бѣжали съ такимъ шумомъ, что топотъ ихъ ногъ (nasasi) былъ слышенъ мили за три. Рѣка, при которой тогда находилось стадо, на память этого происшествія, называется Назамаіоко.

Много подобныхъ разсказовъ слышалъ Кастрéнъ отъ рыбака, и во всѣхъ главную роль играло превращеніе шамановъ въ различныхъ животныхъ. Вѣрованіе въ эти превращенія было въ большомъ ходу прежде и въ Финляндіи, и въ особенности въ Лапландіи; даже въ настоящее время это суевѣріе не совсѣмъ уничтожилось между лапландцами. По-крайней-мѣрѣ, финскіе лапландцы увѣряютъ, что въ деревняхъ русскихъ лапландцевъ до-сихъ-поръ живутъ шаманы, которые подобно Пейвіо, Торагасу и проч., могутъ принять образъ волка, оленя, медвѣдя, рыбы, птицы и такъ далѣе. Шаманъ въ подобномъ превращеніи называется у лапландцевъ Wiroladsch, а у финновъ Wirolainen, что̀ собственно означаетъ—эстъ. Кастрéнъ слышалъ отъ рыбака пѣсню, въ которой было очень много подобныхъ превращеній. Кастрéнъ приводитъ только общее содержаніе пѣсни. Она начинается введеніемъ, въ которомъ чародѣй Каркіосъ жалуется на то, что Торагасъ перегналъ всѣхъ дикихъ оленей изъ его земли въ Киттиле; потомъ слѣдуетъ описаніе, какъ Торагасъ убилъ Каркіоса и бросилъ его въ озеро, гдѣ Каркіосъ однако же ожилъ, и много лѣтъ находился подъ печенкою щуки, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Торагасъ поймалъ щуку и сохранялъ ее и Каркіоса года три въ амбарѣ. Освободившись оттуда, Каркіосъ пошелъ уже въ видѣ человѣка; но Торагасъ поймалъ его на охотѣ и снова убилъ. Въ пѣснѣ Каркіосъ снова оживаетъ, но (какъ кажется) въ могилѣ. Тутъ является у него желаніе видѣть сына, и лишь только онъ сказалъ это, какъ сынъ прилетѣлъ къ нему въ видѣ тетерева, и такъ далѣе.

Надѣленный щедро табакомъ и водкою за свои пѣсни и разсказы, рыбакъ такъ полюбилъ Кастрéна, что просилъ посѣтить его на родинѣ въ Киттиле. Тамъ онъ обѣщалъ ему сообщить много удивительныхъ преданій, и показать Seida, принадлежавшаго Пейвіо. «Этотъ Seida, прибавилъ рыбакъ торжественно, ѣстъ людей, но со мною тебѣ нечего бояться». Рыбакъ считалъ Кастрéна и одного изъ его спутниковъ за чаро-

дѣевъ, а инструментъ для ловли насѣкомыхъ и ножницы за магическія орудія.

Разставшись съ рыбакомъ, путники продолжали плыть внизъ по теченію рѣки Ивало, и вскорѣ услышали ужасный шумъ пороговъ, который въ продолженіе слѣдующихъ трехъ дней и ночей постоянно поражалъ слухъ. Хотя пороги эти были опасны, но путникамъ ничего не оставалось дѣлать болѣе, какъ геройски проплыть ихъ. Хотя вода въ Ивало была не велика, но ее было достаточно, чтобъ поглотить маленькую лодку съ путешественниками. Управлять лодкою и не удариться о скалы было очень трудно; цѣлый день всѣ были заняты работой, а ночь проводили у огня. Восемь дней жили они подъ открытымъ небомъ, подвергаясь постоянно дождю и холодной погодѣ.

Рѣка въ верхнихъ частяхъ своего теченія сопровождается высокими скалами, которыя часто совершенно отвѣсно возвышаются надъ водою и тянутся безпрерывно на цѣлыя мили. Кастрéнъ съ опасностію жизни взбирался на эти скалы, въ надеждѣ увидѣть озеро Энаре, но со всѣхъ сторонъ представлялись взору его только скалы. Туманъ надъ долинами принималъ иногда видъ озера, и путники думали видѣть Энаре, но проводникъ разрушалъ иллюзію, увѣряя, что они тогда увидятъ озеро, когда скалы не будутъ болѣе сопровождать теченія рѣки.

Въ нѣсколькихъ миляхъ выше впаденія рѣки Ивало въ озеро Энаре скалы начали исчезать и видны были только въ отдаленіи, кругомъ же разстилалась прекрасная зеленая равнина. Теченіе рѣки сдѣлалось медленнѣе; показались острова, покрытые лиственнымъ лѣсомъ, и вскорѣ явились признаки пребыванія тутъ человѣка, — поля, сѣно, и проч. Путники собрали всѣ свои силы, чтобъ скорѣе достигнуть человѣческаго жилища, и едва вѣрили глазамъ своимъ, встрѣтивъ среди Лапландіи, вмѣсто жалкихъ хижинъ, хорошо обстроенные финскіе дворы, окруженные лугами и пашнями. Можно представить себѣ, какое благотворное вліяніе производитъ подобный видъ на людей, кончившихъ путь по Ивало! Курёби показался имъ земнымъ раемъ!

Куреби—это около дюжины колоній, поселившихся на берегахъ рѣки Ивало, недалеко отъ впаденія ея въ озеро Энаре. Финны изъ Киттиле, мѣста очень бѣднаго, и Энонтекіосъ образовали эти колоніи.

Колонисты избрали родъ жизни самый приличный для всей сѣверной Финляндіи : они занимаются скотоводствомъ, охотою и рыбною ловлей, а земледѣліе у нихъ вещь второстепенная и ограничивается только разведеніемъ жита, картофеля и рѣпы. Луга ихъ обработаны съ большимъ стараніемъ. Въ концѣ ноября колонисты провозятъ масло на оленяхъ въ морскія бухты Норвегіи, и промѣниваютъ его на муку, которая до-

сихъ-поръ употреблялась на выкуриваніе водки; Финны въ Энаре мало употребляютъ хлѣба.

Духовныя лица колонистовъ съ хорошей стороны относились о ихъ нравственномъ и религіозномъ состояніи. Кастрéнъ самъ убѣдился въ ихъ услужливости и гостепріимствѣ. Озера Энаре путники достигли почти ночью, но и тутъ еще могли разсмотрѣть, хотя отчасти, прекрасную картину этого вмѣстилища воды, которое съ западной стороны ограничивается высокими скалами, а на восточной сторонѣ исчезаетъ между множествомъ острововъ. Отъ лоцмана путники узнали, что озеро Энаре (Enarі, Enara, по-фински Inarі, по-лапландски Anara, Einara) имѣетъ двѣнадцать миль въ длину и восемь въ ширину, и на немъ столько острововъ, что ни одинъ смертный никогда не могъ пересчитать ихъ, можетъ-быть исключая только Пейвіо. Въ прежнее время одинъ лапландецъ хотѣлъ измѣрить глубину озера, и опустилъ въ воду котелъ на веревкѣ; когда веревка спустилась на двѣсти шестьдесятъ саженъ, духъ, хранитель воды, отрѣзалъ ее и овладѣлъ котломъ. И съ-тѣхъ-поръ никто не осмѣливался болѣе изслѣдовать глубину озера, и всѣ почитали его бездоннымъ.

Переночевавъ на одномъ изъ необитаемыхъ острововъ, изъ опасенія потерять дорогу на озерѣ, покрытомъ густымъ туманомъ, путники на утро прибыли въ лапландскую деревню Ютуа.

Видъ лапландской деревни, по-крайней-мѣрѣ, лѣтомъ, не представляетъ ничего особенно прекраснаго. Кругомъ ея, на почвѣ, валяются внутренности и чешуи рыбъ, гнилыя рыбы и всякая дрянь, распространяющая отвратительный запахъ въ воздухѣ. На самихъ лапландцевъ, хозяевъ деревни, нельзя смотрѣть безъ отвращенія, до такой степени они грязны и неопрятны. И однако же вѣжливость требуетъ, чтобъ каждый лапландецъ, не исключая дѣтей, пожалъ руку путнику. По правдѣ сказать, непріятная операція! Послѣ этого всегда слѣдуютъ вопросы: «Все ли спокойно въ странѣ? Здоровы ли государь, епископъ, начальникъ страны?» Въ Ютуа спросили Кастрéна, откуда онъ? Когда онъ отвѣчалъ изъ-за горъ, одинъ лапландецъ спросилъ его: Не изъ той ли страны, гдѣ растетъ табакъ?

Путниковъ пригласили въ маленькую, темную хижину, которая должна была представлять комнату. Хижины лапландцевъ, живущихъ около Энаре, состоятъ изъ четверо-угольнаго фундамента (нижней части), сдѣланнаго въ три бревна, наложенныхъ одно на другое, и изъ верхней части, образующей пирамиду и сложенной изъ досокъ. Въ Утсіоки, по недостатку дерева, нижнюю часть хижинъ дѣлаютъ изъ камня, и для сохраненія теплоты окладываютъ всю хижину торфомъ; верхняя же

часть имѣетъ видъ не пирамидальный, а полушарія. Внутреннее устройство хижинъ почти совершенно одинаково во всѣхъ округахъ. Отъ двери до противоположной стѣны, то-есть, по длинѣ хижины, положены двѣ параллельныя балки, которыя пересѣкаются двумя другими въ крестъ, т. е., послѣднія балки положены между боковыми стѣнами. Такимъ-образомъ хижина раздѣляется на девять отдѣленій, изъ которыхъ въ трехъ переднихъ, отъ двери, сохраняютъ дрова, обувь и болѣе грубую домашнюю посуду; въ трехъ другихъ у задней стѣны — складываютъ съѣстные припасы и лучшую посуду; въ среднемъ отдѣленіи находится очагъ; въ отдѣленіи на право отъ очага живутъ хозяинъ и хозяйка хижины, на лѣво — прочіе домочадцы. Если семейство велико, то члены его размѣщаются по разнымъ отдѣленіямъ, гдѣ кому удобнѣе.

Лапландцы на озерѣ Энаре имѣютъ около хижины одну или нѣсколько мѣньшихъ комнатъ, для сохраненія рыбы; эти маленькія каммеры строятъ на высокихъ подставкахъ, для того, чтобъ лучше защитить рыбу отъ волковъ, лисицъ, медвѣдей и другихъ лакомокъ. У богатыхъ лапландцевъ бываютъ и комнаты, но они въ нихъ не живутъ лѣтомъ.

Обыкновенную одежду лапландцевъ обоего пола составляютъ peski, родъ рубашекъ изъ выдѣланной кожи оленя; а въ праздникъ надѣваютъ такое же платье изъ сукна. Женщины носятъ сверхъ-того родъ кофты или корсеты поверхъ peski, и холщевой воротникъ вокругъ шеи, отъ котораго длинные концы образуютъ на груди родъ кармана. Оба пола носятъ поясы, украшенные серебряными и латунными бляхами. Женскій головной уборъ въ особенности оригиналенъ: онъ состоитъ изъ украшенія, имѣющаго сходство съ подковой и возвышающагося вершка на два надъ тѣмемъ головы. Головной уборъ мужчинъ не имѣетъ опредѣленной формы. Обувь и панталоны изъ мягкой оленьей кожи, безъ шерсти, дополняютъ нарядъ обоихъ половъ. Зимою мужчины и женщины носятъ тоже родъ рубашки изъ оленьихъ шкуръ съ шерстью, которая, подобно peski, зашита спереди и имѣетъ такое маленькое отверзтіе, что непривыкшій къ этому платью съ трудомъ надѣнетъ и скинетъ его*.

Наружность лапландцевъ не очень привлекательная: они небольшаго роста, и въ образованіи лица приближаются къ монгольскому типу, то-есть, имѣютъ низкій лобъ, выдавшіяся скулы, маленькіе глаза, и такъ далѣе. По природѣ своей они лѣнивы, унылы и угрюмы. Ихъ обвиняютъ во многихъ порокахъ, какъ-то: зависти, лукавствѣ и проч., и приписываютъ имъ много хорошихъ качествъ: набожность, услужливость, гостепріимство, богобоязненность и порядочное поведеніе.

* Подробное описаніе одежды лапландцевъ можно найти у Шегрена, въ «Anteckningar om förfamlingarna i Kemi Lappmark.»

Богатое рыбою озеро Энаре заставило лапландцевъ перемѣнить первопачальную трудную жизнь номадовъ на болѣе удобную жизнь рыбака. Теперь въ цѣломъ округѣ Энаре нельзя найти настоящаго горнаго лапландца, и даже кочующаго, который занимался бы только разведеніемъ оленей. Лапландцы здѣсь или рыбаки, или лѣсные лапландцы, занимающіеся лѣтомъ рыбною ловлей, а зимою оленеводствомъ. Впрочемъ и лѣсные лапландцы считаютъ рыбную ловлю главнымъ своимъ занятіемъ и не заботятся очень о стадахъ своихъ, которыя, по словамъ самихъ жителей, съ каждымъ годомъ уменьшаются. Лѣсные лапландцы при разведеніи оленей имѣютъ то удобство, что ихъ олени не уходятъ, подобно оленямъ горныхъ лапландцевъ, весною къ берегамъ Ледовитаго-моря, но зиму и лѣто живутъ въ лѣсахъ; но и тутъ они требуютъ большаго ухода, иначе олени теряютъ дорогу въ лѣсахъ, дѣлаются дикими, истребляются волками и исчезаютъ, присоединяясь къ многочисленнымъ стадамъ горныхъ лапландцевъ. Чѣмъ болѣе занимается лапландецъ рыбною ловлей, тѣмъ меньше заботъ можетъ имѣть о стадахъ оленей, и потому совершенное превращеніе лѣснаго лапландца изъ номада въ рыбака — неизбѣжно, и происходитъ очень скоро, не только въ округѣ Энаре, но и въ Утсіоки. Вообще можно сказать, что финскіе лапландцы перешли двѣ ступени дикости, оставивъ горы и лѣсъ, или переставши быть горными и лѣсными лапландцами. Теперь они вступили на третью степень и, вѣроятно, скоро совершенно преобразуются въ колонистовъ.

Посмотримъ теперь на образъ жизни финскихъ лапландцевъ, въ особенности живущихъ около Энаре.

Весна или время Маріи есть важнѣйшая эпоха въ однообразной жизни лапландца. Въ это время рыбаки изъ Утсіоки и Энаре, даже поселяне изъ Соданкиле, отправляются на норвежскіе морскіе берега, для того, чтобы тамъ, въ такъ-называемомъ округѣ Феллеdсъ, по древнепринятому обычаю, ловить рыбу. Двое или трое изъ лапландскихъ рыбаковъ присоединяются къ одному изъ норвежцевъ, живущихъ на берегу, и имѣющему лодку и орудія для ловли; половина лова идетъ норвежцу, а другая дѣлится между лапландцами. Десятую часть улова, какъ финскіе, такъ и норвежскіе рыбаки, должны на мѣстѣ же отдать духовнымъ лицамъ, у которыхъ тотчасъ покупаютъ рыбу купцы, стоящіе въ бухтахъ въ-теченіе лѣта и мѣняющіе муку на рыбу. Лапландцы жалуются на различныя притѣсненія со стороны купцовъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ начала іюля мѣсяца, когда открывается въ бухтахъ свободный торгъ до конца августа, и когда пріѣзжаютъ многіе русскіе купцы, которые лучше платятъ за рыбу. Лапландцы увѣряютъ, что русскіе купцы даютъ имъ вдвое дороже норвежскихъ. Впрочемъ немногіе финскіе

лапландцы могутъ пользоваться большими выгодами отъ торговли съ русскими купцами, потому-что около Иванова-дня они обыкновенно возвращаются домой и начинаютъ рыбную ловлю въ своихъ собственныхъ озерахъ, которые въ это время уже освобождаются отъ льда.

Тогда наступаетъ золотое время для лапландца: онъ наслаждается величайшимъ блаженствомъ на землѣ: защищенный отъ комаровъ въ своей хижинѣ, съ полнымъ желудкомъ и безъ всякой заботы о будущемъ днѣ — спитъ онъ. Навѣрное можно сказать, что это блаженство онъ не промѣняетъ на сокровища цѣлаго міра. Но на землѣ нѣтъ совершеннаго блаженства! И покой лапландца нарушается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что каждый изъ живущихъ около Энаре лапландцевъ долженъ одинъ или нѣсколько разъ въ лѣто совершить переходъ отъ одного озера до другаго, во-время ловли рыбы.

Лапландцы эти владѣютъ здѣсь издавна небольшими озерами, въ которыхъ попеременно ловятъ рыбу, тотчасъ послѣ того, какъ она кончила бросаніе икры. Иногда эти озера соединяются между-собою посредствомъ маленькаго протока, и тогда переѣздъ отъ одного къ другому озеру совершается очень удобно въ лодкахъ; но если, какъ случается довольно часто, озера не имѣютъ сообщенія между собою, то лапландецъ долженъ тащить свои лодки, сѣти и прочія принадлежности на себѣ.

Зимою лапландецъ питается сушеною рыбою, но запасы его незначительны и даже скудны. Ловля рыбы осенью подъ льдомъ (по-лапландски juongas; по-фински juomus) даетъ ему едва дневное пропитаніе. Охота гораздо прибыльнѣе для него и въ особенности за дикими оленями, которая производится осенью отъ Воздвиженія до дня Всѣхъ Святыхъ, а весною отъ Благовѣщенія до-тѣхъ-поръ, пока сойдетъ снѣгъ. Оленья охота еще и въ прежнее время составляла для лапландцевъ важную отрасль занятій, и для этого употреблялся особый способъ ловли, который теперь оставленъ и который назывался wuomen. Торнеусъ описывалъ его такъ: «На высокой скалѣ, гдѣ нѣтъ лѣса, на пространствѣ одной или двухъ миль въ длину и одной или болѣе въ ширину, охотникъ разставляетъ высокіе шесты; сначала онъ ставитъ ихъ въ дальнемъ разстояніи, а потомъ, чѣмъ далѣе идетъ впередъ, тѣмъ шесты ставитъ ближе, и на каждомъ изъ нихъ прикрѣпляетъ что-нибудь черное, возбуждающее въ оленяхъ страхъ; потомъ охотникъ дѣлаетъ изгороди и высокіе плетни, чрезъ которые олень не могъ бы перескочить, и скатъ съ пятью ступенями внизъ, за которымъ помѣщаетъ плетень такой, что ни одно созданіе не можетъ пройти тутъ. Потомъ охотникъ обрыщетъ всѣ горы, и найдя стадо оленей, гонитъ ихъ осторожно и

*

тихо къ той сторонѣ, гдѣ находится его wuomen. Когда олени попадутъ между двухъ рядовъ шестовъ, они не осмѣливаются выйти оттуда; а между-тѣмъ охотникъ съ народомъ своимъ осторожно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобъ олени не шли назадъ, но все медленно подвигались впередъ, при чемъ имъ позволяется останавливаться, щипать бѣлый мохъ (составляющій ихъ пищу), ложиться и отдыхать, какъ будто бы не предстояло имъ никакой опасности. Но когда они подойдутъ къ западнѣ, гдѣ проведенъ плетень съ обѣихъ сторонъ, тогда охотникъ сильно начинаетъ гнать ихъ и заставляетъ броситься на пять ступеней внизъ по склону. Отнюдь олени уже не могутъ выпрыгнуть, но остаются тамъ. Тогда приходитъ лапландецъ и если хочетъ, умерщвляетъ всѣхъ оленей, большихъ и малыхъ. Чрезъ это истребляется разведеніе оленей въ цѣлой странѣ, потому-то другіе лапландцы и ненавидятъ этотъ способъ ловли. По разсказамъ лапландцевъ, ямы прежде тоже употреблялись для ловли оленей, и тѣ ямы, которыя иногда можно видѣть въ Финляндіи тамъ и сямъ, служили для той же цѣли. Западни до-сихъ-поръ употребляются для ловли оленей. Въ настоящее время охота на оленей производится бо́льшею частію съ винтовкою, и нѣкоторые лапландцы увѣряли меня, что въ-теченіе осенняго и весенняго лова имъ случалось застрѣливать по 30 и 40 оленей. Впрочемъ промыселъ этотъ очень ненадеженъ, хотя и очень прибыленъ. Самое вѣрное средство для лапландца-рыбака — пропитать себя зимою, было прежде торговля водкою съ горными лапландцами. Всю муку́, которую удавалось пріобрѣсти рыбакамъ во-время пребыванія ихъ въ бухтахъ, они отдавали финскимъ колонистамъ для выкуриванія изъ нея водки, которую потомъ промѣнивали на оленье мясо горнымъ лапландцамъ, которые во множествѣ приходили зимою въ Энаре. Обыкновенная цѣна водки была: за ведро—олень, за полведра — самка оленя. А какъ лапландецъ-рыбакъ очень любитъ крѣпкіе напитки, то можно судить, какую огромную выгоду доставляла имъ эта торговля. Но въ послѣднее время торговля водкою строго запрещена въ финскихъ округахъ лапландцевъ, потому-что слѣдствія ея были ужасныя.»

Недалеко отъ Ютуа находится домъ для пастора, который наши путники осмотрѣли на пути. Главное зданіе состоитъ изъ двухъ комнатъ, недоступныхъ лучамъ солнца. Въ передней комнатѣ находилась скамья, выпачканная шубами лапландцевъ; въ другой комнатѣ была видна постель изъ гніющихъ листьевъ березы, занимавшая болѣе половины ея. Въ обѣихъ комнатахъ, вмѣсто печей, очаги, и теплота въ комнатѣ удерживается посредствомъ пучка сѣна, который втыкаютъ въ трубу снаружи. Домъ былъ пустъ. Отсюда пѣшкомъ путники дошли до

берега озера Стоурраяуръ (1 миля), гдѣ хотя и нашли хижину лапландца, но она была пуста и лодокъ не было. Проводникъ ихъ увѣрялъ, что озеро нельзя обойти; по этому Кастрéнъ предложилъ разложить огонь на берегу, что́ служитъ обыкновеннымъ сигналомъ въ Лапландіи; но мѣсто, гдѣ находились путники, было закрыто длинными мысами, и слѣдовательно сигналъ былъ бы безполезенъ. Рѣшились послать лапландца-проводника съ Іессіо, для того, чтобъ на одномъ изъ мысовъ они разложили огонь. Въ полночь возвратился Іессіо, и разсказалъ, что лапландецъ, вмѣсто того, чтобы разложить огонь на мысахъ, миновалъ ихъ тихонько и не отвѣчалъ на вопросы Іессіо, и только послѣ угрозъ объявилъ, что онъ знаетъ о мѣстопребываніи лапландцевъ, которымъ принадлежитъ хижина на берегу и идетъ взять у нихъ ботъ, Іессіо же онъ взялъ съ собою для помощи. По этому разсерженный Іессіо возвратился къ путникамъ и послалъ за лодкою одного лапландца, приказавъ ему какъ можно скорѣе явиться къ путникамъ. Передъ утромъ возвратился лапландецъ; онъ былъ очень угрюмъ и, вѣроятно, съ досады, привелъ такую лодку, что путники съ большимъ трудомъ добрались въ ней до ближней лапландской деревни, лежащей на одномъ изъ острововъ Стуорраяуръ. Въ этой деревнѣ они нашли двѣ довольно сносныя комнаты, но лапландцы жили въ хижинахъ, потому, какъ говорили они, что комары менѣе безпокоили ихъ тамъ. Отсюда миля двѣ плыли путешественники по озеру, и достигли финской колоніи на устьи Кемасіоки. Здѣсь глазамъ ихъ представилась картина ужасной нищеты, порожденной страстью къ крѣпкимъ напиткамъ. Отсюда путники вступили на скалы—настоящую землю оленей. На далекое разстояніе кругомъ видѣнъ былъ только одинъ сѣрый мохъ; обширныя болота прерывали скалы тамъ и сямъ. Къ тому же путникамъ попался самый неразговорчивый проводникъ — лапландецъ изъ Юутуа. Угрюмый и недовольный, шелъ онъ впереди, съ ношею за спиною, и ни на какіе вопросы нельзя было добиться отъ него отвѣта, ни посредствомъ водки, ни ласкою, ни угрозами. Онъ постоянно отвѣчалъ: «Я не знаю, право, я не знаю». Это любимое выраженіе лапландца, и онъ часто употребляетъ его вообще, не придавая ему никакого значенія. Однажды я спросилъ одного лапландца, сколько времени онъ живетъ уже на мѣстѣ, «право не знаю, отвѣчалъ онъ, уже девятый годъ».

Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы, путники пришли къ тому мѣсту, гдѣ отецъ проводника ихъ устроилъ свою рыбную ловлю. Они надѣялись на хорошій пріемъ, но жестоко ошиблись: Кастрéнъ попросилъ воды, и ему указали на озеро, находившееся отъ нихъ въ верстѣ; чтобы избѣжать расходовъ на угощеніе, хозяинъ жаловался на не-

удачный промыселъ; даже для нихъ не было мѣста для ночлега, и они начали уже ложиться спать на скалѣ, какъ пришли имъ сказать, что небольшая хижина готова къ ихъ услугамъ; они расположились въ ней, но принуждены были бѣжать оттуда, потому-что ихъ положили на шкуры оленей, наполненныя *домашними паразитами*; это впрочемъ было единственное мѣсто, гдѣ путниковъ приняли такъ дурно. Въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда они нашли хижину, гдѣ имъ оказали самое радушное гостепріимство. Глава семейства былъ разговорчивый и веселый человѣкъ, утѣшавшій себя въ неудачной рыбной ловлѣ тѣмъ, что его нужды не превышаютъ нуждъ комара. Когда Кастрéнъ изъявилъ свое сожалѣніе о бѣдной участи лапландцевъ, хозяинъ отвѣчалъ съ довольнымъ видомъ: «При всей нашей бѣдности мы ведемъ беззаботную жизнь, и не желаемъ ничего лучшаго». Этотъ человѣкъ былъ убѣжденъ, что лапландецъ, лишенный скалъ своей родины, сойдетъ въ могилу, и приводилъ въ примѣръ мальчика, отецъ котораго продалъ его одному богатому господину. Мальчикъ вскорѣ умеръ, и лапландцы были увѣрены, что Богъ смертію сына наказалъ жаднаго, безчувственнаго отца. Кастрéнъ встрѣтилъ потомъ этого отца подлѣ церкви Утсіоки, куда онъ пришелъ на литургію, но не вошелъ въ церковь, потому-что считалъ себя недостойнымъ. Мрачный и молчаливый, ходилъ онъ вокругъ храма во все продолженіе Божественной службы.

Хотя проводникъ-лапландецъ и спросилъ хозяина о дорогѣ къ Міерассіяуръ, но не безъ приключенія прибыли наши путники къ этому мѣсту, проходивъ нѣсколько лишнихъ часовъ подъ дождемъ, отъ котораго не могли укрыться и въ хижинѣ лапландца при Міерассіяуръ, потому-что жена его въ это время мучилась родами, и онъ посовѣтовалъ путешественникамъ укрыться подъ опрокинутою лодкой. Схоронивъ рожденнаго мертвымъ младенца на другое утро, путники взяли лодку у лапландца и отправились въ Утсіоки, куда и прибыли благополучно.

Во-время прибытія въ Утсіоки нашихъ путниковъ, тамъ жило семейство одного финскаго пастора, которое уже нѣсколько лѣтъ провело въ этой пустынѣ, далеко отъ друзей и родныхъ, отъ родины и всего образованнаго свѣта. Глава этой фамиліи, пасторъ І. С., былъ человѣкъ многосторонняго образованія и съ энергическимъ характеромъ. Глубоко уважая свое призваніе, пасторъ І. С. поселился въ Лапландіи не для того, чтобъ новыми учеными открытіями здѣсь заслужить себѣ славу ученаго, еще менѣе для того, чтобъ приготовить себѣ путь къ дальнѣйшему повышенію; но единственно съ цѣлію — проповѣдовать высокое ученіе Іисуса Христа сынамъ пустыни.

Миссіонеры, прежде бывшіе здѣсь, вели жизнь уединенную; но І. С.

рѣшился отказаться отъ такого образа жизни, для того, чтобъ сдѣлать свое пребываніе въ этой унылой странѣ сколько-нибудь пріятнѣе. Для этой цѣли онъ исправилъ прежнее жилище миссіонеровъ, которое состояло изъ маленькой ветхой хижины на озерѣ Манду, почти подлѣ самой церкви Утсіоки. Потомъ онъ отправился въ Финляндію и привезъ оттуда съ собою молодую, милую жену, которая, не колеблясь нисколько, готова была слѣдовать за своимъ мужемъ хотя на край свѣта, не смотря на свое слабое здоровье. Ее сопровождала съ благороднымъ самоотверженіемъ дѣвица Е. Р., бывшая въ то время только пятнадцати лѣтъ.

Въ срединѣ холодной зимы, маленькое семейство это вступило на гостепріимныя скалы Лапландіи. Молодыя дамы должны были сами управлять нартами и удерживать ихъ въ равновѣсіи, между-тѣмъ, какъ быстроногій олень уносилъ ихъ со скалы на скалу впередъ. Цѣлые дни принуждены онѣ были проводить въ этомъ неудобномъ экипажѣ, гдѣ не были нисколько защищены отъ ледяно-холоднаго вѣтра. На ночь останавливались они или на снѣжной пустынѣ, или въ хижинѣ лапландца Сверхъ этихъ неудобствъ, которыя испытываетъ каждый путникъ по Лапландіи, небольшое семейство много выдержало такихъ опасностей, при которыхъ легко было поплатиться жизнію; но Провидѣніе спасло ихъ, и они невредимо достигли цѣли своего странствованія. Хотя новое ихъ жилище было очень тѣсно, но мысль, что они могутъ грѣться у очага, между-тѣмъ какъ на скалахъ бушуетъ буря, — эта мысль наполняла сердца ихъ неизъяснимымъ блаженствомъ.

Впрочемъ, семейству этому не долго суждено было наслаждаться радостію: вскорѣ по прибытіи ихъ въ Утсіоки, небольшое жилище ихъ сдѣлалось добычею пламени. Во-время пожара самъ пасторъ не былъ дома, да и прислуга то же куда-то разошлась, такъ что дамы остались одни. Можно представить себѣ, какъ ужасно было ихъ положеніе! Но и положеніе пастора было не лучше, когда онъ, возвратившись домой, увидѣлъ одно пепелище и не зналъ, какая судьба постигла милыхъ ему женщинъ.—Вотъ отрывокъ изъ письма пастора къ одному изъ друзей его: «Какъ поразилъ меня ужасный видъ обгорѣвшихъ развалинъ нашего жилища, когда, спустя два дня послѣ пожара, я прибылъ домой!— Оленя моего, уставшаго отъ дороги въ 11 миль, я бросилъ на озерѣ, а самъ побѣжалъ къ мѣсту, гдѣ былъ домъ. Между-тѣмъ я пришелъ въ себя и вспомнилъ, что до Соданкиле 50 миль, и до Вади— 16, а моя жена была беременна. Недалеко стояли двѣ или три хижины безъ кровли и дверей. Я посмотрѣлъ туда, но не нашелъ ни одного живаго существа. И вдругъ мнѣ пришла въ голову ужасная мысль: не

сгорѣли ли онѣ? А если и спаслись отъ пламени, то вѣрно замерзли; потому-что ближе мили не было ни одного Лапландца. Я хотѣлъ звать ихъ, но не могъ. И въ такомъ положеніи, навѣрное, я потерялъ бы разсудокъ, если бъ не увидѣлъ Эмму и Эмилію, идущихъ ко мнѣ навстрѣчу отъ одной изъ хижинъ Лапландцевъ. Пожаръ случился ночью. Въ три часа утра жена моя проснулась и позвала служанку, не предвидя ни какой особенной опасности, но замѣтивъ только дымъ въ спальнѣ. Но кухня уже горѣла, и черезъ дверь нельзя было выйти изъ комнаты. Жена моя выпрыгнула въ окно и успѣла только набросить на себя кофту, въ которой и вышла ко мнѣ навстрѣчу. Я плакалъ отъ радости при свиданіи съ ними. Потеря состоянія не очень безпокоила меня...»

Полгода послѣ пожара С. долженъ былъ провести въ томъ домѣ, гдѣ собираются лапландцы въ то время, когда пріѣзжаютъ въ церковь. Вотъ что въ томъ же самомъ письмѣ находимъ мы объ этомъ домѣ: «Согрѣвши одну сторону передъ горящими угольями, поворачиваютъ къ нимъ другую, которая между-тѣмъ озябла. Дымъ былъ постоянно въ комнатѣ. Впрочемъ, хотя старая пословица говоритъ: «гдѣ дымъ, тамъ и тепло», но мы не могли примѣнить ее къ намъ. Кровля хижины пропускала воду, какъ рѣшето, и вѣтеръ съ силою и съ жалобными стонами врывался въ комнату чрезъ отверзтія и щели въ стѣнахъ».

Пять лѣтъ прошло послѣ этого печальнаго событія, и во время пріѣзда сюда Кастрéна, у пастора было уже новое жилище, хотя небольшое и ограниченное, но въ немъ жилось прекрасно. Любовь соединяла членовъ семейства между собою, и для ихъ счастія ничего болѣе не было нужно. По-крайней-мѣрѣ С. увѣрялъ Кастрéна, что онъ нигдѣ не былъ такъ счастливъ, какъ здѣсь; его молодая жена тоже счастлива съ нимъ, посреди дѣтей своихъ. Что́ касается до дѣвицы К., то она чувствовала себя не только довольною въ этомъ семействѣ, но и любила страстно скалы и находила большое удовольствіе мчаться по нимъ на самомъ дикомъ оленѣ. Несмотря однако жъ на это, ея арфа иногда издавала тоны, въ которыхъ можно было разслушать жалобу на пустоту жизни. Эти тоны сдѣлали на одного изъ спутниковъ Кастрéна такое глубокое впечатлѣніе, что черезъ десять дней пребыванія здѣсь, въ семействѣ праздновали помолвку этой молодой дѣвушки, послѣ чего путники оставили Утсіоки и отправились назадъ.

Въ Лапландіи нельзя встрѣтить затрудненія относительно выбора дорогъ; по какой дорогѣ Кастрéнъ ѣхалъ въ Утсіоки, по той долженъ былъ и возвратиться въ Энаре. Іессіо съ спутникомъ Кастрéна отправились въ лодкѣ по Утсіокѣ, а Кастрѐнъ пошелъ берегомъ. Это

было въ началѣ августа мѣсяца, но холодъ былъ очень значителенъ, и бо́льшая часть деревьевъ не только утратила свою зелень, но и листья; цвѣты были побиты морозомъ, и холодный вѣтеръ разгуливалъ по пустынѣ. Вскорѣ показалась на горизонтѣ туча, и Кастре́нъ, забывшій свою peski въ лодкѣ, которая далеко отстала отъ него, ускорилъ свои шаги, желая укрыться отъ непогоды въ хижинѣ рыбака, которую онъ замѣтилъ въ томъ мѣстѣ еще во-время путешествія его въ Утсіоки. Память не обманула Кастре́на — онъ достигъ до хижины еще передъ началомъ непогоды; но тутъ случилась новая бѣда — онъ не умѣлъ отворить обыкновеннаго въ Лапландіи деревяннаго замка. Въ дымовое отверзтіе Кастре́нъ влезть не могъ, и наконецъ замѣтилъ другую хижину; онъ къ ней, но и эта заперта также, а непогода уже началась, снѣгъ и дождь падаютъ на землю въ изобиліи, и холодный вѣтеръ проникаетъ путника насквозь. Онъ употребляетъ послѣднія силы, и замокъ уступаетъ его искусству. Съ трудомъ помѣстился онъ между разною домашнею рухлядью, и наконецъ заснулъ крѣпкимъ сномъ отъ усталости. Первая мысль по пробужденіи была—не проспалъ ли онъ очень долго и можетъ-быть спутники его, оставшіеся въ лодкѣ, не зная того, что онъ укрылся здѣсь отъ непогоды, проѣхали мимо. Кастре́нъ бѣжитъ къ берегу и видитъ, что ботъ отчаливаетъ уже. И въ-самомъ-дѣлѣ, спутники Кастре́на искали его, звали, и не получая отвѣта, рѣшились плыть далѣе, въ полной увѣренности найти его въ слѣдующей хижинѣ, гдѣ они вмѣстѣ провели ночь, но только не въ самой хижинѣ, а около огня, подъ открытымъ небомъ. Благодаря заботливости пастора, путники наши хорошо поужинали, но на другой день рано утромъ должны были отправиться въ Энаре, гдѣ пасторъ Дурхманъ (спутникъ Кастре́на, помолвленный съ дѣвицею К. въ Утсіоки) долженъ былъ отправлять богослуженіе. Они такъ торопились поспѣть во-время, что, хотя съ величайшимъ трудомъ, но сдѣлали въ день около осьми шведскихъ миль (около 80 верстъ) и въ полночь прибыли въ первое финское поселеніе, а оттуда до Энаре бо́льшею-частію въ лодкѣ.

Нѣсколько времени Кастре́нъ провелъ въ Энаре, а частію въ деревнѣ Киро, и здѣсь онъ имѣлъ случай убѣдиться, до какой степени набожны лапландцы. Почти два дня они безпрерывно молились то въ церкви, то въ своихъ маленькихъ комнатахъ. Нѣкоторые изъ нихъ знали наизустъ Новый-Завѣтъ, и Кастре́нъ замѣчаетъ, что при пѣніи псалмовъ, во-время Божественной службы, ни одинъ лапландецъ не заглядывалъ въ книгу, между-тѣмъ какъ финны посматривали частенько туда. И надобно сказать, что лапландцы не очень давно познакомились съ христіанствомъ. Древнѣйшія церкви въ Лапландіи не восходятъ далѣе

временъ Карла III, который строилъ храмы на свой счетъ, и въ прежнее время постоянно жаловались на слабое распространеніе здѣсь христіанской религіи; даже Нильсъ Фельманнъ въ донесеніи своемъ, въ 1751 году, говоритъ о лапландцахъ, что они даже до временъ Королевы Христины ходили, подобно заблудшимъ овцамъ, въ языческомъ невѣжествѣ, употребляли чары и заклинанія, почитали каменныхъ и деревянныхъ идоловъ и молились имъ и, что̀ всего ужаснѣе, приносили имъ въ жертву дѣтей своихъ.

Но съ того времени даже и воспоминаніе объ язычествѣ изгладилось между лапландцами. Они едва знаютъ по имени прежнія божества ихъ предковъ, каковы: Aija (по-фински Aijä, Ukko), Акка (по-фински Akka, Amma), Tuona (по-фински Tuoni) и пр. Всѣмъ извѣстны Seida или названные выше «идолы изъ камня или дерева», которыхъ древніе лапландцы почитали какъ пенатовъ. Говорятъ, что сейдѣ изъ дерева придавали форму человѣка, подобно тому, какъ дѣлаютъ это остяки, вогулы и другіе народы, принадлежащіе къ финскому племени. Не очень давно подобные идолы найдены въ Первола, въ приходѣ Кеми, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ Molekit. Названіе это, вѣроятно, произошло отъ христіанскихъ священниковъ, которые хотѣли показать этимъ, что сейдамъ приносились человѣческія жертвы, подобно тому, какъ это было для идола Молоха; впрочемъ можно сомнѣваться въ этомъ. Что̀ касается до Seida изъ камня, то они, по преданію, состояли бо́льшею-частію изъ естественныхъ камней, отличающихся своею величиною или формою. Въ той части, гдѣ живутъ финны, эти камни называются kenttä-kiwet, что̀ состоитъ изъ двухъ финскихъ словъ: kenttä — мѣсто жительства и kiwi (множеств. число kiwet) камень, что еще болѣе утверждаетъ въ мнѣніи, что Seida были пенаты. Впрочемъ были каменные Seida, сдѣланные руками человѣка, изъ камней, въ видѣ неправильной массы положенныхъ, но такъ что одинъ представлялъ голову, другіе плечи, грудь и другія части тѣла.

Подобнаго рода Seida Кастренъ видѣлъ на озерѣ Энаре, на одномъ изъ острововъ его, во-время поѣздки изъ церкви къ деревнѣ Кире. Лапландцы очень боялись этого истукана, съ ужасомъ указывали на темныя пятна крови и жира на поверхности его, которыми прежде обмазывали его, и, кажется, вѣрили, что злой духъ и теперь живетъ въ этомъ идолѣ. Изъ боязни, чтобъ духъ этотъ не послалъ на нихъ непогоды, сопровождавшій Кастрена лапландецъ просилъ ихъ оставить это мѣсто ужаса, и какъ только мы отъѣхали отъ острова, онъ запѣлъ псаломъ во славу Истиннаго Бога.

Испуганные несомнѣнными признаками приближающейся осени, пут-

нки наши, не отдохнувъ совершенно въ Кире, оставили, 15 августа, эту деревню, и черезъ скалы направили путь свой къ озеру Сомбіо, а по немъ къ устью р. Луиро. Дождь и непогода были постоянными ихъ спутниками, а ночь надобно было проводить подъ открытымъ небомъ! По рѣкѣ Луиро встрѣчали они много колоній финновъ, которые отъ семнадцатилѣтняго неурожая были въ крайней бѣдности, и принуждены были сначала употреблять хлѣбъ изъ коры древесной съ соломою, потомъ и этой не стало у нихъ, и они къ корѣ примѣшивали траву, называемую по-фински weserikko (Cerastium vulgari). Рыбныя ловли были тоже неудачны, а скотоводство у нихъ стоитъ на самой низшей степени, хотя луга около рѣки очень хороши. Многіе изъ жителей выселились отсюда, а другіе ожидаютъ конца мученіямъ и смотрятъ на нихъ, какъ на заслуженное наказаніе. Отъ деревни Локка до колоніи Тангуа путники, желая избѣжать лишней дороги по кривизнамъ рѣки, шли пѣшкомъ, а отсюда приняли намѣреніе отправиться къ церкви Соданкиле сухимъ путемъ, и потомъ по Киттинену въ озеро Кеми. Когда путники объявили колонистамъ Тангуа свое намѣреніе, эти послѣдніе совершенно отказались провожать ихъ, потому-что это путешествіе было сопряжено съ опасностію жизни. Дорога идетъ, говорили они, по трясучимъ болотамъ, которыя отъ дождя такъ сдѣлались жидки, что нѣтъ никакой возможности пройти ихъ, не потонувъ. Но эти разсказы не остановили путниковъ; они назначили высокую плату тому, кто покажетъ имъ дорогу чрезъ озеро, миль въ пять длиною, обязуясь сверхъ-того угостить проводника хлѣбомъ и водкою. Одинъ изъ колонистовъ вызвался быть ихъ проводникомъ, и увѣрялъ ихъ, что онъ переходилъ это озеро нѣсколько разъ и днемъ и ночью, и пьяный и трезвый, и что готовъ итти съ ними хоть на смерть.

Съ восходомъ солнца они оставили колонію, и нѣсколько времени шли по прекрасной, сухой мѣстности; но вскорѣ взорамъ ихъ представилось обширное болото, на которое даже проводникъ ихъ, казалось, не могъ смотрѣть безъ содроганія. Вскорѣ водка придала ему смѣлости, и онъ, вооружившись шестомъ, аршинъ въ пять длиною, отважно вступилъ въ болото, которое только отчасти было покрыто мохомъ. За нимъ, попятамъ, слѣдовали путники, и должны были стараться ступать именно туда, куда ступалъ проводникъ ихъ, иначе они подвергались большой опасности. Привыкши съ дѣтства къ этой дорогѣ, проводникъ лучше путешественниковъ нашихъ могъ различать мѣста, но и онъ иногда останавливался и пробовалъ почву своею палкою. Если большое пространство болота казалось ему подозрительнымъ, онъ уходилъ впередъ на рекогносцировку, и остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи, указы-

валъ путникамъ дорогу своею палкою, причемъ не обходилось безъ того, чтобы путники не испытывали страха погрузиться въ болото. Да и можно ли быть совершенно равнодушнымъ, когда идешь по колѣни въ болотѣ и не можешь разсчитать отношенія между тяжестію своего тѣла и твердостію болота, на которомъ качаешься и которое подъ ногами волнуется, какъ море въ бурю.

Трясучія и пустынныя болота прерываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшимъ кряжемъ твердой почвы, и эти мѣста служили мѣстами отдохновенія. Проводникъ на каждомъ такомъ привалѣ пилъ водку и утѣшалъ путниковъ разсказами, въ которыхъ главную роль играли змѣи, во множествѣ находящіяся въ Соданкиле, хотя ихъ вовсе нѣтъ въ настоящей Лапландіи. Вотъ что разсказывалъ проводникъ о змѣяхъ. Змѣи, подобно людямъ, живутъ обществами, имѣющими свои законы и учрежденія. Глава общества, съ нѣсколькими подчиненными ему чиновниками, управляютъ змѣями. Одинъ разъ въ году змѣи каждаго общества дѣлаютъ собраніе (käräjät), въ извѣстномъ нарочно выбранномъ для этого мѣстѣ. Въ этихъ собраніяхъ каждый имѣетъ право просить своего старшину о дѣлахъ, и тотъ не только между змѣями производитъ судъ и расправу, но назначаетъ штрафы животнымъ и даже людямъ, на которыхъ змѣи приносятъ жалобы.

Замѣчательно, что подобное понятіе о змѣяхъ Кастрѐнъ встрѣтилъ и въ Сибири, у тѣхъ племенъ, которые родственны финнамъ; кажется даже, что у этихъ народовъ змѣи находятся въ особенномъ уваженіи; по-крайней-мѣрѣ ихъ шаманы высоко почитаютъ власть змѣй, и потому носятъ змѣй, сплетенныхъ изъ конскихъ волосъ на платьѣ, употребляемомъ во-время ихъ обрядовъ. Финскіе шаманы, сколько извѣстно Кастрѐну, не имѣютъ подобныхъ символовъ, но у нихъ можно видѣть различныя чародѣйскія орудія, которыя невольно заставляютъ предполагать здѣсь вѣрованіе въ сверхъ-естественную силу змѣй

Вотъ нѣсколько этихъ орудій.

1. Камень змѣинаго суда (käärmeĥen käräjäkiwi), который находятъ въ разсѣлинахъ скалъ, во-время жатвы, когда змѣи расходятся изъ собранія. Шаманы считаютъ его весьма хорошею помощію при процессахъ.

2. Змѣиный желудокъ (käärmeĥen suoli), который настругиваютъ въ кормъ и питье лошади, для того, чтобъ удержать ее въ тѣлѣ.

3. Змѣиное горло. Чрезъ него шаманъ льетъ воду въ ротъ того, у кого болитъ шея.

4. Змѣиный зубъ. Его прижимаетъ шаманъ къ больнымъ мѣстамъ, въ то время, когда читаетъ заклинанія.

5. Вѣточка, которую змѣя должна имѣть во рту во-время плаванія, иначе она утонетъ. Вѣтка сообщаетъ способность кусать самое твердое желѣзо; также полезна и въ процессахъ.

Пройдя болото, путники, около полуночи, прибыли въ прекрасную колонію, гдѣ рѣшились провести ночь. Войдя въ комнату, Кастрѐнъ замѣтилъ, что вмѣсто привѣтствія, семья удалилась отъ нихъ въ противоположный уголъ, откуда смотрѣли на нихъ не очень дружелюбно; но, усталый, онъ легъ на скамью и вскорѣ заснулъ, не обративъ большаго вниманія на подобный пріемъ. Вскорѣ хозяйка разбудила его и приглашала въ баню, стараясь извиниться въ недружелюбномъ пріемѣ, который она ему сдѣлала. Между-тѣмъ проводникъ шепнулъ на ухо, что ихъ приняли сначала за бродягъ, и что онъ долженъ былъ выслушать упреки за сообщество съ ними, и едва увѣрилъ колонистовъ, что путешественники люди порядочные, хотя платье ихъ изорвано вѣтвями и прокопчено дымомъ. Утромъ хозяйка угощала ихъ прекраснымъ кофе.

Послѣ завтрака путники отправились въ Соданкиле, куда прибыли еще до начала литургіи. Жители Соданкиле происходятъ отъ лапландцевъ, но приняли теперь уже языкъ и образъ жизни финновъ. Они занимаются земледѣліемъ, которое, впрочемъ, здѣсь не всегда производится съ успѣхомъ. Морозъ часто уничтожаетъ жатву, или хлѣбъ снимаютъ незрѣлымъ, боясь морозовъ. Охота, рыбная ловля и скотоводство находятся не въ цвѣтущемъ состояніи. Природа очень скудно надѣлила своими дарами этотъ уголокъ Финляндіи, и жители здѣшніе иногда принуждены бываютъ питаться травою; даже были примѣры такой нужды и голода, что выкапывали издохшихъ животныхъ и мясо ихъ употребляли въ пищу.

Внизъ по теченію рѣкъ Киттиненъ и Кеми путники прибыли въ Кемитрескъ, лежащій нѣсколькими милями южнѣе Соданкиле. Въ этомъ приходѣ не очень давно жили лапландцы, которые мало-по-малу заняли отъ финновъ языкъ, нравы и образъ жизни. Эту метаморфозу надобно приписать первымъ миссіонерамъ въ округѣ Кеми, Іакову Лаподіусу и Исаіи Маскету, которые нетолько научили лапландцевъ финскому языку и проповѣдовали на немъ Евангеліе, но вызвали нѣсколько финскихъ семействъ изъ приходовъ Іе и Улеа и поселили ихъ частію въ Кемитрескѣ, а частію далѣе на сѣверѣ. Это обстоятельство очень много способствовало распространенію здѣсь финскаго образованія, что и не нравилась сначала лапландцамъ. И теперь еще въ языкѣ жителей Кемитреска и Соданкиле много особенностей, показывающихъ ихъ лапландское происхожденіе.

Приходы Рованіеми и Кеми, прежде населенные лапландцами, но

позже получившіе бо́льшую часть жителей изъ русской Карелiи или земли древнихъ бiармовъ, богаче предъидущихъ. Успѣху земледѣлія неблагопрiятствуетъ здѣсь климатъ; но ловля лососовъ (семги) и скотоводство доставляютъ жителямъ хорошія выгоды, которыя еще болѣе увеличиваются торговыми спекуляціями, страсть къ которымъ жители наслѣдовали отъ бiармовъ. Торговыя спекуляціи приводятъ ихъ часто въ Стокгольмъ и Петербургъ. Въ характерѣ здѣшнихъ жителей можно замѣтить подвижность, присутствіе духа, твердость и рѣшимость во всѣхъ предпрiятiяхъ, что́ надобно отчасти приписать и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Рѣка Кеми въ нижнихъ частяхъ своего теченія очень быстра, многоводна и имѣетъ много пороговъ и водопадовъ; плаваніе по ней сопряжено съ большими опасностями и требуетъ нетолько физическихъ силъ, но ума и соображенія, и эти обстоятельства могутъ имѣть извѣстное вліяніе на жителей, проводящихъ на Кеми бо́льшую часть своей жизни.

Во-время путешествія Кастре́на еще не была проложена дорога отъ Рованіеми до Кеми, а потому онъ отправился водою, внизъ по рѣкѣ Кеми, и безъ особенныхъ приключеній прибылъ въ Кеми, гдѣ и окончилось его путешествіе по Лапландіи.

ПЕРЕКРЕСТОВЪ.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО МОРСКАГО ОФИЦЕРА.

—

I.

От Кронштадта до острова Тенерифа.—Островъ Тенерифъ.

Четыре уже года Европа наслаждалась вожделѣннымъ миромъ. Въ тѣсной рамѣ съ 1800 по 1815 годъ было столько великихъ событій, столько кровавыхъ войнъ, что исторія всѣхъ временъ и народовъ едвали можетъ представить подобную картину. Не скоро явится историкъ, который бы могъ смѣлою и вѣрною рукою достойно описать эту въ высшей степени интересную европейскую драму.

Между множествомъ лицъ, дѣйствовавшихъ и являвшихся на сценѣ важнѣйшихъ событій, два главныя, рѣзко выдаваясь на первомъ планѣ, оставляютъ далеко за собою всѣхъ и все. Одинъ, геніяльный воинъ — причина всѣхъ смутъ и волненій, угасалъ тогда на пустынной скалѣ среди Атлантическаго океана. Другой, нашъ благословенный Александръ, даровавъ Европѣ миръ, обращалъ все свое вниманіе на внутреннее устройство Государства. Онъ желалъ, чтобъ Россія, прославленная военными и гражданскими доблестями, принесла свои дары въ сокровищницу человѣческихъ знаній.

Для этой цѣли, въ ряду многихъ полезныхъ учрежденій и предпріятій, Императору Александру I-му благоугодно было повелѣть снарядить двѣ ученыя экспедиціи—одну къ сѣверному, другую къ южному полюсу. Первая, войдя въ Беринговъ проливъ, должна была искать прохода по сѣверную сторону Америки, и слѣдуя Ледовитымъ океаномъ къ востоку, возвратиться, если можно, этимъ путемъ въ Россію. Для этой экспедиціи назначены были два шлюпа: «Открытіе» и «Благонамѣ-

ренный», подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Васильева и лейтенанта Шишмарева. Второй экспедиціи къ южному полюсу, состоявшей изъ шлюповъ: «Востокъ» и «Мирный», предназначено было осмотрѣть тѣ части южнаго Ледовитаго океана, въ которыхъ никто еще не бывалъ, стараться, сколь возможно, приблизиться къ южному полюсу, отыскивать неизвѣстныя земли и не оставлять этого предпріятія дотолѣ, пока не представятся непреодолимыя препятствія. Начальникомъ этой экспедиціи и шлюпа «Востокъ» назначенъ былъ капитанъ 2-го ранга Беллинсгаузенъ, вызванный для этого изъ Черноморскаго флота; начальникомъ «Мирнаго» былъ лейтенантъ Лазаревъ.

Командирамъ шлюповъ предоставлено было право избрать офицеровъ и служителей; впрочемъ окончательное назначеніе первыхъ зависѣло отъ морскаго министра. Несмотря на трудности и опасности, которыхъ надлежало ожидать въ предстоящихъ экспедиціяхъ, число офицеровъ, желающихъ въ нихъ участвовать, было такъ велико, что надо приписать особенному счастію, когда выборъ палъ и на меня. Вотъ какъ это случилось: недавно выпущенный изъ морскаго кадетскаго корпуса въ офицеры, я только-что возвратился изъ домоваго отпуска въ Кронштадтъ, имѣя отъ моего отца письмо къ М. П. Лазареву, съ которымъ онъ былъ нѣсколько знакомъ. На другой же день по пріѣздѣ въ Кронштадтъ, рано утромъ отправился я въ Галкину улицу, гдѣ жилъ тогда М. П. Лазаревъ.

Всѣ отдавали полную справедливость отличнымъ знаніямъ лейтенанта Лазарева по морской части; онъ считался однимъ изъ первыхъ морскихъ офицеровъ въ нашемъ флотѣ, и былъ дѣйствительно таковъ, обладая въ высокой степени всѣми нужными для этого качествами. Онъ нѣсколько лѣтъ находился для практики волонтеромъ на англійскомъ флотѣ, а въ 1813—16 годахъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе на суднѣ «Суворовъ», принадлежавшемъ Россійско-американской компаніи. Съ робостію вошелъ я въ домъ знаменитаго моряка. Пока дожидался я въ залѣ, глазамъ моимъ представились: секстаны, артифиціальные горизонты, компасы, зрительныя трубы, песочные часы, словомъ вездѣ видны были морскіе атрибуты. Вдругъ растворилась изъ боковой комнаты дверь, и въ залу вошелъ, въ форменномъ сюртукѣ безъ эполетъ, довольно полный, молодыхъ еще лѣтъ мужчина. Быстро окинувъ меня глазами и пробѣжавъ письмо, онъ сказалъ:

— Я бы не прочь васъ взять, хотя меня и засыпали просьбами! Не знаетъ-ли васъ дежурный генералъ Назимовъ?

— Онъ былъ такъ милостивъ, что обратилъ на меня вниманіе

при бывшемъ недавно въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ экзаменѣ; можетъ-быть онъ меня вспомнитъ.

— Но точно-ли вы желаете итти въ дальній вояжъ, особенно къ южному полюсу, гдѣ будетъ много трудовъ и опасностей?

— Какой же офицеръ побоится трудовъ и опасностей и не пожелаетъ участвовать въ такой экспедиціи!

Тутъ Лазаревъ спросилъ меня: умѣю-ли дѣлать обсерваціи. Я откровенно признался, что до-сихъ-поръ не имѣлъ никакого въ нихъ навыка, потому-что въ корпусѣ въ то время преимущественно занимались теоретическою астрономіей и вычисленіями, а обсерваціи удавалось дѣлать весьма рѣдко. М. П. продолжалъ говорить и доказывать, что для морскаго офицера практическая астрономія полезнѣе теоретической. Потомъ, перемѣнивъ разговоръ, сказалъ:

— Я вамъ сейчасъ дамъ письмо къ С. А. Кузнецову поѣзжайте не медля въ Петербургъ, явитесь къ нему и къ В. Г. Назимову. Если желаете быть въ дальнемъ вояжѣ, не теряйте времени.

Чрезъ четверть часа письмо къ Кузнецову было въ моихъ рукахъ. Поблагодаривъ М. П., я съ первымъ пароходомъ отправился въ Петербургъ.

Все шло какъ нельзя лучше. На другой день, по приказанію дежурнаго генерала Назимова, я пошелъ къ морскому министру Маркизу де-Траверсе. Когда министръ вошелъ въ пріемную залу, и дошла очередь до меня, генералъ Назимовъ и С. А. Кузнецовъ объяснили ему сами, въ чемъ заключается моя просьба Министръ обошелся со мною благосклонно, и тутъ же приказалъ С. А. Кузнецову назначить меня на шлюпъ «Мирный». Можно представить мое восхищеніе!

Между-тѣмъ шлюпы «Востокъ» и «Мирный» почти были уже вооружены и вытянулись вмѣстѣ съ шлюпами «Открытіе» и «Благонамѣренный» на малый кронштадтскій рейдъ. (О составѣ экипажей обоихъ шлюповъ, ихъ размѣрѣ и пр. см. приложеніе 1).

23 іюня посѣтилъ наши шлюпы морской министръ вмѣстѣ съ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта, а на другой день Государь изволилъ осчастливить Высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ шлюпы «Востокъ» и «Открытіе». Его Величество по обозрѣніи всего въ подробности, пожелалъ благополучнаго пути и возвратился чрезъ Ораніенбаумъ въ Петергофъ.

25 іюня начальники обѣихъ экспедицій представлялись Его Величеству въ Петергофѣ. При этомъ случаѣ Государь Императоръ изволилъ имъ изустно объявить Высочайшую свою волю, чтобы «во-время пребыванія у просвѣщенныхъ, равно и у дикихъ народовъ, снискивали любовь и

уваженіе; сколь можно дружелюбнѣе обходились съ дикими народами, и безъ самой крайности не употребляли огнестрѣльнаго оружія». Потомъ капитаны Беллинсгаузенъ и Васильевъ приглашены были къ столу Государя Императора и послѣ обѣда возвратились на шлюпы.

Въ-послѣдствіи капитанъ Беллинсгаузенъ разсказывалъ, что когда Государь Императоръ милостиво изволилъ разговаривать съ нимъ о предстоящемъ намъ плаваніи, онъ осмѣлился изложить свое мнѣніе, что въ настоящее время всѣ моря изслѣдованы и невозможно уже сдѣлать особенно важныхъ открытій. На что Государь Императоръ изволилъ сказать только: «посмотримъ!»

Ограничивая южное Ледовитое море параллелью 60° широты и даже два-три градуса далѣе къ полюсу, дѣйствительно, отъ оконечностей всѣхъ южныхъ материковъ до этой параллели, послѣ путешествія знаменитаго Кука, нельзя предполагать, чтобъ существовалъ какой-либо берегъ или значительной величины островъ. Но отъ этой параллели къ полюсу остается довольно еще пространства, даже для цѣлаго шестаго континента. Впрочемъ Кукъ свидѣтельствуетъ, что послѣ неимовѣрныхъ усилій его проникнуть между ледяными громадами далѣе къ югу * и тщетныхъ попытокъ открыть южный материкъ, если бъ даже таковой и существовалъ, достиженіе его совершенно невозможно.

До какой степени справедливо это мнѣніе и не произошло-ли въ промежуткѣ времени около полувѣка какой-либо перемѣны съ ледяными полями и, такъ-названнымъ имъ, неподвижнымъ льдомъ, эти вопросы надлежало рѣшить нашей экспедиціи.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый день: 4 іюля въ шесть часовъ пополудни мы снялись съ якоря. Вся пристань была унизана зрителями; всѣ желали намъ счастливаго плаванія, махали шляпами и кричали ура! Прокричавъ въ свою очередь ура! и отсалютовавъ крѣпости, при ровномъ благополучномъ вѣтрѣ мы быстро понеслись впередъ. Кронштадтъ скоро началъ скрываться и чрезъ часъ исчезъ изъ виду, только вершины мачтъ съ вымпелами виднѣлись еще на горизонтѣ. Прощай родной край, прощай на долго! Увидимъ не скоро мы тѣхъ, которые такъ близки, такъ дороги нашему сердцу!...

Весь этотъ вечеръ мы провели на палубѣ. Погода была прекрасная, захожденіе солнца величественное! Радость была изображена на лицѣ каждаго, но радость тихая, какъ бы задумчивая. Конечно, каждый внутренно просилъ Божія благословенія нашему плаванію и вспоминалъ о близкихъ, съ которыми мы разлучались на долго... 14 іюля

* Только въ одномъ мѣстѣ удалось ему достигнуть 71° южной широты.

пришли мы на Копенгагенскій рейдъ. Шлюпы «Открытіе» и «Благонамѣренный», вышедшіе вмѣстѣ съ нами съ кронштадтскаго рейда, стояли уже тамъ на якорѣ.

Въ Копенгагенѣ должны были присоединиться къ нашимъ экспедиціямъ натуралисты: Мертенсъ и Кунце. Но посланникъ нашъ баронъ Николаи объявилъ, что получилъ отъ этихъ господъ письма, которыми они отказываются отъ участія въ путешествіяхъ, приводя въ извиненіе, что они не имѣли довольно времени, чтобъ къ нимъ приготовиться. Но просьбѣ капитана Беллинсгаузена, баронъ Николаи отыскалъ въ Копенгагенѣ одного натуралиста, который изъявилъ согласіе итти съ нами къ южному полюсу, но родственники, не рѣшаясь отпустить его въ далекое и опасное плаваніе, увезли молодаго ученаго за городъ на все время пребыванія нашего въ Копенгагенѣ *. 19 іюля оба отряда снялись съ якоря и отправились въ Портсмутъ, котораго достигли 29 іюля, и стали на якорь на Спитгедскомъ рейдѣ. 1 августа капитанъ Лазаревъ, докторъ Галкинъ, мичманъ Куприяновъ и я отправились, вмѣстѣ съ капитаномъ Беллинсгаузеномъ и нѣкоторыми офицерами шлюпа «Востока», въ дилижансѣ въ Лондонъ. На другой день рано утромъ прибыли туда и остановились въ Страндской улицѣ, въ гостинницѣ «Coffee-house hungerfort». Описывать Лондонъ, слишкомъ всѣмъ извѣстный, было бы нелюбопытно. Поутру мы обыкновенно посѣщали разныхъ инструментальныхъ мастеровъ: Арнольда, Барро—для осматриванія хронометровъ, Доллонда и другихъ—для зрительныхъ трубъ, и глухаго Траутона—для секстановъ и артифиціальныхъ горизонтовъ. Старичокъ этотъ безпрестанно приставлялъ къ своему уху слуховую трубу, но и затѣмъ мало слышалъ; впрочемъ инструменты его и особенно секстаны съ десятисекуднымъ дѣленіемъ были превосходны. Мы осмотрѣли, какъ водится, Петропавловскую церковь, Вестминстерское аббатство, Тоуеръ; по вечерамъ были въ театрахъ и одинъ разъ въ воксалѣ. Тутъ было множество посѣтителей: молодость и старость равно веселилась. Въ одной залѣ, въ углу, я видѣлъ старика и двухъ старухъ, имъ было троимъ лѣтъ двѣсти, и они усердно выплясывали джигу. Въ одной бесѣдкѣ, на балконѣ декламировала актриса; фокусники забавляли зѣвакъ разными штуками, въ аллеяхъ, освѣщенныхъ разноцвѣтными шкаликами, толпились гуляющіе. Жаль только что воздухъ былъ пропитанъ сигарочнымъ дымомъ.

10 августа мы возвратились опять въ дилижансахъ въ Портсмутъ. На шлюпахъ производились еще нѣкоторыя работы. Между-тѣмъ намъ

* За тридцать-четыре года предъ этимъ, трудно было сыскать двухъ натуралистовъ для экспедиціи къ южному полюсу; теперь для подобной экспедиціи явились бы сотни желающихъ!..

удалось съѣздить на островъ Вайтъ. Вездѣ роскошная зелень, замки съ обширными парками, красивые домики, обвитые зеленью и цвѣтами, дорога гладкая какъ полъ, съ обѣихъ сторонъ окаймлена деревьями. Нѣтъ ни одного уголка, который бы не былъ воздѣланъ, обработанъ. Надо отдать справедливость: англичане умѣютъ жить и обладаютъ въ полномъ смыслѣ комфортомъ!

Посланникъ нашъ въ Англіи, графъ Ливенъ обѣщалъ начальнику нашей экспедиціи пріискать натуралиста. По просьбѣ его, предсѣдатель лондонскаго королевскаго общества, серъ Джозефъ Бенксъ взялся за это дѣло, но кончилось тѣмъ, что 28 августа, получивъ все нужное, мы вышли изъ Портсмута безъ натуралиста.

2 сентября попутный вѣтеръ засвѣжѣлъ; мы идемъ по Атлантическому океану. Волны океана не похожи на волны Балтійскаго моря, усѣяннаго островами и мелями. Волны океана идутъ длинными рядами, правильно, корабль не бросается во всѣ стороны, но восходитъ и нисходитъ по волнамъ плавно, хотя и болѣе кренится *. Къ вечеру вѣтеръ и волненіе моря усилились, шлюпъ обоими боками почти доставалъ до воды. Одинъ разъ такъ сильно качнуло, что въ каютъ-компаніи полетѣли стулья и все что было на столѣ: чашки, стаканы, бутылки попадали. Забавно было смотрѣть на наши тѣлодвиженія и жесты, чтобъ сохранить равновѣсіе и также не полетѣть на полъ со стульями. Здѣсь кстати сказать о нашей морской жизни и препровожденіи времени. День у насъ раздѣлялся на пять вахтъ, или очередей, а именно: 1-я вахта съ полудня до шести часовъ, 2-я съ шести часовъ до полуночи, 3-я съ перваго до пятаго, 4-я съ пятаго до девятаго и 5-я съ девятаго до полудня.

Въ восемь часовъ поутру мы сбирались въ каютъ-компанію пить чай. Тутъ разсказывались новости, если были какія на ночныхъ вахтахъ. Новости эти были бы не очень понятны для неслужившихъ въ морской службѣ. Въ десять часовъ дѣлали солнечныя наблюденія, по которымъ вычисляли время на шлюпѣ; сравнивая это время съ хронометромъ, получалась долгота мѣста. Предъ полуднемъ всѣ офицеры являлись на палубу брать секстанами полуденную высоту солнца. Особенный звонъ колокола «рында» возвѣщалъ полдень. Послѣ чего каждый спѣшилъ вычислять широту мѣста шлюпа въ полдень.

Въ часъ сходились къ обѣденному столу, не роскошному, но всегда хорошо приготовленному; капитанъ Лазаревъ обѣдалъ и пилъ чай вмѣстѣ съ нами. Въ каютъ-компаніи всякій занимался своимъ дѣломъ;

* Наклоняется.

притомъ у насъ была довольно значительная библіотека русскихъ и отчасти иностранныхъ книгъ; мы напередъ условились, кому какія взять книги. Карты рѣшительно изгнаны были на нашемъ шлюпѣ: капитанъ Лазаревъ не могъ терпѣть ихъ. Хорошій вечеръ обыкновенно проводили на палубѣ. Тутъ начинались забавы матросовъ; иные собравшись въ кучку пѣли пѣсни, другіе забавлялись гимнастическими играми, и день оканчивался пріятно.

13 сентября. При захожденіи солнца показался на горизонтѣ, миляхъ въ девяностѣ, величественный пикъ Тенерифскій. По сдѣланной секстаномъ обсерваціи, приблизительная высота его оказалась около 11,500 футовъ отъ поверхности моря. 15 сентября рано утромъ открылись берега острова Тенерифа. Мы держали къ восточной его сторонѣ, къ городу Санта-Крусу. Вскорѣ обозначился весьма красивый городокъ, расположенный амфитеатромъ у подошвы высокихъ горъ. Бѣлые домики съ двумя башнями, изъ которыхъ одна возвышалась на оконечности лѣвой стороны, а другая на правой сторонѣ, среди зелени и темныхъ высокихъ горъ, представляли прекрасную картину. Въ два часа мы бросили якорь на Санта-крупкомъ рейдѣ и поѣхали въ городъ. Мы вышли на большую, продолговатую площадь, вымощенную плитами, и нашли тамъ много прогуливающихся. Мужчины и женщины высшаго сословія одѣваются по-европейски; изъ низшаго класса, первые носятъ куртки, а послѣднія покрываютъ головы бѣлою шерстяною матеріею и сверху надѣваютъ мужскія круглыя шляпы. Площадь украшена съ одной стороны мраморнымъ крестомъ, съ другой изображеніемъ Богоматери съ крестомъ въ рукахъ. Оба священныя изображенія сдѣланы въ Генуѣ изъ бѣлаго лучшаго мрамора и пожертвованы городу санта-круцкимъ жителемъ, купцомъ Монтаньего.

Между жителями, какъ видно, много бѣдныхъ; на каждомъ шагу мы встрѣчали людей въ рубищахъ съ блѣдными, болѣзненными лицами, просящихъ милостыню. Дѣти, по наученіямъ матерей, окружали насъ и протягивая ученки кричали: квартето! квартето! такъ называется у нихъ мелкая серебряная монета.

Нечистота и худой воздухъ въ городѣ заставили насъ направить путь къ ближнимъ горамъ. Вышедъ за городъ, мы вездѣ видѣли прекрасные луга съ цвѣтами; высокія деревья съ густыми вѣтвями давали намъ пріятную защиту отъ солнца.

Всѣ загородные сады были для насъ отворены, жители наперерывъ звали къ себѣ щедрыхъ иностранцевъ—такъ величали они русскихъ, щедро платившихъ за всякія бездѣлицы. Мы рвали по дорогѣ, возлѣ садовъ, тяжелыя кисти спѣлаго винограда, который здѣсь ни почемъ,

дешевле клюквы. Подошедъ къ одной горѣ, мы взобрались по тропинкѣ на самую вершину. Тутъ представилось намъ необозримое море съ несущимися къ острову, какъ стая лебедей, кораблями; городъ показался въ видѣ бѣлыхъ камешковъ, разсыпанныхъ узорами по цеску, а шлюпы наши обратились въ маленькія, едва примѣтныя лодочки. Воздухъ былъ ароматическій, небо ясное, чистое, но облака, плавали надъ пикомъ. У жителей есть поговорка: «Нѣтъ неба лучше тенерифскаго!» Сходя съ горы внизъ другою дорогою, мы нашли чистый, холодный ручей: напившись воды и отдохнувъ, пришли уже поздно вечеромъ въ городъ. Здѣсь ведутъ, какъ говорятъ, жизнь праздную и преданы игрѣ, которой посвящаютъ бо́льшую часть сего времени.

На другой день городской маіоръ, донъ-Хуанъ Мельорина пригласилъ насъ осмотрѣть его музей натуральной исторіи, въ которомъ болѣе всего любопытны хорошо сохранившіяся муміи Гванчесовъ, первобытныхъ жителей этого острова. Судя по этимъ муміямъ, нельзя заключить, чтобъ Гванчесы были народъ необыкновеннаго роста, какъ думали нѣкоторые историки.

Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ предпринимали трехдневное путешествіе въ городъ Оратаву. По возвращеніи, они описывали долину оратавскую самымъ прелестнымъ мѣстомъ, надѣленнымъ всѣми благами природы. Между-прочимъ они видѣли одно драконово дерево, имѣющее въ объемѣ близъ поверхности земли до 36 футовъ.

Тщетно мы желали видѣть пикъ Тенерифскій. Вершина его всегда была покрыта облаками. Только однажды великанъ, стряхнувъ съ чела своего сѣдое покрывало, явился во всемъ грозномъ величіи, но это было на одно мгновеніе; густыя облака опять заволокли вершину.

На этомъ островѣ мы запаслись хорошимъ тенерифскимъ виномъ; за пипу стараго платили по 135, и молодаго по 95 испанскихъ талеровъ.

19 сентября. Оставивъ Санта-крудкій рейдъ, мы направили путь по западную сторону острововъ Зеленаго мыса. 22, съ сѣверовосточнымъ пассатнымъ вѣтромъ перерѣзали сѣверный тропикъ и вошли въ жаркій поясъ. Какъ жаль, что съ нами не было натуралиста, какое обильное поле для наблюденій представило бы ему море и воздухъ!

Въ струѣ за кормою плыли дельфины, бониты, акулы или шарки,*

* Шаркъ, или акула (Squalus Carcharias) имѣетъ всегда спутниками или лоцманами маленькихъ пять или семь рыбокъ (Gasterosteus ductor, pilot у англичанъ). Большая рыбка имѣетъ постоянное положеніе надъ спиннымъ плавникомъ акулы, слѣдуя съ величайшею точностью всѣмъ ея движеніямъ, между-тѣмъ какъ прочія три или пять рыбокъ плаваютъ всѣ рядомъ такъ близко предъ ея носомъ, что съ перваго взгляда издали кажутся усами этой чудовищной рыбы.

не отставая отъ насъ. Тропическія птицы летали надъ шлюпомъ, морской орелъ, Фрегатъ, распустивъ широкія крылья, стоялъ неподвижно въ воздухѣ надъ гротъ-брамъ-реей, несмотря на скорость нашего хода, семи и осьми-узловъ * въ часъ. Надъ головами сновали летучія рыбки. Бѣдной этой рыбкѣ нѣтъ пощады ни въ морѣ, ни въ воздухѣ.

Въ морѣ преслѣдуютъ ее бониты и дельфины, въ воздухѣ тропическія птицы; отъ послѣднихъ нѣтъ ей спасенія и въ настоящей своей стихіи, Фрегатъ, завидя съ высоты свою добычу, стрѣлой падаетъ внизъ и хватаетъ даже на нѣкоторой глубинѣ несчастную рыбку.

Дельфиновъ мы легко ловили, надѣвая на толстый крючекъ лоскутъ краснаго флагдука. Они скоро хватали эту приманку, попадались на крючекъ и были поднимаемы на палубу. Дельфины имѣютъ необыкновенную силу даже съ палубы дѣлать высокіе прыжки; одинъ изъ нихъ, поменьше сажени, такъ ловко скакнулъ, что полетѣлъ сквозь раскрытый люкъ, прямо въ капитанскую каюту и упалъ плашмя на столъ, на которомъ лежали морскія карты, циркули, карандаши, линѣйки. Чешуя дельфина, пока онъ живъ, блеститъ какъ разноцвѣтная фольга.

Вообще плаваніе въ тропическихъ моряхъ восхитительно! Между-тѣмъ какъ судно съ пассатнымъ вѣтромъ подъ всѣми парусами быстро несется къ своей цѣли, безчисленное множество разнообразныхъ обитателей моря и воздуха безпрестанно привлекаютъ на себя ваше вниманіе. Повсюду жизнь кипитъ и блещетъ самыми яркими, радужными цвѣтами.

Въ тропикахъ бываетъ почти всегдашнее равноденствіе. Около шести часовъ вечера солнце скрывается подъ горизонтъ и, послѣ свѣтлаго дня, вскорѣ, почти безъ сумерекъ, настаетъ темная ночь.

Но тропическія ночи неизъяснимо прелестны! Воздухъ чистый, прозрачный, упоительный! Въ безпредѣльномъ пространствѣ небесъ зажигается безчисленное множество звѣздъ; онѣ горятъ одна другой ярче, одна другой свѣтлѣе. Море покрывается фосфорическимъ свѣтомъ, пѣна вокругъ судна превращается въ огонь и золото, струя за кормою кажется пламенною рѣкою. Многія звѣзды, никогда въ сѣверномъ полушаріи невидимыя, какъ, напримѣръ, въ созвѣздіяхъ Эридана, корабля, Центавра и южнаго креста горятъ самымъ чистѣйшимъ свѣтомъ; особенно на послѣднее нельзя довольно насмотрѣться: никакой брилліантъ, никакой самоцвѣтный камень не дадутъ и слабаго понятія о чудномъ, изумительномъ блескѣ звѣзды на нижней оконечности этого дивнаго креста.

Доставая воду ведромъ изъ-за борта, мы зачерпывали свѣтящихся слизняковъ (pyrosoma). Они были различной величины: большіе имѣли въ

* Узелъ значитъ итальянская миля, имѣющая $1\frac{3}{4}$ версты.

длину до шести дюймовъ, а въ діаметрѣ отъ одного до полутора дюйма. Съ одного конца животное закруглено, съ другаго имѣетъ отверзтіе, или каналъ, простирающійся во всю длину слизняка. Если вода въ спокойномъ состояніи, слизнякъ не свѣтитъ, когда же воду поколебать, животное засвѣтится.

5 октября. Въ широтѣ сѣверной 7° 40′, долготѣ 22° 12′ западной *, мы потеряли пассатный вѣтеръ и вошли въ полосу штилей и шкваловъ. Къ сѣверо-западу мы ясно видѣли водяной вертящійся столбъ и нѣсколько фонтановъ, бросаемыхъ китами. Въ полдень термометръ Реомюра показывалъ 24° въ тѣни. Такая теплота бываетъ лѣтомъ и въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, но разница въ томъ, что ночью наступаетъ прохлада, между-тѣмъ какъ въ жаркомъ климатѣ термометръ и ночью показываетъ не менѣе 22°.

7 октября. Штили и маловѣтріе мало подвигаютъ насъ впередъ. Сегодня мы дѣлали слѣдующій опытъ: пустую бутылку, крѣпко закупоренную пробкой, привязали къ свинцовому лоту и опустили на линѣ ** въ море, на глубину пятидесяти саженъ. По поднятіи бутылки оказалось, что она была наполнена водою и заткнута пробкой, только нижній ея конецъ очутился наверху, то-есть пробка была перевернута. Нѣсколько разъ повторялись эти опыты, и всегда выходили одни и тѣже результаты, если только бутылка опускалась на глубину неменѣе сорока саженъ. Когда бутылка слабо была закупорена, она также наполнялась водою, но пробки уже вовсе не было. Находясь въ штилевой полосѣ, спускали часто шлюбку, чтобъ набирать животно-растенія, которыя были многочисленны и до безконечности разнообразны. Сегодня, 15 октября, мы поймали нѣсколько молюсковъ (velelea scaphilia) которые блестѣли какъ фольга прекраснымъ синимъ цвѣтомъ; въ длину они были около двухъ и шириною въ одинъ съ половиною дюймъ; на верхней прозрачной, какъ хрусталь, части поставлена наискось вертикально перепонка, служащая имъ вмѣсто паруса; попадалось много и другихъ интересныхъ животныхъ, напримѣръ: хрящеватка (porpita), калліанира (callyaniга), реброволосикъ (beroe), прозрачное въ видѣ ленты съ розовою каемкою, въ родѣ морскаго пояса (cestum), и проч.

Для натуралиста, вооруженнаго микроскопомъ, здѣсь было бы обильное поле любопытнѣйшихъ наблюденій.

Мы очень терпѣли въ это время отъ жара. Ни днемъ, ни ночью не было отъ него спасенія. Иногда шлюпъ стоялъ совершенно неподвижно среди безмолвнаго, какъ бы усыпленнаго моря. Ни одна

* Долгота здѣсь вообще считается отъ гринвичскаго меридіана.

** Тоненькая веревка.

волна, ни одна струйка не колебала зеркальной, необозримой его поверхности. Полуденные лучи солнца, проходящаго чрезъ зенитъ, падали прямо на голову. Распущенный на шканцахъ тентъ мало помогалъ намъ, хотя его и поливали водою, онъ вскорѣ опять совершенно высыхалъ. Всѣ предметы, окрашенные черною краской, до того разгорячались, что невозможно было до нихъ дотрогиваться. Въ каютахъ воздухъ былъ спертый, удушливый и имѣлъ какую-то непріятную тяжесть. Но гдѣ болѣзнь, тутъ природа посылаетъ и исцѣленіе. Часто въ штилевой полосѣ гремѣлъ громъ, блистала сильная молнія и зарница, и по временамъ лился самыми крупными каплями обильный дождь. Явленія эти повторялись до 3° сѣверной широты, тогда царство штилей и шкваловъ кончилось, и сегодня мы получили легкій южный вѣтеръ, который близъ экватора обратился въ настоящій юго-восточный пассатъ.

18 октября. Въ 10 часовъ утра мы перешли экваторъ въ долготѣ 22° 19′ западной. Переходъ линіи не обошелся безъ праздника. На богато-убранной кораллами, раковинами и морскими растеніями колесницѣ пожаловали къ намъ Нептунъ съ Прозерпиной, Наядами и Тритонами; послѣ произнесенія забавныхъ рѣчей, всѣ, кто не переходилъ еще линіи, выкупаны были въ морской экваторіальной водѣ, налитой въ шлюпку, поставленную на лѣвомъ шкафутѣ. Офицеры однакожъ откупились отъ этого обряда. Затѣмъ началось угощеніе океанскихъ посѣтителей и всего экипажа. Громкія пѣсни и пляски не прекращались до самой ночи. Колесница сдѣлана была изъ брандспойта, Нептуна съ трезубцемъ представлялъ рулевой, не разъ переходившій уже экваторъ, а Прозерпину капитанскій юнга.

Перейдя экваторъ, мы простились надолго съ нашею родною полярною звѣздою, которая, какъ извѣстно, находится на концѣ хвоста созвѣздія малой медвѣдицы. Съ уменьшеніемъ сѣверной широты, она все понижалась къ горизонту, и сегодня совсѣмъ канула въ воду; на противоположной сторонѣ явились Магеллановы облачка, сосѣднія съ южнымъ полюсомъ. Онѣ, по мѣрѣ увеличенія нашей южной широты, все будутъ возвышаться надъ горизонтомъ, и если бъ удалось намъ увидѣть ихъ прямо надъ головою, цѣль экспедиціи была бы вполнѣ достигнута, потому-что мы находились бы тогда у южнаго полюса.

1 ноября. Въ 6 часовъ утра открылся сквозь туманъ берегъ Бразиліи, и именно мысъ св. Фомы.

Пріятно увидѣть берегъ послѣ долгаго плаванія; но увидѣть въ первый разъ берега Новаго свѣта, и именно тропическіе берега Бразиліи, гдѣ могучая природа является вамъ подъ новыми, разнообразными, роскошными формами, гдѣ воображеніе ваше рисуетъ напередъ

такъ много прекраснаго, неизвѣстнаго, фантастическаго... Эти берега нельзя видѣть безъ особаго восхищенія, которое легче понять, нежели выразить.

2 ноября. Ночь была свѣтлая; поутру увидѣли сахарную голову, такъ называется высокая гора, находящаяся на лѣвой сторонѣ отъ входа въ Ріо-Жанейрскій заливъ; въ правой сторонѣ возвышалась крѣпость Санта-Круцъ. Поравнявшись съ нею, намъ кричали что́-то по-португальски, на это мы въ рупоръ отвѣчали по-русски:

— Военный русскій шлюпъ идетъ въ Ріо-Жанейро! Повидимому они удовольствовались этимъ отвѣтомъ. Въ часъ пополудни, только-что мы бросили якорь на Ріо-Жанейрскомъ рейдѣ подлѣ маленькаго гранитнаго острова, называемаго Крысьимъ островомъ, пріѣхалъ къ намъ португальскій флотскій офицеръ освѣдомиться о причинѣ нашего прихода, цѣли плаванія и проч., для донесенія своему начальству.

Къ величайшему нашему удовольствію шлюпы «Открытіе» и «Благонамѣренный» стояли уже на Ріо-Жанейрскомъ рейдѣ.

Вскорѣ увидѣли мы идущую отъ нихъ къ намъ шлюпку, на которой находились лейтенанты Авиновъ, Зеленый и Лазаревъ, братъ нашего капитана. Можно представить общую радость при свиданіи Русскихъ, такъ близкихъ между-собою, и гдѣ-же? въ Новомъ свѣтѣ! Они вышли изъ Портсмута двумя днями послѣ насъ — и никуда не заходя, пришли въ Ріо-Жанейро днемъ раньше насъ. Пріятная бесѣда длилась до поздней ночи.

Вечеромъ пріѣзжалъ къ намъ русскій вице-консулъ Кильхенъ, молодой, весьма обязательный человѣкъ. На него возложена была доставка на шлюпы свѣжей провизіи, и онъ исполнялъ всѣ наши надобности съ готовностью и усердіемъ. На другой день мнѣ удалось быть въ городѣ. Отъ пристани выходишь прямо на дворцовую, довольно обширную площадь. Дворецъ — зданіе небольшое и не отличается архитектурою.

На площади ежедневно бываетъ разводъ, на который король смотритъ съ балкона. Выправка людей и всѣ ихъ движенія и маневры не завидны.

Городъ расположенъ на низменности, по западному берегу залива, который открытъ былъ въ день св. Іануарія Діасомъ де-Солисомъ, принятъ за рѣку, и потому названъ Ріо Жанейро. За низменностью начинаются высокія крутыя горы, поросшія лѣсомъ. Городъ расположенъ правильно, но улицы узки и неопрятны. Домы бо́льшею частію въ два этажа, съ большими окнами, въ которыхъ вмѣсто стеколъ находятся зеленыя рѣшетки, въ нижнихъ этажахъ помѣщаются магазины и разныя мастерскія, верхніе служатъ для жилья. По вечерамъ опа-

сно ходить возлѣ домовъ, того-и-гляди обольютъ съ ногъ до головы нечистою водою. Здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчаются неопрятные, полунагіе негры, изгибаясь подъ тяжестію ноши, они поютъ въ тактъ монотонныя пѣсни. Мы были въ двухъ лавкахъ, гдѣ открыто продаются негры, въ одной мужчины, въ другой женщины. На многихъ скамьяхъ сидѣли голые негры, мальчики на переднихъ, взрослые на заднихъ. Португалецъ съ бичомъ въ рукѣ показывалъ лицомъ товаръ свой; по данному знаку, негры вскакивали съ своихъ мѣстъ и прыгали съ ноги на ногу, лѣнивымъ бичъ придавалъ бодрость и живость. При насъ одинъ покупщикъ ощупывалъ руками все тѣло молодаго негра, стучалъ по груди и наконецъ купилъ его за 200 испанскихъ талеровъ. Въ женской лавкѣ негритянки прикрыты были спереди небольшимъ кускомъ синяго сукна; на переднихъ скамьяхъ между молодыми негритянками были многія очень пріятной наружности, съ большими черными, огненными глазами. Вмѣстѣ съ нами вошли въ лавку двѣ Португальки, одна пожилая, другая молодыхъ лѣтъ. Старуха торговала негритянку лѣтъ семнадцати, и смотрѣла ея бѣлые, блестящіе какъ жемчугъ зубы. Какъ ни хороша была негритянка, но старуха не купила ее, потому-что не могла сойтись въ цѣнѣ съ продавцемъ товара.

Вечеромъ мы были въ театрѣ. Давали на португальскомъ языкѣ, какъ будто нарочно, піесу изъ русской исторіи. Костюмы вовсе непохожи на русскіе, и сюжетъ для насъ былъ непонятенъ. Балетъ шелъ довольно хорошо.

На этихъ дняхъ мы были на вечерѣ у нашего консула, извѣстнаго натуралиста Лангсдорфа, который участвовалъ съ капитаномъ Крузенштерномъ въ первой экспедиціи Русскихъ вокругъ свѣта въ 1802—1806 годахъ. На этомъ вечерѣ были и танцы, только мало было дамъ, всего четыре или пять, и тѣ непривлекательной наружности, за то сама хозяйка, дочь извѣстнаго астронома Шуберта, молодая, прекрасная женщина, привлекала на себя взоры всѣхъ. Въ ней было столько милаго, добраго, что невозможно было ею не восхищаться; но здоровье ея было ненадежно. Она походила на нѣжный цвѣтокъ, перенесенный съ родной почвы на чужую, гдѣ вянулъ и томился. Въ-самомъ-дѣлѣ, г-жа Лангсдорфъ не могла привыкнуть къ знойному тропическому климату.—На этомъ вечерѣ былъ и посланникъ нашъ при Бразильскомъ дворѣ, баронъ де-Тоиль-фонъ-Сераскеркенъ, еще не пожилой, весьма почтенный и учтивый человѣкъ.

Потомъ мы были приглашены на обѣдъ къ г. Кильхену, который живетъ въ загородномъ домѣ, у тестя своего. Мы взяли на дворцовой

площади возлѣ фонтана одноколки, и выѣхавъ за городъ, наслаждались чудеснѣйшими видами. Вездѣ являлась намъ могучая тропическая растительность, луга усыпаны были цвѣтами, воздухъ ароматическій, въ лѣсахъ порхали птицы, украшенныя яркими разноцвѣтными перьями; въ воздухѣ носились бабочки, блестящія золотомъ и фольгой. Съ одной стороны высились горы, вершины которыхъ терялись въ облакахъ, съ другой стороны были обрывы и страшныя пропасти.

Тесть г. Кильхена, докторъ, старичокъ, принялъ насъ также очень радушно. Мы нашли здѣсь г. Лангсдорфа съ женою и небольшое общество. Одна изъ своячениць Кильхена играла на арфѣ, г-жа Лангсдорфъ превосходно разыгрывала труднѣйшія сонаты на роялѣ.

Послѣ вкуснаго обѣда гуляли на мызѣ и осматривали значительныя кофейныя плантаціи.

16 ноября. Въ большомъ обществѣ ѣздили на знаменитый водопадъ, миляхъ въ 16-ти отъ Ріо-Жанейро. Въ 6 часовъ утра мы были уже въ городѣ. Намъ приготовили 20 верховыхъ лошадей и 12 разныхъ экипажей. Между-тѣмъ какъ путешественники сбирались въ назначенное мѣсто, я съ любезнымъ, ученымъ, умнымъ докторомъ нашимъ Галкинымъ пошли немного прогуляться, и близъ королевской площади зашли въ кофейню. Намъ подали по чашкѣ невкуснаго кофе, а когда спросили сливокъ, отвѣчали, что здѣсь и король португальскій пьетъ кофе безъ сливокъ. Въ 7 часовъ все общество собралось и пустилось въ путь, кто верхомъ, кто въ экипажѣ; я предпочелъ одноколку, потому-что былъ самый плохой кавалеристъ. За то послѣднюю треть дороги пришлось итти пѣшкомъ. Мы взбирались на крутыя горы, спускались въ долины и овраги, въ самый знойный день; усталые, измученные, запаленные, рады-рады были что добрались до гостиницы, въ полумилѣ отъ водопада, гдѣ могли отдохнуть и освѣжиться стаканомъ холоднаго лимонада. Наконецъ, по узкой тропинкѣ, вьющейся по косогору, дошли до водопада. На пространствѣ въ ширину 100 футовъ, вода съ страшнымъ шумомъ, крутясь и кипя, низвергается между огромными каменьями на равнину, по которой извиваясь серебряною лентой, падаетъ въ Атлантическій океанъ, синія волны котораго вдали едва виднѣлись. — Стараніемъ г. Кильхена, негры принесли къ водопаду на своихъ плечахъ роскошный обѣдъ. Широкая плита близъ водопада, вся изчерченная именами путешественниковъ, между которыми нашли имя Головина и другихъ Русскихъ, служила для нѣкоторыхъ столомъ, другіе расположились вокругъ, какъ было удобно, и прекрасно пообѣдали, выпивъ на память Ріо-Жанейрскаго водопада по стакану холоднаго шампанскаго. Отдохнувъ, пустились въ обратный путь.

Добравшись опять пѣшкомъ до экипажей, мы отправились въ Ріо-Жанейро. Я ѣхалъ въ коляскѣ съ лейтенантомъ Р. П. Боилемъ; лошади наши едва тащились. Когда на кучера прикрикнули, онъ испугался, бросилъ лошадей и убѣжалъ въ лѣсъ. Пришлось править самимъ.—Здѣсь ночь настаетъ рано; въ темнотѣ мы сбились съ дороги и вѣрно долго-бы проплутали, еслибъ къ счастію не попался намъ одинъ ярко-освѣщенный загородный домъ, гдѣ былъ большой вечеръ; швейцаръ указалъ намъ дорогу, и мы уже ночью пріѣхали въ городъ. Возвращаясь на шлюпъ, я невольно сдѣлалъ сравненіе съ петербургскимъ временемъ. Здѣсь въ ноябрѣ все цвѣтетъ, благоухаетъ (разумѣется за городомъ), а въ Петербургѣ въ это время осенняя сырость, дождь и холодный вѣтеръ. Но за всѣмъ тѣмъ, родной, осенній Петербургъ, милѣе тропическаго Ріо-Жанейро.

19 ноября офицеры всѣхъ шлюповъ обѣдали на «Востокѣ», а на другой день былъ обѣдъ на «Благонамѣренномъ». Мы простились съ офицерами сѣвернаго отряда, съ которыми не могли уже увидѣться до возвращенія ихъ въ Россію.

II.

Плаваніе въ южномъ полярномъ морѣ.

21-го. Рано поутру шлюпы наши снялись съ якоря, и пользуясь слабымъ береговымъ вѣтромъ, дошли до выхода изъ залива. Тутъ поднялся вѣтеръ съ моря, и мы принуждены были опять бросить якорь. На другой день, въ 6 часовъ утра, снова снялись съ якоря, и оставя въ лѣвой сторонѣ крѣпость Санта-Круцъ, а въ правой Сахарную-голову, направили нашъ путь прямо къ острову южный Георгій. Мнѣ, съ самаго начала прибытія въ Ріо-Жанейро, довѣрена была четвертая вахта, которою я и управлялъ до конца нашего путешествія, а прежде былъ подъ вахтой у мичмана Куприянова, молодаго офицера, который своими познаніями, необыкновенною дѣятельностью, и можно сказать, пламенною любовью къ морскому искусству, обращалъ на себя особенное вниманіе нашего капитана.

По приглашенію начальника экспедиціи Беллинсгаузена, капитанъ нашъ, священникъ, лейтенантъ Анненковъ, докторъ Галкинъ и я ѣздили на «Востокъ». Послѣ молебствія о благополучномъ совершеніи предстоящаго намъ подъ южнымъ полюсомъ плаванія, мы провели нѣсколько времени на «Востокѣ» въ самой пріятной бесѣдѣ съ офицерами. Между-тѣмъ нашъ капитанъ принялъ для чиновъ шлюпа «Мирнаго» жалованье

и порціонныя деньги на 20 мѣсяцевъ. Мы получали очень большое содержаніе, и именно, восьмерное или двойное серебромъ жалованье, и сверхъ-того, около 30 червонцевъ порціонныхъ денегъ въ мѣсяцъ Начальникъ экспедиціи снабдилъ теперь нашего капитана особою инструкціею, которая главнѣйше заключалась въ слѣдующемъ:

1. Въ дурную и пасмурную погоду шлюпу «Мирному» держаться въ кильватерѣ «Востока», въ пяти кабельтовыхъ *, а во-время тумана еще ближе.

2. Въ хорошую ясную погоду быть на траверзѣ «Востока», въ 4, 6 и даже 8 миляхъ, дабы шлюпы могли обозрѣвать бо́льшее пространство моря.

3. Въ ночное время, когда на «Востокѣ» зажгутъ фонарь, зажечь и на «Мирномъ», и поднять на томъ мѣстѣ, откуда виднѣе будетъ для «Востока».

4. Если по непредвидѣнному случаю, во-время тумана или бури, шлюпы разлучатся, то искать другъ-друга три дня близъ того мѣста, гдѣ находились предъ разлученіемъ, производя пушечную пальбу.

5. Если разлученіе случится до прибытія къ острову Георгія, то мѣстомъ соединенія назначается этотъ островъ, и именно высота залива «Овладѣнія», гдѣ ждать другъ-друга четыре дня. Если разлука случится близъ Фалкландскихъ острововъ, держаться подъ вѣтромъ ихъ, и отыскавъ гавань, войти въ нее, гдѣ и ждать шесть дней, разводя ночью по сосѣднимъ горамъ огни.

6. Въ случаѣ окончательной разлуки поступать по инструкціи морскаго министра (см. приложеніе 2), потомъ слѣдовать къ Новой-Голландіи, въ Портъ-Джаксонъ.

Въ 7 часовъ пополудни, по сигналу «Востока», шлюпъ «Мирный» подошелъ къ нему подъ корму, такъ-что могли разговаривать. Пожелавъ другъ другу счастливаго плаванія и успѣховъ, мы пошли съ свѣжимъ вѣтромъ, взявъ у марселей рифы, къ югу, настоящей цѣли нашего плаванія.

По 1-е декабря вѣтеръ былъ свѣжій, попутный, погода бо́льшею частію стояла пасмурная. Около шлюповъ летаютъ петерли, или бурныя птицы и албатросы, дельфины проходятъ цѣлыми стадами, показываются бониты и акулы, киты по-временамъ пускаютъ фонтаны.

3 декабря видѣли къ юго-западу множество морскихъ птицъ; мы подумали, нѣтъ ли близко отмели, но лотомъ во 100 саженъ дна не достали. Подойдя ближе, разсмотрѣли плавающаго на поверхности моря мертваго кита, окруженнаго морскими птицами.

* Въ кабельтовѣ 100 саженъ

6 декабря капитану удалось подстрѣлить бѣлаго албатроса, который леталъ надъ шлюпомъ. Вѣсу въ немъ оказалось 31 фунтъ, длина между крыльями отъ одного конца до другаго 10 фут. 7 дюйм. Длина носа, бѣлаго какъ слоновая кость, 4 дюйма.

Ночью все море казалось бѣловатымъ; не происходило-ли это отъ слизняковъ, которые, можетъ-быть, только въ тропикахъ въ темныя ночи могутъ свѣтиться, какъ огонь.

8 декабря находились на параллели 45°, на которой ла-Рошъ будто бы открылъ островъ Гранде. Но, при ясной погодѣ и чистомъ горизонтѣ, острова этого мы не видѣли; впрочемъ многія птицы, рыбы и въ-особенности плавающая трава показывали близость берега.

11 декабря, въ широтѣ 49° 4′ и долготѣ 41° 57′ западной, въ первый разъ увидѣли пингвиновъ (aptenodytes), главныхъ обитателей южныхъ полярныхъ странъ. Они подплывали къ шлюпу и громко кричали хриплымъ, непріятнымъ голосомъ.

12 декабря, день рожденія Императора праздновали поднятіемъ кормовыхъ флаговъ и сдѣлали 21 пушечный выстрѣлъ. Послѣ молебствія вся команда пила за здравіе Его Величества, при громкихъ кликахъ ура! Свѣжій вѣтеръ не дозволилъ намъ провести этотъ день вмѣстѣ съ офицерами шлюпа «Востокъ». Мы находимся уже въ широтѣ 50° и приближаемся къ южному Георгію.

15 декабря съ ранняго утра всѣ были на палубѣ и устремляли нетерпѣливые взоры впередъ, чтобъ увидѣть южный Георгій. Берега еще не было видно, но надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ долженъ былъ открыться, висѣли черныя густыя тучи; киты безпрестанно пускали фонтаны; сѣрыя, голубыя, черныя и бѣлыя птицы, пинтады, или пеструшки летали во множествѣ, албатросы, распустивъ длинныя крылья, величаво плавали въ воздухѣ, пингвины, выскакивая изъ воды у самаго шлюпа, какъ-будто съ удивленіемъ на насъ смотрѣли и перекликались между-собою. Наконецъ въ 8 часовъ утра, сквозь туманъ явились слабые очерки острововъ Валлиса и Георгія. Чѣмъ ближе мы къ нимъ подходили, тѣмъ видъ ихъ становился мрачнѣе, суровѣе. Дикія, неприступныя скалы смотрѣли на насъ очень непривѣтливо. Въ ущелинахъ и на вершинахъ горъ лежалъ глубокій снѣгъ; бурунъ съ шумомъ разбивался о прибрежные камни; пингвины еще громче кричали; на небѣ висѣли темныя густыя тучи, воздухъ былъ сырой; снѣгъ и градъ шли попеременно, и предъ нами гордо возвышался южный Георгій, какъ исполинъ въ черной бронѣ, съ убѣленною главою, какъ грозный передовой стражъ таинственнаго Ледовитаго моря!

Держась близко къ берегу, мы замѣтили несущійся къ намъ под

англійскимъ флагомъ ботикъ. Мы легли въ дрейфъ *; два промышленика вошли на наше судно. Смотря на нихъ, легко было понять, какую они терпятъ нужду и лишенія. Они были въ однѣхъ рубашкахъ, пропитанныхъ жиромъ, которымъ и сами были вымачканы. Они сказали, что здѣсь, въ заливѣ Марія, четыре уже мѣсяца стоятъ два трехмачтовыя англійскія судна, пришедшія для промысла китоваго жира и ловли морскихъ элефантовъ (Phoca Procoscicl'ea), которые въ лѣтніе мѣсяцы выходятъ на берегъ. Для добыванія послѣднихъ они ѣздятъ по разнымъ бухтамъ, легко бьютъ этихъ животныхъ и вытапливаютъ ихъ жиръ. Иногда они проводятъ ночи на берегу пустыннаго Георгія, на которомъ нѣтъ никакого растенія, кромѣ кое-гдѣ пробивающагося моха. Вытащивъ на берегъ лодку, опрокидываютъ ее и подъ этимъ кровомъ ночуютъ. Чтобъ согрѣться, зажигаютъ жиръ элефантовъ, употребляя для растопокъ шкурки пингвиновъ, которыхъ здѣсь безчисленное множество.

Одинъ изъ промышленниковъ изъяснялся хорошо по-русски и сказалъ, что близъ залива Марія есть свѣжая вода, текущая съ двухъ горъ ручьями, и что изъ птицъ одни только голуби годны въ пищу. Мы любопытствовали знать, гдѣ онъ такъ хорошо выучился русскому языку... «Я бывалъ въ Кронштадтѣ, отвѣчалъ промышленикъ, и мнѣ случалось проживать тамъ долго.»

Промышленики привезли намъ пингвиновыхъ яицъ; вкусомъ они недурны, вѣсу въ каждомъ немного менѣе фунта. Ихъ отблагодарили сухарями и тремя бутылками рому, который слишкомъ дорогъ для нихъ въ странѣ сырой и холодной.

Вечеромъ для безопасности отдалились отъ острова, и съ разсвѣтомъ опять подойдя къ нему, продолжали опись западнаго берега. Островъ вообще гористъ, покрытъ льдомъ и снѣгомъ; только крутыя скалы, на которыхъ снѣгъ держаться не можетъ, темнаго цвѣта. При описи острова, многія примѣчательныя мѣста названы были именами офицеровъ и другихъ должностныхъ на шлюпахъ лицъ, какъ напримѣръ, островъ Анненкова, мысы: Парядина, Демидова, Купріянова, заливъ Новосильскаго.

17 декабря, окончивъ опись западнаго берега Георгія и связавъ ее съ описью восточнаго берега, сдѣланною Кукомъ, по сигналу шлюпа «Востокъ» взяли курсъ на юго-востокъ, прямо къ сѣверной оконечности Сандвичевой земли; горизонтъ былъ мраченъ, вѣтеръ засвѣжѣлъ; теплоты было, не смотря на лѣтнее время, только одинъ градусъ по Реомюру.

* Лечь въ дрейфъ, значитъ расположить паруса такъ, чтобъ корабль оставался почти на одномъ мѣстѣ.

18 декабря, не смотря на крѣпкій вѣтеръ и большое волненіе, подъ всѣми парусами летимъ къ Сандвичевой землѣ. Въ самый полдень намъ казалось, что впереди видѣнъ берегъ; тотчасъ поворотили и дали знать объ этомъ сигналомъ шлюпу «Востокъ», который также поворотилъ. Время сдѣлалось бурное, шлюпъ жестоко бросало съ боку на бокъ. Въ первый разъ на палубѣ протянуты были леера, потому-что невозможно было ходить, не держась за нихъ. Мы несли марсели, зарифленные всѣми рифами.

20 декабря прошли въ первый разъ мимо большаго ледянаго острова, который третьяго дня показался намъ берегомъ; онъ былъ длиною въ итальянскую милю и вышиною около 30 саженъ. Съ любопытствомъ смотрѣли мы на ледяную громаду, близъ которой находились. Намъ надлежало ближе ознакомиться съ этими кристальными островами, которые вѣроятно надолго будутъ неразлучными нашими спутниками! Ледяной островъ имѣлъ видъ огромнаго зданія. Съ одной стороны, на отлогости его стояли рядами пингвины, и казалось съ изумленіемъ смотрѣли на приближающіяся къ нимъ чудовища. Киты, какъ-будто въ честь нашу, пускали фонтаны. Ночью на 21 декабря прошли мы между многими большими льдинами; къ счастію луна свѣтила, и мы могли избѣгать ихъ ударовъ. 22 декабря, когда поутру погода прояснилась, увидѣли высокій, темный, доселѣ неизвѣстный островъ, состоящій изъ голаго камня, вершина котораго покрыта льдомъ и снѣгомъ. Южная часть похожа на Сахарную-голову. Островъ этотъ имѣетъ въ длину двѣ мили. Это было первое наше открытіе въ южномъ Ледовитомъ океанѣ. На слѣдующій день открыли второй, круглый, весьма высокій островъ. Погода стояла прекрасная, а потому и вновь-открытый островъ, несмотря на его неприступныя темныя скалы, показался намъ менѣе мрачнымъ. На срединѣ острова, имѣющаго въ окружности 12 миль, возвышается гора, покрытая снѣгомъ. Между-тѣмъ съ самаго утра нависшія въ сѣверной части горизонта темныя тучи не перемѣняли своего положенія и заставляли предполагать, что и тутъ долженъ быть берегъ. Прошедъ нѣсколько миль по этому направленію, мы дѣйствительно открыли третій неизвѣстный островъ. На юго-западной его сторонѣ находилась гора, вышиною около тысячи-двухъ сотъ футовъ отъ поверхности моря, изъ жерла которой шелъ густой, смрадный дымъ и разстилался по воздуху, какъ изъ трубы парохода. Видъ горы похожъ на двѣ латинскія буквы SS, наклоненныя одна къ другой. Этотъ островъ менѣе покрытъ снѣгомъ, нежели два первые, а близъ жерла и вовсе его незамѣтно. Ночью мы держались недалеко отъ этого острова. Вѣроятно капитанъ Беллинсгаузенъ желалъ ближе обозрѣть его.

24 декабря, находясь близъ югозападнаго мыса волканическаго острова, шлюпы легли въ дрейфъ и послали шлюпки къ острову. На нашей поѣхали лейтенантъ Обернибѣсовъ, мичманъ Куприяновъ и я. Приближаясь къ острову, мы окружены были множествомъ птицъ. Пингвины выскакивали изъ воды у самаго борта шлюпки, такъ-что можно было ихъ брать руками.

Петерли, пинтады, эгмондскія куры летали надъ нами, албатросы своими длинными крыльями чуть не задѣвали за наши головы. Видно, что здѣсь птицы людей не боятся, впрочемъ и немудрено, вѣроятно никогда никакое судно въ этихъ водахъ не проходило, и слѣдовательно ни что не возмущало спокойствія обитателей этого острова, въ числѣ которыхъ пингвины занимаютъ главное мѣсто; они здѣсь настоящіе хозяева.

Можетъ-быть по-временамъ огнедышащая гора извергала пламя, и потоки лавы текли по крутымъ ея ребрамъ, только не было разумнаго существа, которое могло бы видѣть и понимать это величественное явленіе! Мы подошли къ самому острову, но пристать къ нему не было возможности: страшный бурунъ ходилъ по камнямъ, которыми окруженъ берегъ. Продолжая итти вдоль него, нашли напослѣдокъ маленькую бухту, въ которой волненіе было потише. Вошедъ въ нее, мичманъ Куприяновъ и я выскочили на одинъ высунувшійся изъ воды камень, двое матросовъ послѣдовали за нами. Лейтенантъ Обернибѣсовъ съ прочими остался на шлюбкѣ. Подымаясь съ трудомъ съ камня на камень, все выше и выше, мы достигли до крутой снѣжной горы, которая, упираясь срединой на острый, слизью покрытый камень, висѣла надъ двумя глубокими пропастями, а верхомъ своимъ соединялась съ поверхностью острова. Долго думать было нечего, мы всѣ отправились ползкомъ на гору. Сначала все шло благополучно, мы уже достигли двухъ третей горы, оставалось до верху неболѣе двухъ саженъ. Но тутъ, къ несчастію, весь снѣгъ, въ который упирался я ногами, обрушился, лѣвая рука также вышла изъ-подъ снѣга, я висѣлъ на одной правой, и та уже скользила. Еще одна секунда—и я долженъ былъ летѣть въ одну изъ пропастей, перерѣзанныхъ острыми камнями, на днѣ которой кипѣлъ страшный бурунъ; ни помощи, ни спасенія ожидать было не откуда... Предавъ себя на волю Божію, я чувствовалъ, что въ это самое мгновеніе полечу въ бездну; рука совершенно выходила изъ-подъ снѣга; въ глазахъ потемнѣло, все кончено... Но Господь помогаетъ человѣку, и тогда, когда по его разсчетамъ нѣтъ уже ему никакого спасенія. Матросы, только-что достигшіе въ это мгновеніе до вершины горы, замѣтили мое положеніе; одинъ изъ нихъ, избавитель мой—Пѣтунинъ, бросилъ мнѣ конецъ веревки; судорожно схватилъ я ее обѣими руками, и былъ

поднятъ на край острова. Мичманъ Куприяновъ съ матросами взялъ дорогу правѣе меня; они счастливѣе совершили опасное по совершенно отвѣсной горѣ восхожденіе.

Пространная равнина, на краю которой мы теперь стояли, была покрыта безъ преувеличенія милліонами пингвиновъ; ихъ хриплый крикъ, соединяясь съ шумомъ волнъ, разбивающихся о прибрежные камни, произвелъ на меня, такъ чудесно въ эту минуту спасеннаго, неизъяснимое, неизгладимое впечатлѣніе.

Я былъ въ какомъ-то новомъ, чудномъ свѣтѣ; для меня начиналась какъ-будто новая жизнь! Пингвины, поднявъ свои головы, съ недоумѣніемъ смотрѣли на невиданныхъ ими пришельцевъ и принимались хриплымъ голосомъ кричать еще громче. Посреди острова, на возвышенной горѣ, находилось жерло, изъ котораго шелъ густой дымъ; черныя, какъ бы обгорѣвшія тропинки, идущія отъ вершины вулканической горы по скатамъ, ясно показываютъ ея прежнія изверженія. Грунтъ земли состоитъ изъ черныхъноздреватыхъ камешковъ и сѣраго песку.

Мы не могли сдѣлать ни одного шага впередъ, потому-что пингвины стояли сплошною массою. Они на лапкахъ своихъ держатся прямо, какъ человѣкъ, и ходятъ, переваливаясь съ боку на бокъ; вмѣсто крыльевъ имѣютъ ласты, которыми могутъ бить довольно сильно. Самки сидѣли на яицахъ, каждая изъ нихъ имѣла одно яйцо, которое поддерживала лапками. Возлѣ самокъ стояли самцы, храбро защищавшіе подругъ своихъ ластами, когда похищали ихъ яица. Рѣшась итти впередъ, мы стали расталкивать пингвиновъ; они падали направо и налѣво, и очищали намъ дорогу. Мичманъ Куприяновъ выстрѣлилъ дробью въ одного пингвина; раненый тотчасъ окруженъ былъ множествомъ своихъ собратовъ, съ изумленіемъ смотрѣвшихъ на окровавленнаго товарища. Мы замѣтили, что пингвины ходятъ съ острова въ воду для пищи и купанья одинъ за другимъ, линіями въ совершенномъ порядкѣ. Съ моря возвращаются на островъ также одинъ за однимъ гуськомъ, не торопясь и безъ малѣйшаго замѣшательства. Мы привезли нѣсколькихъ пингвиновъ съ острова на шлюпъ. Они были двухъ родовъ, одни многочисленнѣйшіе, вышиною менѣе аршина, имѣютъ клювъ черный, шею снизу бѣлую, спину и ласты бурыя, переднюю часть бѣлую, лоснящуюся, глаза желтые съ чернымъ зрачкомъ. Другаго рода пингвины выше, красивѣе первыхъ, съ палевыми шейками, съ красными носами и глазами, и желтымъ хохломъ. Этихъ пингвиновъ у насъ на шлюпѣ называли королевскими, а на «Востокѣ» мандаринами. Тѣ и другіе сначала ничего не хотѣли ѣсть, вѣроятно скучая о потерянномъ привольѣ, напослѣдокъ привыкли къ солонинѣ, которую маленькими кусочками проглатывали. Пили соленую воду

и любили, когда ихъ ею обливали. Изъ открытыхъ острововъ первый названъ островомъ Лѣскова, второй Высокимъ, третій Завадовскаго, а всѣ вмѣстѣ, въ честь морскаго министра, островами маркиза де-Траверсе. Они лежатъ: первый—въ широтѣ 56°41′, второй—56°44′ и третій—56°18′. Долгота острова Завадовскаго, находящагося почти посрединѣ группы, 27°30′ западная.

25 декабря, для праздника Рождества Христова, день былъ ясный, что̀ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ большая рѣдкость. Къ сѣверу продолженія новыхъ острововъ не было видно, и потому направили путь къ юго-востоку.

На шлюпѣ «Востокъ» сегодня было молебствіе; мы оставались тамъ до вечера и провели время весьма пріятно. Разсказывая другъ-другу вчерашніе наши подвиги, мы узнали, что шлюпка съ «Востока» пристала съ подвѣтренной стороны, гдѣ берегъ былъ поотложе; доходили до половины горы, но принуждены были воротиться отъ топкаго грунта и необыкновенно дурнаго воздуха отъ помета пингвиновъ.

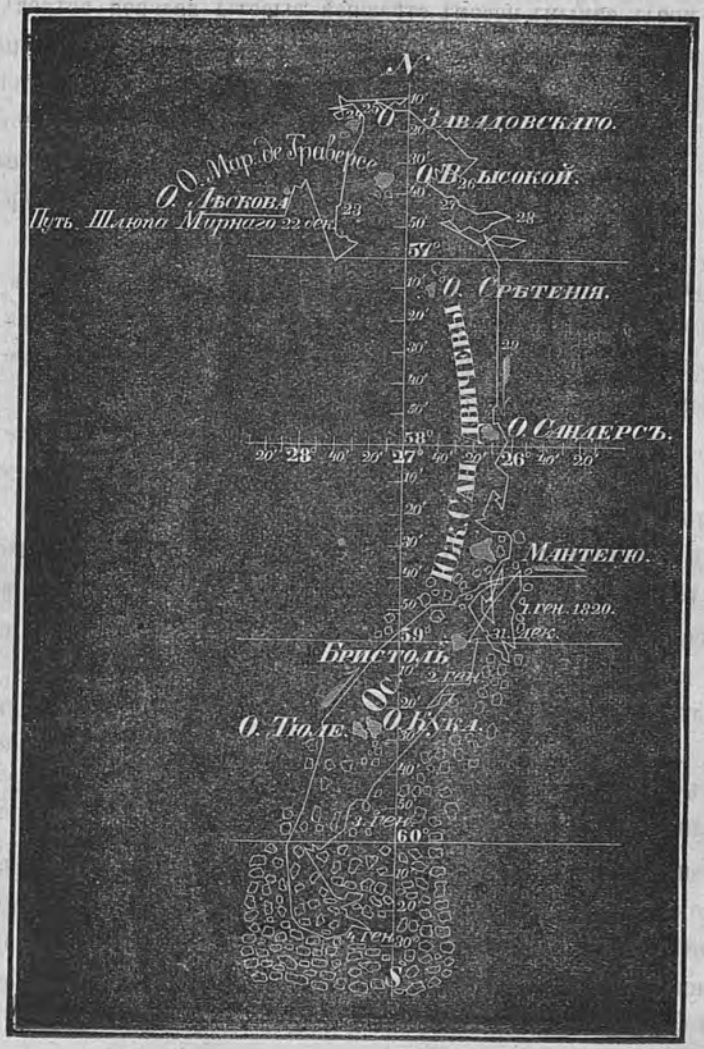
27 декабря. Рано поутру открылись острова Срѣтенія. Представьте двѣ скалы и между-ними камень: таковъ видъ острововъ этихъ издали. Широта ихъ 57°10′, долгота средняго острова или камня 26°50′ западная.

Несмотря на дождь и мокрый снѣгъ, мы быстро шли прямо къ югу, къ Сандвичевой землѣ, служащей какъ бы вратами или преддверіемъ къ таинственному южному Ледовитому морю, которое до-крайности подстрекало наше любопытство, особенно въ этомъ мѣстѣ, гдѣ неустрашимый, предпріимчивый Кукъ, при всѣхъ усиліяхъ не могъ достигнуть далѣе 60° широты, по причинѣ сплошнаго льда и множества ледяныхъ острововъ.

Вообще Сандвичеву землю Кукъ видѣлъ какъ бы въ потемкахъ, почти всегда при туманѣ и снѣгѣ.

29 декабря, въ три часа пополудни, сквозь туманъ открылся берегъ Сандерса; когда немного прояснилось, мы увидѣли высокій, покрытый снѣгомъ и окруженный большими льдинами островъ. На другой день утро было ясное, и вчерашній островъ очень хорошо открылся. Посреди его величественно возвышалась снѣжная гора, изъ жерла которой выходилъ густой, далеко разстилавшійся по воздуху дымъ. Островъ Сандерсъ, имѣющій въ окружности 17 миль, опоясанъ ледяными островами и льдинами, форма которыхъ ясно показываетъ, что они отдѣлились отъ береговъ его. Широта Сандерса 57°52′, долгота 26°24′ западная. Въ слѣдующіе дни послѣдовательно проходили острова Монтегю и Бристоль; погода бо́льшею частію стояла пасмурная, ледяные острова и мел-

кій разбитый ледъ во множествѣ окружали насъ. Положеніе наше между двумя этими островами было весьма опасное; довольно взглянуть на приложенную здѣсь карту, чтобъ удостовѣриться, какіе странные должны мы были выводить узоры, чтобъ не наткнуться на ледяные острова и по возможности избѣгнуть ударовъ о большія льдины. Термометръ

стоялъ ниже точки замерзанія; иногда шелъ столь густой снѣгъ, что мы принуждены были нарочно приводить къ вѣтру, чтобъ онъ стряхнулся съ парусовъ; вахтенные матросы едва успѣвали выметать и выбрасывать его за бортъ. Бѣгучій такелажъ обледенѣлъ, на вантахъ сколачивали ледъ драйками. Вахтеннымъ офицерамъ надлежало имѣть большую бдитель-

ность и хладнокровіе. Малѣйшая неосторожность или нерѣшительность могли имѣть самыя гибельныя послѣдствія!

Ночь на 1-е генваря была темная, туманная. Между-тѣмъ ледяные острова и разбитый ледъ со-всѣхъ-сторонъ насъ окружали; термометръ опустился ниже точки замерзанія. Поутру, во-время молебствія, когда преклонили колѣна, закричали: «всѣхъ на верхъ!» Выбѣжали на палубу, и видимъ предъ самымъ носомъ страшной высоты ледяной островъ ... Мы успѣли однакожъ во-время отъ него поворотить и избавиться кораблекрушенія. Во весь день слышанъ былъ съ разныхъ сторонъ глухой шумъ, оттого ли что ледяныя громады перевертывались, такъ-что верхняя ихъ часть погружалась въ воду, а бывшая прежде въ водѣ, выходила наружу, или ледяныя горы, встрѣтясь между-собою, разбивались одна о другую.

Дурная, туманная погода не дозволила намъ провести этотъ день на «Востокѣ»; впрочемъ у насъ все было по праздничному, несмотря, что мы находились на далекомъ югѣ, занесенные со-всѣхъ-сторонъ льдомъ, близъ пустынныхъ Сандвичевыхъ скалъ, покрытыхъ ледяною корою и вѣчнымъ снѣгомъ, которые развѣ изрѣдка таютъ отъ пламени, выбрасываемаго волканическими горами. Матросы одѣты были въ мундиры, имѣли праздничный обѣдъ; имъ дано было по стакану горячаго съ сахаромъ и съ лимономъ пуншу, и несмотря на дѣйствительную опасность нашего положенія, всѣ служители были бодры, смотрѣли молодцами и провели день весело.

2 генваря, въ четыре часа пополудни, увидѣли берегъ, названный Кукомъ южный Туле, въ противоположность острову Исландіи, который древніе также называли Туле, почитая его самою крайнею на сѣверѣ страною. Все видимое море покрыто было ледяными островами и льдинами; къ ночи поворотили на другой галсъ, чтобъ съ разсвѣтомъ подойти ближе къ Туле.

3 генваря, въ три часа утра, при ясной погодѣ, подъ всѣми парусами, со скоростію шести узловъ въ часъ, пустились мы прямо сквозь разбитый ледъ къ Туле. Въ десять часовъ утра, при полномъ сіяніи солнца и прекрасной погодѣ, шли точно какъ въ проливѣ, имѣя съ правой стороны Туле, а съ лѣвой ледяной островъ, длиною мили въ четыре и вышиною болѣе 30 саженъ.

Этотъ проливъ перерѣзанъ былъ многими ледяными полосами, сквозь которыя продолжали мы пролагать путь далѣе къ югу. Туле состоитъ изъ трехъ высокихъ, неприступныхъ, скалистыхъ, вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ покрытыхъ острововъ. Между двумя большими островами высунулся изъ моря камень. Средній островъ, побольше прочихъ, имѣетъ въ длину

около шести миль и находится въ широтѣ 59° 26′, долготѣ 27° 13′ западной. Капитанъ Беллинсгаузенъ назвалъ его островомъ Кука.

4 генваря, при продолжающейся прекрасной погодѣ, несмотря на множество льда, продолжали итти сквозь него къ югу, но около полудня въ широтѣ 60° 25′, долготѣ 27° 38′ западной дошли до сплошнаго льда, который рѣшительно преградилъ намъ дорогу. Съ салинга не видно было нигдѣ ни малѣйшаго къ югу отверзтія. Погода въ это время была совершенно ясная, но продолженія Сандвичевыхъ острововъ не открывалось. Итакъ намъ удалось въ этомъ мѣстѣ только на полградуса далѣе Кука проникнуть къ югу. Онъ видѣлъ Сандвичевы острова во время дурной, почти всегда пасмурной погоды, и потому немудрено, что почелъ ихъ однимъ сплошнымъ берегомъ. Теперь очевидно, что отъ самыхъ Фалкландскихъ острововъ продолжается подъ водою непрерывный горный хребетъ, выходящій изъ моря скалами Авроры, южнымъ Георгіемъ, Клерковыми камнями, островами Маркиза де-Траверсе, Срѣтенія и Сандвичевыми. Волканическая природа этого хребта несомнѣнна, дымящіеся кратеры на островахъ Завадовскаго и Сандерса служатъ явнымъ тому доказательствомъ; вѣроятно есть огнедышащія горы и на другихъ островахъ, вершины которыхъ мы видѣли подъ ледяною корою и снѣгомъ. Если позволено сдѣлать здѣсь скромное предположеніе, то, кажется, за Туле должны быть новые острова, и можетъ-быть даже материкъ, иначе откуда бы взялось такое безчисленное множество ледяныхъ острововъ? Гряда Сандвичева съ ея сѣвернымъ продолженіемъ далеко для этого недостаточна. Но какъ достигнуть этихъ заповѣдныхъ острововъ или берега? на этотъ вопросъ отвѣчать гораздо труднѣе: Знаменитый Кукъ и отважный нашъ начальникъ сдѣлали все, что только рѣшительность и безстрашная предпріимчивость могутъ сдѣлать. Они почти упирались въ сплошной ледъ, въ которомъ никакого отверзтія не было, чтобъ проникнуть далѣе къ югу. Остается, можетъ-быть, послѣднее средство приблизиться къ южному полюсу, какъ только льды могутъ позволить, подъ какимъ-нибудь другимъ меридіаномъ, напримѣръ, градусовъ тридцать восточнѣе Сандвичеваго; потомъ въ самой большой широтѣ поворотить къ западу и слѣдовать опять до Сандвичеваго меридіана, откуда простирать уже дальнѣйшіе поиски новыхъ острововъ или берега. Нельзя однакожъ не сознаться, что для осуществленія этихъ предположеній необходимо соединеніе многихъ условій и самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ!..

Выше сказано, что мы подошли къ сплошному льду, сквозь который съ салинга не видно было нигдѣ отверзтія къ югу, и такъ съ стѣсненнымъ сердцемъ должны мы были повернуть сначала къ западу, а по-

томъ къ сѣверу. Прекрасная погода вскорѣ прекратилась; пошелъ снѣгъ, набѣгали шквалы, туманъ иногда такъ былъ густъ, что съ кормы невидать было бака, а между-тѣмъ мы находились въ чащѣ льда,—только и слышно было на палубѣ:

— Право, еще право, такъ! Держи лѣво, больше лѣво, лѣво на бортъ! Если прибавить къ этому, что нашъ «Мирный» худо слушался руля и что одного удара о значительную льдину было достаточно, чтобъ пойти ко дну, читатель легко поймет, какъ опасно было наше положеніе! Пингвины, какъ бы радуясь нашей невзгодѣ, окружали насъ во множествѣ, надоѣдая своимъ дикимъ концертомъ; даже неповоротливые киты отъ чего-то необыкновенно разыгрались; они выскакивали изъ воды стоймя на двѣ трети своей длины, потомъ ныряли, показывая свой широкій хвостъ — это была настоящая пляска морскихъ чудовищъ! Въ обратный путь мы перерѣзали гряду Сандвичевыхъ острововъ между Монтегю и Бристолемъ.

7 генваря рано поутру, сдѣлался густой туманъ, за которымъ шлюпъ «Востокъ» скрылся. Нѣсколько разъ палили изъ пушекъ, но отвѣта не было. Въ десять часовъ утра, когда немного прояснилось, увидѣли «Востокъ» назади въ четырехъ миляхъ. Если бы туманъ еще продолжился, шлюпы легко могли бы здѣсь разлучиться. Около шести часовъ вечера подошли къ одному не очень высокому, ледяному острову; пингвины сидѣли на немъ рядами; капитанъ послалъ къ этому острову шлюпку, матросы взбѣжали на островъ и схватили болѣе 50 пингвиновъ. Лучшіе изъ нихъ оставлены были для сдѣланія чучелъ, прочимъ дана свобода.

8 генваря. Преслѣдуемые льдами, мы опять идемъ къ юго-востоку, чтобъ достигнуть бо́льшей широты. Около шести часовъ вечера, на одной плоской льдинѣ примѣтили черноватое большое животное. Оба шлюпа съ разныхъ сторонъ понеслись къ этой льдинѣ, и поравнявшись съ нею, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Животное было ранено, кровь лилась изъ него по льду ручьями, но оно собиралось, кажется, съ послѣдними силами, чтобъ броситься въ воду; новый выстрѣлъ съ подоспѣвшей въ это время отъ «Мирнаго» шлюпки окончательно убилъ его. Матросы съ трудомъ втащили на шлюпку тяжелаго звѣря, принадлежащаго къ породѣ нерповъ, который въ длину былъ 12 футовъ, а въ толщину 3 фута, мясо его черное было невкусно и не могло быть употреблено въ пищу. Животное это питается пингвинами и морскими птицами, куски которыхъ нашлись въ желудкѣ при вскрытіи его.

Въ шесть часовъ вечера я сталъ на вахту до полуночи. Около насъ было до 50 ледяныхъ острововъ и множество льдинъ. Вѣтеръ

усиливался, море разыгрывалось; отъ горизонта стали подниматься темныя облака, мракъ распространился и скрылъ отъ насъ ледяные острова, которыми мы были точно опоясаны. Убавили парусовъ, чтобъ уменьшить ходъ шлюпа. Часовые, стоявшіе впереди, безпрестанно кричали: Прямо ледъ, вправѣ, влѣвѣ ледъ! и шлюпъ нашъ долженъ былъ пробираться между льдомъ и писать странные узоры. Подъ-конецъ вахты, казалось, ледъ еще болѣе умножился; я безотлучно находился на бакѣ и безпрестанно смотрѣлъ въ ночную трубу, стараясь сквозь мглу и мрачность заблаговременно открывать ледяные острова и льдины; это было тѣмъ необходимѣе, что «Мирный» худо слушался руля. Я очень хорошо понималъ, какая тяжкая отвѣтственность лежала на мнѣ: малѣйшій недосмотръ могъ быть гибеленъ для шлюпа. Признаюсь, въ первый разъ пожелалъ я, чтобъ моя шестичасовая вахта скорѣе кончилась. Я спросилъ: которая стклянка? *

— Восьмая, отвѣчаютъ.

— Сказать, когда будетъ на исходѣ.

Пройдя еще нѣсколько большихъ льдинъ, доносятъ, что восьмая стклянка совсѣмъ на исходѣ.

— Доложить старшему лейтенанту, что вахта его начинается.

Старшій лейтенантъ Обернибѣсовъ былъ офицеръ весьма аккуратный, знавшій морскую службу превосходно. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже былъ возлѣ меня на бакѣ.

— Каково? спросилъ онъ.

— Не совсѣмъ хорошо! Острововъ и льдинъ много, но за темнотою показываются въ самой близи.

Пробывъ еще нѣсколько времени съ нимъ на бакѣ и разсказавъ положеніе видѣнныхъ въ ночную трубу ледяныхъ острововъ, я сошелъ въ каютъ-компанію и потомъ въ свою каюту. Несмотря на усталость послѣ шестичасовой вахты, сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ; засвѣтивъ висящій надъ столомъ моимъ фонарь, я началъ записывать въ свой прозаическій, но по-крайней-мѣрѣ справедливый, безъ всякихъ вымысловъ и прикрасъ журналъ, обстоятельства того дня, даже послѣдней моей вахты, то самое, что̀ вы, благосклонный читатель, сейчасъ имѣли предъ глазами; напослѣдокъ, отъ усталости, глаза стали смыкаться; я потушилъ фонарь и тотчасъ заснулъ... Ужасный ударъ, полученный шлюпомъ, мгновенно разбудилъ меня; я бросился на палубу, всѣ офицеры сдѣлали то же, и что̀-же видимъ? за кормою большая льдина медленно удаляется отъ шлюпа... «Мирный» ударился о нее прямо

* Стклянками называются песочные часы. 8-я стклянка оканчивается ровно въ полночь.

форштевнемъ! Слава-Богу! что не ударился скулою, тогда бы гибель наша была неизбѣжна! Къ чести капитана должно сказать, что онъ ни словомъ, ни жестомъ, не изъявилъ неудовольствія своего вахтенному офицеру, который, конечно, не могъ отвѣчать за то, что шлюпъ не послушалъ руля. Впрочемъ худыхъ послѣдствій отъ этого удара не было, вода въ трюмъ не прибывала, но у форштевня выломало грефъ на четыре фута длиною и одинъ футъ толщиною.

9 генваря, при туманѣ, мы были опять окружены ледяными полями и разбитымъ льдомъ; когда туманъ немного прочистился, къ сѣверо-востоку усмотрѣнъ былъ узкій проходъ, въ который оба шлюпа направили путь; между-тѣмъ ходу было по осьми миль въ часъ. Капитанъ Беллинсгаузенъ показалъ въ этомъ случаѣ обычную ему неустрашимость и рѣшительность. Пройдя этимъ каналомъ восьми миль, мы вошли въ новый каналъ, простиравшійся прямо на сѣверъ, которымъ пробѣжали еще семь миль, и наконецъ были уже внѣ опасности, по-крайней-мѣрѣ вышли изъ чащи льда. Широта мѣста здѣсь была 59° 47′ долгота 15° 30′ западная. Погода въ это время была перемѣнчивая, по-временамъ шелъ дождь, но проглядывало и солнце. Случись въ этихъ узкихъ проходахъ обычные туманы, едва-ли бы мы уцѣлѣли. Между-тѣмъ, когда сіяло солнце, никто и не помышлялъ объ опасности. Напротивъ, предъ глазами нашими самое величественное, самое восхитительное зрѣлище! Съ лѣвой стороны большіе ледяные острова изъ чистаго кристалла свѣтились изумрудами; солнечные лучи, падая на нихъ косвенно, превращали эти кристаллы въ чудные, волшебные, освѣщенные безчисленными огнями дворцы, возлѣ которыхъ киты пускали высокіе фонтаны; другіе острова съ глубокими пещерами, въ которыя съ яростію устремлялись волны, а сверху падали каскады, представляя самыя разнообразныя, причудливыя формы. По правую отъ насъ сторону, весьма близко, тянулось ледяное поле, на которомъ были точно цѣлые города съ мраморными дворцами, колоннадами, куполами, арками, башнями, колокольнями, полуразрушенными мостами, посеребренными деревьями, — словомъ мы видѣли самую интересную, чудную, фантастическую картину изъ Тысячи и одной ночи!

Едва мы освободились отъ явной опасности и перемѣнили долготу на нѣсколько градусовъ къ востоку, безстрашный нашъ начальникъ опять идетъ во льды къ югу. 14 генваря въ полдень мы были въ широтѣ 63° 49′, 15 генваря достигли широты 66° 54′, а 16-го въ 9 часовъ утра уже находились въ широтѣ 69° 17½, и впереди льда еще не видно! Каждая миля, впередъ пройденная, чрезвычайно радуетъ насъ.

Почему знать, можетъ-быть дойдемъ здѣсь до широты самой близкой къ полюсу?

Недолго мы тѣшили себя надеждой. Въ полдень, въ широтѣ 69° 25′, долготѣ 2° 15′ западной, сквозь шедшій снѣгъ открылся впереди сплошной ледъ; приведя въ бейдевиндъ, шли этимъ курсомъ еще двѣ мили и достигли до обширнаго ледянаго поля, усѣяннаго пригорками и простиравшагося отъ востока чрезъ югъ на западъ; надо было выйти изъ этой бухты, почему и поворотили на сѣверо-западъ.

17 генваря пасмурность и снѣгъ продолжались почти вовесь день. 18-го день былъ ясный и вѣтеръ слабый; мы приглашены были на «Востокъ» обѣдать и оставались тамъ до десяти часовъ вечера. Эти рѣдкія подъ южнымъ полюсомъ, среди льдовъ свиданія, были для насъ безцѣнны.

Капитанъ Беллинсгаузенъ опять идетъ къ югу; ночью на 21 генваря впереди стали показываться льды. Въ два часа мы уже шли посреди разбитаго льда, а далѣе простиралось сомкнутое ледяное поле, въ которомъ затерто было до 50 ледяныхъ острововъ; итти впередъ не было уже ни малѣйшей возможности; надлежало поворотить и взять курсъ на сѣверо-востокъ.

26 генваря погода была ясная; во все это время, подвигаясь среди льдовъ къ востоку, мы держались въ большихъ широтахъ. Сегодня, подошедъ къ одному ледяному острову, вышиною отъ поверхности моря болѣе двадцати саженъ, легли въ дрейфъ и сдѣлали въ верхнюю его часть нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, но они сначала не произвели надъ островомъ никакого дѣйствія; напослѣдокъ однимъ ядромъ разрушило значительную часть ледяной горы, и вся громада, потерявъ равновѣсіе, наклонилась и съ страшнымъ шумомъ рухнула въ воду, а другая ея часть, бывшая дотолѣ въ водѣ, вышла наверхъ. Извѣстно, что правильная ледяная призма погружается въ воду въ семь разъ болѣе противъ высоты, остающейся поверхъ воды, слѣдовательно видимая льдина довольно правильной формы имѣла въ высоту 1000 футовъ, другіе же видѣнные нами ледяные острова могли имѣть 2000 футовъ высоты и болѣе. Спустивъ на воду яликъ, наололи большіе куски чистаго, прозрачнаго льду, которые дали намъ свѣжую, совершенно прѣсную воду. Плавая посреди южныхъ льдовъ, по-крайней-мѣрѣ не нуждаешься въ свѣжей водѣ!

2 февраля при восточномъ вѣтрѣ вновь пустились къ югу, и 3 февраля въ 10 часовъ вечера въ третій разъ пересѣкли южный полярный кругъ. Льду не было видно; полярныя птицы и пинтады летали около шлюповъ во множествѣ. Вѣтеръ былъ свѣжій, развело сильное волненіе, по-временамъ шелъ густой снѣгъ; термометръ стоялъ на точкѣ замер-

занія, но иногда опускался на 3° и ниже по Реомюру; снасти обледенѣли, бѣгучій такелажъ покрытъ былъ точно стеклярусомъ. «Востокъ» шелъ впереди насъ и казался въ полномъ зимнемъ нарядѣ—весь засыпанный снѣгомъ!

4 февраля въ полдень находились въ широтѣ 67° 17′, долготѣ 17° восточной, а льдовъ еще не видно.

Погода стоитъ довольно ясная, вѣтеръ свѣжій, и шлюпъ быстро бѣжитъ къ югу. Отважный начальникъ нашъ принялъ твердое намѣреніе еще разъ употребить всѣ усилія итти къ южному полюсу до-нельзя.

5 февраля, при сильномъ вѣтрѣ тишина моря была необыкновенная. Множество полярныхъ птицъ и снѣжныхъ петерлей вьются надъ шлюпомъ. Это значитъ, что около насъ долженъ быть берегъ или неподвижные льды.

Поутру, впереди и по обѣимъ сторонамъ горизонта явилась широкая блестящая полоса. Къ полудню полоса эта стала блѣднѣть, распространяться выше, и вдругъ за нею, какъ за обширною, прозрачною завѣсою открылись семь большихъ ледяныхъ острововъ, недалеко одинъ отъ другаго отстоящіе, а за ними обозначился неподвижный ледъ, загибающійся въ обѣ стороны. Прошедъ между этими островами, мы устремились сквозь разбитый ледъ къ ледяному берегу; день былъ ясный, видъ ледянаго берега съ высокими отвѣсными стѣнами представлялъ грозную, величественную картину. Несмотря на чащу льда, капитанъ Беллинсгаузенъ продолжалъ итти къ ледяному берегу, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ-ли гдѣ какого прохода къ югу; но кромѣ небольшихъ ледяныхъ бухтъ нигдѣ не видно было ни малѣйшаго отверзтія, и потому въ широтѣ 69° 6½′, долготѣ 15° 51′ восточной поворотили назадъ, а потомъ пошли вдоль ледянаго берега къ востоку. Холода было до 3° по Реомюру; вокругъ шлюпа летали птицы; мы видѣли одну эгмондскую курицу, а съ 7-го февраля появились небольшія дымчатыя птицы въ родѣ ласточекъ (sterna), носъ у нихъ красный; онѣ кружились надъ вымпеломъ и пронзительно кричали. Такихъ же птицъ мы видѣли у острова Георгія, слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что близъ 69° южной широты и долготы отъ 15° и далѣе къ востоку долженъ находиться берегъ. Можетъ-быть, болѣе счастливому будущему мореплавателю и столь-же отважному, какъ нашъ начальникъ, вѣковыя горы льда, отъ бури или другихъ причинъ, разступившись въ этомъ мѣстѣ, дадутъ дорогу къ таинственному берегу!

Съ 7-го по 14 февраля все въ большихъ держались широтахъ, близъ сплошнаго льда. Ночью на 14-е февраля пересѣкли путь капитана Кука; почти за полвѣка предъ симъ, онъ нашелъ въ 30 ми-

ляхъ южнѣе этого мѣста сплошной ледъ; сегодня мы видѣли надъ горизонтомъ къ югу свѣтлую полосу, а это, какъ мы неоднократно испытали, показываетъ близость ледянаго берега или поля. Изъ этого слѣдуетъ, что въ-теченіе 47 лѣтъ, въ положеніи льдовъ, по-крайней-мѣрѣ въ этихъ мѣстахъ, не послѣдовало никакой замѣтной перемѣны.

15 февраля насталъ жестокій противный вѣтеръ отъ востока. Волны подымались, какъ горы, шлюпъ то возносился на вершины ихъ, то бросаемъ былъ въ изрытыя водяныя пропасти. Эта ночь была одна изъ самыхъ непріятнѣйшихъ и опаснѣйшихъ. Кругомъ льды, между-тѣмъ темно и пасмурно, густой снѣгъ, соединяясь съ брызгами разносимой повсюду вихремъ сѣдой пѣны валовъ, обнялъ нашъ шлюпъ какимъ-то страшнымъ хаосомъ; присоедините къ этому свистъ вѣтра въ обледенѣлыхъ снастяхъ, скрипъ перегородокъ въ шлюпѣ, бросаемомъ съ боку на бокъ, по-временамъ мелькающія въ темнотѣ, какъ привидѣнія, ледяныя громады, присоедините къ этому пушечные выстрѣлы и фальшфейерный огонь*, такъ ярко освѣщающій этотъ мракъ и бурю, и будете имѣть только слабую, блѣдную картину всѣхъ ужасовъ этой ночи!

На морѣ часто видишь и понимаешь, какъ ничтожны всѣ усилія человѣческія, и какъ велика благость Провидѣнія!

Смѣнясь съ вахты въ полночь, я и въ каютѣ моей не переставалъ слышать страшные удары волнъ въ бортъ шлюпа надъ самымъ ухомъ, и невольно подумалъ, что оставленные нами на далекомъ сѣверѣ наши родные и друзья, находясь подъ надежнымъ кровомъ, вѣрно не подозрѣваютъ, какую бѣдственную ночь проводимъ мы теперь во льдахъ подъ южнымъ полюсомъ!

До 28 февраля, подвигаясь къ востоку, держались все еще въ довольно большихъ широтахъ, и намъ выдавались ночи, особенно на 19 февраля, такія же какъ выше-описанная. Сегодня, 28 февраля, въ полдень находились въ широтѣ 62° 4′ и долготѣ 68° 15′ восточной. Ночью при чистомъ небѣ видѣли въ полномъ блескѣ созвѣздія Ріона и южнаго Креста. Появившіеся пингвины и нырки, точно такіе, какихъ видѣли у южнаго Георгія, показываютъ опять близость берега, тѣмъ-болѣе, что за четыре дня предъ этимъ, именно въ три часа пополудни, въ широтѣ 62° 32′ и долготѣ 57° 41′ восточной, видѣли урила, который, поднявшись съ воды, полетѣлъ къ западу.

Съ 1-го марта пошла другая сотня дней плаванія нашего изъ Ріо-Жанейро. Хотя офицеры и команда на обоихъ шлюпахъ пользуются совершеннымъ здоровьемъ, но самыя суда, парусность и оснастка тре-

* Стрѣляли изъ пушекъ и жгли фальшфейеры для показанія мѣста своего шлюпу «Востокъ»; но, какъ впослѣдствіи узнали, онъ неслыхалъ выстрѣловъ и невидалъ огня.

буютъ поправленія; въ дровахъ у насъ чувствительный недостатокъ; время подвигается къ осени, съ которой обыновенно начинаются въ здѣшнихъ водахъ жестокіе вѣтры и бури, а потому мы съ усиленнымъ ходомъ, даже по ночамъ, спѣшимъ къ сѣверо-востоку. До Новой-Голландіи намъ предстоитъ еще обширное плаваніе, и именно надо перемѣнить болѣе 30° широты и болѣе 80° долготы.

3 марта, послѣ полуночи, сквозь облака замѣченъ былъ необыкновенный свѣтъ. Потомъ на югѣ стали показываться синевато-свѣтлые столбы; они безпрестанно исчезали и снова появлялись; иногда они имѣли видъ длинныхъ расходящихся лучей, иногда огонь волнистой лентой пробѣгалъ по небесному своду, иногда полнеба вспыхивало краснымъ огнемъ, словомъ намъ представилось во всемъ блескѣ величественное, изумительное южное сіяніе! Были такіе моменты, что матросы думали, что небо въ-самомъ-дѣлѣ загорѣлось. Рулевой невольно внѣ-себя вскрикнулъ: горитъ! горитъ! Во всю ночь такъ было свѣтло, что можно было читать книгу самой мелкой печати, и всѣ непрозрачные предметы бросали отъ себя тѣнь, подобно тому, какъ это бываетъ днемъ при солнцѣ, подернутомъ легкими облаками. Наконецъ это прекрасное явленіе кончилось, все погасло, а впереди продолжала горѣть маленькая звѣздочка, по которой рулевой правилъ шлюпомъ къ востоку.

4 марта. Сегодня капитанъ нашъ ѣздилъ на шлюпъ «Востокъ». Начальникъ экспедиціи объявилъ ему, что онъ намѣренъ, не заходя къ островамъ Аукландскимъ, итти прямо въ Новую-Голландію, въ Портъ-Джаксонъ. Для бо́льшаго же обозрѣнія южнаго моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы пересѣчемъ путь Кука, шлюпы должны разлучиться: «Мирному» итти $2^1/_2$ или 3° южнѣе пути капитана Фюрно, и въ долготѣ 135° восточной войти въ широту 49° 39′, чтобъ искать на этой параллели Компанейскаго острова, потомъ осмотрѣвъ пространство моря отъ этого острова до южной оконечности Вандименовой земли, итти въ Портъ-Джаксонъ. Шлюпу «Востокъ» назначался путь на $2^1/_2$ или 3° сѣвернѣе пути капитана Кука, такимъ-образомъ оба шлюпа обойдутъ пространство моря по долготѣ на 55° и по широтѣ на 8°, которое не было еще обозрѣваемо ни однимъ мореплавателемъ.

5 марта съ полуночи набѣгали на насъ шквалы съ густымъ снѣгомъ, такъ-что на десять саженъ ничего не было видно; между-тѣмъ мы шли между множествомъ большихъ льдинъ; къ счастію южное сіяніе освѣщало море, и мы могли пролагать между льдами свой путь.

Въ полдень находились въ широтѣ 59°, долготѣ 88° 51′. «Востокъ» прислалъ къ намъ шлюпку за священникомъ, который долженъ былъ у

нихъ находиться до прибытія въ Портъ-Джаксонъ, такъ-какъ на «Востокѣ» было команды болѣе, чѣмъ у насъ.

Около пяти часовъ пополудни «Востокъ», при семи пушечныхъ выстрѣлахъ сдѣлалъ намъ сигналъ итти въ назначенный путь и сойтись въ Портъ-Джаксонѣ. «Мирный» отвѣчалъ 20-ю выстрѣлами, и послѣ взаимныхъ желаній всевозможныхъ другъ-другу успѣховъ, подъ всѣми парусами пошелъ къ сѣверо-востоку. Такимъ образомъ мы надолго разстались съ нашимъ флагманомъ. Разлука послѣдовала въ широтѣ 58° 50′, долготѣ 89° 51′ восточной. Въ семь часовъ вечера «Востокъ» уже сдѣлался невидимъ.

До сихъ-поръ, несмотря на частые туманы и пасмурность, несмотря на то, что шлюпъ «Востокъ» ходилъ несравненно лучше «Мирнаго,» мы не разлучались съ нимъ отъ неосторожности или по непредвидѣннымъ случаямъ. Правда, мы несли всегда форсированные паруса, чтобъ имѣть возможно быстрый ходъ, но были такъ счастливы, что со-времени выхода нашего изъ Кронштадта не сломали ни одной брамъ-реи, ни одного даже лисель-спирта. Ночью имѣли ходу по $6^1/_2$ узловъ; между тѣмъ шелъ снѣгъ и градъ, мороза было 3° по Реомюру, ледъ хотя и рѣже, но все еще попадается навстрѣчу.

7-го марта при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ и дождливой, пасмурной погодѣ, развело сильное волненіе. Надлежало взять у марселей всѣ рифы, закрѣпить крюсель и спустить брамстенги. Около полудня вѣтеръ стихъ, но не надолго; вскорѣ поднялся сильнѣйшій вѣтеръ отъ NW, и во второмъ часу превратился въ настоящій штормъ; закрѣпили марсели, фокстаксель изорвало въ куски, удержались одни только гафельные трисели. Теперь мы въ жестокую бурю одни-одинехоньки среди пустыннаго, Ледовитаго океана; нѣтъ въ виду «Востока,» на которомъ такъ пріятно было останавливать взоры.

До 10 марта продолжался крѣпчайшій вѣтеръ, волны ходили громадныя; когда съ хребта ихъ шлюпъ падалъ внизъ, казалось, что мы находимся при подошвѣ высочайшей водяной горы. Къ счастію ледяные острова попадались рѣже. Такъ-какъ шлюпъ «Востокъ» шелъ противъ насъ тремя градусами южнѣе, то положеніе его во льдахъ было несравненно опаснѣе, и мы очень о немъ безпокоились.

У матросовъ стали обнаруживаться простудныя лихорадки и ревматизмы. Во все время плаванія во льдахъ, кромѣ обыкновенной полуденной порціи водки, матросы получали по стакану слабаго пунша съ сахаромъ и лимоннымъ сокомъ; теперь имъ прибавили еще порцію водки за завтракомъ. Это много способствовало къ поддержанію здоровья ко-

манды въ сыромъ и холодномъ климатѣ при ежедневныхъ трудныхъ работахъ.

13 марта въ широтѣ 54° 49′, долготѣ 113° 7′ восточной видѣли много травы, птицъ и нырковъ, точно такихъ, какіе показывались у южнаго Георгія. Надо полагать, что вблизи этихъ мѣстъ есть какой-нибудь островъ. Безпрестанно смотрѣли съ салинговъ, но открыть берега не посчастливилось. До 16-го марта тѣ же признаки земли повторялись. Между тѣмъ намъ надо было поспѣшать въ Портъ-Джаксонъ, куда шлюпъ «Востокъ,» лучше насъ ходившій, могъ прійти гораздо ранѣе.

16 марта съ утра сѣверный вѣтеръ крѣпчалъ, и къ полудню превратился въ жестокій ураганъ; палубу обдавало волнами; сильнѣйшій вихорь рвалъ верхи валовъ и разносилъ брызги дождевою пылью по воздуху, такъ-что несмотря не ясную погоду, нельзя было сквозь эту морскую вьюгу видѣть впередъ далѣе одной итальянской мили. Буря эта продолжалась до осьми часовъ вечера; тогда прибавили парусовъ, чтобъ сколько-нибудь ослабить сильную качку, которая бросала шлюпъ съ боку на бокъ.

17 марта. День былъ ясный, служительское платье, въ эти дни все до нитки промокшее, могло быть высушено. Тяжелый воздухъ въ каютахъ топкою камельковъ и открытіемъ люковъ былъ освѣженъ. Всѣ матросы, не смотря на семнадцати-недѣльное плаваніе, имѣли здоровый и веселый видъ; всѣ наши больные выздоровѣли. Мы имѣли въ докторѣ Галкинѣ не только искуснаго, но неусыпнаго и самаго заботливаго медика.

18 марта ночью намѣревались наблюдать лунное затмѣніе; но предъ самымъ началомъ его, луна закрылась облаками, только конецъ затмѣнія, въ исходѣ 5-го часа утра, могъ быть замѣченъ. Опредѣленная изъ этого наблюденія секстанами въ обратный телескопъ долгота, оказалась 13° 20′, восточная; она была полуградусомъ меньше истинной, по нашимъ другимъ, точнѣйшимъ наблюденіямъ. Впрочемъ, наблюденія лунныхъ затмѣній на морѣ не могутъ дать точной долготы, потому-что во время качки нельзя употреблять большаго ахроматичечкаго телескопа, а въ малыя трубы моменты начала и конца затмѣнія замѣтить весьма трудно. Вечеромъ мы видѣли королевскаго пингвина, т. е. съ краснымъ носомъ и желтымъ на головѣ хохломъ. Появленіе этой птицы служитъ также признакомъ близости берега.

Съ 21 марта пришедъ на параллель острова Компанейскаго, держали по ней къ востоку. Надъ шлюпомъ летали эгмондскія куры и хватались за флюгарку. 22 марта въ $6^1/_2$ часовъ вечера, находясь въ той самой точкѣ, въ которой по картѣ Арросмита назначенъ Компанейскій островъ, легли въ дрейфъ. 23 марта съ разсвѣтомъ продолжали плаваніе къ востоку; но острова Компанейскаго, пройдя $2^1/_2{}^0$ далѣе по этой

параллели, не встрѣтили, изъ этого слѣдуетъ, что и въ широтѣ его должна быть значительная погрѣшность.

Дальнѣйшее исканіе его на этой параллели было бы безполезно, и потому мы направили путь прямо къ юго-западному мысу Вандименовой-Земли, который увидѣли 25 марта въ 5 часу пополудни, прямо на востокъ. На слѣдующій день, въ 11 часовъ утра, открылся на сѣверо-западѣ мысъ Тасмана въ разстояніи тридцати-пяти миль.

27 марта день былъ ясный, теплый, какого давно уже не видали. Термометръ Реомюра показывалъ 13°. Прекрасная погода какъ-будто всѣхъ оживила. Мы идемъ теперь къ восточному берегу Новой Голландіи.

2-го апрѣля на разсвѣтѣ открылся вожделѣнный берегъ Новой Голландіи, и именно мысъ Георгія. Послѣ столь продолжительнаго и опаснаго плаванія среди льдовъ и тумановъ, въ холодѣ и сырости, отрадно увидѣть берега, покрытые зеленью, деревьями. Чувства эти понятны каждому; но во всей силѣ испытать ихъ могутъ только тѣ, которые бывали въ путешествіяхъ, подобныхъ нашему!

Послѣ полудня южный вѣтеръ сталъ стихать и къ вечеру сдѣлался штиль. Ночью мы видѣли по берегу огни, вѣроятно, разложенные дикими. Перемѣнные тихіе вѣтры насъ задерживали, такъ-что не прежде 6-го апрѣля могли мы подойти къ Портъ-Джаксону, и по наступившему безвѣтрію бросили якорь у самаго входа въ заливъ, имѣя новый маякъ въ разстояніи двухъ миль. На слѣдующій день, съ осьми часовъ утра, при сѣверо-западномъ вѣтрѣ и приливѣ, лавировали въ заливъ и въ третьемъ часу бросили якорь возлѣ шлюпа «Востокъ.»

IV.

Портъ-Джаксонъ.

Мы не успѣли еще стать на якорь, какъ достойнѣйшій начальникъ экспедиціи былъ уже на нашемъ шлюпѣ. Онъ пришелъ шестью днями раньше насъ въ Портъ-Джаксонъ и объявилъ, что всѣ офицеры и служители на его шлюпѣ, также какъ и у насъ, пользуются совершеннымъ здоровьемъ.

Мы узнали отъ капитана Беллинсгаузена, что опасенія наши за шлюпъ «Востокъ», во время бури между 8-го и 10-го марта были не напрасны: онъ дѣйствительно выдержалъ во льдахъ жесточайшій штормъ, и только одно Провидѣніе могло спасти его отъ гибели. Капитанъ Беллинсгаузенъ говорилъ, что 9-го марта, въ эту бурю волны поднимались до высоты необычайной; на шлюпѣ «Востокъ» закрѣпили всѣ паруса, а чтобъ держать шлюпъ ближе къ вѣтру, растянули на бизань-вантахъ нѣсколько

коекъ. По-крайней-мѣрѣ утѣшались тѣмъ, что не видно было льдовъ. Вдругъ въ восемь часовъ съ баку закричали: «ледъ впереди!» Это извѣстіе поразило всѣхъ ужасомъ; шлюпъ несся прямо на одну изъ льдинъ; тотчасъ подняли фокъ-стаксель и положили руль на вѣтеръ на бортъ; но все это не произвело никакого дѣйствія: льдина была уже весьма близко. Одну льдину пронесло подъ кормою, а другая находилась прямо противъ средины борта; всѣ ожидали удара, которому надлежало послѣдовать; по счастію, огромная волна, вышедшая изъ-подъ шлюпа, отодвинула льдину на нѣсколько саженъ и пронесла у самаго подвѣтреннаго штульца. Льдина эта могла проломить бортъ или отломить руслени и свалить мачты.

Вскорѣ послѣ того, какъ бросили якорь, пріѣзжалъ къ намъ капитанъ надъ портомъ Пайперъ, любезный и веселый человѣкъ. Онъ слываетъ душею портджаксонскаго общества, и тутъ же приглашалъ насъ непремѣнно посѣтить и обновить только-что отстроенный загородный его домъ. Свиданіе наше съ офицерами шлюпа «Востокъ» доставило намъ величайшее удовольствіе.

Портджаксонскій заливъ хорошо закрытъ и такъ обширенъ, что можетъ помѣстить цѣлые флоты. На сѣверной сторонѣ залива, недалеко отъ того мѣста, гдѣ шлюпы стояли на якорѣ, «Востокъ» и мы разбили свои палатки, перевезли туда лазаретъ, кузницу и всѣ лишніе матеріялы. Прежде всего капитанъ нашъ озаботился починкою форштевня. Шлюпъ «Мирный» введенъ былъ въ маленькую бухту по западную сторону отъ русскаго адмиралтейства—такъ называли мы мѣсто, гдѣ расположены были наши палатки, и поставленъ, во время прилива, носомъ на песчаную отмель.

При отливѣ, когда поврежденное мѣсто вышло изъ воды, оказалось что грефъ на $4^1/_2$ фута изломанъ въ щепу. Въ три дня починка, съ помощью мастеровыхъ шлюпа «Востокъ» была кончена, и «Мирный» оттянулся на прежнее свое мѣсто. Для починки употреблено было новоголандское мягкое дерево сидеръ, самое удобное для кораблестроенія.

Главный городъ колоніи Сиднёй находится въ семи миляхъ отъ входа въ заливъ и выстроенъ на мысѣ, называемомъ Сидней-ковъ. Хотя онъ и не расположенъ по правильному плану, но строенія вообще красивы, улицы широки и опрятны; теперь считается въ Сиднеѣ даже болѣе десяти тысячъ жителей.

Губернаторъ колоніи, генералъ Маквари, пригласилъ насъ къ обѣду; онъ и жена его были очень внимательны къ намъ и гостепріимны.

16 апрѣля, по приглашенію губернатора, оба капитана и многіе изъ офицеровъ поѣхали въ городокъ Парамату, находящійся въ пятнадцати миляхъ отъ Сиднея, на рѣкѣ Параматѣ. Я ѣхалъ въ гичкѣ; дорога въ

Парамату прекрасная; вездѣ воздѣланныя поля, красивые загородные домики съ рощицами и садами; самый городъ не великъ, но чистъ и красивъ; домы бо́льшею-частію деревянные, съ большими на улицу палисадниками, гдѣ много цвѣтовъ и кустарниковъ. Губернаторскій домъ о двухъ этажахъ, построенъ еще первымъ начальникомъ колоніи, Филиппомъ, на высокомъ мѣстѣ, и окруженъ большимъ садомъ, гдѣ цѣлыя аллеи лимонныхъ, апельсинныхъ и померанцевыхъ деревъ. На одномъ и томъ же деревѣ благоухаютъ цвѣты и висятъ золотистые плоды.

До обѣда, мы съ адъютантомъ губернаторскимъ, поручикомъ Маквари, прогуливаясь по городу, заходили въ новую казарму, гдѣ ссылочныя женщины собираются днемъ на работу: иныя прядутъ шерсть, другія ткутъ сукна. Заходили въ училище для дочерей природныхъ жителей Новой Голландіи: вездѣ чистота и порядокъ. Дикари новоголландскіе считаются, по своему невѣжеству, ниже всѣхъ дикихъ народовъ на земномъ шарѣ, а дѣти ихъ дѣлаютъ успѣхи въ училищахъ наравнѣ съ европейцами. Есть подобное же училище и для мальчиковъ, котораго, однакожъ, мы не видали. Говорятъ, что трудно уговорить дикихъ отдавать дѣтей своихъ въ эти училища. Капитаны, астрономъ Симановъ и живописецъ Михайловъ, по приглашенію губернатора, остановились въ его домѣ, а прочіе офицеры въ трактирѣ. Каждый изъ насъ имѣлъ опрятную, хорошо меблированную комнату, на постеляхъ бѣлье блестѣло бѣлизною. Когда что́ понадобится, дернешь за снурокъ—къ вамъ явится молоденькая, пригожая служанка и съ улыбкою спроситъ:

— Did you ring sir? Вы, сударь, звонили? Что прикажете, все въ минуту будетъ исполнено.—Въ Параматѣ мы прожили три дня и возвратились кто рѣкою, а кто сухимъ путемъ, въ Портъ-Джаксонъ.

Въ городѣ насъ ежедневно приглашали на праздники; мы были въ загородныхъ домахъ у капитана надъ портомъ Пайпера, у Дриннера, нѣчто въ родѣ генеральнаго казначея; познакомились также съ офицерами находящагося въ Сиднеѣ англійскаго полка, которые угощали насъ обѣдомъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ были очень образованные люди. Я сошелся съ однимъ молодымъ офицеромъ, Блюифильдомъ, который успѣлъ уже побывать въ послѣднюю войну въ Испаніи. Были между ними однако и отчаянные піиты. Одинъ изъ нихъ вызвался каждому изъ насъ отвѣчать тостомъ; мы пили по бокалу вина, а онъ наливалъ каждый разъ бокалъ чистаго джину, и разомъ его опоражнивалъ.

Серебро, фарфоръ и хрусталь не только хороши, но даже роскошны и составляютъ принадлежность полка. Офицеры англійскихъ полковъ обыкновенно имѣютъ общій столъ. Этотъ обычай во многихъ отношеніяхъ весьма полезенъ.

Но любимою моею прогулкою были лѣса новоголландскіе. Часто съ ранняго утра, завернувъ прежде въ наше адмиралтейство и посѣтивъ палатку Ивана Михаиловича Симанова, нашего ученаго, образованнѣйшаго и достойнѣйшаго астронома, котораго невозможно не любить, кто только его узнаетъ, я отправлялся, съ карманнымъ компасомъ, на многія мили въ чащу лѣса, идущаго отъ нашего адмиралтейства, или отъ бухты, въ которой стоялъ нашъ шлюпъ для починки. По узкой, иногда непроходимой тропинкѣ, чрезъ камни, чрезъ кустарники, изъ которыхъ выползали шипучія змѣи, я пролагалъ путь далѣе и далѣе. Чѣмъ болѣе было опасностей, тѣмъ болѣе молодому человѣку доставляла удовольствіе прогулка. Сколько новыхъ деревьевъ, растеній, цвѣтовъ, птицъ привлекали на себя вниманіе! Въ лѣсу часто попадались и дикіе, вооруженные длинными пиками изъ стебля смолистаго дерева (gummy plant); но я ихъ не боялся, потому-что, за бутылку рома, пользовался дружбою начальника дикихъ Бонгари. У него на груди висѣла, на мѣдной красной цѣпочкѣ, мѣдная бляха съ надписью: Bongaree, chief of the Brocken-bay tribe 1815, а жена его, старуха, вымазанная рыбьимъ жиромъ—олицетворенное безобразіе, встрѣчаясь въ лѣсу, всегда требовала чтобъ съ нею цѣловались. Усталый, измученный, но полный пріятныхъ впечатлѣній, возвращался я иногда поздно вечеромъ на шлюпъ.

Здѣсь, можетъ быть. не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о началѣ колоніи Южнаго-Валлиса, и сдѣлать бѣглый очеркъ нравовъ и обычаевъ природныхъ жителей Новой Голландіи.

Англія, потерявъ свои колоніи въ Сѣверной Америкѣ, искала другой страны, куда бы сбывать мутную накипь своего народонаселенія, по просту сказать, своихъ негодяевъ. Вашингтонъ очень жаловался на ежегодную присылку въ Америку этого яда. Капитанъ Кукъ, въ одномъ изъ своихъ путешествій, весьма выгодно отзывался о заливѣ Ботаническомъ на восточномъ берегу Новой-Голландіи. Въ этой странѣ зима начинается въ маѣ, весна въ сентябрѣ, лѣто въ ноябрѣ и осень въ мартѣ мѣсяцѣ. На этотъ-то пунктъ правительство британское и обратило свои виды. Дѣйствительно, выборъ этого мѣста не могъ быть лучше сдѣланъ. Огромное разстояніе отдѣляетъ его отъ всѣхъ европейскихъ колоній. Съ другой стороны, Ботани-бей, находясь въ равныхъ разстояніяхъ отъ англійскихъ факторій въ Индіи, Китаѣ и Америкѣ, представляетъ неоцѣненныя выгоды для торговли и мореплаванія.

Флотилія изъ девяти судовъ, подъ начальствомъ капитана Артура Филиппа, назначеннаго губернаторомъ новой колоніи, отплыла изъ Англіи въ маѣ 1787 года, и 20 января 1788 пришла въ Ботани-бей съ тысячью ссылочныхъ. Капитанъ Филиппъ нашелъ удобнѣйшимъ

построить городъ Сидней за три мили сѣвернѣе Ботани-бея, на берегу Портджаксонскаго залива, въ которомъ удобно могутъ помѣщаться большіе флоты и суда подходить къ самому городу.

Почва земли такъ плодородна, что всѣ привезенныя изъ Европы хлѣбныя зерна и сѣмена принялись и дали богатую жатву. Новые ссылочные съ новыми запасами не замедлили прибыть. Второй городъ Парамата, заложенъ въ 1791 году. Транспорты послѣдовательно приходили изъ Англіи, и въ ново-учрежденныхъ городахъ открылись рынки. Въ 1792 году пущена въ обращеніе колоніяльная монета; изъ Англіи стали переселяться въ Новую Голландію свободные колонисты. Разработка земель пошла въ большомъ размѣрѣ. Послѣ Филиппа, колонія болѣе всѣхъ обязана нынѣшнему ея губернатору Маквари; съ 1809 года онъ распространилъ городъ Сидней и основалъ пять новыхъ городовъ во внутренности Новой Голландіи. Дорога между Сиднеемъ и Парамatою была исправлена и по ней стали ходить публичныя кареты. Въ 1814 году проникли за Синія-Горы, которыя до того считались непроходимыми; за ними открыты обширныя равнины и большая рѣка, на берегахъ которой основанъ городъ Батурстъ, въ 136 миляхъ отъ Сиднея. Въ 1820 году, въ колоніи считалось болѣе 30,000 жителей и восемь городовъ: Сидней, Парамата, Винзоръ, Ливерпуль, Нью-кастль, Батурстъ, Гобардъ-тоунъ и Дальримпель; послѣдніе два въ Землѣ-Вандименовой.— Съ 1803 года издается въ Сиднеѣ газета. Нынѣ ежегодно выходятъ календари, наполненные многими любопытными мѣстными свѣдѣніями. Народонаселеніе состоитъ изъ Англичанъ, Ирландцевъ и Шотландцевъ; число жителей другихъ націй весьма незначительно. Всѣ жители могутъ быть раздѣлены на четыре класса: 1) свободно-прибывшіе колонисты, 2) ссылочные, получившіе свободу, 3) ссылочные и 4) природные жители Новой Голландіи.

Послѣдніе живутъ обществами въ 30, 40, 50 и болѣе человѣкъ, и управляются своими старшинами. Теперь англійское правительство само избираетъ старшинъ и даетъ имъ особый знакъ, состоящій въ мѣдной дощечкѣ, на которой означено ихъ званіе и которыя они носятъ на шеѣ.

Дикіе обоего пола роста ниже средняго, худощавы, съ длинными, тонкими руками и ногами; голова у нихъ противъ туловища несоразмѣрно велика; цвѣтъ лица и тѣла темный, почти черный; ротъ большой, губы толстыя, носъ крючкомъ, какъ у попугая, въ ноздри вставляютъ кость или кусокъ тростника; черты лица отвратительныя, волосы растрепанныя. Иногда они украшаютъ голову птичьими или рыбьими костями, хвостомъ собаки и зубами кангуру; иногда же запле-

таютъ волосы, намазывая ихъ смолистымъ сокомъ растенія, отчего и походятъ они на концы веревокъ. Лице и тѣло пачкаютъ красною землею и проводятъ по тѣлу длинныя бѣлыя полосы; грудь, руки и спину исчерчиваютъ ракушками или рыбьею чешуей и намазываютъ себя рыбьимъ жиромъ.

Когда юноша вступаетъ въ мужескій возрастъ, выбиваютъ ему два передніе зуба, а дѣвушкамъ, въ ранней ихъ молодости, отрѣзываютъ два сустава мизинца на лѣвой рукѣ, которые будто бы мѣшаютъ наматывать лесы при рыбной ловлѣ. Дѣвушка, неисполнившая этого обряда, была бы въ презрѣніи. Горбатыхъ и калѣкъ между ними не замѣчается.

Дикари новоголландскіе живутъ бо́льшею частью близъ лѣсовъ; хижинъ не имѣютъ, а дѣлаютъ только полукруглую изъ хвороста загородку съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ; внутри раскладываютъ огонь; нечистота у нихъ отвратительная. Домовъ европейскихъ не любятъ и предпочитаютъ жить въ своихъ загородкахъ, подъ открытымъ небомъ.

Нынѣшній губернаторъ дѣлалъ попытку пріучить ихъ къ осѣдлой жизни, но безъ успѣха. Они бросили данные имъ домы и земли и возвратились къ скитальческому приволью. Пища прибрежныхъ дикарей состоитъ преимущественно изъ рыбы. Большую часть дня проводятъ они на своихъ лодкахъ, удятъ рыбу; поймавъ ее, тотчасъ бросаютъ на горячіе угли, въ самой лодкѣ лежащіе, и потомъ ѣдятъ, не отдѣляя внутренностей. Живущіе въ лѣсу употребляютъ въ пищу коренья папоротника, муравьиныя яица и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

Браки совершаются у нихъ чрезъ похищенія дѣвицъ. Желающій жениться, ищетъ себѣ суженую въ чужомъ, часто враждебномъ племени. Онъ старается подстеречь несчастную дѣвушку, когда она одна, безъ родныхъ своихъ и покровителей, и когда это удастся, сшибаетъ ее съ ногъ ударомъ булавы, наноситъ кровавыя раны въ плечи, шею и другія части тѣла, и поспѣшно увлекаетъ въ лѣсъ, несмотря на новыя раны, какія дорогою колючій кустарникъ и острые каменья могутъ ей сдѣлать. Притащивъ дѣвушку къ своимъ, онъ объявляетъ ее своею законною женою.

Племя похищенной дѣвушки ищетъ случая къ отмщенію, и рѣдко въ томъ не успѣваетъ. Оба племени выступаютъ на поле сраженія и строятся въ боевой порядокъ. Женщины предъ сраженіемъ выходятъ впередъ, покрываютъ себя пылью и грязью, и военными пѣснями возбуждаютъ противниковъ къ бою. Сраженіе оканчивается, когда съ обѣихъ сторонъ довольно будетъ раненыхъ; каждая сторона возвращается во-своя-

ся, оглашая воздухъ шумными пѣснями и крикомъ. Иногда вражда и сраженія продолжаются по нѣскольку дней; но чаще, послѣ перваго кровопролитія, все кончается пиромъ. Похищенная дѣвушка дѣлается не только женою, но и рабою своего похитителя. Когда семейства путешествуютъ, мужчины идутъ впереди, а женщины позади; если встрѣтятся европейцы, женщины удаляются въ сторону. Малѣйшій проступокъ жены противъ мужа наказывается ударомъ булавы; иногда, но очень рѣдко, жена отвѣчаетъ на побои побоями. Чаще, послѣ наказанія жены, слѣдуетъ примиреніе, какъ-будто ничего небывало. Мужъ можетъ имѣть столько женъ, сколько ему угодно; впрочемъ, рѣдко бываетъ у нихъ болѣе двухъ женъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія мать сажаетъ младенца на плечи, спустивъ ножки его къ себѣ на грудь, и младенецъ какъ-будто по инстинкту держится ручонками за волоса матери. Чрезъ шесть недѣль новорожденный получаетъ имя птицы, рыбы или другаго, подъ глазами находящагося предмета. Это дѣлается безъ всякаго обряда.

Осьмилѣтніе мальчики въ играхъ своихъ пробуютъ похищать маленькихъ дѣвочекъ, подобно тому, какъ дѣлали ихъ отцы.

Увеселенія взрослыхъ состоятъ въ пѣніи, пляскахъ, метаніи копій и примѣрныхъ сраженіяхъ. Иногда ночью, близъ разложеннаго костра бываютъ дружескіе поединки, и противники бросаютъ другъ въ друга горящія головни.

Матери пріучаютъ дочерей своихъ плести лесы для удочекъ, чтобъ ловить рыбу. Вообще же новоголландскіе дикари крайне лѣнивы и безпечны, не помышляютъ о днѣ завтрашнемъ и оттого, особенно въ дурную или бурную погоду, терпятъ холодъ и голодъ.

Языкъ у этихъ дикарей не вездѣ одинаковъ; живущіе близъ Сиднея худо разумѣютъ племена около Нью-Кестля, или Порта-Стефенса.

Каждый новоголландецъ почитаетъ свое общество лучшимъ. Когда случится имъ увидѣть одноземца изъ другаго племени, они начинаютъ заводить съ нимъ ссору, называя его людоѣдомъ, разбойникомъ, трусомъ, и проч.

Лѣса новоголландскіе наполнены змѣями, но дикіе ихъ не боятся; они ходятъ въ лѣсу обыкновенно потупя голову, и только гдѣ завидятъ змѣю, тотчасъ ее убиваютъ. Въ случаѣ же уязвленія, немедленно высасываютъ другъ у друга ядъ, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Дикари не поклоняются ни небеснымъ свѣтиламъ, ни животнымъ, но имѣютъ нѣкоторое темное понятіе о будущей жизни. У нихъ есть колдуны; всѣ они естественные плуты и мошенники. Дикіе очень боятся грома и молніи; метеоры принимаютъ вообще за нѣчто зловѣщее.

Вообще природные новоголландцы по всей справедливости должны быть причислены къ самой низшей породѣ человѣческаго рода.

7 мая. Мы слишкомъ уже зажились въ Портъ-Джаксонѣ; пора итти въ моря тропическія. Путь нашъ будетъ вдоль берега Новой Зеландіи: желательно бы взглянуть на жителей ея каннибаловъ!

Къ вечеру гребныя суда были подняты и сдѣланы всѣ приготовленія, чтобъ на слѣдующее утро вступить подъ паруса. «Востокъ» сигналомъ уже вытребовалъ къ себѣ лоцмана.

V.

Новая Зеландія.

8 мая, въ семь часовъ поутру, мы снялись съ якоря, и въ 9-мъ, были уже внѣ залива. По инструкціи, намъ должно было, пройдя по сѣверную сторону Новой-Зеландіи, слѣдовать къ островамъ Общества; по этому капитанъ Беллинсгаузенъ и рѣшился итти къ острову Опаро, открытому Ванкуверомъ, и назначилъ его мѣстомъ свиданія, въ случаѣ разлученія шлюповъ. Между-тѣмъ наставшіе свѣжіе вѣтры отъ востока и сѣвера увлекали наши шлюпы къ югу.

19 мая сѣверный вѣтеръ, продолжая свѣжѣть съ 4-хъ часовъ пополудни, превратился въ штормъ и развелъ сильное волненіе. Къ ночи неожиданно сдѣлался штиль; темнота была страшная; шлюпъ такъ сильно качало, что подвѣтренный бортъ доставалъ до воды, которая окачивала палубу. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Мы жгли другъ для друга фальшфейеры, палили изъ пушекъ ядрами, но этихъ сигналовъ съ обоихъ шлюповъ не видали и не слыхали. При разсвѣтѣ, съ марса открылся шлюпъ «Востокъ» далеко впереди и нѣсколько влѣво.

20 мая, къ вечеру, мы догнали «Востокъ.» Ночь была лунная; вѣтеръ скрѣпчалъ; по временамъ сверкала сильная молнія. Насъ окружали албатросы, пинтады, бурныя птицы—обыкновенные наши спутники въ Южномъ Ледовитомъ морѣ. Они отъ суровой на югѣ зимы подавались къ сѣверу, а мы, гонимые сѣвернымъ вѣтромъ, подавались навстрѣчу имъ, къ югу. Въ четыре часа капитанъ Беллинсгаузенъ далъ знать сигналомъ, что назначаетъ намъ сойтись въ заливѣ королевы Шарлоты. Стало-быть, начальникъ экспедиціи, несмотря на то, что въ зимнее время бываютъ здѣсь бури, намѣревался, для выигрыша времени итти малоизвѣстнымъ проливомъ капитана Кука, отдѣляющимъ сѣверную часть Новой-Зеландіи отъ южной.

24 мая ночью мелькнули впереди огни, вѣроятно, разложенные новозеландцами по берегу, вдоль котораго мы стали держать къ югу. Когда

разсвѣло, открылась Новая-Зеландія съ величественною горою Эгмонтомъ; вершина ея терялась въ облакахъ, ниже ихъ видѣнъ былъ снѣгъ, покрывающій этого исполина. На берегу замѣченъ былъ лѣсъ и кустарники; въ долинахъ лежалъ туманъ, чрезъ который пробивался дымъ, означавшій, что тутъ есть селеніе.

26 мая по утру вѣтеръ сталъ крѣпчать; мы были недалеко отъ входа въ проливъ Кука. Гора Эгмонтъ очистилась отъ облаковъ и явилась съ своей серебряной главой въ полномъ величіи. Полагаютъ, что Эгмонтъ не ниже пика тенерифскаго; но, по сдѣланнымъ на шлюпахъ измѣреніямъ, примѣрная высота этой горы оказалась только около 10,000 футовъ, тогда какъ пикъ тенерифской имѣетъ 1900 тоазовъ, т. е. болѣ 12,000 футовъ. Къ вечеру вѣтеръ утихъ. Ночь и слѣдующій день мы держались близь средины залива, потому-что время было дожливое и берегъ худо можно было различать. Къ намъ прилетѣли съ берега два маленькіе зеленые попугая, но поймать ихъ не удалось; покружившись надъ нами, они отправились къ шлюпу «Востокъ.»

20 мая мы лавировали во внутренность залива. Мы окружены были высокими горами. Къ сѣверу, вдали, синѣлъ южный берегъ сѣвернаго острова Новой-Зеландіи; на западной сторонѣ примѣтили одно огороженное мѣсто; откуда вскорѣ показались двѣ лодки; на одной было человѣкъ 20, на другой менѣе. Зеландцы сидѣли попарно; они были въ епанчахъ, или буркахъ, на головѣ имѣли бѣлыя перья, и гребли маленькими красными лопатками. Лодка была ближе къ шлюпу «Востокъ.» Одинъ изъ новозеландцевъ всталъ и что-то очень громко говорилъ, размахивая руками; ему отвѣчали съ «Востока,» послѣ чего обѣ лодки къ нему пристали. Въ 11 часовъ ночи мы бросили якорь близь шлюпа «Востокъ.»

29 мая поутру снялись съ якоря и перешли въ небольшую отъ всѣхъ вѣтровъ закрытую бухту, имѣя западную оконечность острова Матуара на № 16°.

30 мая новозеландцы на тѣхъ же двухъ лодкахъ посѣтили нашъ шлюпъ; ихъ было человѣкъ тридцать. Гости наши были средняго роста; лица ихъ были испещрены черносиними узорами. Одежда состояла изъ ткани, которая покрывала ихъ отъ груди до колѣнъ и застегивалась на груди базальтовою шпилькой, или костью. На плечи наброшена была коротенькая на-распашку епанча, въ родѣ бурки, сдѣланная изъ новозеландскаго льна. Волосы на головѣ завязаны были на темени въ пучокъ, въ который воткнуты были бѣлыя перья. Островитяне здоровались съ нами прикосновеніемъ носа къ носу. Начальникъ и старшины угощены были обѣдомъ; охотнѣе всего ѣли они коровье масло, даже

попорченное. Въ это время на шлюпѣ вытягивали ванты и поднимали изъ трюма бочки. Зеландцы тотчасъ принялись помогать матросамъ и кричали въ тактъ; если случалось, что веревка, которую они тянули, обрывалась, они падали и громко смѣялись. Потомъ началась у нихъ пляска. Всѣ стали попарно въ длинный рядъ, скакали съ ноги на ногу и громко пѣли:

— Гина реко!
Гина реко.
Тови гиде,
Ней ропо

Пѣніе это сопровождалось разными кривляньями; глаза ихъ страшно вращались и закатывались подъ лобъ; мускулы были въ сильномъ напряженіи, языкъ высовывался; они сильно топали ногами и предавались неистовымъ движеніямъ. Пляска эта казалась воинственною и означала презрѣніе непріятеля и торжество побѣды.

31 мая рано утромъ, по приглашенію капитана Беллинсгаузена, мы отправились на двухъ, вооруженныхъ фалконетами, катерахъ на берегъ. Всѣ офицеры имѣли при себѣ ружья и пистолеты; матросы были также съ ружьями. Мы пристали въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Кукъ, во время пребыванія своего здѣсь, видѣлъ какъ новозеландцы на пиршествѣ ѣли куски человѣческаго мяса. При видѣ насъ, всѣ жители разбѣжались, исключая одного островитянина, повидимому болѣе отважнаго. Когда его обласкали и дали ему нѣкоторые подарки, начали сбираться около насъ и прочіе новозеландцы. Мы посѣтили начальника ихъ, человѣка уже пожилаго; онъ сидѣлъ на рогожкѣ въ открытомъ шалашѣ; потомъ явились жена его и дочь. Послѣдняя была очень недурна собою и получила отъ капитана Беллинсгаузена въ подарокъ зеркальце. Отсюда мы отправились на катерахъ далѣе къ сѣверу къ нашимъ знакомцамъ. Подъѣзжая къ селенію, мы замѣтили небольшую рѣчку, впадающую въ море. Отъ этой рѣчки въ обѣ стороны тянулся палисадъ выше роста человѣка, примыкавшій къ лѣсу. Съ правой стороны было отверзтіе въ родѣ калитки, чрезъ которую мы вошли въ селеніе. Навстрѣчу вышелъ къ намъ знакомый намъ старикъ-начальникъ; онъ принялъ насъ очень дружелюбно, привѣтствовалъ прикосновеніемъ носа къ носу и повелъ къ своему дому. Мы шли вдоль извивающейся рѣчки, берега которой обложены булыжнымъ камнемъ; по сторонамъ безъ всякаго порядка разбросаны тамъ и сямъ шалаши островитянъ, которые толпою за нами слѣдовали. По перекладинѣ, или живому мостику, перешли мы къ дому начальника. Наружный видъ его походилъ на русскую избу и состоялъ изъ столбовъ, въ три ряда поставленныхъ. Средніе столбы, выши-

ною въ полторы сажени, оканчивались наверху грубымъ изображеніемъ человѣческой головы, выкрашеннымъ красною краской; крайніе были гораздо пониже и соединялись съ средними перекладинами, на которыхъ лежала кровля изъ брусьевъ, покрытыхъ листьями. Домикъ имѣлъ въ длину около трехъ и въ ширину около двухъ саженъ. На мѣсто двери было отверзтіе въ два аршина, закрывавшееся доскою. На противоположной сторонѣ продѣлано было окно въ два квадратные фута, закрывавшееся, когда нужно, рогожкою. Домикъ раздѣлялся на двѣ комнаты, одну большую, другую гораздо меньшую. Въ большой, какъ въ нашихъ деревенскихъ избахъ, были по сторонамъ широкія скамьи, на которыхъ лежали корзины, пустыя тыквы для воды, базальтовый, на подобіе лопатки, гладко выполированный камень, кости для удочекъ, и проч. По стѣнамъ, обтянутымъ тонкими рогожками, висѣли пики въ 24 фута длиною, жезлы, начальническіе знаки и истуканчики, выкрашенные красною краской. Въ правой сторонѣ отъ дома мы видѣли одно толстое дерево съ обрубленными сучьями, наверху котораго вполовину уже было вырѣзанное изображеніе человѣческаго лица. Зеландцы очень искусны въ рѣзьбѣ; доказательствомъ тому служатъ украшенія на ихъ лодкахъ, и между-тѣмъ, кромѣ острыхъ камней да ракушекъ, они не имѣютъ для рѣзьбы ни какихъ инструментовъ.

Старикъ-начальникъ, помня сдѣланное ему на шлюпахъ угощеніе, желалъ какъ можно лучше отблагодарить насъ, и рѣшился предложить капитану Беллинсгаузену въ супружество не старую, но отвратительной наружности зеландку.

Капитанъ Беллинсгаузенъ, потрепавъ по плечу начальника, отъ предложенія этого отказался.

При прощаніи, старикъ удержалъ капитана Беллинсгаузена и приказалъ вынести жезлъ длиною въ восемь футовъ, верхъ котораго былъ рѣзной, изображающій человѣческое лице съ глазами, сдѣланными изъ ракушекъ. Капитанъ сначала полагалъ, что этотъ жезлъ назначается ему въ подарокъ, но старикъ желалъ его продать и, получивъ за него два аршина краснаго сукна, очень былъ этимъ доволенъ и показывалъ свой подарокъ всѣмъ зеландцамъ.

1 іюня, рано утромъ, я ѣздилъ на баркасѣ на берегъ за свѣжею водою. Когда мы вступили на землю, солнце еще не всходило; на травѣ лежала роса и былъ утренній туманъ, но воздухъ теплый, какъ у насъ бываетъ въ маѣ, отъ растущихъ въ лѣсу цвѣтовъ былъ ароматическій и оглашался чуднымъ концертомъ новозеландскихъ соловьевъ. Деревья, несмотря, что здѣсь зимнее время, блестѣли свѣжими зелеными листьями. Пока наливали бочки водою изъ холоднаго ручья, лившагося съ

горъ чистѣйшимъ кристалломъ, бросили неводъ и наловили много рыбы. Островитяне въ этомъ мѣстѣ намъ не показывались; но, изъ предосторожности, мы были хорошо вооружены. Съ зеландцами шутить не должно. Мы замѣтили съ какимъ необыкновеннымъ вниманіемъ смотрѣли они на наши руки и грудь, когда она раскрывалась. Впрочемъ, они и не скрываютъ своего каннибальства. Старшина, у котораго мы были въ гостяхъ, на сдѣланный ему вопросъ: ѣстъ ли онъ человѣческое мясо, далъ разумѣть, что большой до него охотникъ. Кукъ былъ очевидцемъ, съ какимъ удовольствіемъ ѣли они мясо убитыхъ въ сраженіи непріятелей. Въ 1772 году несчастный Маріонъ и 17 человѣкъ экипажа сдѣлались жертвою зеландцевъ. Посланные на помощь на вооруженной шлюпкѣ видѣли изжаренные куски своихъ товарищей. Въ слѣдующемъ году англійскій морской офицеръ Рове и десять человѣкъ матросовъ съ англійскаго судна Адвентюръ подверглись той же участи за ссору, происшедшую отъ покражи зеландцемъ матросскаго камзола.

Возвратясь на шлюпъ, мы привезли, кромѣ свѣжей воды, столько рыбы, что ее достаточно было для всего экипажа. 2 іюня поднялся жестокій вѣтеръ; выпустивъ много канату, мы едва удержались на мѣстѣ. Между-тѣмъ шелъ сильный дождь, блистала молнія; раскаты грома, отражаясь въ высокихъ горахъ и ихъ ущелинахъ, производили страшное эхо. 4 іюля мы были уже готовы сняться съ якоря; прибывшіе къ намъ зеландцы еще разъ мѣнялись съ нами, отдавая свои ткани, копья, рѣзныя коробочки, жезлы, кистени изъ зеленаго камня, топоры, застежки и украшенія изъ зеленаго базальта за наши топоры, долота, буравчики, зеркальца, огнива и бисеръ. Когда они узнали, что мы отправляемся, то, прощаясь съ нами повторяли слова: э! э! э! Одинъ молодой островитянинъ желалъ остаться на Востокѣ, но товарищи уговорили его возвратиться на берегъ.

Жители залива королевы-Шарлоты вообще средняго роста, хорошо сложены и сильны. Обычай намазываться рыбьимъ жиромъ и охрою и подвергать себя всѣмъ перемѣнамъ погоды, дѣлаютъ природный ихъ цвѣтъ лица чернѣе. Женщины не высокаго роста, довольно-полны. Замужнія скоро теряютъ свѣжесть, но молодыя дѣвушки довольно-миловидны; ихъ черные глаза не безъ выраженія; маленькіе зубы блестятъ какъ перлы, нѣкоторыя изъ зеландокъ поспорили бы въ красотѣ съ европеянками, несмотря на темный цвѣтъ лица и татуировку.

Первые путешественники изобразили новозеландцевъ самыми мрачными красками; но это происходило бо́льшею-частію отъ незнанія обычаевъ этихъ островитянъ. Они имѣли обычай встрѣчать иностранцевъ съ военною церемоніею, которую европейцы, не понявъ, приняли за вы-

зовъ къ бою и отвѣчали имъ ружейными и пушечными выстрѣлами. Новозеландцы, въ свою очередь, жестоко мстили европейцамъ, попадавшимся въ ихъ руки, отчего и утвердилось мнѣніе о звѣрствѣ и кровожадности этихъ островитянъ. Впрочемъ, ничто не можетъ оправдать ихъ гнуснаго каннибальства, хотя оно и имѣетъ нѣкоторую связь съ ихъ суевѣріемъ.

Новозеландцы любятъ посмѣяться, пошутить и очень забавно передразниваютъ европейцевъ. Они дѣятельны, постоянны въ своихъ занятіяхъ, способны къ искусствамъ механическимъ и понимаютъ торговлю.

Новозеландцы пускаются въ дальнія путешествія, но не забываютъ своей родины, о которой говорятъ всегда съ чувствомъ. Когда же, послѣ долгаго отсутствія, возвращаются восвояси, восторгъ и радость ихъ неизъяснимы.

Между родными и близкими существуетъ у нихъ величайшая дружба. По смерти любимаго человѣка, они предаются глубокой печали; иные раздираютъ лице и тѣло острыми камнями и ракушками, полагая что ничѣмъ нельзя лучше почтить память умершаго, какъ проливая вмѣстѣ съ слезами и кровь свою.

Можно похвалить новозеландцевъ за почтеніе, которое они оказываютъ старымъ людямъ. Старцы всегда занимаютъ у нихъ почетныя мѣста на совѣщаніяхъ, пиршествахъ и вообще при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Молодые люди слушаютъ ихъ съ почтительностью. Часто старики призрѣваются начальниками единственно по преклонности своихъ лѣтъ.

Новозеландцы весьма гостепріимны, что̀ испытали англійскіе миссіонеры, углублявшіеся во внутренность острова. Когда они скажутъ иностранцу Eure mеu! Eure mеu! (прійди! прійди!), тогда можно надѣяться на хорошій пріемъ и быть увѣрену, что вамъ не сдѣлаютъ вреда; но если эти слова не произнесены, намѣренія ихъ сомнительны и должно быть осторожнымъ.

Въ политическомъ отношеніи новозеландцы дѣлятся на разныя поколѣнія, напоминающія древніе кланы въ Шотландіи. Каждое поколѣніе имѣетъ своего начальника, избраннаго изъ рангатирасъ, или благородныхъ. Рангатирасы бываютъ различныхъ степеней, начиная съ тѣхъ, которые владѣютъ многими землями и невольниками, до тѣхъ, которые, кромѣ званія воина, ровно ничего не имѣютъ. Низшій классъ народа въ родѣ невольниковъ. Начальники управляютъ поколѣніями неограниченно; впрочемъ, степень власти ихъ зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ большаго или меньшаго вліянія, которое они пріобрѣтаютъ надъ народомъ, или

подвигами въ битвахъ, или мудростью въ совѣтахъ или, наконецъ, богатствомъ въ земляхъ и невольникахъ.

Право наслѣдства и власти переходитъ обыкновенно отъ старшаго брата къ младшему и возвращается потомъ къ сыновьямъ старшаго. Родовыя преимущества такъ важны между новозеландцами, что простолюдину рѣшительно невозможно возвыситься до степени рангатираса.

Рангатирасы очень важничаютъ своими преимуществами. Встрѣчаясь съ нами, они тотчасъ сообщали о своемъ званіи и желали знать, кто изъ насъ какого ранга. Эти благородные дикари легко поняли наши морскіе чины и тотчасъ капитана, лейтенанта и мичмана сравняли съ соотвѣтствующими рангами на ихъ островѣ.

Начальники новозеландскіе имѣютъ нѣчто похожее на старинное русское мѣстничество, и оттого живутъ между собою почти во всегдашней враждѣ. Война у нихъ въ большомъ почетѣ. Предлогъ къ ней не труденъ: обыкновенно требуютъ удовлетворенія въ обидѣ дѣйствительной или мнимой. Если удовлетвореніе сдѣлано, обѣ стороны расходятся; въ противномъ случаѣ начинается битва; послѣднее случается чаще. Отъ безпрестанныхъ войнъ много гибнетъ народа, оттого Новая-Зеландія такъ мало и населена въ сравненіи съ своимъ пространствомъ. Въ одно порядочное сраженіе выбываетъ съ каждой стороны изъ строя по нѣскольку сотень человѣкъ и остается много убитыхъ на полѣ сраженія. Побѣдители тотчасъ ихъ пожираютъ, оглашая воздухъ неистовыми криками радости. Въ пылу сраженія являются и женщины, принимая какъ въ немъ, такъ и въ послѣдующемъ каннибальскомъ пиршествѣ дѣятельное участіе. Новозеландцы думаютъ, что гораздо лучше съѣсть убитаго непріятеля, нежели оставить его испортиться на воздухѣ. Головы обыкновенно они сохраняютъ какъ трофеи, высушивая ихъ на солнцѣ и отдѣляя мясныя части; волосы, борода и брови остаются въ цѣлости. Изъ костей дѣлаютъ, между-прочимъ, инструменты въ родѣ флейты.

Законъ возмездія (talion) существуетъ въ полной силѣ у новозеландцевъ: смерть за смерть, кровь за кровь, расхищеніе за кражу.

Новозеландцы не наблюдаютъ порядка въ распредѣленіи времени: спятъ и ѣдятъ, когда имъ вздумается, и любятъ слушать разсказы о битвахъ. На пиршествахъ участвуютъ и женщины; невольники разносятъ тыквы, наполненныя чистою водою. Вина новозеландцы не употребляютъ, покрайней мѣрѣ не любятъ рома и крѣпкихъ напитковъ; чай, кофе, шоколадъ пьютъ охотнѣе, когда имъ предлагаютъ. Спятъ въ хижинахъ какъ попало, лѣтомъ безъ всякой одежды, а зимою покрываясь тканью.

Полѣно служитъ имъ изголовьемъ, камышевая рогожка—тюфякомъ.—Молодые люди женятся между двадцатымъ и двадцать четвертымъ годами.

Многоженство дозволяется; но рѣдко случается, чтобъ двѣ жены жили подъ одною кровлей. Нѣкоторые изъ богатыхъ рангатирасовъ имѣютъ по десяти женъ; одна изъ нихъ считается главною. Когда мужъ умретъ, законъ новозеландскій не предписываетъ вдовамъ, какъ въ Индіи, сожигать себя на кострѣ: но бываютъ примѣры, что вѣрныя супруги лишаютъ себя жизни, вѣшаясь на деревѣ. Подобный подвигъ очень выхваляется и чтится родственниками и друзьями умершаго.

Новозеландцы воздаютъ большія почести умершимъ, особенно когда они были высокаго сана. Тѣло оставляютъ на три дня, потому-что, по ихъ понятіямъ, душа въ это время окончательно его еще не оставляетъ. По истеченіи трехъ дней, намазываютъ тѣло рыбьимъ жиромъ, прикладываютъ руки и ноги къ животу, и въ такомъ положеніи хоронятъ умершаго, набрасывая на могилу каменья и кладя на нихъ что-нибудь изъ съѣстнаго, такъ-какъ душа имѣетъ еще въ этомъ нужду. Церемонія оканчивается пиршествомъ; въ честь умершаго поются гимны.

Татуировка въ обыкновеніи у новозеландцевъ. На другихъ островахъ она служитъ украшеніемъ и дѣлается только на верхней кожицѣ; у новозеландцевъ, напротивъ, татуировка идетъ очень глубоко и почитается знакомъ особаго отличія. Женщины не могутъ пестрить себя только надъ бровями, около губъ и на подбородкѣ, но на тѣлѣ имѣютъ право выводить вездѣ какіе угодно узоры.

Пища новозеландцевъ состоитъ изъ рыбы, ракушекъ, кореньевъ папоротника, пататовъ и картофеля; ѣдятъ также крысъ и собакъ, которыя изъ животныхъ только и водятся на островѣ. Иногда ловятъ они акулъ, и считаютъ эту рыбу лакомымъ кушаньемъ. Наконецъ должно сказать, что мясо человѣческое ѣдятъ они съ наслажденіемъ; увѣряютъ, что, для удовлетворенія этой гнусной страсти, они даже убиваютъ своихъ невольниковъ, и въ особенности женщинъ и дѣтей.

Новозеландцы не такъ чистоплотны, какъ другіе островитяне; они рѣдко моются и плаваютъ. Въ музыкѣ и пляскахъ находятъ пріятное препровожденіе времени. Музыкальные инструменты состоятъ изъ флейтъ и дудокъ; у нихъ есть еще трубный рогъ изъ раковины, которымъ оглашаютъ воздухъ на далекое пространство и возбуждаютъ воиновъ къ бою.

Новозеландцы не озарены еще свѣтомъ истинной религіи и поклоняются идоламъ. Главный ихъ истуканъ называется Атуа; прочіе ему подчинены. Островитяне имѣютъ смутное понятіе о будущей жизни, вѣрятъ въ добрыхъ и злыхъ геніевъ, и каждый имѣетъ своего

хранителя. На шеѣ носятъ амулеты. Если новозеландецъ сильно занеможетъ, они думаютъ, что Атуа вошелъ въ тѣло больнаго подъ видомъ ящерицы, которая гложетъ его внутренность; поэтому ящерицы внушаютъ островитянамъ страхъ и отвращеніе; никто до нихъ не дотрогивается. Громъ, по ихъ понятіямъ, происходитъ отъ движенія огромной рыбы, которая, перевертываясь, производитъ страшный гулъ. Новозеландцы слѣпо вѣрятъ своимъ жрецамъ или арикисамъ, которые могутъ укрощать бурю, утишать вѣтры и изгонять нѣкоторыя болѣзни. Когда кто опасно заболѣетъ, жрецъ не отходитъ отъ страждущаго, пока тотъ не получитъ облегченія, или не умретъ. Врачебныя ихъ пособія состоятъ бо́льшею частью въ одномъ шарлатанствѣ и иногда въ совершенной діэтѣ: больному не даютъ ни пить, ни ѣсть; средство это по-крайней-мѣрѣ рѣшительно: оно очень скоро или убиваетъ болѣзнь, или самого больнаго.

Часто начальники соединяютъ въ себѣ власти военную, гражданскую и духовную, и тѣмъ болѣе почитаются. Прибывшіе недавно на сѣверный островъ миссіонеры уважаются дикими.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о табу. Оно въ Новой-Зеландіи, какъ и на другихъ островахъ Полинезіи, значитъ «запрещеніе». Никто не можетъ приблизиться или дотронуться до предмета, на который наложено табу. Начальники извлекаютъ большую выгоду изъ этого «veto». Если они хотятъ удалить докучливыхъ сосѣдей отъ своего дома или полей, или предохранить во время путешествія хорошенькую жену свою отъ соблазна, то налагаютъ на нихъ табу.

Оставляя теперь нашихъ новозеландскихъ знакомцевъ, мы будемъ плавать въ тропическихъ моряхъ, и надѣемся увидѣть счастливый, всѣми благами природы надѣленный островъ Отаити.

ЗАПИСКИ АРАБА ФАТАЛЛЫ СЕГИРА,

ИЗДАННЫЯ А. ЛАМАРТИНОМЪ.

(Статья первая).

Наполеонъ, распространяя свои завоеванія въ Европѣ, не упускалъ между тѣмъ изъ виду и Востока. Еще при взятіи Мальты, онъ встрѣтилъ на этомъ островѣ одного рыцаря, по имени Ласкариса, родившагося въ Палестинѣ отъ греческой фамиліи, переселившейся въ Италію послѣ завоеванія Константинополя. Замѣтивъ въ молодомъ, образованномъ человѣкѣ умъ, соединенный съ твердою волею и преданность къ нему, Наполеонъ ознакомилъ его съ своими видами на Востокъ, и тайно далъ порученіе отправиться въ Сирію, проникнуть въ бедуинскія кочевья и стараться соединить эти племена, часто враждующія между собою, чтобъ обратить ихъ противъ Турковъ.

Съ этою цѣлію Ласкарисъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Алеппо, изучая арабскій языкъ и стараясь притомъ выдавать себя за человѣка, очарованнаго кочевою жизнію бедуиновъ. Тамъ онъ сошелся съ молодымъ арабомъ Фаталлою Сегиромъ, подружился съ нимъ и взялъ съ собою въ спутники по степямъ бедуиновъ.

Послѣ семилѣтнихъ трудовъ, Ласкарисъ, окончивъ весьма удачно свое предпріятіе, умеръ въ Каирѣ, на возвратномъ пути въ Европу, а веденныя имъ записки попались въ руки англичанъ и, по содержанію своему, противорѣчащему видамъ англійской политики, остались неизданными. Но Фаталла Сегиръ во время путешествія, по желанію Ласкариса, велъ такъ же свой журналъ, и оставшись, по окончаніи предпріятія, въ Алеппо, сохранилъ этотъ журналъ въ намѣреніи продать его французскому правительству.

Ламартинъ, во время путешествія по Востоку, купилъ записки Сегира и издалъ въ свѣтъ. Онѣ содержатъ въ себѣ весьма интересное описаніе быта бедуинскихъ племенъ, ихъ обычаевъ и образа войны. Думаемъ, что переводъ этихъ записокъ читатели наши прочтутъ съ удовольствіемъ.

—

«Осьмнадцати лѣтъ я покинулъ свой родной городъ Алеппо и отправился съ товарами въ Каиръ, гдѣ вздумалъ поселиться. Начало моихъ торговыхъ предпріятій было довольно удачно, и я увлекся ими; но мнѣ пришла въ голову несчастная мысль отправить въ Тріестъ грузъ съ произведеніями острова. Товары мои состояли изъ хлопчатой бумаги, шелка, винъ и губокъ. Я нагрузилъ ими корабль, и 18-го марта 1809 года распустилъ паруса и уже расчитывалъ выгоды своей спекуляціи, какъ вдругъ пришла ко мнѣ роковая вѣсть, что мой корабль захваченъ англійскимъ военнымъ кораблемъ и отведенъ въ Мальту. Въ слѣдствіе понесеннаго мною убытка, я долженъ былъ оставить торговыя занятія и, разоренный окончательно, возвратился въ Алеппо. Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, я обѣдалъ у одного знакомаго: въ числѣ его гостей я замѣтилъ одного иностранца, очень дурно одѣтаго, который, не смотря на то, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Послѣ обѣда началась музыка; иностранецъ сѣлъ подлѣ меня и началъ разговаривать со мною. Мы разсуждали съ нимъ о музыкѣ, и послѣ довольно продолжительнаго разговора я всталъ и спросилъ его имя. Я узналъ, что онъ мальтійскій рыцарь Ласкарисъ де Вантимиль. На другой день онъ явился ко мнѣ со скрипкою въ рукѣ.—Милое дитя мое, сказалъ онъ мнѣ: я вчера замѣтилъ, что вы страстно любите музыку. Я смотрю на васъ теперь какъ на своего сына, и принесъ вамъ скрипку, которую прошу принять. Я принялъ скрипку съ большимъ утовольствіемъ, найдя ее совершенно по своему вкусу, и поблагодарилъ его отъ всего сердца. Послѣ двухъ-часоваго, чрезвычайно оживленнаго разговора, въ продолженіе котораго онъ распрашивалъ обо всемъ, мы разстались. На слѣдующій день онъ снова пришелъ ко мнѣ, и такимъ образомъ посѣщалъ меня пятнадцать дней. Наконецъ онъ предложилъ мнѣ давать ему уроки арабскаго языка, и за часъ въ день назначилъ мнѣ сто піастровъ въ мѣсяцъ. Я принялъ это выгодное предложеніе, и черезъ мѣсяцъ онъ уже началъ порядочно читать и говорить по-арабски. Разъ онъ сказалъ мнѣ:

— Милый сынъ мой (такъ всегда называлъ онъ меня). Я вижу, что вы имѣете большую склонность къ торговлѣ, и такъ какъ я думаю остаться нѣкоторое время здѣсь, то хочу поручить вамъ занятіе, которое, полагаю, будетъ доставлять вамъ удовольствіе. Вотъ деньги: закупите вещей, болѣе требуемыхъ въ Гомѣ и его окрестностяхъ. Мы будемъ торговать въ этомъ краю, наименѣе посѣщаемомъ купцами. Вы увидите, что мы тамъ успѣемъ сдѣлать кое-что хорошее. Желаніе быть съ Ласкарисомъ и увѣренность, что это предпріятіе будетъ для насъ выгодно, заставили меня принять это предложеніе не колеблясь.

Я тотчасъ началъ закупать по его запискѣ: красный холстъ, амбру, коралловыя четки, бумажные и шелковые платки, черныя и такъ называемыя кофейнаго цвѣта рубашки, булавки, иголки, гребни, кольца, узды, стеклянныя запястья и разныя мелкія стеклянныя вещи, также разныя химическія снадобья, пряности и всякія мелочи. Ласкарисъ заплатилъ за все одиннадцать тысячъ піастровъ или двѣ тысячи талеровъ. Всѣ, видя мои приготовленія, говорили, что Ласкарисъ сошелъ съ ума. И дѣйствительно, одежда его и манеры заставляли такъ объ немъ думать. Онъ носилъ длинную нерасчесанную бороду, бѣлый запачканный тюрбанъ, худой кафтанъ, съ верху куртку, кожаный поясъ и красные башмаки безъ чулокъ. Когда съ нимъ говорили, онъ притворялся непонимающимъ вопроса, бо́льшую часть дня проводилъ онъ въ кофейнѣ, ѣлъ на базарѣ, чего порядочные люди не дѣлаютъ. Но онъ велъ такую жизнь съ цѣлію, какъ я узналъ послѣ; тотъ же, кто не зналъ этого, считалъ его помѣшаннымъ. Что касается до меня, я находилъ его человѣкомъ весьма умнымъ, здравомыслящимъ, разсуждающимъ прекрасно обо всѣхъ предметахъ, даже человѣкомъ выше обыкновенныхъ людей. Однажды, когда наши товары были уже уложены, онъ меня спросилъ, что о немъ говорятъ въ Алеппо?

— Васъ считаютъ глупцемъ, отвѣчалъ я.

— А вы какъ обо мнѣ думаете? возразилъ онъ.

— Я считаю васъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ.—«Надѣюсь вамъ со временемъ доказать это, сказалъ онъ; но для этого необходимо взять съ васъ обѣщаніе, безпрекословно исполнять все, что я прикажу, и не спрашивать зачѣмъ; повиноваться мнѣ во всемъ однимъ словомъ я хочу отъ васъ слѣпаго послушанія, и вы въ этомъ не будете раскаиваться». Потомъ онъ велѣлъ мнѣ найти ртути, и я тотчасъ исполнилъ это. Онъ смѣшалъ ее съ саломъ и двумя другими снадобьями, которыхъ я не зналъ, и увѣрялъ меня, что нитка бумаги, обмазанная этимъ составомъ и обернутая вокругъ тѣла, предохраняетъ отъ укушенія насѣкомыхъ. Я подумалъ, что это будетъ употребляться вѣрно въ другомъ мѣстѣ, потому-что Гомъ мало имѣетъ насѣкомыхъ и не требуетъ такихъ предохранительныхъ средствъ, и какъ онъ запретилъ мнѣ всякое замѣчаніе, то я и ограничился только вопросомъ: когда мы поѣдемъ? чтобъ успѣть нанять вожаковъ для верблюдовъ.

— Я даю вамъ тридцать дней на удовольствія, отвѣчалъ онъ; деньги мои къ вашимъ услугамъ; веселитесь, сколько угодно, тратьте сколько хотите, ничего не жалѣйте.—Онъ хочетъ, чтобъ я простился съ этимъ свѣтомъ, подумалъ я, но чувствуя уже сильную привязанность къ нему, отдалилъ отъ себя эту мысль, сталъ думать только о на-

*

стоящемъ и спѣшилъ пользоваться временемъ, которое онъ далъ на удовольствія. Но увы! время наслажденій скоро проходитъ. Срокъ приближался. Ласкарисъ торопилъ меня ѣхать, я повиновался, и вмѣстѣ съ караваномъ, отправлявшимся въ Гомъ 18 февраля 1810 года, мы оставили Алеппо, и въ двѣнадцать часовъ достигли Саармина. На другой день мы были уже въ Нуаратъ-Эль-Нагаманѣ, маленькомъ, красивенькомъ городкѣ, славившемся цѣлебнымъ свойствомъ воздуха и вкусною водой. Городокъ этотъ отечество знаменитаго арабскаго поэта, по имени Абу-Эль Гелла-Эль Маари, который былъ слѣпъ отъ рожденія, и выучился писать по особенной методѣ. Сидя въ паровой банѣ, онъ заставлялъ на спинѣ своей выводить холодною водой арабскія буквы. Много разсказываютъ о его удивительной догадливости, и между прочимъ слѣдующее. Въ Багдадѣ жилъ онъ у калифа и безпрестанно хвалилъ свѣжесть воздуха и вкусъ воды своего края. Калифъ приказалъ привезти воды изъ рѣки Нуары, и не сказавъ ему объ этомъ, велѣлъ подать ему пить. Поэтъ тотчасъ узналъ ее и вскричалъ:

— Вотъ именно та вода! недостаетъ только свѣжаго воздуха моей родины.

Но возвратимся къ нашему каравану. Онъ стоялъ два дня при Нуарѣ, по случаю ярмарки, которая бывала тамъ каждый праздникъ. Мы отправились по ней гулять, и въ толпѣ я потерялъ изъ виду Ласкариса. Проискавъ долгое время, я нашелъ его въ отдаленномъ и уединенномъ мѣстѣ, разговаривающимъ съ оборваннымъ бедуиномъ. Я спросилъ его съ удивленіемъ, какое удовольствіе находитъ онъ въ разговорѣ съ человѣкомъ, языка котораго непонимаетъ?

— Тотъ день, въ который я имѣлъ случай разговаривать съ бедуиномъ, отвѣчалъ онъ, счастливѣйшій въ моей жизни. — Если такъ, то этого счастья будетъ уже слишкомъ много, сказалъ я, потому-что мы каждый день будемъ встрѣчать подобныхъ лицъ. Онъ приказалъ мнѣ купить хлѣбныхъ лепешекъ, сыру, и отдалъ ихъ Геталлу, который, поблагодаривъ за это, разстался съ нами, 22-го мы выѣхали изъ Нуарата-эль-Нагамана и чрезъ 6 часовъ были въ Крау-Шейкріи.

На слѣдующій день, чрезъ девять часовъ, пріѣхали въ Гаму, довольно большой городъ, въ которомъ не было у насъ никого знакомыхъ, а Ласкарисъ не привезъ съ собою туда рекомендательныхъ писемъ. Мы провели первую ночь въ кофейнѣ и утромъ наняли комнату у Ашадъ-Паши. Я тотчасъ началъ развязывать тюки и приготовлять товары къ продажѣ, но Ласкарисъ вдругъ сказалъ мнѣ съ недовольнымъ видомъ: У васъ въ головѣ только ваша бѣдная торговля; если бъ вы знали сколько есть кромѣ ея занятій, несравненно полезнѣе и важнѣе!—

Съ этихъ поръ я не думалъ болѣе о торговлѣ и гулялъ только по городу. На четвертый день, Ласкарисъ, во время своей прогулки, обратилъ вниманіе на развалины одного зданія, и былъ такъ неосторожень, что началъ его измѣрять. Четверо бродягъ, игравшихъ подъ однимъ полуразрушеннымъ сводомъ, кинулись на него, угрожая донести, будто онъ хочетъ похитить сокровища и дать средство гяурамъ проникнуть въ замокъ. Все бы это было окончено безъ шума, еслибъ онъ что нибудь имъ далъ; но Ласкарисъ защищался, и съ большимъ трудомъ вырвавшись отъ нихъ, пришелъ ко мнѣ. Не успѣлъ онъ кончить своего разсказа объ этомъ приключеніи, какъ вдругъ явились двое посланныхъ отъ начальства и одинъ изъ обличителей. Они взяли ключъ отъ нашей комнаты и повели насъ, погоняя палками, какъ преступниковъ. Мы были представлены къ Мусселиму-Селимъ-Шейку, извѣстному своею жестокостью, который спросилъ насъ, откуда мы? Мой товарищъ изъ Каира, отвѣчалъ я, а я изъ Алеппо. — Зачѣмъ вы здѣсь? — Мы пріѣхали торговать. — Это ложь! Твоего товарища видѣли, какъ онъ измѣрялъ замокъ и чертилъ планъ. Онъ дѣлалъ это для того, чтобъ овладѣть сокровищемъ или привести сюда невѣрныхъ.

И не давъ намъ сказать болѣе ни одного слова, Мусселимъ закричалъ къ стражѣ: отвести этихъ двухъ собакъ въ тюрьму!—Тамъ надѣли намъ на ноги и на шею толстыя цѣпи и заперли въ темное мѣсто, гдѣ было такъ тѣсно, что мы не могли пошевельнуться. Чрезъ нѣсколько времени наше жилище освѣтили, и дали намъ хлѣба; но блохи и безчисленное множество другихъ насѣкомыхъ не дали намъ уснуть во всю ночь. Мы едва имѣли духу подумать о томъ, какъ бы выбраться изъ этого страшнаго мѣста. Наконецъ я вспомнилъ объ одномъ христіанскомъ жителѣ Селимѣ, человѣкѣ очень услужливомъ. Я подкупилъ одного изъ стражей отыскать Селима, и на слѣдующій день Селимъ удачно окончилъ это дѣло, подаривъ 60 талеровъ шейку и 50 піастровъ его людямъ.

Мы получили свободу. Происшествіе это имѣло ту выгоду, что мы познакомились съ Селимомъ и многими другими жителями Гамы, съ которыми провели дней двадцать очень пріятно. Наружность города очень привлекательна. Оронтъ, раздѣляя его на двѣ части, придаетъ городу веселый и одушевленный видъ; обильныя воды Оронта поддерживаютъ растительность множества садовъ. Жители любезны, живы и остроумны; они любятъ поэзію и занимаются ею съ успѣхомъ. Ихъ называютъ говорящими птицами, и это названіе очень хорошо ихъ характеризуетъ.

Ласкарисъ просилъ Селима дать ему рекомендательное письмо въ Гомъ къ какому-нибудь небогатому тамошнему жителю, который бы могъ намъ служить проводникомъ, и Селимъ далъ намъ слѣдующую записку:

«Брату нашему Якубу желаю добраго здоровья; податели этого письма — разнощики, просятъ вашего пособія; они хотятъ торговать въ окрестностяхъ Гома, — помогите имъ сколько можете; это славные люди; ваши труды не пропадутъ. Будьте здоровы!» — Ласкарисъ былъ очень доволенъ этимъ письмомъ.

Мы отправились въ Гомъ съ караваномъ 25-го марта, и черезъ шесть часовъ пути достигли Растена, который въ настоящее время не что иное, какъ остатокъ древняго значительнаго города, не представляющій ничего замѣчательнаго. Отсюда мы доѣхали до Гома также въ шесть часовъ. Якубъ, которому мы передали письмо, принялъ насъ чудесно и угостилъ ужиномъ. Онъ работалъ черные плащи, называемые машлахи. Послѣ ужина, нѣсколько человѣкъ одинакаго съ нимъ состоянія, пришли къ нему провести вечеръ, понить кофе и покушать. Одинъ изъ нихъ, слесарь Нофаль, показался намъ очень умнымъ человѣкомъ. Онъ намъ разсказывалъ о бедуинахъ, объ ихъ образѣ жизни и веденіи войны. Онъ провелъ шесть мѣсяцевъ между ими, работая для нихъ оружіе, и пріобрѣлъ тамъ много друзей.

Когда мы остались одни, Ласкарисъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ вечеръ видѣлъ всѣхъ своихъ родственниковъ. И когда я съ удивленіемъ спросилъ, какимъ образомъ очутились его родственники въ Гомѣ, онъ отвѣчалъ, что встрѣча съ Нофалемъ ему дороже, чѣмъ съ семействомъ. Было уже поздно, когда всѣ удалились, и хозяинъ дома далъ намъ матрацъ и одно покрывало для обоихъ. Ласкарисъ никогда не спалъ вдвоемъ, но по добротѣ своей настаивалъ, чтобъ я легъ съ нимъ на постель. Не желая противорѣчить, я помѣстился подлѣ него, но потомъ, когда погасили свѣчу, завернулся въ свой плащъ, скользнулъ на землю и провелъ такимъ образомъ ночь. Ласкарисъ сдѣлалъ тоже. На другой день, обнявъ меня, онъ сказалъ: Добрый знакъ, мой милый сынъ, что у насъ была одна и таже мысль; я люблю васъ такъ называть, и думаю что это названіе нравится вамъ также какъ и мнѣ. Я поблагодарилъ его за расположеніе, и мы пошли просить Нофаля сопровождать насъ по городу и показывать, что въ немъ любопытнаго, обѣщая вознаградить его за потерянный день. Населеніе Гома простирается до осьми тысячъ душъ. Характеръ здѣшнихъ жителей во всемъ противоположенъ характеру жителей Гамы. Цитадель посрединѣ города представляетъ собою развалины. Валъ, хорошо сохраняемый, омывается однимъ рукавомъ Оронта. Воздухъ чрезвычайно здоровый.

Мы купили здѣсь за 40 піастровъ два овчинные тулупа, какіе носятъ бедуины. Эти тулупы непроницаемы. Чтобъ быть болѣе свободными, мы наняли отдѣльную комнату, и просили Нофаля остаться съ на-

ми, обѣщая ему заплатить столько же, сколько онъ заработалъ бы въ это время въ своей лавкѣ; для насъ онъ былъ необходимъ. Ласкарисъ очень искусно его распрашивалъ, и изъ его расказовъ извлекъ всѣ свѣденія о нравахъ, обыкновеніяхъ и характерѣ бедуиновъ; о томъ какъ они принимаютъ иностранцевъ и поступаютъ съ ними. Мы пробыли въ Гомѣ тридцать дней, ожидая возвращенія бедуиновъ, которые обыкновенно въ октябрѣ оставляютъ окрестности города и направляясь къ югу, идутъ въ хорошее время по мѣстамъ, гдѣ есть вода и удобныя пастбища. Въ пути они бываютъ одинъ день, а отдыхаютъ пять или шесть дней. Одни изъ нихъ идутъ къ Бассорѣ и Багдаду, другіе на Шатъ-эль-Арабъ, гдѣ соединяются Тигръ и Евфратъ. Въ февралѣ они возвращаются по пути въ Сирію, и въ апрѣлѣ уже достигаютъ пустынь Дамаска и Алеппо. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ намъ Нофаль и сказалъ, что у бедуиновъ въ большомъ употребленіи тулупы, подобные нашимъ, и черные машлахи.

Въ послѣдствіи Ласкарисъ приказалъ мнѣ купить двадцать шубъ и десять машлаховъ, которые связалъ въ одинъ тюкъ. Эти покупки стоили двѣсти піастровъ. Нофаль предложилъ намъ посѣтить цитадель, но страхъ попасться въ подобную бѣду какъ въ Гамѣ, заставилъ насъ сначала отказаться, а потомъ, когда онъ увѣрилъ, что съ нами ничего не случится непріятнаго, и что онъ будетъ отвѣчать за насъ, мы рѣшились отправиться туда и видѣли эти развалины, расположенныя на вершинѣ холма, посрединѣ города. Этотъ замокъ сохранился лучше нежели въ Гамѣ. Мы примѣтили въ немъ скрытый и глубокій гротъ, изъ котораго вытекалъ обильный источникъ. Вода выбѣгаетъ изъ отверзтія въ четыре фута въ квадратѣ и стремится сквозь желѣзныя рѣшетки въ другое отверзтіе. Она прекрасна. Намъ расказали одно старинное преданіе: нѣкогда отверзтіе это было завалено, но чрезъ шесть мѣсяцевъ пріѣхала сюда депутація изъ Персіи, и подаривъ значительную сумму мѣстному начальству, исходатайствовала, чтобъ отверзтіе было очищено и въ послѣдствіи было всегда открыто. Въ настоящее время входъ въ этотъ гротъ защищаемъ, и очень трудно туда проникнуть. По возвращеніи домой, Ласкарисъ спросилъ меня: записываю ли я все видѣнное нами и случившееся со времени нашего отъѣзда изъ Алеппо, и какъ я отвѣчалъ ему, что нѣтъ, то онъ просилъ меня припомнить прошедшія событія и вести точный дневникъ обо всемъ, на арабскомъ языкѣ, такъ чтобъ онъ могъ самъ перевести его на французскій.

Съ этихъ поръ я началъ писать свои замѣтки, которыя онъ каждый день старательно переписывалъ, и на другой день мнѣ возвращалъ. Въ настоящее время я собралъ ихъ, въ надеждѣ, что онѣ будутъ

мнѣ со временемъ полезны и принесутъ нѣкоторое вознагражденіе за мои труды. Ласкарисъ собрался ѣхать въ Саддадъ. Я пригласилъ съ нами Нофаля, и такимъ-образомъ, въ сопровожденіи его и еще нѣсколькихъ спутниковъ, мы отправились въ Гому со всѣми нашими товарами. Черезъ пять часовъ пути мы подошли къ широкому ручью, текущему съ сѣвера на югъ подлѣ замка Гасне, и переправились черезъ него. Замокъ этотъ, ввѣренный управленію одного аги, служитъ мѣстомъ отдыха каравану, идущему изъ Мекки въ Дамаскъ. Вода ручья превосходная для питья, и мы наполнили ею мѣха. Эта предосторожность была необходима, потому что отсюда до самаго Саддада, въ продолженіе семи часовъ пути, воды нѣтъ нигдѣ. Солнце уже садилось, когда мы прибыли въ Саддадъ. Нофаль привелъ насъ къ шейку Нассафъ-Абу-Ибрагиму, почтеннѣйшему старику, имѣвшему семерыхъ сыновей женатыхъ и живущихъ съ нимъ подъ одною кровлей. Шейкъ принялъ насъ прекрасно и представилъ намъ свое семейство, которое состояло изъ шестидесяти четырехъ человѣкъ. На вопросъ, хотимъ ли мы поселиться въ деревнѣ, или ѣздить по разнымъ мѣстамъ, мы отвѣчали ему, что мы торговцы, и такъ какъ война прервала сообщенія Каира моремъ, то хотѣли поселиться въ Алеппо, но встрѣтивъ тамъ купцевъ богаче насъ, рѣшились перенести торговлю нашу въ мѣста менѣе другихъ посѣщаемыя, надѣясь найти въ нихъ болѣе выгодъ. Узнавъ какого рода были наши товары, онъ сказалъ, что эти вещи находятся въ употребленіи у однихъ арабовъ степи, куда проникнуть невозможно, а если бъ и удалось, то мы рискуемъ потерять все, даже жизнь. Бедуины смѣлы и жадны, они завладѣютъ нашими товарами, и если мы окажемъ хоть малѣйшее сопротивленіе, то убьютъ насъ.

— «Вы люди честные и вѣжливые, прибавилъ шейкъ, и не перенесете ихъ грубости. Я говорю это изъ участія къ вамъ, потому-что я самъ христіанинъ. Повѣрьте мнѣ, разверните ваши тюки, продайте все, что можете здѣсь, и воротитесь въ Алеппо, если хотите сохранить имущество и жизнь.»—Только что онъ пересталъ говорить, пришли къ нему почетнѣйшіе жители деревни, желавшіе насъ видѣть, и начали разсказывать страшныя исторіи. Одинъ намъ сообщилъ, что какой-то разнощикъ изъ Алеппо былъ ограбленъ въ степи бедуинами, которые въ ней покинули его совсѣмъ нагаго. Другой сказалъ, что одинъ купецъ былъ убитъ на пути изъ Дамаска. Всѣ были увѣрены въ невозможности проникнуть въ орды бедуиновъ, и всѣми мѣрами старались отклонить насъ отъ этого опаснаго предпріятія. Я видѣлъ, что Ласкарисъ былъ ужасно смущенъ, и сказалъ мнѣ по итальянски. «Что вы скажете объ этихъ новостяхъ? меня они поразили.—«Я не вѣрю, отвѣчалъ я, этимъ разска-

замъ, и еслибъ даже они были истинны, все-таки надобно стараться достигнуть нашей цѣли. Съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ объявили о вашемъ намѣреніи, я уже не думалъ увидѣть снова мою родину. Тридцать дней, которые вы мнѣ дали, чтобъ повеселиться въ Алеппѣ, казались мнѣ днями прощанія съ міромъ. Я смотрю на наше путешествіе, какъ на настоящій походъ; тотъ, кто отправляется на войну, если онъ храбръ, не долженъ думать о возвратѣ. Не будемъ терять мужества. Хотя шейкъ Гассанъ (старшина) опытенъ и хорошо знаетъ воздѣлываніе земли и выгоды своей деревни, но онъ не можетъ имѣть понятія о важности нашего предпріятія. Я думаю, что ему ненужно болѣе говорить о нашемъ путешествіи въ степь; возложимъ надежду на Бога, покровителя всего міра.»—Мои слова произвели вліяніе на Ласкариса; онъ нѣжно обнялъ меня и сказалъ: «Милый сынъ мой, я полагаю всю надежду на Бога: вы человѣкъ рѣшительный, я это вижу, и очень доволенъ силою вашего характера. Съ помощію вашего мужества и постоянства, я надѣюсь достигнуть своей цѣли.»—Послѣ этого разговора мы легли, оба довольные другъ другомъ. На слѣдующій день мы осматривали деревню, въ которой находится до двухъ сотъ домовъ и пять церквей. Жители сирійскіе христіане, дѣлаютъ машлахи и черные плащи; земледѣліемъ занимаются очень мало, по недостатку воды для орошенія садовъ, которые не могутъ существовать въ этомъ климатѣ безъ орошенія. Бываютъ годы, въ которое не выпадаетъ ни одной капли дождя. Сбора съ полей едва достаетъ для продовольствованія жителей на шесть мѣсяцевъ; въ остальное время они пользуются подвозомъ хлѣба изъ Гома.

Посреди деревни возвышается древняя башня замѣчательной высоты. Она напоминаетъ объ основаніи колоніи, которой исторію разсказалъ намъ Шейкъ. Основатели ея родомъ изъ Триполи въ Сиріи, гдѣ ихъ церковь и теперь еще существуетъ. Въ самое цвѣтущее время восточной имперіи, губернаторъ Триполи обременялъ жителей оскорбленіями и жестокостями; малое число этихъ жителей не могло ему сопротивляться; но не будучи въ состояніи долѣе сносить этого притѣсненія, они условились, числомъ до трехъ сотъ семействъ, выйти изъ города тайно ночью, собравши все, что могли только унести съ собою. Они отправились въ Гаму, а оттуда въ Багдадскую степь, но были настигнуты греками, посланными губернаторомъ Триполи преслѣдовать ихъ. Произошло кровопролитное сраженіе; они упорно защищались, но не могли побѣдить по малочисленности своей, и вступили съ греками въ переговоры и получили позволеніе выстроить деревню на мѣстѣ сраженія, обязываясь платить дань губернатору Триполи. Поселившись тутъ, они назвали свою деревню Саддадъ (препятствіе). Вотъ все, что сирійская лѣтопись заклю-

чаетъ въ себѣ примѣчательнаго. Жители Саддада храбры и спокойнаго характера. Мы распаковали свои товары, чтобъ доказать имъ, что мы дѣйствительно купцы. Женщины покупали у насъ много холста и красной бумаги для рубашекъ. Продажа не занимала насъ долго, мы должны были въ окрестностяхъ ожидать прихода бедуиновъ. Однажды мы услышали, что на разстояніи четырехъ часовъ пути отъ деревни находятся замѣчательныя древнія развалины, въ которыхъ есть натуральная паровая баня.

Такое чудо возбудило наше любопытство, и Ласкарисъ, желая это видѣть, просилъ шейка дать ему конвой. Прошедши четыре часа къ юго-западу, мы достигли огромной развалины, гдѣ была только одна жилая комната. Архитектура довольно проста, но камни удивительной величины. Войдя въ эту комнату, мы увидѣли отверзтіе фута въ два квадратныхъ, откуда выходилъ густой паръ. Мы бросили туда платокъ и смотрѣли на часы: чрезъ полторы минуты онъ былъ выброшенъ оттуда и упалъ къ нашимъ ногамъ. Мы повторили опытъ этотъ съ рубашкой, которая черезъ десять минутъ возвратилась какъ платокъ. Проводники насъ увѣряли, *что и машлахъ*, вѣсившій десять фунтовъ, также будетъ выброшенъ. Мы раздѣлись и стали у отверзтія; черезъ нѣсколько времени сильный потъ выступилъ на насъ. Но запахъ паровъ былъ такъ несносенъ, что мы не могли долѣе выносить его и черезъ полчаса одѣлись, чувствуя невыразимо-пріятное состояніе. Намъ сказали, что эти пары, дѣйствительно, очень полезны и исцѣляли множество больныхъ. Возвратившись въ деревню, мы съ большимъ аппетитомъ поужинали, и я никогда не спалъ такъ сладко, какъ въ эту ночь.

Не находя болѣе ничего примѣчательнаго въ Саддадѣ и его окрестностяхъ, мы собрались ѣхать въ деревню Коріетену. Когда сообщили объ этомъ Нафалю, то онъ посовѣтовалъ намъ перемѣнить имена наши, потому что они могли показаться подозрительными туркамъ и бедуинамъ. И съ тѣхъ поръ Ласкарисъ сталъ называться шейкомъ Ибрагимомъ изъ Кипра, а я Абдалахомъ-аль-кратибомъ (это значитъ писцомъ). Простившись съ нашими знакомыми въ Саддадѣ и съ Шейкомъ Гассаномъ, который далъ намъ рекомендательное письмо къ Сирійскому священнику, мы отправились въ путь. Чрезъ четыре часа мы пришли къ двумъ деревнямъ Магинъ и Гаурипъ, расположеннымъ на десять минутъ пути одна отъ другой; каждая изъ нихъ имѣетъ не болѣе двадцати домовъ, по бо́льшей части разоренныхъ бедуинами, которые иногда приходятъ сюда грабить. Жители здѣсь всѣ мусульмане, говорятъ на языкѣ бедуиновъ и одѣваются какъ они же. Позавтракавъ и наполнивъ мѣхи наши, мы продолжали путь, и черезъ четыре часа при-

были въ Коріетену къ священнику Мусси, который оказалъ намъ гостепріимство. На другой день онъ повелъ насъ къ шейку Селиму-эль-Дахассу, прекрасному человѣку, тоже принявшему насъ радушно Узнавши о цѣли нашего путешествія, онъ сдѣлалъ такое же замѣчаніе, какъ и шейкъ Садлада. Мы отвѣчали, что знаемъ всю трудность нашего предпріятія, и уже раздумали итти въ степь, а только дойдемъ до Пальмиры, чтобъ продать наши товары. «Это тоже очень трудно», сказалъ онъ: «потому-что бедуины могутъ васъ встрѣтить и ограбить».

Тутъ онъ началъ разсказывать ужасныя преданія о бедуинахъ; священникъ подтвердилъ его разскаы, и мы совершенно упали духомъ. Но въ это время подали завтракъ, разговоръ перемѣнился, и мы снова ободрились. Шейкъ Селимъ, равно какъ и шейкъ Пальмирскій, были обязаны снабжать всѣмъ нужнымъ большой караванъ изъ Мекки. Эта должность давала ему большое вліяніе надъ арабами. Жалованье его состояло изъ двухъ-сотъ верблюдовъ и съѣстныхъ припасовъ. Возвратясь домой, шейкъ Ибрагимъ сказалъ мнѣ: «что, любезный сынъ, какъ думаете вы обо всемъ томъ, что слышали мы отъ шейка Селима?»—Не надо слишкомъ много обращать вниманія на разсказы жителей этихъ селеній. Воюя всегда съ бедуинами, они не могутъ имѣть согласія съ ними; наше же положеніе совершенно другое: мы торговцы, ѣдемъ продавать наши товары бедуинамъ, а не воевать съ ними. Поступая честно, я не вижу никакой опасности для насъ.»—Слова мои успокоили немного шейка Ибрагима. Чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего прибытія, чтобъ поддержать роль купцовъ, мы развязали свои тюки на площади, посреди деревни, передъ дверями шейка. Я продалъ женщинамъ нѣсколько вещей, и онѣ заплатили серебромъ. Праздные люди вокругъ насъ собирались и разговаривали. Одинъ изъ нихъ еще очень молодой Гассесунъ-эль-Кратибъ, усердно помогалъ мнѣ получать деньги.

Однажды, увидѣвъ меня одного, онъ спросилъ, способенъ ли я хранить секретъ? «Будьте осторожны, прибавилъ онъ, потому-что это важная тайна, которую нельзя открыть никому, даже вашему товарищу.» Я далъ ему честное слово, и онъ сказалъ мнѣ, что на пути отъ деревни есть пещера, въ которой находится огромный кувшинъ, наполненный цехинами. Онъ далъ мнѣ одинъ и увѣрялъ, что не можетъ воспользоваться этою монетой, потому-что она употребляется только въ Пальмирѣ. Но вы, продолжалъ онъ, переходя изъ города въ городъ, легко можете размѣнять ее. Вы имѣете тысячу средствъ, которыхъ у меня нѣтъ, чтобъ воспользоваться этимъ сокровищемъ. Однакожъ я не хочу вамъ отдать ихъ всѣ, но въ раздѣлѣ я полагаюсь на ваше благородство. Пойдемте со мною узнать это мѣсто, и тайно по немногу пе-

ренесемъ золото, вы мнѣ выдадите мою часть ходячей монетою. Я самъ видѣлъ и держалъ въ рукѣ одинъ цехинъ, а потому повѣрилъ его разсказу и назначилъ ему свиданіе за деревней съ разсвѣтомъ на другой день. Какъ только начало свѣтать, я вышелъ изъ нашего дома будто прогуляться. За нѣсколько шаговъ отъ деревни я встрѣтилъ Гассесуна, который меня уже ждалъ. Онъ былъ вооруженъ ружьемъ, саблей и двумя пистолетами, а я ничего не имѣлъ кромѣ длинной трубки. Мы шли почти часъ; съ нетерпѣніемъ искалъ я глазами пещеру; наконецъ она показалась, и вскорѣ мы вошли въ нее.

Осматриваясь во всѣ стороны, чтобъ увидѣть кувшинъ, и не находя его, я обратился къ Гассесуну: гдѣ же кувшинъ? спросилъ я. Онъ поблѣднѣлъ. «Знай же, вскричалъ онъ, что послѣдній твой часъ наступилъ: ты былъ бы теперь уже мертвъ, если бъ я не боялся запачкать кровью твое платье. Прежде чѣмъ убью тебя, я хочу снять съ тебя одежду, и такъ раздѣвайся и дай мнѣ твой мѣшокъ съ деньгами, я знаю, что ты носишь его при себѣ. Въ немъ должно быть болѣе 1200 піастровъ, которые я самъ считалъ; ты получилъ ихъ за проданные товары. Не видать тебѣ болѣе дневнаго свѣта.»

— Пощади, не убивай меня, умолялъ я его, я дамъ тебѣ больше той суммы, которая въ мѣшкѣ, и никому не скажу о томъ, что здѣсь случилось, клянусь тебѣ!—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, эта пещера будетъ твоимъ гробомъ; я не могу оставить тебѣ жизнь, неподвергая свою опасности». Тысячу разъ клялся я ему молчать, предлагалъ дать обязательство на сумму, какую онъ самъ назначитъ, но ничто не могло удержать его отъ ужаснаго намѣренія. Наконецъ сопротивленіе мое надоѣло ему; онъ снялъ съ себя оружіе, повѣсилъ его на стѣну и бросился на меня, какъ разъяренный левъ, чтобъ ограбить прежде, чѣмъ убьетъ. Я снова сталъ умолять его. «Какое зло я сдѣлалъ тебѣ, говорилъ я. За что вражда между нами? Развѣ ты не знаешь, что Господь потребуетъ у тебя отчета въ невинно-пролитой крови!..» Но злодѣй ничего не хотѣлъ слушать. Тогда я вспомнилъ своего брата, родныхъ моихъ, друзей... все, что мнѣ было мило пришло на память; я молился Создателю спасти меня.

— Господи, покровитель невинныхъ! помоги мнѣ; дай мнѣ силы защищаться.—Мой убійца въ нетерпѣніи срывалъ съ меня одежду... Хотя онъ былъ сильнѣе меня, но Богъ подкрѣпилъ меня бороться съ нимъ почти полчаса; кровь ручьемъ текла съ моего лица, и платье мое падало лоскутьями. Злодѣй, видя меня въ такомъ состояніи, рѣшился удавить меня и занесъ уже руки, чтобъ схватить за горло, но я воспользовался этою минутой свободы, и двумя кулаками нанесъ ему силь-

ный ударъ въ животъ, опрокинулъ его, схватилъ его оружіе и опрометью бросился изъ пещеры. Я съ трудомъ вѣрилъ своему спасенію. Черезъ нѣсколько минутъ, слышу, бѣжитъ за мною мой убійца. Онъ звалъ меня и самымъ дружелюбнымъ голосомъ просилъ подождать его. Захвативъ все его оружіе, я не боялся остановиться на минуту, и оборотясь къ нему закричалъ: Подлый человѣкъ, чего ты хочешь отъ меня? Ты хотѣлъ меня убить тайно, но самъ будешь публично повѣшенъ. Онъ отвѣчалъ, увѣряя меня клятвой, что все это была шутка съ его стороны, и что онъ только хотѣлъ посмотрѣть, какъ я буду защищаться. Но я вижу, прибавилъ онъ, что ты просто ребенокъ, когда такъ понимаешь шутку. Если ты приблизишься хотя на шагъ, закричалъ я, прицѣливаясь въ него, то я выстрѣлю въ тебя. Увидѣвъ, на что я рѣшился, онъ бросился бѣжать въ степь. Между-тѣмъ шейкъ Ибрагимъ, священникъ и Нофаль начали безпокоиться, что меня такъ долго не было. Особенно боялся за меня шейкъ Ибрагимъ, знавшій, что я никогда не отлучался, не сказавшись ему.

Подождавъ меня часа два, онъ отправился къ шейку, и тотъ встревожился тоже и заставилъ всю деревню искать меня. Вдругъ Нофаль, увидѣвъ меня, закричалъ: вотъ онъ! но Селимъ увѣрялъ его, что онъ ошибается. Я подошелъ ближе, и они едва могли узнать меня. Ласкарисъ со слезами бросился ко мнѣ на шею, но я не могъ выговорить ни слова. Меня повели къ священнику, обмыли мои раны и уложили въ постель. Отдохнувъ, я разсказалъ имъ свое приключеніе. Селимъ послалъ всадниковъ въ погоню за убійцей. Но они возвратились безъ злодѣя. Послѣ мы узнали, что онъ вступилъ въ службу къ дамаскому пашѣ и съ тѣхъ поръ не показывался въ Коріетенѣ. Черезъ нѣсколько дней раны мои начали заживать и я скоро выздоровѣлъ. Шейкъ Селимъ, который былъ ко мнѣ очень расположенъ, принесъ мнѣ однажды зрительную трубу и сказалъ, что я буду преискусный человѣкъ, если съумѣю ее починить. А какъ вся починка состояла только въ томъ, чтобъ вставить стекло, то я, починивши ее, отнесъ къ нему. Онъ былъ такъ доволенъ моимъ искусствомъ, что прозвалъ меня мастеромъ. Вскорѣ послѣ того мы узнали, что бедуины приближаются къ Пальмирѣ: ихъ уже видѣли въ окрестностяхъ Коріетены. Одинъ изъ нихъ, по имени Селямъ эль-Гассанъ, явился къ шейку Селиму, когда мы были у него. Подали кофе, въ это время пришли многіе жители къ шейку и сказали, что восемь лѣтъ тому назадъ, въ такомъ-то мѣстѣ, Гассанъ убилъ ихъ родственника, и они пришли просить у него суда. Гассанъ отрекся и спросилъ ихъ: имѣютъ ли они свидѣтелей. Нѣтъ, отвѣчали они, но васъ видѣли одного на этой дорогѣ, и вскорѣ послѣ того нашли

нашего родственника тамъ мертваго. Мы знаемъ, что между вами была вражда, и слѣдовательно вы были его убійца. Гассанъ продолжалъ отрекаться.

Шейкъ, щадившій изъ страха бедуиновъ и не имѣя впрочемъ положительныхъ доказательствъ противъ него, взялъ кусокъ дерева и сказалъ: «поклянись именемъ Того, кто создалъ этотъ стволъ, что ты не убивалъ ихъ родственника». Гассанъ беретъ дерево, смотритъ на него нѣсколько минутъ и потупляетъ глаза; потомъ тотчасъ же обращаясь къ обвинителямъ, говоритъ. Я не хочу имѣть на душѣ двухъ преступленій. Быть убійцей этого человѣка, и еще дать ложную клятву передъ Богомъ. Я убилъ вашего родственника! Какую цѣну крови хотите вы? *. Шейкъ былъ остороженъ въ обращеніи съ бедуинами, а потому не хотѣлъ дѣйствовать по всей строгости законовъ; но когда всѣ присутствующіе приняли участіе въ дѣлѣ, онъ долженъ былъ рѣшить, чтобъ Гассанъ заплатилъ триста піастровъ родственникамъ убитаго. Когда пришли къ нему за деньгами, то онъ сказалъ, что не имѣетъ ихъ съ собою, но вскорѣ принесетъ. А какъ отпустить его безъ поручительства боялись, то онъ прибавилъ, что заклада у него нѣтъ, но что тотъ поручится за него, чье имя онъ не хотѣлъ осквернить ложною клятвой. Гассанъ отправился и чрезъ четыре дня возвратился, приведя съ собою пятнадцать барановъ, изъ которыхъ каждый стоилъ болѣе двадцати піастровъ.

Эта черта честности привела въ восхищеніе и удивила насъ. Мы захотѣли познакомиться съ нимъ. Шейкъ Ибрагимъ пригласилъ его къ себѣ, сдѣлалъ ему нѣсколько подарковъ, и черезъ это мы стали искренними друзьями. Онъ былъ изъ племени Эль-Амура, начальникъ котораго назывался Султанъ-эль-Бурокъ. Въ этомъ племени 500 палатокъ; кочуя постоянно на одномъ мѣстѣ, оно очень уважается, потому-что никогда не оставляетъ береговъ Евфрата, тогда какъ другія племена отъ него удаляются. Бедуины этого племени продаютъ барановъ, верблюдовъ и коровье масло въ Дамаскѣ, Гамѣ и Гомѣ. Жители этихъ городовъ часто нуждаются въ ихъ стадахъ. Однажды мы сказали Гассану, что хотимъ итти въ Пальмиру, продавать оставшіеся у насъ товары, но что насъ очень напугали опасностями въ дорогѣ. Онъ предложилъ свои услуги провожать насъ, и далъ шейку обязательство, въ которомъ бралъ на себя отвѣтственность за все, что могло съ нами случиться въ дорогѣ. Увѣренные, что Гассанъ человѣкъ честный, мы приняли его предложеніе. Наступила вес-

* По законамъ арабовъ, смертоубійство выкупается деньгами; количество суммы назначается по обстоятельствамъ

на, и безплодная степь вдругъ покрылась зеленью и цвѣтами. Это восхитительное зрѣлище заставило насъ торопиться отъѣздомъ.

Наканунѣ мы положили часть своихъ товаровъ къ священнику Мусси, чтобъ не возбудить ничьего вниманія и жадности. Нофаль захотѣлъ возвратиться въ Гомъ, и Ласкаризъ отпустилъ его, щедро наградивъ. На другой день мы наняли проводниковъ съ верблюдами, запаслись водою дня на два, и простившись съ жителями Коріетены, съ разсвѣтомъ отправились въ дорогу. Шейкъ Селимъ далъ намъ рекомендательное письмо къ шейку Пальмирскому, по имени Раджіаль-эль-Урукъ. Пройдя десять часовъ по направленію къ востоку, мы остановились у четвероугольной башни очень высокой, называвшейся во время владычества Эль-Дава-Кассеръ,—Эль-Урдаанъ. Башня эта построена во время существованія Византійской имперіи и служила передовымъ постомъ противъ набѣговъ Персіянъ, которые нерѣдко нападали и уводили жителей страны. Это степное укрѣпленіе сохранило свое названіе до нашихъ временъ. Полюбовавшись архитектурою славной эпохи, мы возвратились ночевать въ нашъ маленькій караванъ-серай, гдѣ много пострадали отъ холода. Утромъ, Ласкарисъ, непривычный къ движеніямъ верблюдовъ, безъ всякой предосторожности сталъ садиться на своего верблюда, который внезапно поднявшись, сбросилъ его на землю. Мы подбѣжали къ нему, и намъ показалось, что онъ вывихнулъ ногу, но какъ онъ ни за что не хотѣлъ останавливаться, то мы перевязавъ ему ногу, какъ съумѣли, и посадивъ на верблюда, снова пустились въ путь. Прошедши часа два, мы примѣтили вдали пыль, и вскорѣ могли разсмотрѣть шесть вооруженныхъ всадниковъ. Лишь только Гассанъ ихъ завидѣлъ, какъ сбросилъ шубу свою, взялъ копье и поскакалъ къ нимъ навстрѣчу, а намъ не велѣлъ приближаться. Подъѣхавъ къ нимъ, онъ сказалъ что мы купцы, ѣдущіе въ Пальмиру, и что онъ обязался шейку Селиму и всей деревнѣ, безопасно проводить насъ. Эти бедуины были изъ племени эль-Гассне; не слушая его, они скачутъ прямо на насъ. Гассанъ кидается загородить имъ дорогу; они хотятъ его оттолкнуть—и передъ нашими глазами началась битва. Защитникъ нашъ славился своимъ мужествомъ, но и его противники были храбры. Онъ съ полчаса выдерживалъ ихъ нападеніе, наконецъ проколотый копьемъ въ ребро возвратился къ намъ и упалъ съ лошади. Бедуины бросились насъ грабить. Тогда Гассанъ, простертый на землѣ, истекая кровью отъ раны, увѣщевалъ ихъ слѣдующими словами:

— Что дѣлаете вы, друзья мои? Вы хотите нарушить арабскіе завѣтные обычаи бедуиновъ? Тѣ, кого вы грабите, братья мои, я далъ имъ свое честное слово, и долженъ отвѣчать за все зло, какое можетъ

съ ними случиться въ пути, а вы хотите ихъ обокрасть! Честный ли это поступокъ?»—«Зачѣмъ взялся ты проводить этихъ христіанъ въ Пальмиру? спросили они: развѣ ты не знаешь, что Меганна-эль-Фаддетъ (шейкъ нашего племени) владѣтель этой страны? почему ты не спросилъ его позволенія?» — «Я это знаю, возразилъ Гассанъ, но купцы торопились, а Меганна еще далеко отсюда. Я далъ имъ честное слово, и они мнѣ повѣрили; они знаютъ наши законы, наши обычаи, которые никогда неизмѣняются; не постыдно ли вамъ нарушать ихъ, ограбить этихъ чужестранцевъ и оставить меня, раненаго, въ такомъ положеніи?» При этихъ словахъ бедуины прекращаютъ свое насиліе и говорятъ: «Все, что ты сказалъ, истинная правда, и когда такъ, то мы ничего не возьмемъ у этихъ людей, покровительствуемыхъ тобою, кромѣ того, что они сами дадутъ намъ.»—Мы предложили имъ два машлаха и одну шубу въ сто піастровъ; они остались этимъ довольны и позволили намъ продолжать путь свободно. Гассанъ сильно страдалъ отъ своей раны; онъ не могъ сѣсть на лошадь, я предложилъ ему своего верблюда, а самъ взялъ его кобылу. Мы прошли еще четыре часа, но солнце уже садилось, и мы должны были остановиться въ долинѣ, называемой Вадди-и-Наръ.

Между тѣмъ мы нигдѣ не могли найти капли воды, а мѣхи наши были пусты. Утренняя остановка заставила промедлить насъ три часа, а въ этотъ вечеръ невозможно было итти далѣе. Не смотря на всѣ неудобства, которыя мы должны были перетерпѣвать, мы еще считали себя счастливыми, что вырвались отъ бедуиновъ и спасли свое платье, которое теперь защищало насъ отъ холоднаго, пронзительнаго вѣтра, и нетерпѣливо ожидали разсвѣта. Шейкъ Ибрагимъ страдалъ отъ боли въ ногѣ, а Гассанъ отъ своей раны. Утромъ, усадивъ сколь можно спокойнѣе нашихъ больныхъ, мы отправились по дорогѣ къ востоку. За часъ съ четвертью пути до Пальмиры, мы нашли подземный ручеекъ, истокъ его неизвѣстенъ, какъ и мѣсто, гдѣ онъ теряется. Теченіе воды видно чрезъ отверзтіе на разстояніи пяти футовъ, гдѣ она образуетъ родъ бассейна. Нечего и разсказывать съ какимъ наслажденіемъ мы утолили жажду, вода намъ показалась превосходною! Подъѣзжая ко входу, образуемому соединеніемъ двухъ горъ, мы увидѣли наконецъ знаменитую Пальмиру. Этимъ ущельемъ надо было пройти четверть часа до города вдоль горы. Съ одной стороны тянется древній валъ почти на три часа пути; противъ него, на другой сторонѣ, мы увидѣли старинный замокъ, называющійся Ко-лятъ-Эбнъ-Мааенъ, построенный Турками, до изобрѣтенія пороха. Эбнъ-Мааенъ былъ правителемъ Дамаска во времена калифовъ. Онъ выстроилъ этотъ замокъ, чтобъ воспрепятствовать Персіянамъ проникнуть въ Сирію. Потомъ выѣхали мы на обширную пло-

щадь, называемую Вадди-эль-Кабуръ. (Долина гробницъ). Издали эти гробницы кажутся башнями; мы увидѣли въ нихъ ниши для мертвыхъ тѣлъ. Каждая ниша была заложена камнемъ, на которомъ высѣчено изображеніе занимающаго эту могилу. Башни въ три и четыре этажа, соединяются каменною лѣстницей, очень хорошо сохранившеюся. Оттуда мы въѣхали въ довольно обширную, каменную ограду, обитаемую арабами, которые назвали ее замкомъ. Она, въ-самомъ-дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ развалины храма солнца, и двѣсти семействъ живутъ въ этихъ развалинахъ.

Послѣ того мы пошли къ шейку Раджіалю-эль-Уруку, старику почтенному, который принялъ насъ очень хорошо, оставилъ ужинать и ночевать. Этотъ шейкъ также постоянно заготовлялъ по двѣсти верблюдовъ для большаго Мекскаго каравана. На другой день мы наняли квартиру и развернули свои товары. Я перевязалъ ногу шейка Ибрагима; она дѣйствительно была вывихнута, и ему долго еще приходилось терпѣть. Гассанъ же нашелъ двухъ друзей, которые его вскорѣ вылечили. Собравшись ѣхать, онъ пришелъ къ намъ проститься и остался очень доволенъ, получивъ отъ насъ награду. Болѣзнь шейка Ибрагима удерживала насъ на квартирѣ, и мы начали продавать нѣкоторыя вещи, чтобъ этимъ доказать, что мы купцы; но какъ только Ласкарисъ получилъ возможность ходить, мы отправились въ храмъ. Прочіе путешественники описывали уже его развалины, и потому мы разкажемъ только то, что могло ускользнуть отъ ихъ наблюденія въ этой странѣ. Однажды мы увидѣли множество людей на одной площади, обкладывающихъ деревомъ прекрасную гранитную колонну. Намъ объяснили, что это дѣлается для того, чтобъ поскорѣе разрушить колонну и достать свинецъ, который въ ней находится. Шейкъ Ибрагимъ, полный негодованія, обратился ко мнѣ съ словами: Что сказали бы основатели Пальмиры, если-бъ видѣли, какъ эти вандалы разрушаютъ ихъ памятники? Такъ какъ случай привелъ меня сюда, то я не допущу этого варварскаго поступка.

Спросивъ чего стоилъ находящійся въ колоннѣ свинецъ, онъ отдалъ назначенную сумму, и колонна сдѣлалась нашей собственностью. Она была превосходнаго цвѣта съ голубыми и бѣлыми крапинками, вышиною въ шестьдесятъ два фута, а въ окружности десяти футовъ. Пальмирцы, увидѣвъ наше уваженіе къ монументамъ, сказали намъ, что есть еще любопытное мѣсто, на полтора часа пути, гдѣ въ древности высѣкали колонны, и теперь еще находятся чудесные отломки. Три араба взялись проводить насъ за десять піастровъ. По дорогѣ намъ встрѣчались прекрасные виды, которые, я думаю, ужъ описывали прочіе путешественники. Намъ же особенно показалась замѣчательною пещера, въ которой нахо-

дились двѣ превосходныя, бѣлыя, мраморныя колонны: одна, высѣченная и отдѣланная, другая - только до половины оконченная. Время, разрушающее столько прекраснаго, первую оставило въ забвеніи, а вторую не оконченною. Осмотрѣвъ нѣсколько пещеръ и пройдя по окрестностямъ, ты возвращались другою дорогой. Проводники наши показали намъ источникъ, загроможденный грудою камней, его называютъ Энъ-Урнюсъ. Это названіе поразило шейка Ибрагима; онъ задумался въ продолженіе остальнаго пути, наконецъ подозвалъ меня и сказалъ: «Я открылъ, что значитъ это названіе,—Урнюсъ. Авреліанъ, Римскій Императоръ, осаждалъ Пальмиру и хотѣлъ завладѣть ея богатствомъ. Онъ-то, я полагаю, велѣлъ вырыть этотъ источникъ для своей арміи во время осады, который поэтому и принялъ его имя, со временемъ перемѣнившееся въ Урнюсъ.» И по моему слабому знанію исторіи, догадки шейка Ибрагима кажутся мнѣ не безъ основанія.

Жители Пальмиры совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ; главный трудъ ихъ состоитъ въ добываніи соли, которую они отсылаютъ въ Дамаскъ и Гомъ. Они приготовляютъ также много соды; растеній, изъ которыхъ ее добываютъ, тамъ очень много; его сжигаютъ, и золу ихъ отправляютъ въ другіе города на мыльные заводы. Соду отсылаютъ даже въ Триполи, въ Сирію, гдѣ множество мыльныхъ заводовъ, а оттуда доставляется она въ Архипелагъ. Намъ разсказывали однажды о весьма любопытной пещерѣ, входъ въ которую былъ очень теменъ и узокъ; она находилась въ трехъ часахъ пути отъ города, и мы захотѣли непремѣнно видѣть ее, но мое приключеніе съ Гассаномъ было еще живо въ нашей памяти, чтобъ рѣшиться итти безъ надежнаго конвоя. И потому мы просили шейка дать намъ туда надежныхъ проводниковъ.

Удивленный нашимъ намѣреніемъ, онъ сказалъ намъ: вы очень любопытны; почему вамъ такъ интересна эта пещера? Вмѣсто того, чтобъ заниматься торговлей, вы проводите время въ такихъ пустякахъ. Никогда я невидалъ такихъ торговцевъ, какъ вы!—Человѣкъ выиграетъ, если будетъ видѣть все прекрасное, что создала природа, отвѣчалъ я ему. — Шейкъ далъ намъ шесть человѣкъ, хорошо вооруженныхъ. Я запасся клубкомъ веревокъ, большимъ гвоздемъ и факеломъ, и рано утромъ мы отправились. Послѣ двухъ часовъ ходьбы, мы подошли къ подошвѣ горы, и намъ показали большое отверзтіе: это былъ входъ въ пещеру; я вколотилъ здѣсь гвоздь, такъ что его не замѣтили, привязалъ къ нему одинъ конецъ бичевки и, держа въ рукѣ клубокъ, пошелъ за шейкомъ Ибрагимомъ и проводниками, которые несли свѣтильники. Мы шли то на право, то на лѣво, подымались и опять опускались; наконецъ пещера сдѣлалась такъ широка, что можно было помѣстить въ ней цѣлую ар-

мію. Мы нашли тамъ много квасцевъ; сводъ и стѣны были покрыты сѣрой, почва селитрой. Мы замѣтили также родъ красной земли, очень мелкой, и очень пріятной на вкусъ. Шейкъ Ибрагимъ положилъ одну горсть себѣ въ платокъ.

Въ этой пещерѣ множество впадинъ, высѣченныхъ рѣзцомъ. Проводники наши разсказывали, что многіе, заблудившись здѣсь, погибали. Одинъ человѣкъ два дня пробылъ здѣсь и тщетно искалъ выхода, наконецъ онъ увидѣлъ волка, бросилъ въ него камнемъ, тотъ побѣжалъ, онъ вслѣдъ за нимъ, и такимъ образомъ достигъ выхода. Клубокъ мой приходилъ уже къ концу и мы не хотѣли итти далѣе, а возвратились тѣмъ же слѣдомъ. Выйдя изъ пещеры, мы тотчасъ же принялись завтракать, и потомъ возвратились въ Пальмиру. Шейкъ, ожидавшій насъ, спросилъ, что мы выиграли отъ нашего путешествія? «Мы узнали, отвѣчали мы, что древніе были искуснѣе насъ, какъ видно по ихъ работамъ; что они входили въ пещеру свободно, а мы съ трудомъ оттуда выбрались.» Онъ принялся хохотать, и мы оставили его и пошли отдохнуть. Вечеромъ шейкъ Ибрагимъ увидѣлъ платокъ свой, въ которомъ была завернута красная земля, весь въ дырахъ, и какъ будто прогнившій; земля же высыпалась въ карманъ. Онъ положилъ ее въ бутылку,* и сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, древніе добывали золото изъ этой пещеры; химическіе опыты доказываютъ огромныя работы древнихъ; тѣ, которыя мы замѣтили, не могли производиться только для добыванія сѣры и квасцевъ, но очевидно для чего нибудь болѣе драгоцѣннаго.

Еслибъ арабы могли подозрѣвать, что мы идемъ искать золота, жизнь наша не была бы безопасна. Со дня на день ждали приближенія бедуиновъ, и шейкъ Ибрагимъ радовался, какъ будто ждалъ соотечественниковъ. Онъ былъ въ восторгѣ, когда я объявилъ ему о прибытіи Меганны-эль Фаддеда, главнаго начальника бедуиновъ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же итти къ нему, но я посовѣтовалъ дождаться удобнаго случая, чтобъ увидѣться съ кѣмъ нибудь прежде изъ семейства этого владѣтеля. Я зналъ, что Меганна посылаетъ обыкновенно къ шейку Пальмирскому объявить о своемъ прибытіи. Дѣйствительно, въ одинъ день я увидѣлъ одиннадцать бедуиновъ всадниковъ и узналъ, что между ими находится старшій сынъ Меганны—Нассеръ; я побѣжалъ сообщить эту новость шейку Ибрагиму, и онъ чрезвычайно былъ ею обрадованъ. Мы пошли тотчасъ жн къ шейку Пальмирскому, чтобъ онъ представилъ насъ Нассеру, который принялъ насъ очень ласково.—Эти чужестранцы, сказалъ Радджіаль, честные купцы, имѣютъ товары, которые нужны беду-

* Эта бутылка съ прочими вещами была захвачена въ Египтѣ.

инамъ, но ихъ такъ напугали, что купцы эти теперь боятся, безъ вашего покровительства, пуститься въ степь. Эмиръ-Нассеръ, обращаясь къ намъ, сказалъ: Будьте увѣрены во всевозможномъ благополучіи; вы будете дорогими гостями, и обѣщаю вамъ, что съ вами ничего неслучится, развѣ только небо пошлетъ дождь». Мы поблагодарили его и сказали: «Такъ-какъ мы имѣли удовольствіе познакомиться съ вами, и вы обѣщаете быть нашимъ покровителемъ, то просимъ васъ сдѣлать намъ честь откушать съ нами».

Арабы вообще, а бедуины въ особенности считаютъ доказательствомъ неизмѣнной вѣрности ѣсть съ кѣмъ нибудь, даже только разломить съ нимъ хлѣбъ. Мы пригласили эмира со всей свитой, также и шейка, велѣли зарѣзать барана, и обѣдъ нашъ, приготовленный по обычаю бедуиновъ, показался имъ очень вкуснымъ. Къ дессерту мы подали имъ винныя ягоды, сушенный виноградъ, миндаль, орѣхи, что было для нихъ большимъ лакомствомъ. Послѣ кофе, когда начали разговоръ о разныхъ предметахъ, мы разсказали Нассеру наше приключеніе съ шестью всадниками его племени. Онъ хотѣлъ наказать ихъ, заставя возвратить намъ наши деньги и вещи. Но мы неотступно просили его не дѣлать имъ ничего, увѣряя, что мы невозьмемъ назадъ того, что отдали. Мы хотѣли на другой день отправиться съ нимъ, но онъ уговорилъ насъ остаться до прибытія отца его, который былъ за восемь дней пути отъ Пальмиры съ своимъ племенемъ. Онъ обѣщалъ прислать намъ конвой и верблюдовъ для перевозки нашихъ товаровъ. Для бо́льшей вѣрности мы просили, чтобъ отецъ его написалъ къ намъ, и онъ обѣщалъ. Чрезъ день прибылъ въ Пальмиру одинъ бедуинъ изъ племени Эль-Гассне, по имени Бани, и чрезъ нѣсколько часовъ еще семь другихъ бедуиновъ изъ племени Эль-Дафора, враждовавшаго съ племенемъ Эль-Гассне. Дафорцы, узнавъ, что въ городѣ есть одинъ изъ враговъ ихъ, сговорились итти за городъ, дождаться его тамъ и убить. Бани, предувѣдомленный о томъ, приходитъ къ намъ, привязываетъ свою кобылу къ нашимъ дверямъ, и проситъ ссудить ему войлокъ. У насъ было ихъ много, ибо мы завёртывали въ нихъ свои товары. Я принесъ ему одинъ, и онъ принялся его мочить водой въ продолженіе получаса, и намочивъ, положилъ на свою кобылу подъ сѣдло. Чрезъ два часа съ нею сдѣлался пресильный потъ, продолжавшійся весь вечеръ, а на другой день на ней какъ будто небыло тѣла. Тогда Бани снялъ войлокъ, возвратилъ его намъ, а самъ уѣхалъ.

Къ четыремъ часамъ по полудни мы увидѣли возвратившихся безъ добычи бедуиновъ изъ племени Эль Дафора. Кто-то спросилъ ихъ, что сдѣлали они съ кобылою Бани? — «Вотъ что съ нами случилось.

сказали они: не желая обидѣть Раджіаля, данника Меганны, мы не напали на врага нашего въ городѣ; мы, конечно, могли бы дождаться его у узкаго перехода, но насъ было семеро противъ одного, и мы рѣшились остаться въ открытомъ полѣ. Увидѣвъ врага, мы бросились къ нему, но когда онъ очутился посреди насъ, то страшно вскрикнувъ, сказалъ своей лошади: Жагъ-Гамра! сегодня твоя очередь—и умчался какъ молнія. Мы преслѣдовали его до самаго его племени, но немогли догнать и дивились необыкновенной быстротѣ его кобылы, которая какъ птица разсѣкала воздухъ».—Я расказалъ имъ объ войлокѣ, и они очень были удивлены. Чрезъ восемь дней пришли къ намъ три человѣка отъ Меганны-эль-Фаддеда; они привели намъ верблюдовъ, и подали письмо отъ него; вотъ его содержаніе: «Меганна-эль-фаддедъ, сынъ Мелькжема, привѣтствуетъ шейка Ибрагима и Абдаллаха-эль-Кратиба, да будетъ надъ вами милосердіе Божіе! По пріѣздѣ нашего сына Нассера, мы узнали ваше желаніе посѣтить насъ; добро пожаловать! Вы принесете намъ благословеніе. Не бойтесь ничего, съ вами Богъ-покровитель и слово Меганны; ни что не коснется васъ кромѣ дождя небеснаго». Подписано: Меганна-эль-Фаддедъ. Печать приложена была возлѣ его подписи. Письмо это доставило большое удовольствіе шейку Ибрагиму Сборы наши были скоро окончены, и на другой день мы оставили Пальмиру. Пріѣхавъ въ деревню, которую орошаетъ обильный источникъ, мы наполнили наши мѣхи на всю остальную дорогу. Эта дорога называется Аракъ, и отстоитъ отъ Пальмиры на четыре мили.

Мы встрѣтили множество бедуиновъ, которые поговоривъ съ нашими проводниками, отправились своей дорогой. Черезъ десять часовъ пути намъ представилась равнина, покрытая тремя стами шатровъ: это было племя Меганны. Мы тотчасъ отправились въ его шатеръ; тамъ онъ угощалъ насъ кофеемъ, который подавали три раза, и каждый разъ особеннымъ образомъ, что у бедуиновъ служитъ доказательствомъ высшей степени уваженія. Послѣ третьей чашки приготовили ужинъ, который мы должны были ѣсть по-турецки; это въ первый разъ съ нами случилось, и мы обжигали себѣ пальцы. Меганна это замѣтилъ: «Вы не привыкли ѣсть, такъ какъ мы», сказалъ онъ.—«Это правда, отвѣчалъ шейкъ Ибрагимъ; но отъ чего вы не употребляете ложекъ, вѣдь ихъ очень легко имѣть, можно сдѣлать деревянныя».—«Мы, бедуины, возразилъ эмиръ, сохраняемъ обычаи нашихъ предковъ и находимъ ихъ весьма благоразумными. Богъ далъ намъ руки и ротъ для того, чтобъ они помогали другъ другу, для чего же употреблять постороннія средства: дерево, металлъ, чтобъ класть себѣ въ ротъ пищу, когда для того созданы руки». Мы должны были согласиться съ этими доказа-

тельствами, и я замѣтилъ шейку Ибрагиму, что Меганна первый философъ между бедуинами, которыхъ намъ случалось встрѣчать.

На другой день Меганна велѣлъ зарѣзать верблюда для нашего угощенія, и я узналъ, что это было доказательствомъ высшей степени уваженія у бедуиновъ. У нихъ чѣмъ значительнѣе гость, тѣмъ дороже бываетъ животное, употребляемое для его угощенія. Начинаютъ съ барашка, и оканчиваютъ верблюдомъ. Мы въ первый разъ ѣли мясо этого животнаго, и намъ показалось оно не вкуснымъ. Эмиръ Меганна былъ осьмидесяти лѣтъ, маленькаго роста, худой, глухой и очень дурно одѣтъ. Его благородство, великодушіе и званіе старшины въ родѣ, очень древнемъ и многочисленномъ, были причиною его сильнаго вліянія на бедуиновъ. Онъ обязанъ былъ нашѣ Дамасскому конвоировать большой караванъ до Мекки за 12,500 піастровъ, которые уплачивались ему въ Дамаскѣ до его отъѣзда. Онъ имѣлъ трехъ сыновей: Нассера, Фаресса и Гамеда. Всѣ были женаты и жили въ одномъ шатрѣ съ отцемъ. Этотъ шатеръ имѣлъ семьдесятъ два фута въ длину и столько же въ ширину, покрытъ былъ сѣткой изъ чернаго конскаго волоса, и раздѣлялся на три отдѣленія. Въ заднемъ хранились съѣстные припасы, готовили кушанье и спала прислуга. Въ среднемъ были женщины, переднее же назначалось для мужчинъ; тутъ они принимали иностранцевъ и отдѣленіе это называлось Рабба. Три дня угощалъ насъ Меганна, а на четвертый развернули мы наши тюки и продали множество вещей, потерпѣвъ отъ каждой бо́льшій или меньшій убытокъ. Я не понималъ какъ можно такъ торговать, и сказалъ объ этомъ шейку Ибрагиму. «Развѣ вы забыли наши условія?» сказалъ онъ мнѣ. Я извинился и продолжалъ продавать по его желанію. Мы увидѣли однажды пятьдесятъ стройныхъ всадниковъ, которые остановясь за шатрами, сошли съ лошадей и сѣли на землю. Эмиръ Нассеръ, на котораго возложены были всѣ дѣла со времени глухоты Меганны, встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ шейкомъ Замелемъ; они разговаривали около двухъ часовъ, потомъ сѣли на лошадей и уѣхали. Шейка Ибрагима безпокоило это таинственное свиданіе, и онъ никакъ не могъ понять, чтобы это значило. Посѣщая не разъ уже здѣшнихъ женщинъ, я отправился къ Норѣ, женѣ Нассера, и предложилъ ей въ подарокъ коралловыя четки. Она приняла ихъ, пригласила меня сѣсть возлѣ себя, и въ свою очередь подала мнѣ кофе и финиковъ.

Послѣ этихъ взаимныхъ вѣжливостей, я коснулся цѣли моего посѣщенія: «Простите мое любопытство, сказалъ я, но иностранцы такъ боязливы и подозрительны; небольшое количество товаровъ, какіе мы имѣемъ здѣсь — весь остатокъ значительнаго имущества, которое, по

несчастію, у насъ похитили. Эмиръ имѣлъ недавно совѣщаніе съ пріѣзжавшими сюда иностранцами, это насъ безпокоитъ, и мы желали бы знать тому причину». — «Я съ удовольствіемъ удовлетворю вашему любопытству, но съ условіемъ, что вы сохраните это въ тайнѣ и не покажете вида, что знаете объ этомъ. Надобно вамъ сказать, что мужъ мой имѣетъ много враговъ между бедуинами, потому-что унижаетъ ихъ народную гордость, признавая могущество турокъ. Союзъ Нассера съ турками очень не нравится бедуинамъ, которые ихъ ненавидятъ. Онъ даже не согласенъ съ мнѣніемъ отца и почетныхъ лицъ племени, которые ропщутъ на него. Цѣль этого собранія была условиться въ планѣ аттаки. Завтра хотятъ напасть на племя Эль-Даффара, отнять у него стада и вредить ему сколько возможно. Богъ брани даруетъ побѣду тому, кому захочетъ; но вы ничего не должны опасаться». Поблагодаривъ Нору я удалился, очень довольный ея довѣренностью. Я передалъ шейку Ибрагиму все, что сообщила мнѣ жена Нэссера, и онъ сказалъ, что очень этимъ не доволенъ. «Я хотѣлъ, прибавилъ онъ, присоединиться къ племени враждебному туркамъ, а вмѣсто того нахожусь у начальника, союзнаго имъ». Я не смѣлъ спросить значенія этихъ словъ, но долго о нихъ размышлялъ.

Предъ захожденіемъ солнца триста всадниковъ соединились за шатрами, и рано утромъ, предводимые Нассеромъ, Гамедомъ и Замелемъ выступили въ походъ. Чрезъ три дня послѣ того явился посланный извѣстить объ ихъ возвращеніи; при этомъ извѣстіи множество мужчинъ и женщинъ вышли къ нимъ навстрѣчу, и радостные крики раздались при свиданіи. Побѣдители торжественно вышли въ поле, предшествуемые 180-ю верблюдами, отнятыми у непріятеля. Они сошли съ коней, и мы просили ихъ разсказать намъ свои подвиги.—«На другой день нашего отъѣзда, началъ Нассеръ, мы достигли того мѣста, гдѣ пасутся стада даффарцевъ; мы бросились на нихъ и угнали 180 верблюдовъ. Между тѣмъ, пастухи бѣжали и произвели тревогу во всемъ своемъ племени. Я отдѣлилъ тогда часть своего войска, чтобъ отослать добычу другимъ путемъ. *Арюакъ-Эбнъ-Мотлакъ** напалъ на насъ съ тремя стами всадниковъ; битва продолжалась два часа; ночь разлучила насъ. Противники и мы возвратились каждые къ своему племени. У непріятеля убитъ одинъ человѣкъ, а у насъ двое ранены. Племя Нассера притворялось, что раздѣляетъ его торжество, но внутренно очень было недовольно несправедливымъ нападеніемъ на своихъ кровныхъ друзей, изъ угожденія туркамъ. Нассеръ былъ у всѣхъ старшинъ, разсказывалъ имъ о своихъ подвигахъ, пришелъ также и къ шейку Ибрагиму и на-

* Начальникъ племени Даффаровъ.

чалъ съ нимъ говорить по-турецки. Шейкъ Ибрагимъ замѣтилъ ему, что онъ, какъ грекъ, говоритъ только по-гречески и немного по-арабски. Нассеръ началъ хвалить языкъ и обычаи турокъ и увѣрялъ, что нѣтъ на свѣтѣ другаго народа столь великаго, могущественнаго и знаменитаго, какъ турки. «Что касается до меня, прибавилъ онъ, то я больше турокъ, чѣмъ бедуинъ.»

«Не вѣрьте могуществу и величію турокъ, отвѣчалъ ему шейкъ Ибрагимъ: они вамъ благопріятствуютъ, чтобъ привлечъ васъ на свою сторону, и посѣявъ между вашими племенами междоусобія, легко ихъ покорятъ. Цѣль турецкаго правительства — уничтожить бедуиновъ; но не имѣя столько силы, чтобъ самимъ этого достигнуть, оно хочетъ возстановить васъ другъ противъ друга. Берегитесь, чтобъ не пришлось раскаиваться. Я даю вамъ этотъ совѣтъ, какъ другъ вашъ, принимающій въ васъ самое искреннее участіе, потому что я ѣлъ вашъ хлѣбъ и пользовался вашимъ гостепріимствомъ.» Черезъ нѣсколько времени Нассеръ получилъ посланіе отъ Солимана, паши Акра и Дамаска, которымъ тотъ приглашалъ его пріѣхать для полученія жалованной граматы на управленіе всею степью съ титуломъ князя бедуиновъ. Это чрезвычайно обрадовало его, и онъ тотчасъ отправился къ нашѣ, въ сопровожденіи десяти всадниковъ. Меганна приказалъ сбираться въ дорогу, и на другой день уже не видно было ни одного шатра: все было сложено и навьючено на верблюдовъ. Съ восходомъ солнца отъѣздъ начался въ самомъ стройномъ порядкѣ. Двадцать отборныхъ всадниковъ ѣхали впереди; они назначены были для передоваго разъѣзда. За ними шли навьюченные верблюды и стада, потомъ вооруженные мужчины на лошадяхъ, иные на верблюдахъ, послѣ нихъ женщины. Жены старшинъ сидѣли *въ годагахъ* *, укрѣпленныхъ на спинѣ самыхъ большихъ верблюдовъ. Эти годаги, подбитые снизу подкладкой и покрытые краснымъ сукномъ, обшитымъ разноцвѣтной бахрамою, очень красивы. Въ нихъ свободно помѣщаются двѣ женщины или одна съ нѣсколькими дѣтьми. За ними слѣдовали жены и дѣти низшихъ классовъ, сидя на верблюдахъ въ маленькихъ коляскахъ, устроенныхъ въ родѣ креселъ, покрытыхъ холстомъ. Позади шли верблюды, навьюченные поклажей и провизіей. Эмиръ Меганна замыкалъ поѣздъ; онъ, по своей старости, сидѣлъ на дромадерѣ, окруженный рабами, остальными воинами и прислугою, шедшею пѣшкомъ.

Нельзя неудивляться порядку и проворству, съ которымъ готовятся отъ осьми до девяти тысячъ человѣкъ. Мы съ шейкомъ Ибрагимомъ ѣхали то впереди племени, то въ срединѣ, или около Меганны. Мы

* Годагъ—родъ носилокъ.

шли десять часовъ сряду; вдругъ, въ три часа пополудни, порядокъ шествія нарушается: бедуины разсыпаются по прекрасной долинѣ, спѣшиваются, утверждаютъ свои копья въ землѣ и привязываютъ къ нимъ своихъ коней. Жены бедуиновъ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ и разбиваютъ свои шатры, каждая тамъ, гдѣ привязанъ конь ея мужа. И мы какъ будто волшебствомъ очутились вдругъ посреди такого же города какъ Гама. Женщины однѣ обязаны ставить и снимать свои шатры, и онѣ исполняютъ это съ ловкостью и скоростью удивительными: онѣ отправляютъ также всѣ полевыя работы; мужчины же пасутъ стада, колятъ скотину и снимаютъ съ нея кожу. Костюмъ женщинъ очень простъ: онѣ носятъ длинную синюю рубашку, черный машлахъ и родъ чернаго, шелковаго шарфа, которымъ покрываютъ голову, и обернувъ два раза кругомъ шеи, выпускаютъ концы его на спину. Онѣ не носятъ обуви, исключая женъ шейковъ, которыя надѣваютъ желтыя ботинки. Ихъ тщеславіе и роскошь заключаются во множествѣ браслетъ стеклянныхъ, серебряныхъ, коралловыхъ и янтарныхъ.—Долина, въ которой мы остановились, называлась Эль-Макрамъ; она недалеко отъ Гамы, имѣетъ пріятное мѣстоположеніе, тучныя пастбища и очень удобна для пребыванія бедуиновъ.

На четвертый день насъ предостерегли, и къ четыремъ часамъ пополудни прибѣжалъ испуганный пастухъ съ крикомъ: къ оружію! Непріятель захватилъ наши стада. Это было племя Эль-Даффарцевъ, которое искало только случая отомстить Нассеру, и послало семь тысячъ всадниковъ захватить наши стада съ наступленіемъ ночи, чтобъ не дать времени преслѣдовать ихъ. Наши, ожидая атаки, были уже готовы, но не извѣстно было съ которой стороны находится непріятель. Наступила ночь, и четыре всадника, сойдя съ коней, припали къ землѣ на всѣ четыре стороны и начали прислушиваться; вскорѣ они услышали топотъ коней удаляющихся хищниковъ. Ночью не было возможности ихъ настигнуть; къ утру войско *Гассне* * нагнало ихъ и дало имъ сраженіе. Послѣ четырехъ-часовой битвы, половина стада была отнята, но пятьсотъ верблюдовъ остались во власти Эль-Даффаровъ. У насъ было десять человѣкъ убито и много ранено. Неудовольствіе было всеобщее: бедуины роптали, обвиняя Нассера. Его прихоть и тщеславіе были всему причиной. Меганна послалъ гонца къ сыну, и онъ тотчасъ возвратился изъ Дамаска въ сопровожденіи *Шокредара* **, чтобъ внушить бедуинамъ почтеніе къ Нассеру. По пріѣздѣ, онъ прочиталъ письмо паши, заключающееся въ слѣдующихъ словахъ: «Извѣщаемъ всѣхъ эмировъ и

* Названіе племени Меганны.

** *Шокредаръ*—главный чиновникъ паши.

шейковъ племенъ степи, большихъ и малыхъ, живущихъ во владѣніяхъ Дамаска, что мы признаемъ сына нашего Нассера—Эбнъ Меганну владѣтелемъ всѣхъ *Аназіевъ* *, предлагая всѣмъ ему повиноваться. Если которое племя осмѣлится взбунтоваться, то будетъ истреблено нашими побѣдительными войсками. Такова наша воля.» Подписано Селиманъ, паша Дамаска и Акры.—Нассеръ, гордый своимъ новымъ званіемъ, старался всѣмъ прочесть этотъ указъ, разговаривая по-турецки съ чиновникомъ паши и тѣмъ увеличилъ неудовольствіе бедуиновъ.

Однажды, когда мы были у него, пріѣхалъ красивый молодой человѣкъ, начальникъ сосѣдняго племени, по имени Заррак. Нассеръ по обыкновенію говорилъ о своей власти и хвалилъ могущество и величіе визиря Дамаскаго и султана константинопольскаго, который имѣетъ *длинную саблю* **. Заррак слушая его съ нетерпѣніемъ, измѣнился въ лицѣ, всталъ и сказалъ ему: «Нассеръ-Ага ***! Знай, что всѣ бедуины ненавидятъ тебя; если тебя ослѣпило могущество турокъ, ступай въ Дамаскъ и укрась главу свою *каукомъ* ****, будь министромъ визиря, живи въ его дворцѣ, тогда можетъ быть ты наведешь ужасъ на дамаскинцевъ; но мы бедуины, мы цѣнимъ тебя не больше верблюжьяго слѣда. Я поѣду въБагдадъ, тамъ увижу Драйги-эбнъ-Шаллана ***** и съ нимъ соединюсь.» Нассеръ въ свою очередь, блѣднѣя отъ злости, передалъ по-турецки разговоръ этотъ шокредару, который думалъ жестокими угрозами устрашить Заррака. Но тотъ съ горестью посмотрѣвъ на него, сказалъ: «Довольно! хорошо, что подлѣ тебя Нассеръ, а то я могу, если захочу, сдѣлать то, что ты никогда не въ состояніи будешь ѣсть хлѣбъ.» Не смотря на эти обидныя слова, всѣ трое сохраняли хладнокровіе, и Заррак, вскочивъ на лошадь, сказалъ Нассеру: «Селямъ алейкюмъ (кланяюсь тебѣ)! Употребляй все свое могущество, я жду тебя.» Этотъ вызовъ сильно безпокоилъ Нассера, но онъ остался вѣрнымъ союзникомъ турокъ.

На другой день мы узнали, что Заррак уѣхалъ съ своимъ племенемъ въ страну Гезери, и вездѣ только и говорили о возстаніи бедуиновъ противъ Нассера. Меганна, узнавъ обо всемъ, что происходило, позвалъ своего сына и сказалъ ему: «Нассеръ! ты хочешь уронить столбы шатровъ Мелькгема! Хочешь ли ты, вскричалъ онъ, ухвативъ себя за бороду, покрыть презрѣньемъ эту бороду при концѣ дней моихъ и помрачить славу, которую пріобрѣлъ я? Насчастный, ты не призывалъ имени Божія. Что я предвидѣлъ, то и случилось. Всѣ племена хотятъ

* *Аназіи*—степные бедуины.

** *Длинная сабля*—выраженіе арабское, означающее значительное могущество.

*** *Ага*—титулъ турецкаго чиновника, даваемое въ насмѣшку бедуину.

**** *Каукъ*—церемоніяльная чалма турокъ.

***** *Драйги*—непримиримый, страшный врагъ турковъ.

соединиться съ Драйги; что будетъ тогда съ нами? Намъ остается только унижаться передъ *Эбнъ-Сигудомъ* * этимъ врагомъ нашего рода, который называетъ себя царемъ бедуиновъ. Онъ одинъ можетъ защитить насъ отъ ужаснаго Драйга.—Нассеръ старался успокоить своего отца, увѣряя что дѣла ихъ еще не такъ худы, какъ онъ думаетъ. Между тѣмъ бедуины раздѣлились, но большее число было на сторонѣ отца; онъ заботился объ ихъ истинной пользѣ. Шейкъ Ибраимъ былъ очень недоволенъ: онъ желалъ раньше проникнуть въ степь, и теперь дойти уже до Багдада, а между тѣмъ долженъ былъ оставаться съ племенемъ Гасние между Гомомъ и Дамаскомъ, и такимъ образомъ потерялъ все лѣто, неимѣя возможности удалиться, не подвергая жизнь свою опасности. Онъ поручилъ мнѣ собрать свѣдѣнія о Драйги: каковъ его характеръ, гдѣ проводитъ онъ лѣто, куда удаляется зимой, принимаетъ ли иностранцевъ, и тысячу другихъ подробностей.

Эти свѣдѣнія трудно было собрать, не возбудивъ подозрѣнія. Надобно было найтп кого-нибудь изъ другаго племени. Наконецъ мнѣ удалось сойтись съ поэтомъ Абдаллахомъ Эль-Шагеномъ. Зная, что поэты уважаются начальниками, я распросилъ обо всѣхъ племенахъ, которыя онъ посѣщалъ, и наконецъ, къ удовольствію моему узналъ, что онъ долго пробылъ у Драйги. Я узналъ отъ него все, что мнѣ нужно было. Однажды Нассеръ заставилъ меня написать къ шейкамъ Саддада и Коріетены; онъ просилъ у каждаго изъ нихъ по тысячѣ піастровъ и шести машлаховъ. Эта подать, называющаяся у нихъ братскимъ правомъ, заведена между важнѣйшими начальниками бедуиновъ и всѣми шейками селеній, чтобъ первые охраняли послѣднихъ отъ разоренія другими племенами. Налогъ этотъ собирается каждогодно. Несчастные жители совершенно разоряются, исполняя требованія бедуиновъ и турокъ. Меланна получалъ эту братскую подать со всѣхъ селеній Дамаска, Гома и Гамы, что составляетъ доходъ его около 50 тысячъ піастровъ. Паша Дамаскій платитъ ему 12,500 піастровъ, а города Гомъ и Гама снабжаютъ его, сверхъ того, извѣстнымъ количествомъ хлѣба, рису и матеріялами. Мелкія племена доставляютъ масло и сыръ. Не смотря на то, онъ никогда не имѣетъ денегъ и часто бываетъ въ долгу, не имѣя никакихъ расходовъ, что насъ очень удивило. Мы узнали, что

* Эбнъ-Сигудъ повелѣваетъ 150,000 бедуиновъ. Онъ владѣетъ землями Дерін, Медины, Самарканда, Гаджіазы и Самоса или Замена. Эти племена называются Веггабитами. Кромѣ того этотъ владѣтель находитъ тамъ болѣе милліона бедуиновъ, подвластныхъ Персіи, управляемыхъ Эмиромъ Сахидомъ эль-Фераби. Всѣ они, вмѣстѣ съ племенами Багдада, Бассора, Месопотаміи и Хорана составляютъ до четырехъ милліоновъ душъ кочеваго населенія.

онъ истрачивалъ весь доходъ свой на подарки отличившимся воинамъ своего и другихъ племенъ, и этимъ привлекая на свою сторону значительное число бедуиновъ, сдѣлалъ свое племя могущественнымъ. Онъ всегда бывалъ дурно одѣтъ, и когда ему кто-нибудь подаритъ хорошую шубу или другую вещь, то онъ отдавалъ ее тому, кто былъ въ эту минуту возлѣ него.

Пословица бедуиновъ говоритъ: «великодушіе покрываетъ всѣ недостатки.» Она оправдывается въ лицѣ Меганны; одна щедрость его заставляетъ бедуиновъ сносить поведеніе Нассера. Вскорѣ послѣ этого происшествія мы откочевали на три часа пути отъ Оронта, на урочищѣ Эль-Зидида, орошаемое множествомъ небольшихъ ручьевъ. Однажды Меганна съ десятью всадниками отправился въ Гомъ посѣтить турецкаго чиновника и возвратился оттуда съ подарками отъ всѣхъ торговцевъ, которые стараются его задарить, потому-что когда онъ бываетъ ими не доволенъ, то останавливаетъ торговлю, грабя караваны. Тотчасъ по его возвращеніи, Нассеръ отправился въ экспедицію противъ племени Абделліе, управляемаго Эмиромъ Эль-Догіани. Шатры этого племени раскинуты на двухъ буграхъ одинаковаго вида, называемыхъ Элденъ (грудь) и находящихся противъ Пальмиры. Черезъ три дня онъ возвратился и привезъ съ собою сто пятьдесятъ верблюдовъ и двѣсти барановъ. Въ этомъ дѣлѣ въ войскѣ нашемъ убито было три человѣка, а подъ Замелемъ убита лошадь. У непріятеля отняты Нассеромъ три кобылы, десять человѣкъ убиты и двадцать ранены. Не смотря на эти успѣхи, бедуины были недовольны поведеніемъ Нассера, который безъ всякой причины началъ войну съ этимъ племенемъ. Племена со всѣхъ сторонъ присоединялись къ Драйги, противъ племени Эль-Гассне. Эти слухи дошли до эмира Дуги, начальника племени Вульдъ-Али, родственника и искренняго друга Меганны, который тоже обязанъ былъ сопровождать большой караванъ изъ Мекки.

Онъ пріѣхалъ поэтому къ своему другу, чтобъ увѣдомить его объ угрожающей опасности. Старшины его племени шли впереди, и такимъ образомъ вошли въ шатеръ Меганны; тотъ велѣлъ подать кофе, но Дуга остановилъ его и сказалъ: «Меганна! кофе твой мы уже пили. Я пришелъ сюда не пить и не ѣсть, но извѣстить тебя, что поведеніе твоего сына Нассера-Паши (этотъ титулъ онъ далъ ему въ насмѣшку) ведетъ за собой паденіе твоего рода. Знай же, что всѣ бедуины составили союзъ и хотятъ объявить тебѣ войну на смерть. Меганна измѣнился въ лицѣ и вскричалъ: «Ну, что, доволенъ ты, Нассеръ? ты будешь послѣднимъ въ родѣ Мелькгемовъ». Нассеръ и не думалъ уступать; онъ отвѣчалъ, что устоитъ противъ всѣхъ бедуиновъ

и будетъ имѣть помощь двадцати тысячъ турецкаго войска и также Мола Измаеля, начальника курдской кавалеріи. Дуга провелъ ночь, стараясь отклонить Нассера отъ его предпріятія, но не успѣлъ въ томъ. На другой день онъ уѣхалъ, сказавъ: «Совѣсть моя запрещаетъ мнѣ соединиться съ вами; родство наше и хлѣбъ, который мы вмѣстѣ ѣли, удерживаютъ меня объявить вамъ войну. Прощайте! я оставляю васъ съ сожалѣніемъ». Съ этой минуты, мы очень не пріятно проводили время у бедуиновъ, но не могли ихъ оставить, потому-что всѣ удалявшіеся изъ стана, были убиваемы непріятелемъ. Это была безпрерывная тревога. Атаки съ обѣихъ сторонъ, неожиданная перемѣна мѣста для бо̀льшей безопасности, безпрестанные споры Меганны съ сыномъ, оканчивавшіеся всегда тѣмъ, что Нассеръ увѣрялъ этого добраго и легковѣрнаго старика въ своей правотѣ.

Намъ разсказывали множество примѣровъ его простоты, между прочимъ, слѣдующее: когда Юсуфъ-Паша, главный визирь порты былъ въ Дамаскѣ, Меганна въ числѣ прочихъ являлся къ нему. Мало зная этикетъ турокъ, онъ безъ всякой церемоніи подошелъ къ Визирю съ привѣтствіемъ бедуиновъ и сѣлъ возлѣ него на диванѣ, не ожидая приглашенія. Юсуфъ-Паша, тоже не привыкшій къ обычаямъ бедуиновъ и не зная достоинства этого маленькаго, дурно-одѣтаго старика, который такъ вольно обходился съ нимъ, велѣлъ тотчасъ его вывести и отрубить ему голову. Невольники увели его и готовились исполнить надъ нимъ приказаніе, но паша Дамаскій закричалъ визирю: Остановитесь! что вы хотите дѣлать? Если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы его, вы совсѣмъ своимъ могуществомъ не въ состояніи будете посылать болѣе каравана въ Мекку», и тотъ велѣлъ его снова привести къ себѣ. Посадивъ Меганну возлѣ себя, онъ велѣлъ подать ему кофе, надѣлъ на него кашемировую чалму, дорогой гомбазъ (платье), почетную шубу и подарилъ ему двѣ тысячи піастровъ. Глухой Меганна, не знавшій турецкаго языка, не понималъ ничего, что происходило около него, онъ тотчасъ снялъ съ себя богатую одежду и отдалъ невольникамъ, которые его сопровождали. Визирь велѣлъ драгоману спросить его, развѣ онъ не доволенъ его подаркомъ? и тотъ отвѣчалъ: «Скажи визирю султана, что мы, бедуины, не по одеждѣ отличаемъ другъ друга; я хоть дурно одѣтъ, но всѣмъ бедуинамъ извѣстенъ; меня знаютъ, что я Меганна-эль-Фадедъ, сынъ Мелькгема».—Паша не смѣлъ сердиться, только посмѣялся и остался имъ доволенъ.—Наконецъ лѣто прошло, и въ октябрѣ мѣсяцѣ наше племя находилось въ окрестностяхъ Алеппо. Сердце мое сильно билось, находясь такъ близко отъ родины, но по условію, я долженъ былъ скрывать о своемъ приближе-

ніи. Шейкъ Ибрагимъ хотѣлъ привести зиму въ Дамаскѣ, но ни одинъ бедуинъ не смѣлъ проводить насъ туда.

Мы съ трудомъ уговорили дать намъ конвой до одного селенія, на два дня пути отъ Алеппо, называемаго Заженъ (горячая). Гостепріимные жители этого селенія спорили между собою, кому изъ нихъ принять насъ. Это мѣстечко получило названіе отъ горячихъ водъ, которыя здѣсь находятся, что конечно должно быть причиною, что здѣшніе жители отличаются особенною красотою. Эти воды весьма цѣлительнаго свойства. Оттуда мы съ большимъ трудомъ добрались до Пальмиры, но за то вознаграждены были удовольствіемъ свиданія съ шейкомъ Раджіалемъ. Проведя пятнадцать дней съ нашими друзьями, мы поѣхали въ Коріетену, тамъ шейкъ Селимъ и священникъ Мусси встрѣтили насъ съ истиннымъ радушіемъ. Они съ любопытствомъ слушали наши разсказы о бедуинахъ. Шейкъ Ибрагимъ отвѣчалъ на ихъ дружественную заботливость объ нашихъ дѣлахъ, что спекуляція наша шла чудесно, что мы получили болѣе чѣмъ ожидали, тогда какъ въ дѣйствительности, съ убытками и подарками, намъ остались только тѣ товары, которые хранились у Мусси. Тридцать дней мы потеряли, устраивая нашъ отъѣздъ. Зима быстро приближалась; никто не рѣшался намъ дать лошади, изъ опасенія, что насъ ограбятъ въ дорогѣ. Наконецъ шейкъ Ибрагимъ купилъ дрянную лошаденку, а я нанялъ осла. Мы отправились въ самое дурное, холодное время, насъ провожали четыре человѣка пѣшихъ до селенія Даира-Антье. Черезъ нѣсколько часовъ мы дошли до ущелія между двумя горами, называемыми Бани и Джебеленъ.

Въ этомъ мѣстѣ двадцать бедуиновъ напали на насъ. Проводники наши и не думали насъ защищать: они спрятали свои ружья и оставались безмолвными зрителями нашего несчастія. Бедуины ограбили насъ до-чиста, оставя въ однихъ рубашкахъ. Мы умоляли ихъ умертвить насъ лучше, чѣмъ оставить на холодѣ. Наконецъ, тронутые нашимъ положеніемъ, дали намъ по гомбазу. Животныя же наши были такъ худы, что не могли прельстить ихъ. Едва двигаясь, они бы безполезно только замедляли ихъ путь. Мы съ грустію продолжали путь. Наступила ночь, холодъ сдѣлался нестерпимъ, и вскорѣ мы лишились даже силы говорить. Глаза наши были красны, тѣло посинѣло, и черезъ нѣсколько времени я безъ чувствъ упалъ на землю. Шейкъ Ибрагимъ, не будучи въ состояніи говорить, жестами показывалъ отчаяніе свое проводникамъ. Одинъ изъ нихъ, сирійскій христіанинъ, сжалившись надо мною и надъ печалью шейка Ибрагима, повалилъ лошадь, полумертвую уже отъ холода и усталости, убилъ ее, распоролъ ей желудокъ и положилъ меня, безчувственнаго, въ ея внутренность, оставивъ наружу только

мою голову. Черезъ полчаса я пришелъ въ чувство и съ удивленіемъ увидѣлъ себя въ такомъ положеніи. Теплота возвратила мнѣ силу говорить. Я отъ души благодарилъ шейка Ибрагима и добраго араба за ихъ заботливость, и укрѣпился такъ, что могъ уже итти. Вскорѣ проводники наши закричали: Вотъ селеніе! и мы вошли въ первый домъ. Это былъ домъ кузнеца Ганна-Битаръ. Онъ принялъ въ насъ самое живое участіе, поспѣшилъ покрыть насъ обоихъ верблюжьимъ навозомъ и давалъ намъ по каплѣ вина; такимъ образомъ въ насъ возстановилась сила и теплота. Онъ высвободилъ насъ изъ-подъ навоза, уложилъ въ постель и накормилъ хорошимъ супомъ.

Послѣ необходимаго отдыха, мы заняли двѣ тысячи піастровъ для уплаты нашимъ проводникамъ и для отъѣзда въ Дамаскъ, куда и пріѣхали 23 декабря 1810 года. Шабассенъ, французскій медикъ и единственный французъ въ Дамаскѣ, принялъ насъ очень радушно. Такъ какъ мы должны были провесть здѣсь зиму, то въ послѣдствіи перешли въ монастырь Лазаристовъ, ни кѣмъ не занятый. Я не буду описывать славнаго города *Шамье* * (Дамаскъ), эту дверь славы (бабель кабе), какъ называютъ его турки. Во время долгаго пребыванія въ немъ мы хорошо могли узнать этотъ городъ, но онъ такъ часто былъ посѣщаемъ путешественниками, что описаніе его не можетъ доставить новаго интереса. Возвращаюсь къ своему разсказу.—Однажды мы вышли на базаръ, для препровожденія времени по турецкому обыкновенію, вдругъ видимъ бѣгущаго къ намъ бедуина: онъ обнимая насъ говоритъ: Развѣ вы не узнаете брата вашего, Геталля, который ѣлъ вашъ хлѣбъ въ Нуаратѣ-Эль-Нагаманѣ? Обрадованные неожиданною встрѣчей, мы повели его къ себѣ и накормили. Отъ него мы узнали, что дѣла племени Эль-Гасне очень дурны, и что союзъ противъ него съ каждымъ днемъ увеличивается. Геталль намъ сказалъ, что онъ изъ племени Вульдъ-Али, начальникъ котораго Дуга, былъ намъ извѣстенъ. Это племя зимуетъ въ землѣ Сарка и Балка, и кочуетъ по всему пространству отъ Измаеля до Мертваго моря, а весною возвращается въ Горанъ. Онъ предложилъ намъ побывать тамъ и ручался за хорошій сбытъ нашихъ товаровъ. Мы согласились, и онъ обѣщалъ прійти за нами въ мартѣ мѣсяцѣ.

Шейкъ Ибрагимъ черезъ Шабассена получилъ изъ Алеппо тысячу таларовъ, и велѣлъ сдѣлать снова закупки. Когда я накупилъ все, что было нужно, то спросилъ его, останется ли что у насъ по возвращеніи? «Любезный сынъ мой, сказалъ онъ, знакомство съ каждымъ начальникомъ племени приноситъ мнѣ больше выгоды,

* Шамъ значитъ солнце

чѣмъ всѣ мои товары. Успокойтесь, вы тоже будете награждены деньгами, уваженіемъ и извѣстностью въ своемъ вѣкѣ. Но мнѣ нужно знать всѣ племена и ихъ начальниковъ. Черезъ васъ я хочу достигнуть до Драйги, но для этого нужно вамъ прослыть бедуиномъ. Отростите себѣ бороду, одѣньтесь въ ихъ одежду и подражайте ихъ обычаямъ. Не требуйте отъ меня никакихъ объясненій, вспомните наши условія!»— «Да подкрѣпитъ насъ Господь!» былъ мой отвѣтъ. Двадцать разъ я хотѣлъ оставить это предпріятіе, всѣ опасности котораго предвидѣлъ прежде, но цѣли его не зналъ. Это вынужденное молчаніе, это слѣпое повиновеніе были мнѣ нестерпимы. Между-тѣмъ желаніе достигнуть цѣли и привязанность моя къ Ласкарису заставляли меня терпѣливо переносить всѣ непріятности. Въ назначенное время Геталь явился съ тремя верблюдами и двумя проводниками, и мы выѣхали 15-го марта 1811 года, черезъ годъ и двадцать-восемь дней послѣ перваго нашего отъѣзда изъ Алеппо. Племя Дуги находилось въ Мизарибѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Дамаска. Въ дорогѣ съ нами ничего не случилось примѣчательнаго; ночи проводили мы подъ открытомъ небомъ. На третій день при закатѣ солнца мы были посреди шатровъ Вульдъ-Али. Видъ былъ чудесный: каждая палатка окружена была лошадьми, верблюдами, козами и баранами, и у входа водружено копье всадника. Копье Эмира Дуги возвышалось въ центрѣ.

Онъ принялъ насъ со всевозможною предупредительностью и пригласилъ съ собою ужинать. Подъ его вѣдѣніемъ находятся пять тысячъ шатровъ и кромѣ того онъ начальствуетъ надъ тремя племенами, союзными ему: Бенина-Сакера, Эль Сераана и Эль Сарддіе. Онъ раздѣлилъ свой народъ на нѣсколько обществъ, управляемыхъ его родственниками. Послѣ ужина бедуины очень любятъ слушать разсказы о приключеніяхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, который мы слышали отъ Эмира. Разсказъ этотъ даетъ понятіе о чрезвычайной привязанности ихъ къ лошадямъ и о гордости въ отношеніи ихъ достоинства. Одинъ человѣкъ, по имени Джіабаль, имѣлъ отличную кобылу. Гассадъ-паша, бывшій тогда визиремъ въ Дамаскѣ, нѣсколько разъ пытался завладѣть ею, обѣщая ему всевозможныя вознагражденія, но все было напрасно, потому-что бедуинъ любилъ свою лошадь не менѣе жены. Паша сталъ грозить, но и угрозы не имѣли успѣха. Тогда другой бедуинъ, именемъ Джіафаръ, пришелъ къ нему спросить, какую онъ получитъ награду, если приведетъ кобылу Джіабаля? «Твой мѣшокъ, въ которомъ ты носишь ячмень, будетъ полонъ золотомъ», отвѣчалъ Гассадъ. Слухъ разнесся о предложеніи Джіафара по всей степи. И Джіабаль привязалъ на ночь свою кобылу за ногу цѣпью съ желѣзнымъ кольцомъ, а цѣпь пропустилъ въ

свой шатеръ, надѣвъ ее на колъ, вбитый въ землю подъ войлокомъ, на которомъ онъ спалъ съ женою.

Въ полночь Джіафаръ ползкомъ прокрадывается въ шатеръ, и пробравшись къ Джіабалю, острымъ ножемъ прорѣзываетъ дыру въ войлокѣ, выдергиваетъ колъ, отвязываетъ кобылу, вскакиваетъ на нее, и взявши копье Джіабаля, слегка укалываетъ его и говоритъ: «Это я, Джіафаръ, взялъ твою чудную кобылу, извѣщаю тебѣ во-время», и съ этими словами мчится прочь. Джіабаль выбѣжалъ изъ своего шатра, созвалъ всадниковъ, взялъ у брата лошадь, и они четыре часа преслѣдовали Джіафара. Лошадь брата Джіабаля была одной крови съ его кобылой, только немного похуже. Опередивъ прочихъ всадниковъ, онъ уже почти настигъ Джіафара, но въ эту самую минуту закричалъ ему: «Ущипни ее за правое ухо и ударь стремянемъ» Джіафаръ исполняетъ это и летитъ какъ молнія. Тогда погоня сдѣлалась безполезна; бедуины упрекаютъ Джіабаля въ томъ, что онъ самъ былъ причиною потери своей кобылы *. «Для меня лучше потерять ее, отвѣчаетъ онъ, нежели помрачить ея славу. Вы хотите, чтобъ говорили между племенемъ Вульдъ-али, что другая кобыла могла перегнать ее? По крайней мѣрѣ мнѣ остается удовольствіе сказать, что ни одна не могла догнать ее.» Онъ возвратился домой съ этимъ утѣшеніемъ, а Джіафаръ получилъ условленную плату за свою услугу. Послѣ эмира разсказалъ намъ еще анекдотъ другой собесѣдникъ. «У бедуина изъ племени Неджде тоже была отличная кобыла, какъ и у Джіабаля, и одинъ бедуинъ Дагеръ, изъ другаго племени, только и думалъ о томъ, какъ бы имѣть ее. Но напрасно предлагая за нее верблюдовъ и всѣ свои богатства, онъ наконецъ выдумалъ слѣдующее: вымазалъ себѣ лице травянымъ сокомъ, одѣлся въ рубище, обвязалъ себѣ ноги, будто изувѣченный нищій, и сталъ на дорогѣ дожидаться Набека, хозяина кобылы, зная, что тотъ долженъ въ этомъ мѣстѣ проѣхать.

Когда Набекъ поравнялся съ нимъ, онъ сказалъ умирающимъ голосомъ: «Я бѣдный странникъ, вотъ уже три дня, какъ не могу тронуться отсюда, чтобъ достать себѣ пропитаніе. Я умираю, помоги мнѣ, Богъ наградитъ тебя.» Бедуинъ хотѣлъ взять его съ собою на лошадь и отвезти домой, но обманщикъ отвѣчалъ: «Я не могу встать, у меня нѣтъ силы.» И тотъ, полный состраданія, слѣзъ самъ и подвелъ свою кобылу ближе и съ большимъ трудомъ усадилъ на нее притворщика. Только что Дагеръ почувствовалъ себя въ сѣдлѣ,

* Каждый бедуинъ пріучаетъ свою лошадь къ какому нибудь знаку, который заставляетъ ее употребить всю быстроту свою. Онъ пользуется этимъ только въ крайнемъ случаѣ и никому не довѣряетъ этого секрета, даже своему сыну.

какъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ, говоря: «это я, Дагеръ, увожу твою лошадь.» Набекъ требуетъ его выслушать. Дагеръ, увѣренный, что не можетъ быть настигнутъ, оборотился и остановился немного въ отдаленіи, потому-что у Набека было копье, и тотъ ему сказалъ: «Ты взялъ мою кобылу, и если тебѣ удалось, то я желаю тебѣ благополучія, но заклинаю тебя никому не сказывать какимъ-образомъ она тебѣ досталась.» — «Это почему?» спрашиваетъ Дагеръ. «Потому-что другой, истинно больной, не получитъ послѣ этого помощи. Ты будешь причиною, что никто болѣе не сдѣлаетъ добраго дѣла, изъ боязни быть также одураченнымъ, какъ и я.» Пораженный этими словами, Дагеръ подумалъ съ минуту, слѣзъ съ лошади и возвративъ ее Набеку, обнялъ его. Тотъ повелъ его къ себѣ, они пробыли вмѣстѣ три дня, и поклялись быть другъ-другу братьями.

Шейкъ Ибрагимъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ разсказовъ, которые дали ему случай узнать характеръ и великодушіе бедуиновъ. Племя Дуги богаче и не такъ жадно, какъ племя Меганны. Лошади ихъ красивы. Мы пробыли у нихъ пятнадцать дней. Шейкъ Ибрагимъ сдѣлалъ подарки всѣмъ старшинамъ и распродалъ нѣсколько вещей женщинамъ, для поддержанія роли купца. Послѣ того мы поѣхали къ тремъ шейкамъ, которые платили дань эмиру Дуги. Шейкъ Ибрагимъ сказалъ мнѣ, что онъ только для того и живетъ у бедуиновъ, чтобъ дать мнѣ случай изучить языкъ ихъ и обычаи, и что для торговли его нужно побывать у Драйги, а я долженъ, во время этихъ поѣздокъ ко всѣмъ племенамъ, составить списокъ ихъ названіямъ и узнать число каждаго, что ему очень нужно. Очень трудно усвоить нарѣчіе каждаго племени даже для араба, хотя коренной языкъ и одинъ, но я занимался этимъ успѣшно. Въ продолженіе нашихъ долгихъ путешествій, я узналъ всѣ имена шейковъ, и число всѣмъ племенъ, чего до тѣхъ поръ никто не могъ сдѣлать. Я составлю имъ списокъ въ концѣ моего журнала.

Многочисленныя племена часто должны бываютъ раздѣляться на общества отъ двухъ до пяти сотъ шатровъ и занимать большое пространство, чтобъ имѣть возможность пользоваться водой и удобнѣе прокармливать свои стада. Мы по порядку перебывали во всѣхъ кочевьяхъ, выжидая случая, не найдется ли кто проводить насъ къ Драйги, который воевалъ со всѣми племенами, находящимися во владѣніяхъ Дамаска. Вездѣ мы были превосходно приняты. Въ одномъ племени насъ радушно приняла бѣдная вдова; чтобы угостить насъ, она заколола послѣдняго своего барана и заняла хлѣба. Отъ нея мы узнали, что мужъ ея и три сына убиты въ сраженіи съ страшнымъ племенемъ Веггабитовъ, обитающимъ въ окрестностяхъ Мекки. Когда мы изъявили ей наше уди-

вленіе, что она такъ тратится для насъ, то она сказала: «Если кто входитъ къ живому человѣку и не ѣстъ у него, все равно что онъ посѣщалъ мертвеца.» Недавно образовалось, случайно, одно довольно значительное племя. Одинъ бедуинъ имѣлъ красавицу дочь. Начальникъ этого племени хотѣлъ на ней жениться, но отцу не хотѣлось ее отдать за него, и чтобъ скрыть ее отъ преслѣдованія, онъ тайкомъ уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Шейкъ спросилъ объ этомъ бедуинѣ, и ему кто-то отвѣчалъ: серахъ (онъ уѣхалъ). *Серанъ* *, возразилъ онъ (это волкъ) желая этимъ выразить, что онъ былъ дикарь. Съ тѣхъ поръ племя это, начальникомъ котораго сдѣлался отдѣлившійся бедуинъ, стало называться племенемъ *Эль-Серанъ* **. Если бедуины храбры и имѣютъ хорошихъ лошадей, то скоро дѣлаются могущественными. Наконецъ мы услышали о прибытіи Драйги въ Месопотамію. Въ это время шейкъ Ибрагимъ долженъ былъ ѣхать въ Дамаскъ за товарами и деньгами, которыхъ у насъ не было.

Мы познакомились съ бедуиномъ изъ племени кочевавшаго у береговъ Евфрата, которое сохраняло нейтралитетъ въ дѣлѣ Нассера. Бедуина этого звали Газенсъ-эль-Гамадъ. Онъ пріѣхалъ въ Дамаскъ въ числѣ прочихъ, продавать масло. Бедуинъ этотъ взялся положить товары наши на своихъ верблюдовъ и проводить насъ къ Драйги; но увы! мы не могли легко попасть туда. Съ трудомъ добравшись до Коріетены, чтобъ взять наши товары, остававшіеся тамъ на сохраненіи, мы услышали новость о побѣдѣ Захера, сына Драйги надъ Нассеромъ. Побѣда эта возобновила войну съ большимъ ожесточеніемъ. Всѣ племена приставали къ одной или другой партіи. Племя Салкена, къ которому принадлежалъ нашъ проводникъ, было атаковано Драйги, который съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ свою добычу. Никто не отваживался проникнуть въ пустыню. Ласкарисъ былъ въ отчаяніи; онъ не могъ ни спать, ни ѣсть; наконецъ, огорченный до крайней степени, видя остановку въ своихъ предпріятіяхъ, онъ обратился ко мнѣ. Тогда я сказалъ ему: «Время намъ объясниться. Если вы хотите ѣхать къ Драйги для своей торговли, то это намѣреніе безразсудно, и я отказываюсь вамъ сопутствовать. Если же вы имѣете другіе проекты, для исполненія которыхъ рѣшаетесь даже подвергать жизнь свою опасности, скажите мнѣ, и я готовъ для васъ пожертвовать собой.»—Хорошо, мой любезный сынъ, отвѣчалъ онъ, я довѣряю вамъ: знайте, что торговля моя только предлогъ, подъ которымъ я скрываю порученіе, данное мнѣ въ Парижѣ. Вотъ мои наставленія, заключающіяся въ десяти пунктахъ:

* Игра словъ, которую трудно передать. Серахъ значитъ уѣхалъ, Серанъ значитъ—волкъ.
** Племенемъ волка.

1) Ѣхать изъ Парижа въ Алеппо.

2) Найти тамъ преданнаго араба и имѣть его при себѣ, какъ драгомана.

3) Усовершенствоваться въ ихъ языкѣ.

4) Быть въ Пальмирѣ.

5) Проникнуть къ бедуинамъ въ степь.

6) Узнать всѣхъ ихъ и пріобрѣсть ихъ дружбу.

7) Направить всѣхъ ихъ начальниковъ къ одной цѣли.

8) Заставить ихъ прервать всякіе договоры съ турками.

9) Узнать всю степь, мѣсто ихъ кочевья, гдѣ находятъ они воду и пастбища до самыхъ предѣловъ Индіи.

10) Исполнивъ мое порученіе возвратиться въ Европу.

«И потомъ?» сказалъ я ему... но онъ не хотѣлъ слушать. Вспомните наши условія прибавилъ онъ, я буду объясняться съ вами по мѣрѣ возможности. Теперь довольно для васъ знать, что я хочу ѣхать непремѣнно къ Драйги, хотя бы мнѣ это стоило жизни. Эта полудовѣренность разстроила меня, и я въ свою очередь не могъ уснуть. Видѣть препятствія, почти неодолимыя и только смутно предвидѣть пользу моего самопожертвованія—состояніе очень тягостное. Но я рѣшился дождаться конца, потому что самъ обязалъ себя, и теперь только и думалъ о средствахъ успѣть въ этомъ. Борода моя была отрощена, и я хорошо уже зналъ языкъ бедуиновъ. Я рѣшился итти одинъ къ Драги, это было единственное средство, которое можно было испытать. Я нашелъ себѣ товарища Варди, того самаго, который возвратилъ мнѣ жизнь, положивъ меня въ желудокъ лошади, и открылъ ему свое намѣреніе. Онъ всячески старался убѣдить меня оставить мое предпріятіе, говорилъ, что трудъ будетъ великъ, что нужно десять ночей тяжкаго пути; днемъ нужно скрываться, чтобъ не встрѣтилъ насъ кто на дорогѣ; взять съ собой ничего нельзя, кромѣ самаго необходимаго; но видя, что ничѣмъ не можетъ меня отклонить, онъ согласился быть моимъ проводникомъ за дорогую плату.

Я сообщилъ о своемъ намѣреніи Ласкарису, и онъ тоже мнѣ сдѣлалъ дружественныя возраженія, напоминая объ опасностяхъ, которымъ я подвергаю себя, но въ душѣ своей я видѣлъ, что онъ былъ доволенъ мною. Мы устроили всѣ свои дѣла; я обѣщалъ писать къ нему съ моимъ проводникомъ, который возвратится какъ только я доберусь до Драйги. Было уже поздно, когда мы легли въ постели. Я былъ очень взволнованъ; сонъ мой былъ безпокоенъ, и скоро я разбудилъ Ласкариса своимъ крикомъ. Мнѣ привидѣлся сонъ: я находился на вершинѣ крутаго утеса, у подошвы его бѣжала быстрая рѣка, черезъ ко-

торую я никакъ не могъ переправиться и легъ на краю бездны, какъ вдругъ дерево начало рости у меня во рту, и увеличиваясь все болѣе и болѣе, раскинуло свои вѣтви зеленымъ шатромъ, но возрастая, оно раздирало мое горло, корни его проникли въ мою внутренность, и я громко сталъ кричать. Выслушавъ мой сонъ, Ласкарисъ былъ удивленъ и сказалъ, что этотъ сонъ предвѣщаетъ прекрасный результатъ нашихъ трудовъ. Я долженъ былъ одѣться въ рубище, чтобъ не возбудить ни чьего подозрѣнія и алчности, если насъ увидятъ. Вотъ мой дорожный костюмъ: рубашка изъ толстой бумажной матеріи, вся въ заплатахъ; старая феска съ кускомъ холста, когда-то бѣлаго, служила мнѣ чалмой; плащъ изъ бараньяго мѣху, до половины уже вытертый; зачиненные башмаки, вѣсившіе фунта четыре; кожаный поясъ, на которомъ висѣлъ ножикъ; огниво, немного табаку въ старомъ кисетѣ и трубка.

Я подчернилъ себѣ глаза, выпачкалъ лице и въ такомъ видѣ явился къ шейку Ибрагиму, проститься съ нимъ. Увидѣвъ меня, онъ заплакалъ: «Да подкрѣпитъ васъ Богъ, сказалъ онъ, исполнить ваше великодушное намѣреніе; да сопутствуетъ вамъ Всевышній и сохранитъ васъ отъ всякой опасности; да ослѣпитъ онъ злыхъ, и возвратитъ сюда, чтобъ я могъ наградить васъ!» Я не могъ удержаться и тоже заплакалъ. Мало-по-малу разговоръ нашъ сдѣлался веселѣе; шейкъ Ибрагимъ шутя мнѣ сказалъ, что еслибъ я поѣхалъ въ этомъ костюмѣ въ Парижъ, то много бы могъ получить, показывая себя за деньги. Мы поужинали, и на закатѣ солнца я пустился въ дорогу. Я шелъ не уставая до самой полуночи, но тутъ ноги мои начали пухнуть, башмаки жали, и я снялъ ихъ. Колючія растенія, которыя ѣдятъ верблюды, кололи меня, а острые камешки разрѣзывали мнѣ ноги. Я старался снова надѣть мою обувь, и страдая такимъ образомъ, шелъ до самаго утра. Маленькая пещера служила намъ убѣжищемъ днемъ. Я перевязалъ свои ноги, обернувъ въ лоскутокъ, оторванный отъ платья, и заснулъ; отъ сильной усталости я не могъ даже ѣсть. Я спалъ еще, когда проводникъ мой звалъ меня снова въ дорогу; ноги мои ужасно распухли, и я упалъ духомъ, желая дождаться другаго дня. Мой проводникъ упрекалъ меня въ слабости. «Я хорошо зналъ, сказалъ онъ, что вы очень нѣжны для такого пути. Я вамъ это предсказывалъ.»

«Намъ невозможно здѣсь оставаться: если мы проведемъ ночь, то должны остаться и день; припасы наши истощаются, мы умремъ въ пустынѣ съ голоду. Лучше отказаться отъ нашего предпріятія и возвратиться, пока есть еще время.»—Слова эти меня оживили, и я пошелъ, съ трудомъ двигаясь, до самой полуночи. Дошедъ до равнины,

гдѣ песокъ то подымается, то понижается волнами, мы отдохнули тутъ до утра. На разсвѣтѣ мы примѣтили вдали два предмета, которые приняли за верблюдовъ. Испуганный проводникъ мой вырылъ яму въ пескѣ, и мы спрятались туда по самую шею, оставивъ наружу только голову. Въ такомъ тягостномъ положеніи мы оставались до полудня, глядя на мнимыхъ верблюдовъ Но вдругъ Варда вскричалъ: «Слава тебѣ, Господи! это не верблюды, а страусы.» Мы съ радостію вышли изъ нашей могилы, и въ первый разъ послѣ нашего отъѣзда я поѣлъ немного хлѣбной лепешки и выпилъ нѣсколько капель воды. Мы остались тамъ до вечера и потомъ снова пустились въ путь. Идя по песку я менѣе страдалъ. Слѣдующій день мы провели отдыхая.

Къ полудню другаго дня мы были въ окрестностяхъ Пальмиры. Разсвѣтъ послѣ четвертой ночи засталъ насъ на берегу большой рѣки Эль-Рабобъ, текущей отъ юга къ сѣверу. Проводникъ мой раздѣлся, перенесъ меня на спинѣ на другой берегъ и возратился опять за своей одеждой. Я хотѣлъ отдохнуть, но онъ сказалъ, что безразсудно оставаться тамъ, гдѣ рѣка проходима въ бродъ. И дѣйствительно, не прошли мы получаса, какъ увидѣли приближающихся пятьсотъ бедуиновъ, ѣхавшихъ верхомъ отъ востока къ западу. Нашедши кустарникъ, мы отдохнули здѣсь до вечера. На шестую ночь мы подошли за нѣсколько часовъ къ Евфрату. Седьмой день, самый трудный, также прошелъ. Еслибъ я не страдалъ такъ отъ боли въ ногахъ, то могъ бы позабыть весь трудъ и усталость при видѣ восходящаго солнца на берегахъ этой великолѣпной рѣки. Гостепріимные бедуины, которыхъ жизнь состоитъ только въ томъ, чтобъ переходить съ одного берега на другой, повели насъ въ свои шатры, и мы первый разъ во время дороги хорошо поѣли. Мы освѣдомились о Драйги. Онъ находился отъ насъ на три дня пути между Зайтомъ и Загеромъ, и заключилъ миръ съ эмиромъ Фахебомъ. Мнѣ много разсказали бедуины о его военномъ искусствѣ, страшномъ мужествѣ и о намѣреніи его уничтожить Меганну и Нассера и возвратиться въ свою степь возлѣ Бассора и Багдада.

Эти-то подробности мнѣ и хотѣлось знать, и я тотчасъ составилъ свой планъ. Я просилъ проводника довести меня до Драйги, сказавши бедуинамъ, что я Алепскій купецъ, имѣю въ Багдадѣ корреспондента, который мнѣ долженъ двадцать пять тысячъ піастровъ, и что онъ обанкрутился; что война прекратила всѣ сообщенія, и я не имѣю другаго средства, какъ рѣшиться одному итти къ самому Драйги и просить его покровительства на безопасный путь въ Багдадъ, гдѣ безъ меня все мое состояніе можетъ быть потеряно. Добрые бедуины молили Бога, чтобъ онъ помогъ мнѣ возвратить мои деньги, и самъ Варда болѣе

сталъ заботиться о моемъ путешествіи, когда узналъ его важность. Мы провели цѣлый день, стараясь ознакомиться съ племенемъ Бени-Таи. На другой день выѣхали съ хорошимъ конвоемъ, и особеннаго ничего неслучилось съ нами въ дорогѣ. На третій день заходящее солнце уже золотило пять тысячъ шатровъ Драйги, покрывающихъ долину на такое разстояніе, какое можно окинуть взоромъ. Верблюды, лошади, стада окружали ихъ, закрывая совершенно собою землю. Никогда я не видалъ такого зрѣлища богатства и могущества. Шатеръ эмира въ сто футовъ длины, былъ въ центрѣ. Онъ принялъ меня очень вѣжливо и безъ всякихъ вопросовъ пригласилъ съ собою ужинать. Послѣ ужина онъ спросилъ меня: откуда ты, и куда идешь? Я отвѣчалъ ему тоже, что и бедуинамъ Евфрата». Добро пожаловать, сказалъ онъ, да благословитъ Богъ приходъ твой. Если Богу угодно будетъ, ты можешь имѣть успѣхъ, но по нашему обычаю, мы не можемъ говорить о дѣлахъ ранѣе трехъ дней, въ которые мы должны угощать тебя и покоить. Я по обыкновенію поблагодарилъ и удалился На другой день я отослалъ Варди къ Ласкарису. Драйги человѣкъ лѣтъ 50-ти, высокаго роста и красивой наружности, съ маленькою сѣдою бородой и гордымъ взглядомъ. Онъ уважается какъ умнѣйшій изъ всѣхъ начальниковъ племенъ; имѣетъ двоихъ сыновей Захера и Захдуна; они женаты и живутъ въ одномъ шатрѣ съ нимъ. Племя его многочисленное и богатое, называется Эль-Дюалля.

Случай чудесно помогъ мнѣ въ первые дни моего пребыванія. Эмиръ не имѣлъ секретаря, я предложилъ ему свои услуги на время, и скоро получилъ его довѣренность за совѣты и свѣдѣнія, которыя могъ ему дать о племенахъ, мнѣ уже извѣстныхъ. Когда я сталъ говорить ему о своемъ дѣлѣ, онъ такъ сожалѣлъ о моемъ отъѣздѣ, что я готовъ былъ остаться. Онъ сказалъ мнѣ: «Если ты останешься у меня, то будешь моимъ сыномъ; все, что ты ни скажите, будетъ сдѣлано». Я хотѣлъ воспользоваться его довѣренностью и расположеніемъ и уговаривалъ его перейти Евфратъ, чтобъ быть поближе къ Ласкарису. Я представлялъ ему все, что онъ можетъ чрезъ это выиграть: вліяніе на племена той страны отклоненіемъ ихъ отъ Нассера; подарки, которые они должны будутъ ему сдѣлать, это наведетъ страхъ на турокъ, а между тѣмъ причинитъ непріятелю вредъ, уничтожая ихъ пастбища. Такъ какъ онъ въ первый разъ оставилъ Багдадскую степь и пошелъ въ Месопотамію. то мои совѣты и свѣдѣнія были ему большимъ пособіемъ, и онъ имъ послѣдовалъ. Пріятно было видѣть ихъ отъѣздъ. Впереди всадники на лошадяхъ хорошей породы, женщины въ великолѣпно-убранныхъ годагахъ на дромадерахъ, окруженныя невольницами негри

тянками. Разнощикъ провизіи ходитъ по каравану и кричитъ — кто хочетъ ѣсть? и раздаетъ хлѣбъ, финики и прочее. Цѣлые три часа посвятили мы отдыху; пили кофе; къ вечеру шатры какъ бы чудомъ исчезли. Мы шли по берегамъ Евфрата; прозрачныя воды его блестѣли какъ серебро.

Я ѣхалъ на прекрасной лошади; дорога чудилась мнѣ какимъ-то торжественнымъ шествіемъ, которое представляло рѣзкій контрастъ съ моимъ странствованіемъ предъ тѣмъ въ этой странѣ, въ рубищѣ и съ окровавленными ногами. На четвертый день эмиръ Захедъ встрѣтилъ насъ съ тысячью всадниковъ. Начались разнородныя игры съ копьемъ на лошадяхъ. Въ этотъ вечеръ Драйги, его сыновья и я пошли ужинать къ эмиру Захеду. На другой день перешли рѣку и отдохнули во владѣніяхъ Дамаска; снова пустившись въ путь мы направлялись все къ западу и остановились въ Эль-Джаферѣ, въ пашалыкѣ Алеппо. Быстро распространилась вѣсть о приходѣ Драйги; онъ получилъ письмо отъ Меганны, начинающееся почтительными титулами, слѣдующаго содержанія: «Во имя Всемилостиваго Бога привѣтствую васъ! Мы съ удивленіемъ услышали о переходѣ вашемъ чрезъ Евфратъ и о приближеніи вашемъ во владѣнія, переданныя намъ предками нашими. Думаете вы одни истребить пищу всѣхъ птицъ? Знайте, что у насъ безчисленное множество воиновъ, и сверхъ того насъ подкрѣпятъ храбрые турки, которымъ ничто не можетъ противиться. Мы вамъ совѣтуемъ возвратиться тѣмъ же путемъ, какимъ вы пришли сюда; въ противномъ случаѣ всевозможныя несчастія обрушатся на васъ и раскаиваться уже будетъ поздно».

При чтеніи письма я видѣлъ какъ Драйги блѣднѣлъ отъ гнѣва, глаза его метали молніи. Послѣ минутнаго молчанія, онъ вскричалъ: «Писецъ! бери перо и пиши къ этой собакѣ». Вотъ его отвѣтъ: «Я читалъ ваши угрозы, они не тяжелѣе зерна горчичнаго. Я унижу ваше знамя и очищу землю отъ вѣроотступника сына вашего Нассера. Кому владѣть землей, это рѣшитъ сабля. Я скоро отправлюсь истреблять васъ. Спѣшите, война объявлена». Тогда, обращаясь къ Драйги я сказалъ ему: я хочу подать вамъ совѣтъ; вы здѣсь чужестранецъ и не знаете, что могутъ предпринять племена этой страны. Меганну любятъ бедуины и подкрѣпляютъ турки; вы хотите начать войну, незная числа своихъ непріятелей; если вы испытаете въ первый равъ неудачу, всѣ соединятся противъ васъ, а вы не въ состояніи будете имъ противостоять. Напишите лучше посланіе ко-всѣмъ окрестнымъ шейкамъ, что вы пришли разрушить шатры Мелькгема, чтобъ освободить бедуиновъ отъ владычества турокъ и пригласите ихъ на свою сторону. Уа-

навъ такимъ образомъ число непріятелей вашихъ, то-есть тѣхъ, которые несогласятся присоединиться къ вамъ, и также союзниковъ вашихъ, вы можете, сравнивая взаимную силу, дѣйствовать по усмотрѣнію».— «Ты, дѣйствительно, прекрасный совѣтникъ», отвѣчалъ Драйги, восхищенный моею идеей. — Я самъ по себѣ ничего незначу, возразилъ я: если я знаю что-нибудь, то этимъ обязанъ моему учителю. Онъ человѣкъ умный, опытный въ дѣлахъ и съ большими свѣдѣніями. Онъ одинъ можетъ подавать вамъ совѣты. О если бъ онъ былъ съ вами, то съ помощію его вы могли бы сдѣлаться начальникомъ всѣхъ бедуиновъ степи».

— «Я сейчасъ же пошлю сотню всадниковъ искать его», съ живостью сказалъ Драйги. Мы еще очень далеко отвѣчалъ я ему. Дорога трудная, когда мы будемъ ближе къ Коріетенѣ, я васъ увѣдомлю». Я боялся какой-нибудь непріятной встрѣчи для шейка Ибрагима и хотѣлъ бы самъ сопровождать его. Я такъ былъ привязанъ къ нему, что тысячу разъ готовъ былъ пожертвовать собой, чтобъ оказать ему услугу.

Возвращусь къ нашему военному совѣту. Драйги далъ мнѣ списокъ десяти главныхъ начальниковъ племенъ. Вотъ его письмо: «Я оставилъ свою сторону и пришелъ сюда освободить васъ отъ тиранскаго правленія Нассера, который хочетъ быть вашимъ начальникомъ чрезъ посредничество турокъ, измѣнить ваши обычаи, уничтожить ваши права и подчинить васъ власти турокъ. Я пришелъ объявить ему войну; скажите откровенно за кого вы стоите, за меня, или за него? Тѣ, которые хотятъ помочь мнѣ, пусть прійдутъ соединиться со мною. Прощайте». Онъ разослалъ десятерыхъ всадниковъ съ этими письмами. На другой день мы дошли до красиваго и обширнаго урочища Шамерика, въ тридцати часахъ пути отъ Гамы. Въ скоромъ времени, посланные наши возвратились. Эмиръ Дуга и шейкъ Селямъ отвѣчали, что они сохраняютъ нейтралитетъ; шейкъ Кассемъ, родственникъ Меганны, объявилъ себя на его сторонѣ; прочія семь племенъ пришли и расположились вокругъ насъ. Шейки ихъ обѣщали Драйги раздѣлять съ нимъ всѣ опасности на жизнь и на смерть. Между тѣмъ шпіоны наши донесли намъ, что испуганный Меганна послалъ Нассера въ Гаму просить помощи у турокъ. Драйги собралъ тотчасъ свое войско, состоявшее изъ осьми тысячъ человѣкъ, шести тысячъ всадниковъ и тысячи джулмардуфовъ, то-есть, тысячи верблюдовъ, на каждомъ по два человѣка вооруженныхъ ружьями съ *фитилями* * и поѣхалъ на четвертый день, при-

* Ружья съ замками, не въ употребленіи у бедуиновъ, потому что и предки ихъ не

казавъ оставшимся изъ всѣхъ племенъ слѣдовать за нимъ на третій день, чтобъ возбудить болѣе мужества въ воинахъ на битвѣ близкимъ присутствіемъ женъ и дѣтей ихъ. Я остался съ послѣдними, и мы перекочевали въ Эль-Жаміе, на часъ разстоянія отъ племени Эль-Гассне, и на два дня отъ Гамы. На пятый день Драйги извѣстилъ насъ о блистательной побѣдѣ, и вскорѣ мы увидѣли верблюдовъ, барановъ, лошадей и оружіе, отнятое у непріятеля.

Мужчины, которые должны были оставаться для охраненія имущества, пошли навстрѣчу побѣдителямъ, получить свою часть добычи, на которую они тоже имѣютъ право, и вскорѣ мы встрѣтили торжествующую рать. Неожиданное нападеніе Драйги немного смутило Меганну въ отсутствіи Нассера; но племя Эль-Гассне вступило въ бой съ военнымъ кликомъ; число сражающихся было одинаково; битва продолжалась до самаго вечера. Непріятелей убито 24 человѣка, а нашихъ вполовину менѣе. Наши воины завладѣли ихъ стадомъ, и Захеръ отнялъ кобылу у Фареса, сына Меганны, что у бедуиновъ считается славнымъ подвигомъ. Послѣ этой неудачи Меганна перешелъ черезъ Оронтъ къ сѣверу отъ Гамы и расположился близъ Гома, въ ожиданіи турокъ, чтобъ съ ними возвратиться для отмщенія Драйги. Дѣйствительно, въ пятый день пастухи прибѣжали съ извѣстіемъ что турки, предводимые Нассеромъ захватили наши стада. Тотчасъ всѣ наши воины бросились въ погоню за ними, настигли ихъ и вступили въ бой еще ужаснѣе перваго; въ это время непріятель увелъ большую часть нашего стада въ свой станъ. Однакожъ побѣда осталась за нами, и воины отняли большую добычу у турокъ, но потеря и нашего стада была значительна. Мы потеряли 12 человѣкъ, въ числѣ ихъ былъ племянникъ Драйги Али, и смерть его была всѣми оплакана. Дядя его три дня былъ безъ пищи и поклялся убить Нассера и тѣмъ отмстить за смерть Али. Атаки дѣлались чаще съ каждымъ днемъ. Турки Дамаска, Гома и Гамы были въ опасеніи и старались собрать всѣхъ арабовъ Горама и Идумеи. Многія племена пришли изъ степи, одни для подкрѣпленія Драйги, другія къ Меганнѣ. Ни одинъ караванъ не могъ перейти изъ одного города въ другой, и добыча почти всегда оставалась на сторонѣ Драйги. Однажды Фарес увелъ у насъ сто двадцать верблюдовъ, которые проходили въ двухъ миляхъ отъ шатровъ, и въ ту же самую минуту Захеръ захватилъ такое же количество ихъ верблюдовъ. Это единовременное нападеніе удержало обоихъ отъ преслѣдованія другъ друга, и такимъ образомъ каждый имѣлъ время увести свою добычу.

имѣли такихъ ружей и еще потому что они опаснѣе въ рукахъ и дѣтей женъ; послѣднія плетутъ фитили изъ бумаги.

Но эти взаимные грабежи скоро сдѣлали войну жестокою и истребительною.

Первый примѣръ поданъ былъ Даллатами, подъ предводительствомъ Нассера, которые схватили изъ племени Бени-Кралеба нѣсколько женщинъ и поступили съ ними жестоко. Бедуины поклялись умереть или уничтожить Нассера. Наказаніе не замедлило; началось сраженіе между двумя враждебными партіями, одной подъ начальствомъ Захера, другой подъ предводительствомъ Нассера. Оба начальника ненавидѣли другъ друга, и встрѣтившись съ ожесточеніемъ бросились другъ на друга. Бедуины оставались зрителями двухъ сражающихся воиновъ, равныхъ по достоинству и ловкости.

Битва была ужасная и продолжительная. Но усталые кони ихъ уже слабо повинуются желаніямъ сѣдоковъ; Нассеръ не можетъ увернуться отъ копья Захера, который прокалываетъ его насквозь; Нассеръ падаетъ. Воины его спасаются бѣгствомъ, или отдаютъ коней своихъ *непріятелю* *. Захеръ изрубилъ въ куски тѣло Нассера, положилъ въ *куффъ* ** и послалъ его въ станъ Меганны съ плѣнникомъ, которому отрубили носъ, и тотчасъ возвратился въ свое племя, удовлетворенный мщеніемъ. Меганна просилъ помощи у бедуиновъ Шаммы (Самарканда), Неджде и у Веггабитовъ; они обѣщали прійти на слѣдующій годъ, помочь ему, потому-что время перекочевки на востокъ уже приближалось. Такъ какъ мы находились уже близко къ Коріетенѣ, то я и предложилъ отправиться за шейкомъ Ибрагимомъ. Драйги съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе и далъ мнѣ большой конвой. Я не могу выразить радости, какую чувствовалъ при свиданіи съ Ласкарисомъ: онъ встрѣтилъ меня тоже съ чувствомъ дружбы, но я обнималъ его какъ отца — я не зналъ своего роднаго отца: онъ умеръ, когда я былъ еще ребенкомъ. Всю ночь я провелъ въ разсказахъ обо всемъ происшедшемъ.

На другой день, простившись съ шейкомъ Селимомъ и священникомъ Мусси, я увелъ шейка Ибрагима. Драйги принялъ его съ большимъ уваженіемъ; для насъ приготовили лучшее угощеніе—мясо верблюда, которое мнѣ показалось не столь дурнымъ, какъ въ первый разъ, потому-что я уже началъ привыкать къ пищѣ бедуиновъ. Верблюды, назначаемые въ пищу, бѣлы какъ снѣгъ; ихъ никогда не вьючатъ, не утомляютъ; мясо ихъ красное и очень жирно; самки ихъ даютъ очень много молока, бедуины его пьютъ безпрестанно и даютъ излишекъ своимъ лучшимъ

* Когда бедуинъ самъ отдаетъ своего коня непріятелю, то послѣдній не имѣетъ уже права убить его или взять въ плѣнъ.

** Родъ корзины изъ тростника.

лошадямъ. Мы нашли его лучше молока козьяго и овечьяго. Вскорѣ по пріѣздѣ Ласкариса напали на насъ Веггабиты, убили нѣсколькихъ воиновъ и увели много скота.

На другой день шейкъ Ибрагимъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Я доволенъ Драйги: это именно такой человѣкъ, какого мнѣ нужно; но необходимо, чтобъ онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ всѣхъ бедуиновъ отъ Алеппо до предѣловъ Индіи; вамъ предстоитъ устроить это дѣло дружбой, угрозой, коварствомъ ли, нужно только, чтобъ это исполнилось.—«Вы возлагаете на меня слишкомъ трудное порученіе, отвѣчалъ я. Каждое племя имѣетъ своего начальника, они враги зависимости и никогда неподчинятся чужому эмиру. Я боюсь, что взявшись за такое дѣло, не случилось бы съ нами чего непріятнаго».—Однакожъ это нужно непремѣнно, возразилъ Ласкарисъ, употребите всѣ свои способности, а безъ этого мы ничего недостигнемъ». Я долго придумывалъ средство, какъ начать это дѣло. Во-первыхъ нужно было внушить бедуинамъ высокое понятіе о шейкѣ Ибрагимѣ, а какъ они суевѣрны и легковѣрны до чрезвычайности, то для достиженія нашей цѣли мы приготовили химическіе опыты изъ фосфора и гремучаго порошка, надѣясь ихъ этимъ удивить. Вечеромъ, когда всѣ старшины племени собрались подъ шатромъ Драйги, шейкъ Ибрагимъ съ величественнымъ видомъ и чрезвычайнымъ проворствомъ приступилъ къ дѣлу — это такъ поразило ихъ, что они онѣмѣли отъ удивленія. Съ этой минуты онъ былъ для нихъ колдунъ, магикъ.

На другой день Драйги позвалъ меня и сказалъ: «О Абдалахъ! вашъ наставникъ великій магикъ.» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, то что вы видѣли вчера, ничего незначитъ въ сравненіи съ могуществомъ, какое онъ пріобрѣлъ своей глубокой ученостью; онъ единственный человѣкъ въ этомъ вѣкѣ. Знайте, что если онъ захочетъ, то можетъ сдѣлать васъ царемъ всѣхъ бедуиновъ; онъ узналъ, что комета, недавно явившаяся, есть ваша звѣзда; она выше звѣзды прочихъ арабовъ, и если вы послѣдуете всѣмъ его совѣтамъ — все будетъ въ вашей власти.» Эта мысль ему чрезвычайно понравилась. Властолюбіе и жажда славы вдругъ пробудились въ душѣ его. И по странному случаю я угадалъ предметъ его суевѣрія, потому-что онъ воскликнулъ: «О Абдалла! я вижу, что ты говоришь правду, и что наставникъ твой мудрый человѣкъ; недавно я видѣлъ сонъ, будто бы огонь отдѣлившись отъ кометы, упалъ на мой шатеръ и уничтожилъ его, а я взялъ этотъ огонь въ руку, и онъ не ожегъ меня. Эта комета должна быть дѣйствительно моя звѣзда». Тогда онъ позвалъ свою жену и велѣлъ ей снова передать мнѣ этотъ сонъ, такъ какъ онъ разсказывалъ ей при

своемъ пробужденіи. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобъ еще болѣе утвердить вліяніе шейка Ибрагима, и Драйги обѣщалъ мнѣ всегда слѣдовать всѣмъ его совѣтамъ. Ласкарисъ, восхищенный такимъ счастливымъ началомъ, выбралъ самый лучшій подарокъ изъ своихъ товаровъ и предложилъ Драйги, тотъ принялъ его съ великимъ удовольствіемъ; онъ могъ изъ этого заключить, что мы не обманываемъ его хитростью для нашего обогащенія.

Съ этого времени онъ пригласилъ насъ обѣдать вмѣстѣ съ его женой и невѣстками въ среднемъ (внутреннемъ отдѣленіи), а прежде мы ѣли въ Рабгѣ съ прочими иностранцами. Жена его, Сюгара, происходила изъ хорошей фамиліи; она сестра министра эбнъ-Сигуда, и по своему значенію и великодушію пользуется общимъ уваженіемъ Въ то время какъ мы основывали свое вліяніе на Драйги, незамѣтный врагъ работалъ втайнѣ, стараясь разрушить наши надежды и погубить насъ. Въ каждомъ племени есть разнощикъ, продающій женщинамъ товары, которые покупаетъ въ Дамаскѣ. Въ этомъ племени былъ разнощикъ Абзи; онъ занималъ сверхъ того мѣсто писца у Драйги, но со времени нашего пріѣзда, лишился своей должности и торгъ его упалъ. Конечно, онъ возненавидѣлъ насъ, и всевозможными средствами старался оклеветать предъ бедуинами, начиная съ женщинъ, которыхъ онъ увѣрилъ, что мы магики и хотимъ увезти ихъ дѣвушекъ въ далекую страну и заколдовать женщинъ, чтобъ онѣ не имѣли болѣе дѣтей; поэтому родъ бедуиновъ долженъ кончиться, и побѣдоносные Франки прійдутъ и завладѣютъ этою страной. Вскорѣ мы увидѣли слѣдствія этой клеветы, не зная ихъ причины. Дѣвушки убѣгали при нашемъ приближеніи, женщины говорили намъ дерзости; старухи даже начали угрожать намъ. У этого необразованнаго, легковѣрнаго народа, гдѣ женщины имѣютъ большое значеніе, гибель наша могла быть неминуема.

Наконецъ мы открыли интриги Абзи и увѣдомили объ этомъ Драйги, который тотчасъ же хотѣлъ умертвить его. Намъ большаго труда стоило упросить, чтобъ онъ только выслалъ его изъ племени; это значило дать ему случай больше вредить намъ. Одно селеніе, называемое Магаданъ, платившее прежде дань Меганнѣ, присоединилось къ побѣдителю его Драйги. Онъ послалъ туда взять тысячу піастровъ, которые жители должны ему были вносить какъ подать, но они обидѣли посланнаго отъ эмира по внушенію Абзи. Тотъ въ отмщеніе угналъ ихъ стада. Абзи убѣдилъ старшинъ селенія итти съ нимъ въ Дамаскъ и объявить Капуджи-Баши, что два французскіе шпіона завладѣли довѣренностью Драйги, заставляя его дѣлать разныя несправедливости и

стараются отклонить бедуиновъ отъ союза съ турками. Этотъ доносъ переданъ былъ визирю Солиману-пашѣ, который послалъ шокредара (турецкаго чиновника) къ Драйги съ письмомъ, исполненнымъ угрозъ и оканчивающимся новелѣніемъ выдать двухъ невѣрныхъ этому чиновнику, который долженъ заковать ихъ и отвести въ Дамаскъ, гдѣ публичное наказаніе ихъ будетъ служить примѣромъ прочимъ. Драйги, взбѣшенный этимъ гордымъ письмомъ, хотѣлъ казнить мусульманскаго чиновника.

Я отвелъ тогда въ сторону Драйги, прося его успокоиться и поручить мнѣ окончить это дѣло. Я зналъ, что Ласкарисъ былъ въ дружбѣ съ Солиманомъ Пашею, и что письмо отъ него могло имѣть такое дѣйствіе, какого Драйги и не ожидалъ. Когда Ласкарисъ былъ съ французской экспедиціей въ Египтѣ, то женился тамъ на грузинкѣ, родственницѣ Солимана-Паши. Пріѣхавши въ Акру, она объявила объ этомъ родствѣ съ пашею, тотъ очень ласково обошелся съ нею и сдѣлалъ ей съ мужемъ много подарковъ. Ласкарисъ написалъ къ Солиману-пашѣ, что мнимые шпіоны были не кто иные, какъ онъ и драгоманъ его Фаталла Сегиръ. Шокредаръ, трепетавшій за жизнь свою, поспѣшилъ доставить это письмо въ Дамаскъ, и на третій день возвратился съ самымъ вѣжливымъ письмомъ къ шейку Ибрагиму и съ другимъ къ Драйги. Вотъ содержаніе послѣдняго.

Послѣ многихъ любезностей эмиру, онъ прибавляетъ: «Мы получили письмо отъ любезнаго друга нашего шейка Ибрагима, который уничтожилъ клеветы враговъ вашихъ и прекрасно относится объ васъ. Намъ извѣстенъ вашъ высокій умъ. Съ этого времени, мы уполномочиваемъ васъ управлять въ вашей степи, по своей доброй волѣ. Въ насъ вы увидите только своихъ друзей. Мы считаемъ васъ выше равныхъ вамъ, и рекомендуемъ вамъ возлюбленныхъ нашихъ шейка Ибрагима и Абдаллу. Если они останутся довольны вами, это увеличитъ нашу дружбу къ вамъ и проч.» Драйги и прочіе старшины были удивлены сильнымъ вліяніемъ шейка Ибрагима надъ пашею. Это обстоятельство заставило ихъ уважать насъ, какъ нельзя болѣе.

Я говорилъ уже, что Драйги былъ прозванъ истребителемъ турокъ. Я спрашивалъ о происхожденіи этого эпитета, и вотъ что разсказалъ мнѣ шейкъ Абдалла: Однажды Драйги ограбилъ караванъ, шедшій изъ Дамаска въ Багдадъ; паша ужасно былъ этимъ взбѣшенъ, но не смѣя отмстить явно, употребилъ хитрость по обыкновенію турокъ. Онъ различными обѣщаніями заманилъ Драйги въ Багдадъ. Откровенный и простодушный Драйги, не подозрѣвая никакой измѣны, отправился къ пашѣ съ обыкновенною своею свитой изъ десяти человѣкъ, и тотчасъ былъ схваченъ, связанъ и брошенъ въ темницу. Ему угро-

жали отрубить голову, если онъ недоставитъ за выкупъ свой тысячу мѣшковъ (милліонъ піастровъ), пять тысячъ барановъ, двадцать кобылъ (породы кагиллянъ) и двадцать дромадеровъ. Драйги оставилъ сына своего заложникомъ и сталъ собирать этотъ огромный выкупъ. Отдавши его туркамъ, онъ только и думалъ какъ бы отмстить имъ. Караваны и деревни были разграблены, вскорѣ осадили Багдадъ. Паша, собравъ свои войска, вышелъ съ арміей изъ тридцати тысячъ человѣкъ и нѣсколькими пушками и вступилъ въ бой съ Драйги, который будучи подкрѣпленъ союзными племенами, бился съ нимъ цѣлые три дня, но видя, что не можетъ одержать рѣшительной побѣды, тихонько ночью отступилъ, и обошедъ армію паши, остановился между ею и Багдадомъ, и вдругъ неожиданно атаковалъ ее въ одно время съ разныхъ сторонъ. Захваченный въ расплохъ ночью съ той стороны, которая была безъ защиты, непріятель пришелъ въ смятеніе и безпорядокъ. Ужасъ овладѣлъ турками. Драйги завязалъ страшную сѣчу и остался побѣдителемъ съ огромною добычей. Паша одинъ едва успѣлъ спастись и заперся въ Багдадѣ. Этотъ подвигъ распространилъ такой ужасъ между жителями, что даже послѣ мира имя его было предметомъ страха для нихъ. Абдала разсказалъ мнѣ еще о многихъ военныхъ дѣйствіяхъ Драйги и заключилъ тѣмъ, что онъ любитъ препятствія и трудности и хотѣлъ бы подчинить всѣхъ бедуиновъ своей власти.

Это были именно тѣ качества, какія желалъ въ немъ найти шейкъ Ибрагимъ, и теперь онъ все болѣе и болѣе думалъ объ исполненіи своего плана—сдѣлать Драйги начальникомъ всѣхъ племенъ. Но Веггабиты были для него опасные соперники: они вскорѣ напали на Вульдъ-Али и разсѣялись по всей степи, чтобъ принудить всѣхъ бедуиновъ платить имъ дань. Испуганные приближеніемъ этихъ ужасныхъ воиновъ, многіе племена спѣшили подчиниться имъ. Тогда шейкъ Ибрагимъ убѣдилъ Драйги итти въ походъ противъ нихъ и объявить себя покровителемъ угнѣтенныхъ, чего требовалъ, по его мнѣнію, долгъ чести. Ободренные его примѣромъ, всѣ племена, исключая Эль-Гассне и Бен-Закреръ соединились съ нимъ на возстаніе противъ Веггабитовъ. Драйги выступилъ съ своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ пяти тысячъ всадниковъ и двухъ тысячъ деллямардуфовъ; десять дней мы не получали отъ него никакого извѣстія.

Безпокойство овладѣло нашимъ племенемъ; мы видѣли уже признаки сильнаго неудовольствія противъ насъ, потому что эта опасная экспедиція предпринята была по нашему убѣжденію, и за это вѣрно бы мы поплатились жизнью, еслибъ еще продлилась неизвѣстность. На одиннадцатый день въ полдень прискакалъ всадникъ во весь опоръ, махая

своимъ бѣлымъ поясомъ, привязаннымъ къ концу копья и крича: «Богъ намъ даровалъ побѣду!» Шейкъ Ибрагимъ сдѣлалъ великолѣпный подарокъ привезшему это радостное извѣстіе, которое избавило все племя отъ мучительной неизвѣстности, а насъ отъ страшной опасности. Всѣ женщины послѣдовали его примѣру, смотря по своему состоянію, и послѣ предались шумной веселости. Крики и пляски вокругъ зажженныхъ огней по всей степи, зарѣзанная скотина, приготовленная для угощенія къ приходу воиновъ, все привело станъ въ необычайное движеніе, и вся эта тревога, поднятая женщинами, представляла необыкновенно оригинальный видъ. Вечеромъ всѣ вышли навстрѣчу побѣдительному войску, и вдали виднѣлась уже пыль отъ него. Какъ только они встрѣтились съ нами, крики удвоились; начались различныя игры; борьба двухъ всадниковъ, скачка въ запуски, выстрѣлы и всевозможныя изъявленія радости провожали ихъ до самаго стана. Послѣ ужина мы просили воиновъ разсказать о подвигахъ ихъ. Предводитель веггабитовъ былъ страшный, полудикій негръ, имя его Абу-Нокта. Когда онъ готовился къ битвѣ, то снимая свою чалму и сапоги, засучивалъ рукава до самыхъ плечъ, оставаясь почти нагимъ. Толщина его тѣла и крѣпость мускуловъ удивительны; голова его и подбородокъ никогда небритые, осѣнены черными волосами и бородой, закрывающими почти все лице; глаза его блестятъ изъ-подъ этого покрова, и все его косматое тѣло представляетъ страшный, ужасающій видъ. Драги засталъ враговъ въ трехъ дняхъ пути отъ Пальмиры.

Битва началась съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, и кончилась бѣгствомъ Абу-Нокты, который удалился въ страну Неджде, оставя на полѣ сраженія до двухъ-сотъ убитыхъ. Драйги, между добычей нашелъ все отнятое у племени Вульдъ-Али и возвратилъ все этому племени. Такимъ благороднымъ поступкомъ онъ еще болѣе пріобрѣлъ уваженіе прочихъ племенъ, которые каждый день приходили просить его покровительства. Слухъ о побѣдѣ, одержанной надъ грознымъ Абу-Нокта, распространился повсюду. Солиманъ-паша послалъ побѣдителю почетную шубу и дорогую саблю, приказавъ поздравить его съ побѣдой. Вскорѣ послѣ этого происшествія, мы перекочевали на границу Хорана. Однажды пріѣхалъ къ Драйги турецкій мулла. На немъ была большая зеленая чалма, отличительный знакъ потомковъ Магомета, и бѣлая длинная одежда. Глаза его были обведены черною краской, и огромная борода тоже подчернена. Множество четокъ было у него, и за поясомъ заткнута чернильница въ видѣ кинжала. Ѣхалъ онъ на ослѣ, держа въ рукѣ стрѣлу. Цѣль его пріѣзда была обратить къ фанатизму бедуиновъ, сдѣлать ихъ ревностными приверженцами религіи Магомета и тѣмъ связать ихъ съ интересами турковъ.

Бедуины отличаются рѣдкою простотой характера и замѣчательною откровенностью. Они не понимаютъ никакой разницы въ религіяхъ и не охотно слушаютъ разговоры объ этомъ. Они деисты и призываютъ на помощь Бога во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; ему приписываютъ свои неудачи и успѣхи; переносятъ все съ глубокою покорностью, но не имѣютъ никакихъ обрядовъ богослуженія и не принадлежатъ ни къ одной изъ двухъ сектъ Омара и Али, раздѣляющихъ жителей Востока. Они никогда не спрашивали насъ, къ какой религіи принадлежимъ мы, и когда мы сказали имъ, что мы христіане, они отвѣчали на это: «Всѣ люди созданы Богомъ и равны передъ нимъ; не должно узнавать о вѣроисповѣданіи другихъ. Эта скромность съ ихъ стороны болѣе согласовалась съ нашими планами, чѣмъ фанатизмъ турокъ. Не знаю безпокоилъ ли шейка Ибрагима пріѣздъ муллы, только онъ пошелъ тотчасъ же въ палатку къ Драйги, и засталъ разговоръ, или скорѣе проповѣдь, которую начальники слушали съ видомъ неудовольствія. Когда, при нашемъ входѣ, они встали, мулла спросилъ, кто мы такіе, и узнавъ, что мы христіане, сказалъ:

— Законъ пророка запрещаетъ вставать передъ невѣрными; вы всѣ будете прокляты за сношенія ваши съ ними; жены и дѣти ваши будутъ незаконными,—такова воля Магомета, котораго имя будетъ почитаемо во вѣки.

Драйги не дослушалъ конца его рѣчи, въ бѣшенствѣ вскочилъ, схватилъ его за бороду, повалилъ на полъ и вынулъ свою шпагу; шейкъ Ибрагимъ бросился къ нему и удержалъ его руку, умоляя его остановиться. Наконецъ эмиръ соглашается обрѣзать ему бороду, вмѣсто головы, и позорно выгоняетъ его вонъ. Потомъ Драйги напалъ на племя Бени-Закреръ, которое одно во всей странѣ еще сопротивлялось ему, и разбилъ его совершенно. Между тѣмъ осень наступила, и мы стали подвигаться къ востоку. При нашемъ приближеніи къ Гому, правитель его прислалъ Драйги сорокъ верблюдовъ, навьюченныхъ хлѣбомъ, десять машлаховъ и одну почетную шубу. Шейкъ Ибрагимъ, отведя меня въ сторону, сказалъ: «Мы идемъ теперь въ степь, а товары наши истощились, что должно дѣлать?» — «Приказывайте, отвѣчалъ я. Тайно отправлюсь я въ Алеппо достать то, чего нужно, и обѣщаю вамъ даже не показываться своему семейству». Я далъ ему слово возвратиться къ племени въ Зурѣ и отправился тотчасъ же въ Алеппо, гдѣ остановился въ рѣдко посѣщаемомъ ханѣ и отдаленномъ отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, и послалъ къ кореспонденту Ласкариса за пятью стами талеровъ. Впрочемъ это была излишняя предосторожность: съ моей

длинной бородой, моимъ костюмомъ и произношеніемъ бедуиновъ, я нисколько не рисковалъ быть узнаннымъ, въ чемъ и убѣдился послѣ.

На базарѣ, закупая товары, я встрѣтилъ многихъ изъ своихъ пріятелей и нарочно обходился съ ними грубо. Но послѣ этихъ минутъ беззаботной веселости, наставали болѣе тяжкія. Я безпрестанно проходилъ мимо своего дома, надѣясь увидѣть брата или мою бѣдную мать. Желаніе видѣть послѣднюю было такъ велико, что я разъ двадцать хотѣлъ измѣнить своему слову; но увѣренный, что она не позволитъ мнѣ уже возвратиться къ Ласкарису, я снова ободрился и черезъ шесть дней долженъ былъ оставить Алеппо, не получивъ никакого извѣстія о моихъ родныхъ. Я настигъ племя на берегу Евфрата, напротивъ Деваль Кагара, гдѣ до сихъ поръ еще стоятъ красивыя развалины древняго города. Бедуины, до переправы черезъ эту рѣку вымѣнивали скотъ на разные товары, привезенные алепскими разносчиками. Вообще они не имѣютъ никакого понятія о счетной цѣнѣ монеты и не берутъ въ уплату золота, не зная другой монеты кромѣ серебрянаго талера. Они предпочитаютъ лучше переплатить или не все получить, нежели вести дробный счетъ. Купцы, знающіе эту слабую сторону ихъ, искусно ею пользуются.

Исключая товаровъ, вымѣненныхъ на скотъ, бедуины пріобрѣли за скотъ еще около двадцати пяти тысячъ талеровъ, и каждый изъ нихъ положилъ свои деньги въ мѣшокъ съ мукой, чтобъ они не звенѣли, когда будутъ навьючиваться или разъвьючиваться. Печальное происшествіе случилось во время переправы черезъ Евфратъ. Одна женщина съ двумя дѣтьми, сидѣвшая на верблюдѣ, унесена была теченіемъ воды и не было никакой возможности помочь ей. Мы нашли Месопотамію, занятую племенами Бассора и Багдада. Начальники ихъ каждый день приходили къ Драйги поздравлять его съ побѣдой и познакомиться съ нами, потому-что слухъ о шейкѣ Ибрагимѣ достигъ и сюда. Они были довольны имъ за совѣтъ его начать войну противъ Веггабитовъ, которыхъ жадность и лихоимство были имъ нестерпимы. Эмиръ ихъ Эбнъ-Сигудъ имѣлъ обыкновеніе посылать мезакіевъ считать стадо каждаго бедуина и брать десятую скотину, выбирая, конечно, самую лучшую; послѣ того онъ заставлялъ обыскивать шатры, начиная съ шейка до послѣдняго бѣдняка, нѣтъ ли гдѣ у нихъ спрятанныхъ денегъ, отъ которыхъ онъ тоже требовалъ десятину. Онъ былъ особенно ненавистенъ бедуинамъ за то, что былъ чрезмѣрный финатикъ и требовалъ, чтобъ совершали омовенія и молились пять разъ въ день, а тѣхъ, кто не исполнялъ этого, наказывалъ смертью. Когда онъ принуждалъ какое либо

племя воевать за его интересъ, то не раздѣлялъ съ нимъ ни добычи, ни потери, оставляя своихъ союзниковъ только оплакивать убитыхъ.

Такимъ-образомъ мало по малу бедуины подпали власти Веггабитовъ, не имѣя начальника, способнаго противостать Эбнъ-Сигуду. Мы расположились въ урочищѣ, называемомъ Ненъ-эль-Разъ, въ трехъ дняхъ пути отъ Евфрата. Тамъ эмиръ Фаресъ-эль-Гарба, начальникъ племени эль-Гарба во владѣніяхъ Бассора пришелъ заключить союзъ наступательный и оборонительный съ Драйги. Когда ихъ начальники хотятъ разсуждать о какомъ либо важномъ дѣлѣ, то для этого выходятъ изъ своего стана и совѣщаются въ отдаленіи, это называется дахра (тайное собраніе). Шейкъ Ибрагимъ, призванный на дахру, показалъ недовѣрчивость къ Фаресу, опасаясь не шпіонъ ли онъ Веггабитовъ. Но Драйги ему сказалъ: вы судите о бедуинахъ, какъ о туркахъ, знайте что характеры обоихъ народовъ совершенно противоположны. Измѣна неизвѣстна между нами.

Послѣ этого всѣ присутствовавшіе на совѣщаніи шейки заключили союзъ между собою. Пользуясь такимъ расположеніемъ умовъ, шейкъ Ибрагимъ предложилъ имъ заключить письменный договоръ, который должны они подписать и приложить свои печати, по порядку каждый изъ желающихъ возстать противъ Эбнъ-Сигуда. Это былъ уже военный шагъ для видовъ шейка Ибрагима, и я написалъ договоръ въ слѣдующихъ словахъ: «Во имя милосердаго Бога, который поможетъ намъ побѣдить измѣнниковъ. Мы благословляемъ за Его благодѣянія и благодаримъ, что Онъ насъ научилъ различать добро отъ зла, любить независимость; мы знаемъ, что Богъ всемогущъ и единъ. Объявляемъ, что мы соединились по собственной волѣ и безъ всякаго принужденія; что мы всѣ здоровы и тѣломъ и душею, и единодушно согласились слѣдовать совѣтамъ Шейка Ибрагима и Абдаллы Эль-Кратиба для нашего благоденствія и славы. Статьи нашего договора слѣдующія:

1. Отдѣлиться отъ турокъ.
2. Воевать на смерть съ Веггабитами.
3. Никогда не говорить о религіи.
4. Повиноваться приказаніямъ, которые даны будутъ братомъ нашимъ, великимъ Драйги Эбнъ-Шалляномъ.
5. Каждый шейкъ обязывается отвѣчать за свое племя и втайнѣ хранить этотъ договоръ.
6. Соединиться противъ племенъ, которыя его не подпишутъ.
7. Итти на помощь тѣмъ, которые подпишутъ настоящій договоръ и соединиться противъ ихъ непріятеля.
8. Наказывать смертью тѣхъ, кто нарушитъ союзъ.

9. Не слушать никакой клеветы противъ шейка Ибрагима и Абдаллы.

«Мы нижеподписавшіеся, согласны со всѣми статьями договора и будемъ исполнять его именемъ Магомета и Алія, которыхъ призываемъ во свидѣтельство, что мы рѣшились жить и умереть въ этомъ святомъ союзѣ».

(Выставлено число, подписаны и приложены печати).

Это было совершено 12-го ноября 1811 года. Всѣ присутствующіе одобрили и подписали договоръ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, кочуя, въ обширной и прекрасной равнинѣ Эль-Рони, Драйги послалъ гонцевъ ко всѣмъ племенамъ, приглашая ихъ подписать этотъ договоръ. Многіе начальники пришли и приложили свои печати, неимѣвшіе же ихъ сдѣлали знакъ пальцемъ. Между этими начальниками, я увидѣлъ молодаго человѣка пятнадцати лѣтъ, управляющаго своимъ племенемъ Эль-Олляма. Бедуины этого племени образованнѣе прочихъ, занимаются поэзіей, имѣютъ различныя познанія и вообще очень краснорѣчивы. Этотъ молодой начальникъ разсказалъ намъ о происхожденіи своего племени.

Одинъ Багдадскій бедуинъ славился своимъ проницательнымъ умомъ. Однажды пришелъ къ нему какой-то человѣкъ и просилъ его совѣта въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: «У меня пропала жена, и вотъ уже четвертыя сутки я искалъ ее напрасно; трое дѣтей моихъ теперь въ слезахъ, я въ отчаяніи, помогите мнѣ!» Аліаони утѣшаетъ этого несчастнаго, уговаривая его остаться при дѣтяхъ и обѣщаетъ ему искать его жену и возвратить ее живую или мертвую. Собравъ всѣ свѣдѣнія, онъ узнаетъ, что жена этого человѣка замѣчательной красоты; у самаго же Аліаони былъ сынъ очень распутный, пропадавшій уже нѣсколько дней. Подозрѣніе какъ молнія освѣщаетъ его мысли; онъ тотчасъ садится на дромадера и ѣдетъ въ степь. Вдали онъ видитъ слетѣвшихся орловъ, спѣшитъ туда, и у входа въ пещеру видитъ трупъ женщины. Разсматривая мѣстность, онъ замѣчаетъ слѣды верблюда и находитъ подъ ногами своими часть прибора къ сумкѣ; онъ беретъ это нѣмое свидѣтельство и ѣдетъ обратнымъ путемъ. Пріѣхавъ въ свой шатеръ, онъ встрѣчаетъ возвратившагося сына; къ его разорванной сумкѣ недостаетъ роковаго прибора. Упреки отца заставляютъ признаться молодаго человѣка въ его преступленіи. Аліаони отрубаетъ голову своему сыну, посылаетъ за несчастнымъ мужемъ и говоритъ ему: «Это мой сынъ убилъ твою жену; я наказалъ его; ты отмщенъ; у меня есть дочь, я отдаю ее за тебя. Этотъ поступокъ варварскаго правосудія еще болѣе увеличилъ извѣстность Аліаони: онъ выбранъ былъ в

начальникомъ своего племени, и отъ его имени произошло названіе Эль-Алляма, (что значитъ свѣдущій) оправдываемое племенемъ до сихъ поръ.

По мѣрѣ нашего приближенія къ Багдаду, договоръ нашъ съ каждымъ днемъ умножался подписями. Оставя Эль-Рани мы прикочевали къ Энъ-эль-Уссаду, близъ рѣки Эль-Кобура. Во время нашего пребыванія въ этомъ мѣстѣ, гонецъ, посланный отъ Драйги къ шейку Джіодалю, начальнику племени Эль-Віоальди, былъ имъ очень дурно принятъ, и возвратившись оттуда, передалъ Драйги оскорбительный отвѣтъ его. Сыновья Драйги хотѣли тотчасъ отмстить, но шейкъ Ибрагимъ воспротивился тому, представляя имъ, что время начать войну всегда будетъ, а должно прежде испытать убѣжденія. Я предложилъ эмиру съѣздить мнѣ самому къ Джіодалю и объяснить ему, въ чемъ дѣло. Сначала онъ отказалъ, говоря: зачѣмъ вамъ трудиться ѣхать къ нему, пусть онъ самъ пріѣдетъ, или моя сабля заставитъ его сдѣлать это. Но наконецъ онъ уступилъ моимъ доводамъ, и я отправился въ сопровожденіи двухъ бедуиновъ. Джіодаль принялъ меня съ гнѣвомъ, и когда узналъ, кто я таковъ, то сказалъ мнѣ: «Еслибъ ты встрѣтился мнѣ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ моемъ домѣ, то не сталъ бы уже ѣсть болѣе хлѣба; благодари обычаи наши, запрещающіе убить тебя здѣсь».—Слова не убиваютъ, тебя отвѣчалъ я. Я вамъ другъ, желаю только вамъ добра и пришелъ поговорить съ вами въ тайнѣ. Если то, что я сообщу вамъ, не удовлетворитъ васъ, то я возвращусь своею дорогой». Видя меня совершенно спокойнымъ, онъ всталъ, позвалъ своего старшаго сына и повелъ меня изъ стана. Мы сѣли на землю въ кружокъ, и я началъ такъ:

— Что предпочитаете вы,—согласіе или раздоръ?

— Конечно согласіе!

— Величіе или униженіе? — Величіе!

— Бѣдность или богатство? — Богатство!

— Потерю или побѣду? — Побѣду!

— Добро или зло? — Добро!

«Всѣ эти выгоды мы хотимъ вамъ доставить; хотимъ освободить васъ отъ Веггабитовъ и турокъ, и соединившись всѣ вмѣстѣ, сдѣлаться сильными. Почему вы отказываетесь отъ этого?» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Все, что вы говорите, можетъ быть правдоподобно; но мы никогда небудемъ такъ сильны, чтобъ противостать Эбнъ-Сигуду».—Эбнъ-Сигудъ такой же человѣкъ какъ вы. Не множество, но разумъ даетъ превосходство; не сабля отрубаетъ голову, но власть, которая ею управляетъ.

Разговоръ нашъ долго тянулся еще, но я наконецъ убѣдилъ его

ѣхать со мною къ Драйги, который остался доволенъ слѣдствіемъ моихъ переговоровъ.

Послѣ того мы перекочевали къ горамъ Санжіара. Главное племя этой страны, управляемое Гамудомъ эль-Тамеромъ, обитаетъ близъ рѣки Сажіуры и не кочуетъ какъ другія племена. Гаммудъ долго отказывался вступить въ нашъ союзъ, я имѣлъ продолжительную переписку съ нимъ по этому предмету, и наконецъ убѣдилъ его присоединиться къ намъ. Поэтому случаю дѣланы были различныя увеселенія и праздники съ обѣихъ сторонъ. Гаммудъ пригласилъ Драйги къ себѣ и угостилъ его великолѣпно. Пять верблюдовъ и тридцать барановъ зарѣзаны были для этого обѣда, приготовленнаго на травѣ внѣ шатровъ. Вылуженныя мѣдныя блюда казались серебряными, и каждое изъ нихъ, наполненное цѣлою горой риса въ шесть футовъ вышины съ положеннымъ сверху цѣлымъ бараномъ или четвертью верблюда, несли по четыре человѣка. Въ другихъ меньшихъ блюдахъ была жареная баранина или верблюжьи ляжки. Безчисленное множество маленькихъ блюдъ, наполненныхъ финиками и другими сухими плодами, занимали промежутки. Хлѣбъ у нихъ превосходный, они получаютъ его изъ Діабекиры, а рисъ изъ Маргаша и Маллатіи. Кругъ пирующихъ былъ такъ великъ, что мы не могли даже различать сидящихъ противъ насъ. Бедуины этого племени одѣваются богаче прочихъ; женщины ихъ очень хороши собою, носятъ шелковыя платья, множество браслетъ, серьги золотыя или серебряныя и золотое кольцо въ ноздрѣ. Черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ въ празднествахъ, мы опять пустились въ дорогу и пришли къ рѣкѣ или скорѣе рукаву Евфрата, соединяющемуся съ Тигромъ.

Въ этомъ мѣстѣ встрѣтилъ насъ гонецъ, проѣхавшій на дромадерѣ въ пять сутокъ такое пространство, какое бы нужно каравану пройти тридцать дней. Онъ посланъ былъ отъ союзнаго шейка, увѣдомить Драйги о бѣшенствѣ Эбнъ-Сигуда на его предпріятія и союзъ, составленный противъ него. Шейкъ сомнѣвался, что Драйги въ состояніи будетъ противиться этой грозѣ, и сильно убѣждалъ его заключить миръ съ Веггабитами. Я написалъ отвѣтъ ему отъ имени Драйги, что онъ боится Эбнъ-Сигуда неболѣе зерна горчичнаго, и возлагаетъ всю свою надежду на Бога, который одинъ даруетъ побѣду. Послѣ того я прибавилъ, что армія турецкаго султана подкрѣпитъ Драйги, который болѣе всего старается открыть дорогу караванамъ и освободить Мекку отъ власти Веггабитовъ.

На другой день мы переправились черезъ большой рукавъ рѣки въ баркахъ и расположились по другой сторонѣ, въ сосѣдствѣ племени Эль

Шерарахъ, извѣстнаго своею храбростью также какъ невѣжествомъ и упрямствомъ. Мы предвидѣли большую трудность склонить его на свою сторону не только по его грубости, но и по дружбѣ его начальника Абедда съ Абдолой, первымъ министромъ короля Эбнъ-Сигуда. И дѣйствительно, онъ отказался вступить въ союзъ; въ такихъ обстоятельствахъ Драйги считалъ всякіе переговоры безполезными, говоря, что сабля все разрѣшитъ.

На другой день Захеръ съ пятью стами всадниковъ пошелъ на Абедда. Черезъ три дня онъ возвратился со ста семидесятью верблюдами и двумя кобылами дорогой цѣны. Убитыхъ было только девять человѣкъ, а раненыхъ много съ обѣихъ сторонъ. При этомъ случаѣ я былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго способа леченія. Одного молодаго человѣка, родственника Захера, принесли съ разсѣченною головой. Семь сабельныхъ ударовъ было на его тѣлѣ, и кромѣ того онъ былъ проколотъ въ бокъ копьемъ насквозь, которое и оставалось въ ранѣ. Прежде всего принялись вынимать копье, и оно вышло съ противоположной стороны; во время операціи больной обратился ко мнѣ и сказалъ: «Не безпокойтесь обо мнѣ Абдалла, я не умру», и протянувъ мнѣ руку, взялъ мою трубку и началъ курить, какъ будто девять глубокихъ ранъ его не безпокоили нисколько. Къ концу двадцати дней онъ выздоровѣлъ совершенно и снова ѣздилъ верхомъ какъ прежде. Въ эти дни его поили только верблюжьимъ молокомъ, смѣшаннымъ съ свѣжимъ масломъ, а кормили финиками, приготовленными тоже съ свѣжимъ масломъ. Три дня ему обмывали раны верблюжьею уриной. Война съ каждымъ днемъ становилась серьознѣе. Абеддъ собралъ всѣхъ своихъ союзниковъ и хотѣлъ окружить насъ, поэтому мы должны были перекочевать къ пескамъ, совершенно безводнымъ. Женщины ѣздили на верблюдахъ съ мѣхами за водой къ самой рѣкѣ, а воды много нужно было, чтобъ напоить стада, и трудъ этотъ былъ очень тягостенъ. Черезъ три дня прибѣжали испуганные пастухи съ извѣстіемъ, что восемьсотъ верблюдовъ, въ то время какъ ихъ вели на водопой, захвачены воинами Абедда. Въ отмщеніе за то Драйги приказалъ собраться войску и итти скорѣе на племя Эль-Шерарахъ, рѣшившись напасть на него всѣми соединенными силами. Мы шли день и ночь, не останавливаясь, и раскинули десять тысячъ шатровъ въ полъ-мили отъ кочевья Абедда. Общая рѣшительная битва была неизбѣжна. Я поспѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы устранить ее.

Бедуины очень уважаютъ женщинъ и совѣтуются съ ними во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Между племенемъ Эль-Шерарахъ вліяніе ихъ еще сильнѣе; тамъ дѣлами управляютъ именно женщины, и онѣ вообще

умнѣе своихъ мужей. Аркіе, жена Абедда, славилась особенно своимъ умомъ. Я рѣшился итти къ ней и отнести въ подарокъ серьги, браслеты, ожерелье и другія мелочи, и этимъ хотѣлъ склонить ее на нашу сторону. Собравши тайно свѣдѣнія, какъ лучше достигнуть своей цѣли, я пришелъ къ ней въ отсутствіе ея мужа, бывшаго въ то время на военномъ совѣтѣ у одного изъ своихъ союзниковъ. Комплиментами и подарками я довелъ ее до того, что она сама начала разговоръ о войнѣ и о настоящей причинѣ моего посѣщенія, въ чемъ впрочемъ я не сознавался, а объяснялъ ей выгоды союза съ Драйги только какъ будто для разговора. Я ей сказалъ, что цѣль моего посѣщенія была видѣть такую знаменитую женщину, которая управляетъ такими храбрыми воинами. Во время нашего разговора, мужъ ея возвратился и послалъ сказать Аркіе, чтобъ она выгнала шпіона, у нея находившагося, что только долгъ гостепріимства удерживаетъ его руку и запрещаетъ отмстить на порогѣ его шатра, въ который онъ невзойдетъ до тѣхъ поръ, пока измѣнникъ не выйдетъ.

Аркіе съ гордостью отвѣчала, что я ея гость, и она не хочетъ слушать приказаній. Я хотѣлъ встать и проститься, извиняясь, что причинилъ ей столько безпокойства, но она, вѣроятно, желая доказать мнѣ, что я не напрасно приписывалъ ей такое вліяніе, удержала меня и вышла поговорить съ мужемъ. Вскорѣ она возвратилась въ сопровожденіи Абедда, который обошелся со мною очень вѣжливо и просилъ объяснить ему намѣренія Драйги. Благодаря его женѣ, онъ сталъ ко мнѣ довѣрчивѣе, и къ концу дня убѣждалъ меня позволить ему ѣхать со мною къ Драйги, но я противился тому, говоря что не смѣю представить его прямо эмиру, потому-что тотъ сердитъ на него, а лучше объясню прежде причину его посѣщенія и пришлю вскорѣ отвѣтъ. Я съ такимъ же нетерпѣніемъ желалъ ввести его скорѣе въ союзъ, съ какимъ онъ хотѣлъ вступить въ него. По приглашенію Драйги, Абедъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней приложить свою печать къ договору и обмѣнять верблюдовъ, отнятыхъ другъ у друга во время войны. Окончивъ это трудное дѣло такимъ удовлетворительнымъ образомъ, мы оставили пески, чтобъ провести дней восемь въ урочищѣ, называемомъ Аттеріе, въ трехъ часахъ пути отъ Тигра, близъ развалинъ крѣпости Эль-Аттера, гдѣ находятся изобильныя пастбища.

КАКЪ ИНОГДА РАСХОДЯТСЯ СВАДЬБЫ.

(*Разсказъ*).

—

I.

Въ Р....комъ городскомъ саду гуляли двѣ дамы въ сопровожденіи старичка. Одна была красивая, но уже очень немолодая, одѣтая съ большою претензіею на красоту и молодость; каждый бантикъ, казалось, говорилъ—я еще дѣвица, я очень молода, полюбите меня.—Другая молоденькая, миленькая дѣвушка, была одѣта очень просто. Старичокъ напоминалъ ростомъ знаменитаго генерала Тома Пуса, сѣдой, красный съ бѣлымъ платочкомъ въ одной и съ табакеркой въ другой рукѣ. Онъ что-то любезно разсказывалъ молодой дѣвушкѣ, очень низко кланялся и пресладко улыбался. Красивая дама, повидимому, поддерживала его и точно также улыбалась; дѣвочка смѣялась и разсѣянно отвѣчала. Но на самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа старичка немолодая особа вдругъ прервала его.

— Марья Гавриловна! Марья Гавриловна! посмотрите.

Навстрѣчу къ нимъ шелъ молодой человѣкъ средняго роста.

— Это мой cousin Кронидовичъ, продолжала она, тотъ самый, о которомъ я говорила вамъ; будьте съ нимъ полюбезнѣе.

Но cousin уже раскланивался съ ними, и кузина, прервавъ свои наставленія, обратилась къ Кронидовичу.

— Cousin! Какъ я рада! вовсе неожидала увидѣть васъ здѣсь, а мы ужъ собрались домой; сегодня вечеромъ будутъ у насъ Егоръ Павловичъ и Гаврила Ивановичъ Алмазовъ, ихъ батюшка, прибавила она, указывая на Машеньку. Рекомендую, моя хорошая подруга, мой cousin Михаилъ Дмитріевичъ Кронидовичъ. Молодые люди молча поклонились.

— Какъ кстати! я надѣюсь, что и вы не откажетесь провести съ нами этотъ вечеръ? лепетала кузина.

Кузенъ не отвѣчалъ ни слова и пристально осматривалъ Машеньку, которой былъ очень непріятенъ подобный обзоръ; она съ досады дѣлала недовольную гримасу и кусала губы. Старичокъ клялся, что братецъ Михаилъ Дмитріевичъ надолго осчастливитъ его своимъ посѣщеніемъ и еще ниже кланялся.

Наконецъ кузенъ рѣшился отвѣчать: — Съ удовольствіемъ. И всѣ отправились.

— Конечно, меня сегодня звалъ Сергѣй Сергѣевичъ, но это какое-то особенное приглашеніе, и въ настоящемъ моемъ положеніи не надо ничего упускать изъ виду, думалъ Кронидовичъ, не обращая вниманія на старичка, съ которымъ шелъ рядомъ, прислушиваясь къ разговору кузины съ Машенькой.

Но опередимъ нашихъ героевъ и отправимся къ Аннѣ Степановнѣ и Павлу Степановичу, такъ звали прелестную кузину и старичка: это были братъ и сестра, по фамиліи Грибковы. Они жили вдвоемъ въ своемъ домѣ, доставшемся имъ чуть-ли не отъ прадѣда ихъ прабабушки. Никто изъ Р—скихъ старожиловъ не помнилъ года рожденія этого дома, низенькаго, сѣренькаго, наклонившагося на одну сторону, какъ бы просившагося на покой. Въ передней спалъ постоянно *мальчикъ*, и здоровый храпъ его приводилъ всегда въ отчаяніе Анну Степановну. Хотя этому мальчику было тридцать лѣтъ, но такъ звала его Анна Степановна и братецъ, по привычкѣ съ малолѣтства, и всѣ звали его также.

Въ залѣ окна были уставлены цвѣтами; въ простѣнкахъ за зеркальными рамами обыкновенно было воткнуто нѣсколько визитныхъ билетиковъ важныхъ особъ города Р. Говорятъ, что эти особы были у Грибковыхъ еще при жизни ихъ отца; но люди бываютъ часто такъ злы, что имъ нельзя вѣрить во всемъ. На одномъ столѣ лежала куча дѣловыхъ бумагъ: «Братецъ такъ занятъ» часто повторяла Анна Степановна, указывая на кипу бумагъ, и все это нужно окончить къ завтрему»... Случалось, что это завтра приходило черезъ недѣлю, но вѣрно отъ того, что у братца были другія дѣла. Въ гостиной, какъ почти

во всѣхъ гостиныхъ, въ глубинѣ комнаты стоялъ диванъ, кругомъ стѣны кресла; въ простѣнкѣ зеркало, за нимъ опять билетикъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника N. N. На подзеркальномъ столикѣ хрустальная вазочка и въ ней букетъ цвѣтовъ; передъ диваномъ круглый столъ, покрытый красною скатертью, на столѣ молочникъ съ цвѣтами и колокольчикъ. Напротивъ дивана картина, изображавшая Телемака; надъ нею портретъ Наполеона, который какъ-будто удивлялся зачѣмъ попалъ къ Грибковымъ, гдѣ иногда судили объ немъ такъ странно. На всѣхъ столахъ работы, никогда не оканчиваемыя Анною Степановною. Все носило на себѣ отпечатокъ тихаго счастія, — даже портретъ какихъ-то птицъ, изображенныхъ на подушкѣ дивана. На диванѣ этомъ можно было спать любому отшельнику, такъ крѣпко былъ набитъ онъ чѣмъ-то камнеподобнымъ. На его обтянутой скользкой кожѣ небыло возможности сидѣть. Далѣе... но далѣе даже и Машенька, несмотря на свою короткость съ Грибковыми, никогда не проникала. Поэтому и мы остановимся тутъ же.

Въ передней что-то застучало; это воротились съ прогулки Грибковы и съ ними нѣсколько человѣкъ гостей. Мальчикъ съ просонокъ бросался во всѣ стороны; напрасно Павелъ Степановичъ увѣщевалъ его словами: «Что вы-съ? Что вы-съ?» Не мѣшаетъ замѣтить, что братецъ былъ удивительно вѣжливъ и всѣмъ безъ исключенія говорилъ *вы*. Карточные столы были уже готовы; нѣсколько любителей поглядывали на нихъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ; но главныхъ гостей еще нѣтъ, а безъ нихъ не смѣютъ начинать игры. Эти важные гости были Гаврила Ивановичъ Алмазовъ и Егоръ Павловичъ Сивовъ. Анна Степановна начинала блѣднѣть и сгонять съ дивана свою любимую собачку. *Мальчикъ* успѣлъ уже нѣсколько разъ всхрапнуть, но ожидаемыхъ гостей все еще не было.

Наконецъ дверь изъ передней въ залу отворилась, Анна Степановна бросилась туда, и на этотъ разъ была очень счастлива: она встрѣтила Егора Павловича, который вошелъ съ ужаснымъ шумомъ и кашлемъ, обнимая всѣхъ. Анна Степановна называла его bel homme; высокій ростъ и полнота давали ему нѣкоторое право на это названіе. Онъ былъ не женатъ, имѣлъ состояніе, и это сильно привлекало Анну Степановну; а его ухаживанье подавало ей сильную надежду сдѣлаться госпожею Сивовой. Анна Степановна была не охотница до чужаго счастія; но въ настоящую минуту была такъ довольна собою, своимъ кавалеромъ, что и на нее начиналъ находить припадокъ доброты; ей захотѣлось, чтобъ и всѣ были влюблены, съ уговоромъ не кончать свадьбой прежде ея. Увидѣвъ вмѣстѣ Машеньку и Кронидовича, хозяйка на-

шла, что они созданы другъ для друга, и даже дала себѣ слово заставить ихъ полюбить другъ друга. Такова была натура Анны Степановны.

Она усадила Егора Павловича на самое покойное кресло, сама подавала ему чай и сигары; онъ отплачивалъ ей комплиментами. Они были вполнѣ счастливы, по-крайней-мѣрѣ, Анна Степановна; про чувства Егора Павловича трудно было сказать что-нибудь положительное.

— Представьте, я два раза обошелъ сегодня садъ, а васъ не встрѣтилъ, сказалъ онъ, потягиваясь въ креслахъ.

— Ахъ, Егоръ Павловичъ! мы очень долго гуляли, все ждали васъ. Я была такъ огорчена, что не имѣла удовольствія видѣть васъ въ саду. Вотъ М-г Кронидовичъ и Марья Гавриловна скажутъ вамъ тоже.

Въ эту минуту вошелъ еще высокій мужчина; Маша бросилась къ нему навстрѣчу, поцѣловала его и начала разсказывать о гуляньѣ. Это былъ ея отецъ. Алмазовъ раскланялся. Грибковъ усадилъ его.

— Гаврило Ивановичъ, сказалъ Егоръ Павловичъ, представьте! я вчера поставилъ восемь ремизу, а у меня былъ король, дама сама четвертъ червей, но впрочемъ я отыгрался, у меня были... и онъ, не слушая болѣе любезностей Анны Степановны, пустился въ повѣствованіе о своихъ карточныхъ похожденіяхъ. Братецъ подалъ имъ карты, всѣ усѣлись играть, Анна Степановна сѣла подлѣ нихъ, предоставляя Машѣ и Кронидовичу занимать другъ-друга. Надо отдать справедливость имъ или лучше сказать ей: она прекрасно исполняла свою обязанность, потому-что разсказывала о чемъ-то живо и быстро, онъ только слушалъ съ самымъ снисходительнымъ вниманіемъ, отвѣчая изрѣдка и возражая какъ-будто нарочно для того, чтобъ заставить ее высказываться.

— Вы не вѣрите, М-г Кронидовичъ! говорила Маша. Развѣ мы не весело жили. Послушайте, утромъ мы учились; у насъ былъ учитель нѣмецъ; бывало прійдешь къ нему въ классъ, спросишь: что нужно дѣлать Herr Hutt? Was sie wollen, и тутъ начинается смѣхъ, болтовня, а онъ только бѣдненькій: Das ist nicht gut. Подойдешь къ нему, возьмешь книгу и начнешь ему переводить исторію Генриха IV, за то онъ меня и любилъ, и портретъ мой нарисовалъ, и стихи нѣмецкіе сочинилъ. Послѣ бывалъ французскій классъ, а вечеромъ приходилъ музыкальный учитель. Мы переведемъ часы назадъ часомъ, да и посадимъ учителя играть кадрили и польки; только бѣда, если узнаетъ M-lle Melier, наша гувернантка—пойдетъ и все разскажетъ маменькѣ.

— А maman васъ и посадитъ на мѣста? со смѣхомъ спросилъ Михайло Дмитріевичъ.

— Ахъ, какъ можно, она была такая добрая, только не поцѣлуетъ прощаясь, и я проплачу часа два, а на другой день и не позволю перевести часы. Мнѣ было 14 лѣтъ; да развѣ такой ангелъ могъ наказывать? Бѣдная мамаша! Зачѣмъ ты умерла! Съ тѣхъ поръ я уже никогда не бываю такъ весела, какъ прежде.

При воспоминаніи о матери, Маша присмирѣла; она готова была заплакать, но въ залѣ послышался голосъ отца. Маша поспѣшно отерла глаза и улыбнулась.

— Какая же я скучная! Хочу и папашу огорчить, это не хорошо. Я лучше разскажу вамъ какія у меня хорошенькія сестры. Вѣдь вы любите дѣтей? Неправда-ли?

— Не знаю! а похожи онѣ на васъ?

— Нѣтъ, онѣ такія хорошенькія.

— Такъ вамъ было веселѣе въ городѣ, гдѣ вы жили прежде?

— О да! Тамъ у меня было много друзей, а здѣсь одна только Анна Степановна; конечно, я ее очень люблю, она такая добрая, жаль только, что у ней нѣтъ нѣмецкихъ книгъ, да притомъ она меня все хвалитъ, а это мнѣ не нравится.

— Вы позволите мнѣ имѣть удовольствіе быть у васъ и привезти нѣмецкихъ книгъ?

— О, да! если это угодно будетъ папенькѣ; я буду васъ просить объ этомъ.

Въ залѣ загремѣли стульями и послышались сожалѣнія Анны Степановны. Маша побѣжала туда. Михаилъ Дмитріевичъ медленно приподнялся съ креселъ и слѣдуя за ней прошепталъ: «кажется нашелъ!»

— Папа! Папа! М–г Кронидовичъ обѣщаетъ привести мнѣ нѣмецкихъ книгъ, если вы позволите.

Начались обыкновенныя изъявленія благодарности и привѣтствій.

Кронидовичъ получилъ приглашеніе быть у Алмазовыхъ, но оставимъ ихъ оканчивать вечеръ и скажемъ, кто были эти гости.

—

II.

Начнемъ по обыкновенію съ героя. Михаилъ Дмитріевичъ былъ сынъ небогатыхъ родителей. Онъ остался круглымъ сиротою на 13-мъ году; какой-то добрый человѣкъ помѣстилъ его въ Р—кій пансіонъ на казенный счетъ. Въ гимназіи онъ учился довольно прилежно, но ни-

когда не былъ изъ первыхъ учениковъ. Способности его довольно тупо развивались, неизвѣстно потому—ли что ихъ было мало, или потому-что онъ началъ учиться довольно поздно. Михаилъ Дмитріевичъ всегда былъ тихимъ мальчикомъ, не любилъ шумныхъ игръ, ни съ кѣмъ не дружился, и во время рекреацій всегда усаживался съ комфортомъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ съ книгою въ рукахъ, изрѣдка собирался около него кружокъ товарищей; чаще всего онъ сидѣлъ одинъ съ своими мечтами. 20-ти лѣтъ онъ окончилъ гимназическій курсъ, ему дали хорошій аттестатъ. Тутъ крѣпко призадумался Кронидовичъ. Что ему было дѣлать; все богатство его состояло изъ 400 рублей серебромъ; итти въ университетъ не было средствъ, да признаться, его не очень тянуло въ дальнѣйшія сферы ученья. Оставалось поступить на службу; долго думалъ Михаилъ Дмитріевичъ, куда именно поступить ему, думалъ до тѣхъ поръ, пока у него не осталось денегъ, и онъ сдѣлалъ выборъ и выхлопоталъ себѣ мѣсто писца въ губернскомъ правленіи. Начальники любили его, какъ самаго толковаго и прилежнаго чиновника; черезъ годъ онъ получилъ чинъ и высшее мѣсто, потомъ пошелъ дальше. Но жизнь его была самая скучная: утромъ занятія, вечеромъ множество свободнаго времени, которое онъ не зналъ куда употребить. Съ маленькимъ жалованьемъ, котораго едва доставало ему на прожитіе, онъ не могъ посѣщать общества. Съ товарищами по службѣ онъ также не велъ знакомства. Праздность сильно надоѣла ему. Онъ всѣхъ чуждался, сдѣлался недовѣрчивъ, любилъ только свои книги, въ которыхъ—правду сказать—далеко не все понималъ, и по прежнему терпѣлъ большую нужду, какъ вдругъ его двоюродный братецъ умеръ, оставивъ Михаилу Дмитріевичу свое имѣніе — душъ двѣсти.

Прежній владѣтель никогда не жилъ въ Шатовѣ. Михаилъ Дмитріевичъ какъ дитя радовался своему счастію; для него, бѣднаго человѣка, довольствовавшагося 200-ми рублей серебромъ въ годъ, 200 душъ казались необыкновеннымъ богатствомъ. Онъ въ ту же минуту вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое неоцѣненное Шатово; тамъ открылась у него страсть строиться; въ тотъ же годъ онъ обстроилъ мужиковъ. Садъ былъ вычищенъ, цвѣтникъ засѣянъ, устроены оранжереи; Шатово стало настоящею игрушкой.

На слѣдующій годъ онъ принялся за домъ, разъ десять ему рисовали планъ дома, и ни одинъ архитекторъ не могъ угодить ему. Планъ дома былъ сочиненъ имъ самимъ; явилась еще новая остановка: гдѣ поставить домъ? наконецъ онъ рѣшился выстроить его въ саду. Началась постройка; Михаилъ Дмитріевичъ первый приходилъ на постройку и послѣ дней уходилъ съ нее. А сколько было хлопотъ, когда приступили къ

внутренней уборкѣ комнатъ! Михаилъ Дмитріевичъ капризничалъ невыносимо, и только черезъ полтора года работы были окончены; помѣщикъ прыгалъ отъ восхищенія, потому-что домъ вышелъ прекрасный. Не смотря на то, Кронидовичъ каждый день находилъ какой нибудь недостатокъ въ домѣ и почти каждый день дѣлалъ въ немъ исправленія и прибавленія. Наконецъ изобрѣтательность его истощилась, онъ ничего не могъ придумать болѣе; все было устроено, и Михаилъ Дмитріевичъ отправилъ новоселье, познакомившись съ сосѣдями и пригласивъ ихъ къ себѣ. Всѣ сосѣди съѣхались, провели у него цѣлый день, и въ этотъ день такъ успѣли надоѣсть ему, что онъ больше не поѣхалъ къ нимъ и не звалъ ихъ къ себѣ. Почти цѣлые дни онъ проводилъ лежа на травѣ, сравнивая свою прежнюю жизнь съ настоящею и придумывалъ, чего бы ему еще недоставало. И вотъ онъ вздумалъ, что никогда еще не любилъ, что ему недостаетъ жены.

«Завтра же ѣду!» этими словами заключилъ Михаилъ Дмитріевичъ свое размышленіе; это значило, что завтра же начнутся его поиски за женою.

Долго ѣздилъ онъ, искалъ жены и любви, но дочери сосѣдей ему не нравились. Въ это время ему случилось дѣло въ губернскомъ городѣ; онъ вспомнилъ о своей дальней родственницѣ Грибковой, которой вся губернія была родня, и отправился въ Р...., гдѣ увидѣлъ Машеньку. Она очень понравилась ему своею молодостью и наивностью; онъ рѣшился наблюдать за нею и жениться, если найдетъ, что она не кокетка и не думаетъ о женихахъ.

Трудно описать характеръ Маши по очень простой причинѣ — онъ неуспѣлъ еще образоваться. До 16-ти лѣтъ ее одѣвали и держали какъ ребенка; едва ей исполнилось 16 лѣтъ, какъ у нее умерла мать, и Машенька стала полною хозяйкой въ домѣ; на нее надѣли длинное платье, и подъ ея начальство отдали остальныхъ сестеръ. Маша была добрая, но довольно-простенькая дѣвочка; она очень обрадовалась своей свободѣ и начала съ того, что совсѣмъ перестала учиться, и принялась читать, а извѣстно съ чего начнетъ молоденькая дѣвушка, которой ничего не позволяли читать, кромѣ «Лучей», извѣстнаго журнала для дѣвицъ. Настасья Ивановна, сестра Алмазова, изрѣдка возвышала голосъ и хотѣла усадить Машу за дѣло, но Гаврило Ивановичъ страстно любилъ Машу, и все что она ни дѣлала, казалось ему превосходнымъ; онъ заботился объ одномъ, чтобы Маша не скучала, и очень обрадовался, когда Анна Степановна, такая милая и скромная, приняла ее подъ свое покровительство. Машѣ съ перваго раза непонравилась Анна Степановна. — Она такая церемонная, говорила Маша, и

такъ хвалитъ меня, точно я чудо какое. Но Анна Степановна постоянно была такъ ласкова, такъ внимательна, что Маша не могла не привязаться къ ней. Аннѣ Степановнѣ очень нравилось покровительствовать молоденькой дѣвочкѣ; при простенькой Машѣ умъ Анны Степановны выказывался ярче.

Анна Степановна съ-молоду была хороша собою, умна и имѣла состояніе; казалось страннымъ, что она не вышла замужъ; это объясняется тѣмъ, что Анна Степановна была очень разборчива; а какъ ея строгія правила были извѣстны всѣмъ, то никто и не рѣшался обратиться къ ней съ предложеніемъ. Время быстро проходило, красота блекла, характеръ Анны Степановны съ каждою новою морщиной дѣлался несноснѣе; искатели являлись рѣже и рѣже, наконецъ скрылись всѣ,—тутъ-то характеръ ея выказался вполнѣ,—она окончательно сдѣлалась сплетницею. Не было въ городѣ Р.... такой сокровенной тайны, которой бы не открыла Анна Степановна: Ея любимая горничная, Дунюшка, была ея достойная сотрудница; цѣлый день Дунюшка путешествовала по городу Р.... изъ одного дома въ другой; она была другъ со всѣми горничными, передававшими ей тайны своихъ госпожъ; къ вечеру Дунюшка являлась домой съ огромнымъ запасомъ новостей; надосугѣ и вдвоемъ съ барышней эти новости исправлялись и украшались, нѣкоторые убавлялись, и уже исправленные и значительно-дополненные выпускались въ свѣтъ. Разнощикомъ новостей служилъ Павелъ Степановичъ; онъ былъ вѣрнымъ эхомъ своей сестрицы. Эта тихая натура, ни чему несочувствующая, ни чѣмъ не увлекалась, кромѣ разсказа о своемъ давнишнемъ путешествіи по Италіи. И этотъ бѣдный Павелъ Степановичъ слылъ за перваго сплетника и болтуна. Анна Степановна сама никогда ничего не разсказывала, и даже иногда въ минуту откровенности говорила нѣкоторымъ старушкамъ : «ахъ мои добрѣйшія! если бъ вы знали, какъ меня огорчаетъ, что братецъ занимается такими неблагородными слухами. Можно ли разсказывать все что знаешь». И при этомъ случаѣ Анна Степановна проливала даже нѣсколько слезинокъ. Старушки пересказывали эти слова; всѣ жалѣли объ Аннѣ Степановнѣ и остерегались Павла Степановича. Впрочемъ Грибковы между собою жили мирно.

Жизнь Анны Степановны была очень однообразна; никто не ухаживалъ за нею. Жители города Р..... рѣдко ссорились; новостей было мало; старая дѣва умирала отъ скуки—вдругъ явился Егоръ Павловичъ. Надо было видѣть, какъ оживилась она; магазинщицы и купцы рѣшительно поселились у нея въ домѣ; желтые башмачки Дунюшки изрѣдка показывались на улицѣ; она все хлопотала около барышни и причесывала ее на разные манеры. Поваръ постоянно готовилъ кушанье и

даже на подмогу ему былъ завербованъ мужикъ, продававшій въ городѣ мороженое. Павлу Степановичу запрещено было не только надѣвать халатъ, но даже и думать о немъ и объ ермолкѣ; съ самаго утра его облекали въ сюртукъ. А Егоръ Павловичъ? Онъ радъ былъ, что его хорошо кормили, что за нимъ ухаживали, а что касается до женидьбы, кажется, она ему и на умъ не приходила.

—

III.

— Наконецъ-то я дождалася васъ, Марья Гавриловна! и на цѣлый день; право, это чудеса, говорила Анна Степановна, встрѣчая Машеньку и нѣжно цѣлуя ея; вы такъ милы, что не забываете меня, а я одна; братецъ уѣхалъ по службѣ.

— Видите ли, какъ я кстати, отвѣчала Маша, снимая шляпку и поправляя свои густые локоны; еслибъ вы были съ братцемъ, вамъ не такъ было бы пріятно мое посѣщеніе.

— Нѣтъ, вы всегда для меня истинное наслажденіе... Что новенькаго? говорила Анна Степановна, усаживая Машу на диванъ, съ котораго, какъ мы уже замѣтили, скатывались, какъ съ горы.

— Что новаго? повторила Маша,—мы такъ недавно видѣлись, что съ тѣхъ поръ ничего не могло случиться.

— То-есть, съ того утра, и Анна Степановна проницательно засмѣялась; памятное утро, Марья Гавриловна!

— Что же въ немъ было особеннаго?

— Полноте! что особеннаго, какъ-будто и непонимаете, что Михаилъ Дмитріевичъ пріѣзжалъ знакомиться и былъ очарованъ.

— Право? отвѣчала Маша съ принужденнымъ смѣхомъ; ничего не было замѣчательнаго, все это вамъ показалось.

— Вамъ просто хочется, Марья Гавриловна, чтобъ я напомнила это утро, и Анна Степановна любезно погрозила ей пальцемъ: будто и не замѣчала, плутовка, когда малютки окружали ее, Михаилъ Дмитріевичъ не сводилъ съ нея глазъ, какъ онъ восхищался всякой милой наивности, которая такъ пріятна въ молодой дѣвицѣ, наконецъ даже мои замѣчанія на вашъ счетъ онъ не пропустилъ мимо ушей; конечно, вы должны быть увѣрены, что похвалы мои вашимъ достоинствамъ истинны.

Ахъ, Анна Степановна, извините, отвѣчала Маша, смѣясь отъ души: право, я удивляюсь, гдѣ вы нашли во мнѣ такія качества.

— Имъ только я и обязана, что Михаилъ Дмитріевичъ вызвался проводить меня до дома.

— Какъ, онъ провожалъ васъ?

— Да, и мы очень много говорили о васъ.

— И... все обо мнѣ?..

— Да, да, все только объ васъ, и я не могу вамъ этого не разсказать, потому что оно меня очень интересуетъ. Такъ пріятно видѣть влюбленную молодежь! Любовь никогда нескроется, рано или поздно она измѣнитъ себѣ; да Михаилъ Дмитріевичъ и не старался прикрываться такимъ притворнымъ смѣхомъ, какъ вы, моя душа. Съ какимъ восторгомъ онъ говорилъ мнѣ объ васъ! какъ понравилась ему ваша семейная жизнь, вашъ папенька, ваше милое, непринужденное обращеніе, ваша любезность; право, онъ, кажется, съ перваго свиданія также хорошо васъ узналъ, какъ ваши короткіе знакомые.

— Это довольно странно, и кажется, мнѣ приходится за все благодарить васъ, отвѣчала Маша, смѣясь принужденно.

— Я говорила только то, что справедливо; но должна еще предупредить васъ, что Михаилъ Дмитріевичъ просилъ меня, такъ какъ мы родные, давать ему знать, когда вы будете у меня, и тѣмъ доставить ему удовольствіе видѣть васъ чаще.

— Посылать за нимъ и давать ему знать, что я у васъ,—это не хорошо!

— Ахъ, какой вы ребенокъ! вскричала со смѣхомъ Анна Степановна, какой милый ребенокъ! я бы желала, чтобъ Михаилъ Дмитріевичъ видѣлъ васъ въ эту минуту, онъ бы совсѣмъ потерялъ голову!.. какъ она испугалась! но, милая, Марья Гавриловна, онъ мой cousin, и что же предосудительнаго въ томъ, если я пошлю за нимъ: я имѣю на это право по родству; васъ это нисколько не можетъ компрометировать.

— Онъ можетъ думать, что я этого хочу.

— А если бъ и такъ, вы молодая дѣвица, вы видите, что нравитесь, почему бы и не позволить себѣ этого? молодая дѣвушка должна непремѣнно нравиться; почему не допустить разговора вдвоемъ? у меня это можетъ случиться нечаянно, а всякій отвлеченный разговоръ ведетъ ко многому: у насъ часто бываютъ гости, я тоже бываю занята, можетъ случиться, что вы останетесь одни, вы еще больше можете заинтересовать его.

— Признаюсь, меня это пугаетъ!

— Какъ она мила!.. Онъ видя вашу робость еще больше очаруется, а очарованіе всегда нужно поддерживать. Да вотъ кстати, се-

годня вечеромъ, сказала Анна Степановна, вставая и приводя Машу въ столовую, гдѣ былъ готовъ обѣдъ, я пошлю ему сказать, что мы ждемъ его.

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, вскричала Маша испуганнымъ голосомъ. Какъ же мы будемъ втроемъ? Лучше когда у васъ будетъ кто нибудь посторонній, хоть Егоръ Павловичъ, онъ давно у васъ не былъ?

— Кто, Егоръ Павловичъ? отвѣчала Анна Степановна, слегка покраснѣвъ, нѣтъ, онъ былъ вчера, я ему сказала, что братецъ уѣзжаетъ.

— Развѣ вы не будете его принимать безъ Павла Степановича?

— Ахъ, какъ это можно!

— А почему?

— Я безъ братца позволяю себѣ принимать только родственниковъ и близкихъ моихъ знакомыхъ; но Егоръ Павловичъ ..

— Помилуйте! да онъ кажется ни чуть не опасенъ! сказала необдуманно Маша.

Лицо Анны Степановны слегка покоробилось. Она съ трудомъ сказала послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія.

— Егоръ Павловичъ очень любезенъ; его общество для насъ очень пріятно; онъ человѣкъ рѣдкихъ правилъ.

Она продолжала что-то много въ этомъ тонѣ; Маша ничего не слыхала и не замѣчала досады хозяйки; она вся была погружена въ какія-то размышленія...

Въ половинѣ ноября, отецъ Маши уѣхалъ въ деревню. Анна Степановна старалась доставлять свиданія молодымъ людямъ; они видѣлись часто, но всегда утромъ, на одну минуту, потому что старая тетушка не отпускала Машу отъ себя ни на шагъ Михаилъ Дмитріевичъ проклиналъ тетушку, но дѣлать было нечего.

Въ свободную минуту отъ дѣлъ онъ размышлялъ такъ: Я женюсь; Машенька Алмазова дѣвушка миленькая, хорошенькая; но мнѣ нужно видѣть ее въ семействѣ, нужно видѣть какъ она обращается съ родными, потому что мнѣ нужно жену добрую, тихую, услужливую; Маша очень молода и вѣтрена, надо будетъ образовать ее... На дняхъ я поѣду къ нимъ, когда пріѣдетъ Гаврило Ивановичъ, а то эта тетушка Настасья Ивановна такъ надоѣла мнѣ безъ него! Также надо позаботиться о ея свѣтскомъ образованіи; какова она въ большомъ обществѣ, надо и тамъ ее видѣть.

— Марья Гавриловна прислала вамъ книги, приказали благодарить и сказать, что Гаврило Ивановичъ изволили пріѣхать третьяго дня; да еще просятъ другую часть, скороговоркой пробормоталъ лакей Михаила Дмитріевича, прервавши его размышленія.

*

— Кланяйся и скажи, что я самъ привезу, былъ отвѣтъ Кронидовича.

— Очень радъ, что онъ пріѣхалъ; поболтаю съ Машенькой, а то у Анны Степановны не найдешь минуты свободной. Егоръ Павловичъ почти пересталъ ѣздить къ ней, и Анна Степановна не оставляетъ насъ; эти двѣ недѣли она вовсе и не присылала за мною. Не понимаю, что съ нею сдѣлалось; всѣ эти дни она что-то очень не любезна.

Причина однакоже была ясная. Егоръ Павловичъ постоянно охладѣвалъ къ старой дѣвѣ; вечера обходились безъ него; не кому было даже похвалить ее пирожныя и мороженыя. Напрасно Анна Степановна переодѣвалась разъ пять въ день, кокетничала, желала возбудить ревность Егора Павловича—ни что не помогало, желчь разыгрывалась въ ней, припадки доброты исчезали, и она вдругъ, по какой-то странной досадѣ, начала помышлять о томъ, какъ-бы поостудить любовь Кронидовича.

— Чѣмъ же я сама хуже Машеньки? вздумала вдругъ Анна Степановна; я умнѣе, образованнѣе, любезнѣе ея, а между тѣмъ ее всѣ любятъ, а меня оставляетъ даже Егоръ Павловичъ; это Кадрина, Адель Павловна, отбила у меня моего Егора Павловича! Хорошо, мой другъ, ты думаешь, что твоихъ тайнъ никто не знаетъ, а я-то на что? Я открою ему глаза, и тебѣ отплачу. Еще досаднѣе эта дурочка Маша... Кстати, завтра балъ у Теребеневыхъ, она вѣрно тамъ будетъ, о! я знаю, что сдѣлать! Такъ мечтала Анна Степановна, расхаживая по комнатѣ. Между тѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ въ тоже самое время сидѣлъ уже у Алмазовыхъ. Маша въ простенькомъ платьицѣ хлопотала за самоваромъ; дѣти окружали ее, старичокъ поодаль сидѣлъ съ стаканомъ и листкомъ Московскихъ вѣдомостей. Тетка съ чулкомъ безпрестанно ворчала то на дѣтей, то на сѣраго кота; Маша одѣляла дѣтей, не забывала и кота; подбѣгала къ отцу, цѣловала его и смѣшила. Михаилъ Дмитріевичъ сидѣлъ подлѣ Маши важно, развалясь въ креслахъ—онъ уже воображалъ себя мужемъ Машеньки, отцомъ семейства. Маша мало говорила съ нимъ, но въ каждомъ ея взглядѣ и движеніи было столько нѣжной внимательности.

— Маша! а ты и не скажешь Михаилу Дмитріевичу, что ты ѣдешь завтра на балъ, да еще въ первый разъ въ жизни, сказалъ старикъ Алмазовъ.

— Ахъ, папаша! такъ вы непремѣнно хотите, чтобъ я ѣхала на этотъ балъ? Нельзя ли остаться, я не люблю баловъ. Въ другой разъ я поѣду съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, мой другъ! это каждый разъ такъ бываетъ; когда ѣхать, такъ ты и больна, и нерасположена.

— Михаилъ Дмитріевичъ! попросите, чтобъ меня не брали на балъ, сказала она полу-шутя,- полу-серьозно, обращаясь къ Кронидовичу.

— Нѣтъ, M-lle Magie, я нахожу, что батюшка вашъ правъ, отвѣчалъ онъ съ важностью. Вамъ необходимо ѣхать на этотъ вечеръ, а то будутъ обвинять вашего батюшку, что онъ лишаетъ васъ удовольствій.

Надо сказать правду, что никому такъ не хотѣлось видѣть Машу на этомъ вечерѣ, какъ Кронидовичу. Онъ видитъ ее теперь въ семействѣ, онъ доволенъ ею; остается только посмотрѣть въ большомъ обществѣ, а она отказывается отъ этого.

— Ужъ ты, батюшка, вѣчно таскаешь Машеньку по баламъ, да вечерамъ, только лишняя трата, проворчала старая тетка. Благо, что дѣвушка не любитъ, и пускай бы себѣ сидѣла дома; хорошъ отецъ, тащитъ насильно!

— Молчи, сестра, ты не понимаешь этихъ вещей!

И старички заспорили; Михаилъ Дмитріевичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ поговорить съ Машей.

— M-lle Magie! Я васъ прошу быть на этомъ вечерѣ, поѣзжайте для меня.

— А вы тамъ будете?

— Непремѣнно, иначе я не сталъ бы и просить васъ.

— Да что же вамъ отъ этого, если я буду?

— Развѣ вы не знаете, что я такъ люблю видѣть васъ, говорить съ вами?

— Но вѣдь мы можемъ и дома говорить, да еще свободнѣе, намъ никто не помѣшаетъ.

— Мнѣ такъ пріятно будетъ слѣдить за вашими успѣхами въ обществѣ.

— Успѣхами? со смѣхомъ спросила Маша, да ихъ и не будетъ; я такъ не ловка и робка въ большомъ свѣтѣ, что вамъ нечего будетъ дѣлать, если вы только ѣдете за этимъ. Но, если у меня не будетъ успѣховъ, вы будете сами танцовать цѣлый вечеръ?

— Вы знаете, что у меня болитъ нога: съ ней не протанцуешь и одной кадрили; но тѣмъ лучше—мы будемъ сидѣть и говорить; я постараюсь устроить такъ, чтобъ вамъ не удалось много танцовать съ другими.

— Какъ можно! я заранѣе ангажирую Егора Павловича и...

Говорить больше было нельзя —старички перестали спорить, и На-

стасья Ивановна вставая, сказала: «отойди отъ зла и сотвори благо;» тебя не переспоришь!

Въ это время дѣти пришли прощаться съ отцемъ и сестрой. Маша всѣхъ ихъ перекрестила и перецѣловала.

Михаилъ Дмитріевичъ до того замечтался, что протянулъ было имъ руку, воображая, что онъ уже отецъ, а это дѣти, ожидающіе его отцовскаго благословенія, но къ счастію скоро опомнился и принужденъ былъ взять сигару со стола, чтобъ не дать замѣтить своего движенія.

—

IV.

Было шесть часовъ вечера; морозъ сильно стучалъ въ окна и хотѣлъ, казалось, проникнуть въ довольно большой и красиво отдѣланный домикъ; но хозяинъ его не любилъ такого гостя. — Михаилъ Дмитріевичъ покоился на мягкомъ диванѣ съ сигарой въ зубахъ; мысли его смѣнялись одна другою и улетали, какъ табачный дымъ; вперивъ глаза въ потолокъ, онъ сладко улыбался.

— Поѣду къ Теребеневымъ, думалъ онъ; увижу Машеньку, и если она тамъ, среди шума и веселья также очаровательна, какъ дома, я завтра же объяснюсь съ ея отцемъ. Самая задушевная мечта моя осуществилась! я нашелъ себѣ подругу. Благословляю мое родство съ тобою, кузина Анна Степановна! Ты феноменъ нынѣшняго вѣка! ты такъ старалась насъ сблизить! Какая великая душа! Ѣду къ тебѣ сейчасъ же, ты поймешь меня; тебѣ доступно сладкое чувство любви!—И Михаилъ Дмитріевичъ схватилъ за ручку сонетку и нетерпѣливо позвонилъ.

— Одѣваться! закричалъ онъ вошедшему лакею. Чтобъ лошадь сейчасъ была готова.

Черезъ часъ Михаилъ Дмитріевичъ, закрываясь воротникомъ своей шубы и садясь въ сани, сказалъ кучеру: къ Грибковымъ!

Растворивъ съ шумомъ дверь и не давъ опомниться мальчику, Михаилъ Дмитріевичъ предсталъ передъ Анною Степановной.

— Cousin! это вы! сказала она, и уже готовы на вечеръ такъ рано, какая поспѣшность!

— Я хотѣлъ посидѣть у васъ до девяти часовъ, отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ, а вы кажется не очень рады мнѣ?

И точно Анна Степановна была не въ духѣ по извѣстной причинѣ: Егоръ Павловичъ охладѣвалъ къ ней все болѣе и болѣе.

— Все таки это удивительная поспѣшность! говорила она: въ семь часовъ уже готовы!

— Не скрою: мнѣ очень хочется быть у Теребеневыхъ.

— Что за причина такого сильнаго желанія? Вы кажется никогда не любили большихъ обществъ?

— Есть причина, отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ съ сладкимъ смѣхомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Скажите, развѣ непріятно видѣть особу, которой интересуешься?

— Вы интересуетесь?.. кѣмъ же это?

— Ахъ, кузина! я думалъ вы проницательнѣе; вы хотите, кажется, чтобъ я назвалъ вамъ эту особу и благодарилъ васъ за то, что вы познакомили меня съ нею.

Анна Степановна давно поняла, о комъ говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ. Зависть закипѣла въ ней; Машенька ребенокъ, да еще и глупенькій, умѣла заставить любить себя Михаила Дмитріевича, а она многими путями и долгимъ опытомъ непроложила однако же себѣ дороги къ сердцу Егора Павловича! Анна Степановна въ эту минуту ненавидѣла и своего кузена и Машеньку.

— Право, все что вы мнѣ говорите, для меня загадка; за что меня благодарить?

— Вы все еще не догадались? А я скажу вамъ прямо, что мечта моя осуществилась, и я скоро женюсь.

— Перестаньте, какой вздоръ; это невозможно!

— Невозможно? повторилъ съ удивленіемъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— Да, конечно! для васъ здѣсь нѣтъ невѣсты.

— Какъ, нѣтъ невѣсты, да та и невѣста, въ которую я влюбленъ.

— Это ничего не значитъ; вы можете любить сколько вамъ угодно, да васъ-то могутъ не любить.

Михаилъ Дмитріевичъ задумчиво опустилъ голову. Казалось, это никогда и въ умъ ему не приходило. Анна Степановна торжествовала и продолжала.

— Надо испытать дѣвицу, которую любишь; какой нибудь отвлеченный разговоръ еще не составляетъ счастья. Иныя дѣвицы такъ опытны и такъ умѣютъ завлекать, что страшно! и хоть я немного старше нѣкоторыхъ, но право, не такъ хитра и опасна.

— А вы еще не одѣты? прервалъ Михаилъ Дмитріевичъ видимо встревоженный. Мы заговорились; скоро пора ѣхать. Если позволите, я дождусь окончанія вашего туалета, и мы вмѣстѣ отправимся.

— Очень рада; пройдите въ кабинетъ къ братцу—онъ все за бумагами.

Михаилъ Дмитріевичъ отворилъ дверь, и глазамъ его предсталъ Павелъ Степановичъ, въ вязаной ермолкѣ, съ перомъ въ рукахъ. Несчастный въ пятый разъ переписывалъ курсивными буквами одну и ту же бумагу.

— Ахъ, братецъ! извините-съ, сказалъ Павелъ Степановичъ, привставъ съ своего кресла и подвигая Михаилу Дмитріевичу другое.

— О труженикъ! да когда вы кончите, я все васъ вижу за одною и тою же бумагою, говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ, садясь.

— Вы все изволите шутить-съ, а я такъ право-съ очень усталъ-съ.

— Да о чемъ же и я говорю; какъ не прійдешь, все говорятъ, что братецъ занятъ, а какъ посмотришь на васъ, такъ не вѣрится помолодѣлъ какъ! Сѣдыхъ волосъ не видно, а отъ занятій всегда, говорятъ, прежде времени проглядываютъ сѣдины.

Павелъ Степановичъ пріятно засмѣялся, понюхалъ огромную щепотку табаку и отерся платкомъ.

— Что же вы, Павелъ Степановичъ, не готовитесь на вечеръ, вѣдь Анна Степановна сейчасъ выйдетъ, а мы васъ ждать небудемъ, сядемъ да уѣдемъ.

— Покорно васъ благодарю-съ, что напомнили, а я было и забылъ; вотъ вы молодой человѣкъ, такъ и спѣшите.

И Павелъ Степановичъ отправился тоже наряжаться, оставивъ Михаила Дмитріевича обдумывать свои планы.

Наконецъ они собрались, и нетерпѣливый Кронидовичъ скомандовалъ, садясь въ сани, чтобъ его скорѣе везли къ Теребеневымъ.

У Теребеневыхъ былъ полонъ домъ гостей; хозяйка не успѣвала встрѣчать ихъ. Анна Степановна въ яркомъ платьѣ, въ букляхъ поразила почти всѣхъ своимъ торжественнымъ входомъ, но отъ зоркаго ея глаза неукрылся не пораженный Егоръ Павловичъ: онъ сидѣлъ около Кадриной и усердно любезничалъ съ нею, обмахиваясь платочкомъ; онъ такъ былъ занятъ ею, что даже не замѣтилъ Анну Степановну. Михаилъ Дмитріевичъ пробирался въ болѣе свободный уголъ залы; на лицѣ его было замѣтно ожиданіе. Алмазовыхъ еще не было. Гости расхаживая разговаривали; хозяйка суетилась, устраивая партіи за карточными столами. Анна Степановна усадила возлѣ себя хорошенькаго молодаго человѣка, тотъ отмахивался руками, отпрыгивалъ на нѣсколько шаговъ, но она была неумолима и хотѣла за неимѣніемъ другаго кавалера завербовать его. Но тутъ двери отворились, и Алмазовы вошли въ залу.

— Посмотрите, сказалъ молодой человѣкъ, наклонясь къ Аннѣ Степановнѣ, m-lle Алмазова чудо какъ мила!

— Вы находите? сказала Анна Степановна съ ироническою улыбкой.

— Право! А я съ ними незнакомъ; я такъ этимъ désolé!

Въ это время Машенька подошла къ нимъ.

— Здравствуйте, сказала она, протягивая руку Аннѣ Степановнѣ.

— Поздравляю съ побѣдою, сказала Анна Степановна, жестоко пожимая руку Машѣ.

Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на нее

— Да, съ побѣдой, повторила Анна Степановна, вы побѣдили... меня, прибавила она значительно засмѣявшись, и какъ будто нечаянно взглянула на своего кавалера.

— Какъ я рада, что встрѣтила васъ, сказала Машенька, не обращая вниманія на ея маневры; сядемте, поговоримъ. Всѣ усѣлись, кавалеръ старой дѣвы, Алексѣй Семеновичъ Шубинскій, ушелъ, оставя ихъ на свободѣ; но едва онѣ расположились разговаривать, какъ Маша принуждена была отвѣчать на поклонъ Михаила Дмитріевича и на вопросъ, отчего они такъ поздно пріѣхали.

— Папа былъ занятъ сегодня цѣлый день; мнѣ было жаль будить его, онъ такъ сладко отдыхалъ.

Наконецъ музыка заиграла. Маша отправилась танцовать. Хозяйка не хлопотала о кавалерѣ для Анны Степановны, и она сидѣла, забытая, одна; правда, и Михаилъ Дмитріевичъ не танцовалъ, но онъ слишкомъ былъ занятъ наблюденіемъ.

Кадриль кончилась. Маша подбѣжала къ Аннѣ Степановнѣ и усѣлась опять съ нею.

— Ахъ какой вечеръ провела я вчера, чудо! сказала она, вы не повѣрите! Мы были втроемъ: я, папа и Михаилъ Дмитріевичъ; намъ такъ было весело, мы такъ много говорили, смѣялись.

— Очень рада за васъ, отвѣчала Анна Степановна, и потомъ прибавила съ чувствомъ: я бы желала, чтобъ всякій понималъ васъ такъ, какъ я, и чтобъ всякій раздѣлялъ вашу радость... Случается, что не всѣ одинаково думаютъ.

— Что же мнѣ до этого за дѣло, возразила Маша, я увѣрена, что Михаилу Дмитріевичу было тоже пріятно, иначе онъ не сидѣлъ бы съ нами такъ долго.

— Мужчины такъ коварны, они подъ благовидною улыбкой скры-

ваютъ почти всегда злой умыселъ; иногда, глядя на нихъ, такъ и кажется, что они уже совсѣмъ побѣждены, а это только обманъ — они маскируются для того, чтобъ завлекать неопытныхъ. А эти невинныя бабочки! именно мотыльки! такъ и летятъ на огонь; счастливы тѣ, у кого есть родные или добрые друзья, которые могутъ ихъ предупредить; въ противномъ случаѣ ихъ можно считать погибшими, да и сколько бывало примѣровъ! Да! повторила она, сколько бывало такихъ примѣровъ! Мужчины въ зрѣломъ возрастѣ, говорятъ, не опасны. Боже мой! эти солидные изверги, тридцати лѣтъ, насчучивъ жизнью, ищутъ себѣ развлеченія въ шестнадцатилѣтнихъ сердцахъ; вся цѣль ихъ заставить влюбиться въ себя невинное дитя и потомъ оставить; подобные люди никогда не думаютъ о семейномъ счастіи! Въ наше время лучше всего стараться сыскать себѣ партію въ молодомъ человѣкѣ, почти равныхъ лѣтъ, въ нихъ однихъ—постоянство и любовь.

Шубинскій подошелъ звать Марью Гавриловну на кадриль.

Маша поклонилась и пошла танцовать кадриль съ Шубинскимъ.

Анна Степановна посмотрѣла имъ вслѣдъ и улыбнулась.

— Веселись, любезничай, думала она, глядя на Машу, этотъ глупый мальчишка можетъ очень тебѣ повредить.

— Вы позволите мнѣ сѣсть подлѣ васъ? сказалъ Кронидовичъ, подходя къ Аннѣ Степановнѣ, вы такъ задумались..

— Я любовалась Машенькой, я такъ рада, что ей весело съ Шубинскимъ; посмотрите, какъ она мила, какъ у нее блестятъ глазки, какъ они жарко разговариваютъ; видно, что отъ души. Посмотрите, она засмѣялась, они спутали кадриль, совсѣмъ не видятъ, что кругомъ ихъ дѣлается. Михаилъ Дмитріевичъ съ досадой вертѣлъ лорнетомъ, Анна Степановна продолжала:

— Какая хорошенькая парочка; они кажется созданы другъ для друга; я такъ изучила Машу и навѣрное знаю, что она ни съ кѣмъ не была такъ откровенна и любезна, какъ въ эту минуту съ Алексѣемъ Емельяновичемъ.

— Откровенность, кажется, въ характерѣ Марьи Гавриловны, сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— О нѣтъ! отвѣчала Анна Степановна, она очень осторожна. Весело ли было вамъ? прибавила она, обращаясь къ Машенькѣ и къ Шубинскому, которые подошли къ нимъ.

— Да, благодаря М-г Шубинскому, очень весело. Онъ все смѣшилъ меня, отвѣчала Маша.

— Et moi je suis tout a fait heureux! вскричалъ Шубинскій, ахъ какъ жарко! ce sera une memorable contredance pour moi.

— Что вы не танцуете, Михаилъ Дмитріевичъ? спросила Маша.

— Вамъ вѣроятно не угодно было вспомнить, что я болѣнъ; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ у меня болитъ нога.

— Ахъ, извините... отвѣчала Машенька покраснѣвъ.

— Видя вашу веселость, Михаилъ Дмитріевичъ вѣрно извинитъ вашу разсѣянность, сказала съ улыбкой Анна Степановна.

— Какъ я счастливъ, M-lle Marie, продолжалъ Шубинскій, право, я готовъ Богъ знаетъ что дѣлать, чтобы васъ еще такъ развеселить.

— Вамъ кажется не нужно принуждать себя, сказала Анна Степановна, немногимъ удавалось такъ занять Марью Гавриловну.

Михаилъ Дмитріевичъ видя, что имъ не занимаются, отошелъ въ сторону; Маша, видя, что онъ досадуетъ, принялась любезничать съ Шубинскимъ, слѣдуя совѣту Анны Степановны—подстрекнуть ревность Михаила Дмитріевича. Заиграли польку; Шубинскій усердно упрашивалъ Машу танцовать.

— Право, M-r Шубинскій, — я никогда не рѣшаюсь танцовать польку...

— Ахъ, подите съ нимъ, Марья Гавриловна, сказала Анна Степановна взглянувъ на Шубинскаго, вы его утѣшите.

Маша посмотрѣла кругомъ, и видя, что Михаилъ Дмитріевичъ пристально глядѣлъ на нее, вспомнила коварство тридцатилѣтнихъ мужчинъ, о которомъ говорила ей Анна Степановна, положила руку на плечо Шубинскаго, и легко и граціозно полетѣла съ нимъ по паркету.

Когда полька кончилась и Маша снова сѣла подлѣ Анны Степановны, та принялась опять толковать ей, что Шубинскій будто созданъ для нея, что судьба предназначила ихъ другъ для друга; а потомъ, какъ-будто невзначай, начала сравнивать состояніе его и Кронидовича, говорить о ихъ характерахъ, увѣрять что Шубинскій невинное дитя, доброе и милое, а Кронидовичъ эгоистъ, у котораго все расчитано. Она дошла до того, что увѣрила Машу въ необходимости быть любезною съ Шубинскимъ, чтобъ испытать Кронидовича.

Балъ продолжался до бѣлаго свѣта, и гости разъѣзжались, увозя различныя впечатлѣнія съ знаменитаго вечера.

—

V.

Черезъ недѣлю послѣ бала Теребеневыхъ, въ Р..... былъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Анна Степановна, не рискуя болѣе показываться на публичныхъ балахъ, потому-что оставалась тамъ незамѣченною, вздумала ѣхать на хоры, и упросила Гаврилу Ивановича отпустить съ ней Машеньку, которая долго отговаривалась, и только по просьбѣ отца согласилась ѣхать. Справедливость требуетъ сказать, что согласилась она не по одному желанію отца, но больше потому, что надѣялась увидѣть тамъ Кронидовича. Послѣ бала, гдѣ Машенька такъ много танцовала съ Шубинскимъ, Кронидовичъ не былъ у нихъ; самолюбіе его было оскорблено. Какъ! Не говорить съ нимъ во весь вечеръ, танцовать почти только съ однимъ Шубинскимъ, предпочесть Михаила Дмитріевича Шубинскому, этому глупому мальчишкѣ! Этого Михаилъ Дмитріевичъ не могъ вынести. Кронидовичъ такъ былъ сердитъ на Машеньку, что не ѣздилъ къ кузинѣ во всю эту недѣлю... Напротивъ, Шубинскій каждое утро являлся къ Аннѣ Степановнѣ и оставался до ужина. Напрасно Машенька ѣздила къ старой дѣвѣ, Кронидовича не было; Машенька скучала, сердилась и отъ души не взлюбила Алексѣя Емельяновича. Она и къ Аннѣ Степановнѣ начала чувствовзть менѣе расположенія.

— Нѣтъ, Анна Степановна, я больше не буду слушать васъ; Михаилъ Дмитріевичъ сердится, а я этого не хочу! Это гадкій Шубинскій во всемъ виноватъ, думала Маша, сбираясь на хоры дворянскаго собранія.

Въ 11 часовъ возокъ Анны Степановны стоялъ уже у подъѣзда квартиры Алмазовыхъ. Маша сѣла въ него и клячи двинулись.

— Что, Марья Гавриловна, какъ вы находите вашего кавалера?

— Михаила Дмитріевича?

— О, нѣтъ, отвѣчала Анна Степановна съ маленькою досадой, Алексѣя Емельяновича? Неправда-ли какъ онъ уменъ, любезенъ, хорошъ; онъ рѣшительно влюбленъ въ васъ. Да какъ онъ богатъ! Ему только 21 годъ... И Анна Степановна пустилась расхваливать Шубинскаго и опять запѣла старую пѣсню о солидныхъ мужчинахъ. Но Маша сердилась на всѣхъ и ни въ чемъ не хотѣла согласиться съ Анной Степановной. Она со смѣхомъ отвѣчала, что терпѣть не можетъ очень-молодыхъ мужчинъ.

— Я сама почти еще дитя, и мнѣ не могутъ нравиться дѣти. Мо-

имъ расположеніемъ пользуются только мужчины, достигшіе лѣтъ тридцати, прибавила она, выходя изъ кареты.

Анна Степановна, блистая бронзой и увядшей красотой, усѣлась въ первомъ ряду, важно раскланиваясь съ своими знакомыми. аша робко сѣла подлѣ нее. Едва онѣ усѣлись, какъ на хоры явился Шубинскій, хохоча во все горло.

— Анна Степановна! M-lle Almasoff! какъ я счастливъ, что вы здѣсь, M-lle Magie, иначе я бы умеръ отъ скуки, говорилъ Шубинскій, усаживаясь за стуломъ Маши.

— Пожалуйста не говорите такихъ фразъ! вы бы никакъ не умерли, если бъ я и не пріѣхала. Вы такъ странно выражаетесь.

— А если бъ вамъ сказалъ это кто-нибудь другой, а не Алексѣй Емельяновичъ, вамъ бы не показалось это страннымъ? спросила Анна Степановна, улыбаясь.

— Кто бы не сказалъ мнѣ, все бы казалось смѣшно...

— Què je suis desespere! вскричалъ Шубинскій и пустился описывать свое огорченіе. Маша сочла за лучшее не отвѣчать ему и внимательно осматривала въ лорнетъ всѣ углы залы, но видно ея зоркіе глазки не находили ничего замѣчательнаго, потому-что лорнетъ безпрестанно перемѣнялъ направленіе.

Анна Степановна любезничала съ знакомыми дамами и дѣлала презлыя замѣчанія о костюмахъ танцовавшихъ. Егоръ Павловичъ въ углу любезничалъ съ Кадриной. Шубинскій продолжалъ надоѣдать Машѣ, отъ которой не получалъ другихъ отвѣтовъ, кромѣ да и нѣтъ. Машѣ было очень скучно; она часто поглядывала на часы, но было только половина перваго, и еще долго нужно было выносить присутствіе Шубинскаго. Но изъ другой залы наблюдалъ за нею ревнивый глазъ Кронидовича; онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что Маша скучна, и наконецъ, сжалившись надъ нею, отправился на хоры.

Анна Степановна была занята интереснымъ разсказомъ о побѣгѣ одной молодой дѣвушки, отошла отъ Машеньки и сидѣла подлѣ одной дамы, почему и не замѣтила прихода Кронидовича. Шубинскій съ хохотомъ подалъ ему руку, до которой тотъ едва дотронулся съ явнымъ неудовольствіемъ. Заиграли польку, и Шубинскій опрометью бросился внизъ.

Маша одушевилась.

— Какъ я рада, Михаилъ Дмитріевичъ, что вы пришли; мнѣ было такъ скучно; этотъ Шубинскій такъ глупъ, такъ мнѣ надоѣлъ. Садитесь же, вѣдь вы не будете играть? не играйте; поговоримте лучше, болтала Маша.

— Я не ожидалъ, что вы будете такъ добры сегодня; я давно бы пришелъ къ вамъ, но боялся, что прерву вашъ занимательный разговоръ съ Алексѣемъ Емельяновичемъ; онъ васъ такъ интересуетъ. Я сидѣлъ подлѣ вашего батюшки.

— Что́, веселъ ли онъ? онъ бѣдненькій сегодня былъ очень скученъ, сказала она печальнымъ голосомъ.

— Да, онъ счастливо играетъ.

— Я рада, можетъ-быть карты его развлекутъ. Да, скажите мнѣ: отъ чего вы были такъ скучны на вечерѣ Теребеневыхъ, я съ-тѣхъ-поръ не видала васъ и не могла спросить васъ объ этомъ. Прощаясь со мной, вы такъ поклонились мнѣ, что, право, я испугалась и думала, что вы на меня сердитесь; цѣлую недѣлю васъ нигдѣ не было видно.

— Я былъ немного болѣнъ... Не въ духѣ. Вы извините меня!...

— О, конечно! И чтобы доказать, что я не сержусь на васъ, я жду васъ завтра и спою вамъ новый прехорошенькій романсъ.

— А Шубинскій будетъ у васъ? Онъ очень любитъ ваше пѣніе; онъ бываетъ у васъ каждый день.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ нимъ; мнѣ ужъ Анна Степановна наскучила имъ, только и толкуетъ: какъ милъ Алексѣй Емельяновичъ, какъ постояненъ! вотъ на кого вы должны обратить ваше вниманіе!

— Какъ, вамъ говорила это Анна Степановна?

— Конечно... и Маша разсказала Кронидовичу всѣ наставленія Грибковой.

— А, милая кузина, думалъ Кронидовичъ, вотъ какъ ты заботишься о моемъ счастіи, чему учишь Машеньку! хорошо же! И онъ спросилъ молодую дѣвушку:

— Такъ вы меня боитесь, слѣдуя совѣтамъ моей кузины?

— Васъ! какъ можно!

Это было сказано такимъ голосомъ, что Кронидовичъ растаялъ; всѣ его опасенія исчезли.

— У васъ будетъ кто-нибудь завтра? спросилъ онъ.

— Никого, если онъ и пріѣдетъ, я велю отказать; прошу васъ. пріѣзжайте.

— Хорошо! Мнѣ же есть дѣло до вашего батюшки.

Анна Степановна необращала на Кронидовича и Машу вниманія, она была очень счастлива; Егоръ Павловичъ проходя по хорамъ, назвалъ ее экзотическимъ цвѣткомъ, потому что на хорахъ жара была невыносимая. Егоръ Павловичъ былъ мастеръ на сравненія.

— Маша, пора домой, сказалъ вошедшій Алмазовъ. И всѣ отправились.

— Кончено, мечталъ засыпавшій Кронидовичъ, завтра объяснюсь съ Гаврилою Ивановичемъ и женюсь, женюсь на зло Аннѣ Степановнѣ, Шубинскому и всѣмъ. Даже совѣстно: я, человѣкъ съ состояніемъ, въ мои лѣта до-сихъ-поръ не женатъ; некому гостей принять; домъ точно могила, голоса человѣческаго не слыхать; хоть бы Богъ поскорѣе послалъ дѣтей. Утромъ нельзя ѣхать; старикъ рано отправляется на службу, невѣжливо помѣшать ему; поѣду вечеромъ, и часовъ въ восемь Машенька уже будетъ моя невѣста. Правда, я еще не объяснился съ ней, но вѣдь я знаю, что любимъ. И такъ, черезъ мѣсяцъ, я женатъ!

—

VI.

Судьба судила однакоже иначе. Весь день Михаилъ Дмитріевичъ провелъ въ мечтахъ; онъ придумывалъ, что долженъ подарить невѣстѣ, кто будетъ ихъ благословлять, какой домъ нанять для свадьбы, и утромъ, расхаживая по Р.... заходилъ во всѣ лавки посмотрѣть матеріи и шали. Нашъ герой былъ человѣкъ аккуратный, онъ любилъ приготовлять все заранѣе. Повидимому онъ былъ покоенъ, но вечеромъ измѣнилъ себѣ. Еще въ пять часовъ онъ потребовалъ одѣваться и сани, и тутъ никто немогъ угодить ему—и фракъ дурно вычищенъ, и бѣлыя перчатки не довольно хороши, и кучеръ непроворенъ. Наконецъ Михаилъ Дмитріевичъ у подъѣзда Алмазовыхъ нетерпѣливо дергаетъ за руку колокольчика.

— Дома Гаврила Ивановичъ?

— Дома-съ, только они не принимаютъ. Марья Гавриловна очень больна-съ.

— Что съ ней?

— Вчера простудились и сегодня-съ сильный жаръ.

Кронидовича крайне огорчила болѣзнь Машеньки. И такъ опять на неопредѣленное время надо отложить объясненіе; но дѣлать было нечего. Мрачный и сердитый отправился онъ къ Аннѣ Степановнѣ.

Также мрачно было на сердцѣ и у Анны Степановны. Гостей было много, на угощеніе потрачено много, и вмѣсто Егора Павловича явились двѣ столѣтнія старушки его родственницы. Онѣ сидѣли на диванѣ и преспокойно кушали варенье, необращая вниманія на горе хозяйки. Анна

Степановна была очень любезна, занимала своихъ гостей, но много составлялось плановъ въ ея головѣ, и много косыхъ взглядовъ бросала она на бѣднаго *мальчика*, и страшно билось сердце его. Малѣйшій стукъ двери приводилъ ее въ волненіе. Мальчикъ нѣсколько разъ принималъ сальныя свѣчи и приносилъ стеариновыя. Во-время посѣщенія Егора Павловича, всѣ сальныя свѣчи прятались, а всюду горѣли стеариновыя; винныя ягоды и моченыя яблоки исчезали, мѣсто ихъ замѣнялъ виноградъ и отличныя груши — любимое лакомство Егора Павловича.

Торжественный входъ Кронидовича поразилъ всѣхъ. Старушки при видѣ его фрака и бѣлаго жилета подавились вареньемъ, Анна Степановна ударила свою собаку, Павелъ Степановичъ нѣсколько разъ понюхалъ табаку.

— Cousin! Вы на балъ или на свадьбу?

— Нѣтъ, отъ васъ прямо домой.

— Но у меня собрались все короткіе знакомые, вы видите всѣ въ сюртукахъ, а вы...

— Я былъ у Алмазовыхъ. Марья Гавриловна больна, меня неприняли; что съ ней?

— Такъ это къ нимъ вы такъ расфрантились? что же это значитъ? я не знала, что Машенька больна. Я немогу прійти въ себя, такъ поразилъ меня вашъ костюмъ... это что-нибудь значитъ!

Кузенъ не считая нужнымъ объяснять ей, обратился къ Павлу Степановичу. Что сдѣлалось съ Марьей Гавриловной?

— Они-съ очень больны-съ; вчера-съ простудились, когда выходили изъ собранія. У нихъ-съ родъ горячки-съ.

Анна Степановна дала слово отмстить Кронидовичу; она догадалась, что Кронидовичъ собирался объясниться съ Гаврилою Ивановичемъ. Общій разговоръ продолжался своимъ чередомъ. Одна старушка разсказала, какъ она лѣтъ за 50-тъ была замаскирована летучею мышью, какъ за ней ухаживали и какъ она также простудилась въ то время, и до-сихъ-поръ не можетъ оправиться послѣ этой простуды. Анна Степановна очень любезно сожалѣла объ этой простудѣ и о томъ, что не видала ее въ тотъ знаменитый вечеръ.

— Да гдѣ-жъ тебѣ было видѣть меня, душа моя, тебя тогда и на свѣтѣ не было.

Въ обществѣ этихъ старухъ Аннѣ Степановнѣ было отраднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ: онѣ были такъ стары, что Анна Степановна казалась младенцемъ между ими, и самой Аннѣ Степановнѣ приходила мысль, что она еще можетъ выйти замужъ. И теперь эти сладкія мечты бродили въ ея головѣ; но не смотря на это, она не выпускала изъ

виду Кронидовича и дала тысячу клятвъ помѣшать этой свадьбѣ; желаніе отмстить ему было такъ сильно, что она готова была навсегда отказаться отъ брака, лишь-бы помѣшать жениться своему дорогому кузену. Сплетня мигомъ созрѣла въ ея геніальной головѣ.

— Ахъ, знаете Лизавета Акимовна, здѣсь скоро будетъ свадьба, сказала она.

— Какъ, матушка, свадьба? А, что? А, гдѣ?

И старушки оживились и положили ложечки, которыми кушали варенье.

— Алексѣй Емельянычъ Шубинскій женится.

Михаилъ Дмитріевичъ отодвинулся отъ братца, Павла Степановича.

— На комъ это, матушка?

— Ахъ, Матрена Гавриловна! я право боюсь говорить, вѣдь это еще секретъ. Онъ открылъ мнѣ по дружбѣ, а я буду разсказывать, и послѣ, если свадьба разстроится, могутъ сказать на меня; я то же дѣвушка, и къ чему же мнѣ выдумывать, вѣдь я такъ далека отъ свѣта.

— Матушка, Анна Степановна, да развѣ мы скажемъ!

Михаилъ Дмитріевичъ еще ближе подвинулся къ дивану.

— Анна Степановна! скорѣе, голубушка.

— Ахъ, дорогія мои, развѣ тихонько; только, ради Бога, никому не сказывайте.

Анна Степановна, что-то имъ прошептала и поглядѣла на Кронидовича.

— Вотъ что? да гдѣ же ихъ Богъ свелъ?

— Сперва у меня, а потомъ на балѣ у Теребеневыхъ.

Сердце бѣднаго Кронидовича сжалось.

— Да вѣдь онъ очень молодъ, и она то же дитя, ей не такого надо мужа, а этотъ,—вѣдь онъ такой вертопрахъ, замѣтила Лизавета Акимовна.

— Помилуйте, почтеннѣйшая Лизавета Акимовна! она дитя? Да это такое хитрое созданіе, что я не видывала; она такъ разсчетлива, что, право, я хоть и старше, а никогда не разсчитываю такъ, какъ она. Вы думаете, что она влюблена въ Алексѣя Емельяновича? нисколько. Она говоритъ: конечно, я очень молода и могу еще найти себѣ жениха, но не скоро могу отыскать такого богатаго и главное молоденькаго. Онъ такъ молодъ, а главное, у него такой слабый характеръ, что я буду дѣлать изъ него все, что мнѣ угодно. О! Машенька феноменъ для своихъ лѣтъ!

Новыя бѣлыя перчатки Михаила Дмитріевича затрещали.

— Что съ вами, кузенъ?

— Ничего. Я собираюсь домой. Онъ сталъ натягивать перчатку, она лопнула.

— Останьтесь, еще рано. И представьте, Матрена Григорьевна, продолжала Анна Степановна, торопясь говорить: при мнѣ зашелъ у нихъ разговоръ о замужствѣ. Отецъ и говоритъ: нѣтъ, я не отдамъ Машу за такого молодаго человѣка.—Помилуйте, папа, да развѣ я пойду за мужчину среднихъ лѣтъ, который захочетъ управлять мною; я не люблю повиноваться; я люблю, чтобъ мнѣ повиновались.

— Прощайте, Анна Степановна! повторилъ, кажется, въ пятый разъ Кронидовичъ.

— Ахъ, кузенъ! извините. Я такъ заговорилась. Прощайте! Какъ только узнаю, что сдѣлалось съ Марьей Гавриловной, сообщу непремѣнно вамъ.

Кузенъ даже не благодарилъ.

Онъ, конечно, не вѣрилъ Аннѣ Степановнѣ, но все-таки поѣхалъ домой, и, проѣзжая мимо Алмазовыхъ, увидѣлъ у подъѣзда Шубинскаго, кричавшаго своему кучеру: пошелъ домой! Это еще болѣе разсердило его. «Что это значитъ? ему отказали, а Шубинскаго приняли; еще вчера Машенька обѣщала ему, что Шубинскому будетъ отказано, а я еще сказалъ, что у меня есть дѣло до отца. Неужели все это не выдумка Анны Степановны? неужели она выходитъ замужъ за Шубинскаго? Всѣ эти сомнѣнія сильно безпокоили Кронидовича, но, вспомнивъ, что въ этотъ домѣ жили не одни Алмазовы, онъ не много успокоился. На другой день докторъ сказалъ ему, что вчера цѣлый вечеръ провелъ подлѣ m-lle Алмазовой, и что тамъ никого не было. Кронидовичъ, совершенно успокоенный, уѣхалъ въ Шатово, гдѣ ему давно надо было быть по одному тяжебному дѣлу.

—

VII.

Однажды утромъ Маша лежала на диванѣ въ неглиже,—еще слабая послѣ болѣзни, и думала о Кронидовичѣ, какъ вдруъ взошла, шелестя своимъ шелковымъ платьемъ, Анна Степановна и бросилась обнимать Машу.

— Милый человѣкъ! дорогая моя! вздумала умирать, когда по ней всѣ умираютъ. Что вы, моя неоцѣненная Настасья Ивановна не бере-

жете моего друга, говорила Анна Степановна, цѣлуя плечи матери Машеньки.

— Что будешь дѣлать, мать моя, они люди свѣтскіе, а мы необразованные; насъ не слушаютъ. Павелъ Степановичъ все-ли здоровъ?

— Ахъ, онъ такъ занятъ, завтра ѣдетъ въ уѣздъ.

— Ты чай перезябла, пойду согрѣть тебя кофейкомъ, а ты Машенька займи дорогую гостью.

Настасья Ивановна вышла.

Видно было, что Машѣ хотѣлось что-то спросить, но она не смѣла и робко поглядывала на Грибкову. Анна Степановна улыбалась, помалчивала; ей хотѣлось получше подшутить надъ Машей.

— Что это у васъ за прелесть—зимой и такіе цвѣты; откуда, вѣрно это вамъ Михайла Дмитріевичъ прислалъ?

— Нѣтъ, Шубинскій.

— Скажите, а я думала Михайла Дмитріевичъ. Что, мой другъ? онъ вѣрно не выѣзжалъ отъ васъ во время вашей болѣзни? Извините меня, я такъ подробно разспрашиваю; вы знаете, что я люблю васъ, какъ родную сестру! Даже больше.

— Добрая Анна Степановна!

— Ну, что-жъ, онъ часто бываетъ у васъ?

— Даже ни разу не прислалъ узнать о моемъ здоровьѣ? А вы его видѣли?

— Нѣтъ, тоже давно не былъ. Впрочемъ что же, Михаилъ Дмитріевичъ почти не выходитъ отъ Ивинскаго: говорятъ, что все по дѣламъ, а правду вамъ сказать, у него дочь отъ первой жены хорошенькая; пребойкая особа, а Михаилъ Дмитріевичъ такихъ-то и любитъ; кажется онъ женится на m-lle Ивинской; вѣдь мой кузенъ терпѣть не можетъ простенькихъ дѣвочекъ; что мнѣ, говоритъ, въ нихъ, имъ еще няньку нужно, толи дѣло свѣтскія дѣвицы!

Нѣтъ, мой другъ, Марья Гавриловна, повѣрьте мнѣ, онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ. Вы знаете всю мою любовь къ вамъ, послушайте меня, не думайте объ немъ. Будьте любезны съ Алексѣемъ Емельяновичемъ, вотъ ваша судьба—онъ васъ любитъ; вы бѣдная дѣвица, вамъ надо подумать о будущемъ, а любовь къ Кронидовичу ни къ чему не поведетъ; вы не знаете, что это за тираны мужчины!» И Анна Степановна прочитала огромную рѣчь о вѣроломствѣ мужчинъ. Вѣрьте мнѣ, я говорю по опыту, заключила Анна Степановна.

— Какъ, спросила Маша, неужели и вы испытали это, бѣдная Анна Степановна?

Грибкову поразилъ этотъ вопросъ; она была сильно затруднена, что отвѣчать.

— Я сама отказала всѣмъ моимъ женихамъ. Вамъ надо было сначала слушаться меня и избѣгать свиданій съ Кронидовичемъ.

Маша во всѣ глаза посмотрѣла на нее.

— Помилуйте, Анна Степановна, да не я ли просила васъ не посылать за нимъ: вы всегда сами приглашали его.

— Ахъ! какъ она мила! Да развѣ я не знала, что вы этого хотите, я хотѣла сдѣлать вамъ пріятное. Я не знала, что Михаилъ Дмитріевичъ похожъ на всѣхъ молодыхъ людей; я думала, что онъ исключеніе; а главное вы не умѣли держать себя. Зачѣмъ было показывать свою любовь.

— Я не могу притворяться.

— Но надо быть благоразумной. Когда вамъ будетъ лучше, пріѣзжайте ко мнѣ, я приглашу Михаила Дмитріевича, а вы не обращайте на него вниманія, будьте любезны съ Алексѣемъ Емельяновичемъ, кокетничайте съ нимъ, покажите, что вы сами не хуже другихъ.

Приходъ Настасьи Ивановны прервалъ Анну Степановну; разговоръ сдѣлался общимъ.

Могло показаться страннымъ, что Анна Степановна принялась хлопотать о Шубинскомъ; это было впрочемъ потому, что Шубинскій никакъ немогъ быть мужемъ Маши; отецъ не позволилъ бы ему жениться, зная хорошо вѣтренность и недалекій умъ своего сына.

Покамѣсть Маша покорялась вліянію Анны Степановны, невольно, по слабости своего характера,—Кронидовичъ по дѣламъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ деревню, гдѣ устроилъ хорошенькое помѣщеніе для своей будущей супруги, закупилъ бездну вещей, необходимыхъ для полнаго семейнаго счастія, словомъ хлопотъ ему была бездна. Наконецъ тяжебное дѣло было кончено въ его пользу: онъ выслушалъ рѣшеніе и прямо отправился къ кузинѣ, которую нашелъ дома, совершенно одну. Нечего и говорить, что первый вопросъ его былъ о Машѣ.

— Ахъ, кузенъ, вы все еще помните ее, впрочемъ, если вы незабыли, такъ васъ позабыли. Машенька и слышать не хочетъ о васъ. Да и вы поступили невѣжливо, даже и о здоровьѣ неприслали узнать.

Кронидовичъ оправдывался тѣмъ, что не хотѣлъ безпокоить Алмазовыхъ, что докторъ и безъ того каждый день извѣщалъ его о болѣзни его Маши.

— *Вашей* Маши? замѣтила Анна Степановна.

— Да, я завтра ѣду въ Гаврилѣ Ивановичу, сдѣлаю предложеніе, и черезъ мѣсяцъ буду имѣть удовольствіе представить вамъ мою жену.

Михаилъ Дмитріевичъ закрылъ глаза отъ полноты будущаго счастія; ему казалось, что онъ уже рекомендуетъ свою миленькую Машу, называетъ ее: ma femme.

Анна Степановна онѣмѣла.

— Cousin! вскричала она въ отчаяньи, пришедъ немного въ себя отъ перваго испуга; но только что хотѣла она возстать противъ этого ужаснаго намѣренія, какъ вдругъ самъ Шубинскій явился ей на помощь. Онъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ Марьи Гавриловны узнать, дома ли будетъ Анна Степановна. Она, разумѣется, съ восторгомъ ожидала Машу.

Цѣлый вечеръ Машенька неразлучалась съ Шубинскимъ; она прекрасно слѣдовала совѣтамъ Анны Степановны. Когда Михаилъ Дмитріевичъ извинялся, что небылъ у нихъ, Маша очень любезно отвѣчала:

— Вы очень дурно сдѣлали, что извинились; я могла думать, что вы были у меня, а теперь я знаю, что ошиблась! И она продолжала опять кокетничать съ Шубинскимъ.

Михаилъ Дмитріевичъ невѣрилъ ушамъ своимъ.

Машѣ было очень весело; она видѣла, какъ блѣднѣлъ и сердился Кронидовичъ; она была увѣрена, что это еще больше увеличитъ его любовь; иногда ей становилось жаль его, и она покушалась заговорить съ нимъ, но всякій разъ грозные взоры Анны Степановны останавливали ее. Михаилъ Дмитріевичъ увѣрился въ словахъ Анны Степановны.

На другой день утромъ къ дому Грибковымъ подъѣхала дорожная коляска; изъ нее вышелъ Кронидовичъ въ дорожномъ платьѣ.

— Прощайте, кузина, сказалъ входя Кронидовичъ, всегда приглаженый и тщательно одѣтый, въ настоящее же время въ небрежномъ костюмѣ и вообще немножко разстроенный.

— Куда вы, въ Шатово?

— Нѣтъ, въ Москву.

— И на долго?

— На годъ, а можетъ быть и больше.

— Такъ вы не женитесь? съ восторгомъ вскричала кузина. Напрасно! Ахъ какъ я жалѣю, что говорила вамъ все это о Марьѣ Гавриловнѣ... Женитесь, кузенъ.

— Вы смѣетесь надо мною. Вчерашнее ея поведеніе убило во мнѣ всю любовь. И ей только семнадцать лѣтъ!

— Что дѣлать, кузенъ! свѣтъ такъ коваренъ! нынче нѣтъ молодыхъ дѣвицъ!! Что прикажете сказать Марьѣ Гавриловнѣ?

— Пожелайте ей счастія, котораго она такъ заслуживаетъ, счастія

быть супругою Алексѣя Емельяновича, сказалъ Кронидовичъ, раскланиваясь съ Анной Степановной.

Она простилась съ нимъ, чуть не плача.

Отъѣзжая отъ подъѣзда Грибковой, Михаилъ Дмитріевичъ встрѣтилъ Машу, низко поклонился ей и съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ досадой, поглядѣлъ ей вслѣдъ.

— Анна Степановна, куда уѣхалъ Кронидовичъ? кричала Маша еще въ передней.

— Въ Москву, навсегда, отвѣчала Анна Степановна самымъ веселымъ голосомъ. Онъ желаетъ вамъ скорѣе выйти за Алексѣя Емельяновича.

Черезъ нѣсколько минутъ опечаленная Маша уѣхала домой.

— Что, голубчикъ! сказала Анна Степановна, низко присѣдая вслѣдъ Маши и посылая ей поцѣлуи рукой, не удалось! Я на своемъ поставила. И вмѣстѣ съ Дунюшкой старая дѣва принялась хохотать отъ души. Но увы! вечеромъ въ тотъ же самый день Дунюшка принесла Аннѣ Степановнѣ извѣстіе, что Егора Павловича перевели въ другую губернію. У бѣдной Анны Степановны и руки опустились.

— Что, голубчикъ, неудалось и тебѣ! Подѣломъ.

Въ Р. еще долго толковали о внезапномъ отъѣздѣ Кронидовича, о печали Машеньки, объ усилившейся страсти къ сплетнямъ у Анны Степановны, но наконецъ забылась и эта вседневная исторія, какъ забываются на свѣтѣ еще и не такія исторіи.

М—А.

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА.—Оливеръ Гольдсмитъ.—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Испанская народная драма.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**—Солнце-живописецъ (*исторія дагерротипа и фотографіи*). — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.**—Финики и фіялки (*разсказъ Леона Гозлана*). — Двѣ знаменитыя собаки Безерильо и Леонсильо. — Три портрета Абдель-Кадера. — Еще анекдотъ о движеніи неодушевленныхъ предметовъ.—Сент-Адрессъ.—Шмидтъ-живописецъ ножницами. — Пароходы на Миссисипи. — Асторъ. — Орландъ де-Лассю.— Мечта госпожи де-Севинье. — Тайна нотаріуса. — Необыкновенное завѣщаніе. — Ловля тюленей въ нынѣшнемъ году. — Овощи въ Лондонѣ. — Быстрота парусныхъ судовъ. — Эѳиръ вмѣсто паровъ. — Свадьба черезъ книгу. — Восточный оселъ.—Законы туалета.— Самое старое дерево въ свѣтѣ.—Путешествіе Александра Дюма въ Англію (*отрывокъ*).— Открытіе привидѣнія (*разсказъ*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Оливеръ Гольдсмитъ. — «Однажды утромъ я получилъ отъ бѣднаго Гольдсмита извѣстіе, что онъ находится въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, и что такъ-какъ онъ самъ не свободенъ, то проситъ меня посѣтить его, какъ можно скорѣе. Я послалъ ему гинею и обѣщалъ зайти тотчасъ же. Потомъ, не мѣшкая ни минуты, я одѣлся и побѣжалъ къ нему. Хозяйка Гольдсмита, мистрисъ Елизавета Флемингъ, держала его подъ арестомъ за то, что онъ не платилъ денегъ за квартиру, и онъ былъ за это въ ужасной досадѣ. Я замѣтилъ, что онъ уже размѣнялъ мою гинею и купилъ бутылку мадеры, которая стояла передъ нимъ

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Génève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Litterary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

вмѣстѣ съ рюмкой. Я поспѣшилъ заткнуть пробку и началъ разспрашивать, чѣмъ можно поправить его дѣла. Онъ мнѣ сказалъ, что у него есть готовая *повѣсть*, которую можно напечатать, и подалъ мнѣ рукопись. Перелистывая ее, я тотчасъ же увидѣлъ, что сочиненіе бѣднаго Гольдсмита превосходно, и потому, успокоивъ его и хозяйку, пошелъ къ книгопродавцу, продалъ ему рукопись за семьдесятъ ливровъ (около 1,500 франковъ), и принесъ деньги арестанту. Онъ тотчасъ же расплатился съ хозяйкой, побранивъ ее сначала за дурное съ нимъ обращеніе.»

Вотъ самый вѣрный разсказъ Джонсона. «Я отвѣчаю за справедливость его, говоритъ Джемсъ Босвель, издавшій въ 1791 году два большіе тома in 4°, посвященные на то, чтобъ сохранить для потомства всѣ поступки и слова знаменитаго доктора Самуила Джонсона, со всѣми малѣйшими подробностями его жизни.

Мистрисъ Піоци, первая жена г–на Траль, лучшаго друга Самуила Джонсона, разсказываетъ объ этомъ свиданіи совсѣмъ иначе, и кажется, уже слишкомъ нападаетъ на автора *Вакефильдскаго священника*. Она увѣряетъ, что Гольдсмитъ былъ уже пьянъ отъ выпитой имъ мадеры, и говорилъ настоящую чепуху. Повѣсть его еще не была окончена, да онъ и не былъ въ состояніи окончить ее, особенно въ такомъ состояніи духа, какъ былъ въ эту минуту. Кажется, впрочемъ, скорѣе можно повѣрить флегматическому и добросовѣстному Джемсу Босвелю, чѣмъ этой вѣтреной и болтливой женщинѣ. У бѣднаго Гольдсмита и безъ того было много недостатковъ, превышавшихъ его хорошія качества, зачѣмъ же преувеличивать дурную сторону его и такъ некрасиваго портрета?

Это случилось лѣтомъ 1764 года. Когда мистрисъ Флемингъ напугала своего постояльца арестомъ,—было уже больше трехъ лѣтъ, какъ Джонсонъ и Гольдсмитъ были соединены тѣсной дружбой.

Почтенный докторъ Перси былъ добрымъ геніемъ, представившимъ Гольдсмита, еще мало извѣстнаго, Джонсону, одному изъ лучшихъ писателей своего времени, котораго уважала вся Англія. 31–го мая 1761 года, докторъ Перси пошелъ самъ за Джонсономъ въ Инеръ–Темпль–Ланъ и привелъ его въ Вейнъ–Офисъ–Кортъ, гдѣ Гольдсмитъ приготовилъ ужинъ. Самуилъ Джонсонъ, отличавшійся всегда самою скромною одеждою, теперь нарядился такъ, какъ–будто бы ѣхалъ ко двору: платье его было совершенно ново, парикъ напудренъ, камзолъ яркокраснаго цвѣта вышитъ золотомъ, золотой галунъ украшалъ его трехъугольную шляпу.

— Что это значитъ? закричалъ докторъ Перси, къ чему такой великолѣпный нарядъ!

— Для того, отвѣчалъ Джонсонъ, что Гольдсмитъ не очень опрятенъ и извиняетъ свое неряшество тѣмъ, что и я не люблю заниматься своимъ костюмомъ. Сегодня я хочу доказать ему, что онъ ошибался на мой счетъ и можетъ брать съ меня примѣръ опрятности и щегольства.

Это былъ первый нравственный урокъ, который Джонсонъ далъ своему будущему другу; извѣстно что въ–послѣдствіи онъ не скупился

на откровенныя замѣчанія. Одаренный высокимъ умомъ, хотя не безъ странностей и предразсудковъ, онъ поставилъ себѣ непремѣнною обязанностью безъ жалости и осторожности поминутно напоминать своимъ друзьямъ о ихъ недостаткахъ и порокахъ. Гольдсмитъ менѣе всего занимался постановленіями общественной жизни, такъ велика была его разсѣянность и непринужденность; но и онъ сердился на непрошенныя замѣчанія и совѣты. Однако, мало-по-малу, онъ наконецъ привыкъ выслушивать наставленія Джонсона и слѣдовалъ за нимъ вездѣ на гулянья, къ книгопродавцамъ, въ лучшія гостиныя. Онъ очень хорошо зналъ, что играетъ второстепенную роль и много теряетъ отъ сравненія съ своимъ знаменитымъ другомъ, но Гольдсмитъ чувствовалъ къ Джонсону какое-то влеченіе, которому не могъ противиться, и самъ сознавался, что завидуетъ рѣдкимъ и высокимъ качествамъ Джонсона, его твердымъ и полезнымъ познаніямъ, непреклонной логикѣ, необыкновенному присутствію духа и блестящему, остроумному разговору. Онъ пламенно желалъ пріобрѣсть эти же качества и нѣсколько разъ пробовалъ достигнуть ихъ, но всѣ его усилія оставались напрасны.

Джонсонъ почиталъ Гольдсмита великимъ писателемъ и смѣло ставилъ его поэму *Путешественникъ* (the Traveller) наряду съ образцовыми произведеніями англійской литературы; но онъ страдалъ жестоко, когда видѣлъ, что этотъ человѣкъ накликаетъ на себя насмѣшки и невыгодное мнѣніе своими необдуманными замѣчаніями въ разговорахъ, разсѣянностью и даже глупостью.

— Гольдсмитъ никогда не долженъ вступать въ разговоръ, говорилъ Джонсонъ, и особенно не смѣетъ показывать свое остроуміе, если не хочетъ, чтобъ всѣ надъ нимъ смѣялись и унижали его самолюбіе. Можно отличиться ловкостью, легкостью выраженій, и человѣкъ вдесятеро глупѣе Гольдсмита всегда будетъ имѣть больше его успѣха въ разговорѣ. Онъ же похожъ на игрока, который держитъ сто гиней противъ одной, и несмотря на вѣрность шансовъ, всегда проигрываетъ. Притомъ, если онъ и выиграетъ, то немного прибавитъ къ своей репутаціи умнаго человѣка, тогда-какъ проигрышъ можетъ сдѣлать ему много вреда.

Джонсону напомнили однажды, что Адиссонъ довольствовался репутаціею умнаго писателя, и никогда не хотѣлъ блистать въ разговорѣ. Одна дама замѣтила ему однажды, что онъ молчалъ цѣлый вечеръ, и спросила, отчего это происходитъ.

— Оттого, отвѣчалъ Адиссонъ, что въ моемъ кошелькѣ только нѣсколько мѣдныхъ монетъ, но я имѣю кредитъ на тысячу ливровъ.

На это Джонсонъ отвѣчалъ:

— Это настоящій Гольдсмитъ, у котораго въ головѣ сокровища, но въ кошелькѣ пусто. Онъ богатъ умомъ только съ перомъ въ рукѣ.

Гольдсмитъ самъ серьозно удивлялся, отчего онъ никогда не можетъ рѣшить ни одного спора въ разговорѣ и не можетъ добиться, чтобъ его слушали, тогда-какъ бесѣдуя самъ съ собою, всегда находитъ самые ясные доводы и доказательства. Всѣ, разумѣется, смѣялись надъ такою наивностью и Джонсонъ говорилъ.

— Онъ совершенно правъ, потому-что одинъ и въ своемъ кабинетѣ онъ основательно изучаетъ предметъ и можетъ разсуждать о немъ дѣльно и умно; когда же находится въ обществѣ, то конфузится, путается и не можетъ ничего доказать. И несмотря на то, Гольдсмитъ занимаетъ почетное мѣсто, какъ поэтъ, комическій писатель и даже какъ историкъ.

Слыша эти похвалы, Босвель не соглашался только въ одномъ, что Гольдсмитъ хорошій историкъ.

— Я докажу вамъ справедливость моего мнѣнія, отвѣчалъ Джонсонъ. Превосходство книги заключается въ томъ, что она содержитъ въ себѣ все, что̀ должна и можетъ содержать. Гольдсмитъ умѣетъ въ немногихъ словахъ выразить все, что̀ читателю необходимо знать. Его Краткая Римская исторія гораздо лучше исторіи Луція Флора или Евтропія, и если вы сравните его съ Верто въ тѣхъ же самыхъ разсказахъ, то увидите, что Гольдсмитъ все-таки выше.

— Несчастіе Гольдсмита состоитъ еще въ томъ, говорилъ Джонсонъ, что онъ часто вмѣшается въ разговоръ и не знаетъ, какъ изъ него выпутаться. Онъ геніяльный человѣкъ, но все-таки мало знаетъ, и объ немъ можно тоже сказать, что̀ о великодушномъ человѣкѣ: Зачѣмъ онъ не такъ богатъ! О Гольдсмитѣ можно пожалѣть: Зачѣмъ онъ мало ученъ! Тогда бы онъ не скрывалъ своихъ познаній.

Разумѣется, что Джонсонъ понималъ подъ этимъ познанія методическія, основательныя. И когда ему замѣчали, что Гольдсмитъ былъ докторомъ медицины и учился многому, что̀ доказываетъ разнообразіе его сочиненій, онъ отвѣчалъ:

— Правда; мой другъ знаетъ много, и голова его наполнена многими предметами, но они у него не въ порядкѣ и переходятъ съ мѣста на мѣсто, такъ что часто онъ самъ не знаетъ и не можетъ объяснить, отчего сочиненія его превосходны.

Спорили однажды о томъ, могутъ ли быть дружны между-собою два человѣка, раздѣленные мнѣніями политическими, религіозными и философическими. Джонсонъ увѣрялъ, что могутъ, и говорилъ, что въ такомъ-случаѣ стоитъ только удерживаться отъ намековъ или согласиться никогда не говорить о предметахъ, которые могутъ привести къ ссорѣ.

— Напримѣръ, продолжалъ онъ, я люблю быть въ обществѣ съ Борке, я уважаю его познанія, умъ, пріятный разговоръ, но никогда не буду говорить съ нимъ о партіи Рокингама.

— Это похоже на положеніе жены Синей-Бороды, сказалъ Гольдсмитъ. Два друга живутъ вмѣстѣ и не смѣютъ говорить объ одномъ предметѣ; это то же что слова Рауля: ты можешь входить во всѣ комнаты, кромѣ одной. Разумѣется, что это запрещеніе только возбуждаетъ любопытство и подстрекаетъ непремѣнно войти туда, куда нельзя. Можно наконецъ нечаянно и противъ воли заговорить о предметѣ...

Джонсонъ перебилъ его:

— Я совсѣмъ не увѣрялъ, что вы, Гольдсмитъ, можете жить дружно

съ человѣкомъ, который думаетъ и поступаетъ не такъ, какъ вы, я только говорю, что *я* могу это сдѣлать.

Послѣ подобныхъ разговоровъ Гольдсмитъ былъ иногда въ отчаяніи и восклицалъ:

— Съ этимъ Джонсономъ невозможно разговаривать. Когда его пистолетъ осѣчется, онъ разобьетъ голову противника прикладомъ и все-таки будетъ правъ.

Бывали однако случаи, когда Гольдсмитъ выигрывалъ въ общемъ мнѣніи и сравнивался даже съ Джонсономъ, что̀ мудрено было для многихъ. Однажды онъ говорилъ знаменитому живописцу Рейнольдсу, что для баснописца труднѣе всего заставить говорить животное такимъ тономъ, который соотвѣтствуетъ его характеру.

— Напримѣръ, прибавилъ онъ, въ баснѣ, гдѣ маленькія рыбки просятъ Юпитера превратить ихъ въ птицъ, главное искусство состоитъ въ томъ, чтобъ по разговору можно было отгадать, что это маленькія рыбки, а не большія, просятъ летать по воздуху.

Услышавъ это, докторъ Джонсонъ, который былъ очень толстъ, началъ смѣяться густымъ басомъ.

— Вы думаете, докторъ, сказалъ ему Гольдсмитъ, что это очень легко. Я держу пари, что еслибъ вамъ пришлось заставлять дѣйствовать маленькихъ рыбокъ, то онѣ заговорили бы какъ киты.

Босвель хвалилъ всегда безъ мѣры Джонсона и для него унижалъ всѣхъ другихъ авторовъ, такъ-что Гольдсмитъ, несмотря на все свое уваженіе къ другу, сказалъ ему однажды:

— Мнѣ кажется, что вы хотите установить въ литературѣ единогласіе, тогда-какъ она всегда отличалась разногласіемъ.

Разумѣется, нашлись люди, которые приписали этотъ умный отвѣтъ зависти или обиженному самолюбію, тѣмъ болѣе, что авторъ *Вакефильдскаго священника* самъ сознавался, что онъ чрезвычайно много о себѣ думаетъ и ставитъ себя чрезвычайно высоко. Про эту слабость Гольдсмита разсказываютъ много забавныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые кажутся уже слишкомъ неправдоподобными.

Онъ провожалъ во Францію двухъ прекрасныхъ женщинъ, и возвратясь въ Англію, очень сердился на французовъ за то, что всѣ обращали вниманіе на его хорошенькихъ спутницъ, а не на него.

Въ одномъ представленіи Фанточини въ Лондонѣ публика громко аплодировала маріонеткѣ, которая скакала черезъ обручи и палки. Гольдсмитъ былъ этимъ очень раздосадованъ и не могъ удержаться, чтобъ не сказать вслухъ:

— За что̀ ей хлопаютъ? я перескочу лучше, если захочу.

Всѣ начали смѣяться, но писатель настаивалъ, что маріонетка не искуснѣе его, и вечеромъ у Борке онъ доказалъ при всѣхъ, что умѣетъ прыгать черезъ палку.

Въ другой разъ Борке съ друзьями увидѣлъ, что Гольдсмитъ стоитъ на улицѣ и вмѣстѣ съ толпою смотритъ на какихъ-то женщинъ, странно костюмированныхъ, которыхъ провожали криками удивленія и восторга. Борке ушелъ такъ, чтобъ Гольдсмитъ не могъ его замѣтить, и

сказалъ своимъ друзьямъ, чтобъ они приготовились къ шуткѣ. Вечеромъ въ тотъ же день Гольдсмитъ пришелъ къ Борке ужинать, и тотъ принялъ его холодно и не отвѣчалъ на его вопросы. Бѣдный писатель удивился такому необыкновенному обхожденію и никакъ не могъ придумать, чѣмъ онъ оскорбилъ своего покровителя. Наконецъ онъ рѣшился разспросить его, прибавя, что не знаетъ, въ чемъ провинился. На это Борке отвѣчалъ ему строго:

— Какъ вамъ не стыдно, г. Гольдсмитъ! Ваше поведеніе до того смѣшно и странно, ваше самолюбіе и гордость такъ нестерпимы, что съ вами стыдно даже быть знакомымъ. Сегодня я и мои друзья слышали, какъ вы, стоя въ толпѣ, зѣвающей на нарядныхъ женщинъ, сказали громко: эти дураки смотрятъ на всѣхъ разряженныхъ куколъ, а меня не замѣчаютъ.

Гольдсмитъ увѣрялъ, что онъ не говорилъ ничего подобнаго, но когда Борке сказалъ хладнокровно, что ему нѣтъ никакой надобности выдумывать, бѣдный писатель печально опустилъ голову и сказалъ со вздохомъ:

— Право я не замѣтилъ, когда сказалъ эти слова. Признаюсь къ моему стыду, хоть это очень смѣшно, но мысль эта была въ моей головѣ; я все таки думалъ, что не выражалъ ее словами.

Эти странности въ талантливомъ писателѣ удивляли многихъ. «Это вдохновенный идіотъ,» говорилъ про него Орасъ Вальполь. Босвель говоритъ, что одинъ умный человѣкъ Шамье долго разговаривалъ съ Гольдсмитомъ, и потомъ сказалъ:

— Теперь я вѣрю, что самъ Гольдсмитъ написалъ свои произведенія, но признаюсь, что мнѣ трудно было въ этомъ убѣдиться.

Случалось, что люди не высшаго образованія нетолько смѣялись надъ Гольдсмитомъ, но и были очень непочтительны къ нему. Одинъ джентльменъ, сидѣвшій однажды за столомъ между имъ и Джонсономъ, сказалъ громко:

— Я сижу между докторомъ Мажоромъ и докторомъ Миноромъ.

Въ другой разъ Гольдсмитъ объяснялъ одному нѣмцу какую-то ученую тему и надѣялся въ ней отличиться, когда тотъ перебилъ его посреди фразы и сказалъ:

— Замолчите, пожалуйста, и дайте мнѣ слушать, что говоритъ докторъ Джонсонъ.

Иногда Джонсонъ строго выговаривалъ тѣмъ, которые неучтиво обращались съ его другомъ. Гольдсмитъ однажды жаловался, что встрѣтясь въ одномъ обществѣ съ лордомъ Кампденомъ, этотъ вельможа не сказалъ ему ни слова, тогда-какъ другіе присутствующіе не переставали говорить съ нимъ. Всѣ отъ души захохотали, услыша эту наивную жалобу, но Джонсонъ попросилъ всѣхъ замолчать и сказалъ:

— Докторъ Гольдсмитъ правъ, и вы напрасно смѣетесь надъ нимъ. По моему мнѣнію, лордъ Кампденъ очень дурно сдѣлалъ, что не обратилъ никакого вниманія на моего друга.

Съ своей стороны Гольдсмитъ всѣми силами старался доказать Джонсону свою благодарность и уваженіе. Онъ посвятилъ ему свою

комедію: «She stoops to conquer» (она унижается, чтобъ побѣдить) и сказалъ при этомъ:

— Посвящая вамъ эту маленькую пьесу, я дѣлаю больше чести себѣ, чѣмъ вамъ. Мнѣ очень лестно извѣстить публику, что вы уже нѣсколько лѣтъ удостоиваете меня вашею дружбой. Пусть всѣ узнаютъ, что вы соединяете съ высокими качествами снисходительность и вниманіе.

Джонсонъ пережилъ Гольдсмита и написалъ ему эпитафію на латинскомъ языкѣ, вырѣзанную на монументѣ автора ваксфильдскаго священника въ вестминстерскомъ аббатствѣ.

Онъ не позволялъ также, чтобъ при немъ кто-нибудь невыгодно относился о его другѣ или критиковалъ его. На одномъ обѣдѣ у Рейнольдса кто-то вздумалъ невыгодно говорить о сочиненіяхъ Гольдсмита, и Джонсонъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ:

— Осуждать моего бѣднаго Гольди могутъ только тѣ, у которыхъ столько же таланта и достоинствъ, какъ у него; но такъ-какъ здѣсь никто изъ насъ не можетъ съ нимъ сравниться, то никто не имѣетъ права критиковать его!

—

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Испанская народная драма.—Недавно прославилась въ Парижѣ смѣлая испанская танцовщица Пепита Олива. Она настоящая Андалузянка, и танцуетъ, какъ танцуютъ на всѣхъ испанскихъ театрахъ, на всѣхъ андалузскихъ ярмаркахъ, — можетъ-быть не такъ увлекательно, какъ гренадскія и севильскія muchachas, но болѣе пластически. Однимъ-словомъ, она истинная представительница народной испанской жизни, испанской поэзіи. Это типъ силы и граціи, испанской гордости и хвастовства, смѣлаго юмора и прелести, страсти и фантазіи.

Испанцы не могутъ жить безъ танцевъ. На всѣхъ большихъ театрахъ принуждены въ антрактахъ заставлять танцовать *болеро*, или *хоту*, и бо́льшая-часть публики только для этихъ антрактовъ ходитъ въ театръ.

Но въ народныхъ театрахъ танцы должны составлять главную часть зрѣлищъ. При этомъ и актеры на сценѣ, и зрители въ партерѣ, акомпанируютъ кастаньетами, на гитарѣ и пѣніемъ. Полудикія мелодіи танцевъ всегда однѣ и тѣже; слова же бо́льшею-частію импровизируются. Самое пѣніе составляетъ что́-то странное, восточное, горловые звуки съ безпрестаннымъ вскрикиваніемъ.

Эти танцы и пѣніе составляютъ главный сюжетъ народныхъ пьесъ. Разговоръ, придѣлываемый авторами, нечто́ иное, какъ двусмысленныя шутки.

Чтобы читатели вѣрнѣе могли судить объ этихъ пьесахъ, разскажемъ нѣсколько явленій изъ Tio Caniyitas Санчо Переса. Сюжетъ пьесы очень простъ. Англичанинъ хочетъ выучиться говорить по-цыгански

и знакомится для этого съ цыганами. Одна цыганка долго дурачитъ его, пока настоящій женихъ ея неявится съ друзьями и не прогонитъ англичанина.

Разговоръ составляетъ смѣсь андалузскаго нарѣчія съ цыганскимъ.

Первое явленіе происходитъ на кадикской площади Санъ-Хуанъ-де-Діосъ, гдѣ всѣ разнощики и торговки поочередно являются, выхваляя свой товаръ. Между ними есть слѣпой. Это лицо весьма часто встрѣчается въ испанскихъ пьесахъ. Онъ становится передъ открытыми дверьми цирюльни и поетъ:

Eres chiquita y bonita,
Eres como yo te quiero,
Pareces campaniyita
Hecha á mano de un platero.

(Ты мала ростомъ и предестна, ты пряма станомъ, какъ я желаю; ты похожа на серебряный колокольчикъ, только-что вышедшій изъ рукъ мастера).

Проходятъ молодые люди и поютъ:

Tu seras paloma blanca
Yo seré paloma azul,
Vente al campito y haremos
Guuù, guuù, guuù,
Pi pi, gu gu!
Nina, vamonos, yo con tu
Gu gu, pi pi,

(Ты будешь бѣлою голубкою, я сизымъ голубкомъ; полетимъ съ тобой въ поле, заворкуемъ тамъ: гууу, гууу, гууу, пипи, гугу! Пойдемъ *Нинья* (маленькая), я съ тобою!)

Мальчикъ арабъ, занимающійся чисткою сапоговъ, продирается сквозь толпу и поетъ:

Yo soy el neglo mandinga
Daça la pata, tu mi seno!
Yó soy mandinguita el nego
Que limpia las botas
Por quatro cualtò.
Yo soy nego,
Mi male fué nega,
Neglito mi pare,
Neglita mi aguella;
Mas no hay un compare branquito,
Que deje las botas
Como yo las deja.

(Я черный поденьщикъ... Подай мнѣ твою ногу, господинъ мой. Я маленькій черный поденьщикъ, который чиститъ сапоги за четыре *квальто*. Я арабъ; мать моя была арабка; отецъ мой былъ арабченокъ; бабка была маленькая арабка, но никто изъ бѣлыхъ моихъ товарищей такъ не вычиститъ сапога, какъ я).

Фокусникъ, показывающій въ ящикѣ въ стеклышко панораму, составляетъ также необходимое лицо испанской общественной жизни и принадлежность народныхъ пьесъ. Но этотъ штукарь всегда отпускаетъ остроты на современныя происшествія. Обыкновенно при первыхъ двухъ куплетахъ, городовой сержантъ остерегаетъ его, чтобъ онъ не завирался; при третьемъ часто берутъ его и разгоняютъ народъ. Вотъ образчикъ его куплетовъ:

Ahora veran usted es
A un cabayero formal
Que el ano pasao era un perdi
Y hoy es un... tan, taran, tan...
El min zangolotino, es este...
Mirad que retortoryuo!
Se come para almorsar
Cuarenta arrobas de corcho
Y una bota de alquitran.
Cuanto tose se menea,
Er penon de Gibarta!
Quie se menistro y es tuto...

(Посмотрите, господа, на этого молодца; въ прошломъ году былъ онъ еще гуляка, а теперь сдѣлался... танъ, таранъ, танъ. Посмотрите, какъ онъ разжирѣлъ. За завтракомъ съѣдаетъ онъ сорокъ арробовъ пробокъ и цѣлую бочку дегтю. Когда онъ кашлянетъ, то дрожитъ гибралтарская скала. Онъ хочетъ быть чѣмъ-нибудь,—а самъ оселъ...)

Далѣе онъ продолжаетъ:

Tan, taran, tan!
Arhoa veran ustedes
A el arcarde de un lugar,
Que va embosao en un praque
Mas grande que un carromato.
Pos, senores, este tal
Ar pueblo se esta comiendo.

(Танъ, таранъ, танъ! Теперь посмотрите, господа, вотъ мясникъ одного города, который закутался во фракъ шириною съ большую повозку. Ну, господа, этотъ малой съѣстъ все мѣстечко).

Tan, taran, tan!
Esta es la studia de Roma,

La studia de calia,
Sitiada por los... nemicos.
Alla en tiempo de Datan,
Ahora tresciendas mil anos,
Aquel es su general
El general Beduino...

(Танъ, таранъ, танъ! Вотъ и городъ Римъ! Могущественный этотъ городъ осажденъ...—осажденъ непріятелемъ... это было триста тысячъ лѣтъ тому назадъ... А вотъ и генералъ, ихъ генералъ Бедуино...)

Послѣ этого пролога начинается самая пьеса.

Два андалузскіе плута сговорились надуть англичанина Фрича. Вотъ разговоръ ихъ:

CANIUITAS. Yo le hablo claro y erresis
Y aunque grite no me intiende
CALAMÀ. Si fuea rà su tierra tu,
Ya verias. Pacorrigo,
Mia tu que hasta los chi quigo
Hablan el Ingle...
CANIUITAS. Jesu!
CALAMÀ. Pos mira este hombre quiere,
Me entiendes tu? deprende
A habla jitano.
CANIUITAS. Puase!!
CALAMÀ. Y aprendesto con mugere
CANIUITAS. Asi se apriende mejo
CALAMÀ. Quiere oir a una jitana.
FRICH. Yes, veryvell.
CANIUITAS. Cayetana
Para eso es de mistò *.
CALAMÀ. Y quien es?
CANIUITAS. La lagatija,
Tu no conosces al Romo?
Hombre, mi compare Geromo?
CALAMÀ. Lo conozco.
CANIUITAS. Pos su hija.
FRICH. Es un Margarito bueno?

* *Канійитасъ.* Кажется, я съ нимъ говорю чисто и ясно, а какъ ни кричу, онъ меня все не понимаетъ. *Каламà.* Еслибъ ты былъ въ его землѣ, то увидѣлъ бы, барашекъ, что даже малыя дѣти говорятъ тамъ по-англійски. *Канійитасъ.* Боже мой! *Каламà.* Теперь смотри. Этотъ человѣкъ хотѣлъ бы, понимаешь-ли? выучиться по-цыгански. *Канійитасъ.* Возможно-ли? *Каламà.* И хочетъ выучиться у дѣвушки. *Канійитасъ.* Да! такъ скорѣе выучиваются. *Каламà.* Онъ бы хотѣлъ послушать, какъ говоритъ цыганка. *Фричъ* Yes very well, (*да !очень хорошо!*). *Канійитасъ.* Кайетана была бы для этого очень кстати.

CANIYITAS. Esto es una chavalla
Que er dia que sale egala
Donde va junde er terreno.
FRICH. Non tende. Es un Margarito?
CALAMÀ. Yes!
CANIYITAS. Po yes! Mosa mu pura
Voy a haserte su pintura
Si es que lo entendies
Chorlits.
(*Музыка. Эта пѣсня въ особенности нравится*).
Es una jembra morena
Con unos ojos barbales,
Que alumbran como ciriales
Cuando se pone junca?
FRICH. Que cosa es: junco?
CANIYITAS. Arrepara!
Lus dientes corren pareja
Con las piaras de oveja
Acabaas de bana.
Y tiene un pelo
Mas negro que las alas
Didon, de un cuervo *.
CHOR. Ay probe Ingles
Juyele la Caniyitas
Que el cuerao es el.
CANIYITAS. Tiene er piscueso de tortola.
FRICH Yes comprendre.
CANIYITAS. Y la boquita
Lo mesmo que una guindita.
FRICH. Yes! comprende.
CANIYITAS. Chachipe!
FRICH. Que cosa dime es chachipe?
CANIYITAS. Es como arro con tomate.
FRICH. Tomata?
CANIYITAS. Estupefate
Se me ha quedas er gaché!
Y si tu viera,

* *Каламà*. Которая, ты думаешь? *Канійитасъ*. Змѣйка! Ты знаешь-ли стараго цыгана Джеромо? *Каламà*. Знаю. *Канійитасъ*. Ну, такъ его дочь. *Фричъ*. Хороша-ли Маргаритка? *Канійитасъ*. Это такая дѣвушка, которая похожа на разсвѣтающее утро; гдѣ ступитъ, тамъ земля таетъ отъ удовольствія. *Фричъ*. Не понимаю. Маргаритка ли она (каламбуръ: перлъ)? *Каламà*. Yes. *Канійитасъ*. Разумѣется yes! Это удивительная дѣвушка, я тебѣ опишу портретъ ея, если ты только поймешь, соломенное чучело. (*Поетъ*): «Она дѣвушка брюнетка; глаза у нея, какъ виноградъ, свѣтятся, какъ люстры, а когда она къ намъ подсядетъ. . *Фричъ*. Что значитъ: къ *намъ*. *Канійитасъ*. Молчи! — Зубы у нея, какъ стадо барановъ, прибѣжавшее изъ бани. Волосы у нея, — клянусь душою, — чернѣе воронова крыла.

Tiene un luna en la barba
Come una pera
CHOR. Ay que mareo!
Caniyita, tu ante,
Largalo, perro.
CANIYITAS. Tiene un pecho, mi comprendes?
FRICH. Comprejende.
CANIYITAS. De merengue
Y a luego, vaigame ermongue!
Unos pinreles ase. *
FRICH. Que cosa es pinreles?
CANIYITAS. (Senala elpié) Esto.
Mas coprendio? La pata.
Mira es la flary la nata
Do lo guens y lo bari.

(*Фричъ*. А что значитъ ножка? *Канійитасъ показываетъ свою ногу*). Вотъ что! Понимаешь? Нога! Посмотри! она цвѣтъ и сливки всего хорошаго и прекраснаго).

Является и сама цыганка. Она танцуетъ знаменитую *Вито* на столѣ; около стола цыгане и цыганки сидятъ и акомпанируютъ ей. Потомъ она поетъ:

Quien no haya visto en el mundo
La setima maraviya,
Que vaya fletando un barco
Para el barrio de la vina.
CHOR. Con el vito, vito, vito,
Con el vito, vito, va!
CAYETANA. No me jaga uste cos quiya
Que me pongo colora.
CHOR. Es, no muala uste a mi nina,
Que la va a jase yorá
Salero, salero!
Y toma ya, ya,
Mate usté al torito
Valiente estocá.

* *Хоръ*. Бѣдный англичанинъ! Бѣги отъ Канійитаса: онъ твой воронъ. *Канійитасъ*. Шейка у нея, какъ у голубки. *Фричъ*. Yes! понимаю. *Канійитасъ*. Ротикъ, точно вишня. *Фричъ*. Yes! понимаю. *Канійитасъ*. Молчи! *Фричъ*. Что значитъ: молчи. *Канійитасъ*. Она похожа на рисъ съ яблоками. *Фричъ*. Съ яблоками? *Канійитасъ*. Ты удивляешься, какъ образованный человѣкъ, но еслибъ ты видѣлъ бородавку на щекѣ ея *. *Хоръ*. О-бездѣльникъ, Канійитасъ! Какой ты плутъ. Ну, продолжай, собака! *Канійитасъ*. Грудь у нея, какъ холмъ прибрежный; ножки такъ малы...

* Бородавка на щекѣ почитается въ Испаніи величайшею красотою. Волосы на ней завиваютъ и опрыскиваютъ ее духами. Оба пола хвастаютъ этими бородавками.

Cayetana. Las doncellas son de oro,
Las casadas don de plata,
Las viudas son de cobre,
Y las viejas de hojalata.
Cnor. Con el vito, vito, vito!
Con el vito, vito, va! *.

(Женихъ цыганки увидѣлъ англичанина у нея и выражаетъ свою ревность и жажду мщенія слѣдующимъ-образомъ:

Darme ahi un jierro y lo mato
Ay darme un jierro, ligero!
Que quieo abrisle à ese chibato
En la barriga un bujero,
Po an de puepa nn carromato
Que non puea un hombre tené
Metuto en su casita
Una mosa a quien queré!
Pienza oste que somos, a ve!
De corcho acà, don lebita?
Proe no es su curpa, no,
Sino de esa arrastraundi
Que er corason tiene, oh!
Con mas caminos chalò,
Que se ve en un mepi-mundi.
Senores, quien lo diria!
Cuando la criò su pare,
Como un cerrojo oprimia
Y juro que me querria
Porel chongo de su mare.
Pos güeno! tu mas fartao,
Dejastes mi corason
Como esa fragne quemao;
Puesten de Repampliyao,
Catana, la mardision *.

* Кто не видѣлъ еще на свѣтѣ седьмаго чуда, тотъ найми себѣ кораблик и отправься въ винный погребокъ. *Хоръ.* Къ вито, вито, вито! Къ вито, вито—пойдемъ! *Кайетана.* Если кто до меня дотронется, я тотчасъ покраснѣю. *Хоръ.* Гей! не троньте нашу дѣвушку, а нето она заплачетъ. Салеро! Салеро! (*) Всѣ на бой! да, да! убить вола храброю шпагою. *Кайетана.* Дѣвушки изъ золота, женщины изъ серебра, вдовушки изъ мѣди, старухи изъ жести. *Хоръ.* Къ вито, вито, вито! Къ вито, вито—пойдемъ!

(*) Это веселые возгласы.

* Дайте мнѣ ножъ, я убью его! Поскорѣе! дайте мнѣ желѣзо. Я пробью въ его тѣлѣ такое отверзтіе, что телега проѣдетъ въ него. О! почему человѣкъ не можетъ, какъ травку, пересадить любимую дѣвушку въ свою комнату? Не думаете ли вы, господинъ Франкъ, что мы созданы изъ пробки? Но виноватъ-ли онъ? Нѣтъ! Виновна дѣвушка, у которой въ сердцѣ проложено много путей, какъ на географической картѣ. О, господа! Кто бы поду-

Музыка).

Eres como la adelfa,
Tu ma la jitena,
Que echas hermosas flores,
Y luego amargan.
Premitan los cielos
Que el dia que quieras
Tu gachonsito
Te diga «anda, vete»
Y rabiando mueras.

Chor. Sigue nos tu, Pepiyo,
Que al barrio vamos,
Y para queten venguen,
Vendran gitanos.

Rep. Para que medijiste
Toma mi alma,
Si volaban los vientos
De la inconstancia?
Vete mardesia,
Premita un dive,
Que pan te pidan
Tu probes hijito,
Y te hayas sin el *.

Этотъ отрывокъ можетъ дать понятіе о народной жизни въ Андалузіи, о талантѣ народныхъ поэтовъ и о вкусѣ самой націи.

Главные поэты въ этомъ родѣ теперь: донъ Франсиско Санчесъ дель-Арко, донъ Хозе Сано Пересъ и донъ Хозе Санчесъ Альбарринъ. Сочиненія ихъ напечатаны въ «Galeria dramatica Gaditana».

—

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Солнце-живописецъ. (*Исторія дагеротипа и фотографіи*). Въ 1838 году начали уже говорить въ свѣтѣ о новомъ открытіи, которое поз-

малъ это объ ней, когда она качалась на рукахъ отца своего. Она была скромна и молчалива. Она клялась прахомъ матери, что будетъ любить меня. Хорошо же! и я тебя оставляю. Ты сожгла мое сердце, какъ въ горнилѣ, прими же теперь отъ Репампліайо проклятіе.

* Ты дурная цыганка, похожа на олеандръ, который производитъ красивые цвѣты, но скоро вянетъ. Дай небо, чтобъ твой англичанинъ сказалъ тебѣ скоро: поди! убирайся! — и чтобъ ты потомъ умерла съ голоду. *Хоръ*. Пойдемъ съ нами, Пепійо. Мы отомстимъ за тебя. *Пепійо*. Зачѣмъ говорила ты мнѣ: возьми мою душу, когда вѣтеръ непостоянства уносилъ ее. Погибни ты несчастная. Желалъ бы я, чтобъ нѣкогда твои дѣти просили у тебя хлѣба, и ты была бы не въ состояніи накормить ихъ.

же назвали *дагеротипомъ*. Нѣкоторые живописцы и друзья Дагерра объявляли, что авторъ діорамы нашелъ средство утверждать и сохранять предметы, отражающіеся въ камеръ-обскурѣ. Разумѣется, что этой новости многіе не повѣрили и она произвела большое волненіе между живописцами, граверами и литографами, которые преувеличивали опасность и боялись, что солнце займетъ ихъ мѣсто.

15-го іюня 1839 года, министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ Франціи и Европѣ, что г. Дагерръ дошелъ до того, что въ пять минутъ составляетъ рисунки съ помощію свѣта, въ которыхъ предметы сохраняютъ математически свою форму, малѣйшія подробности, и гдѣ воздушная перспектива изображена съ необыкновенною вѣрностью и нѣжностью.

Удивленіе было такъ велико, что изобрѣтеніе это могли почесть чудомъ, еслибъ наука не объяснила уже давно всѣхъ феноменовъ. Только, читая прекрасный отчетъ Араго, никто не замѣтилъ возлѣ знаменитаго уже имени Дагерра, другое неизвѣстное имя, которому тоже наука была многимъ обязана. Исторія Христофора Колумба и Америка Веспуцци повторилась еще разъ, и потомство осталось въ долгу передъ Жозефомъ Ніепсомъ.

Но прежде, чѣмъ мы объяснимъ заслуги обоихъ изобрѣтателей, надобно описать, въ чемъ состояли прежнія открытія, приготовившія дагеротипъ.

Прошло два вѣка съ-тѣхъ-поръ, какъ Жанъ Батистъ Порта открылъ инструментъ, который привелъ къ геліографіи, изобрѣтенной Дагерромъ.

Порта замѣтилъ, что если сдѣлать небольшую щелку въ закрытомъ ставнѣ, то наружные предметы, находящіеся напротивъ щели, отражаются на противоположной стѣнѣ, и окружность щелки увеличивается, если покрыть ее увеличительнымъ стекломъ. Изображеніе предметовъ, проходящее сквозь увеличительное стекло, очень ясно и вѣрно, и Порта построилъ небольшія камеръ-обскуры для употребленія тѣхъ, которые не умѣютъ рисовать. Позже эти приборы сдѣлались драгоцѣнными, особенно когда изобрѣли ахроматическія увеличительныя стекла,

Черезъ полтора вѣка послѣ смерти Порты, физикъ Шарль первый увидѣлъ возможность геліографіи, соединяя камеръ-обскуру съ химическою комбинаціею, употребляемою искателями золота въ среднихъ вѣкахъ. Алхимики разлагали серебро посредствомъ кислоты, находящейся въ морской соли, и составили бѣлое вещество, которое назвали *лунная соль* (sel de lune), или *роговидное серебро* (argent cornè). Лунная соль, то-есть двухлористое серебро, чернѣетъ отъ свѣта, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе лучи свѣта.

Шарль, какъ профессоръ химіи, употребилъ съ пользою это открытіе и дѣлалъ черные силуэты на бумагѣ, напитанной двухлористымъ серебромъ, и посредствомъ камеръ-обскуры.

Шарль умеръ, не открывъ никому своей тайны, но онъ доказалъ, что свѣтъ можетъ самъ рисовать, и эта задача начала съ-тѣхъ-поръ занимать многіе умы.

Въ это же время началъ заниматься этимъ Іосіа Веджвудъ, умный

промышленикъ англійскій. Палиссн, усовершенствовавшій глиняную посуду, изобрѣтатель пирометра, въ 1802 году напечаталъ посмертныя записки Веджвуда, въ которыхъ объявлялъ съ ясными доказательствами, какъ снимать эстампы и рисунки съ церковныхъ стеколъ и переводить ихъ на бѣлую кожу или на бумагу, напитанную двухлористымъ серебромъ или селитро-кислою солью. Знаменитый Гомфри-Деви принялъ эту методу и дошелъ до того, что копировалъ посредствомъ солнечнаго микроскопа небольшіе предметы, находящіеся близъ увеличительнаго стекла. Онъ написалъ нѣсколько страницъ объ опытахъ Веджвуда и сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: «Теперь недостаетъ только, для того, чтобъ это изобрѣтеніе сдѣлалось полезнымъ и легкимъ, средства, которое помѣшало бы свѣтлымъ частямъ рисунка окраситься солнечными лучами.

Съ этой минуты опыты уже не возобновлялись, и скоро идея эта начала казаться химерическою, какъ мечты Вилькинса или Сирано де-Бержерака.

Однако есть упрямцы, которые, несмотря на свою положительность, увлекаются чудеснымъ и стараются силою науки и разсудка доказать и объяснить всякое явленіе. Таковъ былъ Дагерръ, который тридцать лѣтъ спустя, принялся терпѣливо отыскивать средство, какъ удержать предметы, изображаемые въ камеръ-обскурѣ, которую онъ часто употреблялъ для своихъ панорамъ. Дагерръ родился живописцемъ, но занимаясь открытіемъ діорамы, сдѣлался физикомъ и химикомъ, и продолжая практиковаться, мысленно побѣждалъ всѣ препятствія.

Поддерживаемый отдаленною надеждою, онъ въ свободное время занимался отысканіемъ геліографіи, и это было для него скорѣе развлеченіемъ, чѣмъ серьозною работою. Надобно было чѣмъ-нибудь сильно подстрекнуть небрежнаго ученаго, и въ 1826 году представился къ тому случай.

Явился человѣкъ, который оказалъ много важныхъ услугъ фотографіи тѣмъ, что усовершенствовалъ необходимые инструменты, употребляемые для нея. Это Шарль Шевалье, искусный инженеръ-оптикъ, улучшившій двойныя трубки, телескопы, барометръ и пневматическую машину, устроившій ахроматическіе микроскопы и другіе инструменты, давно уже оцѣненные всѣми.

Въ-продолженіе пятнадцати лѣтъ Шарль Шевалье былъ единственнымъ повѣреннымъ искателей геліографіи, на которыхъ имѣлъ большое вліяніе. Этотъ оптикъ былъ даже, можно-сказать, главною причиною этого открытія, которому много помогъ въ-послѣдствіи своими брошюрами. Онъ одинъ зналъ всѣ подробности его и сообщилъ свѣдѣнія, никому еще неизвѣстныя.

Дагерръ былъ очень друженъ съ Шарлемъ Шевалье, и часто говорилъ ему о своихъ планахъ и трудахъ, чтобъ рѣшить знаменитую задачу. Однажды, въ 1826 году, Шевалье сказалъ ему: Мечта ваша скоро осуществится, и я предупреждаю васъ, что не вы одни занимаетесь этими разысканіями. Въ провинціи живетъ человѣкъ, который уже

двѣнадцать лѣтъ трудится надъ тѣмъ же открытіемъ. Если вы хотите войти съ нимъ въ сношенія...

— Благодарю, закричалъ Дагерръ. Я уже много разъ выслушивалъ разныя бредни и увѣренъ, что вашъ изобрѣтатель принадлежитъ къ числу безумцевъ, которые гоняются за мечтою.

Несмотря на этотъ отзывъ, Шевалье написалъ на карточкѣ имя своего провинціяла и подалъ ее Дагерру, который взялъ нехотя и прочелъ: Г. Ніепсъ, землевладѣлецъ въ Гра, близъ Шалона-на-Саонѣ.

Это извѣстіе начало чрезвычайно безпокоить Дагерра, который не переставалъ думать объ опытахъ провинціяла, и наконецъ написалъ ему письмо, въ которомъ замѣчательна слѣдующая фраза: «Я тоже давно тружусь надъ рѣшеніемъ этого важнаго вопроса». Ніепсъ отвѣчалъ ему холодно, боясь, что другой воспользуется его секретомъ.

Вѣроятно, что до этого времени и даже черезъ годъ послѣ письма, Дагерръ ничего еще не открылъ, но со-времени знакомства его съ Ніепсомъ онъ началъ объявлять о нѣкоторыхъ удачныхъ опытахъ. Въ 1826 году онъ говорилъ у Редуте, что надѣется сосредоточить солнечные лучи, и что уже изобразилъ этимъ способомъ щипцы отъ своего камина. Нѣкоторые изъ присутствующихъ тутъ же спросили Робелена, архитектора: въ своемъ-ли умѣ этотъ господинъ?

Въ-продолженіе трехъ лѣтъ Дагерръ велъ постоянную переписку съ Ніепсомъ, и наконецъ увѣрился, что соперникъ его сдѣлалъ важное открытіе. Однако послѣдній продолжалъ быть къ нему очень недовѣрчивымъ, и мы сохраняемъ объ этомъ любопытный документъ, который доказываетъ всю безполезность опытовъ Дагерра до 1827 года. Это конецъ письма Ніепса къ своему повѣренному, Леметру, граверу, которому онъ посылалъ рисунки, сдѣланные на оловянныхъ доскахъ и назначенные для гравированія: «Знаете-ли вы (спрашивалъ его Ніепсъ) одного изъ изобрѣтателей діорамы, г. Дагерра? Онъ узналъ, что я занимаюсь опытами свѣтописи, и въ прошедшемъ году прислалъ мнѣ письмо, давая знать, что онъ трудится надъ тѣмъ же предметомъ, и спрашивая меня: не счастливѣе-ли я его и не открылъ-ли чего новаго. Онъ говоритъ, что успѣлъ уже сдѣлать важныя открытія, а между-прочимъ спрашиваетъ меня, *почитаю-ли я возможнымъ* рѣшеніе этой задачи. Не могу скрыть, что эти слова удивили меня, чтобъ не сказать больше, и я не знаю, что̀ и подумать объ г. Дагеррѣ...»

Извѣстно, что съ этого времени Дагерръ началъ прилежно заниматься своими опытами и надѣялся успѣть одинъ безъ чужой помощи. Но это долго ему не удавалось, хотя онъ и былъ близокъ къ цѣли, и въ 1829 году оба соперника соединились, чтобъ работать вмѣстѣ и потомъ раздѣлить всѣ выгоды открытія.

Вѣроятно опыты Ніепса были удачнѣе, потому-что уже въ 1822 году онъ дѣлалъ копіи и позже прислалъ Шарлю Шевалье фотографическій рисунокъ съ гравюры, изображающей Спасителя. Оптикъ показывалъ этотъ рисунокъ своимъ друзьямъ, и въ-послѣдствіи онъ игралъ важную роль, когда надобно было доказать, кому принадлежитъ это открытіе.

Стало-быть, доказано, что Ніепсъ первый нашелъ средство удерживать и изображать на металлѣ или на бумагѣ предметы камеръ-обскуры.

Какъ же дошелъ до того человѣкъ, живущій въ провинціи и не занимающійся науками? Постараемся разсказать, какъ удалось сдѣлать ему одно изъ величайшихъ открытій нашего вѣка.

Литографія привела къ открытію фотографіи, и это послѣднее искусство, можетъ-быть, въ-послѣдствіи замѣнитъ первое.

Всѣмъ извѣстно, что вначалѣ литографія надѣлала много шума. Всѣ бросались на доски еще неоконченныя, всѣ покупали самые неудовлетворительные рисунки, и даже въ замкахъ завели литографическіе станки, на которыхъ любители показывали свои таланты. Рисунки на камнѣ удостоились даже попасть въ куплеты, и во всей Франціи пѣли слова, теперь уже давно забытыя:

Vive la lithographie!
C'est une rage partout...

Эта страсть овладѣла и Жозефомъ Никифоромъ-Ніепсъ, который жилъ въ деревнѣ, отыскивая камни, удобные для этой работы. Но такъ какъ въ окрестностяхъ не было порядочныхъ камней, то онъ рѣшился употреблять вмѣсто нихъ оловянныя доски, и изобрѣлъ нѣсколько составовъ, которыми покрывалъ поверхность досокъ.

Скоро Ніепсъ замѣтилъ, что свѣтъ производитъ странное дѣйствіе на его доски, и въ концѣ 1813 года вздумалъ изображать предметы съ помощію одного свѣта. Эта работа до того заняла его, что его не могли развлечь два нашествія непріятелей на его отечество.

Съ самаго дѣтства Ніепсъ пользовался если не богатствомъ, то покрайней-мѣрѣ достаточнымъ состояніемъ. Его отецъ, Клодъ Ніепсъ, занималъ выгодное мѣсто и приготовилъ для сына своего, родившагося въ 1765 году, самую спокойную жизнь. До двадцати-семи лѣтъ онъ не выбралъ еще себѣ карьеры, и хотя самъ любилъ спокойствіе и семейную жизнь, но пошелъ въ военную службу, потому-что въ это бурное время только въ лагеряхъ и на войнѣ можно было избѣжать преслѣдованій.

Въ 1792 году онъ былъ подпоручикомъ въ 42-мъ пѣхотномъ полку, и черезъ годъ отправился въ Италію, гдѣ участвовалъ въ двухъ сраженіяхъ, какъ поручикъ. 18 вентоза II года онъ присоединился къ генералу Фротье, съ чиномъ капитана, и принужденъ былъ оставить службу по-случаю болѣзни глазъ.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ мѣсто смотрителя въ округѣ Ниццы и занималъ его до 1801 года. Потомъ вернулся въ Шалонъ на Саонѣ съ своимъ семействомъ, куда прибылъ и братъ его Клодъ Ніепсъ, у котораго была страсть къ путешествіямъ и который объѣздилъ всѣ моря.

Братья прожили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ и изобрѣли нѣсколько машинъ, и между-прочимъ *пиреолэфоръ*, родъ трубы для огня, гдѣ теплый воздухъ замѣнялъ паръ. Они получили привилегію на это изобрѣтеніе,

Бертоле и Карно читали о немъ объявленіе въ Институтѣ. Это было въ 1806 году. Позже они построили гидростатическій насосъ, но скоро бросили эти работы и занялись пастельною живописью. Въ 1811 году они изобрѣли яркую краску, похожую на индиго, и получили по этому случаю лестное письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ Монталиве.

Съ-этихъ-поръ, по отъѣздѣ брата, Жозефъ Никифоръ Ніепсъ остался одинъ въ своемъ уединеніи въ Гра, близъ Шалона, и послѣ открытія литографіи до того пристрастился къ этому предмету, что проводилъ дни и ночи за работой, дѣлая опыты, такъ что чуть-было не потерялъ здоровья и состоянія.

Первые опыты были самые тяжелые, потому-что не приводили ни къ чему и вели за собою ироническое сожалѣніе, ибо простые люди почитаютъ безполезный трудъ безумствомъ. Эта манія Ніепса огорчала всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ, и всѣ смѣялись надъ его усиліями рисовать свѣтомъ.

Этотъ періодъ борьбы продолжался семь лѣтъ, и только въ 1822 году Ніепсъ дошелъ до того, что дѣлалъ изображенія на стеклѣ и на стали посредствомъ смолистаго состава. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, потому-что опыты его описаны. Онъ разводилъ сухую горную смолу въ лавандовомъ маслѣ и покрывалъ ею оловянную доску. Предметы утверждались на доскѣ посредствомъ смѣси лавандоваго масла и нефти, потомъ обмывались въ теплой водѣ — и вотъ все изобрѣтеніе.

Черезъ два года, въ 1824 году, неутомимый Ніепсъ дошелъ до того, что утверждалъ на приготовленныхъ экранахъ предметы камеръ-обскуры и усиливалъ тѣни, подвергая доску парамъ сѣры, поташа или *іода*. Употребленіе послѣдняго средства имѣло, безъ сомнѣнія, нѣкоторое вліяніе на послѣдующіе опыты и даже на превосходное открытіе Дагерра. И такъ, съ 1827 года, какъ доказано письмомъ отъ 4-го іюня, Ніепсъ занимался исключительно копіями съ натуры.

Въ томъ же году Ніепсъ отправился въ Кіевъ, навѣстить брата, который тамъ поселился, и проѣзжая чрезъ Парижъ, посѣтилъ Дагерра. Онъ послалъ также въ королевское лондонское общество нѣсколько своихъ рисунковъ, и Франси Бауеръ, одинъ изъ членовъ общества, былъ до того изумленъ ими, что помѣстилъ о томъ письмо въ Литературной лондонской газетѣ.

Нашъ изобрѣтатель встрѣтилъ большія препятствія въ несовершенствахъ камеръ-обскуры, и предъ путешествіемъ своимъ къ Кіевъ, узнавъ объ изобрѣтеніи призмы Венсана и Шарля Шевалье, попросилъ одного изъ своихъ друзей, живущихъ въ Парижѣ, купить ему эту призму. Этотъ другъ говорилъ о новомъ открытіи Ніепса передъ Шевалье, который, какъ мы видѣли, сообщилъ о томъ Дагерру, и такимъ-образомъ способствовалъ много къ усовершенствованію геліографіи. Судьба ведетъ невидимыми путями всѣ наши дѣла и неожиданно приводитъ къ цѣли.

Ніепсъ былъ химикъ, механикъ, поэтъ, и ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединялъ благородный характеръ и любезность. Онъ умеръ въ бѣдности и неизвѣстности 3-го іюля 1833 года, за шесть лѣтъ до

того дня, когда Институтъ объявилъ благодарность Дагерру за изобрѣтеніе геліографіи.

И такъ, человѣкъ, сдѣлавшій самое любопытное открытіе въ нашемъ вѣкѣ, посвятившій ему всю свою жизнь, всѣ способности, истратившій на него все свое состояніе, умеръ безъ славы, и теперь забытъ своими соотечественниками, которые знаютъ только его счастливаго соперника.

Оставшись одинъ, Дагерръ пригласилъ къ себѣ въ товарищи сына Ніепса, и работалъ еще пять лѣтъ дѣятельно и тайно. Зная уже всѣ способы своего предшественника, онъ понялъ, что геліографія, въ такомъ неполномъ видѣ, важна только какъ любопытный ученый фактъ; но онъ мечталъ объ успѣхѣ болѣе практическомъ и боялся, чтобъ кто-нибудь не сдѣлалъ этого открытія прежде его.

Въ-самомъ-дѣлѣ, безпокойство Дагерра было не напрасное, потому-что идеи или начала къ новому изобрѣтенію распространяются въ нѣкоторыя эпохи какъ эпидемія въ атмосферѣ. Нововведеніе занимаетъ вдругъ нѣсколько умовъ, и случается, что въ одно и то же время, плодъ созрѣваетъ вдругъ на многихъ вѣткахъ.

Фотографія имѣетъ тоже свою легенду, и возлѣ именъ извѣстныхъ и признанныхъ изобрѣтателей, есть еще таинственный, фантастическій герой, который, можетъ-быть, зналъ все прежде и лучше Дагерра.

Въ это самое время явился въ Парижѣ незнакомецъ, имени котораго никто не зналъ, и который скрылся навсегда, показавъ только, что онъ открылъ тайну фотографіи.

Этотъ анекдотъ никому не извѣстенъ, и Дагерръ, знавшій о немъ, никогда его не разсказывалъ, хотя, вѣроятно, это обстоятельство было причиною многихъ безсонныхъ ночей, и придало ему больше энергіи.

Однажды Шарль Шевалье былъ одинъ въ оптическомъ своемъ магазинѣ, какъ вдругъ вошелъ незнакомецъ, непохожій на покупщика, и началъ разспрашивать оптика о камеръ-обскурѣ, о выпуклыхъ и вогнутыхъ стеклахъ. Онъ спросилъ цѣну нѣкоторыхъ товаровъ, и Шевалье замѣтилъ, что онъ смѣшался, вѣроятно потому, что не состояніи былъ ничего купить.

Въ-самомъ-дѣлѣ, наружность незнакомца показывала страшную бѣдность. Платье его, хотя вычищенное, показывало, что оно гораздо старше своего владѣльца; бѣлья было незамѣтно; шляпа смята. Шевалье съ участіемъ смотрѣлъ на своего посѣтителя. Онъ былъ еще молодъ, но блѣденъ и худъ, измученъ работою, ослабленъ голодомъ, истощенъ страданіями. Робкій и неловкій, какъ всѣ бѣдняки, онъ былъ похожъ на чахоточнаго, въ послѣдней степени болѣзни, и замѣчая, что оптикъ разглядываетъ его, еще болѣе смутился и растерялся.

Но Шевалье понялъ, что подъ этою жалкою наружностью скрывается, можетъ-быть, непонятый ученый, и, уважая бѣдность и болѣзнь, старался всѣми силами заслужить довѣренность молодаго человѣка и узнать причину его посѣщенія, потому-что купить какой-нибудь инструментъ, бѣднякъ былъ не въ состояніи. Стало-быть, онъ при-

шелъ за совѣтомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, доброта и ласковое обращеніе Шевалье побѣдили смущеніе незнакомца, и тотъ разсказалъ, что составилъ деревянный ящикъ съ экономическимъ аппаратомъ, который можетъ быть усовершенствованъ и приведетъ къ важнымъ открытіямъ. Посредствомъ этого аппарата и увеличительнаго стекла, онъ дошелъ до того, что копируетъ предметы камеръ-обскуры съ помощію солнечныхъ лучей, и могъ бы добиться лучшихъ результатовъ, если бъ у него были для того необходимые инструменты.

— А! сказалъ Шевалье, я знаю людей, которые потеряли много лѣтъ въ этихъ занятіяхъ.

Незнакомецъ грустно улыбнулся, и вынувъ изъ кармана свернутую бумагу, подалъ ее оптику.

— Вотъ рисунокъ, который я снялъ изъ моего окна, сказалъ онъ.

Шевалье увидѣлъ множество крышъ и трубъ, и на второмъ планѣ куполъ Дома инвалидовъ. Все доказывало, что незнакомецъ живетъ въ окрестностяхъ улицы Бакъ. По возвышенности горизонта можно было судить, что бѣдный изобрѣтатель жилъ на чердакѣ.

Рисунокъ былъ вѣренъ, хотя неровности въ контурахъ доказывали, что увеличительное стекло съ большими недостатками.

— Я дѣлаю рисунки посредствомъ этой жидкости, прибавилъ геліографъ, ставя на прилавокъ маленькій пузырекъ съ какою-то темною водою.

Поговоривъ еще немного съ Шевалье, незнакомецъ взялъ свой рисунокъ, и сказавъ, что онъ скоро опять прійдетъ, вышелъ изъ магазина.

Черезъ полчаса послѣ его ухода, оптикъ нашелъ стклянку, забытую бѣднымъ ученымъ, который уже болѣе не приходилъ къ Шевалье, и никто не знаетъ, куда онъ дѣвался.

Черезъ нѣсколько времени оптикъ разсказалъ объ этомъ Дагерру и отдалъ ему жидкость, принесенную незнакомцемъ, прося сдѣлать надъ нею опытъ. Когда же, послѣ двухъ мѣсяцевъ, Шевалье спросилъ у своего друга, помогла-ли ему таинственная жидкость, Дагерръ отвѣчалъ:

— Она помогла мнѣ потерять много времени, потому-что съ нею не удался ни одинъ опытъ, и если вашъ незнакомецъ обладалъ какою-нибудь тайною, то она заключается не въ этой бутылкѣ.

Анекдотъ этотъ слышалъ я, за три года предъ симъ, и желая увѣриться въ его справедливости, просилъ однажды почтеннаго оптика подтвердить мнѣ все это. Шевалье разсказалъ мнѣ то же самое, и его характеръ не позволяетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ случаѣ.

И такъ, человѣкъ, совершенно неизвѣстный, открылъ свѣтопись и даже фотографію на бумагѣ, и умеръ гдѣ-нибудь съ голоду, обладая сокровищемъ. Подобные случаи бываютъ не рѣдки; и возлѣ монумента каждаго изъ знаменитыхъ изобрѣтателей, воображеніе можетъ призвать другую фигуру, безъ имени, которая тоже имѣетъ право на извѣстность.

Безъ помощи и товарищества съ извѣстнымъ уже Дагерромъ, участь Жозефа-Никифора Ніепса была бы, можетъ-быть, похожа на участь

бѣднаго незнакомца, и если бъ работы и открытія Ніепса не подстрекали Дагерра, онъ не принялся бы такъ дѣятельно за усовершенствованіе опытовъ. Въ этомъ дѣлѣ Шарль Шевалье игралъ роль судьбы, потому-что свелъ и познакомилъ двухъ изобрѣтателей.

Открытіе дагерротипа принадлежитъ безъ сомнѣнія, Дагерру; но Ніепсъ указалъ ему дорогу къ успѣху. Прежде своего соединенія съ Дагерромъ, Ніепсъ уже употреблялъ пары іода для усиленія тѣней рисунка и сообщилъ о томъ своему товарищу.

«Случилось однажды, говоритъ Фигье въ своихъ запискахъ, что ложечка, забытая на металлической доскѣ, покрытой іодомъ, оставила свое изображеніе при дѣйствіи лучей свѣта. Разумѣется, что этою нечаянностью воспользовались, и вмѣсто смолистыхъ веществъ начали употреблять іодъ, который придаетъ металлическимъ доскамъ больше нѣжности. Это былъ первый шагъ къ рѣшенію задачи, надъ которою трудились уже болѣе двадцати лѣтъ.»

Стало-быть, благодаря ложечкѣ, забытой на металлической доскѣ, Дагерръ догадался, что вмѣсто смолистыхъ веществъ надобно употреблять іодъ и укрѣплять изображаемый предметъ посредствомъ паровъ ртути; потомъ іодъ надобно истребить сѣрноватокислою содой. Изобрѣтеніе это придало изумительную скорость операціи и вѣрность рисунку, кромѣ небольшихъ недостатковъ въ перспективѣ и незамѣтныхъ тѣней.

Ніепсъ, въ лицѣ своего сына, былъ награжденъ за свои долголѣтніе труды, хотя Дагерръ стоялъ на первомъ планѣ и заставилъ забыть имя своего сотрудника. Новооткрытое искусство называется *дагерротипомъ*, а не геліографіею, но мало извѣстное имя г-на Ніепса и послѣ смерти его оказало большую услугу отечеству.

Когда, въ 1839 году, объявили о чудесномъ открытіи Дагерра, прославившемъ его имя, англичанинъ Тальботъ началъ доказывать, что онъ уже съ 1834 года дѣлалъ фотографическіе рисунки, и стало-быть, честь изобрѣтенія принадлежитъ ему и Англіи. Мы уже говорили, что давно всѣ умы были заняты одною мыслію. Тогда вспомнили, къ счастію, о маленькомъ рисункѣ, присланномъ Шевалье съ письмомъ Ніепса, на которомъ было выставлено число и годъ; это матеріяльное доказательство было представлено въ Институтъ и упрочило побѣду Франціи.

Итакъ, отдавая должную справедливость геніяльности изобрѣтателя, не надобно забывать и того, который указалъ ему путь. Зачѣмъ въ этомъ случаѣ дѣлать различіе между рукою, которая бросаетъ семяна, и землею, которая плодотворитъ ихъ. Людскіе интересы истребляются, страсти потухаютъ, соперничества забываются; но великія открытія остаются, и тѣ, которыя пользуются ими, не должны забывать именъ изобрѣтателей и обязаны передавать ихъ потомству.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объясненія объ изобрѣтеніи Дагерра, всѣ принялись за работу; и такъ-какъ задача геліографіи была уже рѣшена, то начали отыскивать фотографію. Камеръ-обскуры продавались сотнями, и безчисленное множество любителей торопилось дѣлать

изображенія всѣхъ парижскихъ памятниковъ, какъ-будто бы городъ этотъ долженъ былъ скоро провалиться.

Разумѣется, что при безпрестанныхъ занятіяхъ и опытахъ, искусство это усовершенствовалось. Изобрѣли даже нѣсколько новыхъ методъ, о которыхъ нельзя умолчать, потому что онѣ дѣлаютъ честь изобрѣтателямъ, занимавшимся прежде дагерротипомъ, или геліографіею, на металлическихъ доскахъ и перешедшимъ къ фотографіи на бумагѣ и на стеклѣ, что̀ составляетъ уже новое, важное открытіе.

Когда объявили о дагерротипѣ и о пользѣ, которую можетъ принести это искусство, наука доказала утвердительно и ясно, что новое изобрѣтеніе достигло своихъ границъ, и что оно никогда не можетъ быть примѣнено къ сниманію *портретовъ*. Въ самомъ-дѣлѣ, операція продолжалась до пятнадцати минутъ на солнцѣ. Какъ же можно было предполагать, чтобъ человѣкъ сохранилъ во все это время неподвижность, и переносилъ солнечные лучи не мигая? Сдѣлали однако нѣсколько опытовъ, до того неудачныхъ и страшныхъ, что въ нихъ невозможно было узнать человѣческой фигуры. Съ-тѣхъ-поръ началось у нѣкоторыхъ отвращеніе отъ дагерротипныхъ портретовъ, которое сохранилось до послѣдняго времени.

Чтобъ сократить время операціи, попробовали увеличить удареніе лучей на изображаемый предметъ. Но отъ этого произошло только увеличеніе перспективы линій, огромные носы, руки и ноги, портившіе всякую фигуру и показывавшіе вдавленными всѣ выпуклости.

Тогда Шарлю Шевалье пришла счастливая мысль употребить два ахроматическія стекла, которыя дѣйствуютъ издали и представляютъ предметъ яснѣе и безъ сферическаго уклоненія. Этимъ способомъ дѣлали портреты уже въ двѣ или три минуты — что̀ было все-таки продолжительно.

Открытіе Шевалье не было еще обнародовано, когда о немъ узналъ одинъ германецъ, поспѣшившій выѣхать изъ Франціи и объявившій на Рейнѣ, что это его собственное открытіе. Ему повѣрили, и способъ снимать портреты посредствомъ двойныхъ стеколъ, называется до-сихъ-поръ *германскимъ*, тогда какъ былъ изобрѣтенъ французомъ въ Палероялѣ.

Шевалье усовершенствовалъ также камеръ-обскуру, которую сдѣлалъ удобною и легкопереносимою.

Въ томъ же году одинъ французъ, поселившійся въ Лондонѣ, Клоде, сдѣлалъ важное открытіе, въ-особенности по послѣдствіямъ. Онъ открылъ, что двухлористый іодъ даетъ возможность въ нѣсколько секундъ изображать предметы на металлической доскѣ. Это былъ первый шагъ къ изученію *ускорительныхъ* способовъ.

Только-что узнали о свойствѣ двухлористаго іода, какъ Физо и Годенъ открыли, что *бромъ* имѣетъ еще болѣе ускорительныхъ качествъ, и всѣ бросились на это вещество, употребляя его различно. Комбинація Физо самая легкая и скорая: онъ смѣшивалъ бромъ съ водою, а Бингамъ дошелъ до того, что сдѣлалъ бромъ сухимъ, мѣшая его съ известью, которая уничтожаетъ водянистые пары.

Послѣ этого начали ужъ такъ скоро дѣлать портреты, что операція не была нисколько неутомительна, притомъ можно было ихъ дѣлать въ тѣни. Портреты дагерротипные усовершенствовалъ Физо, имя котораго не забудется, потому-что онъ оказалъ много услугъ геліографіи. Извѣстно, что первоначальныя изобрѣтенія на металлѣ были слишкомъ блестящи, такъ-что на нихъ было неловко смотрѣть; притомъ же рисунокъ былъ мраченъ и нетвердъ, потому-что употреблялось только серебро и ртуть; кромѣ того, изображеніе могло легко стираться. Физо устранилъ эти несовершенства, покрывая поверхность доски растворомъ двухлористаго золота, смѣшаннаго съ сѣрною перекисью потассія. Въ этомъ случаѣ составляется двойная амальгама золота и серебра, доска покрывается слоемъ золота, которое утверждаетъ ртуть, дѣлаетъ темнѣе серебро и свѣтлѣе ртуть; оно уничтожаетъ также зеркальный блескъ, и оживляетъ изображеніе.

Много другихъ ученыхъ и любителей трудились надъ усовершенствованіемъ способовъ, инструментовъ, и довели геліографію почти до возможной степени совершенства. Фортенъ ввелъ употребленіе бромистаго іода; баронъ Гро замѣнилъ его хлоро-бромистою известью; Лабордъ придумалъ, для усиленія паровъ ртути, присоединить къ нимъ эѳиръ; Томсонъ, Фуко, Бельфильдъ, Плюмье дѣлали опыты, приводившіе всѣхъ въ удивленіе.

И такъ геліографія дошла уже до идеальнаго совершенства. Въ архитектурныхъ снимкахъ можно разглядѣть, въ увеличительное стекло, всѣ подробности, незамѣченныя на мѣстѣ. Это доказывается однимъ любопытнымъ случаемъ.

Баронъ Гро, бывшій посланникомъ въ Греціи, снялъ, посредствомъ дагерротипа, видъ Акрополя аѳинскаго; тутъ же была груда камней, развалинъ и обломковъ. Возвратясь въ Парижъ, Гро просматривалъ эту картину въ увеличительное стекло, и вдругъ замѣтилъ на одномъ изъ камней превосходную античную фигуру, которую не замѣтилъ, бывъ на мѣстѣ Это былъ левъ, пожирающій змѣю, и работа принадлежала къ такой отдаленной древности, что нельзя было даже назначить ей эпохи. И такъ дагерротипъ показалъ существованіе рѣдкости въ семи стахъ миляхъ отъ Аѳинъ, тогда-какъ никто въ Греціи не подозрѣвалъ ее.

Этотъ удивительный инструментъ передаетъ не только то, что̀ видимо для человѣческихъ глазъ, но даже и то, что̀ можно разглядѣть только посредствомъ микроскопа.

Послѣ всѣхъ этихъ чудесъ, можно было бы успокоиться и не итти дальше; но недавно геліографы, поселившіеся въ Гаврѣ, прислали сказать, что они дагерротипируютъ морскіе виды и изображаютъ на лету волны океана. «Это невозможно!» закричали всѣ. Но не успѣли еще объяснить ученые, почему это невозможно, какъ ясныя доказательства возможности представлены были въ Институтъ.

Дѣйствительно, скорость операцій Макера и Варноза удивительна. Они успѣваютъ схватывать движеніе, плескъ волны, колебаніе паруса, узоры дыма, дрожаніе листьевъ, бѣгъ лошади, улыбку ребенка — все

это въ секунду утверждается на ихъ волшебныхъ доскахъ. Дальше, кажется, ужъ невозможно итти, и мы обязаны дать отчетъ въ работахъ этихъ замѣчательныхъ геліографовъ.

Киръ Макеръ, старшій братъ, былъ въ Америкѣ, когда европейскіе журналы принесли извѣстіе о новомъ открытіи Дагерра, съ описаніемъ инстументовъ и употребленія ихъ. Бѣдный французъ былъ не въ состояніи купить себѣ камеръ-обскуру, но сдѣлалъ ее самъ изъ ящика, въ которомъ были сигары, и вставилъ въ нее стекла изъ очковъ. Съ этимъ инструментомъ онъ отправился въ путь. Живописные пейзажи и великолѣпныя зданія не могли занимать туземцевъ, и потому онъ принялся дѣлать портреты. Управляющіе и богатые колонисты соглашались простоять нѣсколько минутъ, чтобъ только имѣть свои портреты, потому-что у нихъ совсѣмъ не было живописцевъ; но когда они видѣли свое изображеніе черными и безъ глазъ, то сердились и отдавали назадъ артисту его доски. Тогда Макеръ предлагалъ эти портреты неграмъ, и тѣ находили себя очень похожими. Такимъ-образомъ онъ сдѣлалъ много портретовъ негровъ, заставляя, вмѣсто нихъ, стоять передъ камеръ-обскурою бѣлыхъ.

Отыскивая тоже ускорительныя средства, онъ однажды чуть не задохся отъ паровъ брома; потомъ опыты его сдѣлались удачнѣе, и онъ, возвратясь во Францію, началъ работать вмѣстѣ съ братомъ и достигнулъ удивительныхъ результатовъ. Братья Макеръ начали изучать разныя химическія вещества, и ихъ дагерротипныя доски имѣютъ особенное, артистическое достоинство.

Морскіе ихъ виды привлекали толпу любопытныхъ, и между ими былъ знаменитый живописецъ Гюденъ, который болѣе другихъ удивлялся, что волнующееся море перенесли на доску. Солнце было разъ остановлено, но волны никогда еще не прерывали своего движенія.

Нѣкоторыя изъ картинъ, сдѣланныхъ ускорительнымъ способомъ, могутъ почесться просто образцовыми произведеніями. Напримѣръ, вы видите предъ собою толпу дѣвушекъ, только-что выбѣжавшихъ изъ класса — это сорокъ портретовъ, чрезвычайно похожихъ и снятыхъ почти въ одну секунду. Всѣ физіономіи живы, выраженія разнообразны, матеріи на платьяхъ свѣжи.

Эта картина послужила поводомъ къ трогательной сценѣ. Мужчина и женщина, прилично-одѣтые, вошли однажды въ фотографическій музей братьевъ Макеръ, въ пассажѣ Жофруа, и разсматривали съ любопытствомъ всѣ чудеса его. Вдругъ молодая дама начала плакать; мужъ ея тоже не могъ скрыть своего волненія. Онъ объяснилъ артистамъ, что у нихъ недавно умерла дочь въ пансіонѣ, и что она находится въ числѣ сорока дѣтей, изображенныхъ на картинѣ. Дѣвочка была на заднемъ планѣ и въ тѣни, но глаза матери узнали ее, и она жалѣла, что у нее нѣтъ даже портрета единственной дочери. Добрые хозяева попросили супруговъ зайти къ нимъ на другой день, и подали обрадованной матери прекрасный и похожій портретъ малютки. Они изолировали фигуру дѣвочки на картинѣ и сняли ее въ увеличительныхъ размѣрахъ.

Мартенсъ снялъ превосходный видъ ледяныхъ горъ и утесовъ. Оберланда посредствомъ стереотипныхъ стеколъ; онъ же изобрѣлъ потомъ новую методу: сдѣлалъ предметное стекло подвижнымъ и устроилъ такъ, что оно могло пробѣжать всю гемисферическую доску. Этимъ способомъ онъ сдѣлалъ панораму, которая изображаетъ цѣлый горизонтъ. Такимъ-образомъ сняли видъ цѣлаго Парижа, взятый съ верху башни церкви Богоматери и изображающій дальнее небо съ легкими облаками.

Тотъ же Шарль Шевалье нашелъ средство примѣнить гальванопластику къ дагерротипному искусству и нечаянно открылъ, что гальваническій токъ можетъ тоже воспроизводить предметы на металической доскѣ. Физо пошелъ еще дальше: онъ сдѣлалъ изъ дагерротипной картины доску для гравированія, съ которой можно брать снимки на бумагу. Эта странная операція производится дѣйствіемъ электрическаго тока и ѣдкаго вещества, которое выѣдаетъ всѣ очерки и само производитъ рисунокъ самый вѣрный и тонкій, какого не сдѣлаютъ искусные гравёры.

И такъ, изъ свѣта сдѣлали кисть, изъ электричества—рѣзецъ, и человѣческая рука только подписываетъ подъ картиной: «Рисовано солнцемъ, гравировано электричествомъ!»

Въ то время, какъ Дагерръ, въ 1839 году, обнародовалъ о своемъ открытіи, англичанинъ Фоксъ Тальботъ, не успѣвъ доказать, что честь изобрѣтенія принадлежала ему, занялся исключительно фотографіею, и, не дождавшись удовлетворительныхъ опытовъ, объявилъ, что онъ дошелъ до того, что дѣлаетъ рисунки на бумагѣ. Однако способъ его былъ очень неудаченъ, и всѣ, которые употребляли его, видя его несовершенство, бросили и начали отыскивать другой. Думали вообще, что Тальботъ не хотѣлъ открыть тайны *своего калотипа* и пользовался имъ одинъ. Другіе фотографы — Гравъ, Годенъ, Гунтъ, Геренъ, Гершель, Вудъ, Мартенъ— не могли добиться окончательнаго успѣха. Только одинъ Баяръ, служащій въ Министерствѣ Финансовъ, сдѣлалъ нѣсколько удовлетворительныхъ эстамповъ.

Фотографія на бумагѣ была забыта до 1846 года; но въ то время она обратила на себя всеобщее вниманіе и надѣлала много шуму. Одинъ человѣкъ изъ глуши своей провинціи взволновалъ всѣхъ ученыхъ и заставилъ ихъ дѣятельно заниматься. Это былъ суконный фабрикантъ въ Лиллѣ, во Фландріи, усовершенствовавшій фотографію.

Пять именъ не должны забываться въ наукѣ, потому-что имъ обязана она открытіями, улучшеніемъ и усовершенствованіемъ. *Ніепсъ* нашелъ начало, *Дагерръ*—примѣненіе, *Физо* сдѣлалъ улучшенія, *Бланкаръ-Эвраръ*, изъ Лилля, почти изобрѣлъ фотографію на бумагѣ, и наконецъ *Ніепсъ де-Сенъ Викторъ*, племянникъ перваго изобрѣтателя и капитанъ муниципальной гвардіи, довелъ фотографію до того, что она можетъ соперничать съ рисунками металла и превзойти въ красотѣ и точности дагерротипную доску.

И такъ въ 1847 году Бланкаръ-Эвраръ воскресилъ фотографію и издалъ объ этомъ искусствѣ замѣчательную брошюру. Къ ней прило-

жены были фотографическіе рисунки на бумагѣ и превосходные портреты, рисованные солнечными лучами, что̀ почиталось тогда почти невозможнымъ. Академія выразила свою благодарность Бланкару, который въ присутствіи всего Института сдѣлалъ портретъ Біо, тогда-какъ Тальботу не удалось еще ни разу сдѣлать вѣрнаго изображенія. Разумѣется, Бланкаръ не былъ изобрѣтателемъ фотографіи, въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ объяснилъ ее, развилъ и усовершенствовалъ способъ Тальбота, который опять хотѣлъ присвоить себѣ всю честь изобрѣтенія; но Бланкаръ доказалъ ясно, что тальботипъ не могъ быть употребляемъ въ прежнемъ видѣ, и что онъ не подвинулъ бы фотографію ни на шагъ, если бъ его не усовершенствовали. Споры продолжались долго, и Монфоръ основалъ фотографическое общество, которое начало издавать журналъ «Свѣтъ», и въ короткое время распространило это открытіе.

Теперь необходимо объяснить въ немногихъ словахъ весь этотъ процесъ.

Извѣстно, что двухлористое и іодистое серебро чернѣютъ отъ свѣта. Если же покрыть бумагу этимъ веществомъ и вставить ее въ камеръ-обскуру, то свѣтъ, упадая на бѣлыя мѣста, сдѣлаетъ ихъ черными и оставитъ бѣлыми тѣ, которыя въ тѣни. Результатъ этого выйдетъ тотъ, что изображеніе будетъ противоположное природѣ, или *отрицательное* (принятый терминъ) то-есть, что тѣни будутъ бѣлыя и свѣтъ черный.

Чтобъ сдѣлать правильный рисунокъ, стоитъ только взять другой листъ бумаги, тоже покрытый химическимъ составомъ, и поставить оба листа такъ, чтобъ свѣтъ, проходя черезъ первый, падалъ на второй: тогда темныя мѣста перваго рисунка остановятъ свѣтъ и не позволятъ ему зачернить другой листъ, тогда-какъ бѣлыя покроются тѣнью уже не такою черною. Стало-быть, второй рисунокъ будетъ совершенно правильный и сообразный природѣ; его называютъ *положительнымъ*.

Главное преимущество этого способа состоитъ въ томъ, что первый отрицательный рисунокъ можетъ служить стереотипною доскою, съ которой можно сдѣлать безчисленное множество снимковъ. Дагерротипная доска давала только одну картину.

Эта метода вполнѣ принадлежитъ Тальботу, который, для удержанія предмета на бумагѣ, покрывалъ ее прежде и послѣ операціи смѣшеніемъ чернильно-орѣшковой и уксусной кислоты и селитро-кислаго серебра; укрѣплялся же предметъ посредствомъ сѣрноватокислой соды, брома, потассія, потому-что эти вещества имѣютъ способность разлагать двухлористое и іодистое серебро, на которое свѣтъ не имѣлъ дѣйствія.

Другая метода даетъ съ самаго начала правильный отпискъ, безъ помощи отрицательнаго рисунка. Она состоитъ въ томъ, что кладутъ въ камеръ-обскуру бумагу, приготовленную химически, очерненную дѣйствіемъ свѣта и покрытую растворомъ потассія и іода. Эти вещества уничтожаются отъ лучей свѣта, и предметъ является бѣлымъ на черномъ фонѣ. Баяръ первый открылъ этотъ способъ и сдѣлалъ превосходные рисунки.

Главная услуга Бланкаръ-Эврара состоитъ въ томъ, что онъ своей брошюрой подвинулъ впередъ фотографію, развилъ неполную методу Тальбота и открылъ ускорительныя вещества, которыя позволяютъ съ однимъ отрицательнымъ оттискомъ сдѣлать до трехъ-сотъ снимковъ въ день. Онъ изучилъ также всѣ свойства разныхъ солей и далъ возможность своимъ соперникамъ не только сравниться съ нимъ, но даже итти дальше, только развивая его методу.

Бланкаръ ввелъ въ моду способъ, который уничтожилъ всѣ сложности дагерротипа и позволяетъ каждому путешественнику запастись альбомомъ, напоминающимъ всѣ живописные виды. Онъ самъ основалъ въ Лиллѣ фотографическую типографію, гдѣ дѣлаютъ *отрицательные* оттиски. Разныя измѣненія въ химическихъ веществахъ, введенныя Бланкаромъ, позволяютъ ему дѣлать снимки разныхъ цвѣтовъ, смотря по сюжету рисунка. Онъ придаетъ сѣрые оттѣнки, голубые и черные, дѣлаетъ рисунокъ свѣтлый и нѣжный, или темный и мрачный, какъ картины Рембранта. Тутъ ужъ фотографія соединяется съ изящнымъ искусствомъ.

Подъ руководствомъ журнала «Свѣтъ», фотографія не переставала дѣлать значительные успѣхи, и Ле-Гро, одинъ изъ лучшихъ практиковъ, придумалъ, для нейтрализаціи недостатковъ и неровностей бумаги, покрывать ее слоемъ чистаго воска, отчего рисунокъ дѣлался яснѣе и нѣжнѣе. Портреты на навощеной бумагѣ почитаются самыми лучшими.

Въ 1851 году поступило нѣсколько просьбъ въ Академію Искусствъ чтобъ поручили извѣстнымъ фотографамъ сдѣлать снимки со всѣхъ историческихъ памятниковъ Франціи. Комитетъ Отдѣленія Историческихъ Памятниковъ рѣшилъ основать живописный и археологическій музей и послалъ Баяра въ Нормандію, Ле-Гро и Местраля въ Турень, Бальдуса въ Фонтенбло, Бургундію и Дофинé; Лесека въ Шампанію Эльзасъ и Лотарингію.

Всѣ эти артисты привезли коллекцію удивительныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ разными способами. Баяръ употребляетъ стеклянные отрицательные оттиски, Бальдусъ слѣдуетъ методѣ Тальбота, а Ле-Гро работаетъ на навощенной бумагѣ. Произведенія Ле-Гро несравненно-лучше всѣхъ, потому-что онъ употребляетъ двухлористое золото, которое открываетъ малѣйшія подробности въ самой густой тѣни.

Жаль только, что коллекція историческихъ памятниковъ Франціи, надъ которою трудились всѣ эти артисты, остается неизвѣстною для публики. Комитетъ Академіи хранитъ у себя всѣ рисунки и не позволяетъ снимать фотографій, которыя скоро бы разошлись по всей Европѣ и составили бы великолѣпный альбомъ.

Прежде этого назначенія отъ правительства, Эженъ Піо издалъ первую серьозную фотографическую работу—*Монументы Италіи*, которую выдавалъ ливрезонами; и одинъ изъ остроумныхъ сотрудниковъ Revue de Paris, Максимъ Дюканъ, привезъ изъ Египта и Іерусалима больше двухъ-сотъ отрицательныхъ рисунковъ, снятыхъ съ самыхъ знаменитыхъ и живописныхъ мѣстъ.

Составилась подписка на изданіе любопытнаго путешествія г. Дюкана,

и фотографическая типографія Бланкара, въ Лиллѣ, работаетъ надъ рисунками чрезвычайно занимательной книги; ему мы обязаны тѣмъ, что это сочиненіе выйдетъ первое съ фотографическими гравюрами.

Самъ Бланкаръ Эвраръ издалъ превосходный альбомъ, содержащій всѣ артистическія рѣдкости — картины, монументы Фландріи, Италіи, пейзажи, статуи—и все это за баснословно-дешевую цѣну.

И такъ въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ создана и распространена новая промышленость, которая даетъ работу множеству артистовъ. Монументы Франціи и Италіи срисованы вѣрно и со всѣми подробностями; древніе египетскіе памятники перенесены на бумагу со всѣми гіероглифами; но лучше всего фотографія изображаетъ живописные пейзажи, горы и развалины, и Ле Гро довелъ это искусство до идеальнаго совершенства.

Однако, несмотря на это, совершенство фотографіи, дагеротипія предпочиталась для портретовъ и мелкихъ подробностей. Оставалось еще отыскать такое отрицательное вещество, которое могло бы сравниться тонкостью съ металломъ. И эта трудность была скоро побѣждена однимъ французскимъ офицеромъ.

Жизнь Ніепса де-Сенъ Виктора и исторія его работъ напоминаютъ легенды среднихъ вѣковъ и показываютъ любопытный примѣръ силы воли, которая побѣждаетъ всѣ препятствія; притомъ же всѣ труды Ніепса устремлены къ одной цѣли—къ разрѣшенію задачи, которая кажется несбыточною, какъ мечты алхимиковъ среднихъ вѣковъ. Онъ недоволенъ тѣмъ, что дагерротипъ изображаетъ форму, очерки и тѣни предмета, а хочетъ, чтобъ *краски и оттѣнки* были такіе же, какъ въ натурѣ. «Если фотографія откроетъ этотъ секретъ, (говорилъ одинъ артистъ, испуганный чудесами науки) то это будетъ значить, что живопись погибла». Въ настоящую минуту секретъ этотъ почти открытъ.

Мы сказали, что Ніепсъ, племянникъ перваго изобрѣтался геліографіи, Христофора Колумба дагерротипіи. Онъ девятнадцати лѣтъ пошелъ въ военную службу. Первое воспитаніе его вовсе не было направлено къ изученію наукъ, напротивъ, у него было расположеніе къ военнымъ занятіямъ, и онъ поступилъ въ Сомюрскую школу, откуда вышелъ, въ 1827 году, квартирмейстеромъ въ первый драгунскій полкъ. Въ характерѣ молодаго человѣка замѣтна такая же терпѣливая настойчивость, какою отличался его дядя; и если какая-нибудь мысль западала въ его голову, онъ преслѣдовалъ ее до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Первый случай, который навелъ Ніепса на мысль, могущую принести много пользы, очень страненъ. Но не мелочи ли приводили иногда къ великимъ открытіямъ? Можетъ-быть, и розовые отвороты молодаго офицера приведутъ къ произведенію дагерротипныхъ рисунковъ съ красками.

За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, Ніепсъ де-Сенъ Викторъ носилъ розовые отвороты на своемъ военномъ мундирѣ.

Извѣстно, что розовая краска, особенно изъ кошенили, очень нѣжна и боится кислоты. Молодой человѣкъ нечаянно прыснулъ уксусомъ, или лимономъ, на свои розовые отвороты, и началъ выводить пятна щавелевою солью. Но соль, выѣдая одинъ цвѣтъ, превращала его въ другой, и

удивленный будущій алхимикъ началъ разсуждать о свойствахъ красокъ и способностяхъ разныхъ ѣдкихъ веществъ.

Эти размышленія привели его къ нѣкоторымъ открытіямъ, которыя послужили ему въ пользу. Въ 1842 году военный министръ маршалъ Сультъ издалъ приказъ тринадцати полкамъ кавалеріи, чтобъ они носили оранжевые отвороты и обшлага, вмѣсто прежнихъ, красныхъ, розовыхъ и малиновыхъ. Разумѣется, сбирались сдѣлать это какъ можно экономически, и маршалъ Сультъ принялъ предложеніе драгунскаго поручика Монтобанскаго гарнизона, который обѣщалъ сдѣлать перемѣну воротниковъ и отворотовъ такъ, что не надобно будетъ ни распарывать, ни перешивать прежнихъ мундировъ.

Ніепса де-Сенъ Виктора призвали въ Парижъ, и тамъ, въ присутствіи Спеціяльной Комиссіи, онъ проводилъ только щеткой, намоченною какимъ-то веществомъ по розовому и красному сукну, и оно дѣлалось тотчасъ же оранжевымъ. Эта метода сохранила правительству больше ста тысячъ франковъ, и молодой человѣкъ отказался продать свою тайну, но отдалъ ее даромъ.

Однако Ніепсъ успѣлъ уже пристраститься къ химическимъ опытамъ. Дядя его, кажется, оставилъ ему въ наслѣдство одну эту страсть. Племянникъ не хотѣлъ, чтобъ имя Ніепса было потеряно для науки, и потому занялся прилежно геліографіей. Въ 1846 году нашелъ онъ, что черный цвѣтъ притягиваетъ пары іода, который преимущественно пристаетъ къ выпуклымъ предметамъ. Это двойное наблюденіе позволило Ніепсу де-Сенъ Виктору копировать самыя мелкія гравюры, не портя оригинала.

Въ 1847 году Ніепсъ, извѣстный уже по многимъ любопытнымъ опытамъ, открылъ нѣсколько оптическихъ феноменовъ, неизвѣстныхъ до нашего времени, и Шеврель подвелъ ихъ подъ теорію науки.

Послѣ успѣховъ въ первыхъ опытахъ, Ніепсъ понялъ, что ему необходимо жить въ Парижѣ, если онъ хочетъ продолжать свои занятія. Но, какъ солдатъ, онъ не могъ выйти въ отставку. Оставалось перепроситься въ муниципальную гвардію, хотя тамъ онъ и терялъ всякую надежду на повышеніе. Онъ цѣлые три года хлопоталъ объ этомъ переводѣ. Наконецъ поселился въ казармахъ Сенъ-Мартенскаго предмѣстья, и въ два года сдѣлалъ три важныя открытія.

Де-Валикуръ, извѣстный авторъ *Руководства Фотографіи* и повѣренный всѣхъ работъ Ніепса, увѣряетъ, что до 1847 года этотъ офицеръ работалъ надъ открытіемъ вещества, которое было бы удобнѣе бумаги для снятія отрицательныхъ оттисковъ и которое было бы безъ фибръ и неровностей. Рѣшить эту задачу, значило навсегда уничтожить дагерротипную доску и обезпечить для фотографіи блестящую будущность. Разумѣется, что прежде всего Ніепсъ принялся за стекло, которое соединяло въ себѣ всѣ необходимыя условія. Но сколько усилій, сколько трудовъ стоило удержать и утвердить на гладкой поверхности стекла всѣ необходимые химическіе составы!

Однако, въ томъ же самомъ 1847 году, Ніепсъ сдѣлалъ стереотипныя доски на стеклѣ, покрытомъ крахмаломъ, а потомъ началъ упо-

треблять яичный бѣлокъ, который ложится тоньше и ровнѣе, и сильнѣе принимаетъ дѣйствіе іода.

Это открытіе принесло много пользы, и теперь оно во всеобщемъ употребленіи. Съ-тѣхъ-поръ его немного усовершенствовали и сдѣлали процесъ не столь продолжительнымъ. Въ 1849 году Легре удвоивалъ силу стеклянныхъ стереотипныхъ досокъ, замѣняя бѣлокъ *колодіономъ*. Англичане хотѣли оспорить у Франціи и это открытіе; но Легре опять доказалъ неоспоримыми документами, что Арше, въ 1851 году, только развилъ то, что ужъ обнародовано было французскимъ изобрѣтателемъ.

Любопытно изучать, какъ открытія слѣдуютъ одно за другимъ и ведутъ за собою новыя. Всѣ помнятъ, какъ была открыта гремучая вата; потомъ нашли, что эта вата въ одно мгновеніе разлагается въ эѳирѣ и составляетъ родъ густаго, липкаго сиропа. Такъ-какъ эѳиръ вещество скороулетучивающееся, то этимъ сиропомъ покрываютъ рану, и когда эѳиръ исчезаетъ, остается прозрачное, липкое вещество, которое въ минуту сушитъ и склеиваетъ рану. Это вещество, подъ названіемъ *колодіона*, замѣнило въ аптекахъ англійскій пластырь.

Этотъ колодіонъ былъ употребленъ Ле-Гре для покрыванія стеклянныхъ досокъ вмѣстѣ съ іодомъ; потомъ, посредствомъ серебрянаго нитрата, дѣлали ихъ бѣлыми, и они принимали отрицательное изображеніе почти въ секунду. Снимки же на бумагѣ выходили необыкновенно-тонки и нѣжны.

Этотъ способъ употребляютъ однако немногіе, и особенно для портретовъ не дѣлаютъ отрицательныхъ оттисковъ, а снимаютъ ихъ прямо въ натуральномъ видѣ. Мартенъ и братья Макеръ и Варнозъ употребляютъ эту методу.

Не довольствуясь открытіемъ стеклянныхъ стереотипныхъ досокъ, Ніепсъ де-Сенъ Викторъ мечталъ уже о новыхъ работахъ.

Надобно замѣтить, что труды его не остались безъ награды. Общество Поощренія прислало ему медаль въ 2000 франковъ, которую вручилъ ему Сегье, и Шеврель прочелъ въ Академіи Наукъ отчетъ о всѣхъ работахъ достойнаго племянника Ніепса. Біографія трудолюбиваго офицера произвела большое впечатлѣніе. Всѣ удивлялись дѣятельности и твердости бѣднаго ученаго, который въ-продолженіе двадцати-трехъ лѣтъ исполнялъ всѣ обязанности службы и продолжалъ свои ученыя занятія.

Теперь Ніепсъ де-Сенъ Викторъ капитанъ парижской гвардіи.

Онъ устремилъ всѣ свои способности къ цѣли, которая почитается невозможною. Мечта о дагерротипѣ съ красками не оставляетъ его ни на минуту; и если въ-послѣдствіи дойдутъ, что солнце будетъ переносить на бумагу цвѣта, то имя Ніепса будетъ стоять первымъ въ числѣ трудившихся надъ этимъ открытіемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, жизнь его прошла въ пожертвованіяхъ, неудовольствіяхъ и несправедливостяхъ судьбы. Ніепсъ не переставалъ бороться со всѣми непріятностями жиз-

ни. Недостатки, невниманіе, — не мученія ли это для бѣднаго изобрѣтателя?

Онъ уже дошелъ до того, что заставилъ солнце изображать яркія краски; но недостатокъ времени и средствъ не позволилъ ему продолжать опыты. Онъ не можетъ дождаться, чтобъ судьба дала ему вѣрный кусокъ хлѣба и свободное время. Въ ожиданіи этого, онъ, съ позволенія своихъ начальниковъ, устроилъ себѣ лабораторію въ комнатѣ, гдѣ сажаютъ подъ арестъ въ Сенъ-мартенскихъ казармахъ.

Но февральская революція ворвалась въ казармы и сожгла ихъ. Лабораторія Ніепса сгорѣла и всѣ его инструменты погибли. Потеря простиралась до 15,000 франковъ. Республика отказалась заплатить ихъ и разоренный ученый принужденъ былъ по-неволѣ отказаться отъ своихъ опытовъ.

Однакожъ онъ не могъ долго существовать безъ нихъ, и опять разными лишеніями и трудами пріобрѣлъ необходимые инструменты и устроилъ себѣ мастерскую въ казармѣ улицы Муфетаръ. Терпѣливый и трудолюбивый, онъ жилъ воздухомъ и надеждою, какъ Бальтазаръ Клаэсъ, фантастическую легенду котораго такъ краснорѣчиво разсказалъ Бальзакъ. Ніепсъ продолжаетъ итти къ своей цѣли, и Беккерель, изобразившій тоже нѣсколько оттѣнковъ солнцемъ, старается поддержать его.

4-го марта 1851 года, Ніепсъ передалъ Институту запечатанный пакетъ, въ которомъ находился первый удавшійся опытъ снять красками предметы. Открытіе сдѣлано, но оно неполно и остается еще найтти средство утверждать цвѣта. Онъ принужденъ прервать свои работы, потому-что на нихъ нужны деньги и время. Опыты эти очень удовлетворительны. Цвѣта красный, желтый, синій, золотой съ металлическими оттѣнками изображены на доскѣ, приготовленной съ нѣкоторыми металлическими солями, которыя воспламеняются скоро и производятъ разноцвѣтный огонь. Эти соли, смѣшанныя съ іодомъ, блестятъ на солнцѣ тѣми же красками, какія придаютъ пламени. Теперь остается довершить количество красокъ, и найти химическое средство утвердить ихъ на доскѣ, потому-что въ такомъ видѣ онѣ вскорѣ исчезаютъ совсѣмъ отъ вліянія свѣта.

Если бы поощрили труды Ніепса и обратили на нихъ больше вниманія, онъ, можетъ-быть, давно успѣлъ бы сдѣлать это открытіе; но невольныя задержки и потеря времени не позволяютъ ему заниматься безпрерывно; притомъ же, въ прошломъ году одинъ американскій журналъ обнародовалъ *утку*, что Гиль въ Нью-Іоркѣ дѣлаетъ дагеротипы съ красками, и Ніепсъ, боясь потерять долголѣтніе труды, поспѣшилъ объявить о своей *пьепсохроміи*, не достигнувъ окончательныхъ опытовъ, и только для того, чтобъ удержать за Франціею честь этого изобрѣтенія.

Въ настоящее время Ніепсъ продолжаетъ свои опыты надъ красками и, въ тоже время, старается примѣнить къ бумагѣ колодіонъ. Онъ совершенствуетъ также литофотографію — новое примѣненіе, которое состоитъ въ томъ, что рисунокъ карандашемъ замѣняется геліографіею

на камнѣ, съ котораго берутъ снимки обыкновенной методой. Стало-быть, если фотографія обязана своимъ существованіемъ литографіи, то она послужила теперь къ улучшенію и распространенію ея.

Послѣ всѣхъ чудесъ фотографіи понятно, что это искусство обратило на себя не только вниманіе артистовъ и ученыхъ, но сдѣлалось также любимымъ занятіемъ людей высшаго парижскаго общества. Во многихъ домахъ устроены мастерскія, и нѣтъ ни одной виллы въ окрестностяхъ столицы, гдѣ бы не было инструментовъ дагерротипа и семейнаго музея. Многіе изъ артистовъ, которыхъ мы назвали, даютъ уроки фотографіи, и въ короткое время ученики могутъ соперничать съ своими учителями.

Это благородное занятіе перешло въ пансіоны и учебныя заведенія, гдѣ доставляетъ дѣтямъ полезное ученіе и пріятное препровожденіе времени. На что требовалось прежде много трудовъ и времени, теперь передается въ нѣсколькихъ практическихъ урокахъ.

Въ послѣднее время много говорили и безпокоились о будущемъ вліяніи геліографіи на изящныя искусства. Были фанатики этого открытія, которые, разумѣется, преувеличивали его важность; другіе, напротивъ, систематически доказывали всю ничтожность его. Чтобъ судить безпристрастно объ этомъ искусствѣ, надобно разобрать всѣ его достоинства и недостатки.

Фотографія на бумагѣ очень близко подходитъ къ изящному искусству и требуетъ отъ фотографа знанія и таланта, тогда-какъ дагерротипная доска можетъ быть приготовлена всякимъ. Дагерротипія не можетъ замѣнить живописи, и портреты на металлическихъ доскахъ избѣгаются многими, можетъ-быть, потому, что они нельстивы, какъ матеріяльная истина.

Искусство состоитъ не въ одной точности и безусловномъ подражаніи природѣ, но и въ выраженіи мысли. Грубый реализмъ дагерротипныхъ портретовъ доказываетъ преимущество вдохновенія и мысли художника. Когда улицы Парижа покрылись безчисленными дагерротипными досками, всѣ удивились такому собранію безобразныхъ и безсмысленныхъ лицъ. Живопись не давала и подозрѣвать о существованіи подобныхъ лицъ. Оригиналы не хотѣли узнавать себя въ этихъ портретахъ. Вотъ доказательство, что истина въ искусствахъ должна быть идеальная.

Фотографія тоже не всегда вѣрно схватываетъ сходство, и одно и тоже лице представляетъ то прекраснымъ, то безобразнымъ, но все-таки всякій узнаетъ въ этихъ двухъ рисункахъ то лице, съ котораго они сняты. Гдѣ же искать настоящей истины?

— Они похожи, страшно похожи, говорятъ разочарованные философы. Развѣ можетъ обманывать машина?

Чтобъ портретъ былъ совершенно похожъ, надобно не только вѣрно изобразить черты и формы, но придать имъ выраженіе, мысль, что-нибудь наконецъ, что бы напоминало характеръ и привычки изображаемаго предмета. Вотъ отчего живописецъ долженъ не толь-

ко видѣть, но и размышлять, чего машина не можетъ. Вотъ отчего часто карикатуры гораздо больше похожи чѣмъ серьозные портреты.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ исправили въ дагеротипѣ погрѣшности перспективы и сдѣлали эту операцію почти секундною, портреты выходятъ довольно-удовлетворительные и ихъ можно предпочесть работѣ посредственныхъ живописцевъ. Это очень понятно: дурные живописцы не понимаютъ характера оригинала и сами могутъ быть глупы, тогда-какъ природа никогда не обманывается.

Геліографія докажетъ услугу тѣмъ, что уничтожитъ бездарныхъ живописцевъ и яснѣе выкажетъ талантъ геніяльныхъ артистовъ.

Однако геліографія, несмотря на всѣ свои достоинства, все-таки не достигла совершенства и абсолютной истины. Вотъ ея главные недостатки:

Точность перспективы все еще относительная, и надобно дождаться, чтобъ ее сдѣлали полною и безошибочною. Притомъ, въ геліографіи оттѣнки не всегда вѣрны, особенно если въ модели находится много цвѣтовъ. Стоитъ только копировать картину съ яркими красками—и оттискъ будетъ слабъ и не вѣренъ.

Въ портретахъ незамѣтно ни свѣжести, ни молодости, ни прозрачности кожи, не говоря уже о принужденности въ выраженіи, натянутой улыбкѣ, безсмысленности взгляда.

Пейзажиста тоже ждутъ большія непріятности. Группы деревьевъ выйдутъ у него черною массою, вода и песокъ сольются вмѣстѣ и отдаленность, придвинувшись впередъ, потеряетъ всю воздушность и нѣжность.

Стало-быть живопись, могущая оживить картину вдохновеніемъ и мыслію, останется всегда выше механизма, который можетъ только вѣрно и скоро изображать природу.

Въ геліографіи невозможны также грубыя ошибки, которымъ привыкли вѣрить, особенно если дѣло шло о памятникахъ и изданіяхъ, находящихся въ отдаленныхъ странахъ. Живописцы и путешественники могли представлять ихъ въ какомъ угодно видѣ и никто не смѣлъ имъ противорѣчить. Теперь же геліографія исправила всѣ эти ошибки и скопировала въ настоящемъ видѣ Альямбру, башню въ Пизѣ и всѣ историческіе памятники.

Стало-быть польза этого открытія несомнѣнна. Дагеротипія, списывая египетскіе и индійскіе памятники вмѣстѣ съ гіероглифами, даетъ возможность изучать эти таинственные знаки всѣмъ, кому вздумается, и приводитъ къ новымъ историческимъ открытіямъ, тогда-какъ прежде наука гіероглифовъ была неприступна.

Благодаря этому же превосходному открытію, рѣдкія гравюры, уже совершенно исчезавшія, будутъ вновь произведены такъ искусно, что никто не отличитъ копіи отъ оригинала, потому-что химія нашла даже средство дѣлать новую бумагу старою Точно такъ же могутъ быть возобновлены и распространены книги, которыхъ оставался одинъ экземпляръ, драгоцѣнныя рукописи, автографы.

Примѣненная къ матеріяламъ, фотографія можетъ производить кра-

сивые и рѣдкіе узоры, по желанію покупателя. Тогда можно убирать комнаты оригинальнѣе, потому-что птицы, цвѣты, насѣкомые, минералы превосходно обозначаются на матеріяхъ. Можно также уничтожить описаніе наружности въ паспортахъ и замѣнить его фотографическимъ портретомъ. Уже въ нѣкоторыхъ судейскихъ процесахъ фотографическіе снимки оказали большія услуги, и недавно еще поручено было Макеру сдѣлать рисунокъ погорѣлаго дома, хозяинъ котораго началъ судиться съ обществомъ страхованія.

Что касается до пользъ науки, то дагеротипія создала уже *фотометрію*, которою измѣряютъ относительное протяженіе звѣздныхъ лучей; она указала способъ замѣчать показанія барометра и уклоненіе магнитной стрѣлки, которая оставляетъ слѣды на фотографической бумагѣ. Изученіе породъ и памятниковъ сдѣлалось теперь тоже очень легко. Микроскопическіе предметы, которые прежде можно было видѣть только черезъ стекло, теперь доступны простому глазу, потому-что, посредствомъ дагеротипа, сдѣланъ микроскопическій атласъ, по которому можно изучить всѣ породы. Гіероглифы Египта были скопированы Максимомъ Дюканомъ въ нѣсколько часовъ, тогда-какъ прежде на это надобно было употребить двадцать лѣтъ и пятьдесятъ гравёровъ.

Фотографія имѣла большое вліяніе на химію, оптику и теорію о свѣтѣ и цвѣтахъ; она доказала неизвѣстные факты и свойства разныхъ веществъ, которые приведутъ къ другимъ открытіямъ. Она сдѣлалась помощницею археологіи, гравированія, филологіи, натуральной исторіи и космографіи. И такъ, кромѣ результатовъ извѣстныхъ всѣмъ, это открытіе имѣетъ столько точекъ соприкосновенія съ другими частями науки, что можетъ почесться предвѣстникомъ большихъ и полезныхъ перемѣнъ.

Однако, несмотря на всю пользу и услуги, повторяемъ еще разъ, если геліографія и усовершенствуется еще больше, то все-таки не займетъ мѣсто живописи, таланта и вдохновенія. Искусство всегда останется искусствомъ, если оно понимаетъ свое назначеніе и не унижаетъ его. Всѣ усилія фотографовъ представить портреты идеальными, остались тщетны, но дошли до того, что снимаютъ вѣрно и безукоризненно то, что человѣческая рука сдѣлала оживленнымъ и поэтическимъ.

Статуи, гравюры, картины великихъ геніевъ, горы, разбросанныя въ безлюдной, мертвой странѣ, степи, пустыни, развалины, монументы, древности—все это было изображено геліографіей превосходно, и можетъ соперничать съ лучшими гравюрами, потому-что всѣ эти предметы мертвы и получили идеальность отъ искусства, которое ихъ создало и которое фотографія копировала безошибочно.

Но если надобно изобразить человѣка мыслящаго, трепетъ листьевъ, полетъ облака, улыбку ребенка, журчаніе ручья, словомъ: жизнь, движеніе, мысль—тогда живопись вступаетъ въ свои права, которыми никто не завладѣетъ.

Надобно имѣть душу и умъ, чтобъ изобразить живое твореніе. Механизмъ, хотя и удивительный, можетъ только рабски копировать

—

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Финики и фіалки. (*Разсказъ Леона Гозлана*). Когда околѣетъ крошечная собачка или попугай, когда завянетъ цвѣтокъ, это конечно еще небольшое несчастіе, но оно производитъ безсонныя ночи, печальные дни и иногда продолжительныя болѣзни. Можетъ быть только потому и грустятъ о мелочахъ, чтобъ показать свою чуствительность. Что намъ за дѣло, что Китай гибнетъ, что Японія опустошена волканомъ: мы не пожертвуемъ своимъ зонтикомъ для ихъ спасенія, потому что потеря зонтика можетъ разстроить насъ на цѣлый день. И такъ, большія несчастія не существуютъ для счастливыхъ..

Есть въ Парижѣ пустыни, которыя называются площадями, и на одной изъ нихъ, въ послѣднюю холодную зиму, о которой долго будутъ помнить бѣдные, стоялъ мусульманинъ и продавалъ финики, а на другомъ углу маленькая поселянка предлагала прохожимъ букеты фіалокъ. Былъ апрѣль мѣсяцъ, то-есть самое ненастное время года, когда солнце смѣняется дождемъ, вѣтеръ снѣгомъ, и когда холодъ очень чувствителенъ. Удивительно, что въ это самое время года растутъ фіалки. Гдѣ? это мудрено сказать. Поля покрыты еще тающимъ снѣгомъ, который то замерзаетъ на нѣсколько часовъ какъ безграничное зеркало, то разливается какъ безбрежное озеро. И не смотря на это, спросите фіалокъ, розъ, земляники, свѣжаго гороху, абрикосовъ, и вамъ сейчасъ подадутъ желаемое. Въ Парижѣ нѣтъ ничего ненаходимаго. Въ немъ съѣдаютъ ананасовъ больше, чѣмъ на островѣ Мартиникѣ.

Мусульманинъ былъ уже старъ. Онъ родился въ городѣ Маскарѣ, въ королевствѣ Алжирскомъ, гдѣ занимался кожевеннымъ ремесломъ, и превосходно выдѣлывалъ красновато-бронзовыя кожи, изъ которыхъ приготовляютъ ножны для шпагъ и кинжаловъ. На востокѣ кожевники пользуются всеобщимъ уваженіемъ и получаютъ большія выгоды, и продавецъ финиковъ началъ уже порядочно наживаться.

Но вдругъ французы взяли Маскару и сожгли заведенія кожевника. Онъ разорился въ одинъ день; жена его умерла отъ страха, дочь задохлась въ пожарѣ. Жену его звали Луною, а дочь Ягодкою.

Бѣдный кожевникъ долго плакалъ, но въ утѣшеніе его сдѣлали французскимъ гражданиномъ и помѣстили въ національную гвардію. Изъ развалинъ его дома построили трактиръ, гдѣ начали продавать пиво и играть въ биліардъ.

Наконецъ разорившійся кожевникъ получилъ позволеніе отправиться во Францію, эту богатую страну, которая съ радостію принимаетъ всѣхъ пришельцевъ и великодушно позволяетъ имъ умирать съ голоду въ торговлѣ, искусствахъ или литературѣ. Литература пользуется большимъ преимуществомъ.

И такъ, въ прекрасной Франціи мусульманинъ почувствовалъ прежде всего холодъ подъ своею легкою одеждой. Онъ пошелъ однако въ Парижъ и началъ говорить о своемъ положеніи и нуждѣ. Никто его не понялъ. Бѣднякъ плакалъ, но его понимали еще меньше. Онъ про-

водилъ цѣлые дни на углу биржи, которую наивно почиталъ мечетью. Ни одинъ биржевой агентъ не подалъ ему двухъ су.—Верблюды дольше насъ переносятъ голодъ, сказалъ въ утѣшеніе себѣ маскарскій кожевникъ, и затянулъ себѣ крѣпче кушакъ, думая о погибшей своей женѣ, которую звали Луною, и о дочери Ягодкѣ. Однако пришла минута, когда надобно было или поѣсть, или умереть, или воровать. Мусульманинъ грустно улыбнулся и сказалъ: Лучше умру. — Одинъ Богъ можетъ оцѣнить подобныя чувства!

Мы увидимъ дальше, что съ нимъ случилось.

Нантеръ, хорошенькое селеніе между Парижемъ и Сенъ-Жерменемъ. Туда удаляются Парижане весною, чтобъ отдохнуть и поправиться послѣ безсонныхъ ночей зимы.

Наша торговка фіалками родилась въ Нантерѣ. Отецъ ея воздѣлывалъ виноградъ для другихъ, и самъ не пробовалъ вина, какъ большая часть винодѣловъ во Франціи. Мать ея продавала пироги при входѣ въ паркъ Сенъ-Клу, и эти два соединенныя ремесла не могли прокормить бѣдныхъ людей и обезпечить имъ квартиру.

Когда дѣвочка подросла, ей надѣли на голову чепчикъ, на ноги деревянные башмаки, и дали въ руки шесть букетовъ фіалокъ, сказавъ: ступай каждое утро въ Парижъ и продавай эти цвѣты. Какая выгодная торговля должна быть торговля фіалками!

Между тѣмъ родители дѣвочки состарѣлись и не могли больше работать. Она должна была содержать ихъ своею работою. Эта слабая, хорошенькая дѣвочка была бѣлокура и свѣжа, какъ покровительница Нантера, которая пряла, ведя къ ручью свое стадо. И она приносила едва шесть су домой. Шесть су за шесть миль дороги, и еще зимою!

Однажды, въ апрѣлѣ прошедшаго года, отецъ нантерской крестьянки слегъ въ постель; старушка мать не могла встать со стула, и бѣдная дѣвочка все-таки отправилась въ Парижъ по страшнымъ дорогамъ, черезъ океанъ грязи, снѣга, и при блѣдномъ солнцѣ, которое скорѣе холодило, чѣмъ грѣло.

Она подошла къ мосту, ведущему къ палатѣ депутатовъ, гдѣ поминутно проѣзжаютъ экипажи. У нее было въ рукахъ шесть букетовъ фіалокъ, покрытыхъ снѣгомъ, и никто у нее некупилъ ни одного; никто не сжалился надъ прекрасною малюткой.

Она стояла съ шести часовъ утра, а было уже двѣнадцать!

Кожевникъ Маскары не умеръ съ голоду. Онъ встрѣтилъ случайно добраго человѣка, который сжалился надъ положеніемъ бѣдняка и подарилъ ему корзину и три фунта финиковъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ не существуетъ лотерея, есть великодушные люди, которые играютъ роль судьбы. Старый мусульманинъ началъ ходить по площадямъ Парижа и кричать: финики, финики, настоящіе турецкіе финики! Въ первый день онъ продалъ восемь финиковъ, во второй три, а въ третій напрасно кричалъ на мосту во все горло: финики финики! Никто не прельщался его товаромъ тѣмъ болѣе, что финики уже испортились отъ холода и дождя.

Въ два часа холодъ сдѣлался сильнѣе; бѣдная крестьянка посинѣ-

ла и едва могла держать въ рукахъ букеты. Мусульманинъ подошелъ къ дѣвочкѣ, и не говоря ни слова, развернулъ свою кисейную чалму и закуталъ шею и грудь торговки.

— Финики, финики, настоящіе турецкіе финики!

— Фіалки, кому надо фіалокъ!

Пробило четыре часа, и не являлся ни одинъ покупатель; морозъ увеличивался, а оба несчастные ничего еще не ѣли.

Нѣкоторые добрые прохожіе смѣялись, глядя на мусульманина безъ чалмы.

Въ пять часовъ дѣвочка почувствовала необыкновенную слабость и прислонилась къ периламъ моста. Старый кожевникъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Что̀ стоятъ ваши фіалки?

— Шесть су.

— Возьмите половину моихъ фиников, и дайте мнѣ два букета.

Нантерская цвѣточница позавтракала, но мусульманинъ не чувствовалъ еще голода, потому-что не ѣлъ только два дня.

Бѣдность запада и востока соединилась на парижскомъ мосту: цвѣты и финики помогали другъ другу.

Когда солнце зашло, морозъ увеличился еще нѣсколькими градусами, и бѣдная малютка опустилась на землю и заснула. Кожевникъ грустно улыбнулся, смотря на нея и сказалъ:

— Пусть она уснетъ. Сонъ согрѣетъ ее. Ахъ! какъ она напоминаетъ мнѣ мою дочь Ягодку!.. Финики, финики! Настоящіе турецкіе!

Парижъ освѣтился газомъ и засіялъ тысячью огней подъ мрачнымъ небомъ.

Кожевникъ тоже почувствовалъ, что его клонитъ ко сну и не надѣясь, чтобъ кто-нибудь купилъ у него фиников, опустился возлѣ цвѣточницы.

Было семь часовъ вечера и больше десяти градусовъ мороза.

Засыпая онъ все заботился о бѣдной малюткѣ, и такъ какъ побѣдители Алжира оставили ему его старый бурнусъ, онъ раздѣлилъ его съ бѣдняжкой и накрылъ имъ хорошенькую нантерскую крестьянку Но ей уже былъ ненуженъ бурнусъ. Вскорѣ и ему онъ сдѣлался совершенно лишнимъ.

Оба они не просыпались больше на землѣ.

И это случилось *очень недавно*, въ Парижѣ, въ центрѣ просвѣщенія!..

—

Двѣ знаменитыя собаки—Безериьо и Леонсиьо. Между страшными собаками, которыя по приказанію хозяина бросались на бѣдныхъ Индѣйцевъ, во время покоренія Америки, были знаменитости, генеалогія которыхъ сохранилась между Испанцами, какъ на востокѣ генеалогія лошадей рѣдкой породы. Безериьо (маленькій теленокъ) былъ одною изъ самыхъ ужасныхъ въ этой породѣ собакъ. Его имя доказываетъ,

какъ онъ былъ великъ и силенъ; шерсть на немъ была бурая, и онъ принадлежалъ Діего Салазару, одному изъ первыхъ *Конквистадоровъ* въ Санъ-Жуанѣ, въ послѣдствіи названномъ Пуэрто-Рико. Эта собака много способствовала къ одержанію побѣды надъ Кацикомъ Мабодомака. Онъ былъ однако не такъ безжалостенъ, какъ его господинъ, и пощадилъ бѣдную старую индіанку, которую Салазаръ хотѣлъ погубить и послалъ ее съ письмомъ къ губернатору за милю оттуда. Несчастная женщина увидѣла, что къ ней бросилось страшное животное съ отверзтою пастью и безъ страха, сѣла на землю и показала собакѣ-палачу письмо ея господина. Потомъ она начала уговаривать ее на своемъ наивномъ языкѣ, и Безерильо, гораздо человѣколюбивѣе Салазара, почувствовалъ жалость, и какъ будто понимая просьбы старухи, не тронулъ ее. Бѣдная индіянка спасена была отъ неминуемой смерти.

Леонсильо (маленькій левъ) былъ сынъ Безерильо. Его господинъ Бальбоа взялъ его съ собою на твердую землю, и превосходно пріучилъ къ сраженію. Во время экспедиціи на Дарiенскомъ полуостровѣ, Леонсильо оказалъ много услугъ Европейцамъ. Жанъ-де-Бри описалъ превосходно одно сраженіе, гдѣ это умное животное играло почти первую роль и наводило ужасъ на индѣйцевъ. Леонсильо получалъ аккуратно положенное содержаніе. Овіедо увѣряетъ, что эта собака принадлежала одному изъ солдатъ, а не самому Бальбоа. Леонсильо былъ найденъ мертвымъ, проколотый нѣсколькими стрѣлами индѣйцевъ, которые радовались его смерти больше, чѣмъ побѣдѣ надъ Испанцами. Лаказъ приводитъ тоже много разсказовъ, въ которыхъ Безерильо и Леонсильо играютъ первую роль, такъ что подвиги ихъ кажутся даже невѣроятными. Между прочимъ увѣряютъ, что въ 1514 году храбрая собака Бальбоа получила часть добычи въ общемъ дележѣ, и на ея долю пришлось пятьсотъ золотыхъ кастильяновъ.

—

Три портрета Абдель-Кадера. До сихъ поръ не было еще ни одного вѣрнаго портрета Эмира, потому что, зная отвращеніе мусульманъ отъ портретной живописи, никто не смѣлъ просить у Абдель-Кадера сеансовъ. И потому всѣ фигуры въ бѣлыхъ бурнусахъ знаменитаго врага Франціи—были фантастическія. Теперь же, на послѣдней выставкѣ картинъ въ Парижѣ, были три портрета Абдель-Кадера, работы живописца Максима Давида. Передъ самымъ отъѣздомъ Эмира въ священный городъ Бруссу, явился къ нему артистъ отъ имени военнаго министра, и просилъ позволенія списать черты знаменитаго плѣнника. Абдель-Кадеръ не хотѣлъ отказать правительству, которому былъ обязанъ свободою, и съ удовольствіемъ согласился дать нѣсколько сеансовъ.

Г. Давидъ, одаренный необыкновенною вѣрностью и проворствомъ кисти, вмѣсто одного портрета сдѣлалъ три, которые при чрезвычайномъ сходствѣ показываютъ Эмира въ трехъ видахъ. Въ первомъ пред-

ставленъ Абдель-Кадеръ Марабутомъ, съ четками въ рукахъ, мечтающемъ о роли новаго Магомета и о священной войнѣ. Второй портретъ изображаетъ Абдель-Кадера султана, величественно закутаннаго въ бурнусъ и готоваго миловать или наказывать, прощать или мстить. Въ третьей картинѣ Абдель-Кадеръ воинъ. Онъ готовъ вскочить на коня, и его быстрый блестящій взглядъ спокойно осматриваетъ все войско.

Всѣ три фигуры удивительно похожи на Эмира, не смотря на разное выраженіе, и когда старая Зора, мать Абдель-Кадера, увидѣла ихъ, то съ удивленіемъ подняла руки къ небу и сказала артисту:

— Ты сдѣлалъ моего сына точно живаго.

—

Еще анекдотъ о движеніи неодушевленныхъ предметовъ. Столоверченіе и шляповальсированіе уже не занимаетъ обществъ, но оно перешло изъ гостиныхъ и залъ въ переднія и кухни, и теперь всѣ жалуются въ Парижѣ, что прислуга не исполняетъ своихъ обязанностей, что она разсѣяна и занимается магнитическими опытами. Вмѣсто того чтобъ накрывать столъ, лакеи съ горничными составятъ вокругъ него цѣпь и танцуютъ по столовой вальсъ, тогда какъ хозяинъ съ гостями ждутъ обѣдать. Кухарки и повара дѣлаютъ тоже самое въ кухнѣ, словомъ столоманія перешла со всею силою въ другой классъ общества.

Одинъ парижскій банкиръ читалъ журналъ въ своемъ кабинетѣ, и замѣтя, что ему пора на биржу, позвонилъ и сказалъ вошедшему слугѣ:

— Жозефъ, подай шляпу.

— Сейчасъ, сударь.

Слуга вышелъ, а банкиръ продолжалъ дочитывать какую-то любопытную статью.

Прошло нѣсколько минутъ, и банкиръ, посмотрѣвъ на часы, опять позвонилъ, боясь опоздать, но Жозефъ не являлся, и баринъ дочитавъ газету всталъ, чтобъ итти на биржу.

Но любопытная статья окончена, а банкиръ все-таки безъ шляпы позвонилъ еще съ сильною досадою.

Явился другой лакей.

— Куда вы всѣ дѣвались? закричалъ богачъ съ гнѣвомъ. Я звоню три раза, и никто не слышитъ. Когда это случалось?

— Извините сударь, но...

— Я звалъ не тебя, а Жозефа!

— Я знаю сударь, что вамъ нуженъ Жозефъ.

— Зачѣмъ же ты пришелъ? Гдѣ Жозефъ? Я велѣлъ принести ему мою шляпу.

— Я слышалъ это, сударь.

— Вотъ ужъ четверть часа какъ я дожидаюсь шляпы.

— Шестнадцать минутъ, сударь!

— Что ты за вздоръ говоришь?

— Я говорю шестнадцать минутъ, потому что смотрѣлъ на часы.

— Молчи, болванъ! Я спрашиваю мою шляпу; дождусь ее?

— Сію минуту, сударь. Жозефъ и Винцентъ приведутъ ее сейчасъ.

— Приведутъ! Ты кажется съ ума сошелъ. Я говорю о моей шляпѣ.

— Я тоже, сударь.

— Какое терпѣніе надобно съ этими людьми; подай мнѣ мою шляпу, слышишь!

— Да вотъ она сама сударь... сама идетъ...

Дверь въ сосѣднюю залу отворилась, и банкиръ увидѣлъ столъ, на которомъ четыре руки Жозефа и Винцента придерживали шляпу, которая колыхалась и двигалась.

— Ступай, къ барину, сказалъ Жозефъ, прикрикнувъ на шляпу, какъ на собаченку, и та послушно исполнила волю магнитизера.

— Вотъ, сударь, продолжалъ лакей съ достоинствомъ, отчего вы дожидались такъ долго вашей шляпы. Я думалъ, что вамъ пріятно будетъ, если она сама прійдетъ къ вамъ, слушаясь магнитнаго тока. Вы можете разсказать этотъ случай на биржѣ.

— Убирайтесь вы съ вашимъ токомъ, я опоздалъ полчаса.

— Только семнадцатью минутами, сударь. Движеніе началось черезъ шестнадцать минутъ. Это одинъ изъ лучшихъ опытовъ.

— Который кончится тѣмъ, что я тебя выгоню. Этотъ опытъ будетъ еще лучше.

—

Сентъ-Адрессъ. Живописное жилище Альфонса Карра въ Сентъ-Адрессѣ, небольшомъ селеніи близъ Гавра, продается съ публичнаго торга, и на этотъ счетъ сочинили много сказокъ объ авторѣ Осъ, который будто бы разорился и былъ выгнанъ своими кредиторами. Самъ онъ опровергаетъ всѣ эти нелѣпые слухи, говоря что продаетъ свой домикъ оттого, что хотѣлъ въ немъ жить уединенно, вдали отъ шума и людей, и работать спокойно, но недавно открытая желѣзная дорога приводитъ въ Сентъ-Адрессъ столько любопытныхъ, что жить въ немъ и работать нѣтъ никакой возможности, особенно такому дикарю, какъ Альфонсъ Карръ.

Сентъ-Адрессъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что его посѣщала королева Гортензія, и къ ея пріѣзду опустошили всѣ окрестные сады и все селеніе убрали цвѣтами, носящими ея имя. Королева назвала Сентъ-Адрессъ Швейцарскою долиной, въ которой вмѣсто озера Океанъ.

Въ послѣдствіи всѣ гортензіи пропали, и только въ саду Альфонса Карра сохранился огромный и единственный кустъ этихъ цвѣтовъ, на которомъ разцвѣтаетъ по четыреста розовыхъ цвѣтовъ.

—

Шмитъ, живописецъ ножницами. Жоржъ Шмитъ приводитъ весь Парижъ въ удивленіе своими вырѣзными рисунками. Это искусство доведено имъ до такой степени совершенства, что его прозвали Клодъ Лореномъ вырѣзыванія, и нѣтъ ни одного великолѣпнаго альбома, кото-

рый бы не добивался чести украситься художественною *картиною* необыкновеннаго артиста, настоящею картиною, потому что его пейзажи прелестны и вѣрны. Въ его деревьяхъ пробѣгаетъ воздухъ, вода бѣжитъ, животные полны жизни и движенія, словомъ трудно изобразить кистью и карандашемъ то, что этотъ молодой германецъ производитъ своими большими, неуклюжими ножницами. Онъ копируетъ даже историческія картины, разумѣется въ миніатюрѣ, и такъ вѣрно, что всѣ художники удивляются. Къ этому надобно замѣтить, что Шмитъ не *умѣетъ* ничего нарисовать карандашемъ, а рисуетъ только своими ножницами. Онъ съ дѣтства имѣлъ страсть къ вырѣзыванію, и занимаясь этимъ безпрестанно, дошелъ до того удивительнаго совершенства, что въ нѣсколько минутъ вырѣжетъ вамъ все, что вы не скажете ему. Онъ былъ простымъ работникомъ въ типографіи, но теперь можетъ составить себѣ состояніе своимъ талантомъ, особенно покуда онъ въ модѣ и покуда не явился какой нибудь новый артистъ въ другомъ родѣ.

—

Пароходы на Миссисипи. Эти пароходы знамениты тѣмъ, что своими взрывами произвели много несчастій. Поминутно слышишь, что такой-то пароходъ сгорѣлъ, другой потонулъ, третій взлетѣлъ на воздухъ, и все это на Огіо и Миссисипи, двухъ самыхъ опасныхъ рѣкахъ. Въ Америкѣ никто не вмѣшивается въ частныя дѣла; скорость ѣзды считается первою необходимостью для этого дѣятельнаго народа, и потому путешественники сами обязаны справляться выдержитъ ли пароходъ путешествіе и съумѣетъ ли капитанъ справиться съ непогодой. Къ несчастію неблагоразуміе и беззаботность капитановъ бываетъ первою причиною несчастій. Поминутно пароходы, идущіе по одному направленію, стараются обогнать другъ друга, безъ всякой надобности, и капитаны усиливаютъ ходъ. Пассажиры, вмѣсто того, чтобъ отговаривать отъ этихъ опасныхъ игрушекъ, еще упрашиваютъ торопиться, не думая, что жертвуютъ жизнію; даже женщины въ порывѣ увлеченія бросали въ печь все, что попадалось имъ сгараемаго, чтобъ только увеличить огонь. Нѣтъ словъ назвать это страшное ребячество, происходящее часто на старомъ или испорченномъ пароходѣ, который съ опасностію можетъ дойти до назначенія. Потому-то число погибающихъ пароходовъ равняется половинѣ того числа, которое было построено въ двадцать лѣтъ во всей Америкѣ. Это очень вѣроятно, и если непринято будетъ никакихъ мѣръ, то скоро благоразумные путешественники не будутъ совсѣмъ ѣздить по Огіо и Миссисипи.

— Вашъ пароходъ очень плохъ, говорилъ одинъ путешественникъ капитану: машина ваша совсѣмъ испортилась. Долго ли будете еще ѣздить на ней?

— Пока она не лопнетъ, отвѣчалъ флегматически американецъ.

—

Асторъ. Главная черта въ характерѣ американцевъ—это страсть къ простору, къ огромнымъ формамъ, къ величинѣ во всемъ. Они ненавидятъ все маленькое, узкое, миніатюрное. Вотъ почему въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ улицы такъ же широки, какъ американскія рѣки, домы обширны какъ озера, зданія огромны, какъ горы, и во всемъ сохраняется таже пропорціональность. Одинъ французскій путешественникъ сошелъ съ парохода въ Нью-Іоркѣ и увидѣлъ предъ собою домъ, въ который запряжены были шесть лошадей.

— Что это такое? спросилъ онъ съ удивленіемъ у своего пріятеля.

— Это омнибусъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какой омнибусъ: это просто мастодонтъ.

— Пожалуй, хоть и мастодонтъ, только мы сядемъ въ него.

— А куда онъ привезетъ насъ?

— Въ *Асторъ-Гоузъ*. Развѣ вы не видите, что имя это написано нѣсколько разъ на каретѣ и даже на колесахъ.

— И гостиница Астора вѣрно въ своемъ родѣ тоже, что этотъ дилижансъ между каретами?

— Вы не ошибаетесь: Асторъ-Гоузъ можно тоже назвать гостиницею-мастодонтомъ, такъ она велика.

Въ омнибусѣ помѣстилось до пятидесяти путешественниковъ, и черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился передъ самой колоссальной гостиницей, какая только можетъ быть на свѣтѣ. Въ ней три тысячи квартиръ. Это городъ посреди города, потому что коридоры похожи на улицы, и въ нихъ можно легко заблудиться, тѣмъ болѣе, что домъ въ пять этажей и построенъ изъ гранита.

Добравшись кое какъ до своей комнаты, французъ былъ такъ удивленъ всѣмъ видѣннымъ, что продолжалъ разспрашивать своего друга, который уже нѣсколько времени живетъ въ Америкѣ и знаетъ Соединенные Штаты, какъ свои пять пальцевъ:

— Отчего гостиница эта называется Асторомъ?

— Это имя самаго богатаго человѣка въ Нью-Іоркѣ и можетъ быть во всей Америкѣ. Здѣсь все носитъ имя Астора, точно также какъ въ Филадельфіи вездѣ встрѣчается имя Жирара.

— Что значитъ богачъ въ Соединенныхъ Штатахъ? Сколько у него милліоновъ?

— У него пятнадцать или шестнадцать милліоновъ долларовъ (восемьдесятъ милліоновъ франковъ). Сынъ его уже имѣетъ до двухъ милліоновъ долларовъ.

— Какъ же они наживаютъ милліоны?

— Очень просто. Надобно прежде всего имѣть хоть одинъ или два милліона и потомъ жить такъ, чтобъ не проживать и половины доходовъ, а напротивъ, каждый годъ увеличивать капиталъ. Г. Асторъ нажился этимъ способомъ, и не только богатъ, но и очень остроуменъ. Про него разсказываютъ много умныхъ анекдотовъ. Однажды собирали подписку въ пользу одного бѣднаго семейства, и сынъ г. Астора великодушно подписался на двѣсти долларовъ. Когда же подали бумагу отцу, то онъ немного подумалъ и написалъ двадцать доллеровъ.

Это удивило присутствующихъ, потому что отецъ вдесятеро богаче сына, но г. Асторъ отвѣчалъ:

— Мой сынъ можетъ бросать деньги сколько хочетъ, зная что послѣ меня ему останется богатое наслѣдство. Мнѣ же не отъ кого дожидаться наслѣдства, и потому я долженъ жить *благоразумно*.

Этотъ Асторъ умеръ недавно, оставя больше *девяноста милліоновъ* франковъ своему единственному сыну.

Стало быть, омнибусъ, гостиница и состояніе владѣльца, все было *мастодонтное*.

—

Орландъ-де-Лассю. Городъ Монсъ былъ мѣстомъ рожденія Орланда-де-Лассю, одного изъ знаменитѣйшихъ музыкантовъ XVI вѣка. Въ честь его городъ поставилъ недавно на площади прекрасную статую, работы Фризона. Этотъ великій артистъ родился въ 1520 году, и на двадцатомъ году былъ уже капельмейстеромъ въ церкви Сенъ-Жанъ-Латранъ, что очень удивительно, потому что тогда въ Римѣ было много хорошихъ музыкантовъ. Однако Орландъ-де-Лассю не долго занималъ эту почетную должность, и поѣхалъ путешествовать по Англіи и Франціи, гдѣ сочиненія его имѣли много успѣха. Герцогъ Баварскій Албертъ V пригласилъ его къ своему двору и сдѣлалъ начальникомъ капеллы, которая считалась самою лучшею и многочисленною во всей Европѣ. И такъ Орландъ-де-Лассю поселился навсегда въ Мюнхенѣ, написалъ тамъ всѣ свои образцовыя произведенія, и умеръ въ 1594 году. Императоръ Максиміліанъ такъ высоко цѣнилъ его сочиненія, что пожаловалъ ему потомственное дворянство. Папа Григорій XIII былъ къ нему также очень милостивъ, и когда Орландъ-де-Лассю былъ въ Парижѣ, Карлъ IX употреблялъ всѣ усилія, чтобъ удержать композитора при своемъ дворѣ. Говорятъ, что священная музыка Орланда-де-Лассю не только восхищала короля, но и укрощала его страданія. Онъ написалъ больше двухъ тысячъ сочиненій: обѣдень, псалмовъ, гимновъ, пѣсней, мадригаловъ, куплетовъ. Жаль, что лирическій театръ не существовалъ тогда. Орландъ и безъ того одинъ изъ лучшихъ музыкантовъ своего времени, и скульпторъ представилъ его съ нотами, слушающимъ пѣніе.

—

Мечта г-жи де-Севинье. Остроумная писательница первая мечтала о путешествіяхъ съ помощію паровъ, и вотъ что она писала своей дочери 15 іюля 1671 года, то есть за сто восемьдесятъ лѣтъ тому предъ симъ.

«Если бы ты не была больна и еслибъ гипогрифъ еще существовалъ, ты вѣрно бы не испугалась, садясь на него и навѣщала бы меня часто. Гипогрифу это ничего бы не стоило, потому что онъ въ два часа облеталъ всю землю. Ты могла бы прилетать ко мнѣ обѣдать и возвращалась бы ужинать съ г. Гриньянъ. Или, прилетая ко мнѣ вечеромъ, поутру поспѣвала бы къ обѣдни. Какое бы это было счастіе для меня, еслибъ подобныя путешестнія были возможны!

О Севинье! Твой гипогрифъ теперь къ услугамъ каждаго, и въ нѣсколько часовъ перенесетъ на другой конецъ Европы.

—

Тайна нотаріуса. Страсть къ деревенской жизни распространяется все болѣе и болѣе между жителями Парижа, и они бросаютъ дѣла и занятія и торопятся купить себѣ имѣніе за городомъ, чтобъ жить беззаботно и счастливо.

Одинъ почтенный нотаріусъ, наслышась о деревенской жизни, о чистомъ воздухѣ, зелени и свободѣ полей, вдругъ рѣшился тоже насладиться сельскими удовольствіями.

— Довольно я поработалъ въ пыли и духотѣ, сказалъ онъ. Пора бросить всѣ эти купчія и контракты Двадцать пять лѣтъ я продавалъ и покупалъ имѣнія для чужихъ, можно теперь подумать и о себѣ. Я куплю себѣ загородный домъ съ рощей и озеромъ. Я буду самъ удить рыбу, охотиться, буду составлять домашніе спектакли и самъ играть. Не счастіе ли это!

И восторженный нотаріусъ продаетъ свою контору и переѣзжаетъ въ загородный замокъ.

— Наконецъ я свободенъ! восклицаетъ онъ. Теперь-то я поживу и буду наслаждаться всѣми удовольствіями!

Черезъ три мѣсяца сельскаго счастія нотаріусъ поху дѣлъ замѣтно, свѣжесть его исчезла; лобъ покрылся морщинами.

— Что съ вами? спрашивали его. Пойдемте гулять въ лѣсъ.

— Благодарю, отвѣчалъ съ досадою хозяинъ замка, тамъ столько комаровъ и мошекъ, что они заживо съѣдятъ меня.

— Такъ поѣдемте кататься въ лодкѣ.

— Я не хочу купаться въ болотѣ.

И бѣдный нотаріусъ вздыхалъ какъ паровая машина.

Наконецъ онъ началъ по цѣлымъ днямъ запираться въ своемъ кабинетѣ, и выходилъ къ обѣду веселый и довольный.

Жена замѣтила эту перемѣну и не могла понять, что дѣлаетъ ея мужъ взаперти, что возвращаетъ ему прежнюю всселость. Разумѣется, что женщина не долго мучается любопытствомъ, и со времени жены Синей-Бороды ничего не спрячешь отъ нихъ подъ замкомъ. Точно также и жена нотаріуса нашла средство отворить его кабинетъ и вошла къ нему неожиданно. Что жъ она увидѣла?

Мужъ ея окруженъ былъ грудами бумагъ, воображаемыми дѣлами, небывалыми контрактами, несуществующими завѣщаніями, словомъ онъ игралъ... въ нотаріуса.

Онъ покраснѣлъ при входѣ жены и закрылся даровою записью небываласго имѣнія.

— Что все это значитъ? спросила съ гнѣвомъ супруга.

— Вотъ видишь ли, мой другъ, пробормоталъ сконфуженный нотаріусъ: я почти умиралъ отъ тоски и бездѣйствія въ моемъ замкѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать для шутки воображаемые контракты, я

чувствую, что мнѣ лучше... я оживаю... я опять воображаю, что я прежній парижскій нотаріусъ *Фаланпенъ съ помощникомъ*.

Исторія съ лавочникомъ-милліонеромъ еще любопытнѣе. Онъ купилъ превосходное помѣстье въ Вильжюифѣ, и окруженный роскошью и красотами природы, скучалъ и вздыхалъ о своей мелочной лавочкѣ и не зналъ, что дѣлать съ своими руками, если не вѣсить и не разбирать товары.

Эта тоска привела бы его къ болѣзни, если не къ гробу, когдабъ онъ не вздумалъ раздѣлить жизнь свою на двѣ части.

Вечеромъ онъ былъ въ модномъ костюмѣ и принималъ гостей какъ настоящій богатый владѣлецъ.

Днемъ же онъ костюмировался какъ всѣ лавочники, только надѣвалъ парикъ и фальшивыя бакенбарды и продавалъ мелочные товары въ маленькой лавочкѣ въ Вильжюифѣ. Разумѣется, что всѣ узнали чудака, но никто не говорилъ ему этого, чтобъ не разстроить счастія бѣднаго милліонера.

—

Необыкновенное завѣщаніе. Недавно умеръ любитель музыки Денёвъ, оставившій замѣчательное завѣщаніе. Незадолго передъ смертію былъ онъ въ театрѣ комической оперы, и возлѣ него сидѣли два молодые человѣка, которые судили очень умно о музыкѣ. Изъ ихъ разговора онъ узналъ, что они оба музыканты, разумѣется чрезвычайно бѣдные, любятъ и понимаютъ музыку, но у нихъ нѣтъ ни средствъ, ни времени заняться ею, потому что они должны каждый день играть то въ оркестрѣ какого-то театра, то на балахъ, чтобъ заработать лишнюю копѣйку. При выходѣ изъ театра г. Денёвъ поручилъ одному коммиссіонеру слѣдовать за молодыми людьми и узнать, гдѣ они живутъ, и съ тѣхъ поръ часто присылалъ имъ то билеты въ оперу, то небольшую сумму денегъ. Музыканты приписывали эти благодѣянія волшебству, потому что не знали никого въ Парижѣ; какъ вдругъ къ нимъ является нотаріусъ и объявляетъ, что таинственный благодѣтель ихъ умеръ и оставилъ имъ по тысячѣ двѣсти франковъ дохода.

Какъ изобразить восторгъ и благодарность бѣдныхъ артистовъ!

Но въ духовной покойника находится еще другая любопытная статья: «Я завѣщаю, говоритъ онъ, десять тысячъ франковъ дѣвушкѣ или женщинѣ, которая живетъ близъ меня, и которая поетъ превосходно. Въ эту минуту я слышу, что она разучиваетъ куплеты Рашели изъ *Жидовки* Галеви. Я не видалъ ее никогда и не знаю кто она, но желалъ бы, чтобъ мои деньги послужили къ окончательному ея образованію, и чтобъ она поступила на сцену.»

—

Ловля тюленей въ нынѣшнемъ году. Извѣстно, что у береговъ Гренландіи производится рыбная ловля въ огромномъ размѣрѣ. Одно англійское судно, отправившееся туда недавно для ловли тюленей, возврати-

лось съ 3020 тюленями. Съ нимъ вмѣстѣ было пятнадцать другихъ кораблей, которые получили слѣдующія добычи: 7000, 2000, 6000, 5000, 5200, 5000, 3000, 4000, 1000, 8000, 1000, 4500, 3000 и 3000 тюленей. Впрочемъ это одинъ изъ самыхъ обильныхъ лововъ.

—

Овощи въ Лондонѣ. Обширность садовъ и огородовъ около Лондона представляетъ огромные размѣры, потому что эти огороды должны довольствовать 2,500,000 жителей. На пятнадцати миляхъ находятся около Лондона 200,000 акровъ земли подъ садами и огородами, доставляющими свои произведенія на лондонскіе рынки. На одномъ Ковентгарденскомъ рынкѣ продается ежегодно 10,000 мѣръ рѣпы, 100,000 мѣшковъ гороху, 30 милліоновъ штукъ селлери, 40 милліоновъ кочней капусты и 100 тоннъ кресъ-салата.

—

Быстрота парусныхъ судовъ. Усовершествованіе въ судостроительствѣ до того развилось, что парусныя суда пріобрѣли теперь удивительную быстроту. На дняхъ одно парусное судно прибыло изъ Нью-Іорка въ Англію въ четырнадцать дней. Ожидаютъ, что можно будетъ совершать этотъ переѣздъ въ восемь дней.

—

Эѳиръ вмѣсто паровъ. Пары, употребляемые доселѣ въ видѣ движущей силы, можетъ быть замѣнены будутъ эѳиромъ. Дю-Трамблей открылъ, что эѳиръ дѣйствуетъ лучше паровъ, и устроилъ лодку, которая подвигается посредствомъ эѳира съ такою же силою и скоростью, какъ парами, но съ сбереженіемъ половины издержекъ. Притомъ же эѳирная машина занимаетъ меньше мѣста. Опыты, произведенные въ Марсели съ эѳирнымъ судномъ, были удачны, и оно отправилось теперь въ Алжиръ.

—

Свадьба черезъ книгу. Извѣстный Кребіліонъ (сынъ) разсказываетъ слѣдующее о своей женитьбѣ: «Это было въ 1740 году. Я сидѣлъ однажды послѣ обѣда и писалъ свой романъ le Sopha, вдругъ камердинеръ доложилъ мнѣ, что дама подъ вуалемъ желаетъ меня видѣть. Я спѣшилъ принять ее.

— Вы, вѣроятно, удивлены моимъ посѣщеніемъ, сказала она, сѣвъ на диванъ, но дѣло очень просто: я пріѣхала изъ Лондона, предложить вамъ свою руку и сердце.

Какъ ни привыкъ я къ романическимъ происшествіямъ, но чрезвычайно удивился неожиданному предложенію. Незнаю, чтобы я отвѣчалъ, еслибъ дама неотбросила на эту минуту своего вуаля. Она была прекрасна!

— Мое счастіе такъ неожиданно, сказалъ я, что у меня недостаетъ словъ выразить его; позвольте у ногъ вашихъ благодарить васъ.

Она объявила мнѣ, что ее зовутъ леди Стаффордъ. Я полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ ей пришла мысль выбрать себѣ меня въ мужья?

— Очень просто. Я могу располагать моимъ имѣніемъ, и рѣшилась пожертвовать имъ только вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Долго я искала человѣка себѣ по мысли... наконецъ попалась мнѣ въ руки ваша книга Les Egaremens du Coeur et de l'esprit, гдѣ видѣнъ весь вашъ прекрасный характеръ и доброе сердце. Въ книгѣ этой одинъ недостатокъ. Сердце слишкомъ умно разсуждаетъ, но все таки это былъ лучшій характеръ, какой я встрѣчала. Я тотчасъ рѣшилась, отправилась и нашла васъ. Конечно, я боялась, что человѣкъ съ такимъ умомъ и характеромъ можетъ быть уродомъ. Но, слава Богу, вы молоды и любезны.

Иной бы подумалъ, что это какая нибудь искательница приключеній, но въ глазахъ ея видна была искренность, гордость и любовь.

Черезъ шесть недѣль мы были обвѣнчаны.

—

Восточный оселъ. Арабскій шейкъ сидѣлъ однажды, окруженный многочисленнымъ собраніемъ, какъ вдругъ мимо шедшій человѣкъ подошелъ къ обществу и объявя, что онъ потерялъ осла, спрашивалъ: не видалъ ли его кто?

Шейкъ обратился къ окружающимъ его лицамъ и сказалъ: «есть ли между вами кто нибудь, который никогда неиспытывалъ удовольствія звѣриной охоты; который не преслѣдовалъ дикихъ звѣрей въ лѣсу, боясь разорвать себѣ платье, или сломить шею? Есть-ли между вами, кто при потерѣ любимой женщины не ощущалъ невыразимой скорби, а найдя эту женщину не былъ въ восторгѣ? Кто изъ васъ не чувствовалъ наслажденія при звукахъ прекраснаго пѣнія, или при запахѣ столистьянной розы?»

Тутъ одинъ изъ посѣтителей отвѣчалъ шейку:

— Я никогда не ощущалъ ни одного изъ этихъ удовольствій.

Тогда шейкъ обратился къ прохожему.

— Ты искалъ осла, другъ мой. Вотъ онъ! возьми его и отведи къ себѣ.

Дѣйствительно, у арабовъ есть пословица: «кто никогда не охотился, не любилъ, не восхищался музыкою и благоуханіемъ цвѣтовъ, тотъ не человѣкъ, а оселъ...

—

Законы туалета. Въ оставшемся послѣ Бальзака сочиненіи Traité de la vie élégante находятся слѣдующія правила для туалета:

1) Туалетъ — наука, искусство, привычка и чувство.

2) Туалетъ состоитъ не въ одеждѣ, а въ способѣ носить ее.

3) Туалетъ никогда не долженъ быть роскошью.

4) Все, что поражаетъ, безвкусно.

5) Дама въ экипажѣ можетъ позволить себѣ въ платьѣ эксцентричности.

6) Если прохожіе смотрятъ на мимоидущаго, значитъ онъ дурно одѣтъ.

7) Кто пренебрегаетъ модою, тотъ дѣлается карикатурою

8) Туалетъ изобрѣтенъ для того, чтобъ выставлять преимущества, данныя природою, а не для прикрытія недостатковъ.

9) Все, что скрываетъ, или усиливаетъ моду—ошибка.

10) Прорѣха—несчастіе, а пятно—порокъ.

Вотъ еще замѣчаніе изъ этой книги.

У англійскихъ денди этикетъ нарушается слѣдующими проступками: отправить письмо безъ куверта, или запечатать его облаткою: ѣхать въ омнибусѣ; имѣть складку на своемъ галстухѣ или жилетѣ; поклониться дамѣ прежде ея: два раза попросить супу и вообще обнаруживать аппетитъ; пріѣхать на балъ прежде полуночи и прежде полудня надѣть черный фракъ; говорить съ дамою, не называя ее по имени; имѣть при себѣ мелкія деньги; коротко стричь себѣ волосы и носить какую нибудь бороду. Но величайшее преступленіе противъ этикета, —не быть богатымъ, или по-крайней-мѣрѣ не умѣть притворяться богатымъ.

—

Самое старое дерево въ свѣтѣ. Полагаютъ, что въ Калифорніи нашли древнѣйшее дерево въ свѣтѣ. Это кедръ, имѣющій у корня 92 фута окружности; въ 20 футахъ отъ корня имѣетъ онъ 61 футъ объема. Вышина его 285 футовъ, а какъ объемъ его увеличивается въ годъ на одну четверть дюйма, то есть въ 84 года на одинъ футъ, то это гигантское дерево должно быть *двухъ тысячъ пяти сотъ двадцати* лѣтъ. Кора при подошвѣ 14 дюймовъ толщины; часть ея снята для отправленія на Нью-Іоркскую выставку.

—

Путешествіе Александра Дюма въ Англію (*отрывокъ*). — Я познакомился во Флоренціи съ внукомъ Чарльса Фокса, лордомъ Голландомъ.

Я познакомился въ Парижѣ съ одною изъ потомковъ Стюартовъ, съ леди Голландъ.

Меня рекомендовалъ ей бѣдный графъ д'Орсей, который умеръ еще такъ молодъ.

Я былъ приглашенъ лордомъ Голландомъ во Флоренціи, леди Голландъ въ Парижѣ, когда я буду въ Англіи, сдѣлать визитъ въ помѣстье Голландъ.

Я былъ въ Англіи и хотѣлъ видѣть какъ примутъ меня лорды и лэди Голландъ.

Помѣстье Голландъ находится въ предмѣстьи Кенсингтона, въ концѣ Гейдъ-парка. Это замокъ, построенный графомъ Оксфордомъ, въ концѣ

XVI столѣтія, при сынѣ Маріи Стюартъ, котораго одинъ видъ обнаженной шпаги заставлялъ блѣднѣть. Правда, мать его, во время беременности, видѣла столько обнаженныхъ шпагъ, направленныхъ на бѣднаго Рицціо, что небыло нисколько удивительнаго, если сынъ ея трепеталъ отъ подобнаго вида.

Ничто не можетъ дать такого понятія о чудесномъ, какъ богатство и величіе большихъ англійскихъ имѣній.

Остановившись передъ помѣстьемъ Голланда вы замѣтите замокъ, построенный изъ кирпича, какъ замокъ Сенъ-Жерменъ, но столько же легкій, сколько послѣдній тяжелъ, окруженный обширнымъ лугомъ, гдѣ какъ въ полѣ пасутся стада.

Не думайте сравнивать этого парка съ нашими маленькими парками, маленькими деревьями, мелкой травой.

Лугъ этотъ простирается на полмили длины; онъ окруженъ поясомъ деревьевъ, образующихъ широкую аллею, гдѣ могутъ проѣхать три кареты рядомъ. И если я говорю, что скотъ пасется на лугу, я не подразумѣваю двухъ или трехъ свѣжихъ барановъ, чисто вычесанныхъ, съ розовыми ленточками, для забавы дѣтей, и несчастную козу, привязанную къ колу и щиплящую травку смотря по длинѣ своей веревки; нѣтъ, я понимаю стадо изъ сотни рогатаго скота: коровъ, быковъ, лежащихъ, мычащихъ, и смотрящихъ на прохожихъ, протянувъ шею, вытаращивъ глаза и раздувъ ноздри.

Карета моя остановилась у террасы.

Я боялся одного, чтобъ лордъ и леди Голландъ, которыхъ я не видалъ, одного лѣтъ десять, другую шесть или восемь мѣсяцовъ, не были въ Парижѣ, во Флоренціи или въ Неаполѣ.

Случай не допустилъ до меня всѣ неудачи въ одинъ день: мои знаменитые хозяева были въ паркѣ.

Но такъ какъ паркъ простирался на двѣ или на три мили вокругъ, такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ лѣса, горы, долины, виноградники, нивы, озера, то слуга взялся провести меня, какъ онъ говорилъ, въ цвѣтникъ. Это было мѣсто, предпочитаемое леди Голландъ.

Взойдя на возвышеніе, мой проводникъ въ самомъ дѣлѣ указалъ мнѣ на свою благородную госпожу, завернувшуюся въ большой батистовый пеньюаръ, съ прозрачною шляпой на головѣ, съ книгой въ рукахъ, медленными шагами прохаживающуюся по настоящей цвѣточной долинѣ.

Тутъ на пространствѣ одной четверти мили находились всѣ возможныя рѣдкія растенія. Ничто не могло быть такъ пріятно для глаза, какъ обширный коверъ, вышитый бѣлыми, голубыми и розовыми цвѣтами!

Указавъ мнѣ на леди Голландъ, слуга удалился.

Я сталъ подходить къ ней.

Вниманіе, съ которымъ она предалась чтенію, помѣшало ей видѣть меня и слышать, какъ я подходилъ; я остановился на томъ краю дорожки, по которой она шла, и тѣнь, брошенная мною на нее, заставила ее повернуться.

Она была такъ далека отъ мысли о моемъ визитѣ, что сначала не узнала меня. Однако глаза ея поперемѣнно переносились отъ меня къ книгѣ и отъ книги ко мнѣ; наконецъ съ очаровательною улыбкой она сказала мнѣ:

— Посмотрите, что я читаю.

И она протянула ко мнѣ томъ Виконта Бражелона, — разумѣется бельгійскаго изданія.

— Я старался найти кого-нибудь, ктобы представилъ меня вамъ, и никакъ не подозрѣвалъ, что это уже сдѣлано.

— Вы очень любезны, продолжала она, что вспомнили о вашемъ обѣщаніи!.. Дайте мнѣ руку, я сведу васъ къ лорду Голланду.

Я подалъ руку этой очаровательной женщинѣ, сотканной, какъ всѣ англичанки, изъ тумана и росы, оживленныхъ блѣднымъ лучемъ солнца, и не чувствуя какъ она опиралась на мою руку, я шелъ, съ ней къ теплицѣ, гдѣ лордъ Голландъ диктовалъ секретарю свои *дипломатическія воспоминанія*, прекрасная книга, въ которой соединены познанія государственнаго человѣка, благородство джентльмена и умъ свѣтскаго человѣка.

Еще въ молодости лордъ Голландъ имѣлъ до того слабое зрѣніе, что былъ не въ состояніи писать и долженъ былъ диктовать.

При шумѣ, произведенномъ нашимъ приходомъ, секретарь остановился. Леди Голландъ положила свою руку на плечо мужа:

— Милордъ, сказала она, вотъ г. Дюма, пріѣхавшій къ намъ для того, чтобы написать здѣсь романъ въ двѣнадцати томахъ, и драму въ пятнадцати картинахъ; я приказала отвѣсти ему комнаты, назначенныя для поэтовъ.

Кто только путешествовалъ по Англіи и имѣлъ случай быть принятымъ въ аристократическомъ кругу, можетъ имѣть понятіе до чего простирается гостепріимство въ замкахъ. Какъ Лукуллъ имѣлъ въ своей виллѣ, въ Неаполѣ, столовыя залы Діаны, Аполлона и Кастора, такъ домъ Голланда имѣлъ свои отдѣленія для посѣтителей разныхъ званій.

— Драма въ пятнадцати картинахъ и романъ въ двѣнадцати томахъ? Поэтому вы намъ дарите едва мѣсяцъ! сказалъ лордъ Голландъ, смѣясь.

— Къ несчастію, милордъ, отвѣчалъ я, я долженъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи: въ Парижѣ идутъ репетиціи, требующія моего присутствія, и вмѣсто длинныхъ тридцати дней, о которыхъ вы говорите, я предлагаю вамъ тридцать только бѣдныхъ короткихъ часовъ.

— Милордъ, г. Дюма не знаетъ еще нашего помѣстья, потому что едва успѣлъ пріѣхать; можетъ быть, узнавъ его, онъ согласится для помѣстья сдѣлать то, въ чемъ отказываетъ его хозяевамъ. Аддисонъ также пріѣхалъ въ Голландъ-гоузъ на три дня и остался тутъ пять лѣтъ.... Хотите ли быть чичероне г. Дюма, или мнѣ поручите эту обязанность?

— Вы знаете, что я хожу съ трудомъ, сказалъ лордъ Голландъ. Мнѣ надо всѣ тридцать часовъ, которые даритъ намъ г. Дюма, чтобы показать ему то, что вы можете осмотрѣть въ часъ. Сдѣлайте большой

кругъ, а я самою прямою дорогой пойду въ замокъ. За четверть часа до завтрака, дорогой гость, васъ извѣститъ звонокъ.

— Желаете ли вы этого? спросила меня леди Голландъ.

Я отвѣчалъ ей подавая руку.

Мы возвратились по дорогѣ между цвѣтовъ.

На холмѣ возвышалась группа великолѣпныхъ кедровъ.

— О! миледи! сказалъ я, я не зналъ, что Голландъ-гоузъ такъ близокъ къ Ливану.

— Вы говорите объ этихъ кедрахъ? сказала она мнѣ.

— Да, они прекрасны!

— Прекрасны, это дѣйствительно, — и чтобы цѣнить ихъ вполнѣ, намъ недостаетъ солнца. Кромѣ того, съ своими палестинскими братьями, съ которыми вы ихъ сравнили, они имѣютъ еще и то сходство, что почти видѣли Наполеона!

— Какимъ образомъ? Въ 1815-мъ году?

— Нѣтъ.. въ 1805-мъ.

— А! во время булонскаго лагеря!

— Да; озабоченное военными приготовленіями французскаго императора, англійское правительство рѣшило сдѣлать изъ этого холма послѣднее укрѣпленіе для защиты Лондона, и батарея въ двадцать пять пушекъ должна была устроиться въ тѣни кедровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, помѣстье Голландъ полно важныхъ воспоминаній! Лордъ и леди Голландъ были защитниками Наполеона въ парламентѣ и въ лондонскитъ салонахъ, и плѣнникъ, заключенный на островѣ Св. Елены, проклиная въ Запискахъ Ласъ-Каза злаго духа Лонгвуда, благословлялъ не разъ своего добраго генія, Голланда.

— Да, посмотрите, вотъ бронзовый бюстъ императора, поставленный здѣсь въ тотъ самый день, когда англійское правительство рѣшило, что пассажиръ Беллерофона долженъ быть прикованъ къ скалѣ острова св. Елены.

Нѣсколько шаговъ далѣе возвышалась колоссальная статуя Чарльса Фокса, лучшаго друга Франціи, въ то время какъ Питтъ, его соперникъ, былъ смертельнымъ врагомъ ея.

Наша прогулка была прервана звонкомъ, призывавшимъ къ завтраку. По словамъ хозяина дома, намъ оставалась еще четверть часа; мы употребили ее на то, чтобъ осмотрѣть во французскомъ саду, какъ его называли, потомковъ первой даліи, которая въ 1804 году была привезена изъ Америки для леди Голландъ.

Разумѣется, что эта добрая леди Голландъ, почитательница Наполеона, великодушная женщина, посылавшая ему на островъ Елены книги, журналы и вино, которой въ своей духовной Наполеонъ завѣщалъ драгоцѣнную камею, и для которой въ 1804 году, привезли изъ Америки первую далію, имѣла общаго только доброту и величіе души съ граціозной леди Голландъ, которая стояла подлѣ меня, и которой первая могла быть прабабушкой.

За даліями слѣдовалъ, такъ называемый въ помѣстьи Голландъ, гротъ Роджерса.

Роджерсъ, поэтъ и банкиръ Роджерсъ, авторъ *Жакелины*, *Слезъ Хлои*, *Удовольствія памяти* и *Человѣческой жизни*, первый посѣтилъ Голланда. Нѣкоторые отрывки поэмы *Удовольствія памяти*, лучшаго произведенія Самуэля Роджерса, были написаны въ этомъ гротѣ, прозваномъ его именемъ.

Позавтракавъ, мы отправились осматривать внутренность замка. Потомъ меня провели въ комнаты поэтовъ; это были мои комнаты на все время, пока я захотѣлъ бы оставаться въ замкѣ.

Прежде чѣмъ ихъ назвали комнатами поэтовъ, они были мастерскою художниковъ. Ванъ-Дикъ, ученикъ Рубенса, Ванъ-Дикъ, искатель золота, жилъ въ нихъ въ 1638 году, и написалъ тутъ три или четыре замѣчательные портрета, сдѣлавшіе его соперникомъ Тиціана.

Послѣ него являлся цѣлый рядъ гостей, артистовъ, путешественниковъ, законодателей, поэтовъ: Шарденъ, Аддисонъ, Шериданъ, Самуэль Роджерсъ, Лютрель и Байронъ.

Я не называю тѣхъ, которые были государственными лицами, и между которыми были однако Сюлли, посланникъ Генриха IV, Вильямъ Пеннъ, современный Ликургъ, и большая часть жирондистовъ, которые успѣли убѣжать изъ Франціи въ слѣдствіе 31-го мая...

Тридцать часовъ занимаютъ мало мѣста въ жизни. Сколько разъ тридцать часовъ незамѣтно проходятъ одни за другими и забываются!

Отчего же я могу разсказать со всею подробностью, всѣ эти тридцать часовъ, проведенныхъ мною въ замкѣ Голландъ, и изъ которыхъ ни одна минута не вышла у меня изъ памяти?

Оттого что, лежа на постелѣ, гдѣ спалъ Байронъ, я читалъ въ эти часы *Записки Байрона*, очень занимательныя, хотя и искаженныя излишнею чопорностью Томаса Мура.

Это чтеніе измѣнило цѣсколько мои мысли объ отъѣздѣ, не потому чтобъ я хотѣлъ остаться долѣе чѣмъ сказалъ, у знаменитыхъ хозяевъ но я вздумалъ посѣтить гробницу автора Донъ-Жуана и Чайльдъ-Гарольда.

Ничего не могло быть легче, какъ привести въ исполненіе это намѣреніе. Въ три часа можно пріѣхать изъ Лондона въ Ноттингамъ, и въ три четверти часа изъ Ноттингама въ Ньюстедское аббатство.

На другой день я объявилъ о моемъ желаніи лорду Голланду, который одобрилъ его и предложилъ мнѣ, такъ какъ уже это было по одной дорогѣ, проѣхать въ Ливерпуль.

Я похожу немного на бумажный змѣй: ему большаго труда стоитъ подняться; но если онъ одинъ разъ уже сдѣлалъ это, то поднимается до тѣхъ поръ, сколько позволяетъ ему веревка. Меня подняли, и одинъ Богъ знаетъ, гдѣ я долженъ былъ остановиться.

Изъ Ньюстеда я готовъ былъ ѣхать въ Ливерпуль, изъ Ливерпуля въ Ирландію, изъ Ирландіи.., можетъ быть на Шпицбергенъ, какъ Баренцъ или на Нордъ-капъ, какъ Біардъ.

Но такъ какъ пріѣхавъ въ Лондонъ съ цѣлью только присутствовать при погребеніи Луи-Филиппа, я не взялъ достаточной суммы для путешествія кругомъ свѣта, лордъ Голландъ, воодушевлявшій меня,

предложилъ мнѣ вексель на имя Джемса Барлоу и компаніи, банкира въ Ливерпулѣ.

Вечеромъ я оставилъ помѣстье Голландъ, находя что слишкомъ холодно отблагодарилъ моихъ благородныхъ хозяевъ, и поѣхалъ въ Ноттингамъ, обѣщая про себя отблагодарить ихъ лучше при первомъ случаѣ.

Этотъ случай представляется только теперь, черезъ два съ половиною года: это вина случая, а не моего сердца...

Въ Ноттингамѣ я оставилъ экипажъ у гостиницы. Раздѣваясь, я справился о средствахъ какъ отправиться на другой день въ Ньюстедъ. Хозяинъ гостиницы отвѣчалъ мнѣ, что за одну гинею дастъ на цѣлый день карету въ мое распоряженіе.

Было рѣшено, что если я пожелаю продолжать путешествіе до Ливерпуля, то могу ѣхать въ каретѣ, какъ мнѣ угодно, въ Чедль или Ликъ, или на такую станцію желѣзной дороги, гдѣ бы ни захотѣлъ остановиться, лишь бы одна гинея была заплачена

Для большей вѣрности, я отдалъ ее впередъ самому хозяину и заставилъ его расписаться въ полученіи. Со мною было полное собраніе сочиненій Байрона; впрочемъ Байронъ одинъ изъ двухъ поэтовъ, которыхъ я знаю наизустъ. Второй — это мой дорогой Викторъ Гюго.

Я припоминаю, что по возвращеніи послѣ перваго путешествія въ Англію, г. Бюлозъ, главный редакторъ журнала Revue des deux mondes говорилъ мнѣ съ удивленіемъ о нашихъ сосѣдяхъ за Ла-Маншемъ.

— Вы не имѣете понятія о роскоши этихъ людей; вообразите, другъ мой, что они ѣздятъ по почтѣ на англійскихъ лошадяхъ!

Въ самомъ дѣлѣ, я готовъ былъ столько же удивиться какъ Бюлозъ, когда увидѣлъ двухъ лошадей, приготовленныхъ мнѣ хозяиномъ.

Мы проѣхали менѣе чѣмъ въ три четверти часа пространство, между Ноттингамомъ и старинным имѣніемъ Байрона, по великолѣпной странѣ съ густыми лѣсами и зелеными лугами, гдѣ въ высокой травѣ исчезали огромные быки на короткихъ ногахъ. Съ дороги видны были только рыжія головы и черные рога ихъ.

Никто такъ какъ я не расположенъ къ впечатлѣнію воспоминаній. Байронъ своимъ геніемъ произвелъ такое вліяніе на мой талантъ, что мое путешествіе было священнымъ долгомъ!

Когда я примѣтилъ издалека угловатыя крыши Ньюстедскаго аббатства, то приказалъ каретѣ остановиться, и пошелъ пѣшкомъ съ благоговѣніемъ къ старому замку.

Я не стану его описывать: это описаніе поэтъ сдѣлалъ самъ въ Донъ-Жуанѣ.

Байронъ, умершій на тридцать седьмомъ году какъ Рафаэль, имѣлъ не менѣе вліянія на литературу своей эпохи, какъ Рафаэль на живопись своего вѣка.

Въ пятницу, 17 августа 1852 года, гробъ Байрона былъ привезенъ въ старое аббатство Ньюстедъ, сопровожденный нѣкоторыми вѣрными друзьями.

1-го числа предшествующаго іюля, тѣло благороднаго лорда привезено

было изъ Миссолонги въ Лондонъ; оно находилось на суднѣ *Флорида*, въ гробу съ множествомъ вырѣзанныхъ дырочекъ, и было опущено въ бочку со спиртомъ. Такимъ же образомъ сохраняли тѣло Нельсона послѣ Трафальгарской битвы.

Два года до того, проникнутый сплиномъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, одинокій душой, потерявъ одного за другимъ своихъ троихъ друзей, Лонга, Метьюса и Шеллея, погибшими одною смертью:—всѣ трое утонули,—Байронъ присутствовавъ въ Пизѣ при смерти своей дочери, на которой онъ сосредоточилъ всю любовь, ослабѣвшую въ немъ къ женѣ и къ первой дочери. Видя какъ кончилась война въ Неаполѣ, которому онъ предложилъ свой кошелекъ и свою шпагу; за два года до своей смерти, въ апрѣлѣ 1823, Байронъ вздумалъ поѣхать въ Грецію, и содѣйствовать къ освобожденію родины Ѳемистокла и Леонида.

Въ концѣ іюля онъ оставилъ Италію.

Наканунѣ своего отъѣзда, онъ написалъ на уголкѣ книги, которую читалъ:

«Если все, что говорятъ про меня—правда, я недостоинъ видѣть Англію; если все, что говорятъ про меня—ложь, Англія недостойна видѣть меня!

Это тѣже самыя слова, которыя раздались въ Римѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

— Ingrata patria non habebis ossa mea!

«Неблагодарное отечество! ты не будешь хранить мои кости!»

Въ концѣ декабря Байронъ отправился въ Морею. 19 апрѣля 1824 года, въ шесть часовъ вечера, онъ умеръ въ Миссолонги; онъ захворалъ за четыре дня передъ смертью. Какой болѣзнью? Этого никогда не могли сказать греческіе доктора, которые по видимому нѣсколько перемѣнились со времени Иппократа. Вѣроятно только, что Байронъ умеръ отъ того, что наши доктора называютъ болотной лихорадкой.

На другой день пріѣзда покойника въ Лондонъ, гробъ былъ открытъ. Доктора рѣшили: Байронъ умеръ отъ того, что отказался пустить себѣ кровь.

Это было мнѣніе совершенно противоположное тому, которое высказалъ греческій докторъ Томасъ Зантъ.

Тѣло было выставлено, и всякій могъ его видѣть за два дня до погребенія; предвидя, что стеченіе народа будетъ огромное, рѣшили учредить билеты для входа.

Эта предосторожность была недостаточна: въ день выноса надо было прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Болѣе трехъ тысячъ народа ждало съ семи часовъ утра у воротъ, которыя должны были открыться только въ десять.

Спиртъ, за исключеніемъ багроваго цвѣта, который онъ придалъ тѣлу, сохранилъ его довольно хорошо. Руки въ особенности, руки, которыми поэтъ аристократъ гордился, нисколько не потеряли своей щегольской формы. Только волоса поэта почти совсѣмъ посѣдѣли—въ тридцать семь лѣтъ! Каждый волосъ могъ бы разсказать исторію страданій Байрона.

Въ минуту появленія тѣла Байрона въ Лондонѣ, многіе изъявили желаніе, чтобы Байронъ былъ погребенъ въ Вестминстерѣ!

Но у Байрона было столько враговъ общественныхъ и литературныхъ, что боясь отказа, семейство поэта объявило, что онъ будетъ похороненъ въ склепѣ его прадѣдовъ въ Гокнелѣ, возлѣ Ньюстеда.

Какъ было бы хорошо, однако, еслибъ авторъ *Марино Фальеро* лежалъ между Генрихомъ и Гаррикомъ.

12 августа, печальная процессія, оставивъ Лондонъ, направилась въ Ноттингамъ. Никогда еще ни чьи похороны не привлекали такого большаго стеченія народа.

Поѣздъ продолжался цять дней изъ Лондона въ маленькую церковь въ Гокнелѣ, гдѣ былъ отданъ послѣдній долгъ праху знаменитаго поэта. Тѣло опустили въ склепъ, гдѣ уже покоились тѣла его прадѣдовъ и тѣло его матери.

Кто-то въ родѣ пономаря, отъ котораго я насилу могъ добиться нѣсколько словъ, проводилъ меня въ склепъ и показалъ бѣлую мраморную доску, на которой была написана слѣдующая эпитафія:

Въ этомъ склепѣ,

Гдѣ многіе изъ его предковъ и его мать погребены,

Покоится прахъ

ДЖОРЖА-ГОРДОНА-НОЕЛЬ-БАЙРОНА,

ЛОРДА БАЙРОНА ДЕ-РОШДЕЛЯ,

Въ графствѣ Ланкастерскомъ,

Автора *Путешествія Чайльдъ Гарольда.*

Онъ родился въ Лондонѣ 22-го января 1788.

Умеръ въ Миссолонги, въ Западной Греціи,

19-го апрѣля 1824 года.

Его сестра,

Почтенная АВГУСТА-МАРІЯ-ЛЕЙГЪ,

Поставила эту доску, посвященную его памяти.

Вмѣсто этой длинной подробной надписи, передъ которою я стоялъ нѣсколько времени въ раздумьѣ, я бы желалъ прочесть одно слово:

БАЙРОНЪ!

Имя умершаго великаго человѣка не есть ли уже его самая краснорѣчивая эпитафія?

Только при входѣ въ паркъ я узналъ, что Байронъ былъ похороненъ въ церкви Гокнель, а не въ склепѣ древняго монастыря въ Ньюстедѣ.

Я поторопился въ церковь.

Но окончивъ путешествіе, и такъ какъ не было еще одиннадцати часовъ утра, я возвратился въ замокъ.

Это было то самое жилище, которое описалъ поэтъ, этотъ мрачный замокъ въ глубинѣ долины, съ тѣнистыми холмами, развалинами аббатства и его озеромъ, на берегу котораго, какъ говорилъ Томасъ Муръ, я найду гробницу бѣднаго Ботсвена, котораго Байронъ называлъ своимъ единственнымъ другомъ.

Ботсвенъ была любимая собака поэта, кроткое и умное животное, умершее отъ бѣшенства въ Ньюстедѣ, и которому господинъ его поставилъ надгробный памятникъ.

Записавъ эпитафію Байрона, я также захотѣлъ имѣть эпитафію друга его Ботсвена.

Я издалека узналъ памятникъ. Молодая женщина сидѣла, прислонясь къ камню; двое дѣтей играли на травѣ въ десяти шагахъ отъ нея; она занималась работой, и по временамъ поднимала глаза, слѣдя за дѣтьми, боясь, чтобъ они не подходили слишкомъ близко къ озеру.

Ея мужъ медленно прохаживался по аллеѣ съ книгой въ рукахъ.

Женщинѣ можно было дать двадцать четыре года; мужу ея тридцать; дѣтямъ пять или шесть Старшій былъ мальчикъ, другая дѣвочка.

Молодая мать была одѣта въ бѣлое платье; на ней была соломянная шляпа съ широкими круглыми полями, какъ ихъ носятъ въ Вальденскомъ кантонѣ; бѣлокурые волосы вились и падали локонами по обѣимъ сторонамъ лица; она была скорѣе граціозна, чѣмъ хороша, въ ея граціи было что-то похожее на грацію цвѣтка.

Я подошелъ къ ней, и какъ она заслоняла мнѣ надпись памятника, попросилъ ее, такъ вѣжливо какъ только могъ, позволить мнѣ прочитать эпитафію Ботсвена.

Но я замѣтилъ, что она не понимала ни слова по-французски.

Что до меня касается, хотя я и довольно бѣгло читаю по-англійски, но никогда не могъ произнести ни одной фразы, понятной для британскихъ ушей.

Въ этомъ случаѣ я знаю мою слабость; однако все-таки рискнулъ сказать три или четыре слова, которыя, еслибы ихъ написать, вѣроятно объяснили бы ей мою мысль, но при произношеніи ихъ, они теряли всякій смыслъ. Женщина, улыбаясь, сдѣлала знакъ, чтобъ я подождалъ, и возвысивъ голосъ позвала маленькаго мальчика, который прибѣжалъ на имя Жоржа.

Маленькая дѣвочка, упираясь на ручки и на ножки, смотрѣла на убѣгающаго брата.

Молодая женщина сказала нѣсколько словъ мальчику, который обратясь ко мнѣ, остановилъ на мнѣ свои большіе голубые глаза, приподнялся на цыпочки, чтобы лучше меня видѣть, и спросилъ меня прекраснымъ французскимъ языкомъ:

— Маменька желаетъ знать, что вамъ угодно?

— Прежде всего, отвѣчалъ я, я хочу тебя поцѣловать, если маменька позволитъ это.

— О! да, сказалъ онъ.

И онъ протянулъ мнѣ свои ручки. Я приподнялъ его и поцѣловалъ въ обѣ полненькія розовыя щеки.

Мать улыбалась, смотря на насъ: мать всегда улыбается когда цѣлуютъ ея ребенка.

— А еще что вамъ угодно? спросилъ маленькій Жоржъ, когда я опустилъ его на землю.

— Я бы желалъ списать строки, вырѣзанныя на этомъ камнѣ.

— А! эпитафію Ботсвена.

— Вы знаете Ботсвена? спросилъ я его.

— Собаку лорда Байрона; да, знаю.

Потомъ обратясь къ матери, онъ перевелъ ей мое желаніе на англійскій языкъ.

Молодая женщина улыбнулась, встала, поцѣловала своего сына, и черезъ лугъ пошла къ своему мужу.

— Я заставилъ вашу маменьку уйти, мой дружечекъ? спросилъ я мальчика.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, она пошла къ папашѣ.

Въ продолженіе этого времени, маленькая дѣвочка встала на ножки и подпрыгивая приблизилась къ намъ.

— Жоржъ, сказала она по-французски, также хорошо какъ и братъ ея, зачѣмъ ты оставилъ меня одну? развѣ ты болѣе меня не любишь?

— Люблю, Алда, я тебя всегда люблю, сказалъ мальчикъ; но меня позвала мамаша.

— Чего онъ хочетъ, этотъ большой господинъ?

— Ты видишь, отвѣчалъ мальчикъ, онъ хочетъ списать эпитафію бѣднаго Ботсвена.

— А! сказала маленькая дѣвочка, а зачѣмъ?

— Право не знаю; можетъ быть для того, чтобы внести въ книгу.

Маленькая дѣвочка посмотрѣла на меня съ любопытствомъ.

Между тѣмъ я списывалъ эпитафію Ботсвена.

Написавъ послѣднее слово, я поднялъ голову, и увидѣлъ возлѣ меня, кромѣ двухъ дѣтей, ихъ мать съ мужемъ.

— Вы позволите мнѣ, сказалъ мужъ, въ качествѣ полусоотечественника вашего, доставить вамъ свѣдѣнія, какія вы желаете?

— Судя потому, какъ говорятъ по-французски ваши дѣти и вы, вы заставляете меня дать вамъ имя не полусоотечественника, а полное имя земляка, я охотно принимаю ваше предложеніе; только позвольте мнѣ сказать вамъ кто я, для того, чтобъ имѣть право спросить, кто вы?

Я назвалъ себя. Молодой человѣкъ повторилъ мое имя, и обращаясь къ женѣ, сказалъ ей по-англійски нѣсколько словъ, которыя заставили ее вслѣдъ за тѣмъ посмотрѣть на меня съ простодушнымъ любопытствомъ.

— Извините, перебилъ я его улыбаясь. Не говоря по-англійски, я довольно понимаю этотъ языкъ, чтобъ сказать вамъ, что вы мнѣ дѣлаете слишкомъ много чести... Я пріѣхалъ сюда не какъ соперникъ и соревнователь великаго поэта, но какъ скромный поклонникъ его. Те-

перь вы мнѣ скажете ваше имя, и объясните счастливый случай, доставившій удовольствіе васъ видѣть?

— Я ношу не громкое имя, меня зовутъ Ренье. Я французъ по происхожденію; но въ 1680, прадѣдъ мой удалился во время преслѣдованія протестантовъ, и поселился въ Англіи. Съ этого времени мои предки, мой дѣдъ и отецъ родились и умерли въ этой странѣ, гостепріимной до того, что она сдѣлалась для насъ вторымъ отечествомъ; или лучше сказать, Франція составляетъ для меня теперь второе отечество, потому что чрезъ три поколѣнія мы почти переродились въ англичанъ. Хотя мы и сохранили привычку заключать браки между своими соотечественниками, но я первый оставилъ эту привычку, и женился на англичанкѣ. Я живу за пять миль отсюда, въ деревнѣ Ашбурнъ, гдѣ служу пасторомъ. Ньюстедъ одно изъ моихъ любимыхъ мѣстъ для прогулки, и благодаря желѣзной дорогѣ, которая менѣе чѣмъ въ часъ привозитъ насъ сюда, я позволяю себѣ разъ въ мѣсяцъ это удовольствіе, пріѣзжая сюда гулять съ женою и дѣтьми.

— Вы большой поклонникъ автора Чайльдъ-Гарольда?

— Это правда. Если это не самая чистая, то по крайней мѣрѣ самая сильная поэзія; впрочемъ мой отецъ, бывшій до меня пасторомъ въ Ашбурнѣ, зналъ Байрона еще во время его дѣтства. Онъ видѣлъ какъ Байронъ началъ свою борьбу съ Шотландскими обозрѣніями, и у меня хранится дома черновая тетрадь, въ которой написаны пятьдесятъ первыхъ стиховъ его сатиры, которую онъ подарилъ моему отцу.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Кромѣ того, продолжалъ молодой пасторъ, странное обстоятельство связываетъ мою жизнь со смертью лорда Байрона. Я родился 17-го іюля 1825 года, въ то самое время, какъ опускали трупъ великаго поэта въ склепъ его прадѣдовъ; мой отецъ, присутствовавшій при погребальной церемоніи, нашелъ новое лицо у себя въ домѣ, возвратясь вечеромъ въ Ашбурнъ. Этотъ новый гость былъ я.

— Я очень радъ, что случай доставилъ вамъ отрывокъ этой сатиры, этотъ первый отблескъ гнѣва, надѣлавшій столько шуму въ Европѣ, и посвятившій Байрона въ поэты.

— Вы никогда не видали автографовъ Байрона?

— Видѣлъ. Лордъ Байронъ былъ друженъ съ однимъ изъ моихъ друзей, имя котораго вѣроятно извѣстно вамъ, потому что оно распространилось въ Англіи еще болѣе, чѣмъ во Франціи, съ графомъ д'Орсеемъ.

— Да, я его знаю!

— Я бы желалъ видѣть,—такъ какъ вы говорите, что тетрадь, которая у васъ — черновая, писалъ ли Байронъ легко, или много исправлялъ?

— Нельзя заключать объ этомъ по рукописи, которая въ моихъ рукахъ. Стихи писались легко; когда поэтъ оскорбленный призываетъ музу, которую называютъ местью! Въ пятьдесятъ одномъ стихѣ, едва десять зачеркнутыхъ словъ. Но если вы желаете видѣть эти стихи... позвольте...

И обратясь къ своей женѣ, онъ сказалъ нѣсколько словъ по-англійски.

— Не дѣлайте этого, перебилъ я смѣясь, я приму ваше приглашеніе.

— Вы доставите намъ этимъ большое удовольствіе!

Онъ предлагалъ своей женѣ пригласить меня въ Ашбурнъ и принять въ своемъ домѣ.

Я согласился, провелъ у добраго пастора цѣлый день, нашелъ у него сюжетъ для новаго романа, и на другой день былъ уже въ Ливерпулѣ.

—

Открытіе привидѣнія.— *(Истинное происшествіе).* Въ англійской колоніи Новаго-Южнаго-Валлиса жилъ нѣкто фермеръ, по имени Фишеръ, въ тридцати-семи миляхъ отъ Сиднея. Онъ первоначально былъ ссыльный, но по окончаніи срока изгнанія нажилъ себѣ трудомъ, прилежаніемъ и бережливостью довольно значительное состояніе, такъ что земля его и стада стоили до четырехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ былъ не женатъ; отъ роду было ему 45 лѣтъ.

Однажды Фишеръ скрылся, и одинъ изъ сосѣдей его, нѣкто Смитъ, объявилъ, что онъ уѣхалъ въ Англію, но воротится чрезъ два или три года. При этомъ показалъ онъ документъ, выданный ему Фишеромъ, который поручалъ ему во-время своего отсутствія управлять его имуществомъ.

Фишеръ былъ человѣкъ эксцентрическаго характера, и всѣмъ показалось очень натурально, что онъ уѣхалъ, не сказавши никому ни слова.

Однажды, чрезъ полгода по отъѣздѣ Фишера, другой сосѣдъ его, бѣдный фермеръ, по имени Веньяминъ Вейръ, возвращался ночью къ себѣ домой изъ города. Ночь была довольно свѣтлая. Дорога шла по берегу одного небольшаго озера, надъ которымъ у самой дороги возвышалось нѣсколько скалъ. На одной изъ нихъ, шагахъ въ десяти отъ дороги, сидѣлъ какой-то человѣкъ, и фигура его чрезвычайно поразила Вейра. По одеждѣ и по всѣмъ примѣтамъ, это былъ самъ Фишеръ.

Вейръ изумился. Остановилъ лошадь, сошелъ съ телѣги и пошелъ къ скалѣ.

— Фишеръ! вскричалъ онъ, ты ли это?

Отвѣта не было; но фигура все сидѣла на скалѣ и задумчиво глядѣла на волны. Вейръ пошелъ вверхъ по холму, но когда достигъ до вершины, сидѣвшій уже исчезъ, а между-прочимъ, кромѣ озера некуда было сойти со скалы.

— Странно! проворчалъ Вейръ; внимательно еще разъ осмотрѣлся, и не видя ничего, сѣлъ на телѣгу и поѣхалъ домой, гдѣ все въ подробности разсказалъ женѣ.

— Полно тебѣ чепуху городить, сказала старая Бетти. Ты дорогою вѣрно, заѣзжалъ въ каждый шинокъ, такъ тебѣ и причудилось это.

— Правда, Бетти, что я четыре стаканчика выпилъ дорогою. Вечеръ холодный, сырой... Но я, право, не пьянъ. А могу побожиться, что видѣлъ Фишера.

— Да что̀ за вздоръ! Вѣдь ты знаешь, что̀ Фишеръ уѣхалъ въ Англію... А еслибъ и воротился, то мы бы конечно знали объ этомъ.

— Правда, Бетти... А все-таки я его видѣлъ... Да какъ вспомню, такъ мнѣ становится страшно. У него какъ-будто лобъ былъ разрубленъ и кровь текла по лицу...

— Ну, вотъ видишь-ли, что тебѣ съ пьяна померещилось: могъ-ли ты ночью все это видѣть?.

— Очень можно.—Взгляни, луна свѣтитъ. Я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ сидѣлъ на скалѣ у озера,—вотъ недалеко отсюда. Руки сложены у него были на груди... онъ какъ-будто ждалъ кого-то. Я его окликнулъ. . Нѣтъ отвѣта... я подошелъ,—онъ исчезъ какъ дымъ.

— Ну, ладно! Завтра доскажешь. Теперь ложись спать. Авось проспишься ..

Вейръ послушался и пошелъ спать.

Но поутру онъ не забылъ своей исторіи,—и снова принялся разсказывать ее женѣ. Та его прибранила, и наконецъ убѣдила никому не говорить этого, чтобъ люди не смѣялись надъ нимъ.

Чрезъ три дня Вейръ опять поѣхалъ на рынокъ и возвратился тою-же дорогою ночью. На томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи сидѣлъ опять Фишеръ.

На этотъ разъ Вейръ самъ рѣшился быть осторожнымъ, и цѣлый день не выпилъ ни одного стакана джина. Но зато на этотъ разъ онъ и струсилъ. Только поравнялся онъ со скалою, только разсмотрѣлъ опять фигуру, сидѣвшую надъ озеромъ, съ разрубленнымъ лбомъ и текущею по лицу кровью, какъ сильно ударилъ по лошади и доскакалъ до дома.

— Ну, Бетти!—сказалъ онъ женѣ, теперь посмотри на меня Ты вѣдь меня хорошо знаешь. Я цѣлый день капли не пилъ ..

— Вижу, Бенъ!—отвѣчала жена, — и увѣрена, что на этотъ разъ тебѣ ничего непривидѣлось.

— Вотъ то-то и бѣда, что опять и на томъ же мѣстѣ видѣлъ я Фишера.

— Да! теперь ты ужъ изъ упрямства увѣряешь. Выпей-ко лучше стаканъ гроггу, да закури трубку,—такъ все и забудешь...

— Нѣтъ, Бетти, ни пить, ни курить сегодня не буду, а отправлюсь сейчасъ къ г. Крафтону и разскажу ему.

Крафтонъ былъ мирнымъ судьею, а прежде лейтенантомъ морской службы Жилище его было на четверть часа разстоянія отъ фермы Вейра.

Когда Вейръ пришелъ къ нему, тотъ ложился уже спать, но позвалъ пришедшаго, посадилъ его къ камину и спросилъ о причинѣ такого поздняго посѣщенія.

Вейръ разсказывалъ ему свое двукратное видѣніе.

Сперва Крафтонъ былъ одного мнѣнія съ Бетти. Первое видѣніе приписывалъ онъ джину и воспоминанію о Фишерѣ. Второе же трусости и воображенію, пораженному первымъ впечатлѣніемъ. Но когда тотъ утвердительно и клятвенно повторилъ свой разсказъ, когда напомнилъ, что объ отъѣздѣ Фишера никто навѣрное не знаетъ, никто не видѣлъ его въ городѣ,—Крафтонъ сказалъ Вейру:

— Хорошо! Приходи ко мнѣ завтра съ восходомъ солнца, мы съ тобою отправимся на то мѣсто, гдѣ ты видѣлъ Фишера.

Подлѣ жилища Крафтона кочевала орда дикихъ туземцевъ Новаго Южнаго Валлиса. Крафтонъ не подражалъ другимъ поселенцамъ, не отгонялъ ихъ, не пугалъ и самъ не боялся, — а напротивъ помогалъ имъ во всѣхъ нуждахъ. Старшиною этой орды былъ дикарь, прозванный Джономъ Крукомъ, — и какъ онъ, такъ и всѣ его подвластные, любили Крафтона и повиновались ему.

Всѣмъ извѣстна удивительная способность этихъ дикарей къ отысканію слѣдовъ человѣка, или какого-нибудь звѣря, не только по травѣ, или по песку, но и по голымъ скаламъ, гдѣ обыкновенный взглядъ европейца ничего не замѣтитъ. Джонъ Крукъ въ особенности славился этою способностью. Еще недавно содѣйствовалъ онъ полиціи при поимкѣ важныхъ бѣглецовъ, преслѣдуя ихъ 27 миль чрезъ голую степь и скалы. Эти люди знали, что за ними будутъ гнаться и искать *по слѣдамъ*, и для того сняли свою обувь, надѣясь, что по слѣду голой ноги примутъ ихъ за индѣйцевъ и не станутъ преслѣдовать. Но Джонъ Крукъ тотчасъ же увидѣлъ, что эти слѣды *бѣлыхъ* людей,—и ни на минуту не потерялъ направленія ихъ бѣгства, покуда не догнали ихъ.

Когда Вейръ явился на другое утро къ Крафтону, Джонъ Крукъ былъ уже у него. За нимъ посылалъ Крафтонъ,—и старшина дикарей явился съ нѣсколькими изъ своихъ подвластныхъ. Всѣ теперь вмѣстѣ отправились къ озеру,—и Вейръ служилъ имъ проводникомъ. Онъ ихъ привелъ къ скалѣ, на которой сидѣлъ Фишеръ.

Джонъ Крукъ, не знавъ, зачѣмъ его ведутъ туда, осмотрѣлъ это мѣсто и тотчасъ же указалъ сперва на мѣсто, на которыхъ была кровь *бѣлаго человѣка*, а потомъ нашелъ и мѣсто, гдѣ лежало убитое тѣло. Подобное открытіе можно было сдѣлать только въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, гдѣ по полугоду нѣтъ ни капли дождя,—и гдѣ, слѣдовательно, всѣ слѣды сохраняются въ-продолженіе этого времени.

Послѣ долгихъ розысковъ, Крукъ нашелъ еще слѣды *бѣлаго человѣка*, который шелъ съ этой скалы къ самой пустынной части озера и влекъ за собою другаго мертваго человѣка. Крафтонъ рѣшился обойти озеро и велѣлъ Круку всматриваться и искать въ водѣ, гдѣ брошенъ тотъ человѣкъ, котораго убили и влекли.

Долго бродилъ Крукъ, осматривалъ всѣ кусты, всѣ прибрежные тростники, — ничего подозрительнаго не было у берега. Наконецъ легъ онъ ничкомъ на землю и сталъ всматриваться въ поверхность волнъ. Нѣсколько минутъ пролежалъ онъ въ этомъ положеніи .. Вдругъ вскочилъ, испустилъ крикъ, радостно ударилъ въ ладоши и указалъ на средину озера.

— Вотъ жиръ отъ трупа бѣлаго человѣка! вскричалъ онъ.

Дѣйствительно, Крафтонъ прилегъ къ землѣ, посмотрѣлъ въ подзорную трубу и увидѣлъ, что на поверхности воды образуется въ одномъ мѣстѣ мутно-жирная, радужноцвѣтная пленка. Тотчасъ же бросились къ этому мѣсту на лодкѣ. Нѣсколько дикарей нырнули и вытащили полуистлѣвшій уже трупъ. На шеѣ была веревка съ тяжелымъ камнемъ.

Всѣ присутствующіе тотчасъ удостовѣрились, что это былъ трупъ Фишера; жилетъ его, съ извѣстными всѣмъ жителямъ мѣдными пуговицами—былъ еще цѣлъ.

Крафтонъ положилъ трупъ Фишера на берегу и оставилъ при немъ всѣхъ прочихъ, а самъ поѣхалъ верхомъ на ферму покойника, гдѣ уже поселился Смитъ, который былъ дома, и увидя подъѣхавшаго судью, тотчасъ же вышелъ къ нему навстрѣчу.

Крафтонъ вошелъ къ нему въ комнату — и послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ ему, что намѣренъ купить участокъ земли, принадлежащій Фишеру и лежащій между озеромъ и большою дорогою, но не зная, имѣетъ ли Смитъ на эту продажу довѣренность, заѣхалъ къ нему, чтобъ узнать объ этомъ.

Смитъ тотчасъ же представилъ ему эту довѣренность. Крафтонъ внимательно разсмотрѣлъ ее. Рука была, повидимому, Фишера, но свидѣтельства на довѣренности не было.

— Если ты не очень занятъ, Смитъ, то очень бы одолжилъ меня, отправясь со мною, чтобъ осмотрѣть этотъ участокъ.

— Съ удовольствіемъ, сэръ, — отвѣчалъ Смитъ, — и осѣдлавъ тотчасъ же лошадь, поѣхалъ съ Крафтономъ.

Надобно было проѣзжать мимо озера. Увидя оставленныхъ имъ людей при тѣлѣ Фишера, онъ поскакалъ впередъ, какъ бы для узнанія, что̀ тамъ случилось,—и вскорѣ вслѣдъ за нимъ прибылъ туда же и Смитъ.

— Вотъ новость, Смитъ! — вскричалъ ему Крафтонъ. Посмотри-ка, что̀ здѣсь нашли! Это тѣло твоего друга Фишера. Не знаешь ли ты, какимъ-образомъ онъ попалъ въ это озеро?

Внимательно смотрѣлъ Крафтонъ на лицо Смита, — но тотъ не измѣнился ни въ одной чертѣ. Онъ сошелъ съ лошади, осмотрѣлъ трупъ и сказалъ, что это дѣйствительно Фишеръ, — но какимъ-образомъ, попалъ въ озеро, онъ никакъ не могъ придумать. Развѣ кто-нибудь, узнавъ объ отъѣздѣ его въ Англію, подкараулилъ тутъ и убилъ, когда онъ ѣхалъ въ Сидней, чтобъ ограбить его.

— Все это можетъ быть, — сказалъ Крафтонъ, — но эта исторія надѣлаетъ много шуму, — и ты чувствуешь, Смитъ, что на тебя падутъ подозрѣнія...

— О! на этотъ счетъ я спокоенъ, — отвѣчалъ Смитъ. Руки мои, слава Богу, чисты, — и еслибъ бѣдный другъ мой могъ воскреснуть, то первый бы засвидѣтельствовалъ мою невинность.

Крафтонъ задумался. Кто же виноватъ въ злодѣйствѣ? Не совершилъ ли его старый Вейръ и не выдумалъ ли теперь эту исторію о привидѣніи, чтобъ отклонить отъ себя всѣ подозрѣнія, сдѣлавшись обви-

нителемъ Смита. Но вся жизнь Вейра противорѣчила этому подозрѣнію. Онъ былъ тихій, кроткій и религіозный человѣкъ. Обвинить Смита тоже не было никакого повода.

Допросили всѣхъ бывшихъ служителей Фишера, — и они показали, что господинъ ихъ часто говорилъ о скоромъ своемъ намѣреніи отправиться въ Англію и о препорученіи всего своего имущества Смиту. Однажды онъ дѣйствительно поѣхалъ, не сказавъ куда и безъ всякихъ дорожныхъ приготовленій. Смитъ не провожалъ его, — и дня черезъ два послѣдній явился и объявилъ людямъ, что господинъ ихъ уѣхалъ въ Англію. Это удивило, конечно, людей, но по странности характера Фишера было похоже на него.

Началось судебное слѣдствіе, — и судъ присяжныхъ, прежде всего спрошенный, объявилъ, что находитъ подозрѣнія на Смита основательными. Его отвезли въ Сидней — и передали дѣло въ ассизный судъ. Вся колонія взволновалась отъ этого происшествія и общественное мнѣніе раздѣлилось на двѣ партіи.

Давка была ужасная въ судейской залѣ въ тотъ день, какъ началось дѣло. Генералъ Прокуроръ замѣтилъ, что всѣ обвиненія въ убійствѣ основаны только на привидѣніи Вейра и отысканіи трупа Крафтономъ— и что *законнаго* убѣжденія никто не могъ представить. Смитъ не взялъ себѣ адвоката, а самъ защищался съ большимъ искусствомъ и хладнокровіемъ. Подпись руки въ довѣренности признана была всѣми, знавшими Фишера, за дѣйствительную. Сверхъ-того, въ бумагахъ Фишера найдено было завѣщаніе, которымъ онъ свое имѣніе оставлялъ Смиту. И тутъ подпись была признана настоящею. Смитъ объявилъ, что зналъ о существованіи этой духовной — и представлялъ въ свое оправданіе, что имѣя довѣренность временно управлять имѣніемъ, и зная, что и по смерти Фишера оно ему достанется, не было никакой причины съ его стороны покуситься на жизнь Фишера. Онъ ссылался даже на свидѣтельство своихъ обвинителей, что при отысканіи тѣла Фишера, не обнаружилъ ни страха, ни смущенія при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Кто же дѣйствительно умертвилъ Фишера — онъ не постигаетъ. Онъ никого не хочетъ обвинять, но надѣется на просвѣщенныхъ судей, присяжныхъ и всѣхъ присутствующихъ, что они не повѣрятъ появленію привидѣнія и спросятъ сами себя, къ чему же была выдумана эта исторія? Какимъ-образомъ нашелъ Вейръ мѣсто, гдѣ умервщленъ былъ Смитъ? и съ какою цѣлію онъ объявилъ объ этомъ Крафтону?

Судья, сиръ Франциск Форбесъ, изложилъ потомъ все дѣло—и по заключенію рѣчи его видно было, что отвергая привидѣніе и обвиненія, неоснованныя на законныхъ доказательствахъ, онъ склоняется къ оправданію Смита. Послѣ этого присяжные ушли для совѣщаній.

Оно продолжалось семь часовъ,—и когда присяжные возвратились въ залу,—то произнесли единогласно: *виновенъ*!

Судъ приговорилъ Смита къ казни.

Наканунѣ казни Смитъ велѣлъ позвать пастора, — и на исповѣди объявилъ, что онъ убійца; что дѣйствительно умертвилъ Фишера на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вейръ видѣлъ привидѣніе; что точно разрубилъ голову Фишера томагавкомъ; что довѣренность была фальшивая, но духовная настоящая; только онъ ее уже нашелъ послѣ своего преступленія.

Признаніе это, по желанію Смита, было обнародовано,—и на другой день совершилась его казнь.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

HENSELT A. Grande valse brillante посвященный Ея Императорскому Величеству Александрѣ Ѳеодоровнѣ. (1 р. 70 к.) Exercices préparatoires. (1 р. 50 к.)
HELLER. Die Forele.—La Truite de Schubert. (85 к.)
HUNTEN. Fantaisie sur l'opéra: Sonnambula. (85 к.)
KALKBRENNER. Variations sur une pensée de Bellini. Op. 131. (Nauvelle édition) (1 р. 15 к.)
MAYER CH. Romance italiènne. Op. 134. (60 к.) Célèbre Rondo, H dur. (1 р. 40 к.)
ROSELLON. Nocturne. Op. 92. (75 к.) Trois Rêveries. Op. 103. № 1. 2. 3. (каждая 85 к.)
SCHULHOFF. L'Ondine. Op. 35. (85 к.) Menuet de Mozart. (50 к.)
WEBER C. M. Momento capriccioso. (60 к.) Concertstürk. Op. 79. (Nouv. édition). (2 р.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.

ВИТЕЛЯРО. Кто слышалъ тотъ васъ не забудетъ. Экстромитъ, написанный въ отвѣтъ романсу: Ты скоро меня позабудешь. (75 к.) Віютъ витры. Малороссійская пѣсня. (40 к.)
ГЕРАСИМОВЪ. Ангелъ дѣва. Романсъ. (50 к.)
ГУРИЛЕВЪ. Минуту свиданья лови. (50 к.) Съ пѣсней душа улетитъ. (60 к.) Долго ли же будешь сердце ты томиться. Пѣсня. (50 к.) Майскія ночи. Мелодія. (70 к.)
ДАРГОМЫЖСКІЙ. Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость. (75 к.) Къ чему веселые друзья. (50 к.) Богъ помочь вамъ. (50 к.) Бушуй и волнуйся глубокое море. (75 к.)
ДМИТРІЕВЪ. Прекрасный день. (40 к.)
КАШИНЪ. Лучина лучинушка, съ варіяціями. (85 к.)
КОПЬЕВЪ Не говори ни да ни нѣтъ. (40 к.)
РАХМАНИНОВЪ. Вечерній звонъ. (40 к.)
РОМАНУСЪ. Послѣдній поцѣлуй. (50 к.) Не ее ли во снѣ я такъ часто видалъ. (40 к.) Любовь небесъ, святое слово. (40 к.) Весна прошла ее ужъ нѣтъ. (40 к.) Что въ душу мнѣ такъ дивно льется. (40 к.) Безъ васъ хочу сказать вамъ много. (40 к.)
ТИТОВЪ. Волна катится за волною. (50 к.) Не пой красавица при мнѣ. (50 к.) Я о тебѣ молюсь. (40 к.) На долголь разстаемся мы. (30 к.) Слыхали ль вы за рощей. (30 к.)
ШАХТЪ. Разувѣреніе. (40 к.) Люблю тебя. (40 к.)
ШИЛОВСКАЯ. Зачѣмъ твержу я стихъ унылый. (60 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

МАРКОВЪ. Венеціанскій карнавалъ, съ аккомп. фортепьано или другой гитары. (1 р. 50 к.) Попури изъ національныхъ русскихъ пѣсень для двухъ гитаръ. (1 р. 50 к.) Душечка дѣвица. Пѣсня А. Даргомыжскаго, арранж. для одной гитары. (60 к.) Большая фантазія изъ оперы: Жизнь за Царя, для двухъ гитаръ. (1 р. 50 к.) Романсъ изъ оперы: Отелло, для двухъ гитаръ. (60 к.) Кавативна изъ оперы: Русланъ и Людмила, для двухъ гитаръ. (85 к.)

САРЕНКО. Фантазія на любимый романсъ: Бывало, бывало, соч. Графа Віельгорскаго, для одной гитары.

СИХРА. Любимая тема съ варіяціями. (40 к.) Хоръ охотниковъ и арія изъ оперы. Волшебный стрѣлокъ. (50 к.) Вальсъ изъ оперы: Севильскій Цырюльникъ. (40 к.) Варіяціи на русскую пѣсню: Кто могъ любить такъ страстно. (75 к.)

ЦИММЕРМАНЪ. Эпизодъ и два вальса. (40 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой-Морской, въ домѣ Лауферта.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ.

Князь Василій Сицкій. Романъ изъ временъ царя Бориса Ѳедоровича Годунова. Москва, 1853. Изданіе *П. Г. Кузнецовой*. Въ типографіи Н. Эрнста. Три части. Въ 12-ю д. л. 99, 108 и 98 стр.*

Въ іюнской книжкѣ «Пантеона», разбирая романъ: «Алексѣй Одноргъ», изъ временъ Бориса Годунова и Лжедимитрія, мы замѣтили, между-прочимъ, что эта любопытная, не совершенно еще изслѣдованная эпоха не перестаетъ питать воображеніе повѣствователей, и объяснили притомъ художественную трудность и тяжелыя условія историческаго романа вообще. Первое мнѣніе наше подтвердилось: вотъ опять новый опытъ изъ той-же эпохи! Но второе—относительно эстетической трудности подобныхъ произведеній—рѣшительно опровергнуто неизвѣстнымъ авторомъ «Сицкаго», доказавшимъ, что нѣтъ ничего легче, какъ сочинить романъ историческій. Возьмите достопамятное событіе, много разъ описанное, изображенное въ разныхъ видахъ, драматизированное, поэтизированное, разбейте его на сцены и діалоги, приплетите къ нему какую-нибудь вымышленную, самопустѣйшую интригу, любовь, разумѣется, раздѣлите тетрадь вашу на три тщедушныя частички, купите сколько потребуется стопъ толстой сѣрой бумаги, испечатайте ее крупнымъ шрифтомъ,

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера: 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сер.

съ значительнымъ количествомъ опечатокъ, и смѣло выдавайте въ свѣтъ подъ громкимъ именемъ историческаго романа. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, поступлено съ тремя томиками, носящими заглавіе: *Князь Василій Сицкій*, и мы, конечно, вовсе не стали-бы говорить объ этой книгѣ, еслибъ, при всѣхъ недостаткахъ и крайней ея слабости, не обнаруживались нѣкоторые признаки дарованьица сочинителя, не въ общемъ исполненіи, не въ цѣломъ мнимаго романа, а въ отдѣльныхъ, весьма немногихъ, впрочемъ, мѣстахъ...

Юный князь Василій Сицкій одержимъ какимъ-то страннымъ недугомъ, сохнетъ, чахнетъ, не спитъ ночи, горюетъ, плачетъ.—Ахъ, Крестьянъ Адамовичъ, говоритъ мать князя доброму, умному нѣмцу Шильдману:—въ немъ поселился лукавый...

— Неправда, Катерина Михайловна!—Сынъ твой боленъ душою...

— А развѣ душа можетъ быть больна? — Нѣтъ, нѣтъ, Крестьянъ Адамовичъ! ты только хочешь утѣшить бѣдную мать. Не старайся напрасно! правды скрыть невозможно. И что пользы обманывать себя небывалымъ счастьемъ? Я знаю свою горькую участь—я уже начинаю привыкать къ ней. Онъ и самъ говоритъ, что онъ подъ властью демона.

«Глаза Крестьяна Адамовича сверкнули негодованіемъ:

— Онъ самъ говоритъ, что онъ подъ властью демона!!!—Да что-же другое можетъ говорить онъ, когда съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ заболѣлъ, начали говорить ему: въ тебѣ злой духъ! когда всѣ, его окружающіе, исключая меня,—сердись или нѣтъ, Катерина Михайловна,—когда всѣ его ближніе увѣрены въ этомъ сами, и увѣряютъ и другихъ и его! Что можетъ сказать бѣдный ребенокъ? Взглядъ сожалѣнія матери, значительный шопотъ слугъ, иногда даже глупый ужасъ при его приближеніи,—что должно все это произвесть на него, какое впечатлѣніе! Скажи мнѣ, Катерина Михайловна: если меня нынче, завтра, послѣ завтра и такъ далѣе безпрерывно всѣ начнутъ увѣрять, что я еще молодъ и красавецъ, вѣдь я наконецъ повѣрю этому, какъ повѣрилъ бѣдный Василій, что въ немъ сидитъ сатана?

«Въ сотый разъ начиналъ добрый Шильдманъ читать этотъ монологъ княгинѣ Сицкой, и въ сотый разъ доканчивалъ его стѣнамъ, потому-что Катерину Михайловну только сердили рѣчи Крестьяна Адамовича: она твердо была увѣрена, что злой духъ овладѣлъ душею ея сына. Видя себя одного, Шильдманъ проворчалъ себѣ подъ носъ: oleum et operam perdidi, и съ досады кинулъ объ полъ свою шляпу, но тотчасъ-же опять поднялъ ее и началъ отирать платкомъ.

«Да чѣмъ-же боленъ князь Василій Сицкій? Онъ не боленъ веще-

ственно:—лучшій лекарь царскій, Фидлеръ, лечилъ его и сказалъ, что онъ совершенно здоровъ тѣломъ. Не сглазилъ-ли его кто-нибудь? но знахари давали ему пить воду съ нашептанными травами. Говорятъ, что въ немъ живетъ злой духъ; но старикъ отчитывалъ его, завернувъ ему голову своей полою, и никто не слыхалъ ни собачьяго лаянья, ни мяуканья, ни пѣтушьяго пѣнья. Что-же съ нимъ сдѣлалось? чѣмъ-же онъ боленъ?

«Ужъ не знойные-ли лучи честолюбія огнемъ палили его голову и высушили въ ней мозгъ. Не привѣтные-ли глазки красавицы горятъ ему звѣздочками и затмѣваютъ все другое?.. Не соловьиный ли голосокъ ея вѣетъ ему музыкой и заглушаетъ вокругъ него всѣ другіе звуки. Не влюбленъ ли онъ?.. Но онъ еще ребенокъ — ему только четырнадцать лѣтъ.

«Что-же за тоска лежитъ у него на сердцѣ и не даетъ ему покоя?

«Вотъ какая тоска лежитъ у него на сердцѣ, вотъ что не даетъ ему покоя!

«Князь Василій Сицкій рожденъ былъ съ душою огненною, пламенною; и въ эту юную, огненную душу, жаждущую чувствъ и впечатлѣній, тайно и глубоко запала искра творчества. Онъ поэтъ, но онъ и не знаетъ, что такое поэзія; онъ музыкантъ, и никогда еще не слыхалъ музыки! А между-тѣмъ тайныя желанія, ему самому непонятныя, томятъ его; въ часы ночи чудные сны толпятся надъ его изголовьемъ; онъ проснется—и тѣ же сны, тѣ же странныя грезы, носятся передъ глазами... искра тлѣетъ, тлѣетъ, разгорается... и бѣдный ребенокъ полусъумасшедшій. Знойныя думы, еще неясныя, туманныя, какъ предметы, задернутые флеромъ вечерняго тумана, думы, въ которыхъ онъ самъ еще не можетъ дать себѣ отчета, — спираются въ головѣ и разрываютъ черепъ: онѣ хотятъ на волю, а имъ не даютъ воли... Душа алчетъ, жаждетъ, а ей нѣтъ пищи, нѣтъ ни одной капли, которая бы освѣжила ее... Въ сердцѣ кипятъ чувства, въ ушахъ отдаются звуки, на устахъ дрожатъ рѳмы но чувства, звуки, рѳмы—вещи непонятныя для бѣднаго ребенка.. Онъ не знаетъ, что это такое. Какія-же радости принесло ему вдохновеніе?.. Какимъ счастіемъ озарилъ разсвѣтъ жизни даръ творчества? Радости? счастіе?.. Нѣтъ! Этотъ чудный даръ творчества, этотъ самый даръ, который-бы въ вѣкѣ образованномъ составилъ его гордость и блаженство, который увѣнчалъ бы лаврами его голову, въ вѣкѣ грубомъ сдѣлался для него адомъ, мученіемъ нестерпимымъ. Его томятъ мечты, а онъ самъ не знаетъ, чего ему хочется. Окружающіе его люди—лѣсъ: они такъ-же понимаютъ его, какъ деревья... Пусть по-крайней-мѣрѣ молчатъ они, пусть не нарушаютъ

сновъ и грезъ его Нѣтъ! они дѣлаютъ его больнымъ, они начинаютъ лечить его! говорятъ, что онъ испорченъ, и призываютъ знахарей и колдуновъ. Лекарства не дѣйствуютъ; онъ кажется помѣшаннымъ; плачетъ или смѣется безъ причины; и вотъ его называютъ отчужденнымъ, и начинаютъ говорить, что въ немъ поселился нечистый... А бѣдный Василій увѣренъ въ возможности сообщенія демона съ человѣкомъ; шопотъ, взоры ужаса сильно дѣйствуютъ на его воспріимчивую душу, и онъ не знаетъ, что его мучитъ, чего ему хочется... Не долженъ ли онъ и самъ повѣрить бреднямъ людей, его окружающихъ?» (Ч. I, стран. 27—34.)

Авторъ, какъ видите, изрядно владѣетъ языкомъ, справляется съ кое-какими мыслями, и—обѣщаетъ вамъ въ героѣ своемъ поэта. Ни чуть не бывало. Сицкій не будетъ писать стиховъ, играть на флейтѣ или воссоздавать на полотнѣ живые образы. Болѣзнь юноши ни къ чему не ведетъ въ романѣ, и въ немъ Сицкій самое блѣдное, безцвѣтное лицо. Онъ выздоравливаетъ, становится молодцомъ и красавцемъ; сначала вѣрно, усердно служитъ Борису и сыну его, ненавидитъ Лжедимитрія; потомъ, влюбившись въ подругу, наперсницу Марины Мнишекъ, панну Конкордію Мнишевскую,—въ концѣ романа, безъ достаточнаго объясненія со стороны автора, является вдругъ измѣнникомъ, въ станѣ втораго самозванца, а панна Конкордія безжалостно оставляетъ больнаго и полупомѣшаннаго своего обожателя. Все остальное въ романѣ, извѣстныя и неизвѣстныя происшествіи изъ царствованія обоихъ Годуновыхъ и смутнаго времени самозванцевъ.

Ни тѣсной внутренней и даже внѣшней связи вымышленной части романа съ исторической, ни отдѣлки подробностей, а тѣмъ менѣе характеровъ, въ произведеніи этомъ не ищите; это какіе-то лишенные единства и сцѣпленія отрывки, неясныя тѣни, безъ причины и послѣдствія перебѣгающія туда и сюда, уродливыя фигуры, движимыя ниткою, безъ нити смысла и цѣли. Относительно, удачнѣе другихъ, хотя далеко не удачно, вышли лица Марины и Лжедимитрія. На долю послѣдняго выпало двѣ, три страницы, которыя подтверждаютъ, что авторъ, при большемъ стараніи и соображеніи, могъ бы написать что-нибудь и получше своего «Сицкаго».

«Въ одной изъ комнатъ Самборскаго замка, на широкомъ диванѣ, сидѣли два человѣка и разговаривали между собою. Одинъ былъ старикъ, съ добродушнымъ лицомъ, на которомъ въ это время было написано внутреннее удовольствіе; онъ улыбался, потиралъ руки, былъ веселъ, какъ ребенокъ, которому подарили новую игрушку. Этотъ старикъ былъ и легкомысленъ какъ ребенокъ. Это былъ Юрій Мнишекъ, вое-

вода Сендомирскій. Собесѣдникъ его еще былъ молодъ, лицо его было правильно, не безъ выразительности; что-то странное, непонятное, неразгаданное, которое и влекло къ нему, и отталкивало отъ него, проявлялось во всѣхъ его чертахъ. Голубые, безжизненные глаза глядѣли какъ-то дико и туманно; но тотъ, на комъ останавливался его тусклый, безстрастный взоръ, въ которомъ не было видно ни одной искорки огня, невольно потуплялъ глаза, смущенный какимъ-то невыразимымъ чувствомъ. Этотъ человѣкъ былъ... Но этотъ человѣкъ стóитъ того, чтобы разсказать вамъ о немъ подробнѣе.

«Въ Москвѣ, въ Чудовомъ-монастырѣ, былъ монахъ. Всѣ товарищи его не могли разгадать страннаго характера своего собрата и называли его съумасшедшимъ. Онъ любилъ уединеніе, безпрестанно сидѣлъ въ своей кельѣ, читалъ или писалъ всю ночь напролетъ. За общей трапезой онъ одинъ не говорилъ ни слова, точно обдумывалъ какое-нибудь огромное, великое предпріятіе, и тотчасъ послѣ стола уходилъ опять въ свою келью.

«А между-тѣмъ въ душѣ этого мечтателя зрѣла мысль безумная и кровавая. Вдругъ сдѣлался онъ разговорчивѣе, сталъ распрашивать старыхъ монаховъ о вступленіи на престолъ царя Бориса, о царевичѣ Димитріѣ, заставлялъ повторять себѣ малѣйшія подробности, и разъ при всѣхъ сказалъ за трапезой: знаете ли, что я буду царемъ въ Москвѣ? Всѣ остолбенѣли; на другой день за трапезой одно мѣсто было пусто; братъ Григорій скрылся.

«На берегу широкаго, бурнаго Днѣпра, поросшемъ лѣсомъ и густыми камышами, среди болотъ и топей, скалъ и пещеръ, какъ хищныя птицы, гнѣздились удалые запорожцы. Если когда на этомъ берегу виднѣлись огни, и далеко слышались веселыя пѣсни и звонъ стакановъ и сабель, это пировала шайка удальцовъ Герасима. Въ этой шайкѣ былъ новый казакъ. Никто лучше его не могъ владѣть мечемъ и конемъ, никто не гулялъ и не пилъ такъ, какъ этотъ пришлецъ-новичекъ. Даже самъ Герасимъ удивлялся ему.

«Пышно и великолѣпно жилъ въ Брагинѣ знатный и богатый вельможа, князь Адамъ Вишневецкій. У этого князя былъ слуга; ловкостью, проворствомъ, искусствомъ въ военныхъ игрищахъ превосходилъ онъ всѣхъ слугъ. Князь Адамъ отличалъ его отъ прочихъ, и любилъ не какъ слугу, но какъ родственника. Но вотъ этотъ добрый слуга дѣлается боленъ; онъ лежитъ на одрѣ смерти и призываетъ духовника...

«Польскій король Сигизмундъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ; передъ нимъ стоитъ какой-то человѣкъ и говоритъ ему: державный изгнанникъ

требуетъ твоего сожалѣнія и помощи.—Король обнимаетъ его и собственноручно возлагаетъ на него золотую цѣпь.

«Теперь перенеситесь опять въ Самборъ и пристальнѣе поглядите на собесѣдника воеводы Сендомирскаго. Этотъ человѣкъ—это монахъ Чудова-монастыря, это казакъ-новичекъ въ шайкѣ Герасима, это слуга князя Адама Вишневецкаго, это Самозванецъ!

«Онъ устремилъ на Мнишка свой безжизненный взоръ.» (Стран. 13—18 второй части.)

Гораздо менѣе схожи портреты Годунова, его семейства, Басманова, Шуйскаго и другихъ лицъ той эпохи.

Къ сожалѣнію, приведенныя мѣста составляютъ почти единственныя довольно-грамотныя и дѣльныя страницы въ этихъ трехъ частичкахъ: все прочее требуетъ сильной корректуры и— добраго совѣта неизвѣстному автору (вѣроятно, человѣку очень еще молодому) — не шутить съ литературными попытками, а напротивъ того, наукою, чтеніемъ и трудомъ, разработать зародышъ дарованьица...

—

Капитанъ Симонъ. Романъ *Поля Феваля*. Переводъ съ французскаго. Москва, 1853. Въ типографіи Александра Семена. Три части. Въ 12-ю д. л. 156, 129 и 135 стран. *

Произведенія Поля Феваля, повѣствователя съ несомнѣннымъ дарованіемъ, но играющаго, а можетъ-быть и спекулирующаго своею способностью писать скоро и легко, не разъ находили себѣ мѣсто въ толстыхъ журналахъ нашихъ, которые, въ благодарность за то, подсмѣиваются надъ нимъ, отзываются о немъ свысока и полупрезрительно, какъ-будто въ современной русской литературѣ пригоршнями можно захватить десятка три писателей показистѣе Феваля умомъ, взглядомъ и талантомъ. Нѣтъ, авторъ *Лондонскихъ тайнъ*, соперникъ или покрайней-мѣрѣ послѣдователь Сю и Дюма, не таковъ, чтобъ его съ разу уничтожить щелчкомъ поверхностной критики! Скорѣе и удобнѣе кредитъ его на Руси могутъ подорвать плохіе и торопливые переводчики, а на родинѣ онъ еще кое-какъ держится и борется, и не очень давно его драма «Frère Tranquille», перекроенная изъ его же романа «Le nuits de Paris», надѣлала тамъ изряднаго шуму, не безъ удоволь-

* Въ главной конторѣ Пантеона и у книгопродавца П. И. Крашенинникова: 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 75 коп. сер.

ствія авторскому самолюбію. Правда, другіе его романы—«La fontaine des perles», La forêt des Rennes», Le fils du diable»—не превосходили послѣдовательно другъ-друга, не возвышали репутаціи сочинителя, какъ-бы постепенно оскудѣвавшаго творчествомъ. За всѣмъ тѣмъ каждое изъ его произведеній далеко не лишено занимательности и смысла, при бо́льшей или меньшей ловкости разсказа, оригинальности характеровъ и сплетенія интриги. Предлежащій «Капитанъ Симонъ» считается слабѣйшимъ романомъ Феваля; однакоже и этотъ, точно не слишкомъ замысловатый, романъ сподобился чести двукратнаго перевода на «россійскій діалектъ», сперва въ «Москвитянинѣ», гдѣ, разумѣется, онъ переложенъ лучше, а потомъ и отдѣльно...

Ниже изволите усмотрѣть, каковъ этотъ отдѣльный переводъ, похваленный критиками, вѣроятно, его не читавшими и бросившими мимоходомъ нѣсколько холостыхъ зарядовъ въ автора, такъ-что большинство публики, не заглядывавшее ни въ оригиналъ, ни въ переложеніе, осталось въ неизвѣстности, что́ такое этотъ пресловутый «Капитанъ Симонъ», безпрестанно между-тѣмъ мелькающій въ книгопродавческихъ объявленіяхъ на оберткахъ журналовъ, на послѣднихъ страницахъ газетъ и въ особыхъ листкахъ. Позвольте познакомить васъ съ этимъ милымъ чудакомъ, познакомить безъ хвастливыхъ выходокъ и не пуская на воздухъ тупыхъ, ни сколько не ядовитыхъ стрѣлъ...

Дѣйствіе романа происходитъ во времена первой имперіи во Франціи, открываясь въ Реннѣ, который повидимому очень нравится автору «Реннскаго лѣса». Поставщикъ припасовъ для войска, нѣкто г. Русселъ, тихо и безъ большихъ трудовъ наживалъ себѣ въ этомъ городѣ огромное состояніе, мало обращая вниманія на болѣзненныя страданія молодой жены, томимой какою-то безъисходною и тяжелою грустью. Домъ его находился на углу дворцовой площади со стороны улицы св. Франциска, вблизи кофейни, постоянно посѣщаемой офицерами мѣстной кавалеріи. Домъ Русселя и кофейня раздѣлялись только прежнимъ кладбищемъ целестинцевъ. На немъ уже не хоронили, и, совершенно открытое, оно составляло мѣсто прогулки, осѣненное деревьями, которыя соединяли его съ парижскою дорогой. Въ этомъ печальномъ саду, скрывавшемъ въ себѣ прахъ и кости давно отжившихъ, блуждала по вечерамъ прекрасная, но блѣдная, робкая и унылая супруга поставщика, опираясь на руку сестры и ведя съ собою хорошенькую, бѣлокуренькую малютку, лѣтъ шести или семи. Изрѣдка сопровождалъ ихъ прикащикъ Русселя, молодой человѣкъ, весьма ограниченный, съ вѣчною, тупою улыбкою на лицѣ, не довольно привлекательномъ и еще менѣе выразительномъ. Этотъ кавалеръ, по-счастью, не долго докучалъ дамамъ

своею непріятною фигурою, посѣшая отправиться въ кофейню, гдѣ собирались его пріятели; но какъ ни коротко бывало его провожанье, сёстры нетерпѣливо ожидали мгновенія, когда отсутствіе несноснаго соглядатая дозволитъ имъ предаться взаимной откровенности...

Причина болѣзненной грусти, наклонявшей прелестное чело Гортензіи, была тайной, занимавшей праздное воображеніе жителей Ренна, которые въ обществѣ своемъ рѣдко видали меланхолическую г-жу Руссель. Впрочемъ ее мало злословили, подозрѣвая только въ жизни ея скрытый романъ. По мнѣнію же добросердечныхъ, Гортензія увядала, томилась и страдала въ-слѣдствіе той простой причины, что «г. Руссель былъ самый тучный, тяжелый и глупый изъ мужей всего департамента Иль-и-Вилена»...

Въ послѣднихъ числахъ августа, около пяти часовъ вечера душнаго дня, когда прогулка на дворцовой площади становилась возможною, группа изъ пяти или шести офицеровъ, между которыми втерся одинъ статскій, вышла изъ отдѣленія нумеровъ гостинницы въ улицѣ св. Георга, и направилась къ упомянутой кофейнѣ. То были все люди очень молодые, «съ поднятымъ челомъ и широкою грудью», по выраженію автора, а статскій между ними не кто иной, какъ г. Пейранъ, «вышеизъясненный» прикащикъ поставщика, имѣвшій счастіе состоять въ близкомъ родствѣ съ капитаномъ Сентъ-Понсомъ, однимъ изъ молодыхъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ драгунскому полку, вступившему наканунѣ въ столицу Бретани...

«Прибывши на площадь, *взоры* всѣхъ обратились къ жилищу поставщика» (ч. I. стран. 9)... но вы изволите видѣть, что нельзя разсказывать точными словами переводчика, который смѣло употребляетъ риторическую фигуру: часть вмѣсто цѣлаго, заставляя *взоры* прибывать на площадь, безъ помощи ногъ и всего корпуса.

Взоры всѣхъ обратились къ жилищу поставщика по той причинѣ, что негодный Пейранъ пересказалъ своимъ новымъ пріятелямъ домашнюю хронику, въ которой главное мѣсто занимала жена его хозяина.

— Намъ нѣтъ счастья! сказалъ поручикъ Брессанъ, прекрасный юноша съ черными усиками: — этого осьмаго чуда не видать у ея окна...

— Она никогда не сидитъ у окна, возразилъ Пейранъ съ таинственнымъ видомъ.

— А сестра ея, госпожа Дюбрёль — спросилъ капитанъ Сентъ-Понсъ—также красавица?

— Объ этой женщинѣ ничего не говорятъ, отвѣчалъ прикащикъ, надувъ щеки, и потомъ, брося вокругъ полубоязливый взглядъ, которому

старался придать равнодушіе, прибавилъ: но когда же пріѣдетъ этотъ храбрецъ, ожидаемый вами съ минуты на минуту?

— Капитанъ Симонъ, хотите сказать вы? вскричалъ Брессанъ,— этотъ удалецъ, страшилище трусовъ, пугало фрачниковъ?... Говорятъ, что полковникъ Гонтольтъ... его дядя, названный отецъ или опекунъ... право, не знаю... потребовалъ его къ себѣ, чтобъ немного усмирить шалуна.

Слѣдуетъ разсказъ о проказахъ Симона, который, по словамъ капитана Сентъ-Понса, приводящимъ Пейрана въ блѣдность, трепетъ и ужасъ, убиваетъ статскихъ тысячами, дерется всякое утро, имѣлъ недавно въ Тулузѣ одиннадцать дуэлей, изувѣчивъ при томъ десятокъ купцовъ, и т. п.

Между тѣмъ эта веселая, за исключеніемъ прикащика, группа обогнула уголъ площади, оказавшейся пустою. Только близъ кофейни занятъ былъ одинъ столъ, у котораго, спиною къ вновь пришедшимъ, сидѣлъ молодой человѣкъ въ мундирѣ капитана драгуновъ, поддерживая обѣими руками наклоненную въ задумчивости голову...

— Господа, сказалъ Брессанъ, внезапно останавливаясь: мнѣ кажется... мнѣ кажется, что это не кто другой, какъ нашъ... людоѣдъ.

Всѣ вытаращили глаза, а у труса Пейрона они подкатились подъ лобъ.

Людоѣдъ былъ слабаго и нѣжнаго сложенія; лица его, полузакрытаго руками, нельзя было разсмотрѣть, но на открытой головѣ вились локоны волосъ тоньше и мягче шелка; его вполнѣ неразвившаяся, гибкая фигура показывала, что онъ не переступилъ еще предѣла первой юности. Пейранъ, хорошій наблюдатель, со страхомъ подумалъ: «эти маленькіе офицеры съ дѣвичьимъ личикомъ свирѣпы какъ тигры!» и громко прибавилъ: «мнѣ необходимо кончить небольшое дѣло въ конторѣ г-на Русселя»... Онъ хотѣлъ улизнуть, но его не пустили.

Шумный вблизи разговоръ пробудилъ отъ задумчивости мнимаго или дѣйствительнаго «людоѣда» — онъ привсталъ, и тогда офицеры четвертаго драгунскаго полка могли убѣдиться, что ихъ новый товарищъ былъ прелестный молодой человѣкъ съ лицемъ открытымъ и необыкновенно привлекательнымъ. Онъ сдѣлалъ навстрѣчу имъ нѣсколько шаговъ, и протягивая руки однополчанамъ, обратился къ нимъ съ самыми любезными привѣтствіями. Началось знакомство, зазвенѣли бокалы; подали пуншъ, сигары; пошла попойка, потѣха, хвастовня, удаль. Гибкій и нѣженькій, Симонъ вдругъ выпрямился какъ дубъ, заговорилъ голосомъ не дѣвичьимъ, но твердымъ и мужественнымъ, и, выразительно

махая хлыстикомъ, сказалъ, между прочимъ: «побольше вина и — совершенное отсутствіе фрачниковъ!»

— Я думаю, милые товарищи, продолжалъ Симонъ, улыбаясь, вы однѣхъ со мною мыслей. — Я не могу равнодушно видѣть статскаго... вездѣ, гдѣ его встрѣчаю...

Въ эту минуту онъ только въ первый разъ замѣтилъ Пейрана, прибѣгавшаго ко всевозможнымъ усиліямъ, чтобъ сохранить спокойную наружность, и быстро спросилъ: «Что нужно этому господину?»

«Пейранъ не скрывалъ болѣе своего страха; Сентъ-Понсъ подоспѣлъ къ нему на помощь и отвѣчалъ: этотъ господинъ здѣсь съ нами. — Симонъ, казалось, съ минуту колебался между своимъ добрымъ сердцемъ, совѣтовавшимъ ему благоразуміе, и этой глупой модой удальства, заразительной болѣзнью временъ имперіи. Мода взяла верхъ.»

— Ей-ей, сказалъ онъ, покручивая усы, едва пробившіеся,—я не завидую вашему знакомству!

Офицеры помѣнялись взглядами и водворилось минутное молчаніе.

— Капитанъ Симонъ... началъ медленно Сентъ-Понсъ, чувствительно уколотый.

— Что? отрывисто и грубо сказалъ миловидный капитанъ, между тѣмъ какъ лицо его мгновенно преобразилось и онъ принялъ дерзкую осанку, явно вызывавшую на бой; глаза его вполовину закрылись, голова опрокинулась назадъ и рука приросла къ ефесу шпаги.

— Въ четвертомъ полку лучше знаютъ вѣжливость, спокойно договорилъ Сентъ-Понсъ.

Можете вообразить, что эти взаимныя фразы не прошли даромъ; послѣдовали вызовы, не помѣшавшіе однакожъ продолженію попойки. По собственному выраженію Симона, ему пріятно было отпраздновать прибытіе свое пиромъ и дуэлью. Оскорбивъ всѣхъ, хорошенькій драгунъ на другой день долженъ былъ драться со всѣми. Въ дальнѣйшую шумливую бесѣду вмѣшалось имя поставщика Русселя съ толками и догадками о «тайнахъ» бѣдной Гортензіи, внушенныхъ низкимъ Пейраномъ. Рѣчь шла о какомъ-то незнакомцѣ, который наканунѣ, закутанный въ плащъ и съ нахлобученною шляпою, прохаживался подъ окнами блѣдной красавицы.

— Господа! возгласилъ Симонъ: я принимаю истинное участіе въ судьбѣ поставщика, и буду стражемъ нравственности... Слѣдуетъ по крайней-мѣрѣ обрубить уши этому фрачнику. Я говорю «фрачникъ», потому-что полкъ вступилъ сюда только вчера, и волокита не можетъ быть изъ числа насъ... Завтра, въ девять часовъ вечера, уши ловеласа будутъ здѣсь.

Дрожь пробѣжала по членамъ Пейрана. Этотъ родъ шутокъ показался ему нѣсколько жестокимъ. Что касается драгуновъ, то, благодаря нравамъ, обычаямъ и понятіямъ того времени, полувѣкомъ отдѣленнаго отъ нашего, они на обѣщаніе Симона, представить имъ чьи-то уши, смотрѣли какъ на вещь забавную въ высшей степени, но очень обыкновенную...

Среди этого глупаго и невеликодушнаго веселья, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кофейни, показался мужчина съ заложенными назадъ руками и поникшей головой, одѣтый въ мундиръ полковника. Онъ не перешагнулъ еще за черту возмужалости, но трудности военныя уже истощили его жизнь, и суровое его лицо носило на себѣ печать перенесенныхъ испытаній. То былъ воинъ, подобный многимъ того времени: жесткая оболочка, возвышенное сердце, львиная храбрость, въ соединеніи съ привычкою, которая породила названіе «ворчунъ»... впрочемъ прекрасный воинъ, еще бодро закручивавшій свой черный усъ...

При появленіи его, всѣ офицеры почтительно встали.

— Господа, сказалъ онъ безъ околичностей: я хочу переговорить наединѣ съ капитаномъ Симономъ.

Онъ взялъ его подъ-руку, пошелъ съ нимъ къ кладбищу, и тутъ произошла сцена скорѣе отца съ сыномъ, нежели начальника съ подчиненнымъ.—«Капитанъ, этому пора положить конецъ! Я посажу васъ подъ арестъ на два мѣсяца, на полгода — будете ходить у меня по ниточкѣ!.. Вы имѣете честь быть офицеромъ французской арміи: я полагаю затѣмъ, чтобъ покровительствовать подданнымъ его величества, защищать ихъ при нуждѣ — вмѣсто того, вы ихъ убиваете! Не сказывали-ли мнѣ, что, во время вашей стоянки въ Тулузѣ, вы убили или ранили одиннадцать гражданъ?»

— Десять, полковникъ, только десять....

— Только! И вы не стыдитесь сознаваться въ этомъ? Но это бѣшенство съумасшествія!

— Военный... хотѣлъ отвѣчать Симонъ.

— Военный, возразилъ Гонтольдъ съ истиннымъ достоинствомъ,— военный не долженъ отступать въ дѣлѣ чести, а вы порождаете случаи... и заводите ссоры съ безобидными гражданами.. Сударь, такъ поступаютъ безумцы или подлецы!

Симонъ содрогнулся и поблѣднѣлъ. То строгимъ приговоромъ, то нѣжными укоризнами полковникъ успѣлъ доказать капитану заблужденіе послѣдняго и довесть его до честнаго слова не драться болѣе. Симонъ совершенно забылъ о чьихъ-то обѣщанныхъ товарищамъ ушахъ. Гонтольтъ отпустилъ его съ миромъ, и остался одинъ на кладбищѣ, гдѣ

еще тамъ и сямъ блуждали въ тѣни вязовъ запоздалые горожане. Два или три раза останавливался онъ передъ домомъ поставщика, откуда глаза его, казалось, съ трудомъ могли оторваться...

Въ изнеможеніи, онъ опустился на скамейку противъ оконъ поставщика... «Я ни о чемъ еще не распрашивалъ, не разузнавалъ... не смѣлъ рѣшиться... Если мнѣ грозитъ несчастіе?...»

Въ минуту, какъ онъ говорилъ это, одна изъ жалузей поднималась медленно, съ остановками, словно слишкомъ слабая рука робко тянула за шнурокъ, и Гонтольтъ увидѣлъ сперва платье женщины, за нимъ улыбающееся личико прелестной дѣвочки и наконецъ черты матери, блѣдной и задумчивой, но красоты необыкновенной. «Гортензія!» страстно прошепталъ Гонтольтъ, невольно протягивая руки къ окну, между-тѣмъ какъ глаза его наполнились слезами...

Дверь дома отворилась, изъ него вышелъ толстый мужчина съ притворно-озабоченнымъ, хлопотливымъ видомъ.—Не смотря на все мое желаніе, говорилъ онъ кому-то, бывшему внутри дома, я не могу всегда думать только о здоровьѣ жены. У меня столько дѣлъ! Я долженъ видѣться съ людьми, наводить справки, заключать торги! Я просто падаю подъ бременемъ моихъ безчисленныхъ занятій!—Произнеся съ одышкою этотъ мнимо-отчаянный монологъ, толстый мужчина затворилъ дверь, безпечно скрестилъ за спиною полныя руки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вдоль площади, какъ человѣкъ, который не знаетъ, на что употребить свои десять пальцевъ. Гонтольтъ смотрѣлъ на него и думалъ: «Руссель поставщикъ! Узнаю его... Онъ не покидалъ города, онъ пріятель семейства Гортензіи... Наконецъ-то я услышу о ней.»

Однакожъ надобно нѣсколько пояснить исторію. Въ 1796 году, до похода въ Египетъ, Гонтольтъ, тогда еще поручикъ, стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ Реннѣ. Г. Кудеркъ, мирный судья и одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ города, принялъ его къ себѣ въ домъ. Онъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая только-что вышла за нѣкоего чиновника Дюбрёля, а младшая едва выходила изъ дѣтскаго возраста. Когда полкъ, въ которомъ служилъ Гонтольтъ, выступилъ изъ Ренна, Гортензіи было уже семнадцать лѣтъ. Они любили другъ друга, и глупенькая дѣвушка почитала себя женою поручика : она вѣрила ему. Прощаясь съ нею, онъ клялся ей въ сотый разъ, что непремѣнно возвратится—даровать ей свое имя и право стоять передъ людьми съ поднятымъ челомъ. И Гонтольтъ, по-истинѣ, не питалъ въ душѣ противнаго намѣренія: обѣтъ его запутался, потерялся въ ураганѣ войнъ и событій, овладѣвшихъ тогда Франціей. Онъ сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ Бонапарте, чтобъ отправиться въ Египетъ; съ Бонапарте покинулъ по-

коренныя пирамиды, и вмѣстѣ съ прочими принималъ въ Парижѣ участіе въ достопамятномъ дѣлѣ 18-го брюмера. Можетъ-быть, Гонтольтъ не разъ писалъ къ своей невѣстѣ, на другой день той или другой изъ битвъ, ознаменовавшихъ славные годы консульства, но достовѣрно, что ни одно изъ писемъ его не дошло по адресу—всѣ пропали! Вотъ Наполеонъ вступилъ на престолъ, и Гонтольтъ нашъ, украшенный уже густыми эполетами, получаетъ въ командованіе 4-й драгунскій полкъ, летитъ въ Бретань — обнять усыновленнаго имъ Симона, завѣщаннаго ему на смертномъ одрѣ отцомъ послѣдняго, бывшимъ его начальникомъ, маіоромъ Симономъ и — прижать къ вѣрной груди своей незабвенную невѣсту. Полковникъ Гонтольтъ, какъ усматривается, немного поздненько возвратился въ Реннъ. Гортензія ждала, пождала его, и ее выдали за поставщика Русселя, очень простодушнаго, непроницательнаго человѣка. Онъ-то, Гонтольтъ, закутанный въ плащъ, бродилъ наканунѣ вокругъ дома мирнаго судьи Кудерка, воображая, что въ теченіе семи лѣтъ ничего не перемѣнилось. Судите же о его разочарованіи когда онъ вдругъ свѣдалъ, что Гортензія навсегда для него утрачена. Все это узнаётъ онъ при встрѣчѣ съ Русселемъ, которую авторъ сдѣлалъ отчасти комическою, въ лицѣ забавнаго поставщика, представляющаго собою ловкое соединеніе Шодореля съ Моненомъ, двухъ дѣйствующихъ лицъ въ извѣстныхъ романахъ Польде-Кока: «Парижскій Цирюльникъ» и «Монфермельская молочница», съ достаточною примѣсью оригинальной личности.

Объясняясь между собою, Гонтольтъ и Руссель впадаютъ въ странное недоразумѣніе, взаимно не угадываютъ другъ въ другѣ соперниковъ. Желая дознаться, что сталось съ Гортензіей, полковникъ, трепещущимъ голосомъ, говоритъ, между прочимъ: «принужденный въ прежнее время къ отъѣзду, я оставилъ въ Реннѣ молодую дѣвушку...»— Безподобно! прерываетъ Руссель. Разскажите мнѣ... мои занятія не мѣшаютъ мнѣ быть удальцомъ, знаете!

— Мои виды были честны, г. Руссель: я хотѣлъ на ней жениться.

— Понимаю... это всегда такъ бываетъ... Только вы не хотите болѣе?...

— Напротивъ, г. Руссель, я за этимъ именно и возвратился ..

— А!... а!... а! .. восклицаетъ поставщикъ. Это дѣло другое... Къ тому-же всегда одинъ конецъ: надобно напослѣдокъ и остепениться! Я самъ, послѣ чрезвычайно буйной молодости, перескочилъ наконецъ ровъ. Чтожъ? и не могу пожаловаться на несчастье... исключая мучительныхъ занятій, которыя изнуряютъ мое здоровье... Жена моя

мила, добра, кротка, послушна... Немного только прихварываетъ... Семейство Кудеркъ вообще слабовато грудью...

Полковникъ содрогается, блѣднѣетъ.

— Я очень боюсь, что бѣдная Гортензія... прибавилъ поставщикъ.

— Гортензія! болѣзненно повторяетъ полковникъ. — Гортензія Кудеркъ?

— А вы этого не знали? .. Правда, по неизвѣстности вашего адреса, мы не могли послать къ вамъ пригласительнаго билета... Да хотя бы и былъ извѣстенъ адресъ,—очень статься можетъ, дѣла, которыми я заваленъ, отвлекли-бы мое вниманіе... Вотъ и теперь, я заболтался здѣсь съ вами, полковникъ... три головы не выдержатъ тяжести моихъ занятій!... До свиданія... я надѣюсь, вы насъ посѣтите...

Полковникъ стоялъ безмолвный и пораженный въ самое сердце... Его домъ! Его жена—Гортензія! судорожно шепталъ онъ, между-тѣмъ, какъ глупый поставщикъ Руссель, зѣвая по сторонамъ, медленно шелъ дальше, не зная, куда идти, какъ убить время, котораго недоставало ему для его безчисленныхъ и тяжелыхъ трудовъ.

Терзаемый угрызеніями, Гонтольтъ машинально дотащился до скамьи и бросился на нее, почти лишенный чувствъ...

Дверь дома поставщика снова отворилась, вышли двѣ женщины. То были Гортензія и г-жа Дюбрёль. Полковникъ узналъ ихъ, увидѣлъ свою бывшую невѣсту — больную, страдающую...

Кладбище совершенно опустѣло, и ночь быстро наступала. Въ тишинѣ-то и полумракѣ ея, безъ свидѣтелей, сёстры хотѣли подышать чистымъ воздухомъ. Гортензія едва передвигала ноги, поддерживаемая г-жею Дюбрёль. Такъ была слаба несчастная...

Гонтольтъ рѣшился предстать ей...

Ну, разумѣется, при этомъ романическомъ свиданіи, не обошлось безъ слезъ, обморока и патетическихъ сценъ, мимоходомъ сказать, не очень искусно веденныхъ авторомъ и «раздирательно» переданныхъ переводчикомъ...

При наступленіи ночи, три лица, съ разныхъ сторонъ, сходились къ прежнему кладбищу целестинцевъ: кто-то, закутанный въ плащъ; другой, въ статскомъ платьѣ, кравшійся какъ воръ, и отчасти на него похожій, потому что это былъ Пейранъ, котораго злое и подлое сердце влекло туда, гдѣ завязывалась непріятная исторія; третій въ щегольскомъ мундирѣ 4-го драгунскаго полка, не кто иной, какъ лихой капитанъ Симонъ, пришедшій за обѣщанными товарищамъ ушами фрачника— такъ хорошо сдерживалъ онъ другое, лучшее обѣщаніе, только-что дан-

ное полковнику! Пустая щекотливость, тщеславіе, ложное понятіе о чести, заставили его предпочесть первое, удалое...

Закутанный въ плащъ скрылся за деревьями, такъ, что Симонъ вовсе его не замѣтилъ; Пейранъ, побродивъ немного, далъ тягу въ кофейню. Молодой капитанъ остался одинъ и посмотрѣлъ на часы. «Никого!» прошепталъ онъ: «ни фрачника, ни товарищей... тѣмъ лучше! Всѣ опоздали...»

Настала-было минута спасительныхъ размышленій, и Симонъ вскорѣ тоже направилъ шаги къ кофейнѣ, гдѣ собрались уже товарищи его, толковавшіе: «Онъ тамъ, онъ бодрствуетъ, онъ сейчасъ прійдетъ къ намъ съ карманами, полными ушей!»

Смущенный Симонъ слышалъ эти слова при входѣ своемъ, и лишь завидѣли дуэлиста, двадцать вопросовъ посыпались на него: «гдѣ же они? Покажите ихъ? Длинны ли? Доставайте-же скорѣе изъ кармана эти прекрасныя уши?»

Растерявшійся Симонъ несвязно объявляетъ, что онъ, по весьма-уважительной причинѣ, перемѣнилъ свои мысли и намѣреніе. Его не слушаютъ, не понимаютъ, не хотятъ слушать и понимать, потому что всѣ порядкомъ навеселѣ. Они шумятъ, потому-что у нихъ шумитъ въ головѣ. Сначала, какъ градомъ, бьютъ его жестокими насмѣшками, ироніей, сарказмами; затѣмъ слышатся выраженія: «неукротимый дуэлистъ! грозный хвастунъ!» Наконецъ, видя, что Симонъ все сноситъ, уступая внутренней борьбѣ, начинаютъ прямо оскорблять его.

— Не помните ли, говоритъ одинъ, какое это животное нарядилось въ шкуру льва?..

— Если дѣло идетъ на басни, подхватываетъ другой, то знаете ли: гора родитъ ..

— Мышь, досказываетъ третій.

— Или мокрую курицу, поясняетъ четвертый.

У бѣднаго юноши становится темно въ глазахъ.

Онъ подымаетъ наконецъ пылающую голову, зубы его сжимаются, и онъ почти шопотомъ произноситъ: кто это сказалъ?

— Вотъ еще? я сказалъ! нагло отвѣчаетъ Брессанъ. Симонъ дѣлаетъ къ нему шагъ.

— Брессанъ, я завидую твоему острому словцу! дерзко восклицаетъ Сентъ-Понсъ.

— И я также!—И я! Всѣ мы завидуемъ! повторяютъ остальные драгуны, по-одиначкѣ и всѣ вмѣстѣ. Они далеко зашли — левъ былъ въ собственной шкурѣ, но одолѣвалъ свою природу, выносилъ добровольно, пока могъ выносить.

Слѣдовать долѣе увѣщаніямъ и наставленіямъ полковника Симонъ не имѣлъ силы: самъ Гонтольтъ далъ-бы ему теперь оружіе въ руки. Блѣдный и дрожащій отъ оскорбленія, гнѣва и неимовѣрныхъ усилій воздержать себя, капитанъ обвелъ мутными глазами храброе собраніе, и между тѣмъ, какъ онъ, казалось, считалъ всѣ эти насмѣшливыя и дерзкія лица, собственное лицо его мало-по-малу принимало спокойное выраженіе; тѣснившій грудь его, тяжелый, глубокій вздохъ вырвался наружу, и оконечностью языка смочилъ онъ пламенныя, запекшіяся губы свои. Красивая, гордая головка его зашевелилась съ короткими локонами бѣлокурыхъ волосъ.

— Довольно! загремѣлъ онъ вдругъ, голосомъ твердымъ и звучнымъ.

Взглядъ его былъ свѣтелъ и страшенъ. Пейранъ спрятался за спиною офицера, стоявшаго дальше другихъ.

— Вамъ нечего будетъ завидовать другъ-другу, нечего, господа! продолжалъ воспрянувшій Симонъ.—Дѣлежъ будетъ между всѣми равный. Мои руки были связаны, но вы, своими великодушными ударами, разорвали узы... Кажется, я долго терпѣлъ!

Нѣкоторымъ изъ драгуновъ сдѣлалось неловко, не потому, чтобъ они не были истинно храбры, но потому, что сцена брала неожиданный оборотъ. Только неисправимые Сентъ-Понсъ и Брессанъ отвѣчали въ одинъ голосъ: «что касается до этого, капитанъ, — вы были очень *терпѣливы?*»

— Прекрасно, возразилъ тотъ: это свидѣтельство мнѣ нужно... Сколько васъ здѣсь, господа... пять, семь, десять... тѣмъ лучше... я вызываю всѣхъ... слышите ли, всѣхъ? И даю вамъ слово, что долго не забудутъ дня пріѣзда капитана Симона!.. Но никто изъ васъ, ручаюсь, не будетъ разсказчикомъ или слушателемъ этой повѣсти!

Пейранъ не считалъ себя болѣе въ безопасности за послѣднимъ драгуномъ, и ускользнулъ на площадь. Благоразуміе совѣтовало ему совершенно удалиться, но, съ другой стороны, зрѣлище обѣщало много любопытнаго, а Пейранъ любилъ мрачныя драмы, въ которыхъ лично и непосредственно онъ не игралъ роли.

Первымъ движеніемъ Сентъ-Понса было принять вызовъ, но Брессанъ остановилъ его словами: «мы не будемъ служить вамъ секундантами. . въ четвертомъ драгунскомъ полку принято за правило не перекрещать оружія съ людьми, неумѣющими платить долговъ... Капитанъ Сентъ-Понсъ! мы позволимъ вамъ драться въ такомъ лишь случаѣ, когда *господинъ* Симонъ исполнитъ данное слово...

— Правда, прошепталъ тотъ съ горькою улыбкой, приподнявшей

углы его рта:—я обѣщалъ вамъ нѣсколько капель крови... но бѣдняги, которому я имѣлъ глупость грозить, нѣтъ здѣсь...

Въ эту минуту дверь поставщика осторожно отворилась, и госпожа Дюбрёль высунула голову, робко озираясь вокругъ. Мужчина, закутанный въ плащъ, вѣроятно, ее видѣвшій и ожидавшій, поспѣшно вышелъ изъ-за деревьевъ и почти побѣжалъ аллеей кладбища. Пейранъ украдкой впорхнулъ въ кофейню, и одною рукою дотрогиваясь до Брессана, а другой указывая на темный силуэтъ незнакомца, приближавшагося къ воротамъ дома Русселева, тихо сказалъ: «вотъ онъ!»

— Вотъ онъ! радостно повторилъ Брессанъ, и обращаясь къ несчастному юношѣ, прибавилъ: теперь, *господинъ* Симонъ, вамъ не остается больше никакой увертки... волокита, котораго уши вы намъ торжественно обѣщали, къ вашимъ услугамъ...

Голова Симона горѣла; онъ не въ состояніи былъ долѣе ни разсуждать, ни сопротивляться, и яростно бросился на закутаннаго въ плащъ, волею-неволею заставилъ его обнажить шпагу. Они бились въ присутствіи вѣтряниковъ, начинавшихъ немного отрезвляться и терять свою безумную веселость. Въ голосѣ притворныхъ выходокъ Симона слышалась грусть, и во всемъ этомъ нелѣпомъ происшествіи чудилось что-то ужасающее. Противники мѣняются ударами, ранятъ другъ-друга; легкіе еще ихъ вопли оглашаютъ тишину ночи и пустыннаго мѣста: слабый крикъ раздается изъ-за опущенной жалузи. Незнакомецъ, въ темнотѣ, прослѣдилъ движеніе шпаги Симоновой; она не встрѣтила стали и вонзилась въ грудь мнимаго волокиты, который, падая, прошепталъ: «неисправимый и жестокій ребенокъ... я тебѣ прощаю»—и въ тоже время раздирающій душу стонъ снова раздался изъза жалузи...

Сердце Симона сжалось въ ледяныхъ тискахъ. Онъ и товарищи его поздно увидѣли свою грубую ошибку: передъ ними лежалъ, неподвижный, ихъ любимый и уважаемый полковникъ.

«Вотъ штука-то!» думалъ Пейранъ, надувая щеки—«вотъ кто волочился за госпожею Руссель?!»

Горесть и отчаяніе Симона были неизобразимы; онъ рвалъ на себѣ волосы, билъ себя въ грудь; на шпагѣ его съыла кровь поверженнаго имъ благодѣтеля его. Онъ схватилъ ее обѣими руками, неистово переломилъ на колѣнѣ и бросилъ обломки на землю... «Я самъ накажу себя... я больше не воинъ.. рука моя никогда не коснется оружія, даже для защиты моей поруганной чести!»

Мрачно произнеся эту клятву надъ тѣломъ втораго отца своего, Си-

монъ внезапно исчезъ, и потомъ нигдѣ не могли его отыскать. Онъ пропалъ безъ вѣсти.

«Полковникъ Гонтольтъ! убитъ?» кричалъ толстякъ Руссель, вышедшій на шумъ и суетню изъ дому. — «Позвольте, позвольте пройти, господа!» продолжалъ онъ, продираясь сквозь собравшуюся толпу офицеровъ и солдатъ... «Я зналъ его поручикомъ... Несчастный! Но я самъ теперь подъ бременемъ испытанія, и не имѣй я силы моего характера, я не въ состояніи былъ бы перенесть печали!.. Жена моя, во время этой страшной сцены, сидѣла у окна, и ее поразило какъ громомъ... Она умираетъ... докторъ не надѣется... Кстати (примолвилъ онъ совершенно спокойно), знаете ли причину случившагося?.. Еще сегодня вечеромъ покойный полковникъ разсказывалъ мнѣ любопытнѣйшія подробности (лжетъ, не краснѣя и не заикаясь) своихъ похожденій. Этого рода дѣлишки всегда кончаются худо!.. *Я*, проведшій самую буйную молодость и не разъ счастливо выпутывавшійся, *я* могу это сказать!»

Гонтольта положили на носилки, и въ ту минуту, какъ траурное шествіе направлялось къ жилищу полковника, бѣлая тѣнь мелькнула межлу деревьевъ кладбища и опустилась на мѣстѣ, омоченномъ кровью, невинно пролитою бѣжавшимъ Симономъ... Спустя нѣсколько, встревоженная госпожа Дюбрёль вышла изъ дому, громко призывая сестру. Никто не отвѣчалъ ей въ мракѣ ночи, въ пустынныхъ аллеяхъ бывшаго кладбища, но на землѣ его лежала новая жертва, новая добыча могилы: среди черной полосы мрака бѣлѣлось платье Гортензіи, и складками его вѣялъ свѣжій вѣтерокъ ночной. Утомленный обременительными занятіями, поставщикъ Руссель предавался крѣпкому и сладкому сну...

Таково, въ сокращеніи, содержаніе первыхъ 113-ти страницъ первой части. Въ концѣ ея и въ двухъ остальныхъ частяхъ содержится почти другая повѣсть, хотя и съ главными дѣйствующими лицами пролога. Она очень многосложна, неудобна къ извлеченію, и потому мы разскажемъ ее сколько возможно короче...

Прошло девять лѣтъ. Всѣ молодые безумцы, присутствовавшіе на катастрофѣ празднованія дня пріѣзда Симона въ Ренъ, нашли на поляхъ безконечныхъ битвъ временъ имперіи густые эполеты или смерть.

Французскіе повѣствователи всюду, кстати и некстати, притыкаютъ свою славу и никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобъ, въ безчисленный разъ, не потолковать о своемъ героѣ Маренго, Іены и Ваграма, который съ своими знаменитыми походами понадобился въ настоящемъ случаѣ лишь за тѣмъ, что, въ дальнѣйшей исторіи «Капитана Симона», является на сцену дивизіонный генералъ послѣдняго времени

имперіи, нѣкоторый баронъ Репненъ, украшенный сѣдинами и красною лентою почетнаго легіона,..

Изъ улицы св. Франциска и площадки Ренна, у преждебывшаго кладбища целестинцевъ, перенеситесь воображеніемъ въ парижскую улицу Маре, въ одинъ изъ великолѣпныхъ отелей Вогезской или Королевской площади, обитаемый «заслуженнымъ старымъ воиномъ», какъ титуловалъ себя преждебывшій поставщикъ Руссель, отдыхая на лаврахъ послѣ многочисленныхъ и утомительныхъ трудовъ своей «боевой» жизни. Онъ носилъ усы съ просѣдью, выдавая себя за лихаго нѣкогда кавалериста, и, хотя не безъ тяжкихъ усилій, застегивалъ на огромной выпуклости своего широкаго живота солдатскую шинель; у него была мнимая «аустерлицкая трубка», изъ которой онъ курилъ такъ много, что нажилъ мигрень. Стараясь усвоить себѣ привычки ветерана, онъ безпрестанно хватался то за шею, какъ будто-бы на ней висѣлъ значокъ, то за лѣвый бокъ, мечтательно бременимый саблею, или прибѣгалъ къ какому-нибудь другому искусственному военному движенію; былъ неописанно счастливъ, когда слышалъ, какъ уличные мальчишки, смѣясь, кричали вслѣдъ ему: «вотъ старый служивый, у котораго не пересохло въ горлѣ!» и въ заключеніе велѣлъ себя нарисовать въ подполковничьемъ мундирѣ, съ крестомъ почетнаго легіона на груди, съ-роду не бившейся подъ пулями.

Г-жа Дюбрёль по-прежнему живетъ въ домѣ Русселя, и, правду сказать, ворочаетъ и домомъ, и самимъ Русселемъ, не позволяя ему слишкомъ завираться о томъ глубокомъ уваженіи, которымъ пользуется онъ, «*старый воинъ*». Въ такихъ случаяхъ между ними обыкновенно происходитъ перемолвка, въ родѣ слѣдующей: «Э, сударь! разсказывайте другимъ: я васъ знала поставщикомъ!»—Это все одно и тоже, сестрица; развѣ я не слѣдовалъ за арміей? — «Издали!» — Я ее одѣвалъ. — «Довольно плохо!» - Я служилъ отечеству. — «Оно вамъ щедро платило!»—Я рисковалъ... — «Не жизнью, и даже не капиталомъ вашимъ, потому что вы его удесятерили!»

Изъ малютки Луизы вышла пребойкая, преловкая плутовочка. Она водитъ за носъ тетку, отца и всѣхъ, чей носъ не-во́-время попадается ей навстрѣчу. Она теперь дѣвушка взрослая, до такой степени совершеннолѣтняя, что влюблена уже, именно въ живописца, изобразившаго ея родителя въ подполковничьемъ мундирѣ. Этотъ художникъ, Эдуардъ, разумѣется, бѣденъ, но благороденъ и прекрасенъ. У него богатый соперникъ—Пейранъ *де-ла-Реоль*, бывшій прикащикъ Русселя, а нынѣ самъ поставщикъ, франтъ на-пропалую, но трусишка и низенькій человѣчекъ по-прежнему, даже больше чѣмъ прежде. Бываютъ однакоже

*

случаи, когда онъ являетъ необъяснимую храбрость, дерзко нападая на безоружнаго и громогласно торжествуя побѣду. Такъ онъ, на балѣ у своего прежняго хозяина, пользуясь обстоятельствами, даетъ пощечину несчастному художнику, который ни малѣйше не защищается, потому-что далъ обѣтъ кротости, и хранитъ его ненарушимо. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительномъ торжествѣ, въ окончательномъ выигрышѣ остается не Пейранъ, а именно сей смущенный художникъ, потому-что этотъ мнимый Эдуардъ былъ не кто иной, какъ нашъ старый знакомецъ, капитанъ Симонъ. Много лѣтъ странствовалъ онъ по бѣлу свѣту, былъ на Мадагаскарѣ, Иль-де Франсѣ, въ Бенгаліи, тщетно отыскивая утѣшенія въ ненамѣренномъ убійствѣ благодѣтеля, между тѣмъ какъ его, Симона, въ свою очередь, неутомимо отыскивалъ генералъ баронъ Реппенъ, иначе Гонтольтъ, который на самомъ дѣлѣ не былъ убитъ въ Ренне, а только раненъ. Отыскавъ своего возлюбленнаго пріемыша, генералъ приводитъ къ успѣшному окончанію давнишнее желаніе свое — соединить Симона съ Луизою, которые, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, соединились бы, по крайнему взаимному расположенію къ тому... въ критическомъ казусѣ, Луиза уже собиралась бѣжать съ Симономъ, но счастливое сочетаніе случайностей, устроивъ все какъ нельзя лучше, устранило необходимость этого романическаго бѣгства...

Сказка! порѣшите вы. Такъ точно; но отъ этой сказки, мѣстами неправдоподобной, уродливой, и вообще лишенной художественной обработки, вы не оторветесь, пока не дочитаете до конца, благодаря легкости разсказа, живости и комизму многихъ сценъ, въ которыхъ дѣйствуетъ оригиналъ Руссель. Въ характерѣ его не обошлось, какъ и во всемъ романѣ, безъ преувеличеній и натяжекъ, но, въ главныхъ чертахъ, это портретъ интересный, каррикатура, можетъ быть, достойная Гогарта. Забавнѣйшая глупость, безстыдное хвастовство, совершенное отсутствіе чувства и сознательности въ поступкахъ со стороны Русселя, пониманіе своихъ черненькихъ поступковъ и все-таки влеченіе къ нимъ со стороны Пейрана — составляютъ довольно любопытныя и назидательныя психологическія данныя; а за ловкое изображеніе, въ надлежащемъ видѣ, мнимаго молодечества, заносчивости и задора, которыми, въ старыя времена, хвалились обидчики и бретёры, можно даже поблагодарить автора. Въ одномъ мѣстѣ романа, онъ прямо высказываетъ мысль свою на этотъ счетъ, именно послѣ того, какъ Симонъ, вѣрный до смѣшнаго и лишняго своему обѣту, съ непонятнымъ терпѣніетъ и странною уступчивостью, переноситъ тяжкую обиду, нанесенную ему презрительнымъ Пейраномъ... «Строго и въ наше время осудитъ общество всякаго, кто, подобно капитану Симону, невозразимо и безмолвно, пере-

несетъ публичное поруганіе: но зато въ наше время не будетъ торжествовать и наглый обидчикъ — мы, по-крайней-мѣрѣ, выиграли это! Нынѣ грубому и дерзкому оскорбленію обыкновенно бываетъ достойнымъ возмездіемъ — всеобщее осужденіе и порицаніе» *. Справедливо: храбрые герои трактировъ и эксцентрическихъ пикниковъ въ глуши загородья, съ своими раздутыми отъ перепоя лицами и осипшими горлами, не смѣютъ показаться даже въ самомъ посредственномъ обществѣ, гдѣ приличіе, вѣжливость, скромность давно уже стали непремѣннымъ условіемъ, за нарушеніе котораго немедленно выводятъ вонъ и впередъ не пускаютъ. Только, кажется, и авторъ ошибается отчасти, приписывая временамъ первой имперіи во Франціи особенную наклонность къ рукопашному молодечеству и поединкамъ. Наполеонъ любилъ войну, но не терпѣлъ дуэлистовъ, забіякъ, и строго ихъ наказывалъ...

Что касается перевода, трудно представить себѣ небрежность и неправильность въ бо́льшей степени. Судите сами. *Часть I*... «голова ,) опрокинутая назадъ и *опершись* рукою на ефесъ шпаги» (стран. 19). «Прошу извинить *меня этого* господина» (21). «Вы, за мной наблюдавшіе, *слѣдовавшіе мнѣ*» (30) — то-есть, слѣдившіе за мною. — Руссель погладилъ *съ* довольнымъ видомъ свои усы *съ* исторической ухваткой старыхъ солдатъ имперіи» (142). — *Часть II*. — «Пейранъ *взбрыкиваетъ*» (14). — «*Это этотъ* ненавистный Пейранъ!» (39) — «Еслы вы хотите быть *полезну* Луизѣ? — Если я хочу быть ей *полезну!*» (69) — «Сегодня утромъ, *выходя* изъ морскаго министерства, моя *голова* была полна воспоминаній» и проч. (72). — «Деревья въ *цвѣту* красовались въ своемъ пышномъ *цвѣтѣ*» (86). — «Госпожа Дюбрёль, повеселѣвшая отъ пріѣзда генерала, *имѣла*, подъ своимъ большимъ токомъ, *какъ отблескъ молодости*» (89). — «Сборщикъ податей Дешармиль составилъ себѣ имя *кройкой* своихъ панталонъ и жилетовъ» (91). *Кройка*, вмѣсто покрой! — А вотъ цѣлый, отдѣльный періодецъ: «Взоры всѣхъ устремлены были на Пейрана, у котораго холодный потъ выступалъ подъ волосами, *и сидѣвшій одинъ за столомъ*» (120). — *Часть III*. — «Но всѣ забытые имъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ и *которыхъ* бѣлокурыя, улыбающіяся головки» и проч. (58). — То былъ *воинъ, офицеръ* съ видомъ мужественнымъ, лицомъ открытымъ и гордымъ, *носившаго* еще только эполеты пору-

* Переводчикъ мѣсто это передалъ такъ: «Вѣроятно, человѣкъ, который *будетъ* себя вести въ обществѣ въ наши дни, *какъ* капитанъ Симонъ, *будетъ* осужденъ съ тою-же строгостью. Только не будетъ *праздничать* и давшій пощечины, потому-что мы выиграли по-крайней-мѣрѣ *это, что* грубое и дерзкое оскорбленіе заслужило всеобщее порицаніе» (часть III, стран. 8-я).

чика, но *показавшагося* Симону величавѣй главнокомандующаго арміей» (58—59). — «Едва прошло минутъ десять *какъ* Симонъ вышелъ вслѣдъ за Луизой изъ своего дома, *какъ* пожилой мужчина, (запятая) съ сѣдыми усами явился къ привратнику» (95). — «Генералъ, отвѣчала Луиза, потупивъ глаза, *но которая* не умѣла солгать» (101).— «Два свидѣтеля будущаго дѣла чести открывали ротъ, чтобы отвѣчать утвердительно, *когда* Францъ, воспользовавшись минутой, *когда* Руссель стоялъ къ нему спиною, высунулся по-поясъ въ комнату и *соединилъ умоляющія двѣ руки*» (131—132).

Такъ или почти такъ переведенъ весь романъ. Да, если судить по переводу, Поль-Феваль пишетъ изъ рукъ вонъ плохо!..

—

Руководство къ распознаванію, леченію и предохраненію себя *отъ* болѣзней, происходящихъ *отъ* умственныхъ занятій и сидячей жизни, составленное для образованнаго класса людей. Соч. Х. Иноевса, старшаго ординатора Обуховской градской больницы, штабъ-лекаря, члена разныхъ ученыхъ обществъ, надворнаго совѣтника и кавалера. С.-Петербургъ, 1853 г. Въ типографіи А. Дмитріева. Въ 12-ю д. л. 8, XI, 428 и XVI стран. *.

Руководство къ исцѣленію болѣзней, происходящихъ *отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни*... это для васъ, скромные, благородные труженики службы, науки и литературы; для васъ, гг. журналисты и сотрудники журналовъ, нерѣдко проводящіе за письменнымъ столомъ отъ десяти до двѣнадцати часовъ въ сутки! Къ вамъ-то, дѣятельно, неутомимо и спѣшно работающимъ на срокъ къ вамъ-то проникся искреннѣйшимъ участіемъ почтенный г. Иноевсъ, — васъ-то хочетъ онъ спасти... чтобъ вы слишкомъ не записались, не заумствовались и не кончили «сиднемъ» своего короткаго вѣка, съ «судорожнымъ *сокращеніемъ* пальцевъ», болѣзнью, какъ значится въ разсматриваемой книгѣ, весьма обыкновенною «у занимающихся продолжительнымъ письмомъ».

Авторъ — классикъ, и строго держится старинныхъ преданій, не въ отношеніи къ наукѣ врачебной, за которою слѣдитъ въ новѣйшемъ ея развитіи, а въ отношеніи къ внѣшности своего добросовѣстнаго произведенія: подробное заглавіе, исчисленіе всѣхъ званій и титуловъ со-

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и у книгопродавца П. А. Ратькова: 2 р., съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер.

чинителя, и наконецъ отчетливое предисловіе, — все это какъ нельзя болѣе обстоятельно и удовлетворительно. Въ предисловіи объясняется, между прочимъ, цѣль и составъ книги. — «Сочиненіе мое», говоритъ авторъ, «назначено вообще для всѣхъ, занимающихся дѣлами, требующими продолжительнаго напряженія умственныхъ способностей, при сидячей жизни: именно для людей государственныхъ, ученыхъ, художниковъ, чиновниковъ, негоціантовъ, занимающихся торговыми соображеніями и тому подобн. При продолжительныхъ, неумѣренныхъ умственныхъ занятіяхъ и сидячей жизни, какъ и въ началѣ многихъ другихъ болѣзней, прежде всего появляется разстройство чувствованія и движенія — принадлежностей нервной и мышечной системъ. Оно обнаруживается разными болѣзненными припадками. По этой причинѣ, въ I-й главѣ я описалъ, въ видѣ введенія, важность упомянутыхъ жизненныхъ явленій для человѣка; во II-й *кидаю* общій взглядъ на физіологическое дѣйствіе дѣятельнаго упражненія мышечной системы на здоровье человѣка, а въ III-й описываю физіолого-паталогическія явленія, зависящія отъ недѣятельнаго состоянія этой системы. Если мы обратимъ вниманіе на болѣзни, развивающіяся у людей, преданныхъ продолжительнымъ умственнымъ занятіямъ и ведущихъ сидячую жизнь, то увидимъ, что всѣ онѣ имѣютъ начало въ напряженіи или угнетеніи нервной системы и въ недѣятельности системы мышечной, отчего разстраивается гармонія между этими системами, при возстановленіи которой уничтожаются и самыя болѣзни, если только онѣ не достигли еще до неизлечимой или опасной степени. Въ VI-й я старался изложить эти болѣзни по системамъ и органамъ, ими пораженнымъ, и по характеру ихъ. Для врачей эта глава покажется краткою и неудовлетворительною: но для образованныхъ не-врачей, для которыхъ собственно назначается эта книга, по моему мнѣнію, она будетъ достаточна и удобопонятна, такъ, что, зная причину своихъ болѣзней, они очень хорошо могутъ угадать, что припадки, описанные въ той главѣ, суть явленія болѣзненнаго ихъ состоянія (о, безъ сомнѣнія: припадки — суть болѣзненныя явленія!) Въ X, XI, XII, XIII главахъ я изложилъ леченіе, раздѣливъ оное вообще на гигіеническое и собственно врачебное. Руководствуясь своею цѣлію, что это сочиненіе написано преимущественно для не-врачей, я старался изложить гигіеническое леченіе сколь возможно подробнѣе и соотвѣтственно нашему сѣверному холодному климату, имѣя въ виду, что благоразумное употребленіе правилъ гигіены можетъ предотвращать каждую изъ описанныхъ здѣсь болѣзней, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже развивающуюся болѣзнь. О врачебномъ леченіи я даю только общія понятія, необходимыя страждущему при отсутствіи врача. Это леченіе изложено по характеру болѣз-

ней и по системамъ и органамъ, ими пораженнымъ. Между тѣмъ я позволилъ себѣ войти нѣсколько въ изложеніе нѣкоторыхъ врачебныхъ средствъ, весьма полезныхъ и по бо́льшей части *извѣстныхъ* образованному классу людей» (стран. VIII—XI).

Разумѣется, книга такого рода, какъ сознается и самъ авторъ (см. стран. VI и VII того же предисловія), не легко составляется по однимъ наблюденіямъ и выводамъ лица, ее издающаго — необходимо руководство и пособіе другихъ писателей, въ слѣдствіе чего г. Иноевсъ откровенно объявляетъ, что онъ, при составленіи своего полезнаго творенія, пользовался «преимущественно книгами Reveille-Parisse, Physiologie et Hygiène des hommes livrés aux travaux de l'esprit и Michel Lévy, traité d'Hygiène publique et privée, не чуждаясь, конечно, собственнаго критическаго взгляда, личной опытности и знанія, пріобрѣтенныхъ въ продолженіе своей «многолѣтней госпитальной и приватной практики... Слѣдя безпрерывно за жизнью такихъ лицъ, продолжаетъ сочинитель, постоянно занимаясь чтеніемъ біографій ученыхъ и кабинетныхъ людей, и наблюдая за ходомъ, происхожденіемъ и причинами болѣзней, преимущественно ихъ угнетающихъ, я предпринялъ предлагаемое сочиненіе съ цѣлію по возможности оказать этому благородному и полезнѣйшему классу людей посильную услугу, и тѣмъ принести мою лепту въ сокровищницу общей пользы» (V). — Нельзя не сказать добраго спасиба почтенному автору за такую симпатію его къ классу людей, посвящающему всю жизнь свою тяжелому труду умственному.

Подробное, систематическое разсмотрѣніе книги г. Иноевса потребовало-бы слишкомъ много времени и мѣста, а все-таки вполнѣ и окончательно не познакомило бы съ нею читателя, который, для подобнаго знакомства, пріятнаго и полезнаго, долженъ обратиться къ ней непосредственно, изучить ее основательно и постепенно, чего она вполнѣ заслуживаетъ. Важнымъ и чрезвычайно удобнымъ пособіемъ для такого ея изученія, равно для немедленнаго отысканія желаемаго, служитъ находящееся въ концѣ книги подробное оглавленіе, или исчисленіе всѣхъ предметовъ и частностей, вошедшихъ въ ея составъ. Укажемъ если не на главнѣйшее, то, по крайней мѣрѣ, прежде всего бросающееся въ глаза, подстрекающее любопытство. Таковы, напримѣръ, статьи (всѣ онѣ въ тѣсной, послѣдовательной связи съ предъидущимъ и дальнѣйшимъ) о движеніи, пищѣ и питьѣ, снѣ и его условіяхъ, уединеніи, страстяхъ моральныхъ и умственныхъ болѣзняхъ (меланхолія, мономанія, ипохондрія), причинахъ долговѣчности нѣкоторыхъ знаменитыхъ ученыхъ и писателей, о дачной жизни, чистотѣ тѣла, баняхъ, ваннѣ, одеждѣ и тому подобн. Статья о страстяхъ моральныхъ такъ занимательна и

поучительна, что нельзя не привести ее почти цѣликомъ (стран. 60—69).

«Моральныя страсти. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ нерѣдко причину болѣзней, происходящихъ отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни. Нѣтъ ни одного человѣка на свѣтѣ безъ страстей; но вся важность и благорзсуміе состоитъ въ томъ, чтобы умѣть обуздать и покорить ихъ благоразумнымъ доводамъ здраваго разсудка.

«Тщеславіе въ особенности часто составляетъ причину болѣзней. Тщеславнымъ человѣкомъ мы называемъ того, который желаетъ по наружности показаться такимъ, каковымъ онъ никогда не можетъ быть; напримѣръ, часто счастливое дитя фортуны случайно достигаетъ большаго богатства, высокихъ чиновъ и даже знатности. По своему самолюбію, онъ приписываетъ пріобрѣтеніе всего этого своимъ индивидуальнымъ отличнымъ способностямъ и желаетъ, даже иногда требуетъ, чтобы люди прославляли его какъ благотворительнаго ученаго, или вообще талантливаго и необыкновеннаго человѣка. Между тѣмъ, онъ вовсе не имѣетъ ни къ чему ни внутренняго стремленія, ни призванія, ни таланта; а благоразумный человѣкъ замѣчаетъ въ немъ что-то похожее на принужденность, ненатуральность и скрытность. Напримѣръ, тщеславный человѣкъ въ присутствіи другихъ дѣлаетъ благодѣяніе, или даетъ милостыню нищимъ и проч., для того, чтобы прославляли его какъ благотворительнаго человѣка; между тѣмъ въ душѣ своей онъ жаденъ, сожалѣетъ даже о подобныхъ своихъ пожертвованіяхъ, и по истинѣ, готовъ, по внутреннему душевному своему стремленію, отнять и послѣднюю рубашку у другаго несчастнаго; но когда вельможа, приближенный къ Престолу, или уважаемый въ обществѣ человѣкъ рекомендуетъ ему сотворить какое-либо благотворительное дѣло, онъ принимается за него съ жадностію и гордостію, для того только, чтобы прославить себя предъ свѣтомъ. Подобными тщеславными людьми всегда наполненъ бѣлый свѣтъ! Прочіе же люди хотя и понимаютъ притворныя ихъ чувства, но имъ до этого нѣтъ дѣла. Они знаютъ только то, что кѣмъ бы то ни было, а доброе дѣло должно быть сотворено человѣчеству. Такіе случаи льстятъ только самолюбію подобнаго благодѣтеля и не причиняютъ его здоровью никакого вреда; но случается часто, что неталантливый и неспособный человѣкъ, писатель ли онъ, или поэтъ, литераторъ, или артистъ, или даже кабинетный человѣкъ, который по случайнымъ только обстоятельствамъ предался какому-либо роду занятій, или избранъ къ исполненію важной государственной должности, но въ сущности чуждый всякихъ ученыхъ артистическихъ, или дипломатическихъ познаній и не одаренный необходимыми для его занятія способностями, изъ тщеславія, трудится день и ночь, лишаетъ себя сна, чтобы сочинить по-крайней-мѣрѣ полстраницы, или нѣсколько строчекъ стиховъ, или нѣсколько тактовъ нотъ, или наконецъ какую либо краткую государственную бумагу, которыя, подобно произведеніямъ великихъ умовъ, выказали бы, по его мнѣнію, высокіе и неподражаемые его таланты; между тѣмъ всѣ эти труды въ глазахъ умныхъ

и опытныхъ людей не имѣютъ никакой цѣны, и возбуждаютъ одно сожалѣніе. Если же между окружающими его найдутся, къ несчастію, люди, понимающіе его слабость, и изъ лести начнутъ громко прославлять его труды, какъ необыкновенныя произведенія великаго ума, тогда этотъ тщеславный удвоиваетъ свои старанія и напрягаетъ всѣ свои умственныя и физическія силы, чтобы продолжать свои занятія, для большей славы, и такимъ образомъ, продолжая день и ночь усердно заниматься, начинаетъ мало-по-малу портить свое здоровье и дѣлается такимъ слабымъ и хилымъ, каковы бываютъ всѣ преданные продолжительнымъ умственнымъ занятіямъ.

«**Самолюбіе** во многихъ случаяхъ есть одно изъ благороднѣйшихъ душевныхъ качествъ человѣка, именно: когда оно возбуждено съ благородною цѣлію не допускать насъ до какихъ-либо низкихъ и предосудительныхъ пороковъ, могущихъ помрачить имя человѣка; но нерѣдко оно причисляется и къ моральнымъ порокамъ. Когда самолюбивый человѣкъ видитъ достоинства и полезныя умственныя произведенія другаго, превосходящія по совершенству своему его усилія, тогда онъ старается помрачить таланты такого человѣка, съ которымъ онъ вовсе не можетъ сравниться; это возбуждаетъ въ немъ злую зависть и месть, которыя волнуютъ и помрачаютъ благородныя качества его души, и понуждаютъ заблужденный разсудокъ вступить въ низкую полемику съ цѣлію унизить достоинство другаго, а себя возвысить и прославить. Съ этою цѣлію сочиняются замысловатыя и несправедливыя критики и гнусные пасквили на достойныхъ людей, требующіе продолжительнаго бдѣнія и сидѣнія на одномъ мѣстѣ, пока не истощится и не изложится на бумагѣ злой ядъ, отравляющій благороднѣшія чувства добродѣтельнаго и талантливаго человѣка. Въ этомъ и подобныхъ другихъ отношеніяхъ, порочное самолюбіе даетъ начало многимъ болѣзнямъ людей, преданныхъ умственнымъ занятіямъ.

«**Зависть** всегда бываетъ гнуснымъ порокомъ. Когда завидуютъ человѣку добродѣтельному, благотворительному, человѣку трудящемуся и добывающему насущное свое пропитаніе въ потѣ своего лица, и наконецъ человѣку полезному во всѣхъ отношеніяхъ и стараются подражать ему во всемъ хорошемъ, тогда эта моральная страсть похожа болѣе на соревнованіе. Но если зависть сопровождается желаніемъ вредить, порочить, преслѣдовать другаго, или мстить ему за то, что онъ гораздо лучше завистливаго человѣка, или сочиненія и дѣла перваго славятся по своему превосходству болѣе, нежели послѣдняго, или тотъ не желаетъ слѣдовать совѣтамъ и исполнять капризы этого, и прочее, тогда зависть есть презрѣнный порокъ, дѣлающій безчестіе роду человѣческому. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ много примѣровъ, доказывающихъ, что завистливый писатель, поэтъ, литераторъ и проч. или проводитъ цѣлую свою жизнь и трудится для поддержанія литературной полемики, возникшей между нимъ и другими его собратіями, пишетъ разныя неосновательныя, замысловатыя статьи, или пасквили, единственно для униженія достоинства и для обиды другаго, съ цѣлію выставить только себя, какъ достойнаго и умнѣйшаго человѣка; или

напротивъ того, завидуя лаврамъ другаго, самъ старается получить такіе же; для чего ревностно трудится, пишетъ и проводитъ цѣлыя ночи въ бдѣніи, трудахъ, глубокихъ умственныхъ размышленіяхъ и въ составленіи умственныхъ своихъ произведеній. Такое продолжительное напряженіе жизненныхъ силъ мозговой системы, растревоженной и обуреваемой сверхъ того завистію, можетъ очень легко быть источникомъ многихъ болѣзней.

«Месть есть послѣдствіе оскорбленнаго самолюбія; она иногда преобладаетъ къ сожалѣнію надъ благородными душевными качествами самыхъ лучшихъ людей на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и преданныхъ продолжительнымъ умственнымъ занятіямъ. Ученые люди, писатели, поэты, артисты, и даже кабинетные люди, одаренные высшими и благороднѣйшими качествами спокойной и невинной души, нерѣдко бываютъ принуждены оправдывать себя противъ несправедливой критики, гнуснаго пасквиля и клеветы вреднаго, недоброжелательнаго и завистливаго человѣка. Тогда они принимаются за перо, и не щадя своего здоровья, безъ того уже разстроеннаго обыкновенными умственными занятіями, проводятъ много ночей сряду надъ бумагою, чтобы изложить свои оправданія, конечно не безъ нѣкоторой ядовитости для противниковъ. Сократъ, узнавъ, что въ одной изъ Аристофановыхъ комедій онъ представляется въ смѣшной критической сценѣ, пошелъ въ театръ посмотрѣть и посмѣяться. Но когда онъ замѣтилъ, что во время представленія многіе не знали его и спрашивали: кто такой Сократъ и гдѣ? тогда онъ всталъ на мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ, и обращался на всѣ стороны къ народу, желая этимъ показать, что онъ, какъ человѣкъ, можетъ очень легко подвергаться критикѣ другихъ людей.»

Съ этими замѣчательными разсужденіями имѣетъ близкую связь еще одно назидательное мѣсто въ концѣ книги (стран. 329—331), гдѣ авторъ говоритъ о людяхъ, преданныхъ продолжительнымъ умственнымъ занятіямъ, и разсматриваетъ какія именно душевныя страсти угнетаютъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ и проч.

При тщательномъ наблюденіи видимъ, что вслѣдствіе большаго самолюбія, они сильно жаждутъ похвалъ и славы. Reveille-Parisse говоритъ, что раздоры, споры, ненависть, соперничество, низость, даже преступленія, очернившія жизнь нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей, имѣютъ свое начало преимущественно въ похвалахъ. Они жертвуютъ всѣмъ: здоровьемъ, жизнью, иногда и дружбою, даже честью и добродѣтелью, для этого горькаго тщеславія, заставляющаго многихъ проливать слезы. Отъ этой страсти происходятъ еще два моральные порока, именно: ненависть и зависть. Кромѣ того люди, преданные умственнымъ занятіямъ, могутъ быть, подобно другимъ, угнетаемы и прочими душевными страстями. Между тѣмъ есть много примѣровъ, что самые достойные люди не могли преодолѣть себя отъ этой слабости, употребляли всѣ свои таланты, какъ мстительное и убійственное орудіе своихъ страстей, и жертвовали своими божественными дарами этимъ гнуснымъ порокамъ,

вступая въ неумолкаемую литературную полемику съ своими собратіями и задушевными друзьями, какъ съ непримиримыми врагами. Бэконъ, Боссю, Корнель, Флорентинъ и многіе другіе ученые и знаменитые люди служатъ этому примѣромъ. Не надобно однако думать, чтобы всѣ геніальные и ученые люди и артисты имѣли, при великомъ своемъ умѣ, такую испорченную нравственность и душу, очерненную гнусными душевными страстями, низкимъ мщеніемъ и ненавистью къ своимъ противникамъ; нѣтъ, есть много такихъ, которые съ благоразумною и благородною скромностію стараются быть снисходительными къ безчеловѣчнымъ дѣйствіямъ вредныхъ, вздорныхъ и безпокойныхъ людей, и на ихъ клевету и преслѣдованія не обращаютъ вниманія. Они постоянно показываютъ твердое намѣреніе и врожденную склонность къ добру, и трудятся день и ночь съ усердіемъ и самоотверженіемъ въ пользу человѣчества и для усовершенствованія его познаній. Невозможно допустить, чтобы высшія умственныя и душевныя качества имѣли склонность къ пороку. Великая душа, высокій и правдивый умъ слѣдуютъ всегда пріобрѣтенному имъ-же самимъ полезному и истинному ученію.

Вообще, справедливость требуетъ прибавить, книга г. Иноевса, не упуская изъ вида собственно медицинской или врачебной стороны, изобильна нравоучительными замѣчаніями, дѣлающими честь его перу и сердцу. Любопытны и многіе примѣры. — «Исторія намъ показываетъ, продолжаетъ авторъ, что многіе изъ ученыхъ и государственныхъ людей, при кабинетныхъ своихъ занятіяхъ, были поражены апоплексическимъ ударомъ», и называютъ при этомъ: Петрарка, Коперника, Мальпига, Линнея, Мармонтеля, Спаланцани, Кабаниса, Корвизара, Вальтеръ-Скотта. — «По словамъ Тиссона, «одинъ публичный берлинскій профессоръ въ цвѣтѣ лѣтъ потерялъ разумъ отъ неусыпнаго прилежанія. При этомъ случаѣ вспомнимъ послѣдніе дни извѣстнаго нашего Гоголя: до какого умственнаго разстройства онъ достигъ отъ чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ способностей при *ученыхъ* (?) своихъ занятіяхъ!» (Стран. 111—112.) Намъ кажется, что эта ссылка на покойнаго Гоголя не совсѣмъ удачна, по крайней мѣрѣ далеко не удовлетворительна, какъ требующая ближайшаго поясненія... Бойтесь, гг. пишущіе и чахотки. — «Леви говоритъ, что изъ числа *занимающихся сидя* (чѣмъ? не преферансомъ ли, между прочимъ?) на 1000 умершихъ считаютъ 141 чахоточнаго» (стран. 118). Бойтесь и каменной болѣзни въ почкахъ, которою страдали Эразмъ, Лютеръ, Бюффонъ, Франклинъ, Морганьи, Ньютонъ и многіе другіе ученые. Сивіяль, въ своемъ сочиненіи «Traité de l'affection calculeuse» показываетъ, что изъ 148 подобныхъ больныхъ болѣе 50 принадлежали къ *сидячему* классу (стран. 126—127). Остерегайтесь, какъ дѣлалъ Боссюэтъ, заниматься въ холодной комнатѣ, тепло покрывая голову, и не подражай-

те великому поэту, но плохому лекарю—Шиллеру, который, во время работы, имѣлъ дурную привычку держать свои ноги во льду. Въ заключеніе, загляните въ статистическую таблицу Каспара, по мнѣнію котораго, изъ ста человѣкъ до 70 лѣтъ достигаютъ: 42 богослова, 29 адвокатовъ, 28 артистовъ и 24 медика. Англійскій писатель Модденъ, сравнивая жизнь извѣстныхъ людей, выводитъ, что средняя пропорція жизни для натуралистовъ 75 лѣтъ, для философовъ, скульпторовъ и живописцевъ 70, для юристовъ 69, для медиковъ (много бодрствующихъ) только 67 (см. стран. 154) Что касается до литераторовъ, то, желая пожить долѣе, они должны меньше сочинять несправедливыхъ критикъ, лучше ладить между собою и думать не столько о *количествѣ* печатныхъ листовъ, опредѣляющемъ мѣру вознагражденія, сколько о *качествѣ* ихъ и соразмѣрности труда съ физическими и моральными силами... Позвольте, напослѣдокъ, одному изъ скромныхъ тружениковъ, пишущему эти невинныя строки, подѣлиться съ *сидячею* братьей коротенькими правилами, почерпнутыми не со дна книжной премудрости, а въ живомъ источникѣ личнаго опыта и практическихъ соображеній. Дѣлите сутки на три равныя части: восемь часовъ отдавайте сну, по стольку-же труду и отдохновенію, то-есть прогулкѣ, разсѣянію, легкому чтенію. Работайте утромъ пять и вечеромъ не больше трехъ часовъ, возобновляя силы къ вечернему занятію двухъ-часовымъ сномъ послѣ обѣда, но не садясь къ письменному столу тотчасъ послѣ этого сна: необходимо освѣжиться прогулкою на воздухѣ часъ, другой—и работа пойдетъ какъ нельзя лучше! Послѣ труда продолжительнаго и головоломнаго, нѣсколько дней не берите пера въ руки, фланерствуйте, развлекайтесь, любезничайте, если есть съ кѣмъ. Лѣтомъ, при возможности, уѣзжайте подальше изъ города, въ деревню, свою или пріятельскую... курите умѣренно *хорошій* табакъ... не говоримъ, не объѣдайтесь и не пейте лишняго, потому-что вы порядочный человѣкъ, и сами знаете остальное, дополняемое и развиваемое, между прочими медицинскими твореніями, и умною книгою г. Иноевса. Кое-какія въ ней повторенія, неясности и недосказанности, да тяжеловатый, несовсѣмъ правильный языкъ, не должны и не могутъ мѣшать распространенію ея полезныхъ наблюденій и совѣтовъ...

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Переѣздъ съ дачъ и загородье осенью. — Эпилогъ лѣтняго сезона. — Темнота въ садахъ и балы съ иллюминаціей. — Новое изданіе одной изъ арабскихъ сказокъ, въ картинѣ безъ текста. — Поздній и неудачный пріѣздъ графа Монте-Кристо. — Кометы, старая и новая — Сентябрская гроза и буря. — Полтъ и критикъ. — Невскій-проспектъ и Пассажъ — Магазины вообще и книжные въ особенности. — Опера, балетъ и драматическіе театры. — Рашель, Лагранжъ, Кальцорали и Роза Гиро

—

Свершилося, и часъ ударилъ роковой!
Земля и небеса угрюмо потемнѣли;
Борей и Аквилонъ, обычной чередой,
Съ дождемъ и вѣтрами на сѣверъ налетѣли.
Потухли огоньки подъ сѣнію деревъ,
Шумящая взвилась въ послѣдній разъ ракета,
Цыганскихъ таборовъ умолкъ живой напѣвъ...
Гдѣ зелень, гдѣ цвѣты? Какъ небывало лѣта!

О Борет и Аквилонѣ, въ самодѣльномъ эпиграфѣ этомъ, упоминается не «ради токмо красоты слога»... По-истинѣ, то былъ самъ разгнѣванный Аквилонъ! Вы помните ночь съ 20-го на 21-е сентября... Нева выступала изъ береговъ, гранитные оплоты едва удерживали воду въ городскихъ каналахъ, и кое-гдѣ волны ея уже взбѣгали на улицу, бойкою струею прокрадывались въ подвалы, между-тѣмъ, какъ поэты, безопасные на чердакахъ, восхищались «грознымъ явленіемъ природы», прислушиваясь къ сильнымъ порывамъ и страшному вою морскаго вѣтра, который, казалось, срывалъ желѣзныя крыши съ огромныхъ домовъ, и заставлялъ трещать двойныя рамы въ окнахъ, украшенныхъ поблекшими розами и увядшею резедой...

Тѣмъ не менѣе, въ этотъ самый вечеръ, 20-го числа, назначались послѣднія увеселенія на минеральныхъ водахъ, прощальные звуки усталыхъ скрипокъ, для заключенія лѣтняго сезона, какъ сказано было въ узенькой, немногословной афишѣ, имѣвшей какой-то плачевный, рыдающій видъ... Но надобно разсказать все по порядку, съ того времени, когда прервалъ свои загородныя сказанія пріятель нашъ Павлуша, съ которымъ мы познакомили читателя въ повѣсти-фельетонѣ предъидущей книжки «Пантеона». Помнится, джентльменъ этотъ остановился на «праздникѣ» *четырехъ временъ года*... но время шло, не останавливаясь, настала осень, и «Воды», по-обыкновенію, не жалѣли огня и пороха, чтобъ блеснуть и надымить подъ-конецъ на-славу...

Во вторникъ, 25-го, и въ воскресенье, 30-го августа, въ пользу сперва цыганъ, а потомъ труппы арабовъ-кабиловъ: Гуссейна, Гаджи, Абдъ-Эль-Кадера, или Афидъ-Бенъ-Кадера, что, по-восточному, не составляетъ большой разницы, Ибрагима-Бенъ-Магомеда, Баркъ-Ахмеда и Милудъ-Бафуса, и режиссера-драгомана этой труппы, г. Дормонда, данъ былъ «великолѣпный *воинственный* праздникъ» (подлинныя слова печатнаго объявленія), съ особо-придуманною иллюминаціей и точно роскошнымъ фейерферкомъ. Къ извѣстной декораціи «турецкой крѣпости» прибавили «корабли», взяли и сожгли ихъ, вмѣстѣ съ крѣпостью, которая, однакожъ, не смотря на страшный взрывъ, осталась со всѣми принадлежностями цѣла, для повтореній этихъ бенефисовъ. Иллюминація соотвѣтствовала требованіяхъ Марса и Беллоны. Бенефиціанты-арабы представляли на эстрадѣ *два часа въ горахъ Атласа*, изумляли двойными и тройными сальто-мортале, *гепантскими* играми, скачками чрезъ массивный камень-траплинъ и двѣнадцатью пирамидами, которыя носилъ на могучихъ плечахъ своихъ атлетъ-Гуссейнъ. При всемъ однообразіи этой отчаянной гимнастики, повторявшейся цѣлое лѣто, она находила еще и зрителей, и хвалителей. Неизмѣнные почитатели хора московскихъ цыганъ ненаглядно смотрѣли въ залѣ живую картину ихъ «табора», хотя они съ-роду въ таборахъ не живали... А когда Лиза и Маша запѣли: «Ходитъ вѣтеръ у воротъ» и «Безъ ума, безъ разума» (романсъ кн. Трубецкаго), меломаны безъ ума въ восторгѣ расходились...

Этотъ праздникъ такъ понравился публикѣ, что его возобновляли почти ежедневно до 5-го сентября, ознаменованнаго блистательнѣйшею затѣей неугасимыхъ «Водъ», предназначенною въ пользу самого виновника лѣтнихъ загородныхъ усладъ, въ пользу самого *Ивана Ивановича* (г на Излера нынче иначе и не называютъ, такъ онъ сдѣлался любимъ). Въ утро этого достопамятнаго дня, намъ принесли исполинскую афишу, покрывшую почти весь письменный столъ нашъ. Многіе ахнули отъ изумленія и чуть не померли со смѣха. Возвѣщалась «прогулка по волшебнымъ садамъ Алладина, или глава изъ разсказовъ султанши Шехеразады». Декораторъ Фохтъ истощилъ все свое поэтическое вдохновеніе, чтобъ угодить, «доказать свое усердіе» бенифиціанту и снискать «благосклонное вниманіе и лестное одобреніе публики». Всѣ книжныя лавки забросаны были требованіями арабскихъ сказокъ. Каждый хотѣлъ явиться на «Воды» съ запасомъ приличныхъ «прогулкѣ» свѣдѣній. Изучали предисловіе Галлана къ первому изданію его перевода «Тысячи и одной ночи», введеніе Эдуарда Готье, одного изъ послѣднихъ издателей этой чудной книги и комментаріи Косеня-де-Персеваля къ ея продолженію; наскоро пересматривали самыя

сказки: «башмачника и царевну, дровосѣка и генія, наказаннаго визиря, попугая, пять госпожъ багдадскихъ, исторію Амины, Синдбада-моряка, трехъ яблокъ, горбатаго карла, жида-лекаря, повѣствованія брадобрѣя и шестерыхъ его братьевъ», — перевертывали страницу за страницей, и покамѣстъ добрались до Алладина, пришла пора скакать въ волшебные салы его... Здѣсь надлежало бы положить перо, взять кисть иль лиру, но, не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, приходится съ прискорбіемъ ограничиться бѣдною, жалкою прозою... Терасса главной площадки, помѣщеніе оркестра, эстрады и всѣ части сада убрались, украсились неизобразимо и, если вѣрить программѣ, «осуществляли предъ взорами посѣтителей тѣ чудеса, которыми преисполнены описанія оныхъ садовъ Алладина, одного изъ извѣстнѣйшихъ и популярнѣйшихъ героевъ тѣхъ сказокъ». Среди разлива декорацій возвышался «храмъ добраго генія»; уродливые карлы, скрываясь въ своихъ пріютахъ, неусыпно стерожили его движенія, между тѣмъ какъ онъ, сказать правду, не двигался съ мѣста и не обнаруживалъ ни малѣйшаго къ тому покушенія, Повильонъ музыкантовъ Іогана Гунгля, разыгрывавшихъ страстныя мелодіи, призывавшія къ нѣгѣ и сладостному томленію подъ покровомъ теплаго пальто съ бобровымъ воротникомъ, обращенъ былъ въ «индійскую пальмовую хижину», а въ глубинѣ площадки—тоже надо сказать правду—чрезвычайно привлекательно, въ переливахъ тысячи огоньковъ и цвѣтовъ, отражаемыхъ и безконечно продолжаемыхъ скрытымъ зеркаломъ,—мелькала, искрилась, трепетала «таинственная съ волшебною лампою пещера», постоянно озаряемая краснымъ бенгальскимъ дымкомъ. Что касается «колоссальной» люстры и осьми мѣньшихъ, промежъ которыхъ пролетали блудящія искры, то это были старыя знакомки, нѣвредимо сохранившіяся отъ пресловутой «босфорской ночи». Первая площадка соединялась со второю «живописными восточными воротами», съ немудреною впрочемъ живописью, а большая эстрада претендовала изобразить «великолѣпный дворецъ съ величественною галлерею и колоннадами». Насупротивъ его, среди зеленыхъ пальмъ, красовался грозный великанъ или чародѣй Мограбинъ, вблизи своего яко бы *замка*, утопавшаго будто бы въ *огненномъ морѣ*, «покрытомъ разными чудовищами, осаждавшими *логовище* этого волшебника» (не звѣря-ли?). Отдаленный прудъ также не остался безъ освѣщенія и декорацій, въ которыхъ памятливые посѣтители узнавали потертые рисунки прежнихъ «праздниковъ»; единственною тутъ новостью было огромное водяное растеніе «*Викторія-регія*», причемъ афиша объясняла, что на объемистыхъ листьяхъ его «спокойно и безопасно можетъ помѣститься въ любомъ положеніи ребенокъ»,—однакожъ и дѣти не находили этого ни забавнымъ, ни остроумнымъ. Но дѣти и взрослые

съ удовольствіемъ и любопытствомъ смотрѣли заключительный фейерверкъ... изъ «*пучинъ*» огненнаго моря показался добрый геній, призывавшій чудовищъ на «*штурмъ*» замка Могграбинова, и чудовища, извергая «*глыбы*» пламени, пожрали и разрушили сей злокачественный замокъ. Къ довершенію наслажденія, всѣ участники увеселеній на Водахъ, со всѣмъ ихъ репертуаромъ, старались въ этотъ вечеръ превзойти другъ-друга въ угожденіи хозяину-бенефиціанту. Замъ даромъ отперъ свой звѣринецъ, кормилъ льва и змѣй; Спози, на театрѣ маріонетокъ, давалъ новыя сцены; кабилы прикидывались степными бедуинами; Бекеръ, съ труппою гимнастиковъ, возсоздавалъ олимпійскія игрища; Флейшеръ впервые показывалъ свою Миссиссипи эфектно *освѣщенною* лучами дня и *сумракомъ* ночи, и еще не вѣсть что, чего не перескажешь на десяти страницахъ...

Казалось бы, довольно для удовольствіи и смѣха ради! Но, нѣтъ, истый чародѣй Водъ, передъ которымъ Алладинъ и Могграбинъ просто пигмеи, непстощимъ въ изобрѣтеніяхъ! Онъ желалъ покончить, завершить свой сезонъ зрѣлищемъ сколько замысловатымъ, столько же интереснымъ, невиданнымъ, хотя и слыханнымъ—онъ зналъ, угадывалъ, чѣмъ можно еще затронуть, подстрекнуть *охладѣвающее*, пресыщенное вниманіе большинства, нѣкогда восхищеннаго не восточною, но, почище восточнаго, пестрою сказкою французскаго романиста. И вотъ 13-го сентября вылетѣла изъ типографіи г. Глазунова новая афиша, далеко не огромная, зато далеко превосходившая всѣ прежніе вымыслы богатаго воображеніемъ и смѣтливостью г. Излера. Толико извѣстный, обошедшій весь читающій свѣтъ, отъ кабинетовъ до лакейскихъ, отъ будуаровъ до дѣвичьихъ, романъ Александра Дюма, уже погружающійся въ Лету, долженствовалъ хоть на-мгновеніе оживиться въ волшебныхъ струяхъ новодеревенскихъ минеральныхъ водъ, искусственныхъ и дешевыхъ, какъ фантазія новѣйшаго сказочника... Короче, въ пользу декоратора Фохта, объявленъ былъ наивеликолѣпнѣйшій праздникъ, подъ названіемъ «Одинъ изъ вечеровъ на островѣ Монте-Кристо, или сокровища земли и воды». Здѣсь обѣщали олицетворить передъ вами то «соединеніе нѣги, богатства, роскоши и изящества, которыми окружалъ себя графъ Монте-Кристо, этотъ таинственный, *мечтательный* владѣтель несмѣтныхъ сокровищъ, найденныхъ имъ на своемъ островкѣ, нѣкогда пустомъ, скалистомъ, волканическомъ обломкѣ, — въ послѣдствіи же обращенномъ въ одно изъ очаровательнѣйшихъ мѣстоположеній свѣта».—Устройство праздника предполагалось въ «восточно-фантастическомъ вкусѣ, какъ болѣе всего осуществляющемъ тѣ красоты, которыми Монте-Кристо такъ щедро преисполнилъ свои владѣнія,

лежащія на гранитной скалѣ, *вздымающейся среди синихъ волнъ* Средиземнаго моря»... Какой слогъ, какое краснорѣчіе! Но что значатъ слова въ-сравненіи съ тѣмъ, что мы должны были увидѣть? Насъ хотѣли перенесть не воображеніемъ, не во снѣ, а на самомъ дѣлѣ, въ какой-то баснословный «храмъ съ жертвенникомъ и курящимся на немъ *гадчи* (то-есть *хачи* или *хашишъ* — hatchi), составомъ, секретъ котораго принадлежалъ единственно только Монте-Кристо»; раскинутъ передъ нами живописный пальмовый павильонъ съ простирающимися отъ него благоухающими гирляндами живыхъ цвѣтовъ и колеблющимися разноцвѣтными тканями, безъ-сомнѣнія драгоцѣнными, копѣекъ по десяти за аршинъ. Все это вмѣстѣ должно было образовать «*сплошную палатку*», убранную статуями, арками съ пестрыми маркизами, и разною разностью, дивно иллюминованною, между тѣмъ какъ въ прозрачной глубинѣ виднѣлась бы «таинственная пещера—казнохранилище» новаго креза. Большую арку, соединяющую площадки, хотѣли убрать «серебряною и золотою парчею», а большую эстраду превратить въ миѳологическій «дворецъ съ хранящимися въ немъ богатствами и сокровищами, добываемыми изъ *нѣдръ* земли и *пучинъ океановъ*»; разбросать тамъ «*самородки*» серебра и золота, развѣсить нити жемчуга и коралловъ, разсыпать драгоцѣнные камни», все это ни по чемъ, какъ будто-бы песокъ и булыжникъ;—насупротивъ же сказочнаго дворца поднять «огромную звѣзду, съ блестящими въ ней алмазами, рубинами, изумрудами, сапфирами, аметистами, топазами. Была-бы тутъ, конечно, и «гора свѣта» (знаменитый алмазъ кохъ-и-пуръ)... по крайней-мѣрѣ, «на горкѣ» мечтали изобразить море, окруженное скалами и коралловыми рифами; изъ волнъ его вызвать группы нимфъ, которыя, въ жемчужныхъ раковинахъ, приносили бы «сокровища воды». Это еще не конецъ. Въ довершеніе, вы увидѣли бы аллегорическій ликъ самого Плутуса, властителя всѣхъ богатствъ, блестокъ и диковинокъ сего суетнаго міра. Возвышаясь надъ морскими валами, онъ держалъ-бы на головѣ огромную золотую раковину, до краевъ наполненную роскошнѣйшими дарами природы. Что касается заключительнаго фейерверка, въ немъ пиротехническое искусство должно было показать чудеса невиданныя и неслыханныя. Тутъ-то, передъ вашими изумленными, невѣрующими глазами, и стали-бы, задаромъ, ни за грошъ, добывать несмѣтныя сокровища «изъ неизмѣримой глубины морскихъ пучинъ». Сперва, говорила афиша, «заволнуется, забушуетъ море, потомъ освѣтится бенгальскимъ огнемъ, и къ поверхности его дружно начнутъ всплывать звѣзды, діадемы, эсклаважи» и всевозможные мишурные уборы, столь любимые постоянными посѣтительницами минеральныхъ водъ; «вслѣдъ за

тѣмъ изъ раковинъ, несенныхъ нимфами, посыплятся *несмѣтныя* драгоцѣнности, добытыя на днѣ морей»; въ заключеніе послѣдуетъ «страшный взрывъ и изверженіе изъ раковины, находящейся на головѣ Плутуса, *всѣхъ* сокровищъ, хранимыхъ имъ съ начала вѣковъ и приносимыхъ въ даръ Монте-Кристо»... О, скажите намъ, кто сочинялъ эту вдохновенную афишу, достойную перейти къ потомству, какъ счастливое произведеніе неизвѣстнаго соперника и злаго критика Дюма? Она тѣмъ болѣе замѣчательна и, въ свою очередь, драгоцѣнна, что осталась афишей безъ спектакля...

Да, въ тѣ самые часы, когда половина Петербурга собиралась насладиться зрѣлищемъ этихъ чудъ чудныхъ, дивъ дивныхъ, послышались вдругъ отдаленные удары поздняго грома, и по стекламъ двойныхъ оконъ ежеминутно пробѣгали неуловимые, но прелестные отблески блѣдныхъ осеннихъ молній. Вдали разыгрывалась величественная гроза, крупный ливень шумѣлъ на улицахъ петербургскихъ, между деревьями печальныхъ садовъ дачныхъ, и сколько разъ послѣ того ретивыя «Воды» не публиковали о своемъ островѣ Монте-Кристо, — новая непогода, новое ненастье никому не позволяли ѣхать на острова: значительныя, вѣроятно, издержки по устройству несостоявшагося «праздника» потратились напрасно, представляя впрочемъ сто первое доказательство неутомимаго усердія г. Излера и щедрой готовности его всевозможно забавлять петербургскую публику... Ей было уже не до того, она торопилась перебраться въ городъ, и только немногіе любители природы медлили покидать лѣтнія жилища, гдѣ по утрамъ и въ полдень сохранялась еще нѣкоторая привлекательность, но съ наступленіемъ сумерекъ все окрестъ становилось мертво и пустынно...

Въ Павловскѣ собственно-лѣтнія удовольствія прекратились гораздо ранѣе, именно 29 августа, бенефисомъ Іосифа Гунгля, называвшимся «Ночь у подошвы горы Везувія», съ декораціей богатаго итальянскаго палаццо и огненною лавою, которая вытекала изъ кратера волкана и грозила залить сосѣднія съ нимъ виллы и селенія. Г. Вальцъ, по-обыкновенію, устроилъ все это превосходно, такъ что въ сущности ничто не было залито или разрушено, кончилось благополучно картинною иллюминаціей и замысловатымъ фейерверкомъ...

Благотворительность, не оскудѣвая въ своихъ похвальныхъ приношеніяхъ, старалась соединять ихъ съ удовольствіемъ для приносителей, чтобы не тяжелая жертва послѣднихъ дѣлалась совершенно нечувствительною. Такимъ образомъ, въ томъ же Павловскомъ воксалѣ, происходили: 22 августа *большое вечернее празднество*, въ пользу школы, учрежденной въ С.-Петербургѣ для бѣдныхъ сиротъ, а 1-го сентября

балъ, имѣвшій прекрасною цѣлію вспоможеніе неимущимъ города Павловска, причемъ талантливый Вальцъ съ большимъ вкусомъ убралъ залу воксала, гдѣ собралось отличное общество, блистали молодость и красота, и продолжались до глубокой ночи танцы, подъ стройные звуки согласнаго оркестра Іосифа Гунгля. Въ выраженіе благодарности за музыкальныя наслажденія, которыя, въ продолженіе цѣлаго лѣта, доставлялъ онъ многочисленнымъ диллетантамъ, другой, уже лично въ его пользу, балъ данъ былъ тамъ же 18-го числа, и за тѣмъ въ слѣдующіе вечера они не переставали еще собираться послушать впослѣдніе любимаго капельмейстера...

Давно, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ концахъ, умолкло суетливое загородье; затихли и безъ того тихіе танцовальные вечера въ Полюстровѣ, опустѣла Кушелевка; повергліись въ мракъ и унынie оставленные домики близъ Лѣснаго-института; дѣвица Александрина перестала плясать въ новой Троѣ или Дарданѣ; сосѣдній Монплезиръ не представлялъ уже никакого удовольствія своей невзыскательной публикѣ, и въ его Марьиной рощѣ, въ выгодный замѣнъ хриплыхъ скрипокъ, гудѣлъ сырой вѣтеръ, сердито потрясая полуобнаженными вѣтвями смокшихъ деревьевъ—все присмирѣло за городомъ—одна лишь Новая-деревня еще не уставала, упорно продолжая свои «большіе музыкальные и увесѣлительные вечера». Ненастье не позволило ослѣпить сокровищами Монте-Кристо, такъ придумали тамъ концертъ-прогулку въ залахъ, «въ пользу дѣвицы Натальи Шиллингъ»,—и не было бы, статься можетъ, конца выдумкамъ на Водахъ, еслибъ буря 20-го числа не положила естественнаго конца лѣтнему сезону. Въ шесть часовъ вечера поданы были первые сигналы о прибыли воды въ Невѣ, и къ полуночи она поднялась до семи футовъ; пушечные изъ Главнаго Адмиралтейства выстрѣлы возобновлялись каждую четверть часа. Къ четыремъ буря унялась, но въ Галерной-гавани вода кое-гдѣ еще стояла на улицахъ, и утромъ 21-го, по Большому-проспекту Васильевскаго-острова, она доходила до Косой-линіи, и со взморья пригнала къ Офицерской большое двухмачтовое судно. Легко вообразить, какую тревожную ночь провели обитатели нижнихъ ярусовъ и запоздалые дачники въ своихъ зыбкихъ лачугахъ. На другой и въ слѣдующіе дни потянулись въ городъ остальные обозы съ дачъ, гдѣ напослѣдокъ дѣлать было уже нечего, потому что старая комета, о которой говорили мы въ «Вѣстникѣ» осьмой книжки «Пантеона», скрылась, а новая, какъ слышно, явится не ранѣе 1858 или 1862 года Такъ, по-крайней-мѣрѣ, полагаетъ англійскій астрономъ Гиндъ. По его мнѣнію, эта новая будетъ несравненно больше нынѣшней, которая тоже была не изъ *мелкихъ*, если вѣрить измѣре-

нію г. Гинда. Разстояніе ея отъ земли $\frac{17}{29}$ августа равнялась 80 милліонамъ англійскихъ миль; 8000 тѣхъ же миль приходится на діаметръ свѣтящагося ядра ея, что̀ составляетъ почти величину земнаго діаметра. Но, что всего ужаснѣе, это хвостъ такъ тихо недавно пронесшейся надъ нами кометы: длина его—4,500,000 а ширина 250,000 миль! Луна втрое ближе отъ земли... По исчисленію Тулузскаго астронома Пети, съ полудня $\frac{13}{25}$ августа до семи часовъ утра $\frac{21\text{ августа}}{2\text{ сентября}}$ скромная комета пробѣжала 14,000,000 лье, то есть по 1,550,000 лье въ *часъ*. Хвалитесь послѣ этого, о люди, своими пароходами, паровозами, аэростатами — всѣмъ, что такъ быстро переноситъ васъ нынѣ съ мѣста на мѣсто! Одни развѣ телеграфы могутъ давать нѣкоторое приблизительное понятіе объ этой непостижимой скорости бѣга таинственныхъ тѣлъ въ неизмѣримыхъ пространствахъ надзвѣзднаго міра. Обращаясь къ *кометамъ*, нельзя не повторить любопытнаго увѣренія г. Пети, что *земля* неоднократно проходила сквозь ихъ хвостъ, и даже будто-бы захватывала часть его существа или вещества, слѣдствіемъ чего бывалъ лишь густой туманъ, никому впрочемъ не причинявшій ни малѣйшаго вреда. Конечно, ни одинъ простой смертный не подозрѣвалъ доселѣ, что въ минуты этихъ особенныхъ тумановъ, обоняя ихъ, неосязательно носилъ онъ на кончикѣ носа частичку или атомъ огромнаго хвоста какой-нибудь кометы...

Въ сухую погоду, отъ двухъ до четырехъ пополудни, Невскій проспектъ кишитъ и кишитъ теперь прогуливающимися, возвратившимися съ дачъ, изъ деревень, изъ-за границы. Немногіе еще замѣшкались во своясяхъ. Между прочими, одинъ нашъ добрый и старый пріятель, богатый пензинскій помѣщикъ, никакъ не можетъ разстаться съ своими сельскими ларами и пенатами. Онъ пишетъ къ намъ о прелести мирнаго деревенскаго быта — это не новость, не интересно ни кому, и мы не посмѣли-бы упоминать здѣсь о своемъ пріятелѣ, еслибъ въ недавнемъ его къ намъ посланіи не заключалось нѣсколькихъ строкъ, которыми почитаемъ себя не въ правѣ не подѣлиться съ читателемъ. Рѣчь идетъ о любимомъ, рано потерянномъ поэтѣ... «Пенза», пишетъ нашъ пріятель, — «мѣсто рожденія и воспитанія Лермонтова и—еще одного, тоже уже покойнаго, критика-полемика. Первый покоится въ родной землѣ, въ родовомъ селѣ своемъ Тарханахъ (чембарскаго уѣзда). Надъ могилою его часовня. На мраморной доскѣ слова: М. Ю. Лермонтовъ; подъ ними означены годъ рожденія и кончины поэта. Въ часовнѣ, передъ св. иконою, теплится лампада. Въ тиши тлѣетъ прахъ автора лучшаго романа русскаго и многихъ превосходныхъ стихотвореній: но, къ чести земляковъ моихъ, скажу, что село Тарханы въ послѣдніе годы пріобрѣло извѣстность, и часто бываетъ убрана свѣжими цвѣтами гробница поэта. Вблизи домъ, гдѣ

Лермонтовъ родился и получилъ первоначальное воспитаніе. Онъ лишился матери при рожденіи, на второмъ году отца, и воспитанъ былъ бабушкой, А—ой (урожденной С—й). Мѣстная молва сохраняетъ не мало разсказовъ о его дѣтствѣ .. но еще не время писать біографію поэта. Село Тарханы принадлежитъ теперь родному дѣду его, Г. Столыпину. Родные украсили сельскій домъ—тѣмъ, что оставили въ немъ все въ томъ видѣ, какъ было нѣкогда, въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова на родину. Грустно на безвременной его могилѣ, но отрадно вниманіе, которое оказываютъ его памяти и высокому дарованію.... даже безграмотные крестьяне смутно понимаютъ, что ихъ баринъ былъ чѣмъ-то, писалъ что-то хорошее... У меня въ сосѣдствѣ степная деревня, и когда я посѣщаю ее, то каждый разъ иду на могилу поэта-земляка: въ виду ея невольно и сладостно припоминаются прекрасныя слова двухъ «молитвъ» въ его стихотвореніяхъ... Что сказать о другомъ землякѣ, критикѣ-полемикѣ? Помнятъ, что онъ былъ ученикомъ губернской гимназіи, и въ-послѣдствіи писалъ въ журналахъ, но что именно, того ни я, и никто здѣсь не помнитъ, не знаетъ. Люди мы темные. Впрочемъ, кажется, и не было ничего полнаго или дѣйствительно-замѣчательнаго»...

Въ Пассажѣ (не совсѣмъ удобенъ этотъ арабскій скачокъ изъ Пензы), какъ и на Невскомъ, опять толпа, по-осеннему, а зимою многіе фланёры будутъ тамъ охотно грѣться и дремать на скамейкахъ. Вечеръ. Яркій гасъ освѣщаетъ модные магазины, окна которыхъ заложены всѣми новѣйшими прелестями современной «индустріи» и заставлены проходящими любопытными. То гасъ, то лампы освѣшаютъ и книжныя лавки, гдѣ теперь происходитъ особенное движеніе, такъ какъ приближается время литературныхъ спекуляцій и подписки на журналы. Хозяева, прикащики, мальчики и постоянные посѣтители книжныхъ магазиновъ составляютъ исключительные, довольно интересные типы, и мы, когда нибудь, въ *общемъ* очеркѣ, чуждомъ всякой «индивидуальности», представимъ вамъ, на страницахъ этого «Вѣстника», самую добросовѣстную физіологію или характеристику сего маловѣдомаго уголка разносторонней, болѣе или менѣе полезной, столичной дѣятельности, куда рѣдко заглядываютъ санктпетербургскіе денди и модный свѣтъ... Денди и модный свѣтъ толкуютъ теперь о предстоящихъ балетахъ, итальянской оперѣ и новостяхъ драматической сцены. Дирекціей объявленъ уже составъ оперы. Новые, не бывшіе еще здѣсь пѣвцы: примадонна-сопрано, г жа де-Лагранжъ, первые теноры, гг. Кальцороли и Ноденъ, о которомъ мы упоминали въ іюньской книжкѣ Пантеона. Французскіе фельетонисты прославляютъ молоденькую танцовщицу, красавицу Розу Гиро, и свою славную Рашель,

которою, въ рисункахъ и текстѣ, наполненъ одинъ изъ новѣйшихъ нумеровъ парижской Иллюстраціи. Услышимъ, увидимъ, и о томъ, что̀ есть и что̀ будетъ на нашихъ разныхъ сценахъ, подробно разскажетъ вамъ, «по-принадлежности», театральный отдѣлъ Пантеона...

—

Итальянская опера открыта; русскій театръ въ самомъ разгарѣ; на дачахъ не остаются и запоздалые; подъѣзды городскіе освѣщены; во многихъ салонахъ уже горятъ карсельскія лампы подъ узорчатыми колпаками, и въ нѣкоторыхъ залахъ, видишь иногда, промелькнетъ пара-другая въ быстрой полькѣ или безкадансномъ вальсѣ: рѣшительно, осень наступила, вѣетъ зимой, несмотря на яркое еще сентябрское солнце. Мода слѣдитъ за движеніями общества: дамскіе наряды всѣ приняли характеръ болѣе или менѣе зимній: легкіе мусселины, тонкія шелковыя матеріи замѣнились тяжелыми шелками, шляпки покрылись атласомъ, городскія мантильи наслѣдовали прихотливымъ лѣтнимъ богемкамъ, цыганкамъ, тальма и проч.

Вотъ новѣйшіе, изящнѣйшіе наряды:

1-й *нарядъ*. Шляпка сборчатая, атласная, бѣлая, съ накидкой, въ родѣ платочка, обшитой богато блондою. Подъ полями цвѣты: у подвязушекъ банты. Платье дама̀, съ двумя затканными воланами. Широкій, отложной воротничекъ, adélaide; сборчатая мантилья изъ темнаго атласа, наверху сверхъ плечъ кокетка, которая придерживаетъ сборки. Мантилья въ два ряда обшита широкимъ чернымъ кружевомъ, повыше котораго бѣжитъ гарнитура изъ аграманта. Костюмъ солидный и очень дорогой.

2-й *нарядъ*. Прическа à la Марія-Стюартъ, съ легкимъ вѣнкомъ изъ мелкихъ розъ. Платье изъ шелковой матеріи съ полосками. Юбка, очень широкая, но совершенно гладкая. Корсажъ спереди совсѣмъ открытый: только узенькая берта, обшитая узкимъ кружевомъ, сбѣгаетъ съ обоихъ плечъ къ поясу. Грудь прикрыта тюлевой модести, сверхъ которой нашита въ пять рядовъ сборчатая лента, подъ цвѣтъ платья. Рукавчики короткіе, едва замѣтные. Перчатки съ браслетками изъ лентъ. Скромный, но прелестный бальный нарядъ.

3-й *нарядъ*. Шляпка атласная, гладкая, отдѣланная широкими блондами, около полей и вокругъ тульи; на боку букетъ. Капотъ на ватѣ для прогулки изъ плотной шелковой матеріи; въ таліи и около обшлаговъ обшитъ чернымъ кружевомъ. На груди длинные банты изъ бархатной ленты à la bajadère. Такой-же лентой обшиты рукава.

4-й *нарядъ*. Шляпка изъ гофреннаго гро де-напля. Поля очень откинутыя, съ вырѣзками кругомъ. Подъ полями и съ боковъ цвѣты и зелень. Подвязушки очень широкія. Платье гласе, съ тремя широкими воланами, вырѣзанными фестонами и зубчиками. Корсажъ съ мыскомъ напереди, и на верху съ вырѣзкою. Рукава по локоть, раструбами, оканчивающимися также двумя фестонными воланами. Все платье, надъ воланами, корсажъ и перехваты рукавовъ, отдѣланы буффами изъ той же матеріи. Подрукавники кружевные. Довольно длинныя перчатки и браслеты изъ бархата. Шемизетка тюлевая.

5-й *нарядъ*. Шляпка сборчатая изъ атласныхъ и гроденаплевыхъ лентъ. Кругомъ, подъ полями, гирлянда цвѣтовъ. Съ боку букетъ. Платье изъ моаръ-антикъ. Корсажъ спереди съ вырѣзкою до самой таліи, въ видѣ сердца; на юбкѣ одинъ, чрезвычайно широкій, воланъ, прихваченный къ платью уборкою изъ ленточныхъ буффовъ. Мантилья бѣлая, обшитая рюшемъ изъ лентъ и широкимъ кружевомъ. Шемизетка доверху, вышитая и отороченная мелкимъ кружевомъ. Мантилья напереди скрѣпляется бантомъ. Прекрасный костюмъ для выѣздовъ.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ.

Комедія-Водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ.

Г-жи ТАЛЬЦЕВОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МАКАРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ДУБКОВЪ.
АРКАДІЙ, сынъ его.
МАТРЕНА СЕМЕНОВНА, ихъ родственница.
ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ДУБКОВЪ.
АЛИНА ЗАЛѢСИНА, его племянница и сирота.
ЛУКЕРЬЯ, ея няня.

(Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ; въ первомъ отдѣленіи у Макара Гавриловича Дубкова, во второмъ у Петра Ивановича).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

—

I.

ДУБКОВЪ ходитъ разсерженный взадъ и впередъ по комнатѣ. **МАТРЕНА СЕМЕНОВНА**, сидитъ на диванѣ съ работой.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, батюшка мой, Макаръ Гавриловичъ, никогда еще не видала я тебя въ такомъ расположеніи!.. Что съ тобой случилось, батюшка мой? Съ лѣвой ноги, что ли, изволилъ сегодня съ постели ступить? или прогнѣвалъ тебя кто, батюшка мой? Что съ тобою? Скажи на милость.

ДУБКОВЪ. А то со мной, что я сердитъ. (*толкаетъ стулъ*).

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Вижу, вижу, мой батюшка! Да на кого же это ты изволишь сердиться?

ДУБКОВЪ. На весь свѣтъ, Матрена Семеновна... Я сердитъ на всѣхъ, и на себя, и на васъ, и на людей моихъ, и на кучера, и на дворника, и даже вотъ на прохожихъ, которые шатаются на улицѣ. (*подходя къ окну*). Хороши они! Ну, зачѣмъ они тамъ ходятъ? Ну чего они тамъ въ грязи ищутъ? тфу! вотъ праздность здѣшняя-то! вотъ петербургская-то праздность!.. куда ни посмотри, вездѣ люди. Зачѣмъ не сидятъ дома? да хоть бы мужики по улицамъ ходили, такъ нѣтъ! и дворяне туда же? барское ли дѣло пѣшкомъ-то ходить?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Послушай, Макаръ Гавриловичъ! Не даромъ ты сегодня такъ горячишься, ко всему и ко всѣмъ изволишь придираться; видно у тебя, батюшка ты мой, на душѣ не спокойно, видно тебя кто прогнѣвалъ; ужъ не Аркадій ли Макаровичъ предъ тобой провинился? Что?.. молчишь? видно угадала. (*вздыхая*). Что дѣлать,

батюшка ты мой! дѣтокъ посылаетъ намъ Господь и на утѣшеніе, и на испытаніе. Ну, да молодъ еще! Что жъ, онъ видно огорчилъ тебя сегодня?

ДУБКОВЪ. Ну, огорчилъ, довольно съ васъ? огорчилъ онъ меня негодный!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*въ сторону*). Смерть какъ хочется все вывѣдать. (*громко*). Что жъ онъ, батюшка, поигрывать изволитъ?

ДУБКОВЪ. Куда ему! Онъ картъ и въ руки не беретъ, еще бы поигрывалъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Такъ видно мотать изволитъ, разоряетъ тебя, батюшка мой, щеголять видно любитъ?

ДУБКОВЪ. Какое щеголять! Я радъ былъ бы еслибъ онъ щеголялъ, мы всѣ, бывало, мотали да щеголяли!.. въ этомъ стыда нѣтъ никакого. А онъ срамитъ меня, просто срамитъ.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да чѣмъ же, батюшка мой?

ДУБКОВЪ. А тѣмъ, матушка моя, что онъ изъ-подъ тишка изволитъ писать, да еще печатаетъ; ей-Богу печатаетъ! Я ему сколько запрещалъ, а онъ, безсовѣстный, не слушается, пишетъ себѣ, такъ вотъ и пишетъ! и имя свое выставляетъ, а при мнѣ отпирается!.. Вотъ до какого я дожилъ стыда! Мой сынъ, родной мой сынъ въ писаки полѣзъ, посудите сами!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ну, грѣха тутъ нѣтъ большаго, а конечно, оно занятіе не совсѣмъ... не знаю какъ сказать... не совсѣмъ того...

ДУБКОВЪ. Ну, да! вотъ и я говорю, что оно не совсѣмъ того!.. Что, просто дрянь дѣло, да и только! А мой Аркадій Макарычъ вбилъ себѣ въ голову для журналовъ писать. Я въ первый разъ случайно увидѣлъ его имя въ книгѣ, а теперь самъ стараюсь ловить его; и что же вы думаете? Рѣдкій мѣсяцъ не отыщу гдѣ нибудь статьи подписанной: *А. Дубковъ*. Вотъ, Матрена Семеновна, отчего онъ и жениться не хочетъ.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА (*испуганная*). Какъ, батюшка, и жениться не хочетъ?

ДУБКОВЪ. Я его давно уговариваю жениться... Вѣдь двадцать пять лѣтъ человѣку, а все не женится! Я его и просилъ, и приказывалъ ему... ничего не помогаетъ! Да и не мудрено, коли у него глупости однѣ въ головѣ! Сегодня я читаю журналъ, опять вижу какую-то статью, подписанную его именемъ, а вѣдь негодяй, всегда отпирается.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да вотъ онъ самъ никакъ сюда идетъ.

ДУБКОВЪ. Я ему прочитаю нравоученіе, еще разъ добромъ попробую!

II.

ТѢЖЕ АРКАДІЙ вбѣгаетъ и поетъ.

Мы живемъ чтобъ веселиться!
Мы живемъ, чтобы любить!
Долго ль юношѣ влюбиться?
Всѣ заботы позабыть?
Я люблю!.. Чего жъ мнѣ надо?
Грусть умчалась далеко!
Въ сердцѣ вѣчная отрада,
На душѣ теперь легко!
Жизнь полна очарованій!
Жизнь—какъ вѣчная весна,
Свѣтлыхъ, чудныхъ упованій
И поэзіи полна!

ДУБКОВЪ (*принимая важный тонъ*). Послушайте, милостивый государь!

АРКАДІЙ (*весело*). Ахъ, папенька! Вы здѣсь! извините, я васъ не видалъ! Матрена Семеновна, мое почтеніе; я прямо со службы, то-есть, не совсѣмъ прямо, потому что обѣгалъ послѣ того весь городъ.

ДУБКОВЪ. Послушайте, милостивый государь, я хочу съ вами поговорить. Аркадій! Я хочу испытать сперва ласку и доброту, а если они не помогутъ, тогда не прогнѣвайтесь, сударь!

АРКАДІЙ (*садясь на стулъ, потомъ соскочивъ и опять садясь*). Вамъ угодно поговорить со мной?

ДУБКОВЪ (*удерживаясь*). Да, сударь, да, мой другъ... Ты знаешь, что я добръ и ласковъ, но, но видишь ли мой другъ, я долженъ сказать тебѣ, что ты глупъ!

АРКАДІЙ (*вставая*). Помилуйте! (*садясь*). Я не смѣю спорить!

ДУБКОВЪ (*горячась*). Да, ты глупъ и не послушенъ, ну, а впрочемъ ты добрый малый...

АРКАДІЙ. За что же вы на меня гнѣваетесь?

ДУБКОВЪ. Я спрашиваю у тебя еще разъ, зачѣмъ ты не женишься?

АРКАДІЙ (*сконфузясь*). Зачѣмъ?.. зачѣмъ? я не могу... я рѣшительно не желаю...

ДУБКОВЪ. Отвѣчай мнѣ: зачѣмъ ты не женишься?

АРКАДІЙ. Да такъ... призванія нѣтъ...

ДУБКОВЪ. Отвѣчай мнѣ, непокорный сынъ, зачѣмъ ты не женишься? Я хочу, чтобъ ты женился; я предлагалъ тебѣ полъ-дюжины невѣстъ.

АРКАДІЙ. Да вѣдь это слишкомъ много! Куда я съ ними со всѣми дѣнусь!

ДУБКОВЪ. Отвѣчай мнѣ дѣльно, отвѣчай мнѣ откровенно! Зачѣмъ ты не женишься на одной изъ этихъ дѣвушекъ?

АРКАДІЙ. Потому-что онѣ мнѣ не нравятся!

ДУБКОВЪ. Ты мнѣ не хочешь отвѣчать? Такъ слушай же: я, я скажу тебѣ, отчего ты не хочешь жениться, (*вставая*). Оттого, что ты негодяй, что ты не слушаешь моихъ увѣщаній, не хочешь думать о дѣлѣ, и набиваешь себѣ голову пустяками! Оттого, что ты поэтъ, литераторъ, писатель!

АРКАДІЙ (*вставая*). Какъ, папенька! опять эти подозрѣнія? вѣдь я клялся вамъ, что не пишу; вы не вѣрите моей клятвѣ, моему честному слову? вы не вѣрите мнѣ, такъ я лжецъ, по вашему? безчестный человѣкъ? Боже мой! да что мнѣ дѣлать, чтобъ убѣдить васъ въ моей невинности? Я, право, не въ состояніи ничего сочинить! ну, спросите, какъ я бумаги пишу? ни складу, ни ладу; смысла насилу доберешься! куда мнѣ писать!

ДУБКОВЪ. И ты смѣешь еще этимъ тономъ говорить, что начальство тобой недовольно? ай да молодецъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Не горячись, батюшка ты мой.

ДУБКОВЪ. Не приставай ко мнѣ, матушка ты моя. (*Аркадію*) Оттого ты и не можешь дѣловую бумагу написать, что у тебя въ головѣ всякій вздоръ.

АРКАДІЙ. Да я вамъ даю слово, что я давно пересталъ писать. Когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я, признаюсь, писалъ много чепухи, но тогда я и не отпирался, а теперь пера не беру иначе какъ въ департаментѣ, и тамъ оно у меня изъ рукъ валится.

ДУБКОВЪ (*взявъ со стола журналъ, открываетъ его Аркадію*). А это что, это что, видишь? и ты еще отпираешься? Ну, читай! что же ты, читать разучился? Что тутъ написано? ты видишь, несчастный, тутъ написано *А. Дубковъ!* Дубковъ! мое имя, мое имя, поставленное подъ какою-то статейкой!

АРКАДІЙ. Да я даю вамъ слово, что въ первый разъ вижу эту проклятую статью! Помилуйте, развѣ я одинъ на свѣтѣ Дубковъ? тутъ не написано Аркадій, а только одинъ А; мало ли именъ на А? Александръ, Андрей, Аполонъ, Афанасій, Алексѣй, Антіохъ, Алкидъ, мало ли ихъ!

ДУБКОВЪ. А ты, сударь, календарь, что ли? я и безъ тебя знаю русскія имена.

АРКАДІЙ. Послушайте, батюшка, вы оскорбляете меня, потому что не вѣрите ни моимъ клятвамъ, ни моему честному слову; чтоже вы скажете, если и докажу вамъ, что я правъ, если я отыщу моего

однофамильца... провались онъ сквозь землю! я отплачу ему за всѣ непріятности, которыя переношу по его милости! Но чѣмъ вы наградите меня за несправедливое обвиненіе? Согласны ли вы на условіе, если я докажу вамъ, что я не виноватъ? вы не станете уговаривать меня жениться?

ДУБКОВЪ. Согласенъ.

АРКАДІЙ. По рукамъ.

ДУБКОВЪ. По рукамъ.

АРКАДІЙ. Я вамъ признаюсь, что терпѣть не могу всѣхъ вашихъ невѣстъ.

ДУБКОВЪ. Да за что же?

АРКАДІЙ. А за то, что я уже влюбленъ.

ДУБКОВЪ. А кто тебѣ позволилъ?

АРКАДІЙ. Ахъ, папенька, вѣдь сердце не камень.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*вытирая слезы*). Голубчикъ, Аркадій Макарычъ! не гнѣвайся на него, батюшка мой.

ДУБКОВЪ. Ахъ, матушка моя, не надоѣдай мнѣ своимъ хныканьемъ! (*сыну*) Въ кого же ты влюбленъ, негодяй? кто она такая? дворянка, надѣюсь? богата? а? надѣюсь, что богата? ну, что же ты молчишь!

АРКАДІЙ (*сконфузясь*). Право, я не знаю.

ДУБКОВЪ. Да кто жъ она такая? ну, говори же! прачка, кухарка, что ли? я отъ тебя ничего добраго не жду.

АРКАДІЙ (*живо*). Постойте, батюшка, вы меня оскорбляете.

ДУБКОВЪ. Такъ говори же, такъ назови же, кто она такая, молодая ли, старуха ли.

АРКАДІЙ (*живо*). Старуха! упаси меня Богъ! нѣтъ, она молода и прекрасна.

ДУБКОВЪ. Дѣвушка?

АРКАДІЙ. Дѣвушка, волшебница, фея!

ДУБКОВЪ. Да вѣдь есть же у нея имя.

АРКАДІЙ. Вѣроятно.

ДУБКОВЪ. Да вѣдь есть же у нея и фамилія.

АРКАДІЙ. Не сомнѣваюсь... но я ни имени, ни фамиліи не знаю.

ДУБКОВЪ. Ахъ ты сумасбродъ, ахъ ты водевильный герой! вѣдь говорилъ я тебѣ, что ты глупъ! Ну, говори же, гдѣ ты ее видѣлъ? ужъ не во снѣ ли?

АРКАДІЙ. Во снѣ я ее часто вижу, но вижу ее и на яву! но объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ; теперь я бѣгу въ редакцію этого журнала, узнаю тамъ адресъ моего негоднаго однофамильца, привезу его къ вамъ—и невинность моя будетъ яснѣе дня! (*хочетъ идти*).

ДУБКОВЪ. Хорошо, ступай! (*опомнясь*) Нѣтъ, погоди! ты тамъ какъ-нибудь еще сплутуешь, подкупишь кого-нибудь!..

АРКАДІЙ. О, папенька, это ужъ слишкомъ! подумайте, каково вамъ будетъ, когда вы узнаете, что ваши подозрѣнія не справедливы.

ДУБКОВЪ (*въ сторону*). А вѣдь въ самомъ дѣлѣ стыдно будетъ! (*сыну*) Ну, ступай, ступай!

АРКАДІЙ. До свиданія! (*хочетъ идти*).

ДУБКОВЪ. Постой, постой! пойдемъ лучше вмѣстѣ.

АРКАДІЙ (*съ трудомъ удерживаясь*). Извольте! Пойдемте вмѣстѣ.

ДУБКОВЪ (*беретъ шляпу и палку*). Тебѣ не такъ скучно будетъ: вдвоемъ веселѣе.

АРКАДІЙ (*принужденно*). Конечно!

ДУБКОВЪ (*останавливась, въ сторону*). Нѣтъ, лучше одинъ пойду, у нихъ тамъ, пожалуй, какія-нибудь, пантомимы явятся. (*сыну*) Знаешь ли что, Аркадій? ты посиди-ка дома съ Матреной Семеновной, а я одинъ пойду!.. ты вѣдь усталъ, бѣдный! я достану адресъ, да и принесу сюда.

АРКАДІЙ. Я, право, не усталъ.

ДУБКОВЪ. Нѣтъ, усталъ! (*горячась*) Я тебѣ говорю, что ты усталъ!.. даже поблѣднѣлъ! (*ласково*) До свиданія, мой другъ, до свиданія Матрена Семеновна!

АРКАДІЙ. Зачѣмъ же вы сами безпокоитесь, право? пустите лучше меня!

ДУБКОВЪ (*топая ногой*). Ни съ мѣста, сударь! (*уходитъ*).

III.

АРКАДІЙ и МАТРЕНА СЕМЕНОВНА.

АРКАДІЙ (*ходитъ скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ*). Нѣтъ, это рѣшительно ни на что не похоже!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*бѣгая за нимъ*). Аркадій Макарычъ! батюшка мой.

АРКАДІЙ (*незамѣчая ее*). Я убью моего однофамильца, на дуэли убью!..

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*дергая ее за платье*). Скажи мнѣ, батюшка.

АРКАДІЙ. Ахъ, добрая моя Матрена Семеновна! извините, я совсѣмъ забылъ про васъ. Сядемте, да поговоримте. Вѣдь съ моей стороны глупо огорчаться, не правда ли?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Правда, батюшка мой, правда!

АРКАДІЙ. Я согласенъ съ вами! Все это кончится какъ нельзя лучше. Батюшка увидитъ, что онъ предо мной виноватъ; я познакомлюсь съ моей восхитительной незнакомкой,—онъ насъ благословитъ, я женюсь на ней, — мы заживемъ на славу; да, да, глупо унывать, неправда ли?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Правда, правда, мой батюшка!

АРКАДІЙ. Вотъ я люблю веселыхъ людей—какъ вы да я, Матрена Семеновна.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*въ сторону*). А вѣдь безъ старика-то здѣсь гораздо веселѣе.

АРКАДІЙ (*напѣвая*).

Мы живемъ чтобъ веселиться,
Мы живемъ чтобы любить!

Неправда ли, Матрена Семеновна?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*смѣясь*). Нашелъ у кого спрашивать! да я, батюшка, и помнить-то не помню, что такое любовь.

АРКАДІЙ. Полноте, Матрена Семеновна, вы живете, значитъ вы любите, еслибъ вы не жили, вы не любили бы... то-есть, еслибъ вы не любили, вы бы не жили... понимаете?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Понимаю, батюшка, понимаю.

АРКАДІЙ. Ну, вотъ видите, и вы любите, и я люблю. Я люблю весь свѣтъ, всѣхъ людей, исключая невѣсты, которую папенька мнѣ предлагаетъ... Но больше всѣхъ, больше всего въ мірѣ люблю я одну дѣвушку, о которой я вамъ говорилъ.

Да, я влюбленъ, судите сами,
Могу ли думать о другомъ?
Душа наполнена мечтами,
И голова идетъ кругомъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да разскажи-ка ты мнѣ, гдѣ ты ее видѣлъ?

АРКАДІЙ. Другъ мой, Матрена Семеновна, вы годами не молоды, но сердце у васъ горячее! я вамъ все разскажу.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*съ любопытствомъ*). Разскажи, разскажи, батюшка, правда твоя, что сердце у меня горячее; а какое оно въ старину бывало, у, страшно, просто!

АРКАДІЙ. Ну, теперь слушайте: каждый день, выходя изъ департамента, встрѣчаю я одного почтеннаго старика и восхитительную, милую, прелестную дѣвушку; должно быть она его дочь!.. Старичекъ

всегда молчитъ, за то она все время болтаетъ — да вѣдь какъ умно, мило! а старикъ на все отвѣчаетъ *гм!* Я каждый день встрѣчаю ихъ, иногда позволяю себѣ слѣдить за ними, подслушивать слова прелестной дѣвушки.... Ну, я, разумѣется, и влюбился въ нее. Еслибъ вы знали, какъ она умна, мила, кротка! Это видно по глазамъ ея, и она всегда краснѣетъ, когда я на нее смотрю... а я очень часто смотрю на нее!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ахъ, мой сердечный, какъ же ты ея имя неузналъ?

АРКАДІЙ. Сколько разъ пробовалъ, да невозможно! Я знаю домъ, въ которомъ они живутъ, да, домъ-то такой огромный! а слѣдить за ними до квартиры не смѣю. Разъ было взошелъ съ ними на дворъ, да она такъ на меня посмотрѣла, что я и назадъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ну, у дворника бы спросилъ.

АРКАДІЙ. Какъ не спросить! Но дворникъ грубіянъ, «мало ли здѣсь, говоритъ, стариковъ живетъ!» Я еще когда нибудь прибью этого негодяя... Но что это за шумъ?

IV.

ТѢЖЕ И ДУБКОВЪ вбѣгаетъ.

ДУБКОВЪ. Сынъ мой, обними меня! Аркаша мой, я предъ тобою виноватъ! (*цѣлуетъ его*).

АРКАДІЙ. Видите, папенька!

ДУБКОВЪ. Ну, совѣстно мнѣ, совѣстно... да я радъ!.. какъ камень съ сердца; теперь бы только женить тебя!

АРКАДІЙ (*съ испугомъ*). Помилуйте! вы мнѣ обѣщали не принуждать...

ДУБКОВЪ. Ну да, ну да, Богъ съ тобой... теперь пойдемъ къ негодному однофамильцу, я досталъ его адресъ.

АРКАДІЙ. Такъ зачѣмъ же намъ итти къ нему?..

ДУБКОВЪ. А чтобъ заставить его иначе подписывать свое имя, чтобъ никто не могъ на тебя думать!

АРКАДІЙ. Да вѣдь вы теперь знаете, что не я пишу, а до другихъ что намъ за дѣло!

ДУБКОВЪ. Я тебѣ говорю, что ты глупъ! я его заставлю подписывать свое имя и отчество, а не то, пусть онъ откажется отъ фамиліи...

АРКАДІЙ. Да вѣдь это невозможно! Вы не имѣете никакого права.

ДУБКОВЪ (*горячась*). А вотъ я имъ докажу, какое я имѣю право! да и ты, баба, забылъ, что обѣщался отмстять ему!

АРКАДІЙ. Совсѣмъ забылъ!

ДУБКОВЪ. Такъ пойдемъ же, пойдемъ!

АРКАДІЙ. Погодите, папенька...

ДУБКОВЪ. Не хочу я ждать, не хочу! онъ долженъ быть сговорчивъ, старикъ, говорятъ, такой тихій, молчаливый, живетъ съ племянницею, вотъ и адресъ.

АРКАДІЙ (*глядя на бумагу*). Ай!

ДУБКОВЪ. Ну, что тамъ опять съ тобой?

АРКАДІЙ (*Матренѣ Семеновнѣ*). Старичекъ, тихій, съ племянницею, и улица, домъ! это онъ, это онъ!

ДУБКОВЪ. Кто онъ?

АРКАДІЙ. Не ходите къ нему, папенька: это онъ, это она! это они! это ихъ домъ!

ДУБКОВЪ. Матрена Семеновна! что съ нимъ случилось?

АРКАДІЙ. Не ходите, умоляю васъ! оставьте его въ покоѣ (*беретъ отца за руку*).

ДУБКОВЪ. Да отвяжись отъ меня, сумасшедшій, я боюсь тебя!

АРКАДІЙ. Я самъ пойду; я все устрою, я вамъ говорю, что я все устрою!

ДУБКОВЪ. Послушай, братъ, ты или пьянъ, или рехнулся... отвяжись отъ меня (*хочетъ итти*).

АРКАДІЙ И МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*удерживая его*). Не ходите, не ходите.

ДУБКОВЪ (*стараясь освободиться*). Да что съ вами сдѣлалось? Провалитесь вы сквозь землю!

АРКАДІЙ. Вы вспыльчивы, мнѣ его жаль! предоставьте мнѣ самому, я все сдѣлаю осторожно, деликатно... я пойду...

ДУБКОВЪ. Нѣтъ, тутъ что-то кроется! ты меня видно надуть хочешь! видно все это сказка! Нѣтъ, братъ, стараго воробья пѣснями не кормятъ.

АРКАДІЙ. Матрена Семеновна, помогите! (*останавливаетъ отца*).

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Нѣтъ, батюшка, боюсь! неравно приколотитъ!

ДУБКОВЪ. Аркадій, оставь меня, или тебѣ прійдется плохо!

АРКАДІЙ. Дайте мнѣ слово, что вы будете ласковы съ старикомъ.

ДУБКОВЪ. Даю тебѣ слово, что наговорю ему тысячу дерзостей потому, что ты мнѣ надоѣлъ!

АРКАДІЙ. Батюшка! умоляю васъ!

ДУБКОВЪ. Ты не въ своемъ умѣ, я съ тобой не стану словъ терять. (*уходитъ*).

АРКАДІЙ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Не ходите!.. ради Бога!.. я женюсь, право женюсь, только не уходите!

ДУБКОВЪ (*за дверью*). Прощай!..

АРКАДІЙ (*съ отчаяньемъ*). Матрена Семеновна! я погибъ!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Такъ бѣги за нимъ, батюшка, все лучше какъ вмѣстѣ-то прійдете!

АРКАДІЙ. Бѣгу, бѣгу!.. (*уходитъ*).

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. А мнѣ-то что здѣсь одной дѣлать? меня такъ туда и тянетъ... Пойду-ка съ ними! (*уходитъ*).

—

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бѣдно, но чисто-убранная комната.

—

I.

АЛИНА, сидитъ у стола и пишетъ, **ЛУКЕРЬЯ**.

АЛИНА (*засыпавъ пескомъ тетрадь свертываетъ ее*). Вотъ и кончено! Сдѣлай одолженіе, нянюшка, снеси куда слѣдуетъ эту бумагу, скажи, какъ всегда, что отъ Дубкова... Только смотри, чтобъ дядюшка не поймалъ!.. Онъ сюда идетъ, ступай скорѣе, нянюшка!.. (*Лукерья уходитъ*).

II.

ТѢЖЕ И ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ДУБКОВЪ.

АЛИНА (*бѣжитъ къ нему навстрѣчу*). Вы читали, дядюшка, вы совсѣмъ не бережете глазъ, а они у васъ такъ слабы!.. Развѣ вы не знаете, что вы должны читать *моими* глазами?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*цѣлуя ее въ лобъ*). Знаю. (*Садится на диванъ*).

АЛИНА. Не угодно ли, я вамъ почитаю вслухъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Нѣтъ.

АЛИНА. Чѣмъ же вы теперь займетесь? хотите поиграть въ шашки?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Надоѣло.

АЛИНА. А въ пикетъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Не хочется.

АЛИНА. Такъ я сяду возлѣ васъ съ работой...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Хорошо.

АЛИНА (*садится возлѣ него съ работой*). А вы бы закурили трубку.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Пожалуй!

АЛИНА (*вставая*). Я вамъ ее принесу.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Послѣ.

АЛИНА. Хорошо, а теперь мы поболтаемъ, поговоримъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Поговоримъ.

АЛИНА. Я такъ рада, что вы сегодня въ духѣ, веселы, здоровы, а на той недѣлѣ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Былъ боленъ.

АЛИНА. А вѣдь вы сами были виноваты!.. вы себя такъ изнуряли занятіями!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Денегъ надо.

АЛИНА. Ахъ, Боже мой, будто у насъ мало денегъ, ради Бога не думайте о нихъ! вы только себя берегите... Я теперь такъ выучилась хозяйничать, что мы проживемъ одною пенсіей!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Не прожить.

АЛИНА. Полноте, полноте, дядюшка!.. вѣдь у насъ денегъ вдоволь; нынѣшній мѣсяцъ мы можемъ даже купить себѣ обновку.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Какую?

АЛИНА (*весело*). Вамъ нуженъ теплый сюртукъ... а мы люди богатые, можемъ позволить маленькую роскошь...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Удивительно!

АЛИНА. Ничего нѣтъ удивительнаго! я прежде не умѣла распоряжаться деньгами, а теперь выучилась... Вотъ въ чемъ заключается вся тайна нашего благосостоянія!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сюртукъ не нуженъ.

АЛИНА. Нуженъ, нуженъ! Прошу со мной не спорить, дядюшка! вамъ нужно теплое платье; у насъ въ комнатахъ иногда бываетъ холодно...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Ты все обо мнѣ!

АЛИНА. Полноте, дяденька! не стыдно ли вамъ это говорить? А кто думалъ обо мнѣ, когда я осталась безпріютная и беззащитная послѣ смерти родителей? Кто выростилъ, воспиталъ, приласкалъ бѣдную сиротку? Кто былъ ей отцомъ, другомъ, защитникомъ?

Кто велъ меня заботливой рукою,
По жизненной стезѣ?
Кто охранялъ отеческой душою,
Сиротку на землѣ?
Кто окружилъ любовью неизмѣнной
Младые дни мои?
Кто взялъ меня подъ кровъ благословенный
Отеческой любви?..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Перестань!

АЛИНА. Но что это за шумъ? Кто-то сюда бѣжитъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Странно!

III.

ТѢЖЕ и **ДУБКОВЪ** вбѣгаетъ, за нимъ **АРКАДІЙ**, **МАТРЕНА СЕМЕНОВНА** и **ЛУКЕРЬЯ**.

АРКАДІЙ (*съ отчаяніемъ удерживая отца*). Батюшка! погодите! что вы дѣлаете?

ДУБКОВЪ. Отвяжись отъ меня. Вотъ онъ! вотъ мой злодѣй!

ЛУКЕРЬЯ. Да кого вамъ надо? Пьяные, что ли вы, что врываетесь насильно къ незнакомымъ людямъ?

ДУБКОВЪ. Молчи, старуха! я съ тобою не говорю.

АЛИНА (*въ сторону*). Боже мой! это тотъ молодой человѣкъ! я узнаю его...

ДУБКОВЪ. Я пришелъ сюда ..

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Да ты рехнулся, батюшка мой!

ДУБКОВЪ. А ты сама зачѣмъ сюда прибѣжала, матушка? тебя кто просилъ?

АРКАДІЙ. Батюшка, опомнитесь!.. смотрите, вотъ и хозяева...

ДУБКОВЪ. Тѣмъ лучше. (*подходя къ Петру Ивановичу*). Вы Петръ Ивановичъ Дубковъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Я!

АРКАДІЙ. Ради Бога, не подумайте...

ДУБКОВЪ (*сыну*). Говорятъ тебѣ молчать! (*старику*). Очень радъ съ вами познакомиться... мы однофамильцы!..

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Гмъ!

АРКАДІЙ. Я не виноватъ!.. право, это не я...

ДУБКОВЪ (*топая ногой*). Ни слова больше, непокорный сынъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Объяснитесь.

ДУБКОВЪ. Мы однофамильцы... къ величайшему моему сожалѣнію!.. Вы пишете для журналовъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Писалъ.

ДУБКОВЪ. И пишете... а подозрѣніе падаетъ на моего сына, на Аркадія Дубкова, поэтому извольте впредь выставлять ваше имя и отчество, чтобъ никто не подумалъ на моего сына, или я на васъ просьбу подамъ...

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*хладнокровно показывая на дверь*). Прошу васъ!..

ДУБКОВЪ. Какъ? уйти? нѣтъ, не уйду, не уйду!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*повторяетъ жестъ*).

ДУБКОВЪ. Говорятъ вамъ, что я не уйду, пока мы не объяснимся! Будьте вы нѣмы, какъ сама Фенелла,—я заставлю васъ говорить!

АРКАДІЙ. Батюшка! батюшка! пойдемте домой! умоляю васъ.

ДУБКОВЪ. Оставь меня въ покоѣ; а вы, милостивый государь, писатель, выслушайте меня!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*Лукерьѣ*). Ступай за полиціей!

АРКАДІЙ (*въ отчаяніи*). Господи! до чего мы дожили! (*ходитъ какъ сумасшедшій по комнатѣ, Матрена Семеновна бѣгаетъ за нимъ, стараясь его утѣшить, но онъ не слушаетъ*).

ДУБКОВЪ (*горячась*). Дайте мнѣ слово, что вы перемѣните вашу подпись. Зачѣмъ вы подписываете *Азъ Дубковъ?* моего сына зовутъ Аркадіемъ.

АЛИНА. Боже мой, дядюшка все узнаетъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*выходя изъ себя*). Меня зовутъ Петромъ.

ДУБКОВЪ. Такъ кто же у васъ тутъ пишетъ? мнѣ дали вашъ адресъ... Есть у васъ сынъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*показывая дверь*). Прошу васъ!

ДУБКОВЪ. Опять? нѣтъ милостивый государь, я не уйду, не уйду и не уйду! (*садится на стулъ*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*беретъ Алину за руку*). Такъ мы уйдемъ! (*уходитъ въ сосѣднюю комнату съ Алиной, Дубковъ бѣжитъ за нимъ*).

IV.

АРКАДІЙ, МАТРЕНА СЕМЕНОВНА, потомъ **АЛИНА.**

АРКАДІЙ. Матрена Семеновна! я несчастный!.. Несчастный, пренесчастный!.. Вѣдь это она, она, она!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Никакъ батюшка твой совсѣмъ изъ ума выжилъ!

АРКАДІЙ. Матрена Семеновна!.. я сейчасъ иду топиться.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Что ты? Ахъ грѣхъ какой, Господи!

АЛИНА (*вбѣгаетъ*). Дядюшка всѣ узнаетъ! Милостивый государь, умоляю васъ уговорить вашего батюшку!

АРКАДІЙ (*внѣ себя*). Я не виноватъ!.. я радъ для васъ жизнь отдать!.. Я сейчасъ иду топиться!

АЛИНА. Что съ вами? Послушайте! я объясню вамъ все. Во всемъ виновата *я*. Эти статьи, подписанныя именемъ дядюшки, сочинены *мной*, дядюшка этого не знаетъ.

V.

ТѢЖЕ, ДУБКОВЪ и ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

ДУБКОВЪ (*немного успокоенный*). Ну, хорошо, хорошо, согласенъ! пойдемте въ редакцію!.. вы не станете больше отпираться.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Пойдемте.

АЛИНА. Все пропало!

АРКАДІЙ (*останавливая отца*). Не ходите, папенька, я вамъ все объясню.

ДУБКОВЪ (*вспыльчиво*). Опять ты? что тебѣ еще надо?

АРКАДІЙ. Батюшка! я не смѣю долѣе скрываться отъ вашего гнѣва...

ДУБКОВЪ. Что?

АРКАДІЙ. Вы видите... Вы видите предъ собой...

ДУБКОВЪ. Что? что? говори! не мучь, не терзай, говори же!

АРКАДІЙ. Васъ обманули адресомъ...

ДУБКОВЪ. Ну, еще что?

АРКАДІЙ. *Я* писалъ для журнала!

ДУБКОВЪ. Наказаніе мнѣ! Хорошо, братъ, хорошо!.. не показывайся мнѣ съ этой минуты на глаза!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Батюшка, укроти свой гнѣвъ!

ДУБКОВЪ. Не ваше дѣло до моего гнѣва, матушка! (*Петру Ивановичу*). Да-съ, виноватъ, виноватъ предъ вами но вы видите во мнѣ самаго несчастнаго отца. (*Ходитъ разсерженный по комнатѣ*).

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Не понимаю.

АЛИНА (*тихо Аркадію*). Благодарю! я этого никогда не забуду!

АРКАДІЙ (*взявъ ея руку*). Я... я невыразимо счастливъ! (*въ сторону*). А признаться, отъ папеньки будетъ мнѣ плохое житье!

ДУБКОВЪ. Такъ ты меня обманывалъ? ты лгалъ безсовѣстно? И ты смѣешь послѣ этого на меня глаза поднять? и ты не умеръ со стыда?

АРКАДІЙ. Нѣтъ еще, батюшка! и пожить мнѣ очень хочется, (*весело*). Да полноте же на меня сердиться!.. впередъ не стану, даю вамъ мое слово! Я виноватъ—и концы въ воду!.. Все прекрасно, все хорошо, и я счастливъ! (*смотря на Алину*). Я счастливъ! я на верху блаженства!

ДУБКОВЪ. Аркадій! несчастный! ты съ ума сошелъ! да что съ тобой случилось? здоровъ ли ты?

АРКАДІЙ. Здоровъ, здоровъ и веселъ, какъ видите!

ДУБКОВЪ. Погоди-ка, погоди-ка, будетъ тебѣ у меня весело! ты не думай, что тебѣ это даромъ пройдетъ!

АРКАДІЙ. А покуда успокойтесь, подите домой!

ДУБКОВЪ. А ты?

АРКАДІЙ. А я здѣсь останусь!.. если мнѣ позволятъ...

ДУБКОВЪ. Я тебѣ не позволяю!.. я съ этой минуты отъ тебя ни на шагъ...

АРКАДІЙ (*живо*). Вы шутите?

ДУБКОВЪ. Нѣтъ, братъ, я шутить не охотникъ, Въ наказаніе за твою дерзость, за твое непослушаніе, за твою неблагодарность я...

АРКАДІЙ. Вы?..

ДУБКОВЪ. Я... съ этой минуты, буду слѣдовать за тобою какъ тѣнь твоя.

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Ну, ужъ признаюсь!

ДУБКОВЪ. Не ваше дѣло, матушка; что вы все мѣшаетесь? Да, Аркадій, я буду теперь за тобой неусыпно наблюдать!. Мы теперь неразлучны...

ЛУКЕРЬЯ (*входитъ*). Батюшка, Петръ Ивановичъ! пожалуйте въ переднюю, сосѣди сбѣжались, васъ просятъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сейчасъ вернусь. (*Уходитъ съ Лукерьей*).

VI.

ТѢЖЕ, безъ ПЕТРА ИВАНОВИЧА.

ДУБКОВЪ. Скажите, онъ какъ будто ни въ чемъ не бывало! такъ спокоенъ, какъ будто дѣло сдѣлалъ! Постой-ка поэтъ, доберусь я до тебя!

АЛИНА. Позвольте, милостивый государь, я хочу поговорить съ вами,

пока здѣсь нѣтъ дядюшки. Выслушайте меня. Вашъ сынъ обманываетъ васъ.

ДУБКОВЪ. Что? какъ? опять обманываетъ!

АЛИНА. Онъ взялъ на себя мою вину, если это вина—чтобъ загладить вашу опрометчивость, которая чуть было не уничтожила мое спокойствіе. Я не считаю нужнымъ оправдывать себя, но хочу доказать вамъ, какъ необходимо мнѣ сохранить тайну, отъ которой зависитъ все наше благосостояніе.

ДУБКОВЪ. Что у васъ тамъ еще за тайна? У меня отъ тайнъ голова болитъ!..

АЛИНА (*скоро и съ жаромъ*). Дядюшка трудился всѣми силами, чтобъ доставить мнѣ воспитаніе. Я обязана ему всѣмъ. Старость и болѣзнь принудили его покинуть службу и мало по малу прекратить прежнія занятія. Мы начали испытывать нужду; въ хозяйствѣ появились недостатки, долги. Я давно уже писала въ тайнѣ,—теперь стала печатать. Съ этой минуты все время мое посвящено труду; но дядюшка этого не знаетъ и не долженъ знать. Я пишу подъ именемъ дядюшки, выставляя только первую букву моего имени. Иногда испытывала я неудачи, но не унывала—и наконецъ достигла своей цѣли. Статьи мои почти всегда приняты, и благосостояніе вновь воскресло въ нашемъ маленькомъ хозяйствѣ.

ДУБКОВЪ. Ай-да молодецъ, барышня, ей-Богу молодецъ!

АЛИНА (*весело*). И я счастлива, невыразимо счастлива! Умоляю васъ, ради всего, что вамъ дорого въ мірѣ, увѣрить дядюшку, что сынъ вашъ въ самомъ дѣлѣ пишетъ противъ вашего желанія, а я даю вамъ слово перемѣнить псевдонимъ.

ДУБКОВЪ. Извольте, извольте, на все для васъ готовъ! Да вы-то? какъ же вы-то?..

АЛИНА. О, я вполнѣ счастлива... Добрый дядюшка!

Я выразить вамъ не могу словами,
Какъ рада быть опорой я его,
Какъ сладко мнѣ усердными трудами,
Покоить старость друга моего!

Его любовь мнѣ счастье подарила,
Отъ зла меня умѣла оградить,
Его любовь всегда меня хранила,
Моя любовь должна его хранить!..

АРКАДІЙ. Что же, батюшка, что вы теперь скажете?

ДУБКОВЪ. Я скажу... я скажу... да ты самъ за меня говори, Аркадій! Не можешь мнѣ развѣ помочь?

АРКАДІЙ. А я скажу, что... что...

ДУБКОВЪ (*Матренѣ Семеновнѣ*). О чемъ вы тутъ разрюмились, слезами заливаетесь?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА (*всхлипывая*). Вѣдь сердце-то у меня...

ДУБКОВЪ (*Алинѣ*). Да вотъ, по-просту: Простите меня, и позвольте ручку поцѣловать! (*хочетъ поцѣловать ея ручку, Аркадій живо подвертывается*).

АРКАДІЙ. Нѣтъ, папенька, это ужъ мое дѣло! (*цѣлуетъ ея руку*). Извините! . Но я такъ счастливъ, что готовъ всѣхъ обнять!.. Матрена Семеновна обнимемтесь!.. (*обнимаетъ ее*).

VII.

ТѢЖЕ, и ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Сосѣди сбѣжались.

ДУБКОВЪ. А вы что же?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Отправилъ ихъ.

ДУБКОВЪ. Извините за хлопоты и непріятности... Все Аркадій виноватъ!

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Другой разъ не приходите.

АРКАДІЙ. Какъ! не приходить? нѣтъ, полноте! вы, ради Бога, простите меня и позвольте посѣщать васъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Зачѣмъ?

АРКАДІЙ (*весело*). Затѣмъ, что мы люди честные, добрые и веселые... Мы васъ полюбили, вы насъ полюбите, и все кончится благополучно. Ура! все на свѣтѣ къ лучшему. Не правда ли, Матрена Семеновна!

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Правда, правда, мой батюшка.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*глядитъ на Аркадія*). Вотъ чудакъ!

АЛИНА (*тихо ему*). Но вы полюбите этого чудака, дядюшка!

АРКАДІЙ (*отводя отца въ сторону*). Папенька! вы о другихъ невѣстахъ отложите попеченіе, а вотъ, если со временемъ вы мнѣ предложите эту невѣсту, такъ я буду счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ...

ДУБКОВЪ. Увидимъ, увидимъ! да пойдетъ ли она за тебя?

АРКАДІЙ. Какъ знать? Мое правило — надѣяться, всегда надѣяться, всегда радоваться, всегда веселиться! Неправда-ли, Матрена Семеновна, глупо унывать?

МАТРЕНА СЕМЕНОВНА. Глупо, глупо, мой батюшка!

АРКАДІЙ. Да здравствуетъ веселье, радость и любовь!

Мы живемъ, чтобъ веселиться,
Мы живемъ, чтобы любить!
Долголь юношѣ влюбиться,
Всѣ заботы позабыть?

Неправда ли, Петръ Ивановичъ?

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ (*смѣясь*). Ай да молодецъ!

АРКАДІЙ (*отцу*). Мой старикъ становится краснорѣчивъ! онъ меня ужъ полюбилъ! Одна только у меня теперь забота (*показывая на публику*).

Нашъ авторъ далъ мнѣ порученье
Судей взыскательныхъ смягчить,
И ихъ вниманье, снисхожденье
Къ *Однофамильцамъ* испросить.

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ текущаго года, непремѣнно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

—

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, *у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.*»